

ISBN 978-5-00217-635-9

Вопросы исторического и экологического регионоведения

Вопросы исторического и экологического регионоведения

Арзамас 2025

Администрация г.о.г. Арзамас Нижегородской области
Департамент культуры администрации г.о.г. Арзамас
Арзамасская централизованная библиотечная система
Арзамасский историко-художественный музей
Музей «Природа» им. С.И. Трофимова г.о.г. Арзамас
Шатковский историко-краеведческий музей

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
VI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
20–21 марта 2025 г.,
ПОСВЯЩЁННОЙ 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Издательство Эдитус
Москва
2025

УДК 908(063)

ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

В74

*Авторы и редакционная коллегия сборника выражают благодарность мэру города Арзамаса
Александру Александровичу Щёлокову за большую помощь в проведении конференции*

Рецензенты:

В.А. Сомов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

А.С. Соколов, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В.Ф. Уткина

Редакционная коллегия:

к.и.н., доцент В.И. Грубов (ответственный редактор),

к.филос.н. А.А. Исаков (научный редактор)

**В74 ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИО-
НОВЕДЕНИЯ:** сборник статей участников VI Всероссийской научно-практической конференции 20–21 марта 2025 г., посвящённой 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Адм. г.о.г. Арзамас, Деп-т культуры адм. г.о.г. Арзамас; Арзамасская ЦБС; Арзамасский ИХМ; Музей «Природа» им. С.Т. Трофимова г.о.г. Арзамас; Шатковский историко-краеведческий музей. – М.: Эдитус, 2025. – 440 с. + 24 с. ил.
ISBN 978-5-00217-635-9

В сборнике статей представлены доклады участников VI Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы исторического и экологического регионоведения», проведенной в г. Арзамасе 20–21 марта 2025 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, археологи, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, учителя и ученики школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 908(063)

ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

ISBN 978-5-00217-635-9

© Текст. Авторы, 2025

A decorative border resembling a scroll, with a vertical strip on the left and a horizontal strip at the top, both featuring rolled-up ends.

***ПЛЕНАРНЫЕ
ДОКЛАДЫ***

**«ПРОВОВЗВЕСТИК» ТУРИСТИЧЕСКОГО
«ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА РОССИИ»
ВАСИЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГЕОРГИЕВСКИЙ (1861–1923)**

Аксенова Галина Владимировна

Московский государственный педагогический университет,
д.и.н., доцент, профессор кафедры истории России,
Институт истории и политики, Москва, Россия;
Российский университет дружбы народов,
ведущий научный сотрудник кафедры истории России,
факультет гуманитарных и социальных наук
Россия, г. Москва; email: galax23@yandex.ru

Уроженец Владимирской земли В.Т. Георгиевский был одним из крупнейших знатоков древнерусского наследия, краеведом, историком искусства, открывшим миру уникальное наследие художников русского и византийского средневековья. Статья посвящена одному из важнейших аспектов его деятельности – краеведческой работе. Он стал автором первых полноценных путеводителей по древнерусским городам. Как лучший знаток старины сопровождал членов Дома Романовых и императорской семьи в их путешествиях по Центральной России. В статье дана оценка его краеведческой исследовательской деятельности и раскрыто ее значение в формировании будущего знаменитого маршрута, которое во второй половине XX в. получило название «Золотое кольцо».

Ключевые слова: краеведение; «Золотое кольцо России»; 300-летие Дома Романовых; древнерусские города; В.Т. Георгиевский; история России.

Введение

Василий Тимофеевич Георгиевский, «знаток истории и древнего русского искусства» [43, с. 246], «знаток русской старины» [16, с. 83], составил славу российской науки, открыл миру замечательное наследие художников русского и византийского средневековья каковыми являлись Дионисий и Мануил Парселлин. Но мало кому известно, что его имя тесно связано с историей формирования знаменитого туристического маршрута «Золотое кольцо», что он – автор первого путеводителя по древнерусским городам, ставших частью этого «кольца» (*приложение 1, илл. 1*).

В 1920-м г. инженер, писатель и художник С.И. Четверухин, рассказывая об этом выдающемся деятеле русской культуры, писал: «Василий Тимофеевич Георгиевский, археолог, известный искусствовед, воспитатель сыновей поэта К.Р., познакомивший Россию с фресками Ферапонтова монастыря. <...> В церкви он читал и подпевал приятным баритоном, звонил, подражая Ростовским звонам, водил в Исторический музей поклониться только что расчищенной иконе Богоматери. Говорил о старине, своих поездках и находках, людях» [10].

В.Т. Георгиевский был членом Владимирской ученой Архивной комиссии, Московского Археологического общества, Санкт-Петербургского и Московского Археологических институтов, Общества возрождения художественной Руси, Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России, Общества любителей древней Письменности, Общества Поощрения художников в Санкт-Петербурге, Киевского Историко-археологического общества, Новгородского Церковно-археологического общества, Комиссии попечительства о русской иконописи, активным участником просветительской деятельности Владимирского братства Александра Невского.

Имя и оставленное им наследие привлекают внимание ученых, в основном это искусствоведы и историки церкви. Еще при жизни исследователя-краеведа его труды оценили Н.В. Покровский, А.П. Голубцов и Н.П. Кондаков: они оставили отзывы на сочинение В.Т. Георгиевского о Флорищевой пустыни [37; 49] и на книгу о фресках Ферапонтова Рождества Богородицы монастыря [40; 44]. Статью, характеризующую научные труды и заслуги В.Т. Георгиевского, включили в свой биографический словарь издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон [17]. Авторами, к сожалению, не опубликованных некрологов, содержащих оценки деятельности и трудов В.Т. Георгиевского, стали Д.В. Айналов, Н.П. Сычёв и В.Н. Нечаев¹. В 1980-е гг. искусствовед И.Л. Кызласова, обратившись к наследию Н.П. Кондакова, уделила внимание соработничеству этих двух выдающихся ученых [45].

В 1990-е – 2000-е гг. оценку роли В.Т. Георгиевского в сохранении духовного и иконописного наследия Афона дал сотрудник Государственного Эрмитажа Ю.А. Пятницкий [50-51]. Известный искусствовед Г.И. Вздорнов в монографии, посвященной истории становления реставрации в России, высоко оценил деятельность В.Т. Георгиевского, направленную на спасение фресок Протата начала XIV в. на Афоне, назвав его труд «научным подвигом» [14, с. 31]. Он же – автор статьи в Православной энциклопедии [13], а также статьи о значении книги В.Т. Георгиевского о фресках Ферапонтова монастыря [15]. Здесь вполне уместно замечание о том, что труды ученого чаще всего вспоминают в связи с изучением

¹ Указание на рукописи этих некрологов содержится в статье Г.И. Вздорнова [13].

и реставрацией фресок Ферапонтова монастыря [15; 52], а также деятельности Комитета попечительства о русской иконописи [53].

Научный интерес к жизни и деятельности генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, и Константиновичам, возрождение Стрельнинского дворца, принадлежавшего когда-то великому князю Константину Павловичу, а затем генерал-адмиралу Константину Николаевичу и его сыновьям, стал информационным поводом для автора данной статьи для обращения к традициям воспитания и образования в его семье. Таким образом появилась возможность охарактеризовать роль В.Т. Георгиевского в истории русской культуры, участвовавшего в исторических вечерах в Павловске, в формировании общественно-исторических взглядов детей великого князя Константина Константиновича [1; 5]. В опубликованных статьях было раскрыто значение научно-краеведческого наследия В.Т. Георгиевского и показана его роль в сохранении памятников древнерусской и мировой православной культуры [3; 4; 7].

Немаловажное значение имеют реализованные в XXI в. публикации документов личного происхождения, имеющие отношение к царской семье и Дому Романовых: это, например, мемуары, дневники и письма великого князя Гавриила Константиновича, в которых содержится рассказ об особенностях путешествия по России в сопровождении В.Т. Георгиевского [16]. Роль В.Т. Георгиевского в формировании образа будущего маршрута «Золотого кольца» помогает раскрыть материал, собранный и опубликованный писателем, журналистом и художником Е.И. Вашковым, посвященный подвигу великого князя Олега Константиновича [9]. Диссертация историка, архивиста и археографа Т.А. Лобашковой посвящена источниковедческому и археографическому анализу опубликованных во вт. пол. XIX – нач. XX в. источников, связанных с Домом Романовых [48]. Она же опубликовала биографические документы членов императорского дома, в которых содержится информация о краеведческих знаниях В.Т. Георгиевского [38; 39; 42; 46; 47].

Реконструировать путь В.Т. Георгиевского к краеведению и осознанию смыслов и значения древнерусского наследия помогают мемуары русских художников, с которыми он сотрудничал и работал. Прежде всего, это личные документы величайшего русского церковного и исторического живописца В.М. Васнецова [11].

Дорога краеведа

Василий Тимофеевич Георгиевский родился 6 января 1861 г. в семье провинциального священника, служившего в Судогде. В 1881 г., по окончании Владимирской духовной семинарии, он поступил на церковно-историческое отделение Киевской духовной академии. Годы учебы (1881–1885) совпали со временем завершения строительства и началом росписи Киевского Владимирского собора. В годы учебы состоялось знакомство с В.М. Васнецовым, который несколько лет спустя охарактеризовал его как «человека, серьезно интересующегося иконописью и вообще серьезной стороной церковного дела», как «человека очень образованного» [8]¹. Выдающийся лингвист, фольклорист, историк искусства Ф.И. Буслаев назвал его своим «духовным учеником» [45, с. 158].

По окончании Киевской духовной академии В.Т. Георгиевский вернулся во Владимир и начал преподавать во Владимирском женском епархиальном училище, также он заступил на должность заведующего библиотекой и древлехранилищем Владимирского братства во имя благоверного князя Александра Невского. С возвращения на родную землю и с библиотечных трудов начинается его «активное погружение в историко-краеведческую работу» [51, с. 298]: это создание музея и библиотеки, собирание и изучение рукописных и старопечатных книг.

Исследовательская работа началась с изучения жизни и деятельности князя Андрея Боголюбского, «изменившего течение жизни русского народа <...> и выведшего на историческое поприще новую ветвь могущественного славянского племени – народность великорусскую» [31, с. 2]² (*приложение 1, илл. 2*).

¹ В год освящения Владимирского собора будет опубликована статья В.Т. Георгиевского, раскрывающая значение церковного творчества В.М. Васнецова – «проезвестника нового направления в русской религиозной живописи». [См.: 30.]

² Книга В.Т. Георгиевского, посвященная князю Андрею Боголюбскому, имела подзаголовок «Его неоценимые заслуги для Русского государства и Православной церкви». Второе, исправленное, издание увидело свет в 1900 г. и было осуществлено санкт-петербургским издателем И.Л. Тузовым. Автор и издатель дополнили книгу иллюстрациями, часть текста из примечаний перенесли в основной рассказ, расширив его и дополнив. Из названия ушел подзаголовок. Появилось и подробное, аннотированное оглавление. Ученый Комитет Министерства народного просвещения рекомендовал книгу в библиотеки средних учебных заведений [32].

В том же 1894 г. вышло другое не менее значимое для православной России исследование, посвященное Суздальскому митрополиту Илариону, – одному из основателей и строителю Свято-Успенской Флорищевой пустыни [24]¹. Позже В.Т. Георгиевский переработал, дополнил и подготовил к изданию «Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского» [25] (*приложение 1, илл. 3*).

В 1896 г. по благословению архимандрита Антония, настоятеля Флорищевой пустыни, увидело свет монографическое «историко-археологическое описание» [49, с. 1] «Флорищева пустынь» [34]. По мнению профессора Н.В. Покровского, «автор собрал относящийся к его предмету материал из рукописей и печатных изданий, привел его в стройный порядок и дал верное представление о несложной и непродолжительной истории Флорищевой пустыни» [49, с. 2]. Исследование, посвященное Флорищевой пустыни, повлекло за собой рассказ о ее настоятеле – архимандрите Антонии [18] (*приложение 1, илл. 4*).

История небольших, но значимых для русской государственности монастырей была продолжена книгами о Суздальском Ризположенском женском монастыре [33] и Вышинской пустыни [20], связанных с Евфросинией Суздальской и святителем Феофаном Затворником (*приложение 1, илл. 5*).

Тема Суздаля и наследия Суздальской Руси нашла отражение в целом ряде его статей, посвященных традициям суздальского иконописания, книжным сокровищницам, сокровищницам суздальских монастырей и царским вкладам [26–27; 29].

С издания в 1895–1898 гг. описаний собраний церковно-исторического древлехранилища Александро-Невского Братства начинается цикл исследований и публикаций В.Т. Георгиевского, посвященных раскрытию церковно-исторических и церковно-археологических собраний Владимирской губернии², и одной из коллекций ризницы Троице-Сергиевой лавры [23].

¹ Свято-Успенская Флорищева пустынь, согласно принятому до революции административному делению, входила в состав Гороховецкого уезда Владимирской губернии. В настоящее время – это территория Нижегородской области. Приложением к книге стали «Краткие сведения о состоянии Флорищевой пустыни после смерти первого ее строителя, митрополита Илариона», а именно перечень всех настоятелей пустыни, характеристика храмов и зданий, приписанных церквей и земель. [См.: 24, с. 23–32.]

² Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь...

Одним из важнейших направлений работы В.Т. Георгиевского в кон. XIX – нач. XX в. стало «деятельное участие» в решении «задачи общенациональной»¹ – организации иконописных школ в селах Мстере, Палехе, Холуе Владимирской губернии и в селе Борисовке Курской губернии. Изучив состояние проблемы развития иконописания и необходимости поддержки и профессионализации традиционных иконописных промыслов, В.Т. Георгиевский Н.П. Кондаков и С.Д. Шереметьев выступили с инициативой создания Комитета попечительства о русской иконописи, который и был учрежден Именным Высочайшим указом 19 марта 1901 г.² Со времени учреждения Комитета в 1901 и до 1914 г. В.Т. Георгиевский занимал в нем должность уполномоченного по делам иконописных школ. За короткий срок он смог добиться улучшения преподавания в иконописных мастерских Мстёры, Холуя и Палеха во Владимирской губернии [22]. «Один Георгиевский и был способен сдвинуть с места и дать движение такому огромному делу: ведь еще десятилетием ранее он сделался “своим человеком” в иконописных селах, в “царстве изогографов”» [53, с. 116] – написала И.В. Сосновцева.

В 1890-х гг. В.Т. Георгиевский занял должность инспектора киевских церковноприходских школ, в 1900 г. – епархиального окружного наблюдателя церковных школ. Он инициировал проведение краткосрочных педагогических курсов для учителей одноклассных церковно-приходских школ [28]. В 1907 г. его избрали членом Училищного совета при Святейшем Синоде, и был перевен в Санкт-Петербург. В 1912 г. В.Т. Георгиевский – сверхштатный член синодального Учебного комитета и старший помощник наблюдателя церковноприходских школ. За многолетнюю просветительскую службу при Святейшем Синоде ученого-инспектора отметили орденами: в 1899 г. Святого Станислава 3-й степени, в 1910 г. Святого Владимира 3-й степени и Святого Станислава 1-й степени в 1913 г.

Инспектируя школы в 1905–1908 гг., В.Т. Георгиевский неоднократно посещал Ферапонтов монастырь Новгородской губернии. Во время этих поездок было сделано открытие – обнаружена фресковая живопись работы Дионисия и его сыновей в Рождественском соборе, о которой он доложил 15 февраля 1908 г. на заседании Комитета попечительства о русской иконописи. В 1911 г. увидела свет

¹ Из отчета Н.П. Кондакова об инспекционной поездке по иконописным слободам Владимирской губернии. [См.: 41.]

² Комитет действовал с 1901 по 1918 гг.

книга-альбом «Фрески Ферапонтова монастыря» [35]¹. В отзыве, появившемся четыре года спустя, Н.П. Кондаков подчеркнул, что работа В.Т. Георгиевского «составит основу будущей науки» [40, с. 1, 4–6]. В 1911 г. по инициативе ученого был организован особый Комитет по восстановлению Ферапонтова монастыря под руководством новгородского архиепископа Арсения (*приложение 1, илл. 6*).

Следующий большой шаг по сохранению православного средневекового наследия связан с тремя научными поездками на Афон, состоявшимися в 1911, 1912 и 1913 гг. [50; 51] и названными историком искусства Г.И. Вздорновым «научным подвигом со стороны В.Т. Георгиевского» [14, с. 31]. Итогом трех проведенных экспедиций стали 200 снимков с фресок и икон монастырей Афона и сербских церквей XIV – XVI вв. Увидел свет альбом «Фрески Панселина в Протате на Афоне», ставший «первой научной публикацией уникального комплекса» [51, с. 330].

Обширные знания истории древнерусского православного искусства поспособствовали тому, что в 1912 г. русский философ и искусствовед В.П. Зубов сразу после основания в Санкт-Петербурге Института истории искусств пригласил В.Т. Георгиевского в качестве преподавателя курса, называвшегося «Обзор памятников новгородской иконописи, миниатюры и литургического шитья». В марте 1915 г. В.Т. Георгиевский стал одним из 64 учредителей Общества возрождения художественной Руси.

В 1917 г. В.Т. Георгиевский переехал в Москву и участвовал в качестве делопроизводителя в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви.

В июле 1918 г. по предложению И.Э. Грабаря он вошел в Комиссию по сохранению и раскрытию древней живописи в России, созданную при Музейной коллегии Наркомпроса РСФСР. Он участвовал в расчистке фресок Владимирских Дмитриевского и Успенского храмов, затем – в экспедиции в Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. В 1919 г. он принял предложение работать в должности хранителя древних тканей в Оружейной палате Московского Кремля и создал в Московском Кремле Всероссийскую мастерскую по шитью, просуществовавшую до 1924 г., заложив тем самым основы теории и практики реставрации тканей и шитья.

¹ Помимо рассказа о сохранившихся фресках Рождественского собора и расшифровки их сюжетов, в первую серьезную монографию о великом русском иконописце Дионисии, были включены сохранившиеся письменные известия о художнике.

Василий Тимофеевич Георгиевский скончался в Москве 14 декабря 1923 г. Его похоронили на Даниловском кладбище.

Золотой маршрут России

История формирования маршрута, хорошо известного под названием «Золотое кольцо» восходит к началу XX в., и начало ему положили рабочая поездка великого князя Константина Константиновича в Нижний Новгород и образовательная политика воспитателя его детей генерал-майора Н.Н. Ермолинского (1869–1919), который считал, что осмотр древностей и святынь позволит молодому поколению лучше понять русскую историю, познакомиться с архитектурой и увидеть образцы древней иконописи. В этом путешествии семьей великого князя сопровождали историк С.Ф. Платонов (1860–1933), член Тверской архивной комиссии И.А. Иванов (1850–1927) и, конечно, член Владимирской ученой архивной комиссии В.Т. Георгиевский.

Итак, 28 мая 1908 г. великий князь Константин Константинович с тремя сыновьями отправился из Санкт-Петербурга в Нижний Новгород, чтобы присутствовать на экзамене законоведения в Первом кадетском корпусе. Двумя днями спустя, после встречи в Твери всех членов его семьи, кроме младших детей Георгия и Веры и жены князя великой княгини Елизаветы Маврикиевны, началось их путешествие по России, по древним волжским и древним русским городам Владимиро-Суздальской Руси. Тверь, Калязин, Углич, Романов-Борисоглебский, Ярославль, Ростов, Кострома, Нижний Новгород, Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Москва [краткое описание маршрута и впечатлений от увиденного см.: 43, с. 241–253]. Перед глазами путешественников предстали духовные центры, святые места и уникальные архитектурные памятники этой исконно русской земли.

Великий князь Гавриил Константинович, взявший на время путешествия отпуск, в своем Дневнике записал: «Во время поездки мы посетили Тверь, Углич, Романов-Борисоглебск, Ярославль, Ростов Великий, Кострому, Нижний Новгород, Владимир, Суздаль и Москву. Путь был совершен от Твери до Нижнего на пароходе по Волге, затем от Нижнего до Москвы – по железной дороге, а от Владимира до Боголюбова и Суздаля – на лошадях. Вся дореформенная Русь глянула нам в глаза. Нас сопровождал В.Т. Георгиевский, знаток русской старины. Особенно тщательно осмотрели мы Ростовский кремль с его башнями и длинными переходами, с его обширным музеем, и Романовские палаты в Ипатьевском монастыре» [16, с. 83].

В Дневнике великого князя Константина Константиновича под датой 1908 г. «Духов день. 2 июня» записано: «В Ярославле к нам присоединился другой знаток истории и древнего русского искусства, хороший знакомый С.Ф. Платонова Василий Тимофеевич Георгиевский. Дорогой он нам рассказывал о значении Ростова. Прибыв туда, прямо проехали в Яковлевский монастырь, к мощам святителя Дмитрия» [43, с. 246]. Великий князь Константин Константинович охарактеризовал своего «экскурсовода» как «знатока истории и древнего русского искусства» [43, с. 246]¹.

В 1913 г. в России отмечалось 300-летие Дома Романовых. Юбилейные торжества включали в себя путешествие императора Николая II по России, по древнерусским городам и местам, связанным с историей боярского рода Романовых и «имевшим важное значение в начальных судьбах нашего Отечества» [19, с. б.н.]. Маршрут императорской семьи проходил через Москву, Владимир, Суздаль, Боголюбово, Нижний Новгород, далее по Волге в Кострому, Ярославль; затем по железной дороге в Ростов Великий, на машине – в Переславль-Залесский и Петровск и Троице-Сергиеву лавру. Т.е. маршрут юбилейной поездки по России императорской семьи не полностью, но повторил путешествие, предпринятое в 1908 г. семьей великого князя Константина Константиновича. Во Владимире, Суздале, Переславле императора сопровождал В.Т. Георгиевский. При посещении Покровского монастыря в Суздале он обратил внимание императора на комплекс старинных келейных икон, хранившихся в ризнице.

При подготовке к юбилейному приему императорской семьи во Владимире, Суздале и Переславле-Залесском было решено выпустить специальный путеводитель по этим городам. Работу над ним поручили В.Т. Георгиевскому, у которого уже был опыт написания подобного рода книг.

¹ Одним из первых об этом большом, по своему значению, путешествии рассказал писатель и журналист Е.И. Вашков в небольшой книжке, повествующей о жизни и гибели князя Олега Константиновича [см.: 2; 5; 6]. Одним из источников изданного повествования стали записки и воспоминания русского ученого Василия Тимофеевича Георгиевского. Замечательный исследователь древнерусской старины, присоединившийся к семье великого князя Константина Константиновича в Ярославле [см.: 43, с. 246; 16, с. 83], сопровождал ее в Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире, Боголюбове, Суздале и других древнерусских городах, а затем встретился с ними в Киеве на раскопках близ Десятинной церкви [43, с. 282].

Но прежде, чем дать характеристику этому изданию, ставшему событием, вернемся к концу XIX в. В 1896 г. увидел свет путеводитель В.Т. Георгиевского «Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности» [21]. Он объяснил обращение к подобному жанру тем, что при «заметно развивающемся похвальном обычае летних поездок по разным уголкам нашего обширного отечества с целью ближнего ознакомления с родной страной и с ее историческими памятниками» далеко не везде есть возможность «пользоваться печатным руководителем при обозрении достопримечательностей и древностей» [21, с. 3].

Традиция написания путеводителей по столичным городам складывалась на протяжении всего XIX века. Но, к примеру, Владимир-на-Клязьме не имел такого необходимого «специального описания, которое познакомило бы желающего с местными достопримечательностями» [21, с. 3–4]. В хорошо проиллюстрированную и художественно оформленную книжку вошли история Владимира, характеристика современного состояния города, его достопримечательности и достопримечательности окрестностей, общественные, благотворительные и учебные заведения.

Главную цель путеводителя В.Т. Георгиевский видел в необходимости «познакомить вкратце с историческими судьбами г. Владимира, с его достопримечательностями» [21, с. 4]. Обратившись к истории, автор подчеркнул, что любимый им город Владимир даже после того, как «уступил свое первенство позднейшим столицам Москве и Петербургу и передал им в наследие главнейшие святыни свои: древней Москве – чудотворную икону Владимирской Божией Матери, а Петербургу – святые мощи великого князя Александра Невского», не оскудел святынями [21, с. 4].

В связи с поставленной задачей автор начал знакомство с древним городом с исторического очерка, опираясь на летописи и летописные свидетельства, на труды выдающихся русских историков. Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Всеволод Юрьевич, Георгий Всеволодович – деятельность этих князей как благоустроителей города ярко охарактеризована автором. Ордынское разорение, перенос митрополичьей кафедры в Москву, лишение главной святыни – чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, царствование Ивана Грозного и смутное время сделали «город очень бедным и малолюдным» [21, с. 25]. Несмотря на все печальные события, город «сохранял древнее устройство» [21,

с. 26]. В XVII в. на «поклонение местным святыням» в город приезжали царь Михаил Федорович, Александрийский и Антиохийский патриархи. Были обретыены мощи Георгия Всеволодовича, а в начале XVIII в. – мощи великого князя Андрея Боголюбского и его сына Глеба [21, с. 28–29]. Ставший при Петре I «провинциальным городом Московской губернии» Владимир «лишился» одной из важнейших своих святынь – мощей святого благоверного князя Александра Невского [21, с. 29]. Возрождение города, как считает В.Т. Георгиевский, начинается в 1744 г. с указа императрицы Елизаветы Петровны о восстановлении Владимирской епархии и с учреждения Духовной семинарии в 1754 г. Благодаря путешествию Екатерины II и ее повелению началось «восстановление боголепия Успенского собора и Золотых ворот» [21, с. 29–30]. Новое подлинное «возвышение» Владимира происходит согласно Екатерининским указам: сначала «объявившим его главным городом Владимирского и Костромского наместничеств», а затем провозгласившим его «губернским городом Владимирской губернии» [21, с. 30]. Отметим В.Т. Георгиевский и значение посещений города всеми российскими императорами и членами императорской семьи в конце XVIII – XIX в.

От краткой, яркой и емкой истории Василий Тимофеевич как ученый-краевед перешел к рассказу о «Современном состоянии города», дав характеристику топографии, климатическим и санитарным условиям; затем представил «население города». После чего началось подробнейшее повествование о достопримечательностях: Владимирском Успенском соборе и всех его святынях, Дмитровском соборе, Рождественском и Княгинином Успенском монастырях, Золотых воротах, древнейших приходских церквях. Серьезное внимание всех путешествующих было обращено на «Окрестности г. Владимира»: Боголюбов монастырь, церковь Покрова на Нерли. Но рассказ о городе был бы не полон, если бы не были представлены «Общественные и благотворительные учреждения», в числе которых знаменитое Братство святого благоверного князя Александра Невского, Дом Трудолюбия, дешевые столовые, богадельни, Земская больница и многие другие. Раскрыта история учебных заведений духовного ведомства и Министерства народного просвещения. Завершается путеводитель «сведениями для приезжающих», которые включают в себя указания на наличие железнодорожного вокзала, гостиниц, странноприимного дома для паломников.

Т.е. В.Т. Георгиевский создал классический путеводитель, но наполнил его увлекательными и важнейшими историческими сведениями, которые позволили бы читателю, а в дальнейшем – путешественнику, не просто познакомиться с историей древнейшего русского города, но и со всеми сокровищницами церкви и монастырей. В конце книги есть небольшой анонс о наличии изданий, посвященных отдельным значимым святыням Владимирской земли, среди которых Флорищева пустынь.

Авторитет В.Т. Георгиевского как ученого, блестящее знание истории Владимиро-Суздальской Руси, книги и исследования, посвященные отдельным памятникам Владимирской губернии, исследования памятников древнерусской письменности, прикладного и монументального церковного искусства и иконописи, имеющийся опыт написания путеводителей – все это вместе взятое и решило о вопрос о выборе Комитетом для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых автора юбилейного путеводителя.

«Путеводитель по памятникам старины», т.е. «краткий перечень лишь важнейших памятников прошлого гг. Владимира, Суздаля и Переславля-Залесского» [19], вышел в 1913 г. в издательстве «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. Обложку выполнили в древнерусском стиле с изображением трех храмов и князя Андрея Боголюбского в рост с иконой «Богоматерь Владимирская» в руках. Многочисленные мелкие иллюстрации украсили 93 страницы добротного текста.

Предваряя текст путеводителя, как бы указывая на то, на что надо не забыть обратить внимание во время познавательных поездок и путешествий, не пройти мимо, на то, что может «возбудить живой интерес в читателе и вызовет в нем желание с любовью заняться более обстоятельным изучением родной старины» [19, с. б.н.], В.Т. Георгиевский писал: «Древние города Владимиро-Суздальского княжества – Владимир, Суздаль, Переславль, – имевшие такое важное значение в начальных судьбах нашего Отечества, представляют глубокий интерес, как своим историческим прошлым, так и теми памятниками искусства и старой культуры, которые сохранились здесь до настоящего времени. Величественные храмы с их оригинальной архитектурой, древние фрески и иконы, предметы богослужебной утвари, изделия из золота, серебра и меди, резьба по камню, кости и дереву, художественное шитье и низанье жемчугом и драгоценными

камнями – все это дорогое наследие старой культурной жизни наших предков дает обильный материал для любознательности каждого, кому дороги интересы родного искусства и науки» [19, с. б.н.] (*приложение 1, илл. 7*).

Как следует из названия, в путеводителе три раздела: Владимир-на-Клязьме, Суздаль, Переславль-Залесский – три знаковых, на сегодняшний день главных, города «Золотого кольца России». Знакомство с каждым из них начинается с краткой характеристики географического положения, природно-климатической составляющей и историко-культурного наследия. Так, например, размышляя о Владимире, В.Т. Георгиевский дает такую вводную образную картину: «Высоко над живописною рекою Клязьмою, весь утопая в садах, окруженный кольцом древних земляных валов, красуется город Владимир, ныне – бедный губернский город, некогда – славная столица великого княжества Владимиро-Суздальского. Холмистое положение города, обширные сады, обилие древних церквей, высокие земляные, возвышающиеся почти со всех сторон города, валы, – все это придает городу картинный вид» [19, с. 1]. Подводя читателя к рассказу об истории города, настраивая на ее восприятие и необходимость подобного знания, автор пишет: «Стоит посетить эти древние владимирские храмы с их полутемными сводами, взойти на эти остатки земляных валов, как невольно почувствуется почтенная древность этого города, и целый ряд исторических воспоминаний, связанных с этими местами, невольно унесет воображение каждого в давно прошедшие времена» [19, с. 2].

Краткий общий исторический обзор В.Т. Георгиевский завершает важным тезисом, подводя всех нас к пониманию необходимости подробного знакомства с памятниками владимирской старины, которые стали истоками культуры Московской Руси. Он подчеркивает: «Москва до XV в. питалась плодами выращенных Владимиром насаждений. Это доказывается теми памятниками искусства, которые сохранились во Владимиро-Суздальской области, и теми находками вкладах драгоценностей, которые свидетельствуют о высоком состоянии культуры этого времени» [19, с. 6]. И далее следует научно-популярное, сопровождаемое фотографиями, повествование о Владимирском Успенском и Дмитровском соборах, о Золотых воротах, о Княгининском женском и Боголюбовом монастырях, об их роли и значении в истории русской культуры.

Город Суздаль, «давно потерял свое политическое значение, обедневший и малолюдный, <...> как бы обречен на постепенное умирание и печальное забвение. Но культурная жизнь, какую жил этот город в течение многих столетий, оставила в нем неизгладимые следы его бывшего величия, его культурной силы» [19, с. 32]. За призывом к посещению Суздаля идет краткий исторический экскурс, завершающийся статистическими данными о населении, количестве храмов и монастырей. Особое внимание уделено собору Рождества Богородицы, Спасо-Евфимиеву, Ризположенскому и Покровскому монастырям, их сокровищницам, святыням и собраниям.

При представлении Переславля-Залесского особое внимание уделено природе и Плещееву озеру, «привлекшим внимание великого преобразователя царя Петра: здесь он получил первые уроки мореплавания» [19, с. 78]. В историческом экскурсе более подробно охарактеризовано XVII столетие, когда «знаменитые переславские селетки доставлялись к столу Московских государей как особо лакомое блюдо, а жители рыбацкой слободы были освобождены от воинской повинности и пользовались разными льготами» [19, с. 78]. Чем же, по мнению В.Т. Георгиевского, интересен Переславль? Это прежде всего Преображенский собор, построенный Андреем Боголюбским; это Никитский, Троицкий Данилов и Федоровский монастыри и, конечно же, Ботик Петра Великого.

Заключение

Василий Тимофеевич Георгиевский – один из самых ярких и деятельных краеведов России последней четверти XIX – первой четверти XX в. Уроженец Владимирской земли, получив добротное историко-церковное и церковно-художественное образование, он всю свою жизнь посвятил служению русской православной культуре, заботясь о ее сохранении и преумножении. Важной составляющей его научной и просветительской деятельности стало исследование культурного наследия Древней Руси. Начав с изучения жизни и деятельности великого князя Андрея Боголюбского, он обратился к жизнеописаниям митрополита Суздальского Илариона, настоятеля Флорищевой пустыни архимандрита Антония, Евфросинии Суздальской. Внимание к духовным подвижникам Владимиро-Суздальской Руси стало своеобразным этапом на пути к изучению древнерусского монастырского строительства. Он изучил историю таких монастырей как Флорищева пустынь, Суздальский Ризположенский и По-

кровский женские монастыри, Вышинская пустынь, познакомив читателей с их сокровищницами, с их книжными собраниями и ценными дарами. Он подробно описал древнерусское шитье из ризницы Троице-Сергиевой лавры. Изучение древнейших текстов русских летописей, текстов книг из древлехранилищ, научное исследование и описание памятников древнерусского зодчества способствовали пониманию необходимости написания добротных путеводителей по городам, в которых закладывались основы древнерусской цивилизации: Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский. Он стал тем «знатком древнерусского искусства», знания которого были высоко оценены членами семьи великого князя Константина Константиновича.

Маршрут, по которому проследовали в 1908 и в 1913 гг. члены императорской семьи, это настоящее «Золотое кольцо» России.

Источники и литература

1. Аксенова Г.В. Василий Тимофеевич Георгиевский – исследователь, педагог, наставник. К вопросу об особенностях путешествия по России князя Олега Константиновича // Константиновские чтения – 2017. Жизнь, отданная служению России. К 190-летию со дня рождения великого князя Константина Николаевича. Сборник материалов научной конференции 25 октября 2017 года. СПб.: Государственный комплекс «Дворец конгрессов», 2017. С. 150-175.

2. Аксенова Г.В. Вашковы: О двух старших представителях этой творческой династии – журналисте, писателе Иване Андреевиче Вашкове (1846–1893) и его сыне — художнике и писателе Евгении Ивановиче Вашкове (1878–1938) // Московский журнал. 2015. № 8. С. 83-97.

3. Аксенова Г.В. «Знаток русской старины»: О выдающемся исследователе древнерусского искусства, педагоге, просветителе Василии Тимофеевиче Георгиевском (1861–1923) // Московский журнал. 2017. № 9. С. 2-20.

4. Аксенова Г.В. О значении трудов В.Т. Георгиевского по истории церковного строительства в России // Ключевские чтения-2020. Народ и власть. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов. М.: Издательство «Спутник+», 2021. С. 319-331.

5. Аксенова Г.В. Семья Вашковых и Константиновичи: жизнь и деятельность художника, писателя Евгения Ивановича Вашкова. Приложение. Евгений Вашков и его очерк о подвиге князя Олега Константиновича // Константиновские чтения-2015. Константиновичи - семья, традиции, деятельность на благо России. Сборник материалов научной конференции 28 октября 2015 года. СПб.: Государственный комплекс «Дворец конгрессов», 2015. С. 130-152.

6. Аксенова Г.В. Сергей Вашков и развитие прикладного церковного искусства в начале XX века // XIII Пасхальные чтения. Материалы Тринадцатой Межвузовской научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». М.: МПГУ, 2016. С. 121-130.

7. Аксенова Г.В. Труды В.Т. Георгиевского по истории древнерусского церковного искусства (к 160-летию со дня рождения) // IX Бартеневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвя-

щенной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. С. 228-239.

8. Васнецов В.М. Письмо Е.Г. Мамонтовой. Киев, 17 августа, 1889 г. // Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. / Сост., вступ.ст. и примеч. Н.А. Ярославцевой. М.: Искусство, 1987. С. 79.

9. Вашков Е.И. Его высочество князь Олег Константинович: [Некролог] / Евг. Волгин. Пг.: Скобелевский комитет, 1916. 28 с.

10. Векслер А.Ф., Крашенинникова Т. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, сор., 2011. 350 с. // [электронный ресурс] <http://iknigi.net/avtor-arkadiy-veksler/86536-vladimirskiy-okrug-bolshaya-i-malaya-moskovskie-ulicy-i-ulica-pravdy-arkadiy-veksler/read/page-14.htm> (обращение 25 июня 2017 г.)

11. Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / Сост., вступ.ст. и примеч. Н.А. Ярославцевой. М.: Искусство, 1987. 496 с.

12. Вздорнов Г.И. Василий Тимофеевич Георгиевский и его книга «Фрески Ферапонтова монастыря» // Сохранение росписей Дионисия 1502 г. в Соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря: Материалы Международной научно-методической конференции (13-15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). М.: Индрик, 2012. С. 21-28.

13. Вздорнов Г.И. Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия [электронный ресурс] <http://www.pravenc.ru/text/162161.html> (обращение 27 декабря 2024 г.).

14. Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. 411 с. С. 31.

15. Вздорнов Г.И. Русская Фиваида на Севере, или Ферапонтово вчера, сегодня и завтра // Ферапонтовский сборник. М.: Советский художник, 1991. Вып. 3. С. 13-36.

16. Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2017. 383 с.

17. Георгиевский Василий Тимофеевич // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. В 12 тт.: т. 3: Вакидий-Герардеска. / Отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 779.

18. Георгиевский В.Т. Архимандрит Антоний, настоятель Флорищевой пустыни Владимирской губернии: (К XXV-летию управления его Флорищевой пустыней). Владимир: тип. Губ. правл., 1898. 16 с.

19. Георгиевский В.Т. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины] СПб.: Комитет для устройства празднования трехсотлетия царствования дома Романовых, 1913. 92 с.

20. Георгиевский В.Т. В Вышинской пустыни. СПб.: тип. Алекс.-Нев. о-ва трезвости, 1910. 23 с.

21. Георгиевский В.Т. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности Владимир: типо-лит. Н.А. Паркова, 1896. 205 с.

22. [Георгиевский В.Т.] Доклад об открытии учебных иконописных мастерских в с.с. Палехе и Холуе Владимирской губ., и в с. Борисовке Курской губ. // Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1903. Вып. II.

23. Георгиевский В.Т. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры. М.: т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. 26 с.

24. Георгиевский В.Т. Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского и краткие сведения об основанной им Флорищевой пустыни. Тщанием и иждивением настоятеля Флорищевой пустыни архим. Антония, 1894. 32 с.

25. Георгиевский В.Т. Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского. Пг.: Изд. М.Д. Усова, 1914. 28 с.

26. Георгиевский В.Т. Житие преподобной Евфросинии Суздальской по списку XVII века с лицевыми изображениями, хранящиеся в библиотеке Суздальского Ризположенского монастыря. Владимир, 1899. 70 с.

27. Георгиевский В.Т. Иконописцы-суздальцы // Русское Обозрение. 1895. № 3-4 (Т. II март С. 183; апрель С. 719).

28. Георгиевский В.Т. Киевские краткосрочные педагогические курсы для учителей одноклассных церковно-приходских школ в июле 1906 года. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира АО печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1907. 34 с.

29. Георгиевский В.Т. Опись Покровского женского монастыря в городе Суздале 1651 года // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. V. С. 55-126.

30. Георгиевский В.Т. Провозвестник нового направления в русской религиозной живописи (В.М. Васнецов и его работы во Владимирском соборе в Киеве) // Русское Обозрение. 1896. № 9. С. 95-132.

31. Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир: Типо-литогр. В. А. Паркова, 1894. 105 с.

32. Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский - Санкт-Петербург: издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1900

33. Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание: В прил. арх. акты Монастыря, Житие пр. Евфросинии по списку XVII века и описание миниатюр Владимир: изд. игум. Серафима, 1900. 283 с.

34. Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рис.: В прил.: Описание рукописей, каталог старопечатных книг и Собрание грамот и актов, принадлежащих пустыни. Вязники: Типо-литография С.К. Матренинского, 1896. 416 с.

35. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 120 с.

36. Георгиевский В.Т. Школа иконописания в с. Холуе. СПб., 1899; Георгиевский В.Т. Холуйская школа иконописания // Искусство и художественная промышленность. 1900. № 4.

37. Голубцов А.П. [Рец. На:] Георгиевский В. Флорищева пустынь: историко-археологическое описание. Вязники, 1896. // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 2. С. 335-361.

38. Княжна императорской крови Татьяна Константиновна, в замужестве княгиня Багратион-Мухранская, 1890-1979: биография и документы / сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т.А. Лобашкова. М.: Буки Веди, 2015. 559 с.

39. Князь императорской крови Игорь Константинович, 1890-1918: биография и документы / сост., авт. предисл., коммент., биогр. справ. Т.А. Лобашкова. М.: Буки Веди, 2014. 559 с.

40. Кондаков Н.П. Отзыв о сочинении В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» // Отчет о пятьдесят пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг.: тип. Имп. акад. наук, 1915. 10 с.

41. Кондаков Н.П. Современное состояние русской народной иконописи. СПб.: ОЛДП, 1909. 67 с.

42. Константин Константинович, вел. кн. Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания, 1874-1918 гг. / сост., авт. предисл., коммент., биографического справ. Т.А. Лобашкова. М.: [б. и.], 2013. 955 с.

43. Константин Константинович, вел. кн. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907-1909 гг. / Сост., автор предисл., комментариев и биограф. справочника Т.А. Лобашкова. М.: Буки Веди, 2015. 557 с.

44. Кульматова Т.В. Экземпляр отзыва Н.П. Кондакова на книгу В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» из академического собрания БАН: рукописные возражения автора рецензенту // Петербургское библиотечное общество. 2016. №4(56). С. 24-28.

45. Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России: Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории. М.: Издательство Московского университета, 1985. 181 с.

46. Лобашкова Т.А. Вступительная статья: Из архива великого князя Константина Константиновича // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. XV]. С. 353-361.

47. Лобашкова Т.А. Князь императорской крови Олег Константинович (1892-1914): Биография и документы. М.: Буки Веди, 2014. 559 с.

48. Лобашкова Т.А. Публикации источников генеалогического и биографического характера о доме Романовых: (Издания второй половины XIX-начала XX в.): автореферат дис. ... к.и.н.: 07.00.09 / Рос. гуманитарный ун-т. М., 1995. 21 с.

49. Покровский Н.В. Отзыв на книгу «В.Т. Георгиевский: Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Издание архимандрита Антония». Вязники 1896. СПб.: Тип. Акад. наук, 1899. 4 с.

50. Пятницкий Ю.А. Афонские экспедиции В.Т. Георгиевского в 1911-1913 гг. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.П.1908-15.X.1990). Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 45-47.

51. Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911-1913 годах в письмах к Н.И. Кондакову // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII. Балканский сборник. К XXII Международному конгрессу византинистов. София, 22-27 августа 2011 года / Государственный Эрмитаж. СПб. Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. С. 294-378.

52. Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и Ферапонтово // Сохранение росписей Дионисия 1502 г. в Соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря

[Текст]: Материалы Международной научно-методической конференции (13-15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). М.: Индрик, 2012. С. 29-49.

53. Сосновцева И.В. Н.П. Кондаков и иконописные школы Комитета попечительства о русской иконописи // Никодим Павлович Кондаков. 1844-1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. СПб.: Palace Editions, 2001. С.115-132.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Таблица. Георгиевский В.Т. Хронологический список
изданных трудов: 1894–1927 гг.**

№ п/п	Год издания	название	Место издания
1	1894	Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894	Владимир
2	1894	Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского и краткие сведения об основанной им Флорищевой пустыни. Тщанием и иждивением настоятеля Флорищевой пустыни архим. Антония. Вязники: Типо-литография С.К. Матренинского, 1894	Вязники
3	1895	Иконописцы-суздальцы // Русское Обозрение. 1895. № 3-4 (Т. II март С. 183; апрель С. 719)	Русское Обозрение. 1895. № 3 и 4
4	1895	Краткое описание церковно-исторического древлехранилища Братства святого благоверного великого князя Александра Невского во Владимире губернии. Вязники: Типо-литография С.К. Матренинского, 1895.	Вязники
5	1896	Провозвестник нового направления в русской религиозной живописи (В.М. Васнецов и его работы во Владимирском соборе в Киеве) // Русское Обозрение. 1896. № 9. С. 95-132.	Русское Обозрение. 1896. № 9
6	1896	Гор. Владимир на Клязьме и его достопримечательности Владимир: Типо-литография Н.А. Паркова, 1896	Владимир
7	1896	Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рис.: В прил.: Описание рукописей, каталог старопечатных книг и Собрание грамот и актов, принадлежащих пустыни. Вязники: Типо-литография С.К. Матренинского, 1896. Рец.: Покровский Н.В. Отзыв на книгу «В.Т. Георгиевский: Флорищева пустынь.	Вязники

		Историко-археологическое описание с рисунками. Издание архимандрита Антония. Вязники 1896». СПб., 1899.	
8	1898	Архимандрит Антоний, настоятель Флорищевой пустыни Владимирской губернии: (К XXV-летию управления его Флорищевой пустыней) - Владимир, 1898.	Владимир
9	1898	Каталог старопечатных книг церковно-исторического древлехранилища при братстве Св. блгв. Вел. Кн. Александра Невского. Вязники, 1898.	Вязники
10	1898	Рукописная повесть о видении Космы игумена. 1688. Голышевка, 1898.	Голышевка
11	1899	Житие преподобной Евфросинии Суздальской по списку XVII века с лицевыми изображениями, хранящееся в библиотеке Суздальского Ризположенского монастыря. Владимир, 1899.	Владимир
12	1899	Школа иконописания в с. Холуе. – СПб., 1899 Источник: Искусство Холуя. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1980. С. 152	СПб.
13	1899	Холуйская школа иконописания // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 11. С. 851-866.	Искусство и художественная промышленность, 1900, № 11
14	1900	Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание: В прил. арх. акты Монастыря, Житие пр. Евфросинии по списку XVII века и описание миниатюр Владимир, 1900.	Владимир
15	1900	Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский СПб.: издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1900.	СПб.
16	1902	История искусств / Пер. под ред. и с доб. проф. Ун-та св. Владимира Г.Г. Павлуцкого и с прибавлением гл. о древнерус. искусстве В.Т. Георгиевского; К. Байе. Киев, 1902. Кн. пятая. Гл. первая. Древнерусское искусство. С. 325-366.	Киев
17	1903	Опись Покровского женского монастыря в городе Суздале 1651 года // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1903. Кн. V. С. 55-126.	Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир,

			1903. Кн. V. С. 55-126.
18	1903	[Георгиевский В.Т.] Доклад об открытии учебных иконописных мастерских в с.с. Палехе и Холуе, Владимирской губ., и в с. Борисовке, Курской губ. // Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. Вып. II. СПб., 1903.	Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. Вып. II. СПб., 1903.
19	1907	Киевские краткосрочные педагогические курсы для учителей одноклассных церковно-приходских школ в июле 1906 года. - Киев, 1907	Киев
20	1910	В Вышинской пустыни. - Санкт-Петербург, 1910	СПб.
21	1911	Фрески Ферапонтова монастыря. - Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. <i>Рец.:</i> Кондаков Н.П. Отзыв о сочинении В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» // Отчет о пятьдесят пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1915 (отд. отд., с. 1, 4-6).	СПб.
22	1910	Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале // Старые Годы. 1910. ноябрь. С. 3-20.	Старые Годы. 1910, ноябрь. С. 3-21
23	1912 (издано в 1914)	Георгиевский В.Т. О современном русском иконописании // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 — январь 1912: В 3 т. Пг., 1914. Т. 2. С. 97-99.	Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 — январь 1912: В 3 т. Пг., 1914. Т. 2. С. 97-99.
24	1912 (издано в 1915)	Георгиевский В. Т. Обзор выставки древнерусской иконописи и художественной старины. // Труды всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 — январь 1912, т. III. Пг., [1915]. С. 163–174. См. также: Каталог выставки древнерусской иконописи и художественной старины. // Там же. С. 169–174, табл. I–L, LXXI–LXXV.	Труды всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 — январь 1912. Т. III. Пг., [1915]

25	1912	Памяти великого педагога и поборника трезвости С.А. Рачинского: (К десятилетию со дня его кончины 2 мая, 1902 г.). СПб., 1912	СПб.
26	1912	Памяти С.А. Рачинского: К десятилетию со дня его кончины 2 мая, 1902 г. СПб., 1912	СПб.
27	1912	Сергей Александрович Рачинский: (Поборник нар. просв. Друг крестьян. детей): 1902 - 2 мая - 1912 - Санкт-Петербург, 1912	СПб.
28	1913	Коллекция древних икон Н.П. Лихачева // Новое время. СПб., 1913, 29 июля. (О поступлении коллекции икон Лихачева в Русский музей) «Самым выдающимся пополнением Русского музея бесспорно явилась покупка в 1913 г. уникальной коллекции русских, итальянских, византийских и поствизантийских икон, собранных выдающимся русским ученым Н.П.Лихачевым. Огромная коллекция, включавшая около 1,5 тыс. произведений, была приобретена за 300 тыс. рублей по личному распоряжению Николая II». Цит. из: Пятницкий Ю.А. Византийские и поствизантийские иконы в России // Византийский временник. М., 1996. Т. 56. С. 253. Стоит ссылка на статью В.Т. Георгиевского в «Новом времени»	СПб.
29	1913	Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины]. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913	СПб.
30	1914	Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского. Пг.: Изд. М.Д. Усова, 1914	Пг.
31	1914	Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры М., 1914	Москва
32	1914	Фрески Панселина в Протате на Афоне: Альбом с 32 табл. фототип. и 3 цв. снимками по способу Люмьера. [СПб.], [1914]	СПб.
33	1914	Рака и облачение для мощей Святителя Гермогена // Светильник. 1914. № 9. С. 3-15.	Светильник. 1914. № 9. С. 3-15.
34	1914	Георгиевский В. Художественные работы С.И. Васькова // Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. М., 1914. № 10. С. 22-30.	Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем.

			М., 1914. № 10. С. 22-30.
35	1915	Обзор выставки древнерусской иконописи. СПб., 1915	СПб.
36	1915	Миниатюры Евангелия 1532 г. Новгородского архиеп. Макария: [Евангелие 1532 г. архиеп. Новгородского Макария, хранящееся в Пафнутьевском Боровском мон-ре]. М., 1915.	Москва
37	1915	Георгиевский В. Т. Иконы новгородского церковно-исторического древлехранилища. // Светильник. 1915. № 9–12. С. 1–5.	Светильник. – 1915. № 9–12. С. 1–5.
38	1915	Феодоровский Государев Собор в Царском Селе. Выпуск 1. Издание Феодоровского Государева Собора, 1915 Текст написан В.Т. Георгиевским и Б.А. Надеждиным. Худож. оформление В.М. Васнецова	М.: Скоропечатня А.А. Левенсон
39	1921	Инструкция по реставрации памятников художественного шитья, низаний и тканей. Утверждена Реставрационным отделом Главнауки.	
40	1927	Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Главнаука, 1927	Москва

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ (РАССКАЗЫ-ВОСПОМИНАНИЯ В УСТНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ АРЗАМАССКОГО КРАЯ)

¹Гальцева Ольга Валерьевна, ²Курдин Юрий Александрович,
³Пряников Александр Викторович

¹Центр традиционной культуры «Константиново поле», заведующая Центром
Россия, Нижегородская обл., п.г.т. Дальнее Константиново;
e-mail: Ol.galczewa@yandex.ru

²МБУК Централизованная библиотечная система г. Арзамаса, Центральная городская библиотека им. А. М. Горького, заведующий сектором проектно-исследовательской работы, к.филол.н., доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: yukurdin@mail.ru

³Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Pryanikoff14@yandex.ru

В статье раскрывается своеобразие рассказов-воспоминаний участников Великой Отечественной войны, делается акцент на личностном восприятии событий и фактов. Материалом послужили записи произведений фольклора, хранящиеся в фондах Центра изучения культурного наследия Арзамасского края при ЦБС

г.о.г. Арзамас. Основной корпус рассказов-воспоминаний собран под руководством фольклориста-фронтовика профессора Владимира Николаевича Морохина.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фольклор, рассказы-воспоминания, мемораты.

Устная история Арзамасского края уходит своими корнями в глубь веков. Яркими её вехами стали события и лица, воспетые в исторических песнях и преданиях. Эти события и исторические лица являются своеобразными скрепами устной истории края, а сами фольклорные тексты, если использовать сказочную терминологию, выступают в качестве «мертвой воды», соединяющей отдельные фрагменты в единое повествование. Но есть в устной поэтической традиции жанр, одухотворяющий былое подобно мифологической «живой воде». Речь идет о рассказах-воспоминаниях непосредственных участников тех или иных событий. «Не спрашивай старого – спрашивай бывалого», – говорит пословица, подчеркивая прелесть личного, живого восприятия и субъективной оценки.

В международной фольклористике такие рассказы получили наименование меморатов. В словаре-справочнике по русскому фольклору читаем следующее определение: Меморат (от лат. *memoria* – память, воспоминание) – устный рассказ, передающий воспоминания рассказчика о событиях, участником или очевидцем которых он был [3, с. 93]. В русской науке о фольклоре их определяли то как сказы [4, с. 233], подчеркивая стилистическую принадлежность, то как бывальщины [1, с. 283], указывая на отношение к действительности. Нам ближе термин рассказ-воспоминание, т.к. в нём делается акцент на личном отношении рассказчика к реальным событиям и лицам. Важную роль при этом играет психология рассказчика, его отношение к жизни и умение пользоваться средствами народной речи.

Устные мемораты о Великой Отечественной войне – это живая летопись, которую по сей день творит и рассказывает сам народ, на своих плечах вынесший все тяготы и лишения минувших лихолетий. Примечательно, что свою лепту в Победу внесли фронтовики и труженики тыла, взрослые и дети. Если выстроить рассказы-воспоминания в хронологическом порядке, то перед нами предстанет панорама героической эпопеи Великой Войны.

Как началась война

Война началась 22 июня. В этот день было массовое гулянье, веселый праздник. Все смагинские гуляли под Водолейкой. Было

много молодёжи, много гармоней. Все там сошлись, всей округой: и из Васильков, и из Чепаса, и из Софьевки, и из Смагина, и из Базина. Мы в Смагино ночевать не пошли, все в Водолейку ушли. Кто с гармониями до утра гулял, кто спать лёг у знакомых, кто как вообще. И вот встали мы утром. Говорим, значит: «Надо домой идти». Времени было уже 2 часа, светало.

Вот, встаём, вдруг слышим крик, плачь. «Что такое? Что случилось?» – «Война, война, война... На нас напала Германия». Все завопили, заплакали. Мы, значит, по росе в тапках, роса была сильная, приподняли свои платья и побежали домой. Уже война идёт в Белоруссии. Бежим, глядим – у магазина уже народ стоит. Очередь большая. За чем? За солью, за спичками, за мылом, за керосином.

Вот так началась война. Тут едут нарочные. На лошадях верхом, повестки раздают пожилым, молодёжи. Плачут все, провожают. Жёны провожают мужей – плачут; матери детей провожают – плачут.

Вот началась война, стали работать, стали получать вести, похоронки. Конечно, жили плохо, что говорить. Всего хватило. Гнилую картошку мы ели с червями. Осенью мы её не выкапывали, потому что народу не было. Она оставалась до весны. Весной пойдём на васильковое поле за ней. Домой в мешках тащили её, а с неё течёт. Приходим домой – полные калоши: с картошки натекло. Очистим картошку, на полатах просушим, развернём её – а там червяки. Высушенную картошку измельчали в ступах, потом просеивали, что получилось – крахмал, а что оставалось – рис. У кого были коровы, из крахмала варили кисель. И в хлеб картошку клали. Всего хватило: и вшей, и чесотку. У нас стояла военная часть. В 1942 году в январе морозы были сильные, до 40 градусов. Они натаскали вшей и чесотки. Их поставили по 6-8 человек. Говорят: «Не пустите – мы силком их». Начальник открывал дверь и запускал их. Война есть война.

На окопах были в Макарьеве на Волге. Думали, что танки пойдут, рыли, а там один песок. Вырыли страшные окопы, а дождик пошёл – всё смыл. (Записано от Потаниной Марии Федоровны, 1927 г. р., в с. Смагино Бутурлинского р-на Сияновой Н. в 2002 г.) [2, с. 96-97].

Мы победим!

На фронт уходили, все плакали, всей деревней провожали, и девушек, и ребят, у околицы все прощались. Помню, один уходил, Костя Жуков, помню его слова: «Мы победим!», и столько в этих словах было веры, так они звучали искренне. Я хоть и была совсем маленькая, но мама меня с собой всегда брала, даже поднимала, чтобы я все это видела. Костя с войны не вернулся, погиб, у них в семье трое или четверо мужчин погибло. (Записано от Казикиной Марии Михайловны, 1937 г.р., в с. Большое Терюшево Дальнеконстантиновского района Гальцевой О. В. 29 июля 2019 г.)

Почтальон

Прошло совсем немного времени и начали приходить похоронки. Помню, зимой, дорога в середине улицы расчищена и от дороги к каждому дому узкая тропочка. Идет почтальон, помню, это была невысокого роста девушка, обутая в лаптях. Вот она идет, а все из окон смотрят, к какому же дому она повернет. Помню, однажды мы гуляем и также смотрим, куда почтальон пойдет, а она к Подлесовым повернула, это наши дальние родственники. И слышим, там вопли, заохали, заплакали. Мы туда пошли, а там тетя Нюра лежит на полу, распласталась, и около неё трое маленьких детей ползает. Вот такие картины я очень хорошо помню (плачет). Таких похоронок шло очень много. (Записано от Гавриловой Веры Лазаревны, 1930 г.р., в д. Килелей Богородского района Гальцевой О. В. 30 августа 2019 г.)

Помню, отца с фронта встречала

Я вот помню, своо отца, как я встречала с фронта. Без ноги он остался. Он был в госпитале, вылечился, значит, его выписали, он маме сообщил как-то, что еду. Поехали мы его встречать на станцию в Суроватиху на лошади. И вот сидим с мамой, мама сидит с краю, а я около ящика, вот так сижу, мы с ней разговаривам, разговаривам, я так вот взглянула, а там за трассой лесу было навалено, лесу, бревна, бревна, я гляжу, сидит мужик какой-то на бревне и вот так меня (манит). Я говорю: «Мам, меня мужик какой-то зовет». А она взглянула: «Так, отец!».

Он потом и говорит, мол, гляжу, лошадь то лубянецкая и Люська сидит, голос, то, голос я слышу, узнал, вот он меня и манил.

Ну, домой приехали, прибежали все: «Что, чего?», не больно много вернулись то.

Вот, помню только, что он без ноги придет – я заранее угадала, да. Помню, пришел у нас мужик один с фронта без руки, а я сию, маленька была, и говорю:

– Мам, а у нас, как папанька будет через порог шагать?

– Как шагать?

– Да, он с одной ногой придет, как же он перешагнет?

И я угадала, он с одной ногой пришел. (Записано от Заговоровой Людмилы Александровны, 1935 г.р., в д. Лубянцы Дальнеконстантиновского района Гальцевой О. В. в июне 2018 г.)

Армейские годы

1.

Я был призван в армию в 1936 году. Службу проходил в Первом конном артполке, который находился в Москве, в Хамовниках, потом был курсантом Второго Московского артиллерийского училища.

Как-то там я был назначен на пост дневального запасного входа вестибюля. Был апрель, выходной день, да такой ясный. Солнечный. А по выходным у нас подъём на час позже. Делать нечего. Там стояла большая солдатская табуретка. Я взял и сел на неё. Прокричали подъём. Мимо меня курсанты на физзарядку в трусиках и тапочках бегут. А я сию спокойно, ногами размахиваю туда-сюда, туда-сюда. Потом глаза повёл – а на паркете около меня хромовые сапоги стоят. Смотрю – вторые! Поднимаю голову: Ворошилов и Будённый!.. В плащах, а на плащах звёзды, рукава в нашивках. Мне надо было дежурного по коридору крикнуть, а я со страху-то посинел весь. Встал, стою и всё на звёзды смотрю. А Ворошилов подходит к моей табуретке, садится на неё и начинает ногами размахивать. «Ну, как Семён Михайлович, получается у меня?» – Буденному говорит.

Потом они пошли на второй этаж. Начальство не велели вызывать. Посмотрели спальные комнаты, постельное бельё, приподняли два-три матраса. И вышли обратно.

Я всё ждал, что меня к начальству вызовут. Но всё обошлось.

2.

В первый день войны вызвали меня в штаб полка, дали бумагу, где было сказано, что я назначен командиром батареи.

– Людей нет. Выбирай себе одного курсанта: тут тебе и офицерский, и личный состав.

Выбрал я себе курсанта. Потом сказали, что надо идти на станцию получать личный состав. Пришли на станцию. Через несколько минут прибыл поезд и оттуда народ повалил. Построили их. Кто во что одет: кто в фуфайке, кто в фуражке... Выбрал я себе семьдесят шесть человек. Тут целая гора обмундирования лежала. Одевайся, бери всё, что нужно, только не офицерское. Тут же мылись, из шланга поливались.

Чтобы обучить солдат, дали мне месяц. А ночью приказ – грузись.

– Как? Мне же месяц дали на подготовку.

– Грузись!

Погрузились и поехали на фронт. С людьми приходилось знакомиться прямо в эшелоне. Не доезжая до города Кингисепп, наш эшелон был подвергнут обстрелу: немецкие танки прорвались. Колонна их встретила наш эшелон. Паровоз был разбит, начальник штаба убит, командир дивизиона тяжело ранен. Я остался старшим. Не зная обстановку, я был в замешательстве, не мог придумать никакого решения. Спустился с железнодорожной насыпи на шоссе на дорогу. Она булыжником была выложена. Смотрю: легковая машина подъезжает. А было раннее утро, стоял густой туман. Видимости никакой. И где-то совсем рядом немецкие танки.

Из машины вышел рослый человек. Я решил обратиться к нему. Когда подошёл поближе, то увидел в полной форме Ворошилова. Он приказал мне доложить обстановку. Я ответил: «Обстановку не знаю. Несколько минут назад были обстреляны немецкими танками».

Он махнул рукой и сказал: «Никто из вас не знает обстановку!»

Потом подошёл ближе к поезду, увидел положение и приказал: «Разбирать железнодорожное полотно, делать сходни, разгрузить людей и боевую технику. Быть готовым к открытию огня в западном направлении».

Говорили, что, когда он уехал, попал под обстрел и был ранен. Но сам я этого не видел.

3.

Очень развита у немцев была агитационная работа. На Ленинградском фронте нас просто засыпали немецкими листовками. Все канавы были забиты. К примеру, на одной листовке было изображено

дерево, через сук петля перекинута, а в петле комиссар. И подпись: «Как увидишь политрук, так тащи его на сук». Или на другой листовке был изображён красный лев, а ему отбойным молотком перебивают спину. И подпись: «Хребет Рабоче-крестьянской Красной армии перебит».

Ведь немцы, когда напали, ничего не знали о советском человеке, не представляли нашего образа жизни. Они и за людей-то нас не считали. До идиотизма доходило.

На подступах к Вене в одном маленьком городке, названия я уже не помню, необходимо мне было выбрать наблюдательный пункт в районе кирпичного завода. Неподальку домик стоял. Мы с ординарцем пошли туда. Я выбрал укромное местечко в углу, прилёг отдохнуть. А ординарец по моему приказу полез на крышу, чтобы наблюдательный пункт выбрать. А когда он на чердак зашел, то увидел: на тонкой проволоке повесились хозяин, хозяйка и трое детей.

Мы вынуждены были в другой дом перейти. А там такая картинка получилась. Мой ординарец полез опять на крышу. А я решил переобуться. Пошёл во двор. А там ящик какой-то деревянный валялся. Сел я на это ящик, стал портянки менять. Только разулся. Вдруг кто-то сзади закрывает мне глаза рукой. И в голове у меня начинает шарить. Ну, мне не по себе как-то стало. Честно говоря, струхнул я. Вскочил. Обернулся. Стоит пожилая женщина, тёмная какая-то вся, чёрная. Я кричу ординарца к себе. Забрали мы её и отправили в штаб полка. А там вот что выяснилось. Перед приходом наших солдат она в погреб спряталась. А когда наши пришли – она не представляла себе, что мы похожи на людей, считала, что мы дьяволы, антихристы – ну, тогда она меня увидала, не вытерпела, вышла из погреба и стала искать, где у меня на голове рога.

4.

А зверствовали фашисты страшно. Когда я воевал на Ленинградском фронте, они там что делали: брали наших пленных, выкалывали глаза, вырезали звезду на спине, сдирали с этого места кожу и отправляли обратно через линию фронта.

А в Венгрии в городе Мар, помню, такой случай был.

Нужно было наблюдательный пункт выбрать. А поодаль сарай стоял с черепичной крышей. Сделали мы в этой крыше отверстие и стали через стереотрубу вести наблюдение. А внизу которые разведчики были, стали по ночам устраиваться, и для этого решили солому

использовать. Там в углу большая куча соломы лежала. Стали солону-то расчищать и там обнаружили трёх наших солдат-пехотинцев, которые были зверски убиты солдатами немецкой армии. Не выстрелом из автомата – вот они что сделали. На Украине печи соломой топят, а из скирды солону выхватывают с помощью такой металлической клюшки с остриём как рыболовный крючок, с заусенцем – смычок называется. Так вот этим смычком немцы протыкали живот солдатам и кишки разматывали. А ещё у солдат на голове были синие пятна. Значит, били прикладами. Вот как издевались. (Записано от Арефьева Василия Андреевича, 1915 г. р., в г. Кулебаки Шевцова Е. В. в 1983 г.)

На войне

Когда началась война, я находился в Эстонии. 22 июня утром наш аэродром начали бомбить фашисты. Для нас началась война. Вот лётчики воевали в воздухе, а мы, авиационные техники, воевали на земле. Ведь аэродромы тоже бомбили постоянно, почти каждую неделю хоть одна бомбёжка, а будет. А иной раз и напали на аэродромы сами фашисты. И такое бывало. В обычные, по военным меркам, конечно, дни нам работы тоже хватало. Мы чинили самолёты, готовили новые машины к вылету. Бывало и мороз на улице, и жара, а надо работать, надо выполнять свой долг. Вот и работали.

Однажды был такой случай. Как раз наши бомбардировщики отправлялись на задание. Вдруг откуда-то появились немецкие стервятники. Начали бомбить. Я увидел, как начал гореть один из самолётов. Я побежал к машине, и фуфайкой мне удалось сбить огонь, хорошо, что он ещё не успел подобраться к бензобаку, тогда конец бы был и мне, и машине. А так ничего. Правда, обгорел я малость, но это пустяки. Главное – машина осталась целой.

К концу войны, когда линия фронта продвигалась на запад, наши аэродромы перебазировались на новые места, на новые аэродромы и посадочные площадки. Вот когда мы перебазировались, то ведь проходили по территории, которая была оккупирована.

Чего мы только там не смотрелись! Сколько народу пришлось вынести, сколько надо иметь терпения! Многие сёла в Белоруссии были вообще стёрты с лица земли, кругом развалины, пепелища, могилы. Даже жутко становилось. Наделал Гитлер дел.

Но самое страшное мы увидели в бывшем немецком концлагере Майданек, он находился недалеко от города Люблин, это

в Польше. Мы были там всего спустя неделю после того, как наши военнопленные были освобождены нашими войсками. В полуразрушенном крематории ещё лежали трупы людей, которых, наверно, не успели сжечь.

В памяти осталась ещё разрушенная столица Польши Варшава. Ведь её немцы разрушали не сразу, а постепенно, дом за домом, улицу за улицей. От неё осталась груда развалин, они практически стёрли город с лица земли.

В числе советских воинов я принимал участие в оказании помощи Польской Народной республике в создании её военно-воздушных сил. (Записано от Овсянникова Ивана Николаевича, 1917 г.р., в г. Кулебаки Скотниковой А. В. в 1986 г.)

Тяжёлые бои

Начало войны застало меня на Дальнем Востоке, где я проходил действительную военную службу. Навсегда осталось в памяти 22 июня 1941 года. Это был воскресный день. Наша учебная рота совершала 30-километровый марш с преодолением водной преграды, полосы препятствий и боевой стрельбой. А вечером на полковом плаце состоялся митинг, на котором нам сообщили, что фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз. У нас у всех было одно желание – скорее туда, на запад, в действующую армию. Но приказ был учиться военному делу. Присвоив нам звания младших лейтенантов, нас отправили на должности командиров взводов. И в октябре 1941 года дивизия была передислоцирована на запад.

В эшелоне не прекращалась политическая подготовка. Чем ближе мы подъезжали к линии фронта, тем ярче становились приметы войны. Через двенадцать дней после отправления из-под Владивостока дивизия выгрузилась недалеко от Серпухова и в пешем порядке двинулась к линии фронта.

Мы приняли боевое крещение под Москвой. Бои были тяжёлые, велись непрерывно днём и ночью. Враг рвался к Москве. Но несмотря на превосходство врага в силе и технике, советские войска приостановили продвижение немцев. И несколько позднее перешли в контрнаступательную операцию.

В одном из боёв под Серпуховом я был ранен в голову осколком мины. Тяжело было сознавать, что в трудное для страны время выбываешь из строя.

После выздоровления я был направлен в запасной полк, который стоял под Москвой и готовил кадры для действующей армии. Солдаты обучались тактическим приёмам ведения боя, борьбы с танками, отрабатывали приёмы меткой стрельбы. Формировались взводы, роты для пополнения действующей армии. У меня было огромное желание снова вернуться на фронт. Но беседа с командиром полка полковником Василевским положительных результатов не дала. Он заявил, что у нас не менее важная задача. Но в августе 1943 года моя настойчивая просьба была всё-таки удовлетворена. Я был направлен в мотострелковую бригаду танкового корпуса и принял роту противотанковых ружей, командир которой Цыганов пал смертью храбрых на Курской дуге.

Тяжёлые бои пришлось вести за освобождение белорусских городов и сёл. Мне запомнились бои за город Городок поздней осенью 1943 года. Когда мы остановились на подступах к нему, чтобы подтянуть силы, противник непрерывно атаковал, но мы сдерживали натиск. Не хватало продовольствия, медикаментов, расход боеприпасов был ограничен, но нам удалось освободить город.

В тяжёлых, кровопролитных боях мы освобождали Витебск и Оршу, форсировали Березину.

Жители освобождённых сёл встречали нас с радостью и слезами. Никогда не забыть, как худой и босой дед подошёл к нам, встал на колени, поклонился, поцеловал след, оставленный гусеницей танка, повторяя: «Дождались, дождались! Потом он встал, низко поклонился всем воинам и, вытирая слёзы, проговорил: «Спасибо вам, сынки, спасибо, родные мои. Теперь и помирать не страшно».

Сорок лет прошло, а так и стоит перед глазами сожженная дотла белорусская деревенька, посреди которой – виселицы, поставленные руками фашистов.

Ехали мы колонной в районе небольшой деревушки Спас-Углы. Бежит нам навстречу женщина седая, простоволосая. Колонна встала. Говорить она не могла, лишь показывала руками куда-то в сторону. Весь её вид, умоляющие глаза звали нас следовать за ней. Страшная картина открылась перед нами. На виселицах, установленных с немецкой аккуратностью в строгие ряды, висели все жители этой деревни. Каким чудом удалось спастись этой женщине, мы не смогли узнать. Видно, ужас, пережитый ею, лишил её дара речи.

17 июля 1944 года наш 5-й танковый корпус вступил, сломав упорное сопротивление противника, на территорию Латвии.

21 июля мы получили приказ приготовиться к наступлению на шоссе Резекне – Даугавпилс. Рота, которой я командовал, должна была скрытно сблизиться с противником и атаковать его, чтобы облегчить наступление батальона.

Неожиданно пошёл сильный дождь. Мы воспользовались непогодой, заняли исходную позицию и стремительным броском охватили район Пондаршики. Атака была настолько неожиданной, что немцы пустились в бегство. Утром 27 июля начался штурм Даугавпилса. После боёв за этот город наш танковый корпус стал именоваться Двинским. Я был награждён орденом Отечественной войны первой степени.

В составе 5-го танкового корпуса мы прорвали затем оборону в районе города Мадона. Я командовал ротой автоматчиков, когда 20 августа мы взяли и удерживали узел железных и шоссейных дорог станцию Эргли. 21 августа враг обрушил там на наши позиции шквал огня. В воздухе появились вражеские самолёты. В атаку шли автоматчики при поддержке танков и самоходных орудий. Но каждый раз, встречая отпор, немцы были вынуждены откатываться назад. В невероятно трудных условиях наш танковый корпус сумел удержать занятые позиции до подхода главных сил на подступах к Риге. Мужественно сражались мои друзья кулебакчане Михаил Ерофеев и Тихон Живов. Михаил погиб в танковой атаке, Тихон – при отражении контратаки немцев.

14 сентября наступление на Ригу возобновилось. 13 октября столица Латвии была освобождена. (Записано от Лебедева Константина Ивановича в г. Кулебаки Ивановой Н. Н. в 1985 г.)

Мы сохранили наш полк

24 мая 1942 года я получил боевое крещение на Северском Донце. Наши войска, неся большие потери, с боями отходили на восток. Корпус потерял почти всех лошадей и в пешем строю сражался уже как обыкновенная пехотная часть. Ощущались острая нехватка боеприпасов, малочисленность и усталость бойцов. Я командовал миномётным взводом.

Ночью полк отходил, а утром, не успев окопаться и отдохнуть, мы вынуждены были вступить в бой. На участке полка фашисты бросили около шестидесяти полков, мотопехоту. Авиация не давала возможности ни маневрировать, ни получать подкрепление. Около че-

тырёх часов дня танки прорвали нашу оборону и ворвались в расположение наших огневых позиций, уничтожили семь из двенадцати расчётов. С большим трудом удалось укрыть в камышах оставшиеся расчёты и продержаться там до темноты. Ночью мы осторожно пробрались к Дону. Переправы уже не было. На берегу стояли немецкие танки. Фашисты ракетами освещали реку, стреляли по малейшим подозрительным предметам. С большим трудом мы переправились через реку, спасли миномёты и личное оружие. Многие остались без шинелей, сапог и личных вещей. Но главное было спасти оружие, чтобы утром снова встать на пути врага.

После боя у Калача всех оставшихся в строю офицеров 5-го кавкорпуса направили в Сталинград в распоряжение штаба Юго-Западного фронта. В штабе нас распределили по другим соединениям и частям. Я попал в 3-й гвардейский кавкорпус 25-й гвардейского кавполка 6-й имени Пархоменко гвардейской кавдивизии в миномётную батарею на должность командира взвода. Наш кавкорпус вошёл в состав Сталинградского фронта и вёл бои на Клетском направлении.

В сентябре 1942 года, форсировав Дон в районе Серафимовича, Казанской, мы захватили на правом берегу плацдарм, который удерживали и понемногу расширяли. От фашистских бомбёжек и артобстрелов несли огромные потери: местность была степная, ровная, трудная для укрытия и маскировок. 20 октября нас сменили пехотные части, и мы получили краткосрочный отдых. А через две недели наш корпус разместили на левом берегу Дона в районе станции Клетская.

Чувствовалось, что готовится большое наступление, но всё происходило скрытно, по ночам. Подтягивались танки, катюши, пехота. 18 ноября днём нашу батарею посетил командир полка, придирчиво проверил готовность к наступлению, приказал взять ещё боеприпасов. Около десяти часов вечера полк был поднят по тревоге, личный состав собран возле штаба полка. Вынесли полковое знамя. Командир полка выступил с речью, обрисовав обстановку в Сталинграде, поставил задачу. Призвал всех поклясться разгромить врага под Сталинградом. И мы, встав на коленях перед знаменем полка, дали эту клятву. Потом подразделения разошлись по своим местам на отдых.

19 ноября 1942 года мы пошли в наступление в направлении Калача для соединения с войсками Сталинградского фронта.

На рассвете страшный гул поставил нас на ноги. Казалось, вокруг стреляет каждый кустик, каждый овражек. Особенно хорошо «пели» катюши. Под звуки этой канонады мы в который уже раз форсировали Дон. Во время переправы многие бойцы, в том числе и я, провалились в полыньи. Фашисты били по льду из пушек и миномётов. Но товарища выручали. А сушиться было некогда – шло наступление.

И 23 ноября 1942 года кольцо вокруг фашистской группировки Паулюса замкнулось.

В районе станицы Нижнечирской фашисты имели огромные склады боеприпасов, обмундирования и продовольствия, питавшие войска Паулюса в Сталинграде. На подступах к этим складам мы встретили сильное сопротивление и понесли огромные потери.

К середине декабря 1942 года в нашем 23-м полку на передовой оставалось всего 22 человека. Правда, в артбатареи у нас потери были меньше. Всего же в полку оставалось не более ста человек, а приказ – прорвать оборону.

18 декабря меня вызвали вечером в штаб полка. Прихожу – там уже сидит один из командиров артбатареи. Догадываемся, что вызов связан с предстоящим наступлением, но не ожидали, что окажемся в его центре.

Начальник штаба полка объяснил нам обстановку, задачу, дал подкрепление – ещё одиннадцать человек с автоматами и пулемётами и послал на передовую возглавить оставшихся в окопах бойцов эскадронов и повести их в атаку на вражеские позиции.

10 декабря мы тщательно изучали вражескую оборону, данные разведчиков нашего и соседнего полков, устанавливали связь с соседними полками. Но срок для подготовки прорыва был слишком мал, да и силы были маловаты. Решили начать атаку без артподготовки. Штаб наше решение одобрил.

Ночь на 20 декабря была метельная, фашисты всё время пускали ракеты и обстреливали наши окопы.

В шесть часов утра, когда так хочется спать, мы тихо вылезли из своих окопов и сначала пошли, а потом побежали в сторону переднего края фашистов. Они открыли огонь, когда мы были уже метрах в сорока от их окопов. Крича что есть силы «ура» и ведя огонь из всех видов оружия, мы бежали на штурм фашистских окопов. В ход пошли ручные гранаты. В нашей цепи стали падать бойцы. Еле дыша, разъярённые, разгорячённые мы ворвались во вражеские

окопы. Началась рукопашная. С большим трудом и большими потерями мы заняли первую линию обороны, фашисту отошли на запасные.

Нас осталась в строю 18 человек, а из командиров один я.

Ещё трое суток мы удерживали с помощью наших артиллеристов и миномётчиков наши позиции, а потом пришло подкрепление.

Так один раз за время моего нахождения на фронте я участвовал в рукопашном бою. Не знаю, как другим, а мне было страшно, но долг перед Родиной выше страха.

Военным людям известно, что пока существует знамя воинской части, существует и часть, даже если в ней останется один человек. Но если знамя погибнет, воинская часть расформируется, если даже весь личный состав жив.

Эту истину хорошо знали и мы, гвардейцы 23-го полка.

Мы сохранили наш полк, не дали его расформировать.

А было так.

В начале ноября 1943 года наш корпус совершал глубокий рейд по тылам врага в Белоруссии и попал под массированный артиллерийский обстрел фашистского бронепоезда.

Один из вражеских снарядов попал в знаменосца полка. Знамя, завёрнутое в непромокаемую ткань, он всегда носил на себе. Знаменосец и знамя были разорваны в клочья снарядом. Известие о случившемся с тревогой было встречено во всех подразделениях.

Чтобы спасти полк, надо было по лоскуткам собрать знамя полка.

Более суток комендантский взвод и приданные ему бойцы из эскадронов ползали по болоту, вытаскивали из грязи окровавленные кусочки одежды и знамени, тщательно прополаскивали в ручье и сушили у костра. Потом мы наклеили эти лоскутки на прочную ткань и отправили в политотдел корпуса. По ходатайству командования корпуса (комкором был генерал-майор Осликовский) полк получил новое знамя, и с ним мы дошли до Победы. (Записано от Николая Ивановича Омеляненко, 1918 г. р., в г. Кулебаки Ивановой Н. Н. в 1985 г.)

О службе морской

1.

Никогда не думал я, что буду служить во флоте. В 1939 году приехал к нам в Кулебаки один товарищ из военно-морского флота.

Мне сказали, что набирают в училище в Ленинград. Шел комсомольский набор. В то время наш флот строился, а личного состава не хватало. И вот такое решение и было принято – сделать добавочный набор из комсомола по рекомендации райкомов. Пошел в райком – молодой тогда был, хотелось многое увидеть, моряком стать – изъясил желание.

Нас из Кулебак девять человек набралось по путевкам комсомола. Мы прошли медкомиссию в Муроме, собрали документы, и в военкомате нам дали адрес – куда прибыть в Ленинград.

Там, куда я приехал, в экипаже собралось много парней со всего Советского Союза: Одесса, Горький, Харьков. Нас на пароходе отправили в Кронштадт и распределили в школы оружия, электромеханическую и связи.

Я год проучился по специальности командира машины. Там у нас был и русский, и физика, и химия, но, конечно, главный упор делался на изучение корабельной техники, были и практические занятия.

Распределили нас на корабли. Кораблей много строилось в ту пору, чувствовали: война скоро. Меня – на эсминец нового типа «Суровый». Он ещё строился, не имел ни хода, ни орудий. Там мы работали вместе с рабочими завода, приобретали опыт, потом испытывать его ходили. Мы, машинисты, проверяли скорость, артиллеристы проводили стрельбы, связисты налаживали связь. И стал он наш. Корабль – он как дом.

Первого мая 1941 года мы подняли на «Суровом» флаг ВМФ и пошли в Таллин. Там была главная база Балтийского флота. Постоянно шли учения, боевые стрельбы, чувствовалось приближение войны. 21 июня в четыре часа нас подняли боевой тревогой. Официально война не была объявлена, но каждую минуту мы были готовы вступить в бой. Над нами летали немецкие самолеты, слышались взрывы.

На следующий день комиссар собрал митинг и сообщил личному составу: немецкие войска нарушили границу, бомбили города. Настроение у нас было боевое, хотелось воевать по-настоящему. Думали: три-четыре месяца, и разобьем немца. Кто мог представить, что война – на четыре года. Несколько дней ночами мы ходили ставить минные заграждения, чтобы вражеские корабли не могли пройти в наши воды. Но один раз, когда мы пришли в Таллин, был

приказ уже боевой: зайти в устье реки Нарвы. Там немецкие мотомеханизированные войска готовились переправиться через реку и идти дальше на Ленинград.

Мы пошли морем, по берегу – броневи́к, который корректировал огонь. Встали в устье, замаскировались под цвет берега маскировочной сеткой. Корректировщики подъехали в район переправы, залезли на деревья, после первых трех снарядов сделали поправку и, когда мы нащупали, дали огонь из всех орудий, а у нас четыре орудия 130-миллиметровых. Стрельба была скорострельная и дальнобойная – 15 километров. Через полчаса корректировщики сообщили – переправа разбита, уничтожено несколько танков, самоходно-артиллерийских установок и живой силы много. Задание выполнили, за что получили благодарность командующего флотом вице-адмирала Трибуца. Таким было наше боевое крещение.

В конце лета из Таллина нас выслали в Рижский залив охранять от вражеских кораблей Ригу. Ночью мы стояли на якоре, а днем налетали вражеские самолеты, отстреливались наши зенитки, судно пыталось уйти из-под бомб, маневрируя. Этим нам удавалось уклониться от ударов бомб.

В августе разведка донесла: к Рижскому заливу движется караван немецких судов. Нам дали задание уничтожить их. Основные силы отошли к берегу, а мы, эсминцы «Суровый» и «Артем» вышли в открытое море и открыли огонь. Караван судов был для фашистов очень важным: в нем шел танкер, который вез солярку для немецких танков, и шли шхуны с личным составом. Все это охраняло шесть катеров. Когда они заметили наше приближение, катера поставили дымовую завесу, но было уже поздно. Артиллерия наших эсминцев потопила все транспортные суда и два катера, а четыре в завесе выбросились на мель.

В те дни мы уже почти действовали в тылу немцев. Было принято решение отойти к Ленинграду, присоединиться к его защитникам. По дороге назад мы зашли в Таллин – на главную базу флота. Там многие поврежденные суда остались без хода. Немцев ждали уже со дня на день, ремонтировать было некогда. Суда эти пришлось взорвать, а личный состав перегрузился на корабли, и на наш тоже. Вечером мы оставили Таллин и вдоль берега пошли в Ленинград, имея на борту личный состав наших кораблей и технику, которую нельзя было отдать врагу. Ее сняли со взорванных кораблей.

Берега уже были заняты фашистами. Правый – финны, левый – немцы. Они уже к Ленинграду подходили. Трудный был наш переход. Финский залив очень узкий, простреливается, наставлено огромное количество мин разных типов – магнитных, детонационных – и наших, и немецких. Немцы их с самолетов сбрасывали. Часть кораблей были потоплены, но основные дошли до Ленинграда и Кронштадта, личный состав начал защищать Ленинград. Многие моряки сражались на суше, они отражали атаки немцев, оборонялись на Невской Дубровке.

Мы тоже поднимались вверх по Неве туда и десять дней беспрерывно вели обстрел немецких войск и ночью, и днем, не видя цель. Уничтожили мы много живой силы и техники, после получили приказ вернуться в Кронштадт.

В глубоком тылу немцев находился мыс Гангут. Там была наша морская база – стоял и оборонялся гарнизон – 30 тысяч моряков. С суши их теснили все больше. Наступала осень, и было три варианта их спасения – лед будет – можно перейти Финский залив и пробираться по Эстонии по немецким тылам. Но можно было вывезти гарнизон по Финскому заливу. В нем было очень опасно – всюду были мины, немцы бомбили суда.

Нам дали задание выйти на Гангут. Мы пришли туда. Взяли на борт 500 человек, назад шли две ночи, днем остановили у острова, где была зенитная артиллерия. Привезли их в Ленинград. Через день опять пошли на Гангут. Это было 14 ноября.

По пути мы напоролись сразу на две мины. «Суровый» потерял ход, мы пытались спасти эсминец, заделывали пробоины, но даже когда течь почти прекратилась, с винтами ничего поделать не удалось, машина не проворачивалась. Был приказ – кораблям не останавливаться, весь караван прошел мимо нас. Мы остались одни.

Ночь. Темно, а наступит рассвет – немцы откроют огонь. Наш «Суровый» – отличная мишень для них. И отбуксировать его нельзя – 400 километров. Оставалось одно – взорвать. Утром пришел тральщик, нагрузили мы на него самое необходимое, секретные материалы сняли, перешли сами, подложили взрывчатку. Раздался взрыв, корабль пополам разошелся и с поднятым военно-морским флагом скрылся под волнами.

Флага мы не спустили.

Это было в четыре часа утра. Если бы мы дождались рассвета, нас бы расстреляли. Настроение было такое, будто вдруг не стало

дома. Мы плакали, когда тральщик вёз нас в Ленинград. Мы были друзьями, знали все друг о друге, у кого где родные, кому пишут невесты. Потерять корабль – это потерять очаг. Нас отправили служить на другие корабли.

Вторым моим кораблем стал линкор «Октябрьская революция». Это был огромный корабль с мощной артиллерией. Специалистов приказали только в крайнем случае отправлять на фронт с кораблей, а я был командиром машины.

Приходилось работать и на судостроительном заводе. Зимой 1941-42 года мы получили задание восстановить корабль, он получил тяжелые повреждения, и требовалось сделать ему новую корму, для этого использовали другое недостроенное судно.

Нам дали инженера, и вместе с рабочими мы клепали, заваривали. К весне 1942 года мы ввели линкор в строй.

Страшная это была зима. Мы, как и все ленинградцы, получали 125 граммов хлеба, сил было мало, многие болели. Мы возили на салазках детали с другого завода, так как транспорта не было.

В 1942 году линкор уже испытал свои пушки на врагах. Целый год мы охраняли подступы к городу с моря, а там – все фронты уже пошли на запад. Ленинградский дольше всех не шел в наступление, но дождались и мы этого часа. Жаркая это была работа! Нас уже не ограничивали в снарядах, каждый выстрел по врагу приближал прорыв блокады. В конце 1944 года наши войска пошли на запад, а мы уничтожили все немецкие суда у наших берегов.

Наш линкор дошёл до Риги, там его и остановили, дальше шли уже более мелкие суда, рисковать линкором больше необходимости не было. И нам, прошедшим войну, предстояло готовить себе смену – новых специалистов-моряков.

Вся молодость моя прошла на флоте, и только 1946 году вернулся я в родные Кулебаки.

2.

14 ноября 1941 года наш эсминец «Отважный» вышел из Ленинграда в Гангут. Море было опасным: множество мин плавало – наших и немецких. На вахте в машинном отделении наша смена – десять человек. Простояли мы до полночи, сдали смену. Доложил я: – Все в порядке, машина работает нормально.

Пришли в кубрик. Думаю, надо бы лечь спать. Лёг. Спали одевши – под голову противогаз, и спишь. Вспомнил перед сном: на палубе встретил комиссара, говорит:

– Очень трудно, два корабля каравана уже подорвались на минах.

Только глаза завел – страшный взрыв. И куда-то вверх подлетел, потом – вниз, ударился коленками. Но боевая тревога – надо бежать.

В машинном отделении от сотрясения вырвало большой участок днища. Матросы начали деревянные клинья вставлять, забивать течь, а вода прибывает и прибывает.

Сперва нам по колено было, потом выше.

Надо было срочно найти кран насоса, включить его, чтобы он выбрасывал воду за борт. Когда мы нашли в воде кран, оказалось, что его тоже повредило взрывом.

Клапан не открывался, он был залит водой. В машинном отделении было темно, аварийный свет был выведен из строя. Вода была такая холодная, что терпеть не было возможности, сверху плавал мазут. В машинном отделении осталось нас трое: командир машинной группы Алексей Кочегаров, Михаил Пирогов и я. Мы ныряли под воду и ударяли кран ломом. Но много ли сделаешь за один вдох? Два удара, не больше, воздуху не хватит. Кто-то придумал – нам сбросили гофрированную трубку от противогаза, теперь мы уже ныряли и дышали через нее.

Насос заработал, вода стала убывать, оставалось наложить пластырь на пробойну.

Наш корабль остался на плаву, через несколько часов пробойну мы забили, а помещение осушили.

3.

Мы поднимались по Неве к Невской Дубровке. Нева простреливалась, и в эсминец угодил снаряд. Я дежурил в машинном отделении и почувствовал, что мы теряем ход.

– В чем дело? Почему малый ход? – спросил из рубки капитан. Говорю:

– Прорвало магистраль. Все турбины дают полный ход. Будем устранять.

Бросился искать – так и есть, паровую магистраль пробило. Все помещение закрыло паром. Пар жег. Но надо было ставить вентиль. Так и работали вдвоем с помощником, в нескольких рукавицах работали и закрыли течь.

Всё это время судно продолжало идти. Остановить его, чтобы заделать течь, было никак нельзя – его расстреляли бы. Как только мы перекрыли течь, эсминец прибавил ходу – давление поднялась.

За то, что мы сохранили ему ход, меня представили к медали «За боевые заслуги».

Когда сейчас я выступаю перед школьниками, они часто спрашивают меня:

– Константин Петрович, а сколько врагов вы убили?

Нет, не убивал я никого. Работа у меня на войне совсем другая была. Но разве мог эсминец идти без механика? Разве не нужно нам было тех же качеств, что и бойцам на фронте?

4.

Наша молодость была недлинной

И покрылась ранней сединой.

Нашу молодость рвало на минах,

Заливало таллинской водой...

Эти стихи я прочитал во время войны в газете и запомнил на всю жизнь – это про нас были стихи написаны и для нас, для тех, кто Ленинград оборонял.

Я видел Ольгу Берггольц в Ленинграде раза три в дни блокады. Это была высокая, очень худая женщина. Её в Ленинграде знал каждый. Очень часто она читала нам стихи по радио, и это были стихи о том, как мы живем, что мы едим, как мы работаем, как воюем – о жизни. И в каждом звучала мысль – мы должны выстоять. Её выступлений мы ждали, как объявит ее диктор, матрос, который у репродуктора стоит, кричит:

– Скорей, Ольга Берггольц!

И мы – к репродуктору.

Она была ленинградка и всю блокаду прожила в Ленинграде.

Я запомнил такой случай. Однажды мы слушали радио, Ольга Берггольц и Вера Инбер читали указ о награждении партизан, они в Ленинград доставили обоз с хлебом, а зима была.

Если что-то на радио случалось, микрофон отключали. Голос у нее усталый был очень, и она, видно, уж забыла, говорит:

– Миша, устала я, дочитай за меня.

Говорила она в этот день с трудом. Мы узнали, что у неё от голода умер муж, до радиостудии идти очень далеко, но она все равно ходила. И в «Ленинградской правде» и в журнале они тоже печатали стихи. Там всё было правдой.

«Да, мы не скроем, в эти дни мы ели землю...» – это она о Бадаевских складах писала. Бомба туда попала зажигательная, сахар расплавился и лился по земле.

Когда совсем голодно стало, туда люди приходили с ведерками, наберут земли, потом дома начинают её мыть, пропускать воду через марлю. Получается сладкая вода.

В 1973 году Ольга Берггольц пришла к нам, балтийцам, на встречу ветеранов, стихи нам свои читала, и мы её приветствовали, потому что она была для нас самым дорогим гостем. Своим трудом она сделала больше, чем любой солдат – она поддерживала моральный дух ленинградцев, которым нужно было выстоять. (Записано от Сосурова Константина Петровича, 1918 г.р., в г. Кулебаки Морохиным Н. В. в 1981 г.) [5, с. 73-77].

Как брали высоту

Расскажу, как нам пришлось однажды брать высоту.

Утром 14 ноября, это в 1941 году было, нам надо было атакой на позицию врага выбить фашистов из траншей, занять несколько важных рубежей и обязательно взять высоту под Пушкином. Я собрал своих бойцов, объяснил им что к чему, что нам нужно сделать. Мы проверили оружие, всё ли в порядке, осмотрели обмундирование. Все были в бушлатах, нам никто не выдал сухопутное обмундирование. А так было даже лучше. Ведь фашисты боялись одного вида моряков. Они даже называли нас «чёрной смертью». Ту высоту взять было очень трудно. Она оборонялась особыми отрядами. В составе роты идём в атаку, каждый боец получил своё задание. Ну мы пожелали друг другу удачи, действовать по-балтийски, не посрамить чести своего корабля. Фашисты постреливали и освещали местность ракетами. Осторожно, метр за метром мы начали приближаться к цели. Фашисты, наверно, услышали шум, когда сапёры резали проволоку колючую, чтобы мы могли пройти. Там в окопах забегали, засуетились. Из дота сразу пулемёт застрочил. Мы залегли, я приказал четырём бойцам пойти в обход, отвлечь огонь, заставить его замолчать. Сам полез ближе к их окопам. Слышу: один пулемёт замолчал. Молодцы, ребята! Я вынул гранаты, положил их в карманы, в это время рота поднялась в атаку. Ворвались в фашистские траншеи, здесь завязалась рукопашная. Я, помню, услышал, как какой-то немец крикнул: «Русс матрос!» Немцы побежали кто-куда,

продолжали, правда, стрелять на ходу, убили несколько наших, но ту высоту мы всё-таки взяли.

Когда мы очистили первую траншею, то продолжали двигаться вперёд. Вдруг я увидел трёх фашистов, которые выскочили прямо на бруствер окопа навстречу мне, я убил всех троих, они даже пискнуть не успели. Вот мы прорвались ко второй линии окопов.

Вдруг меня качнуло как-то в сторону сильным ударом, я сначала ничего не успел понять. Только потом я понял, что ранен. Я упал в снег. Не знаю, сколько я так пролежал, всё пытался подняться и никак. Потерял сознание, снова приходил в себя. Потом очнулся от выстрелов и пополз, медленно, с большими передышками, но всё-таки полз, а то бы замёрз совсем, а жить-то хотелось, молодой ещё был. Вот и полз.

Потом меня нашли разведчики с крейсера «Киров». Принесли они меня в санитарную землянку. Вот там я и узнал, что мы взяли ту высоту. В том бою погибло много моих друзей: Саша Корниенко, Вася Бочаров, Князев Алёша, много и раненых было, в том числе и я. У меня ранение было серьёзное, я много крови потерял, пуля разрывная. Она ударила-то в плечо, а вошла в правую сторону груди и там разорвалась. Я был совсем в плохом состоянии, не мог говорить, но сознание было, и я помню врача и двух молоденьких сестёр, которые помогали делать операцию. Мне дали выпить спирта, но я его даже не почувствовал. Доктор сказал сёстрам, что я безнадёжный, и ушёл к другим раненым. Но тут я почувствовал, как по моему телу пошёл жар, а из ран снова потекла кровь.

Доктор тогда улыбнулся и сказал: «Будешь жить, морячок!» Он сделал мне перевязку, санитары завернули меня в шинель и одели и положили на санки, привязали, чтобы я не свалился и отправили в госпиталь. В госпитале я пролежал почти два месяца, окреп немного, но раны мои всё равно не закрывались, наверное, от плохого питания. Ведь была блокада, жителям тоже нечего было есть. Мне хотелось поскорее вернуться к ребятам, к своим морячкам. (Записано от Вольнова Николая Ивановича, 1918 г.р., в г. Кулебаки Скотниковой А. В. в 1989 г.).

Тяжело провожали на фронт девушек...

Очень тяжело провожали на фронт девушек, все знали, на что они шли. Парней жалко, а уж девчонок ещё больше жалко. Из них тоже не все вернулись. Вот, Надя, двоюродная сестра папе моему,

она живая пришла, и я помню, как её встречали, прямо на крыльце, нарвали ягод в огороде, чего-то вынесли выпить этим женщинам, которые с ней пришли, а закусывайте, говорят, вишней и смородиной. Мы сидели и глядели, как они выпивали, но мы были рады!

Многие из них в положении приходили и здесь рожали, я вот двоих таких из нашей деревни знаю, но никто про них плохо не говорил, никогда такого не слышала. Наши матери, которые здесь в тылу были, о них отзывались с жалостью и уважением, что им пришлось вот такое все пережить. Это точно так было. (Записано от Казикиной Марии Михайловны, 1937 г.р., в с. Большое Терюшево Дальнеконстантиновского района Гальцевой О. В. 29 июля 2019 г.)

В госпитале

На третий день войны меня и моих подруг призвали в ряды Красной армии. Я попала в состав медперсонала госпиталя № 467. В августе 1941 года госпиталь был направлен под Смоленск, и начались для нас, медицинских работников, тяжёлые фронтовые будни. Сотни раненых поступало из медсанбатов в госпиталь. Мы накладывали повязки на раны, проводили бессонные ночи около мечущихся в бреду солдат.

Фронт под ударами немцев откатывался к Москве, наш госпиталь эвакуировали. На грузовиках мы продвигались в район Мосальска, затем к Калуге, в Подольск.

Я эвакуировала в госпиталь из санбатов раненых бойцов, которые стояли насмерть на московской земле. Тут-то я по-настоящему познакомилась с фашистскими стервятниками.

Каждый день наш фургон, петляя по просёлочным дорогам, мчался в тыл, увозя раненых. И вот в небе появлялись самолёты с черными крестами на крыльях и стреляли по беззащитным санитарным машинам. Шофёр, увидев вражеский самолёт, загонял фургон в ближайший перелесок. Но иногда всё же, отыскав среди деревьев машину, фашистские лётчики принимались обстреливать её. Мы вытаскивали раненых, переносили их вглубь леса. Не всех успевали вынести. Умирали сражённые пулями бойцы, так и не доехав до госпиталя. На руках у меня умерли три молодые девушки-санитарки. Разве это можно забыть? (Записано от Куприяновой-Малащенко Анастасии Петровны, 1922 г. р., в г. Кулебаки Ивановой Н. Н. в 1985 г.)

В Минске в дни оккупации

1.

С самого начала войны Володя и я были связаны с партизанами. Накануне 8 августа 1942 года у нас ночевал командир спецгруппы. Утром часов в семь Володя ушёл на работу – он работал на маленьком телефонном заводе связистом. В восемь нужно было уходить нашему гостю. Перед уходом он предупредил:

– Смотрите, Зинаида Дмитриевна, может, кто придёт, много не разговаривайте, – потом спросил. – Не дадите ли вы мне пальто мужа?

Это чтобы его, если что, не узнали. Дала я ему пальто, и он ушёл.

Немного прошло времени. Бегут ко мне ребята и говорят, что Володю арестовали. Побежала я на завод. Там мне всё и рассказали.

А дело было вот как. Было у Володи два друга – Саша Арнт и Миша Митрохин. Работали они рядом. В середине смены Володя и Миша вышли за чем-то во двор. Миша случайно увидел, что с завода уходят два немца и с ними Саша. Володя в это время с ним рядом не было. Ничего ему сообщить Миша не успел. Сам через забор перелез и в лес убежал. А Володя вернулся в цех. Там его и арестовали.

Прибежала я на завод. Только и видела, как его вывели и посадили в машину. Так и запомнила его в сером пиджаке: взглянул на меня – тяжело ему было.

Через несколько дней мать Саши шла по Свердловке и увидела их – их вели с допроса. Были они в рваной одежде, все избитые. Потом и я их однажды видела. Девятого мая это было. Выводили их из тюрьмы по одному, а по обе стороны от входа стояли два фашиста. Били пленных прикладами по голове, оглушали и в машину бросали. Шесть машин тогда увезли наших пленных. Но их не расстреляли. Увезли в Тростенец. А там был вырыт глубокий ров, туда их скидали прямо с машины. А на верху этого рва были установлены пулемёты для того, чтобы местные жители не вздумали помочь пленным выбраться оттуда.

Вечером уже часов в десять-одиннадцать слышали крестьяне, как плакали они, помощи просили. Крестьяне тоже плакали, а помочь ничем не могли.

Потом завалили их землёй.

2.

Работала я на базе. Мы сортировали вещи с убитых немцев. Со мной рядом работала еврейка Аня, красивая очень была женщина. А ведь как немцы лютовали над евреями, чуть что – погрузят в машины и увозят неизвестно куда. И вот однажды долго очень не было Ани на работе. Потом пришла. Всё лицо, опухшее от слёз, в чёрном платке. Прямо неузнаваемая стала. Долго ничего толком сказать не могла. Потом только рассказала.

Жили они вдвоём с сестрой мужа. У Ани пятилетняя дочка, а у той мальчик чуть помладше. Однажды пришли немцы и приказали выйти во двор, потом затолкали в машину и куда-то повезли. Привезли, поставили в ряд у рва, начали расстреливать. Детей женщины держали на руках. У Аниной девочки пуля попала в шею, насмерть. А Аню только оглушило. Вечером Аня очнулась, рядом плакал мальчик, сын сестры мужа. Она его подгрестила к себе и успокоила. Потом всё-таки оказалось, что много осталось живых. Одному мужчине помогли, и ему удалось выбраться наверх. Потом начали из одежды вязать верёвки и по одному подниматься. Спасли тогда двенадцать человек. Может быть, и больше бы спасли, да времени не было – светать начинало. Потом Аню увезли куда-то, больше я о ней ничего не слышала.

3.

Сортировали мы на базе вещи с убитых немцев. Очень часто попадались патроны. И мы что делали – зашивали эти патроны в тапочки. Шили себе тапочки из старых валенок. На базе всякого рванья много было, и нам разрешали что похуже брать себе, вот мы и пользовались. Между прослойками вшивали патроны. Выходили с базы – никто у нас ничего не находил. А мы потом эти патроны переправляли в лес.

4.

Партизаны у нас хорошо подделывали документы. Я ведь тоже жила не под своим именем, а под именем Анны Николаевны Черёмухиной.

И вот однажды нас предупредили, что должны приехать партизаны за бельём.

Приехало несколько машин. Все шофёры в немецкой форме, и документы у них все в порядке, и накладные, и разрешения, и пропуска – всё как надо. Я даже сначала усомнилась – наши ли это.

Нагрузили мы тогда полные машины: и рубахи, и брюки, всё по-лучше старались выбрать.

Был у нас в городе немецкий мясокомбинат. У них там всё, что хочешь, было: и мясо, и колбаса. А нашим в лесу больно уж плохо из-за еды... Вот они однажды и рискнули. Подделали документы, и шесть человек поехали на мясокомбинат. А там работали наши военнопленные. Так партизаны мало того, что нагрузили целую машину всякой всячины, да ещё и десять человек пленных вывезли. Пока грузили машину, сказали нескольким мужчинам, что мол, мы партизаны, хотите – прыгайте в машину. Когда машина стала отъезжать, попрыгали туда пленные. А пока немцы очухались, было уже поздно.

5.

После ареста мужа очень сильно начали мною интересоваться, искали везде. Часто приходилось менять квартиры. Особенно запомнилось два случая, когда моя жизнь, как говорится, на волоске висела.

Жила я у одной женщины на квартире. Точно обо мне она ничего не знала, но что-то, видимо, предполагала. Хозяйка она была очень хорошая, приветливая, у неё дочка была девяти лет.

Однажды был выходной. Застучали сильно в дверь. Пришли два немца и стали спрашивать «фрау Клешкову». Хозяйка говорит, что нет у нас такой и домовую книгу им показывает. Они не верят, кричать начали, угрожать. Хозяйка и предложила им с нами позавтракать, пригласила их к столу. Угостила яйцами и свининой. Уж больно они любили «яйки, шпик». Они сели, разговаривать с нами начали. В общем всё обошлось хорошо.

Искали меня немцы и на работе. Пришлось с базы уйти. Устроилась я в прачечную штопать бельё.

Однажды партизаны привезли из леса мясо, мне сообщили, где его можно взять. Пошли мы за мясом с хозяйкиной дочкой. Проходили мимо прачечной, я возьми и скажи, что здесь работаю.

Пришла как-то на работу, меня женщины отвели в сторону и рассказали, что приходили немцы, искали меня.

С работы я ушла, но и на квартиру мне нельзя было возвращаться. Побежала я к Сашиной матери.

А выдала меня немцам хозяйкина дочка. Пришли к ним немцы, стали меня спрашивать, хозяйку сильно били, девочка и сказала, где я работаю.

Потом, когда меня не нашли, приехали снова к дому, избili девочку – у неё три дня кровь горлом шла.

После того, как я прибежала к Сашиной матери, от усталости, от испуга упала без сознания. Когда привели меня в чувство, я всё рассказала.

Вечером сели ужинать. Вдруг слышу – стук. Мне показалось: к нам стучатся. Прятаться было поздно. А дело было зимой, окна двойные. Выставили мы раму, вылезли во двор. Зарылись в сугроб, хорошо, сугробы были тогда большие. Долго мы там просидели в сугробе, замёрзли. Когда всё успокоилось, вылезли опять в дом. А оказывается, это не к нам стучались, а в соседнюю квартиру. И там в эту ночь четверых арестовали.

6.

И предатели тогда были среди наших. Один наш сосед, как пришли немцы, сразу стал на них работать. Да потом не то надоело, не то ещё что, решил к нашим в лес пойти. Сказал он об этом одному нашему человеку. Тот через связную сообщил партизанам. Решили они всё-таки поговорить с ним. Привезли его в лес, стали расспрашивать.

– Почему сразу не пришёл? Или, может, предателем будешь?

– Нет-нет, – отвечает, – не буду.

Спросили, есть ли у него оружие. Он вынул наган. И сказал, что больше ничего нет. Стали его проверять, а у него между ног патроны спрятаны и ещё что-то. Как только он ходил? В расход его пустили. Нельзя таких держать.

У одного из наших партизан в городе оставалась беременная жена. Для неё всё сделали, чтобы она чувствовала себя в безопасности, и документы отпечатали, и квартиру сменили. Но, видно, кто-то выдал её. Арестовали, пытали, хотели выведать что-то о партизанах. В тюрьме она и родила. Так на одной из пыток на её глазах у ребёнка начали отрезать ноги, руки. Она не выдержала и умерла.

До сих пор не могу понять, неужели у них у самих не было детей, жён, матерей, что они так над нашими издевались. (Записано от Клешковой Зинаиды Дмитриевны, 1902 г. р., в г. Кулебаки Лариной С. В. в 1983 г.)

Я закричал: «Мама!»

Старались о войне не говорить, мой хозяин, как начинал говорить, у него сразу слезы. Он меня постарше, в 19 лет ушел и прошел

всю войну, на Курской дуге был, вот, вернулся живой. Мама его молилась крепко, у ней были муж и два сына на фронте, и все пришли. Она говорила: «Я всю войну молилась». Я его (мужа) спрашиваю: вот, Кап (Капитон его звали), ты как же, когда тебя ранили, а он говорит, я закричал: «Мама!». (Записано от Гавриловой Веры Лазаревны, 1930 г. р., в д. Килелей Богородского района Гальцевой О. В. 30 августа 2019 г.)

9 мая 1945 года

Моросит меленький дождичек, листочки небольшие, тепло, теплое, майское утро. Мы спим и вдруг слышим набат. У соседнего дома на ветле висела плита, и били балвашкой по ней, когда пожар или на работу. И вот, слышим: «Бам! Бам! Бам!». Мы открываем окошко, а там, у ветлы, Михаил Васильевич, наш директор школы бьет в плиту и кричит: «Война кончилась! Победа!». Кричит и плачет, весь в слезах.

Мы стали все выходить на улицу, радоваться, и кто с горя плачет, кто от радости плачет. Потом говорят, что все сегодня пойдем на митинг в клуб. Мы пришли все: и молодые, и взрослые, и дети. И когда шли в клуб, кто поет от радости, а кто плачет. И вот две женщины молодые, я вот считаю, сколько же им лет тогда было, наверное, двадцать один или двадцать два, совсем молодые они были, у одной муж пропал без вести, а другая похоронку получила, и вот они идут по проулку, обнялись, запели песню и обе плачут.

В клубе на сцене Михаил Васильевич выступал, помню, что звучали такие слова: «Мы победили! Смерть немецким оккупантам! За Сталина! За Родину!». Кто плачет, кто чего, а потом говорят: «А сейчас будет молебен, разрешил Сельский совет всем помолиться».

От дедушки Василия, у которого хранились иконы, вынесли на проулок большую Скорую Послушницу, еще поменьше иконы, поставили полукругом, и пришли все певчие, которые раньше пели в церковном хоре, и прослужили молебен. Это был первый молебен за долгие годы, и радость была такая, всеобщая – это не забудешь. (Записано от Казикиной Марии Михайловны, 1937 г. р., в с. Большое Терюшево Дальнеконстантиновского района Гальцевой О. В. 29 июля 2019 г.)

Письмо

Было это уже после войны, не помню, в каком году. У нашей соседки, тети Мани муж без вести пропал, и вдруг ей письмо от него приходит. Мы идем, а на улице все радостные, только и говорят:

– У Марии то Воробьевой муж нашелся, Сашка нашелся!

Мы спрашиваем: – А как? Чего?

– Да, вот письмо прислал, скоро приедет.

Мы так обрадовались! Оказывается, он был в плену, и вот когда стали освобождать города, его освободили, он был раненный в ногу. И вот письмо то принесли, а она в поле, далеко, около Ма-клатских кладбищ жнет. Это был август месяц, как раз все жали.

И говорят нам:

– Бегите, девчонки, несите ей это письмо.

И мы еще с одной девочкой, моей соседкой, побежали. Бежим, торопимся, бежим мимо кладбищ, запыхались, все же далеко, а мы еще небольшие. Прибежали, вышли в поле, а там, тут жнут, тут жнут и тут жнут, женщин много.

Нас спрашивают:

– Девчонки, вы что?

– А где тетя Маня Воробьева?

– Да, вон она, далеко.

– А ей письмо, вот, дядя Саня прислал.

И её стали кричать:

– Манька, иди давай, иди скорей сюда!

Зовут, кричат, и вот она идет:

– Чего, чего случилось то?

– Погляди-ка, тебе письмо!

– У тебя муж нашелся!

И она вот прямо, как стояла, так и упала, не кричала, не плакала, просто, рухнула в рожь и все.

Я потом такие кадры в кино видела, так вот это все правда, все взято из жизни, я как сейчас все это помню (плачет).

А он, дядя Саня, потом пришел, они еще троих детей родили после войны, он конюхом в колхозе работал. (Записано от Казикиной Марии Михайловны, 1937 г. р., в с. Большое Терюшево Дальнеконстантиновского района Гальцевой О. В. 29 июля 2019 г.)

Рассказы-воспоминания старожилов представляют собой не-выдуманную историю, основанную на личных оценках и переживаниях, а потому служат бесценным иллюстративным и фактическим материалом для краеведов и фольклористов. Мемораты, записанные преимущественно от жителей сельской местности, с полным основанием можно считать народными, потому что в них воплотилось народное мироощущение, народная оценка войны. Именно в произведениях фольклора сконцентрировано художественное осмысление русским народом справедливой освободительной войны 1941–1945 гг.

Источники и литература

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. Учеб. для вузов / В. П. Аникин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 735 с.
2. Были и байки. Народная поэзия Арзамасского края / Сост., вступ. ст., коммент. Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. С. Н. Пяткин. Арзамас, 2014. 462 с.
3. Зуева Т. В. Русский фольклор: Слов.-справ.: Кн. для учителя. М., 2002. 334 с.
4. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия: Учеб. пособие для филол. специальностей. 2-е изд., доп. М., 1983. 303 с.
5. Сквозь огонь великой битвы. Устное народное творчество нижегородцев времен Великой Отечественной войны / Составитель, автор вступительной статьи и примечаний В. Н. Морохин. Н. Новгород, 1995. 186 с.

ПЕРСОНАЛИИ «ГОСУДАРЕВА ДВОРА» В ПОХОДЕ 1552 ГОДА ИЗ МУРОМА НА КАЗАНЬ: ОПЫТ СЛУЖБЫ НА ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ И УЧАСТИЯ В РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙНАХ ДО ПОХОДА

Инжутов Александр Алексеевич

МБУК «Шатковский историко-краеведческий музей», директор
Россия, Нижегородская обл., р. п. Шатки; e-mail: al.injutow2010@yandex.ru

В статье рассмотрены персоналии – члены «государева двора» участники похода 1552 года из Муром на Казань, их опыт службы на «казанской украине» в должностях воевод в городах и полках, предыдущих казанских походах. До недавнего времени среди персоналий государева двора, следовавших с Иваном IV из Мурома, было известно лишь о воеводах полков, некоторых военачальниках на должностях голов и служилых людях, упоминавшихся в летописях или разрядных книгах. Введенные в научный оборот новые источники позволяют уточнить события похода и показывают имена представителей государева двора, которые входили в состав царского сопровождения.

Ключевые слова: Иван IV; XVI в.; Казанский поход 1552 г.; государев двор; воеводы.

20 июля 1552 года, в память святого пророка Ильи, после молебна в церкви Рождества Пречистой Богородицы царь Иван IV со своим государевым полком, переправился через реку Оку и выступил из Муром к Казани: «поеде за Оку-реку на Саканьской лес [6, с. 199]. Разрядные записи дополняют это сообщение, уточняя, что маршрут войска проходил «полем»: «И пошел государь х Казани полем на Сокольское городище» [9, с. 418]. «И шол государь к своей отчине, к новому городу Звияжскому, полем из Мурома...» [9, с. 420]. Путь «полем» означал, что большая часть маршрута за Саконским лесом проходила через лесостепные и степные участки бассейнов рек Тешы, Пьяны, Алатыря, Суры и далее Свияги по старинной дороге – сакме. За 5 дней до выступления основного войска, вперед уже был отправлен ертоул с детьми боярскими и посошными людьми, мостить мосты на речках и ржавцах. К тому времени за Окой уже стоял сторожевой полк, который отправился вслед за государевым полком и полком левой руки.

Следует понимать, что эти силы в кампании 1552 года составляли примерно треть всего войска, готовившегося к штурму Казани. В Свияжске уже стояли значительные силы, прибывшие туда в течение апреля – июня 1552 года на судах, ожидая государева прихода и выполняя военные операции по приведению под власть Москвы народов, проживавших на территории Правобережья Волги. Перед выходом государя из Мурома, на судах по Оке и Волге были направлены войска во главе с касимовским царевичем Шах-Али и П.А. Булгаковым. Одновременно, синхронно с выступлением царя, на юге через Мещеру и междуречье Мокши и Суры, на соединение с царем продвигались большой полк, передовой полк и полк правой руки. Как показывает предварительный анализ маршрута движения южного фланга, он также большей частью опирался на существующие дороги из Прикаспия, Крыма, Казани, проходившие степными участками между лесными массивами.

В статье рассматриваются персоналии – представители государева двора участники похода, вместе с Иваном IV следовавшие из Мурома на Казань. Непосредственно перед событиями 1552 г. проводилась реформа двора. В 1550 г. была проведена так называемая «Тысячная реформа». В Московском и близлежащих к столице уездах были выделены поместья «избранной тысяче» «лучших слуг». Список имен чуть более тысячи избранных был занесен в «Тысячную

книгу», помимо «Тысячной книги», от того времени дошел и другой памятник, отражающий состав двора того времени – Дворовая тетрадь [10, с. 86–87]. Тысячники стали социальной опорой центральной власти, имевшие преимущественное право на замещение высших придворных, военных и административных должностей.

Многие члены государева двора – военачальники в должностях воевод и голов, и другие служилые люди, несомненно, имели большой боевой опыт службы в походах и участия в военных кампаниях, в том числе, с ростом военных действий на востоке, и на восточной границе – «казанской уkraine», участвовали в предыдущих казанских походах, служили воеводами в Нижнем Новгороде, Муроме, Мещере. Елатье. Их служба на «казанской уkraine» имела немаловажное значение для успешного выполнения задач похода. Именно она способствовала накоплению опыта, знанию местности, обычаев проживавших здесь народов, их предводителей и представителей, что в конечном итоге влияло на общий исход операции.

До недавнего времени среди персоналий государева двора, следовавших с Иваном IV из Мурома, было известно лишь о воеводах полков, некоторых военачальниках на должностях голов и служилых людях, упоминавшихся в летописях или разрядных книгах.

Воеводы.

Ертоул, вышедший из Мурома 15 июля, с детьми боярскими и посошными люди, в задачи которого входила разведка и инженерные работы, возглавляли князь Юрий Иванович Шемякин и князь Федор Иванович Троекуров [9, с. 419].

Князь Юрий Иванович Шемякин Пронский. Тысячник 1-й статьи из Тарусы [10, с. 56]. В казанском походе 1549–1550 гг. служил рындой царя Ивана Васильевича [8, с. 374]. В октябре 1550 г. в Нижнем Новгороде второй воевода за городом [8, с. 396].

Князь Федор Иванович Троекуров. Тысячник 2-й статьи из Ярославских князей [10, с. 57]. В 1547 г. воевода «на вылазке» в Нижнем Новгороде [7, с. 112]. В мае 1552 г. в войске, который был должен выступить из Мурома к Свияжску, командовал сторожевым полком [9, с. 411].

Полком левой руки командовали князь Дмитрий Иванович Микулинской и Дмитрий Михайлович Плещеев [9, с. 420]. Опытом службы на восточных границах обладал первый воевода князь Дмитрий Иванович Микулинской, тысячник 3-й статьи из Твери [10, с. 79].

Д.И. Микулинский служил воеводой в Мещере в июле 1541 г. [8, с. 259]. В июле 1548 г. 3-й воевода передового полка в Муроме [8, с. 335]. Д.М. Плещеев, занимавший должность второго воеводы полка левой руки, был тысячником 1-й статьи из Ростова [10, с. 56]. Сведений о службе на «казанской украине» до похода не имеется.

Сторожевой полк, сформированный в Муроме, возглавляли князь Василий Семенович Серебряный и Семен Васильевич Шереметев [9, с. 420].

Князь В.С. Серебряный имел самый большой опыт участия в казанских походах. В Тысячной книге и Дворовой тетради боярин [10, с. 54, с. 112]. Три казанских похода до 1552 г. проходили с его непосредственным участием. В апреле 1545 г. он возглавил судовую рать из Вятки на Казань [8, с. 318]. В походе 1547–1548 гг., в декабре 1547 г. вторым воеводой в полку правой руки находился в рати во Владимире, затем дошел до Мурома, откуда вместе с другими полками должен был двигаться на Тешу на встречу с ратью из Мещеры и с силами Шах-Али [8, с. 344, с. 349]. Но маршрут для ратей из Мурома был изменен, и на Тешу полк В.С. Серебряного и другие полки из Мурома не попали, отправившись на Нижний Новгород [4, с. 119]. В походе 1549–1550 гг. на Казань в полке правой руки второй воевода [8, с. 377]. Командующий полком правой руки в августе 1550 г. в походе на мещерские и рязанские места [8, с. 393]. В 1552 г., в Муроме воевода большого полка, в мае 1552 г., должен был выступить из Мурома на Казань во главе войск воеводой большого полка, но поход не состоялся [9, с. 411].

Второй воевода сторожевого полка, Семен Васильевич Шереметев, тысячник 1-й статьи из Коломны, с пометой «окольничий» в Дворовой тетради [10, с. 56, 113, 158]. Воевода в Нижнем Новгороде с октября 1550 г. [8, с. 398]. В 1550 г. послан в ЕлаТЬму «В ЕлаТЬме по нагайским вестям... из Мурома» [8, с. 395].

В государевом полку дворовыми воеводами у государя были боярин князь Владимир Иванович Воротынской и Иван Большой Васильевич Шереметев [9, с. 420]. Это были опытные воеводы. К тому же у боярина князя Владимира Ивановича Воротынского уже был опыт похода непосредственно через Тешу на Казань, 4 года назад он уже следовал частью маршрута, по которому шел в 1552 г. во главе государева полка [4]. В Казанском походе 1547–1548 гг. В.И. Воротынский, шел из Мещеры с Шах-Али, на Тёшу, далее

на Три острова и на Казань возглавляя большой полк [8, с. 346]. В тот зимний поход двигались силы пяти полков. Формально рать возглавляли касимовский правитель Шах-Али и астраханский царевич Едигер (Ядгар-Мухаммед). И у Шах-Али и у Едигера также были в подчинении свои отряды. Еще один отдельный отряд служилых татар возглавлял воевода Иван Ильин сын Челищев [8, с. 346]. В оттепель, преодолевая разлившиеся малые реки, к Тёше войска подошли «в четверг на заговейной неделе», т. е. 2 февраля 1548 г. [8, с. 347]. С Тёши к Ивану IV на Работку был отправлен с сообщением сын боярский мещерин Григорий Елизарьев сын Велин. Приняв решение возвращаться, Иван IV отправил тверского дворецкого Василия Михайловича Юрьева на Тёшу с наказом командующим продолжать движение на Казань, что и было исполнено [8, с. 349]. В следующем Казанском походе 1549–1550 гг. В.И. Воротынский являлся вторым воеводой большого полка [8, с. 377].

Иван Большой Васильевич Шереметев. В Тысячной книге и Дворовой тетради боярин [10, с. 54, с. 112]. Имел самый ранний опыт службы. Его служба на «казанской украине» началась в конце 1539 г. В должности второго воеводы за городом, дважды, в 1539 и 1540 гг. участвовал в обороне Мурома при нападении казанского хана Сафа-Гирея [8, с. 282, с. 291]. В 1540 г. Сафа-Гирей приходил под Муром с казанскими, крымскими и ногайскими отрядами, под городом стоял два дня. Общими усилиями муромских детей боярских и городских людей, которые «из города выходили и с татары ся били», татары были разбиты [6, с. 135]. В апреле 1545 г. в судовой рати на Казань командовал передовым полком [8, с. 317]. В походе 1549–1550 гг. царь «отпустил» И.В. Шереметева из Владимира в Нижний, в боях под Казанью он стоял «от Поганова озера за туры», в приступ был ранен [8, с. 372, с. 378].

Таким образом, из восьми воевод, командующих полками, четверо воевод принимали участие в походах на Казань. Ертоул, сторожевой полк и государев полк возглавляли именно участники казанских походов. Государев полк вел воевода, знакомый непосредственно с местностью, уже следовавший частью маршрута. 6 воевод имели опыт службы воеводами в Нижнем Новгороде, Муроме и Мещере, в том числе «на вылазке» и «за городом».

Следует отметить и воевод братьев С.В. и И.В. Шереметевых, в поход на Казань из Муромы они вели войска по маршруту, которым

возможно, еще в 1530 г. вел войска их отец Василий Андреевич Шереметев (умер в 1548 г). В мае 1530 г. во время войны с Казанью он был вторым воеводой большого полка в конной рати Михаила Глинского, вышедшей из Мурома «полем» [8, с. 216].

В разрядных книгах упоминаются еще несколько участников похода из Мурома. После переправы Оки, государь назначил выборных голов в свой полк: «розрядил у себя выборные в полку головы Семена Васильева сына Яковлевича, Микиту да Ивана Васильевых детей Шереметева, князя Ивана князь Иванова сына Кашина Сухова, да Петровых детей Головина Василья да Петра да Михаила Иванова сына Воронова, а с ними пустил государь голов и детей боярских безмесо» [9, с. 418].

У большинства из упомянутых голов также имелся опыт службы воеводами в Нижнем Новгороде и Муроме и участие в походах на Казань.

Семён Васильевич Яковлев. Тысячник 2-й статьи из Коломны [10, с. 59]. В походе 1547–1548 гг. рында, в походе 1549–1550 гг. стольник в есаулах [8, с. 345, с. 381].

Никита Васильевич Шереметев. Тысячник 1-й статьи из Коломны [10, с. 56]. Осенью 1551 г. воевода в Елатье [9, с. 408]. Участник похода 1547–1548 гг. С Иваном Михайловичем Юрьевым был отправлен к царю с известием о победе над войсками хана Сафа-Гирея в бою на Арском поле под Казанью [6, с. 156].

Иван Иванович Кашин. В Тысячной книге тысячник 1-й статьи из Оболенских князей [10, с. 55]. Сведений о службе на восточной границе не имеется.

Василий Петров Головин. Тысячник 2-й статьи из Москвы [10, с. 58]. Воевода в Нижнем Новгороде в сентябре 1550 г. и в январе 1552 г. [8, с. 396; 2].

Михаил Иванович Вороной Волынский. Тысячник 1-й статьи из Ржевы [10, с. 56]. В 1542 г. наместник в Елатье [8, с. 306]. Второй воевода в Муроме в июле 1547 г. [8, с. 337]. В походе 1549–1550 гг. послан из Нижнего на Казань на Укречь: «казанских мест воевати и кормов добывати» [8, с. 376]. В апреле 1551 г. Михаил Иванович Вороной Волынский был послан из Переяславля-Рязанского «на поле», чтобы прервать сообщения между казанцами и крымцами [8, с. 403]. В июне 1552 г. – второй воевода сторожевого полка в Коломне во время сбора войск для похода на Казань.

В 2019 г. А.Е. Жуковым были опубликованы «Разрядные записи о Казанском походе» из сборника библиотеки Российской академии наук, г. Санкт-Петербург (ф. 16, оп. 17, № 34) (далее – БАН), содержащие множество подробностей о военных действиях 1552 г. [3]. Так, например, они уточняют передвижение полков у Муром. Когда Иван IV прибыл в Муром, то получил известие из Гороховца от Федора Абрамова сына Палецкого, а тот получил сообщение из Нижнего Новгорода от князя Григория Мещерского: «Казанские многие люди приходили к Нижнему Новугороду и языки поимали, а иных казнили люди, чают воровские места» [3, с. 415]. Для обеспечения безопасности основного войска «И по тем вестям послал царь Иван Васильевич для Казанских людей за Тетюши воевод своих Семена Васильевича Шереметева со многими людьми. За Тетюшею ж в Волосове велел стояти Михаилу Иванову сыну Воронову со многими же людьми» [3, с. 415]. Отсылка к этой отписке в других источниках не обнаружено [3, с. 415]. Данная информация показательна тем, что казанские отряды действовали по правобережью Волги, доходя до Нижнего Новгорода и угроза нападения на русские полки на марше из Муром «полем» была реальна. Для предупреждения внезапного нападения, пока рати стояли в Муроме, «за Тетюшу» отправлен второй воевода сторожевого полка – С.В. Шереметев с частью войска. Предполагаем, что в записях «Тетюшею» названа река Тёша, правый приток Оки, чье устье находится в 7 км ниже Муром. В 6 км напротив Муром находится и д. Волосово, куда был направлен М.И. Воронов (Вороной Волынский) с еще одним многочисленным военным отрядом.

Введенные А.Е. Жуковым в научный оборот «Разрядные записи о Казанском походе» показывают нам ещё 162 представителя государева двора, которые входили в состав царского сопровождения и сообщают некоторые подробности охраны царя на маршруте: «А стерегли, идучи х Казани, по станом у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси шатра головы, а с ними князи и боярские дети, дворовые стольники, и стряпчие, и жилцы по статьям». В этих разрядных записях приведена постатейная роспись дежурных по станам. Всего дежурные подразделялись на 8 статей. В опубликованных записях перечислены все персоналии двора с 1-й по 5-ю статью и персоналии 8-й статьи. По 6-й статье сохранились

имена только князя и двух стольников. По 7-статье имена на сохранились [3, с. 415-417].

В каждую статью входило от 16 до 25 служилых государева двора. Возглавляли каждую статью головы – лица княжеского происхождения, имевшие опыт службы. В каждую статью входили чиновные группы: стольники, от 2 до 5 в статье, стряпчие от 3 до 8, жильцы от 7 до 16. Групп дворян/дворян больших присутствовала не во всех статьях. Всего известно о 136 дежурных по станам [3, с. 415-417] (*таб.1*).

Таблица 1

Численность чиновных групп служилых людей, дежурных по станам по статьям в походе 1552 г. из Мурома [3, с. 415-417].

№	Головы	Стольники	Стряпчие	Жильцы	Дворяне / дворяне большие	Всего
1	1	4	8	11	0	24
2	2	5	3	11	4	25
3	1	3	3	16	0	23
4	1	4	3	9	4	21
5	1	6	3	14	0	24
6	1	не менее 2	?	?	?	не менее 3
7	?	?	?	?	?	нет данных
8	1	2	4	7	2	16

После перечисления дежурных по станам по статьям, в разрядных записях БАН перечислены отдельно имена еще 26 служилых, которые «на Стороже назирали у царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси шатра, идучи х Казани, и по дорогам сторожи ставили» [3, с. 417–418]. Отметим, что большинство персоналий царского сопровождения входили в число тысячников – «лучшей» части государева двора.

Из 8 известных военачальников на должности голов царской охраны, у 3-х имелся опыт службы на восточной границе.

Князь Иван Васильевич Пеньков – голова 1-й статьи. В Дворовой тетради из Ярославских князей [10, с. 120]. В феврале 1547 г. в походе на казанские места, воевода полка правой руки. Но войска дошли только до Сухой Ельни и возвратились [8, с. 331]. В 1549 г. послан в Муром [8, с. 359]. Воевода в Нижнем Новгороде в мае 1550 г., воевода в Нижнем за городом в сентябре-октябре 1550 г. [8, с. 388, с. 396].

Князь Юрий Иванович Кашин Оболенский – голова 3-й статьи. Тысячник 1-й статьи из Калуги [10, с. 56]. В планируемом в сентябре 1542 г. походе из Муром на Казанские места должен был возглавить полк правой руки [8, с. 304]. В походе 1547–1548 гг., воевода передового полка в войсках, следовавших из Мещеры на Тешу и далее на Казань [8, с. 346]. В походе 1549–1550 гг. второй воевода сторожевого полка [8, с. 377]. В мае – июне 1550 г., второй воевода в Муроме [8, с. 387].

Князь Андрей Иванович Ногтев – голова 5-й статьи. Тысячник 2-й статьи «Суздальские» [10, с. 58]. В июле 1547 г. и июле 1548 г., в Муроме в полках первый воевода полка правой руки [8, с. 333–334, 355]. Есаул в походе 1549–1550 гг. [8, с. 380].

Среди других чиновных групп царского сопровождения опыт руководства в службе на «казанской уkraine» имелся у трех лиц.

Стольник князь Федор Иванов сын Татев. В мае 1551 г. он провел войска из Мещеры к Свияжску [8, с. 399], то есть также имел опыт и знание маршрута через речные бассейны рек Теши и Пьяны.

Жилец Иван Иванов сын Клушин. Тысячник 3-й статьи по Бежецкому верху [10, с. 81]. В 1540/1541 гг. в Нижнем Новгороде второй воевода за городом [8, с. 292].

В категории «На Стороже назирали...» опыт предыдущей службы на восточной границе имел Назар Семенов сын Глебов. В Дворовой тетради из Рязани [10, с. 166]. В 1550 г. воевода, посланный на Укречь «казанских мест воевати и кормов добывати» [8, с. 376]. В мае 1552 г., должен был выступить из Муром на Казань вторым воеводой передового полка [9, с. 411].

Из остальных известных лиц сопровождения, у 11 известен опыт службы ранее в охране царя (рында), или помощником охраны (поддатня у рынд), в есаулах, а также «у коня государева» и постельничим.

Ранее в походе 1549–1550 гг. служили рындами стольники: Василий Андреев сын Бутурлин, тысячник 3-й статьи из Переславля [10, с. 67]; князь Петр Иванов сын Татев, тысячник 2-й статьи из Стародубских князей [10, с. 58]; князь Андрей Иванов сын Татев, тысячник 3-й статьи из Стародубских князей [10, с. 63] [8, с. 375].

В походе 1549–1550 гг. поддатни у рынд жильцы: Василий Гундоров Тетерин, тысячник 3-й статьи по Суздалью [10, с. 65]; Андрей, Михаил и Никита Ивановы дети Еропкина, тысячники 3-й статьи из Воротынского, в Дворовой тетради из Козельска [10, с. 73, 171] [8, с. 375].

В походе 1549–1550 гг. в есаулах: Худяк Игнатьев сын Салтыков, тысячник 2-й статьи по Вязьме [10, с. 60], князь Федор Андреев сын Мещерский, тысячник 3-й статьи по Боровску [10, с. 74], [8, с. 380].

В походе 1549–1550 гг. «у коня государева» Тимоха Пухов сын Тетерин, тысячник 3-й статьи по Суздалью [10, с. 64] [8, с. 375].

В походе 1549–1550 гг. постельничий Андрей Владимиров сын Мансуров, в Дворовой тетради постельничий [10, с. 115].

Таким образом, в походе 1552 г. из Мурома опыт раннего участия в походах на Казань и опыт службы воеводами в городе и за городом (Нижний Новгород, Муром, Мещера, Елатьма) имели не менее 16 военачальников в должностях воевод и голов, 12 других лиц царского сопровождения. Вместе с дворовым воеводой у государя – боярином князем В.И. Воротынским вели войска к Казани через бассейны Тёши и Пьяны уже по знакомому им маршруту голова князь Ю.И. Кашин Оболенский и стольник князь Федор Иванов сын Татев.

Войска вели опытные воеводы, имевшие представление о территориях между Окой и Волгой, не только знакомые с транспортными путями, но и следовавшими этими путями ранее, и, предполагаем, уже знакомыми с представителями проживающего на местности населения, их сотниками. Представляет интерес и сообщение Александро-Невской летописи о том, что местное население поддерживало армию провизией, помогало инженерными работами по обустройству станов и мостов: «Живущии же в тамошних странах Черемиса и Мордва и прочии...и мосты на реках делаху, и везде станы строины бяху» [1, с. 188]. Все это, в итоге, и привело к выполнению задач первой части похода. Переброска на большое расстояние воинских контингентов была успешно завершена при четком и максимально организованном марше в жаркое летнее время.

Участники похода проявили себя при осаде и взятии Казани. В дальнейшем продолжили нести службу придворную, административную, военную, становились воеводами в полках и городах, назначались на дворцовые должности и т.д. Служба многих воевод, голов

и служилых людей, входивших в состав царского сопровождения, следовавших из Муром на Казань в 1552 г., в последующие годы оказалась связанной в том числе с Нижегородским регионом и территориями бывшего Казанского ханства.

Источники и литература

1. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. 389 с.
2. Головин Василий Петров сын // Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного // URL: <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/554.html>
3. Жуков А.Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 405–428.
4. Инжутов А.А. Казанский поход 1547-1548 гг. Хронология похода. Маршруты движения войск // Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летию основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б.А. Илюшина, Е.В. Четвертакова. Н. Новгород; Свияжск, 2024. С. 115 – 132.
5. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584 – 1605. СПб. 1992. 216 с.
6. Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1904. 302 с.
7. Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. 615 с.
8. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 189 – 405.
9. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1977. С. 408 – 559.
10. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. 456 с.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВЕЙ СЕЛА КОСТЯНКИ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

Курмышов Александр Вячеславович

Независимый исследователь

Россия, Нижегородская обл., г. Кстово; e-mail: al.kurmysh@gmail.com

В статье рассматривается история строительства, бытования и разрушения церквей села Костянки Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Проведена оценка влияния строительства церквей на положение жителей Костянки и распространение раскола. Приведены примеры использования архивных документов, связанных с историей церквей, для целей генеалогии.

Ключевые слова: Арзамасский уезд; село Костянка; Н.О. Кутлубицкий; церковное строительство; экономическое положение крестьянства; распространение раскола в XIX веке; причины упадка православия после революции 1917 года; генеалогия.

В данной работе я постарался сделать обзор истории церквей села Костянки Арзамасского уезда, от замысла постройки до их закрытия и разрушения. Наряду с типичными для рос-

сийской истории процессами, в истории костянских церквей отмечены местные особенности, повлиявшие на их судьбу. При подготовке статьи мной были изучены некоторые документы по этому вопросу, хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА). Проведен поиск публикаций по этой теме в периодических изданиях, прежде всего это «Нижегородские епархиальные ведомости» и «Нижегородский епархиальный вестник», а также газета «Новый путь» Шатковского района.

Предыстория строительства православных храмов в Костянке начинается в XVII веке. Деревня Костянка была основана путем переселения жителей мордовской деревни Тюгелевы, которые «перешли жить в свое уюде (т.е. угодье) на помру на Костянку из Старого Тюгелева с озера Сердома» в начале 20-х годов XVII века [15, оп. 1, д. 8, л. 191]. Согласно переписи 1678 года «в деревне Тюгелеве, Костянка тож, мордовских тритцать дворов, людей в них сто три чело века. Да осмнатцать мест пустых дворовых». Упоминается, что в числе пустых дворов было только одно место «новокрещена Оськи Еремеева» [15, оп. 602А, д. 22, л. 365 об.]. В основном мордовское население придерживалось традиционных верований.

Однако в начале XVIII века в Костянке появляется значительное число русских крестьян. По ландратной переписи 1716 года показано «в той деревне Тюгелеве, Костянка тож, крестьянских тритцать восемь дворов, мордовских двенатцать дворов». Общее количество показанных людей в деревне 209 человек обоого полу, из них мордвы 46 человек, то есть всего пятая часть от общего числа [7, оп. 1, д. 13, л. 43]. В дальнейшем в XVIII века доля мордовского населения в деревне Костянке увеличилась до 24,7% в 1763 году, а затем снизилась до 19% в 1795 году.

В 40-х годах XVIII века в Арзамасском уезде проводилась активная миссионерская деятельность православной церкви, поддерживаемая экономическими мерами правительства Российской Империи. В 1740 году священником г. Арзамаса Яковом Афанасьевым проводилось увещевание мордвы Арзамасского уезда креститься в православную веру, но ему было отказано всеми мордовскими селениями, в том числе и старостой Костянки Смоляем Леонтьевым [14, оп. 552, д. 17]. По данным переписи 1744 года, в Костянке доля

мордвы и новокрещенов, в общем числе 334 человека мужского населения, составляла 25,7% в том числе показано новокрещенов только 11 человек, мордвы 69 человека [7, оп. 2, д. 114, л. 994, л. 998 об]. Однако далее политика христианизации принесла свои плоды и к началу 60-х годов мордовские жители Костянки все приняли христианство. Динамика изменения численности и структуры населения деревни Костянки представлена ниже (таб. 1).

Таблица 1.
Динамика изменения населения деревни Костянка в XVIII веке

Категория населения	Единица измерения	Ландратная перепись. 1716 год [7]	Ревизия №1. 1721 год (только мужского полу) [8]	Ревизия №2. 1744 год (только мужского полу) [9]	Ревизия №3. 1763 год [10]	Ревизия №4. 1782 год [14]	Ревизия №5. 1795 год [15]
Русские	Человек	163	145	254	633	735	810
	% к итогу	78,0%	75,5%	76,0%	75,3%	80,2%	81,1%
Новокрещены	Человек	-	-	11	208	181	189
	% к итогу	0,0%	0,0%	3,3%	24,7%	19,8%	18,9%
Мордва	Человек	46	47	69	-	-	-
	% к итогу	22,0%	24,5%	20,7%	0,0%	0,0%	0,0%
Новокрещены и мордва	Человек	46	47	80	208	181	189
	% к итогу	22,0%	24,5%	24,0%	24,7%	19,8%	18,9%
Итого людей	Человек	209	192	334	841	916	999
	% к итогу	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В то время в Костянке не было церкви и эта деревня была приписная к приходу Казанской церкви соседнего села Бритовки. Судя по сведениям из исповедных росписей Казанской церкви на рубеже XVIII – XIX веков все жители Костянки были православного вероисповедания, были у святого причастия и исповедовались и не склонны были к расколу [14, оп. 559А, д. 1045].

Деревня Костянка на протяжении XVIII века сначала относилась к Арзамасскому ясачному приказу, а потом к дворцовому ведомству, находилась под управлением Дворцовой канцелярии. Однако в конце XVIII века произошли важные события, изменившие статус селения и его жителей и повлиявшие на дальнейшую историю Костянки.

В декабре 1796 года император Павел пожаловал своему флигель-адъютанту Николаю Осиповичу Кутлубицкому в вечное и потомственное владение 1000 душ крестьян (мужского полу).

В феврале 1797 года императорским указом в счет этого были даны Кутлубицкому дворцовые селения в Арзамасском уезде Нижегородской губернии: Алемаево, Березовка Костянка и Крапивка с прилегающими дачами, всего около шести с половиной тысяч десятиин земли [12, оп. 25, д. 403].

Николай Осипович Кутлубицкий, родившийся в 1775 году и происходивший из среды мелких малороссийских шляхтичей, волею случая попал в ближайшее окружение императора Павла, который вознес его в высокие придворные и армейские чины. К 1800 году он, двадцатипятилетний, имел звание генерал-лейтенанта и придворную должность генерал-адъютанта. После смерти императора Павла Н.О. Кутлубицкий в августе 1801 года был уволен в отпуск на год, а в сентябре 1802 года по прошению вышел в отставку и уехал из Санкт-Петербурга на жительство в деревню Костянку.

Выбор Костянки для устройства усадьбы объясняется тем, что это было самое крупное из приобретенных Н.О. Кутлубицким селений, лежащее на большом Симбирском тракте, а также еще и тем, что в отличие от других подаренных ему селений, большинство населения в Костянке составляли русские.

Обустроив усадьбу, Н.О. Кутлубицкий вознамерился построить в своем имении православный храм. При этом он подошел к этому проекту со столичным размахом. По плану решено было построить грандиозный каменный храм с отдельной каменной колокольней, чего во всей здешней округе не было. И лишь в уездном Арзамасе были подобные храмы. Начальные этапы реализации этого проекта подробно описаны в деле Нижегородской духовной консистории «Дело по прошению генерал-лейтенанта Николая Кутлубицкого о дозволении построить церковь в д. Костянка Арзамасской округи, с приложением плана» [14, оп. 556-1, д. 32].

В декабре 1813 года Н.О. Кутлубицкий обратился к Архиепископу Нижегородскому с прошением о постройке в Костянке новой каменной церкви во имя Святых апостолов Петра и Павла с двумя теплыми приделами в честь Святителя Николая и Преподобной Евдокии. Выбор святых покровителей объясняется тем, что Николай Осипович совершенно справедливо считал императора Павла своим благодетелем и решил построением Петропавловской церкви отдать дань уважения покойному императору. Однако он не забыл и семейных небесных покровителей, своего – Николая и жены своей – Евдо-

кии (жена его была Авдотья Савельевна, в девичестве Ваксель). В литературе встречается утверждение, что церковь в Костянке была построена в честь победы над Наполеоном в войну 1812 года. Но документальных подтверждений этому мною не найдено. Одной из важнейших причин строительства в Костянке церкви Н.О. Кутлубицкий называл заботу о своих крестьянах, которые испытывали затруднения в проезде к церкви, расположенной в Бритовке, через овраг, особенно в «разлитие вод» [14, оп. 556-1, д. 32, л. 1].

Кроме большого трехпрестольного храма в центре села, проектом предусматривалось строительство каменной колокольни и отдельной напольной кладбищенской церкви.

Для положительного решения вопроса о постройке церкви в Костянке необходимо было выполнить несколько обязательных условий. Во-первых, Н.О. Кутлубицкий должен был построить все церковные строения за собственный счет и оснастить их всем необходимым, во-вторых, он выделял усадьбную землю в Костянке и возводил на ней дома для причта, в-третьих, выделялась из дачи деревни Костянки земля под пашню и покосы для церковнослужителей (*приложение №2, илл. 1*). Эти условия все были выполнены.

Особо встал вопрос о судьбе прихода села Бритовки. Дело в том, что к селу Бритовке, как сказано выше, относились деревни Костянка и Крапивка. А население Костянки значительно превосходило население Бритовки и, с построением церкви в Костянке, Казанская церковь Бритовки теряла большую часть прихожан.

Решение этого вопроса было весьма неординарным. Для сохранения числа прихожан Казанской церкви села Бритовки на приемлемом уровне, из Костянки в соседнюю деревню Крапивку было переселено 46 человек обоего полу. Решение о переселении было принято Н.О. Кутлубицким в апреле 1815 года и согласовано епархиальным руководством.

С формальной точки зрения вопрос был закрыт. После переселения расклад по числу мужских душ таков:

В селе Бритовке (всех помещиков) вообще	216
В деревне Крапивке жителей	165
Да вновь к переселению назначенных	25
Итого в приходе Бритовки	406
А в деревне Костянке затем остается	548

И в том же 1815 году, после уборки хлебов, все намеченные крестьяне из Костянки были переселены в Крапивку [14, оп. 556-1, д. 32, л. 72].

В этом эпизоде нашло отражение то, как относился помещик Кутлубицкий к своим вновь приобретенным крепостным. Видимо, судьба и жизненные обстоятельства полусотни людей ему были безразличны. А то, что жители Крапивки добирались до церкви в Бритовке через Костянку и упомянутые овраги, ни помещика, ни епархиальное начальство уже не волновало.

Удовлетворив все требования епархиального начальства, Н.О. Кутлубицкий приступил к строительству, в процессе которого он стал осознавать истинные размеры проекта и потребности в ресурсах и времени для его реализации. Поняв, что строительство большого каменного храма с колокольной растянется на несколько лет, он решает в первую очередь построить небольшой напольный храм за околлицей села в месте, где было решено устроить сельское кладбище.

Эта церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была закончена строительством в сентябре 1817 года. В своем письме Моисею епископу Нижегородскому Н.О. Кутлубицкий от 14 сентября 1817 просит его благословения на освящение храма в день Покрова (02 октября 1817 по ст. стилю) и назначении на должности церковнослужителей [14, оп. 556-1, д. 32, л. 97].

Первые записи метрической книги церкви села Костянки, Петропавловского тож, сделаны: о рождении – 7 октября, о браке – 17 октября и о смерти – 26 октября 1817 года [14, оп. 10, д. 531, л. 1].

Строительство же Петропавловской церкви продолжалось 17 лет. Церковь была закончена и освещена только 8 ноября 1831 года. Проектировал храм Михаил Петрович Коринфский, а расписывали храм ступинцы – ученики Арзамасской школы живописи. К сожалению, пока не удалось найти упоминаемые в деле о строительстве церкви чертежи плана и фасада.

В строительство и обустройство костянских храмов Н.О. Кутлубицкий вложил очень большие средства. Судить об этом можно по сведениям из хранящегося в ЦАНО дела «Описание Петропавловской церкви с. Костянка Арзамасского уезда и опись принадлежащего ей имущества, составленная в 1849 году». В описи дано описа-

ние строений Петропавловской церкви, отдельно стоящей колокольни и Покровской кладбищенской церкви и всего их внутреннего убранства и церковного имущества от колоколов и алтарных престолов до навесных замков. Всего стоимость трех зданий и всех церковных вещей оценена в 60 309 рублей 90 копеек серебром [14, оп. 557, д. 263, л. 19 об.].

Для того, чтобы завершить постройку и оснащение церквей Н.О. Кутлубицкий вынужден был занимать деньги под залог своего имения [13, оп. 766-2, д. 2869].

В конечном счете все эти расходы по строительству и содержанию церквей легли на плечи крепостных крестьян Н.О. Кутлубицкого и, прежде всего, жителей Костянки. Так, заботясь о духовных потребностях жителей Костянки, Н.О. Кутлубицкий обрек их на великие материальные затраты.

Жители Костянки в ответ на эти тяготы нашли своеобразный и неожиданный выход. Со времени завершения строительства Петропавловской церкви в Костянке стал распространяться раскол. Православные до того, жители костянские порывали с официальной церковью, становясь приверженцами «Спасова согласия». Так, по сведениям из исповедной росписи 1831 года церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Петропавловского, Костянка тож, у исповеди и Святого причастия были все жители села, за исключением малолетних детей до семи лет [14, оп. 559А, д. 1045, л. 211]. Через тридцать лет, по сведениям исповедной росписи 1860 года Петропавловской церкви села Костянки, из взрослого населения у исповеди и причастия было только 67% людей. У большинства небывших у исповеди жителей показана причина «за нерачением», но 21 человек показаны уже «явленными» раскольниками [14, оп. 559А, д. 1486, л. 82]. Затем процесс ухода в раскол только усиливался, что привело к открытому противостоянию жителей села Костянки и местного причта.

В марте 1865 года было заведено «Дело по рапорту причта с. Костянка Арзамасского уезда о нежелании исполнять христианский долг исповеди прихожанами села в связи с уклонением в раскол». Священник Петропавловской церкви Алексей Золотов доносил, что 64 семейства села Костянки объявили себя раскольниками [14, оп. 558, д. 93]. А в начале 1866 года последовали многочисленные рапорты причта села Костянка со справками об неисполнении христианских обязанностей отдельных крестьян из этого числа, и

о тщетном их увещевании. Каким-либо наказаниям все упомянутые лица, отклонившиеся в раскол, однако, не были подвергнуты. Все они во время следствия говорили, что стали раскольниками исключительно добровольно и без всякого влияния со стороны, затем только, чтобы спасти душу свою.

Жители села Костянки на рвение священника ответили встречной жалобой и в октябре 1866 года было начато «Дело по отношению нижегородского губернатора с жалобой крестьян с. Костянка Арзамасского уезда о взимании непомерной платы за исполнение треб священником Алексеем Золотовым и отрешении его от места» [14, оп. 558, д. 398]. По этому делу были проведены судебное и гражданские расследования, но в результате в действиях священника состава преступления не нашли, и он служил в Петропавловском храме аж до 1889 года.

Как бы то ни было, процесс ухода в раскол продолжался, и к началу XX века большинство жителей Костянки были «склонны к расколу», как писали в метрических книгах Петропавловской церкви. Дело в том, что раскольники «Спасова согласия» считали обязательными таинства крещения и бракосочетания совершаемые священником. Своего священства «спасовцы» не имели и считали, что обряд может совершить православный священник. А вот другие таинства они не признавали, не исповедовались и своих умерших хоронили без участия священника.

В связи с тем, что количество треб, священнодействий и молитвословий по нужде отдельных лиц в Костянке резко сократилось, сократились и доходы церкви. Пришлось уменьшить штат причта, убрав места диакона и дьячка и оставив в штате только священника и псаломщика.

С 1875 года в Нижегородской епархии стало действовать миссионерское Братство Святого креста, целью которого было «обращать к церкви удаляющихся от нее старообрядцев и других заблуждающихся». Активным членом этого братства был настоятель Петропавловского храма с 1891 года Николай Иванович Формозов. Но, несмотря на все его усилия, раскол в селе не ослабевал. Костянские жители заняли позицию, названную позже и по другому поводу «непротивления злу насилием». Они не вели открытой публичной агитации, не спорили с церковными властями, даже посещали, про-

водимые миссионерами беседы-увещевания и согласно кивали в ответ на доводы православных священников [4, с. 174]. Но в церковь ходили только детей крестить и регистрировать брак.

В Адрес-календаре за 1888 год имеются такие сведения: «Село Костянка, церковь каменная, во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, построена в 1831 году, трехпрестольная. Священник А. Г. Золотов 44 л., окончил курс семинарии, по 2-му разряду, на службе с 1865 года, имеет набедренник, Псаломщик А.Я. Македонский 69 лет, из высшего отделения духовного училища, на службе с 1834 года. Вторая церковь, под колокольной, каменная, в честь Успения Пресвятыя Богородицы, построена в 1870 году, однопрестольная. Третья церковь кладбищенская, каменная, в честь Покрова Пресвятыя Богородицы, построена в 1817 году, однопрестольная» [1, с. 584].

Здесь запись о постройке церкви в честь Успения Богородицы в 1870 году надо понимать так, что церковь эта была оборудована в существующем здании колокольни, построенном одновременно с Петропавловской церковью в 1831 году.

Далее указано, что общее число прихожан 403 человека мужчин и 484 женщины, в том числе раскольников 51 человек мужчин и 76 женщин (Нетовщ.) Нетовщина это синоним Спасова согласия. Церковной земли 33 десятины. Школы в селе нет. Приходских деревень нет [1, с. 584].

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, видимо практически не использовался для проведения служб и обветшал, так что к 1897 году престол был из него перенесен в Успенскую церковь под колокольной, а здание Покровской церкви еще какое-то время использовалось как часовня.

В Адрес-календаре Нижегородской епархии за 1904 год имеются следующие записи: «Село Костянка. Храм каменный (1831); престолы: главный холодный святых Апостолов Петра и Павла, придел правый святого Николая Чудотворца, левый преподобномученицы Евдокии. Храм каменный (1897); престолы: главный Успения Божьей Матери, придел правый Покрова Божьей Матери. Земли 27 десятин; дома церковные; казенное жалование 392 рублей. В приходе православных 427 мужчин 492 женщин, раскольников 36 мужчин 190 женщин. Земская школа. Иерей Николай Иванович Формозов, 35 лет, студент семинарии, в приходе с 1891 г., законоучитель, духовный следователь, имеет набедренник. Псаломщик А.И. Вадов,

31 г., из 4 класса духовного училища, окончил церковно-учительскую школу, в приходе с 1892 г. Церковный староста Н.С. Савостьянов (1898)» [2, с. 201].

После революции 1905–1907 годов раскольникам, которых стали официально именовать старообрядцами, разрешили создавать свои религиозные общины и вести метрические книги при условии регистрации этих общин. В Костянке общество Спасова согласия было зарегистрировано в 1910 году, и «спасовцы» стали самостоятельно, открыто совершать таинства крещения и венчания с записью об этом в своих метрических книгах. При этом часть их, не приняв таких новаций и не считая настоятеля общины «настоящим священником», продолжала обращаться по поводам крещения и венчания в православную церковь.

В том же 1910 году в Арзамасском уезде проходили действия по страхованию церковного имущества. Из дел по страхованию, хранящихся в РГИА, можно получить важные сведения о церковных строениях и стоимости имущества.

В страховом деле [8, оп. 33, д. 1520, л. 49] приводятся следующие размеры Петропавловской церкви и колокольни (*таб. 2*).

Таблица 2

***Основные размеры Петропавловской церкви
и колокольни с Успенской церковью в селе Костянка***

Измерения	саженей	метров
Петропавловская церковь		
Длина	16	34,1
Ширина	12,5	26,7
Высота до верха карнизов	8	17,1
Колокольня с Успенской церковью		
Длина	12,5	26,7
Ширина	12,5	26,7
Высота до верха карнизов	16	34,1

Исходя из этих размеров можно оценить высоту церковных зданий с учетом барабана церкви и куполов. Высота Петропавловской церкви от основания до навершия составляла около 27 метров, а до основания креста 30 метров. Колокольня от основания до шпиля была высотой 37 метров, а от основания до верха шпиля 43 метра.

Для сравнения, здание Воскресенского собора в Арзамасе, которое тоже было спроектировано М. Коринфским и строилось в те же годы (с 1814 по 1842 год), имеет форму греческого креста, положенного на квадрат. Длина и ширина храма равны и имеют по 30 сажен (63 м 90 см), а высота до среднего креста – 22 сажени (46 м 86 см) [6, с. 114].

Стоимость здания Петропавловской церкви вместе с тремя иконостасами оценена в 25 000 рублей, в такую же сумму 25 000 рублей оценено здание колокольни с иконостасами Успенской церкви. Здание часовни, бывшей Покровской церкви в оценку имущества для страхования не включено, видимо из-за ветхости.

В деле по страхованию приводятся сведения не только о стоимости церковных строений, но и о стоимости домов и надворных построек церковнослужителей. Учтены для целей страхования две усадьбы – священника и псаломщика. Всего стоимость строений, принадлежащих к церкви, оценена в 50 930 рублей [8, оп. 33, д. 1520, л. 51].

Для понимания величины этой стоимости проведем сравнительную оценку стоимости церковных зданий и всех жилых построек, имеющих в селе Костянка. В 1899 году было выполнено статистическое описание селений Костянской волости. В это время в Костянке насчитывалось 220 жилых построек из них 17 келий [10, оп. 3, д. 314, л. 14 об.]. Если взять среднюю стоимость жилой постройки равной стоимости дома псаломщика, которая по страховой оценке равна 200 рублей, то стоимость всех жилых построек в Костянке составляла около 44 000 рублей, что меньше, чем стоимость церкви с колокольней, горделиво возвышающихся в центре села (*приложение № 2, илл. 2*).

Для сравнения, в том же 1910 году оценка Казанской церкви в соседнем селе Смирнове 10 000 рублей, при населении в Смирнове, более чем в полтора раза большем, чем в Костянке [8, оп. 33, д. 1520, л. 79].

Для того, чтобы как-то увеличить число треб, к этому времени деревню Крапивку присоединили к приходу Петропавловской костянской церкви! Жители Крапивки были в основном православные, так же и небольшая часть костянских жителей оставалась приверженной православию.

В апреле 1913 года в Успенской церкви под колокольной случился пожар и она выгорела внутри [14, оп. 559, д. 64, л. 108].

Видимо не от хорошей жизни священник Петропавловской церкви Н.И. Формозов в июне 1913 года обратился с прошением о разрешении ему совершения обрядов старообрядческого наставника, в чем ему было епархиальным начальством отказано [9, оп. 51-1, д. 22291].

С началом войны в 1914 году резко снизилось количество свадеб и рождений детей, что еще более ухудшило положение церкви. Сразу после октябрьского переворота был принят декрет о земле, которым, в том числе, церковь лишалась права земельной собственности. Последним и решительным ударом стало принятие Советом Народных Комиссаров в начале 1918 года декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

В соответствии с требованиями этого декрета все метрические записи должны были проводиться государственными органами (отделами ЗАГС и т.д.). Кроме того, все церковное имущество объявлялось народным достоянием.

Последняя запись в метрической книге Петропавловской церкви датируется 14 октября 1918 года [14, оп. 3, д. 2307, л. 15 об.].

С отпадением надобности официальной регистрации рождений и свадеб жители Костянки в подавляющем большинстве перестали обращаться не только в православную церковь, но и к настоятелю общины Спасова согласия.

Церковные службы в Петропавловской церкви были прекращены в 1921 году. Таким образом, церковная жизнь в Костянке продолжалась чуть более ста лет с 1817 по 1921 год. В 1922 году были реквизированы церковные ценности для организации помощи голодающим Поволжья. В последующие годы церковные здания не использовались и стояли закрытые (*приложение №2, илл. 3*).

В середине 30-х годов началась компания по ликвидации церковных приходов и передаче неиспользуемых церковных зданий под нужды трудящихся.

Президиум Костянского сельского совета 22 марта 1934 года рассматривал вопрос «о передаче под культурные цели школу 7-летку костянской церкви». Было отмечено, что церковь не работает с 1921 года, церковный совет наблюдения за ней не ведет из-за чего в церкви случилось «хищение посредством взлома решетки на окне».

Здание приходит в ветхость, а население Костянки «в церкви не заинтересовано и производить ремонт не желает» [16, оп. 2, д. 740, л. 4]. Постановили вынести вопрос на общее собрание колхозников и единоличников села Костянки. Упомянутое собрание состоялось 25 марта 1934 года в нем приняли участие 256 человек из числа жителей Костянки. На собрании участники высказали мнение, что село нуждается в помещении под школу, а православная церковь не нужна, так как большинство жителей или неверующие, или старообрядцы. В результате собрание единогласно приняло решение «имеющуюся в селе Костянке церковь передать под школу колхозной молодежи» [16, оп. 2, д. 740, л. 7].

К протоколу приложен список взрослых жителей Костянки с росписями, кто верующий, кто нет. По итогу оказалось, что верующих 60 человек, отсутствует 22 человека, неверующих 472 человека [16, оп. 2, д. 740, л. 25].

В дальнейшем решение передать помещение церкви под школу было признано нецелесообразным из-за необходимости в таком случае потратить громадные средства на перестройку и дальнейших значительных текущих расходов по содержанию помещения. К концу 1935 года помещение колокольни было приспособлено под клуб, а здание Петропавловской церкви использовано под колхозный склад.

Комиссия по вопросам культа при Президиуме Горьковского Крайисполкома 16 декабря 1935 года постановила «С постановлением Шатковского райисполкома согласиться и церковь в селе Костянке ликвидировать, как не функционирующую десять лет, с последующим переоборудованием под складское помещение». Ликвидацию поручить президиуму Шатковского райисполкома с соблюдением ст.ст. 40-42 закона «О религиозных объединениях» [16, оп. 2, д. 740, л. 35]. Выписку Шатковскому РИК направили 4 января 1936 года. После этого решения все внутренне убранство церкви было разрушено. Все, что еще представляло какую-то ценность, было отправлено на Шатковскую базу «Цветмета».

Без поддерживающих ремонтов и должного содержания церковные здания постепенно разрушались. Летом 1953 года рухнула колокольня. Случилось это ночью, что помогло избежать возможных жертв. Видимо пожар 1913 года все же навредил несущей способности конструкций этого здания. Петропавловская церковь стала ис-

пользоваться как «источник» стройматериалов для колхозного строительства. Еще в 1960 году проводились работы по разборке церкви [5, с. 3], а в 1961 году от некогда грандиозного храмового комплекса в центре Костянки остались только громадные груды щебня [3, с. 4]. Щебенку пустили на ремонт дорог.

Но на этом точку в истории церкви села Костянки ставить оказалось рано. В день святых славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла 12 июля 2022 года в селе Костянке был освящен, построенный в 2020 году на пожертвования людей новый Храм (*приложение №2, илл. 4*). Он не отличается грандиозными размерами и драгоценностью убранства, но дорог сердцу прихожан. Православная вера в селе не угасла несмотря ни на какие препоны.

В завершение несколько слов о генеалогии. При подготовке этой статьи мною использован весь набор архивных документов, обычно используемых при исследовании родословных. Это метрические книги, исповедные росписи, переписные книги и ревизские сказки, содержащие сведения о людях, проживающих в Костянке. Хочу отметить, что круг источников сведений интересных для генеалогии, не ограничивается только этими архивными документами.

В деле по прошению генерал-лейтенанта Николая Кутлубицкого о дозволении построить церковь в д. Костянка находятся два списка жителей этой деревни. Во-первых, «Поименный список Арзамасской округи деревни Костянки господина Артиллерии генерал-лейтенанта и Кавалера Николая Осиповича Кутлубицкого дворовых людей и крестьян с их налицо состоящими, как мужаска так и женска полу семейств» [14, оп. 556-1, д. 32, л. 10]. В нем содержится роспись всем проживающим людям, включая семейство помещика, дворовых людей, крестьян и солдат. Крестьянские семьи расписаны по номерам дворов. Что еще ценно, у женщин указаны имена и отчества, а это важно, поскольку в ревизской сказке 1811 года женщин вовсе не писали, а в ревизских сказках 1816 и 1834 года крестьянские жены записаны только по именам без отчеств. У небольшого количества крестьян указаны даже фамилии, тогда как ни в метрических книгах, ни в исповедных ведомостях фамилий у крестьян нет, а в ревизских сказках фамилии записаны начиная с 1850 года.

Во-вторых, «Поименный список Арзамасской округи деревни Костянки крестьян, назначенных ... Николаем Осиповичем Кутлубицким к переселению в деревню Крапивку в составе полного количества по указанном положении душ к Бритовской церкви» [14, оп.

556-1, д. 32, л. 71]. В этом посемейном списке приводятся сведения о людях, переведенных в Крапивку в 1815 году.

Важные сведения для исследования родословных находятся в ЦАНО в делах фонда 570 описи 558 по расколу. В делах находятся списки жителей Костянки, уклонившихся в раскол [14, оп. 558, д. 93], списки лиц, подписавших жалобу на приходского священника и пояснения отдельных крестьян по делу [14, оп. 558, д. 398]. Есть еще в этой описи несколько десятков дел по отдельным лицам, обвиняемым в уклонении в раскол. Примером может служить «Дело по рапорту причта с. Костянка Арзамасского уезда о погребении по расколу жены крестьянина села Филиппа Фомина — Марьи Дорофеевой» 1866 года [14, оп. 558, д. 260]. Филипп Фомин Курмышов — это мой пра-пра-пра-прадед. Из этого дела я узнал, когда умерла Марья Дорофеева. В деле содержатся сведения о составе их семьи в то время. Что интересно, когда Филип Фомин умер в 1869 году, то он был причащён священником, отпет в церкви и похоронен по православному обряду.

В деле «О ликвидации церкви в селе Костянке Шатковского района» есть поименный список всех взрослых жителей Костянки с указанием возраста по состоянию на март 1934 года [16, оп. 2, д. 740, л. 14] с росписями верующих и неверующих лиц. В некоторых случаях этот документ может сильно помочь в поиске сведений о жителях Костянки.

История села Костянки складывается из истории его жителей, а история каждого жителя обусловлена общей нашей историей. В этой истории рано ставить точку, многое еще предстоит описать и понять и еще не все документы, касающиеся истории церквей села Костянки найдены и изучены.

Литература

1. Адрес-календарь Нижегородской епархии за 1888 год. Н. Новгород., 1888. 402 с.
2. Драницын Н.Н. Адрес-календарь Нижегородской епархии за 1904 год. Н. Новгород, 1904. 404 с.
3. Злобин К. Дорожному строительству не уделяется должного внимания // Новый путь. 1961. №149.
4. Отчет по Братству Святого Креста в Нижнем Новгороде за 1893 год // Нижегородские епархиальные ведомости. 1894. №12.
5. Сергунин Ф. Улучшить работу ревизионных комиссий // Новый путь. 1960. №89.
6. Щегольков Н.М. Арзамасский Воскресенский Собор: история его и описание. Арзамас, 1909. 174 с.

Источники

7. Российский государственный архив древних актов. Фонд 350.
8. Российский государственный исторический архив. Фонд 799.
9. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Фонд 5.
10. ЦАНО. Фонд 42.
11. ЦАНО. Фонд 60.
12. ЦАНО. Фонд 118.
13. ЦАНО. Фонд 177.
14. ЦАНО. Фонд 570.
15. ЦАНО. Фонд 2013.
16. ЦАНО. Фонд Р-2626.

ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ СЕЗОНЫ ГОДА В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ В XXI ВЕКЕ

Любов Михаил Сергеевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского Арзамасский филиал ННГУ, к.п.н., доцент кафедры биологии, географии и химии факультета естественных и математических наук Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Lubov.arz@mail.ru,

В статье рассматриваются фенологические сезоны года на территории Нижегородского края в условиях глобальных климатических изменений, произошедших в первые два десятилетия XXI века.

Ключевые слова: фенологические сезоны; зима; весна; лето; осень; Нижегородский край.

Нижгородской край – территория в границах Нижегородской области, занимает центральное положение на Русской равнине. Положение в средних широтах умеренного климатического пояса и равно удаленность от Атлантики, северных и южных морей обеспечивает четкую периодизацию годичного цикла природы [2]. Наряду с четырьмя традиционными сезонами года – зима, весна, лето, осень – в Нижегородском крае целесообразно выделять еще подсезоны, или фенологические фазы годового цикла. В связи с потеплением климата в XXI веке произошел небольшой сдвиг (смещение) средних дат наступления сезонов года и фенологических явлений: более раннее наступление весенних событий, удлинение вегетационного периода – как на территории Нижегородского региона в частности, так и всей страны в целом. Довольно существенно сократился по продолжительности зимний сезон. Изменилась и динамика весенне-летних фенологических процессов в Нижегородском регионе [1].

Зима в Нижегородском крае устанавливается с образованием устойчивого снежного покрова, по средним многолетним данным, с конца ноября, и продолжается до III декады марта, до начала его разрушения. В наступившем столетии начало фенологической зимы все чаще приходится на первую декаду декабря. В зимний период в ландшафтах региона белый аспект является преобладающим. Это наиболее длительный сезон года, продолжительность его составляет почти 4 месяца. Радиационный баланс с середины ноября до начала марта отрицательный. Именно в этот период наблюдается сочетание короткого светового дня с преобладанием плотной слоистой облачности. Продолжительность светового дня в этот период – от 7 до 11 часов. Высота солнца в день зимнего солнцестояния составляет 12°. В зимний сезон средняя суточная температура воздуха сохраняется отрицательной, обуславливая относительный покой природы. Во время оттепелей температура воздуха, на непродолжительное время, поднимается выше 0°C. В последние десятилетие количество дней с положительной температурой воздуха увеличилось примерно в два раза. Водоёмы зимой покрываются льдом, почвообразовательные процессы в почве вследствие её промерзания прекращаются. Вегетация растений в этот период исключена. Целесообразно зимний сезон подразделять на три фазы: первозимье, коренная зима (глухозимье), перелом зимы (предвесенье).

Первозимье начинается с выпадением покровного снега, т.е. с середины III декады ноября – первой декады декабря, кончается же в декабрьское солнцестояние (22 декабря), когда продолжительность светового дня достигает своего годового минимума. В первозимье бывает самое низкое положение солнца в годовом ходе; это наиболее темное время года, пора самых коротких дней и длинных ночей. Зимняя погода в этом подсезоне ещё неустойчива, за снегопадами и морозами часто случаются оттепели, в последнее время весьма продолжительные. Для этого периода характерно малоснежье. Особенно маломощным бывает в это время снежный покров в хвойных лесах, где значительная часть выпадающего снега (до 15%) задерживается на хвойном лапнике. Растения вступают в глубокий зимний покой. В город из окрестных лесов «подтягиваются» вороны, сороки, дятлы, синицы, поползни.

Коренная зима, или глухозимье, длится с 20-х чисел декабря примерно до середины февраля, до протяжной песни большой синицы. И хотя уже отходят хмурые деньки первозимья и день начи-

нает понемногу прибывать, дневное нагревание сильно уступает ночному выхолаживанию. В нижегородском крае это наиболее холодный период зимы, когда температура воздуха может достигать своих минимальных значений, а вероятность оттепелей становится наименьшей. Снежный покров продолжает нарастать, нередко случаются обильные снегопады и метели. Растения в этот период обладают наибольшей морозостойкостью. Снежный покров играет важную роль в жизни растений и животных. Многие травянистые растения перезимовывают в зеленом состоянии под снегом – кислица, вероника, зеленчук, копытень и другие.

Предвесенье длится примерно с середины февраля и до середины второй – начала третьей декады марта. Радиационный баланс становится положительным, что объясняется существенным возрастанием продолжительности дня, увеличением высоты Солнца и уменьшением общей облачности. Среднесуточная температура постепенно растёт, но, несмотря на то, что в послеполуденные часы воздух все чаще прогревается до положительных значений, в целом она остаётся ещё отрицательной. Увеличивается и количество малооблачных дней, в солнечную погоду на южной стороне крыш звенит капель, отращая сосульки. Возле комлей стволов начинает подтаивать снег, и около одиночных деревьев к югу образуются глубокие затайки (серповидные лунки вокруг ствола). Веселее поют синицы, щеглы, овсянки, чечетки и снегири. Снежный покров продолжает нарастать и достигает наибольшей высоты.

Весна. Наступление *весны* в метеорологии принято считать с момента устойчивого перехода средней суточной температуры воздуха через 0°C в сторону положительных значений. Но весенний режим погоды фактически наступает раньше, когда в дневные часы температура воздуха становится положительной и снег днем начинает активно таять. Появляются такие характерные фенологические признаки весны, как уменьшение высоты снежного покрова, образование наста в ночные часы, скопление днем воды на дорогах (появление луж), прилет грачей и т.д. Все это происходит на фоне быстро увеличивающегося светлого времени суток. Общие черты весеннего сезона в целом: нарастание солнечного тепла, значительный прогрев земной поверхности и воздуха, сход снежного покрова, вскрытие водоёмов, оттаивание почвы, возобновление вегетации растений, активизация животных, откочевка к северу зимующих птиц – свиристелей, чечеток, клестов, снегирей. Весной аспекты природы меняются

от бело-черного «пандового» до «голо-весеннего» и весенне-зелёного, с аспектами цветения. Продолжительность весеннего сезона в нашем регионе обычно составляет более двух месяцев. Он подразделяется на следующие фазы: снеготаяние, оживление и разгар весны (пределье).

Снеготаяние продолжается от первых проталин на южных склонах холмов и заканчивается сходом снежного покрова (в среднем в середине первой декады апреля). В лесах, особенно под пологом хвойных деревьев, снег может сохраняться до конца следующей весенней фазы (конец второй декады апреля). По нашим наблюдениям, раннее начало разрушения снежного покрова часто приводит к затяжному снеготаянию. Даже если этот процесс начинается в третьей декаде февраля, то полностью поля освобождаются от снега лишь в конце марта – начале апреля, а в лесах – в середине апреля. Следствием разрушения снежного покрова является вскрытие реки Тёши и её притоков. Вскрытие рек происходит спустя несколько дней после перехода среднесуточной температуры воздуха через 0°C в сторону повышения. Водоёмы очищаются ото льда, луга и поля – от снега. В эту фенологическую фазу наблюдается две волны прилета птиц. Первая – прилет грачей, вторая примерно на две недели позже – скворцов, жаворонков, зябликов, чаек, уток и чибисов. Прилет жаворонков и скворцов совпадает с освобождением открытых пространств от снега, прилет зябликов совпадает с исчезновением снежного покрова в лесу, а чайки и утки – со вскрытием водоёмов. Через территорию Нижегородского края на гнездование на север проходят миграционные пути диких гусей. Пробуждаются ранневесенние насекомые (бабочки – лимонница и крапивница, муравьи, комары-толкунки). Продолжается прилёт птиц – зарянки, горихвостки, варакушки, мухоловки, пеночки и других, а у оседлых – глухарей и тетеревов – наступает время тока.

Вторая фаза весны – *оживление* – совпадает с зацветанием первого подснежника – мать-и-мачехи. Заметим, в городе на прогретых солнцем участках цветение мать-и-мачехи наступает уже к началу апреля, когда в лесах еще лежит снег (например, в 2008, 2014 и 2015 гг. мать-и-мачеха цвела уже в конце марта). В этот период идёт интенсивное оттаивание почвы, появляются первые кучевые облака и возможны первые весенние грозы. Но в это время тепло ещё неустойчиво, по ночам возможны заморозки. Испаряемость уже превышает осадки, однако дефицит влаги восполняется за счёт осенне-зимнего накопления. Запас влаги в почве избыточные. К концу второй декады

апреля среднесуточная температуры воздуха переходит через $+5^{\circ}\text{C}$, что в свою очередь обуславливает вегетацию луговых трав и озимых культур. Набухают почки лиственных деревьев и кустарников, цветут орешник-лещина и различные виды ив. В конце апреля – начале мая начинают зацветать: гусиный лук, чистяк, калужница, ветреница (окраска цветков желтая), хохлатки (окраска цветков сиренево-фиолетовая), медуница (на одном растении цветки имеют, в зависимости от возраста, окраску от розовой, до фиолетово-синей) и другие раннецветущие растения. С их зацветанием связано пробуждение пчёл и шмелей. В лесах и парках – третья волна прилёта птиц: дроздов, пеночек и др.

Разгар весны, или предлетье, характеризуется возобновлением фотосинтеза и становлением зеленого аспекта в ландшафтах нашего региона. В первой декаде мая средняя суточная температура воздуха переходит через рубеж $+10^{\circ}\text{C}$, с этого момента начинается период активной вегетации всех растений. Фенологический индикатор третьей фазы весны – начало зазеленения берёзы; в XX веке он приходился на первые числа мая, в новом столетии это происходит на 5-6 дней раньше. Как правило, количество осадков несколько увеличивается, но испаряемость растёт быстрее, и запасы почвенной влаги интенсивно расходуются. Резко снижается вероятность заморозков, хотя возвраты холодов ещё возможны. Деревья и кустарники покрываются зеленой листвой, позднее других распускают листья широколиственные породы: липа, ясень и особенно дуб, что обуславливает массовое цветение под пологом оголённого широколиственного леса многочисленных эфемеров – первоцветов (ветреницы, фиалки, чистяк, гусиный лук и другие). В третьей декаде зацветают ландыш и земляника. Май – пора активного цветения не только трав, но и кустарников и деревьев. В начале месяца, в среднем 7 мая, зацветает черёмуха (в прошлом веке средняя дата ее цветения приходилась на 11 мая), во второй декаде, 16-17 мая, зацветает сирень (в прошлом столетии цветение сирени приходилось на начало третьей декады мая). Прилёт птиц в основном заканчивается, в первой десятидневке появляются ласточки, камышёвки и соловьи; в числе последних прибывают к нам стрижи, чечевица и коростели-дергачи (узнать их присутствие в лугах легко по характерному скрипучему звуку по ночам).

Лето в нашем регионе начинается с переходом средней суточной температуры воздуха через $+15^{\circ}\text{C}$ и продолжается около 3 месяцев, практически совпадая с календарными сроками. Продолжитель-

ность светового дня – от 15 до 17ч30мин. Высота солнца над горизонтом в день летнего солнцестояния достигает 58°. В этот период сумма среднесуточных температур обеспечивает активную вегетацию даже требовательных к теплу растений. С началом лета зацветает шиповник, люпин и чубушник («жасмин»), что является фенологическим индикатором наступления самого тёплого сезона года. В этот период вероятность заморозков почти равна нулю, а продолжительность солнечного сияния достигает своего пика. Лето – сезон наибольшего прогрева почвы и водоёмов, пора максимальной жизнедеятельности живых организмов. Этот сезон делится на три фазы: начало лета (перволетье), полное лето и спад лета.

Первая фаза, *начало лета*, отсчитывается с зацветания шиповника и люпина, с первых чисел июня, и продолжается примерно до начала следующего месяца. Заметим, что средняя дата цветения шиповника в новом столетии сместилась на конец мая. Первая фаза – наиболее светлое время года, период самых коротких ночей, когда вечерняя заря плавно переходит в утреннюю. Хотя в июне солнечная радиация максимальна, пик тепла сдвигается на июль (проявляется так называемый «эффект печки»). Интенсивно растёт вегетативная масса; линейный прирост деревьев, включая ель и сосну, кустарников и кустарничков достигает предельной величины. Цветут многие кустарники, лесное крупнотравье, большинство луговых трав и водяных растений. Вымётывают и пылят злаки, белыми соцветиями тянутся вверх зонтичные, поспевают земляника, появляются грибы – подберёзовики, маслята и первые белые. По лощинам и западинам благоухает таволга, желтыми головками сверкает купальница, в травостоях мелькают различные колокольчики, нивяник (неправильно именуемый в народе ромашкой), северные орхидеи – ятрышник, любка двулистная (ночная красавица), а также белый и жёлтый донник – ценные медоносы. На пустырях розовеют соцветия лопуха.

Вторая фаза, *полное лето*, отделяется от первой нечётко, она совпадает с началом цветения липы и цикория. В XX веке средняя дата цветения липы приходилась на 6 июля. В наступившем столетии липа зацветает в среднем 29 июня (в начале июля липа цвела лишь в 2002, 2003 и 2004 гг.). Продолжается период полного лета примерно до первых чисел августа, он также не имеет заметного рубежа со следующей фазой. Это наиболее тёплое время года, когда заморозки в нашем регионе исключены. Именно в этот период температура воздуха может достигать своего максимального значения, а испаряемость доходит до верхнего предела. Атмосферное увлажнение,

особенно в отсутствии дождей, становится недостаточным, резко уменьшается сток, запасы почвенной влаги снижаются до минимума. В эту фазу наблюдается максимальный прирост деревьев в толщину, созревают плоды черники и малины, в садах – смородины и вишни. Цветение трав, в середине лета, открывают зверобой, полынь, чертополох, смолка, короставник и другие. Цветут «золотые шары» (рудбекия) и пижма, символизируя зенит лета. Большую активность проявляют кровососущие насекомые.

Спад лета – последний летний период – наступает в пору восковой спелости озимой ржи. Среди дикой флоры индикатором спада лета является созревание плодов брусники и крушины ломкой. Заметно начинает убывать день, ночи становятся длиннее и прохладнее. Создаются благоприятные условия для распространения фитотторы. Третья фаза лета характеризуется спадом температур. Испаряемость снижается, и баланс влаги становится положительным. Но в сухое лето на реке Тёше и её притоках наблюдается летняя межень. Прирост у деревьев прекращается, к концу этого подсезона появляются первые жёлтые листья. В сезон с достаточным или избыточным увлажнением наступает «грибная пора». В садах созревают ранние сорта яблок, поспевают большинство овощей, разворачивается сев озимых хлебов. Грачи, скворцы, дрозды и другие перелётные птицы собираются в стаи. Начинается отлёт стрижей, чечевиц, кукушек и др. [3].

Осень. Началом *осени* в метеорологии считается устойчивый переход средней суточной температуры воздуха через $+15^{\circ}\text{C}$ в сторону понижения и появление вероятности возникновения заморозков. В фенологии начало осени совпадает с первыми признаками пожелтения крон деревьев. В связи с быстро сокращающейся длиной дня и активизацией циклонической деятельности резко уменьшается поступление солнечной энергии. Ночь по своей продолжительности догоняет день и после дня осеннего равноденствия – 23 сентября – становится длиннее. Охлаждаются приземный воздух и почва, начинают остывать водоёмы. Существенно снижается испаряемость, режим влаги часто становится избыточным. Жизнедеятельность растений затухает, живая природа «готовится к встрече» зимы. Продолжительность осеннего сезона (вместе с предзимьем) составляет почти 3 месяца. Осень фенологи подразделяют на четыре фазы, включая особый переходный подсезон от осени к зиме – предзимье. В связи с этим целесообразно выделять начало осени (первоосень), золотую осень, глубокую осень и предзимье.

Первая фаза – *начало осени* – приходит с первыми расцвеченными листьями берёзы, липы, боярышника и других деревьев и кустарников. Обычно это происходит в конце августа – начале сентября. С этого периода в ландшафтах начинает появляться сначала пестрый жёлто-зеленый, а затем и золотисто-желтый аспект, происходит отмирание генеративных побегов у луговых злаков и разнотравья. Процесс осенней раскраски листвы длительный и зависит от многих факторов. На динамике пожелтения листьев отражается не только снижающийся температурный фон, но и условия увлажнения, частота заморозков и т.п. В начале осени созревают осенние сорта яблок, сливы, рябина и другие культуры. В эту фазу продолжают цветение пижма, вереск, икотник, кульбаба осенняя и некоторые другие. В сентябре начинается массовая миграция насекомоядных птиц на юг – ласточек, камышёвок, славков, пеночек, мухоловок, жулана, соловья, варакушки, из растительноядных птиц к югу отлетает коноплянка (реполов) и др.

Золотая осень длится от полной раскраски листьев большинства деревьев и кустарников до окончания листопада, т.е. примерно с третьей декады сентября до третьей декады следующего месяца. Желтый аспект в это время преобладает в ландшафтах нашего региона. К концу сентября заканчивается период активной вегетации растений, прекращается фотосинтез, почти одновременно с расцветиванием листвы происходит её опадание. В числе первых начинают сбрасывать листву тополя, липа, вяз, клен, береза (тополя в городе начинают терять листву еще на спаде лета). Причем у березы листопад сильно растянут во времени, тогда как липа успевает сбросить листву за три недели. Завершают листопад дуб, яблоня и сирень, причем сирень – одна из немногих пород, у которой в нашем регионе листья облетают зелеными, а у дуба часть засохших листьев может оставаться на дереве всю зиму. Средняя дата завершения листопада у большинства деревьев и кустарников практически не изменилась с прошлого века и приходится на 24-26 октября. Во второй половине фазы наблюдается массовый отлёт трясогузок, горихвостки, зарянки, черного и певчего дроздов, куликов и водоплавающих птиц (различных видов уток и чаек), резко сокращается количество насекомых.

Глубокая осень длится от окончания листопада до образования первого (временного) снежного покрова. Фенологическая фаза глубокой осени – одна из наиболее коротких, в отдельные годы она может отсутствовать, когда на момент завершения листопада формиру-

ется снежный покров. В этот подсезон заморозки бывают почти ежедневно, исчезают последние кучевые облака, характер облачности становится преимущественно слоистый. Отлетают на юг запоздалые стаи уток, скворцов, грачей. В перелесках, парках и садах показываются пернатые зимовщики – свиристели, снегири, чечетки, кедровки. В город из окрестных лесов перекочевывают синицы, дятлы, поползни, увеличивается численность ворон и сорок. В ландшафтах региона золотисто-желтый аспект меняется на коричневато-бурый и «голый» темно-серый.

Предзимье – переходный подсезон от осени к зиме, когда «чернотроп» неоднократно сменяется на белый аспект в ландшафтах. У нас этот период обычно продолжается в среднем 4 ноябрьских недели, от образования первого снежного покрова до становления зимы. Характер погоды в это время отличается большой неустойчивостью. Морозы чередуются с оттепелью, снег – с дождём. Радиационный баланс становится отрицательным. С переходом средней температуры воздуха через 0°C почва начинает промерзать и перестаёт поглощать влагу. При минусовой температуре покрываются льдом водоёмы со стоячей водой, а река Тёша и её притоки замерзают позднее, с наступлением зимнего сезона. Природа входит в состояние зимнего покоя [1].

Таким образом, начавшееся потепление климата существенно повлияло на все фенологические сезоны года и фенологические явления в Нижегородском крае. Особенно изменился зимний сезон: уменьшилась его продолжительность, средние месячные температуры воздуха увеличились, чаще стали выпадать дожди, уменьшился снежный покров. Немного потеплело и лето, раньше приходит весна, дольше задерживается осень в наших краях.

Источники и литература

1. Любов М.С. Климат Арзамасского региона в XXI веке: монография. Арзамас, 2023. 97 с.
2. Любов М.С. Краеведение: учебное пособие. Арзамас, 2023. 83 с.
3. Стрижев А.Н. Календарь русской природы. М., 1973. 272 с.

*ИСТОРИЯ
НИЖЕГОРОДСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЁН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА*

РОГОВАЯ НАКЛАДКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА ИЗ РАСКОПА СЕЛИЩА БЕШЕНЦЕВО-3: ВОПРОСЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ И ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ

Захарова Любовь Александровна

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, магистрант
Россия, г. Великий Новгород; e-mail: forest.and.river22@gmail.com

Научный руководитель

Точилова Надежда Николаевна

Санкт Петербургская государственная художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица (г. Санкт-Петербург);
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород).

Ордынское завоевание русских земель привело к татаро-русской синекритичности в ремесленных традициях подвластных народов. На территории современной Нижегородской области, как части Древней Руси, находящейся под непосредственным влиянием Золотой Орды, обнаружено немалое количество памятников материальной культуры, свидетельствующих о контакте восточной культуры с местными традициями декоративно-прикладного искусства. Одним из таких предметов является роговая накладка с изображением шагающего дракона, найденная в 20006 году при раскопе группы селищ у деревни Бешенцево под Нижним Новгородом. Эта накладка имеет ряд аналогий с поясными накладками из цветного металла, обнаруженными, по большей части, на территории Среднего и Нижнего Поволжья. Данная статья посвящена иконографическому и стилистическому разбору нижегородской роговой накладки в кругу ее аналогий.

Ключевые слова: археология; Нижний Новгород; Великий Новгород; Золотая Орда; резная кость; дракон; прикладное искусство.

Период XIII–XIV вв. стал временем усиления культурных, экономических и политических связей между регионами Восточной Руси и Древнерусского государства. В частности, это время активного обмена культурными и художественными идеями, технологиями и традициями между народами Северо-Запада Руси и Поволжья, что оказало значительное влияние на развитие местного декоративно-прикладного искусства. На обширной территории, входящей в сферу влияния Золотой Орды, обнаружены вещи восточного облика, отличные от древнерусского контекста. Это могут подтвердить многочисленные находки восточного типа, обнаруженные на территории *Rex Mongolica*. В частности, такие находки представлены

разнообразной керамикой, сосудами, ювелирными изделиями, тканями и многочисленными деталями сумок, поясными накладками и бляхами [8, с. 3].

Восточная культура проникает на Северо-Запад Руси и в Поволжье различными путями: в виде подарков, личных вещей, трофеев, через импорт или в качестве сырья для переработки [8, с. 5]. Кроме того, нижегородские земли входили в непосредственный круг влияния Золотой Орды, что обуславливало частые контакты местного населения с культурой джучидов. Историческая география Золотой Орды (а именно – северная ее часть), по мнению В.Л. Егорова, оканчивалась южными границами современной Нижегородской области [7, с. 44], что в полной мере может дать представление о влиянии культуры Востока на территории Нижегородского Поволжья.

Среди многочисленных находок – свидетельств взаимодействия Орды и местного населения, особое внимание заслуживает роговая накладка с изображением шагающего дракона из заполнения ямы № 2 селища Бешенцево-3 Нижегородской области (*приложение № 3, илл. 1*). Группа селищ в окрестностях деревни Бешенцево на окраине Нижнего Новгорода была обнаружена в 1994 г. [5, с. 64]. В 2006 г. на селище Бешенцево-3 удалось организовать археологические исследования, которыми руководил Н.Н. Грибов. В заполнении ямы № 2 была обнаружена нашивная накладка из рога с изображением шагающего крылатого дракона [5, с. 66]. Данная находка выделяется своей стилистикой среди комплекса прочих накладок и ремennых гарнитур восточного типа. Ее уникальность обуславливает необходимость анализа изображения и его стилистики в контексте аналогичных находок.

Цель настоящей статьи – дав иконографический и стилистический анализ данной роговой накладки, провести аналогию с изображениями на накладках и обоймицах из цветного металла, обнаруженных на территории России.

Рассматриваемая накладка имеет лотосовидную форму и принадлежит к числу изделий с орнаментальным мотивом, получившим в литературе название «арабский цветок» [1, с. 144]. Лотосовидная форма накладок и блях, как отмечает М.Г. Крамаровский, пользовалась значительной популярностью на обширных территориях, включая Ближний, Средний и Дальний Восток, а также Среднюю Азию [9, с. 69–70].

Декор роговой накладки представляет собой изображение шагающего дракона с птичьими лапами и звериной головой. Представленный в профиль, дракон словно застыл в стремительном движении. Раскрытая пасть с высунутым языком усиливает впечатление динамики изображения. Лапы зверя выставлены вперед и плавно переходят в крылья с отдельно моделированными перьями, а змеевидное туловище заканчивается двумя небольшими завитками на конце хвоста. Голова животного имеет заостренный нос, который касается рамки изобразительного поля, а также небольшое круглое ушко в обрамлении прямых, закругленных плавников. Тело дракона покрыто чешуей, выполненной в технике ромбических насечек. Однако, наиболее интересной особенностью данной накладки является композиционное решение. Зверь опирается туловищем на дугообразный элемент, выходящий из рамки. Начав работу по изготовлению данной накладки, резчик столкнулся с необходимостью заполнить пустоты в изобразительном поле, и добавление дополнительных элементов в композицию решило проблему «негативного пространства» [15, с. 127].

Одним из наиболее ярких аспектов материальной культуры этого времени стало использование дракона как символа власти в различных художественных изделиях, включая пояса, зеркала, ткани, посуду и предметы вооружения. В культурах народов, которые исторически взаимодействовали с Китаем, дракон ассоциировался с небесными силами и их земными воплощениями [2, с. 237]. Известно, что образ дракона использовался как символ статуса в геральдике Китая. Определенным военным чинам было предписано носить одежду и пояса с изображениями драконов. При этом важно было учитывать такие факторы, как вид дракона, его поза, цвет, размер и место размещения на одежде [2, с. 237–238]. Несмотря на разнообразие народных традиций, дракон неизменно воспринимался как мощный и благожелательный знак, связанный с божественной защитой. В этом контексте его использование в гербах и других символах подчеркивало высокое положение правителей. Однако, связывать «драконовую» эмблематику исключительно с элитарными слоями золотоордынского общества иногда невозможно, поскольку образы драконов встречаются на множестве предметов из недорогого материала [2, с. 240]. Это подтверждается находками, датированными концом XIII – XIV веком, включая костяные поясные накладки,

бляхи и накладки из различных сплавов. Широкое распространение изделий с изображением драконов указывает на то, что эта символика могла быть доступна не только высшей военной элите, но и определенным привилегированным сословиям. Например, ремесленники и торговцы Улуса Джучи могли позволить себе предметы с подобной символикой, что свидетельствует о более широком культурном контексте [2, с. 239]. Дракон как символ мог олицетворять не только власть, но и защиту, силу, а также благополучие, что делало его привлекательным для разных слоев населения [14, с. 23].

По мнению многих исследователей [2; 4; 16], символика дракона в гвардии Чингисхана была заимствована из политических традиций чжурчжэньской династии Цзинь, которая подверглась значительному китайскому влиянию. Политические аспекты, основанные на китайской мифологии, оказали влияние на формирование символики гвардии Чингисхана, которая включала в себя элементы, перенятые у чжурчжэньской культуры. Китайское происхождение образа шагающего дракона на данный момент является наиболее распространенной гипотезой среди исследователей.

Впоследствии, при распространении влияния Золотой Орды на подчиненные территории, образ дракона выходит за рамки исключительно золотоордынского употребления. Престижность золотоордынских вещей на Руси была высока, что породило волну местных подражаний [4, с. 124]. В числе местных золотоордынских подражаний могли оказаться и изделия с изображением шагающего дракона. Однако, существует мнение, что образ шагающего дракона с птичьими лапами и крыльями имеет зороастрийские корни вследствие «исхода» иранских племен в I тыс. до н.э. [10, с. 34]. Уже впоследствии, по мнению Ф.Х. Валеева, образ зверя, пройдя через вековой фильтр народных представлений и верований, приобрел самобытную трактовку у тюркских племен и распространился на территории Волжской Булгарии еще до завоевания ее Ордой [3, с. 79–80].

Накладка из раскопа селища Бешенцево-3 имеет ряд аналогий среди костяных накладок схожего иконографического типа. В комплекс иконографических аналогов следует включить лотосовидную накладку с изображением дракона (начало XIV века), найденную в 1953 году на Неревском раскопе Великого Новгорода (*приложение № 3, илл. 2.1*), аналогичную накладку из раскопа городища Любутск

(приложение № 3, илл. 2.2), а также костяную накладку с изображением дракона, обнаруженную в 2016 году на Маджарском городище (приложение № 3, илл. 2.3). При этом, обладая схожей иконографией, образы драконов имеют отличную от нижегородской находки стилистику. В первую очередь стоит рассмотреть изображение дракона на накладке из Маджарского городища. Сама форма находки представляет собой четырёхлепестковую, заострённую к верху форму, напоминающую бутон лотоса. На накладке размещено прорезное изображение дракона с жемчужиной [12, с. 126].

Используя формально-стилистический анализ можно прийти к выводу, что маджарская находка несет в себе черты дальневосточного искусства. Такие отличительные черты как длинное и извивающееся тело, четыре лапы с когтями, а также небольшая жемчужина на кончике языка маджарского дракона подтверждают принадлежность данной находки именно к дальневосточной традиции изображения драконов [12, с. 127].

Также в кругу стилистически схожих находок стоит рассмотреть лотосовидную накладку с изображением дракона из Великого Новгорода и аналогичную ей накладку с городища Любутск. Несмотря на близость иконографических приемов, нижегородская накладка выделяется среди данных аналогов своей особенностью компоновки и стилистики. Ключевым отличием от комплекса данных находок является ориентация тела дракона. Нижегородский дракон изображен с телом, головой и лапами, расположенными в одном направлении. На новгородской и любутской находках дракон представлен в двойном повороте, что подчеркивается плавной изогнутой полоской, символизирующей чешую, идущей вдоль туловища. Различия проявляются и в изображении головы. У нижегородского дракона голова обращена в одном направлении с туловищем, в то время как на представленных аналогичных изображениях она повернута, что усиливает эффект динамики и придает образу более выразительную экспрессию. Положение хвоста драконов – еще один важный отличительный признак. Новгородский дракон демонстрирует раздвоенный хвост, поднятый вверх и касающийся пасти. Состояние фрагментарности любутской находки не позволяет однозначно определить положение хвоста дракона, но стилистическое сходство с новгородской накладкой позволяет предположить аналогичную композицию.

Отличия касаются также и анатомического построения дракона. При детальном рассмотрении нижегородской находки можно заметить важную особенность построения анатомии лап и крыльев зверя. Крыло, находящиеся на заднем плане изображения построено по отношению к лапе неанатомично. Создается впечатление, что оно вывернуто, и данная особенность не находит аналогов в представленных роговых и костяных накладках.

Наиболее точные аналогии нижегородской накладке обнаруживаются при изучении поясных накладок из цветных металлов, распространенных на обширной территории от Новгородской земли до Поволжья. Поясные накладки, чаще всего, в виде семилепестковой розетки с изображением полиморфного существа, в основном известны на обширной территории Новгородской земли, Приладожья, а также территории Нижнего и Среднего Поволжья [11, с. 239]. Не менее важна и иконография центрального элемента – полиморфного существа, которое чаще всего интерпретируется как дракон или змеевидное существо с крыльями и двумя лапами. Изображение на нижегородской накладке, как и на аналогичных металлических накладках из Астраханской области (*приложение № 3, илл. 3.1*), Болгара (*приложение № 3, илл. 3.2*), Кокпомьягского могильника (*приложение № 3, илл. 3.3*), Саратовской и Волгоградской областей (*приложение № 3, илл. 4.1, 4.2*), демонстрирует поразительное единообразие не только в форме, но и в типе предмета. Дракон изображен в профиль, его голова, туловище и две лапы, плавно переходящие в крылья, ориентированы в одном направлении. Пасть раскрыта, язык высунут. Эта строгая фронтальность композиции и стандартное изображение дракона подчеркивает существование устоявшихся традиций изображения. Единообразие проявляется не только в иконографии, но и в самой форме накладок [8, с. 36]. Г.Ф. Поляковой подобные накладки были отнесены в Отдел В-III – пальметтовидные, тип В-III с изображением крылатого дракона с длинным извивающимся туловищем и птичьими лапами [13, с. 208]. Известные накладки из цветного металла отличаются качеством проработки деталей. Разное качество отливки накладок может подтвердить гипотезу Р.В. Архангельского, Н.Н. Афонькова и Р.В. Исакова о возможности использования предметов с изображениями драконов сословиями, не обладавшими особой властью и богатством [2, с. 239].

Корреляция изображений на нижегородской накладке и аналогичных накладках из цветных металлов очевидна, но нижегородская находка имеет ряд особенностей, делающей ее уникальной и не имеющей точных аналогов среди находок восточного типа на территории России. Нижегородскую роговую накладку можно включить в круг находок ременных золотоордынских гарнитур, содержащих изображение шагающего дракона. Однако, и в отношении бронзовых накладок с аналогичным изображением шагающего дракона, нижегородская находка имеет уникальные черты.

Зверь на накладках из цветного металла имеет ярко выраженную переднюю часть с раскрытой пастью, птичьими лапами и крыльями, тогда как само туловище и хвост дракона на накладках представляет сложную, не всегда понятную закрученную форму. Хвост дракона на нижегородской находке разительно отличается от аналогичных изображений. Это дает возможность предположить, что столкнувшись с «негативным пространством», как это было указано выше, резчик заполнил его дополнительными элементами (в данном случае завитками) придав хвосту несколько упрощенную форму. Учитывая это, следует предположить, что мастер работал с некой изначальной концепцией изображения, которую он пытался передать, приспособив ее под изобразительное поле. Эта «адаптация» наглядно демонстрирует интересный процесс художественной интерпретации элементов восточной культуры. В целом, для средневекового периода было характерно единство декоративных решений и мотивов в цветном металле, железе и кости [8, с. 81].

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что корреляция изображения на нижегородской находке и накладках из цветного металла очевидна. Тождественность изображений на кости и металле – не просто совпадение. Иконографическое и стилистическое сходство настолько выражено, что исключает случайность. Это позволяет предположить существование единого прототипа, с которого были изготовлены оба изображения.

Источники и литература

1. Абызова Е.Н., Рябцева С.С. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днестровского междуречья // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 139–153.

2. Архангельский М.С., Афоньков Н.Н., Исаков Р.В. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 233–243.

3. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Татарское книжное издательство, 1987. 166 с.
4. Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 117–125.
5. Грибов Н.Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII – XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимир-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 58–67.
6. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1985. 245 с.
8. Козлова А.В. Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. 193 с.
9. Крамаровский М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв.): дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2002. 61 с.
10. Лезина Л.Е. Тюркские тотемы в геральдике современного Татарстана // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 31–37.
11. Масюта Д.А., Лесная Е.С. Деталь поясного набора золотоордынского времени из Юго-Западного Крыма // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 238–244.
12. Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С. 125–131.
13. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 154–258.
14. Поляков Е.Н., Кочерыгина К.Б. Образ Священного дракона в искусстве древнего Китая // Вестник ТГАСУ. 2009. № 2. С. 22–39.
15. Точилова Н.Н. Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода // Археология евразийских степей. 2023. № 5. С. 124–130.
16. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1991. 283 с.
17. Ямилова Р.Р. Семантика зооморфных изображений на тканях и атрибутах костюма эпохи Золотой Орды // Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.): Сборник статей, Казань, 17 марта 2009 года / Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. С. 463–471.

АТРИБУЦИЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ СЕЛА БОГОРОДСКОГО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Грачева Мария Петровна

Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, ученый секретарь; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, аспирант

Россия, Нижегородская обл., г. Н. Новгород; e-mail: trusovamariya@yandex.ru

Научный руководитель:

Агеева Елена Юрьевна

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Статья посвящена теме атрибуции традиционной глиняной посуды в собраниях музеев. В статье рассмотрены результаты комплексного анализа группы керамических предметов коллекции Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, позволяющие по-новому взглянуть на историю развития гончарного ремесла в селе Богородское, в том числе решить вопросы атрибуции этих предметов и определить место их производства. Автором выдвинута и доказана гипотеза, что это группа практически в полном составе относится к центру гончарного производства в Горбатовском уезде Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX века. В качестве метода исследования использовался метод сравнения художественных особенностей глиняной посуды (форма и декор). Такой анализ дает возможность представить качественный состав коллекции глиняной посуды, а использование полученных данных в экспозиционно-выставочной и научно-просветительской работе музея имеет большое значение для трансляции подлинной истории и традиционной культуры различных территорий.

Ключевые слова: Богородское; гончарный промысел; глиняная посуда; гончарный центр; атрибуция; Нижегородский музей-заповедник.

В собраниях многих исторических и краеведческих музеев по всей России обязательно есть глиняная посуда. Часто это работы местных мастеров, в крупных музеях могут встречаться целые коллекции из знаменитых гончарных центров. Однако при систематизации и изучении глиняной посуды возникают трудности, связанные с атрибуцией данных предметов. Если изделия Гжели и Скопина узнаваемы, так как хорошо исследованы и опубликованы, то работы гончаров из менее известных центров сложнее определить. Это связано с тем, что глиняная посуда редко имеет клейма, и если при приеме предметов не было зафиксировано сведений о месте изготовления и мастере, то вероятность правильной атрибуции становится очень мала. Однако все-таки возможно прибегнуть

к сравнительному методу, при котором идет сопоставление художественных особенностей уже атрибутированных предметов с теми, которые гипотетически могут относиться к данному центру или мастеру, наряду с методами систематизации и интерпретации.

Цель данной статьи – предпринять попытку атрибуции глиняной посуды села Богородское Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX в. в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). Для сопоставления будут использованы предметы из коллекций МБУК «Богородский исторический музей Нижегородской области» и Центра развития гончарного искусства г. Богородск Нижегородской области, а также из ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник». Последний музей расположен в Московской области, в советское время он носил название «Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник» и вел большую собирательскую работу в области народного искусства. В 1975 г. состоялась экспедиция в Богородский район Горьковской области под руководством Л.Э. Калмыковой, в ходе которой была собрана коллекция изделий богородских мастеров и сведения по истории промысла [14, с. 20, 43–45].

Село Богородское Горбатовского уезда (современный город Богородск Нижегородской области), а также расположенные рядом село Дуденево и деревня Хабаровское во второй половине XIX – начале XX в. были крупным центром гончарного производства. Сбыт изделий осуществлялся в поволжских городах и селах вплоть до Астрахани. У покупателей это посуда ценилась как «заграничная» [7, с. 88]. О широком ассортименте мы встречаем информацию у современников, описывавших промысел: А.В. Карпова, М.А. Плотникова и П.Т. Олейникова. Представляет интерес и список изделий кустарей с. Богородского в Каталоге кустарного отдела Нижегородского губернского земства, изданного в рамках проведения Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. Среди этих изделий названы: опарница обливная, горшок, масленка, кувшин, ручной мойник, миска, блюдо, таз, жарковница, крышка, банка цветочная, подденок под банку, крышка на горшок, тарелка круглая, труба с колпаками, кастрюля обливная [1, с. 99–100].

А.В. Карпов и за ним П.Т. Олейников приводят классификацию изделий по их стоимости за 100 штук, у первого автора она более полная, у второго урезанная. У П.Т. Олейникова классификация заканчивается на крупных изделиях по 12 рублей ассигнациями за сотню: опарницы, бальзамки, кувшины, большие ложки, сковороды, пастетные тарелки, артельные горшки [12, с. 238]. Однако у А.В. Карпова есть и более крупные вещи под общим названием «братинки». Эта посуда шла уже по 20–40 рублей за сотню: заливные банки, банки для воды [7, с. 87]. В этих списках привлекают внимание некоторые названия. Например, бальзамка. В.И. Даль дает следующее определение: «глиняный кувшин из-под бальзама: кубышка из-под зельтерской воды» [3, с. 44]. Кубышка обычно это сосуд с узким горлом при широком тулове, однако, если речь идет о зельтерской воде, то это могла быть и бутылка цилиндрической формы. Существует вариант названия «бальзанка» – глиняная муравленая бутылка для различных жидкостей [13, с. 130]. Предмет, подходящий под описание, находится в собрании ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник»: кувшин из деревни Сокол Горбатовского уезда 1916 года [8]. Он имеет почти правильную цилиндрическую форму, лишь немного расширяется кверху, горло узкое, сохранился фрагмент ручки.

Обратим внимание и на пастетные тарелки. Такое название указывает А.В. Карпов, а П.Т. Олейников в этой же категории посуды уже пишет просто «блюда». Вероятно, через 17 лет после выхода статьи А.В. Карпова, это название более понятно. Первый же вариант мог быть связан с высокой дворянской кухней: пастет – это вариант слова «паштет», которым называли круглый пирог с начинкой из мяса и птицы [17, с. 65]. Таким образом плоские блюда для подачи такого пирога могли называться пастетными тарелками, а из дворянских усадеб это название проникло в крестьянскую и мещанскую среду.

В ходе изучения коллекции НГИАМЗ ранее по печати с надписью была атрибутирована группа кисельниц, произведенных в Богородском на рубеже XIX и XX вв. [16]. И естественно внимание привлекли те предметы, которые поступили вместе с этими кисельницами. Рассмотрим эти предметы. Сразу оговоримся, что поступление предметов вместе с кисельницами не может быть главным доказательством того, что они имеют общее происхождение, однако это

можно считать косвенным подтверждением при наличии других, более весомых аргументов.

Вместе с кисельницей под номером ГОМ-23114/12 поступили от Бурмистровой Л.В. в 1985 г. еще три предмета начала XX в.: утятница (ГОМ-23114/13), кадьница (ГОМ-23114/14) и корчага (ГОМ-23114/17). Утятница (*приложение № 4, илл. 1*) в плане овальная, с расширяющимися кверху бортами, по узким краям расположены ручка и маленький слив. Утятница – это один из вариантов латки, можно сказать, более специализированный. «Латка (жаровня, плошка, черепушка) – утварь для жарения мяса, рыбы, картофеля, приготовления запеканок, яичниц в русской печи. Представляла собой глиняную сковороду с невысокими (около 5–7 см) бортиками овальной или, реже, круглой формы. На венчике имелся неглубокий желобок для сливания жира» [13, с. 237]. Стоит отметить, что в упомянутом выше списке изделий богородских кустарей присутствует жарковница. Вероятно, это местное название латки.

По форме утятница близка к предмету с наименованием «лоточек» из собрания ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник». Лоточек 1920-х гг. из д. Хабаровское по описанию предназначен для жарения корюшки [11]. Размеры утятницы – 9х 36х25 см, лоточка – 6,0х27,5х20,5 см. В собрании МБУК «Богородский исторический музей Нижегородской области» хранится более крупная жаровня (48х33 см) с клеймом мастерской В.Л. Стешова в Богородском [4]. Форма предмета также совпадает. Естественно, что эта форма была очень распространена, однако благодаря всему комплексу доказательств можно сделать обоснованное предположение, что утятница изготовлена в Богородском или соседних гончарных поселениях Горбатовского уезда.

В собрании Нижегородского музея-заповедника присутствует также жаровник для рыбы (*приложение № 4, илл. 2*) красной глины из Горбатовского уезда с размерами 10,5х49,5х32 см. Особенностью является декор из пятен зеленой поливы на дне в виде обозначения углов и центра прямоугольника. Подобные варианты также присутствуют в собраниях других музеев. В Сергиевом Посаде хранится лоток 1924 г. из Богородского с клеймом «Зобнин Н.В.» [10], в Богородске – жаровня [5]. Правда, эти предметы отличаются тем, что пятна расположены по одной линии в центре, а также имеют по две ручки и слив в длинном борте. Держа большую латку за две ручки

удобнее сливать жир. В итоге мы видим два вида латок: с одной ручкой и сливом в узких концах и с двумя ручками и сливом в длинном борте. Все это показывает разнообразие работ богородских мастеров.

Следующий предмет в группе поступивших в 1985 году – корчага (*приложение № 4, илл. 3*) с размерами – 27х26 см. Выполнена из красной глины, тулово в форме «репки», на плечике полоса зубчатого штампа, на тулове – пятна зеленой поливы. Близкий по форме и декору предмет встречаем в коллекции ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник»: горшок конца XIX в. с размерами 21х28 см [2]. Можно с большой долей уверенности предполагать, что корчага с номером ГОМ-23114/17 выполнена богородскими гончарами.

Сложнее ситуация обстоит с кадьницей (*приложение № 4, илл. 4*). Она из желтой глины с поливой белого цвета и зелеными пятнами. В собрании ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник» присутствует кадьница 1910-х гг. из красной глины [6]. У обеих шаровидное тулово, ручка в виде петли сбоку, отверстия в верхней части тулова, но есть различия в навершии, где располагается крест. При этом мы имеем сведения от А.В. Карпова о том, что мастера Богородского покупали желтую глину в д. Забелино Арзамасского уезда и делали из нее «красивую и более дорогую посуду» [7, с. 83–84]. В ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник» находится кувшинчик 1920-х гг. из Богородского из желтой глины с пятнами зеленой поливы [9]. Стиль исполнения обоих предметов вполне сопоставим. Так что мы можем сделать вывод, кадьница в собрании НГИАМЗ из Горбатовского уезда.

Следующий предмет, поступивший с другой группой богородских кисельниц и таким образом обративший на себя внимание, кастрюля начала XX в. (*приложение № 4, илл. 5*). Все предметы поступили от Бабкиной А.И. в 1980 г. Никаких указаний на происхождение нет. В Каталоге кустарного отдела Нижегородского губернского земства в списке работ богородских мастеров находим обливную кастрюлю. В нашем конкретном случае кастрюля из красной глины с поливой, цилиндрической формы с двумя ручками, на тулове пятна зеленой поливы. Крышка также близкой к цилиндрической форме, хватка на ножке дисковидная, с углублением

в центре. На верхней части полоса зубчатого штампа и по краю широкая желтая полоса с пятнами зеленой поливы. В музее Центра развития гончарного искусства в Богородске представлена кастрюля близкая по форме и декору. На ее крышке присутствует зубчатый штамп, полоса желтого цвета с зелеными пятнами. В комплексе все это дает возможность предположить, что кастрюля с номером ГОМ-21132/9 – это предмет, произведенный в Горбатовском уезде.

В 1978 г. в собрание НГИАМЗ от Агаповой Е.Г. из Горького поступили две плошки. Одна из красной глины (*приложение № 4, илл. 6*) в форме усеченного конуса с отогнутым краем. Предмет такой же формы 1900 г. хранится в ФГБУК «Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник» под наименованием «таз» [15]. Размеры предметов сопоставимы: из Сергиева Посада – 13,0х37,0 см, из Нижнего Новгорода – 13,5х34,5 см. Плошки такой формы есть в собрании МБУК «Богородский исторический музей Нижегородской области», но они меньшего размера. Однако вторая плошка (ГОМ-20610/1) не соответствует ни одному предмету из коллекций музеев. Она выполнена из желтой глины, покрыта ярко-зеленой поливой с люстром, форма полусферическая, край отогнут, в верхней части тулова две ручки. Эта ситуация показывает, что поступившие из одного источника предметы, если они не имеют однозначных указаний на место производства, вовсе обязательно изготовлены в одном гончарном центре, и необходимо их тщательно изучить, найти аналоги, чтобы приблизиться к верной атрибуции.

Итак, мы проанализировали группу предметов из коллекции Нижегородского музея-заповедника, сопоставляя их с атрибутированной богородской посудой. О них можно сказать, конечно, с разной долей уверенности, но вполне обоснованно, что они изготовлены гончарами Горбатовского уезда Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX в. Искусствоведческий анализ – сравнение форм и декора – дает возможность в ходе атрибуции отнести предметы к определенному центру, сформировать представления о его предметном ряде в коллекции музея на определенном этапе развития промысла, определить историю происхождения изделия, его назначения или смыслового содержания. Изучение художественных особенностей изделий различных гончарных центров позволяет показать их своеобразие, которое становится частью индивидуального

лица данной местности и ее культуры. Эти материалы могут в дальнейшем широко использоваться в экспозиционно-выставочной и культурно-просветительской работе музея, транслируя местному обществу социально-значимую информацию о его истории и традиционной культуре, являющуюся важным фактором развития любой территории.

Источники и литература

1. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Каталог кустарного отдела Нижегородского губернского земства. Н. Новгород, 1896. 108 с.
2. Горшок. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44716 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41639997>
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I: А-З. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 779 с.
4. Жаровня. Карточка предмета БИМ № 01632 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=2059906>
5. Жаровня. Карточка предмета БИМ № 02736 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33558412>
6. Кадильница. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44723 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41639045>
7. Карпов А.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Арзамас: АГПИ, 2012. 379 с.
8. Кувшин. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44708 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41639088>
9. Кувшинчик. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44726 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41637365>
10. Лоток. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44692 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10854281>
11. Лоточек. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44722 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41632062>
12. Олейников П.Т. Гончарное производство в Нижегородской, Киевской и некоторых других губерниях // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. VI. СПб.: типография В. Киришбаума, 1900. С. 223-253.
13. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2004. 376 с.
14. Русское гончарное искусство XIX – начала XX века. Каталог выставки из собрания Загорского музея. М.: Советский художник, 1976. 100 с.

15. Таз. Карточка предмета СПМЗ КП НХТ-44717 // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41640066>

16. Трусова М.П. Глиняные кисельницы села Богородского конца XIX – начала XX века в собрании Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вопросы музеологии. 2016. № 2(14). С. 100-107.

17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIII (45). Патенты на изобретения — Петропавловский. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). 1898. 487 с.

ОСНОВА ТЕРЕ(X) В НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Малышев Алексей Владимирович

Независимый исследователь

Россия, нижегородская обл., г.о.г. Кулебаки;

e-mail: ma2502@mail.ru

В статье делается анализ семантики апеллятива тере(х) и его значения в топонимах Русской равнины. Выдвигается гипотеза о финно-угорском происхождении корня тере(х) и его связи с воинскими традициями финно-угорских народов.

Ключевые слова: Терехово; топонимика; финно-угры Центральной России; мордва.

В топонимике Восточно-Европейской равнины известны названия Терехово и Терёхино, а также другие производные с основой *тере(х)*. Считается, что подобные топонимы могли образовываться от уменьшительного Терёха – христанского имени Терентий (отсюда же Терёшка). Также в словаре В. Даля имеется русское диалектное *терюх* как производное от *теряха* («растеряха», «беспорядочный человек») записанное составителем в Владимирской губернии и слово *терюха* в значении «лихорадка», записанное в Орловской губернии [8, с. 402].

Надо полагать, что от уменьшительного Терёха и от лексем зафиксированных Далем, могут происходить названия с основой *терех* (*торох*) в Белгородской (2), Воронежской (1), Орловской (1), Омской (1), Смоленской (2) областях, Казахстане (1) и на Украине (2). Однако для подобных названий находящихся на территории бывшего расселения финно-угорских племен ставших субстратом современного населения центра России мы хотим предложить еще одну версию происхождения данного топонима, безусловно не исключая и вероятности лежащего в их основе онима Терёха. Впрочем, полагаем, что в данном случае в русском языке для

селений название которых связано с уменьшительным Терёха (Терёшка) в русских говорах скорее подбирался суффикс *-ино* (Тере(ё)х-ино), и данные топонимы мы сознательно выводим за рамки нашего исследования.

Что касается основы *тере(х)*, то в качестве одного из вариантов ее происхождения мы предлагаем финно-угорскую версию. В мордовских языках имеется слово *тюремс* («драться», «сражаться»). Участника сражения эрзяне называют *тюрьган* а мокшане *тюри* («драчун», «боец») [3, с. 453]. По мнению фольклориста, доктора филологии, профессора Мордовского госуниверситета А.М. Шаронова, в просторечье допустима и фонема *тюрих*, также обозначающая «бойца» [10]. Характерно, что в мордовских говорах «молодой парень» обозначается как *цёра* [4, с. 477]. Предполагается, что фонемы *тюрьган* и *тюри*, как обозначения бойца и в целом воина возводятся к фольклорному мордовскому *тор* («меч»), обозначающему также и «ритуальный нож» [15, с. 183; 20, с. 222].

Кроме того, автором этих строк в районах юго-запада Нижегородской области, где в старину преобладало мордовское население, зафиксировано местное диалектное *тур* означающее «фаллос», которое он считает проявлением финно-угорского субстрата местных говоров. В этой связи, любопытно, что мордовское *тура* означает «частокол», а столб, к которому привязывали животных во время жертвоприношения, назывался *тер* [3, с. 449].

Сходная семантика слов *тор* и *тур* очевидна, и связь *тор* (как обозначение меча) и *тур* (как обозначение мужского полового органа) с термином *тюри* («боец») вполне допустима. Такая коннотация молодого мужчины-воина и меча была обычна для средневековья, как и коннотация меча и мужского полового органа [5, с. 59-60].

Добавим, что мордовское *тор* (*тур*) как обозначение чего-то острого или вытянутого имеет семантические соответствия в других финно-угорских языках. Например, в удмуртском *тор* означает «торчком». В эстонском и финском языках слово *tera* означает «лезвие».

Говоря о воинской культуре финно-угров Центра России нельзя не упомянуть и ее древнескандинавскую «составляющую». Скандинавские воины и купцы издревле контактировали с жителями лесной зоны Восточноевропейской равнины, о чем имеются

и археологические и фольклорные свидетельства [13; 1], при этом отметим, что в североевропейской мифологии бога воинской славы, чести и храбрости называли Тюр (Týr) [19, с. 536].

Отсюда рождается предположение, что словом *тюри* (*тюрих*) древние финно-угры называли княжеского воина-дружинника. Буквально термин *тюри* (*тюрих*) мог означать «мечник», «меченосец». В этой связи хочется обратить внимание на некоторые топонимы Русской равнины, связанные с древним финно-угорским субстратом русского населения этих мест, в основе которых заключено слово *терех* (*тюрих*, *торих*).

В первую очередь, это название археологического памятника Терехово городище в Рязанской области. Оно расположено рядом с деревней Терехово, которая, согласно местной легенде, получила свое название от имени разбойника Тереха, грабившего суда на Оке [14], что является безусловной данью «народной» этимологии, когда нерусское название того или иного места связывают с именем какого-то древнего разбойника. Тем не менее, в данном случае отсылка к разбойнику и, в целом, к вооруженному человеку, представлявшему определенную опасность, может быть далеко не случайна.

Вероятно, в таком виде (Терех, Терюх), в местной народной памяти сохранилось обозначение древнего сообщества бойцов, проживавших в укрепленном городке. Археология указывает, что обитатели Терехова городища были настоящим народом-войском, причем культура их связана с рязано-окцами – непосредственными предками волжских финнов.

Терехово городище было раннесредневековым поселением, функционировавшим все I тысячелетие. С его именем перекликается название источника «Торов родник» располагавшегося на восточном склоне холма, на котором расположен археологический памятник. Городище имеет две площадки: «Верхний» и «Нижний» городки, а с его «напольной» стороны существовали вал и ров, сделанные по всем правилам тогдашнего военного искусства. Это был полноценный средневековый замок.

Означенный ойконим Терехово в данном случае можно соотнести с упомянутым в русском летописании ойконимом Воино, признав последний русской топонимической «калькой» древнего финно-угорского названия.

Здесь имеется ввиду упомянутый в русском летописании, в числе рязанских городов, город Воино, находившийся между Шиловым и Торческом. Ссылаясь на Д. Иловайского, М. Тихомиров указывал, что данный город располагался около села Санского к востоку от устья Кишны, где были упомянуты «озеро Воинское» и «уезд Воинской». Из летописи известно, что в 1365 г. под «Шишовским лесом на Воине» рязанским князем Олегом был разбит ордынский князь Тагай, и Тихомиров отождествлял этот лес с лесом на речке Шиш – притоке Тырницы, впадающей в Оку ниже Пары [18, с. 120].

В названии Тырница также явно слышится основа *тюр*, и возможно, Тырница (Тюрница) является видоизмененным («калькированным») в русском языке финно-угорским («мордовским») названием с основой *тюр* (*тор*). Недалеко от этой речки был расположен город Воино, который, как указано выше, выглядит русской топонимической «калькой» названия Тюрех-Терех (совр. Терехово).

Можно полагать, что и упомянутый «уезд Воинской» является топонимической «калькой» древнего хоронима с основой *тюр* (*тор*). Так на «Новой и достоверной всея Европы карте» изготовленной в 20-х гг. XVIII в. московским художником-гравером А. Зубовым для Петра I, топоним Терехово указан на правом берегу Оки, выше Касимова, в устье безымянной речки – правого притока Оки. Карта эта экспонируется в Санкт-Петербургском государственном музее «Кунсткамера», и известна тем, что изготовивший ее А. Зубов переписывал какую-то иностранную карту. Но плохо знавший географию своей родины художник переводил написанные иностранным языком незнакомые ему русские названия буквально, отчего карта содержит немало ошибок. Тем не менее, топоним Терехово на правом берегу Оки имеется, из чего мы можем заключить, что онный существовал на иностранной карте, ставшей для Зубова источником. Отмеченное на карте Терехово было эквивалентом нашего древнего города Воино, и было известно даже в позднем средневековье (откуда, очевидно, происхождением была европейская карта-источник) под своим оригинальным названием. Примечательно, что местность левобережья Оки, прилегающая к Терехово, на карте названа «Терехово-Переясло», что мы можем соотнести с указанным в летописях «Воинском уездом».

Что касается «озера Воинского», то оно известно до сих пор и жители старейшего в местной округе села Санского в старину ходили к нему в церковные праздники, поминая неких воинов, чьи тела были сожжены на его берегах [16].

Фрагмент «Новой и достоверной вся Европы карты» с топонимами «Терехово»

Важным воинским центром уже древней мордвы мы можем назвать мордовское в прошлом село Терюшево Дальнеконстантиновского района Нижегородской обл., расположенное в 80 км к югу от областного центра. Считается, что его название произошло от мордовского дохристианского имени Терюш (Терюх) [12]. Это имя, сходное по звучанию с мордовским *тюри*, как раз и могло означать «боец», «воин». Отсюда берет свое происхождение и «областная» фамилия Тюрин (Тюркин). Можно думать, что средневековое сообщество воинов *тюрихов* дало название самой северной

группе мордвы – мордве-терюханам.

Современное название центра мордовской волости звучит как Терюшево, но мы видим, что название терюхане в обиходе (как и в научной литературе) «теснит» термин терюшевцы, и это может быть следствием того, что оно старше, и в старину наименование поселения звучало как Терюхово (Терехово) трансформировавшись затем в Терюшево.

Терюшево было знаковым селением для окрестной мордвы, и исследователь А. Смирнов полагал, что оно было когда-то религиозным «центром мордовства», указывая, что еще в 1879 г. рядом

с ним стояла священная роща Кереметь, где проводились «мордовские моления» [17, с. 1]. В XIX в. исследования произведенные археологом-самоучкой П. Дружкиным, показали, что в курганах около села Малое Терюшево имелись самобытные захоронения с конем, снабженные украшениями и оружием. По собранным П. Дружкиным легендам, в старину около этих курганов, называемых «Мордовскими могилами», собиралось окрестное мордовское население на моления, «приводились быки и разный скот на жертвоприношения» [9, с. 34-40].

Следует полагать, что в древности Терюшево было селением, в котором жил местный мордовский князек со своей дружиной бойцов «тюрихов», отчего и оно получило такое название.

В таком случае можно допустить, что и другие похожие названия в ареале расселения мордвы и их финно-угорских предков имели подобные названия.

В 6 км от древнего Городца Нижегородской обл. имеется деревня Торохово, название которой мы можем идентифицировать как своеобразный «след» древнего мордовского воинского центра, находившегося здесь и отбитого Рюриковичами в самом начале своей экспансии в Волго-Окское междуречье. Древние легенды утверждают нас в этой мысли. «Есть у деревни Торохово курган, где по преданию покоятся Паны. Судя по найденным останкам, это были настоящие богатыри огромного роста. В прошлом веке курган подвергся разорению. Там находили бусы, серебряные украшения, богато украшенную рукоять от меча. Деды рассказывали о всяких чудесах, происходивших на этом месте, т.к. дух предков был потревожен. А в глубине кургана якобы зарыт гроб с медью, который должен с годами выйти кладом. От старых людей дошла до нас легенда о том, что в седую старину жило могучее племя воинственное Панов на левом обрывистом берегу Волги от реки Яхры до реки Белой. Мужчины этого племени ходили в дальние походы и возвращались с богатой добычей <...> Пролетело тысячелетие, исчезло с лица земли поселение могучего племени Панов, но память о себе они оставили в названиях рек, озер да курганов-кладбищ» [11, с. 17-18].

Еще одним подобным древним финно-угорским воинским центром с похожим названием мы полагаем существующее недалеко от Тулы Торохово (Торхово) городище, остатки которого площадью 1

га расположены на мысу, образованном в месте впадения ручья Глядежка в речку Синетулица. Городище окружено валом высотой до 5 м, а рядом с городищем находился посад площадью более 70 га. Первых насельников городища связывают с мощинской культурой, которая по своему составу была смешанной балто-финно-угорской [6; 7].

Древность указанных городищ может говорить о том, что основаны они были предками современных финно-угров, которые в местах, наиболее рано освоенных восточными славянами, были ассимилированы, оставив после себя только легенды и названия своих центров.

Вероятно, эти древние воинские дружинные центры, были в свое время центрами племенных объединений, в некоторых случаях становились «предтечами» княжеских центров древней Руси. В этой связи важно, что подобный топоним сохранился в черте современной Москвы. Речь идет о деревне Терехово, название которой связывают с фамилией Терехов, однако носитель такой фамилии в документах не упомянут. Деревня находилась в Лужниковской пойме недалеко от Кунцевского парка, где еще в 70-х гг. прошлого века были видны остатки валов и рвов, и местные многочисленные археологические находки связывают с дяковской культурой близкой другим финно-угорским культурам, в том числе и рязано-окцам.

Согласно свидетельству археолога И. Забелина, в 40-х гг. XIX в. у жителей деревни Терехово еще существовал обычай на Троицын день ходить к Кунцевскому городищу и бросать в Москву-реку традиционные зеленые венки. Он предположил тогда, что это пережитки языческого почитания «требища у проклятого места». Забелин считал, что «кунцевское городище есть памятник глубочайшей древности, показывающий, что эта сторона была заселена с незапамятных времен, задолго до того времени, с которого мы начинаем свою историю» [2].

В этой связи следует отметить, что топонимы Терехово встречаются также вблизи городов Ярославля (в 5 км), Костромы (в 7 км), Твери (в 14 км), то есть древних княжеских центров Северо-Восточной Руси. В 29 км от Ростова Великого расположена деревня Теренково. Смеем предположить, что дальнейшие изыскания в микротопо-

нимике других городов бывших когда-то древнерусскими княжескими центрами также дадут находки названий с основой *терех* (*торох*).

Одновременно и археологическое изучение районов расположения подобных топонимов может принести свои плоды. Перспективными для такого изучения являются места расположения пяти селений Терехово в Московской области (Солнечногорский, Талдомский, Волоколамский, Дмитровский, Шатурский районы), селений Тереховое Михайловского района Рязанской области, Тереховицы Муромского и Тереховицы Камешковского районов Владимирской области, селений Торохово Комсомольского, Терехино Пестяковского, Терехово Вичугского, Терехово Палехского, Терехино Пестяковского и Тереховская Кинешминского районов Ивановской области. Любопытно, что все топонимы, о которых говорится выше, расположены между 54 и 57 градусами северной широты. Из тех топонимов, которые не вписываются в указанные координаты следует упомянуть названия Терехово в Архангельской, Вологодской, Калужской, Новгородской и Псковской областях и республике Карелия, где нет сомнения в финно-угорском субстрате местного населения.

Но в каждом отдельном случае надо подходить к изучению прошлого такого населенного пункта дифференцировано, привлекая в совокупности как данные археологии, так и этнографии и лингвистики.

Таким образом топонимы с основой *терех* (*торох*) расположенные в древнем ареале расселения финно-угорских народов Восточной Европы, могут являться своеобразными маркерами этого расселения, указывающими на возможные древние центры потестарных образований восточных финнов.

Источники и литература

1. Беговаткин А.А. О некоторых атрибутах дружинной среды второй половины X – первой половины XI в. в западной части Среднего Поволжья // Научный Татарстан. № 4 2010. С. 10-18.
2. Векслер А.Г. Раскопки на «проклятом месте» // Наука и религия. № 1 Январь 1978. С. 46-48.
3. Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. IV (Пиледемс-Уштомс). Йошкар-Ола, 2009.
4. Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. V (Фала-Яштерь). Йошкар-Ола, 2011.

5. Гримберг Ф.Л. Рюриковичи, или Семисотлетие вечных вопросов. М., 1997.
6. Гриценко В.П. Торховское городище и его округа //Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Вып. 1. Тула, 1997. С. 20-22.
7. Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2003. Вып. 1. С. 6–11;
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV Р –V. М., 1955.
9. Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. Под ред. Д.Н. Анучина. Т. X. М., 1885.
10. Из беседы с Шароновым А. М. от 20.12.22. Запись беседы хранится в личном архиве автора.
11. Легенды Городецкой земли / Составитель Л. А. Климова. Городец, 1997.
12. Маркелов М.Т., Толстов С.П. К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2. С. 104–123.
13. Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 132-139.
14. О Терехове – Терехово [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.terexovo.ru/about/o-terexove.html> (дата обращения 20.12.24)
15. Русско-эзьянский словарь. М., 1948.
16. Эзьяно-русский словарь. М., 1949.
17. Санское [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: sanskoy.narod.ru/history.html... (дата обращения 30.11.24).
18. Смирнов А.Д. Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии. Казань, 1893.
19. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
20. Тюр // Мифы народов мира. Энциклопедия. Гл. ред. С.А. Токарев. Т. II. К–Я. М., 1982.

ИОАСАФ (ЗАБОЛОТСКИЙ), ЕПИСКОП НИЖЕГОРОДСКИЙ И АЛАТЫРСКИЙ КАК ПРОПОВЕДНИК

Григорьев Антон Борисович

Российская государственная библиотека, научно-исследовательский отдел
редких книг (Музей книги), старший научный сотрудник
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Центр истории богословия и богословского образования, научный сотрудник
Россия, Москва, г. Зеленоград; e-mail: grig_anton@mail.ru

В статье рассматривается проповедническая деятельность Иосафа (Заболотского), епископа Нижегородского и Алатырского, архиепископа Тверского и Кашинского, выдающегося церковного деятеля Екатерининского времени. Ученик святителя Тихона Задонского, всецело разделяющий его стремление к укреплению нравственных идеалов христианства, в проповеди он был продолжателем традиций митрополита Московского Платона (Левшина) и митрополита Новгородского

и Великолуцкого Димитрия (Сеченова), стремящимся к созданию нового языка проповеди. За короткое время талантливый проповедник сумел стать одним из создателей церковно-государственной идеологии абсолютизма и войти в ближний круг императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: История Русской православной церкви; Иоасаф (Заболотский); архиепископ Тверской и Кашинский; императрица Всероссийская Екатерина II, Димитрий (Сеченов); митрополит Новгородский и Велоколуцкий; Александр Васильевич Кармазинский; священник.

Иван Заболотский родился в 1744 году в селе Заболотье Владимирской губернии в семье священника Покровской церкви [2, с. 151]. Первым местом его обучения стала Новгородская духовная семинария, в которой он был первым студентом, высоко отмеченным одним из своих учителей, святителем Тихоном Задонским. Как лучший студент он был отправлен для продолжения обучения в Лаврскую семинарию. А после окончания некоторое время был преподавателем в Новгородской семинарии. В 1774 году он принял монашество с именем Иоасаф и почти сразу был вызван в Московскую духовную академию и определен в ней проповедником, чуть позже переведен в Санкт-Петербург, где преподавал Закон Божий в Академии Художеств. Несмотря на очевидное признание проповеднических талантов, священноиерархия дает молодому еще иеромонаху возможность познакомиться с аспектами управления.

Его явственно готовят к архиерейской должности и уже в 1778 году он произведен в архимандрита Троице-Сергиевой пустыни. На это время приходятся самые продуктивные годы архимандрита Иоасафа. Издания проповедей архимандрита Иоасафа выходят в Санкт-Петербурге в 1775, 1788, 1789, 1780, 1781, 1782 году. Всего 11 изданий слов и речей. Это очень много. У более влиятельных пастырей в те годы выходили три или четыре книги за всю жизнь. Молодого архимандрита издает издательство Новикова в Московском университете, Санкт-Петербургская академия наук, Типография Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, одной из основных задач которой была катехизация будущего офицерского состава империи [12, С. 297], в типографии при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, т.е. архимандрит Иоасаф получает доступ к формированию идеологии целого дворянского поколения Екатерининской эпохи, как воен-

ного, так и гражданского сословия. Задача эта чрезвычайно ответственная, и о. Иоасаф с ней успешно справляется. Естественно, что без высочайшего покровительства государыни императрицы такая деятельность была бы положительно невозможна, и большинство проповедей этого периода посвящены членам императорской семьи, что заставило историков воспринимать архимандрита Иосифа как мастера екатерининского панегирика, основной задачей которого является восхваление правления и укрепления авторитета царственной династии. И, отчасти, это правильно. Исключительная комплементарность проповедей Иосифа (Заболотского) выделяется даже на фоне общепринятой традиции того времени. «Благословенная в женах, благословенная во Владыцех земных, гряди во имя Господне! ... како не вознесу десницу Твою, приводящую с неутомимым трудом в совершенство моря, и реки, и поля, и леса, или кратко скажу, всю Россию, во всем и надо всем возвышающую» [10, с. 4] – пишет он, сочетая с образом императрицы титулы Пресвятой Богородицы и Творца Вседержителя. Свою роль безусловно сыграло и влияние на Заболотского Димитрия (Сеченова), Нижегородского архиерея в годы семинарской подготовки. Но это, конечно, только часть правды. Почти все свои, напечатанные впоследствии, проповеди он произносил перед членами императорской фамилии «частью в Зимнем Дворце, частью в Петергофе» [6, с. 157] и не мог хотя бы часть проповеди не адресовать лично им, но мысль его всегда была неожиданнее и глубже. Так в «Слово в день тезоименитства Александра Павловича», архимандрит Иосиф обращается к проблеме судьбы человека, его социального поприща, как бы предвидя в годовалом младенце Александре будущего триумфатора Отечественной войны 1812 года. «Для чего иной во избытке ощущает в себе дух прозорливости, другой мудрости, иной милосердия, другой трудолюбия? Не для того ли, чтобы прозорливый предохранил от всяких неурядиц, чтобы мудрый приводил нравы в порядок, милосердой благотворил... Впрочем поелику зависти свойственно вооружаться на счастье других... промысл вооружает некоторых и геройскими преимуществами, дабы они были стражи всеобщей безопасности, защитники Отечества, поборники веры» [11, с.4–5]. Но нравственное начало личности превалирует над прочими личностными характеристиками, сплавливает и организует их. Долг государственного деятеля не в том,

чтобы «ослабляться путями счастья... и учреждать дела для намеренных полезных только себе» [11, с. 9]. Его задача сохранить целостность общества. Эту апологию общественного служения высшего дворянства при необходимости можно было приложить к любому сословию, поэтому эта проповедь, может быть еще непонятная будущему императору, была очень ясна и понятна его родителям и августейшей бабушке. Ясный и чистый русский язык, отсутствие перегруженности святоотеческими цитациями и повторами, составлявшими старый строй схоластической проповеди, сравнительная краткость поучения сделали архимандрита Иоасафа одним из самых желанных проповедников при Зимнем Дворце.

В 1780 году он назначен членом Священного Синода. В своих придворных проповедях архимандрит Иоасаф иногда касается вопросов неожиданных. На день рождения Екатерины он, произнося апологию жизни, полной лишений и горестей, но все равно столь прекрасной, обрушивается на самоубийц, особенно укоряя участников дуэлей. Он проповедует: «И я не знаю, плод ли то есть совершенного отчаяния, или род последнего безумия, что некоторые, не уважая столь великое благо, прекращают течение жизни своей или не воздержанием, или отвержением спасительных к сохранению мер, или подвергая оную безнуждно бедственной опасности, а кольми паче когда еще погашают возженное от немерцающего света дыхание самоубийственными руками, возносят на сия злодейские орудия, или под видом защищения чести предают живот свой постыдной опасности поединков!» [8, с. 35] Императрица относилась к дуэлянтам гораздо мягче, чем Петр Великий, смертью никого не карала, да и сама, по преданию, в юности дуэлировала, так что такая проповедь, особенно в день рождения, была дерзновенна. В день рождения наследника цесаревича Павла Иоасаф также проповедует о вреде господствующей в то время при дворе философии гедонизма: «Все стремительно желают наслаждаться удовольствием, но науке сей, чтобы быть своим состоянием довольными, все почти мало прилежат. Пройдите народные сонмища, приникните беседам их, и не больше ли услышите жалоб и негодований, воплей и опасностей?» [4, с. 16]. Упоминание «народных сонмищ» не несет в себе признаков социального недовольства, как можно подумать. Эти слова о вечно неудовлетворенном в своей жажде удовольствий чело-

веке. Впоследствии император Павел запомнится человеком, сторонящимся праздности. В той же проповеди архимандрит Иоасаф пишет о роли православной веры в построении нравственного благополучия в обществе: «Но мы духовная духовными рассуждающе взойдем в рассуждение, сколько вера Евангелия содействует к благостоянию не токмо каждого особенно, но всего общества... Слаб закон человеческий... если он не запечатлевается законом божественным... Страх наказания есть единственная онаго защита? ...но удерживать от злодеяния страхом, сие средство ненадежно... [4, с. 3.9]. И эти слова уже безусловно были созвучны мыслям самой Екатерины II, мечтавшей, как она это понимала, о царстве справедливости. 5 июля 1781 года архимандрит Иоасаф встречает императорское семейство, приехавшее на богомолье в Троицко-Сергиеву пустынь проповедью о преподобном Сергии, полной философических размышлений о смирении, поисках смысла жизни и любви. «Всякая вещь имеет свой закон ... но есть предел, в котором мы все находимся... Две главные и первоначальные добродетели – любовь и смирение... Единственный наш долг есть в жизни сей, чтобы успевать в науке познания самих себя. ... Пусть окружается человек чудесным зрелищем природы, пусть осиявается со всех сторон прелестными благолепиями ... но рассуждая, необходимо принужденным себя находить смиренно о себе мыслить [5, с. 2–3, 5, 8–9].

Перед Троицким архимандритом открывался путь архиерейского служения. В 1782 году он был поставлен во епископа Нижегородского и Алатырского, сменив епископа Антония (Зыбелина). Отъезжая к месту служения он скажет: Иду в подлежащий путь, иду пасты люди твоя.

Как пишет архимандрит Макарий: новый владыка «...являл себя в полном смысле начальником и пастырем своих овец» [6, с. 157]. В приветственном слове он вновь укажет на проповедь как на основное и нужнейшее поприще архипастыря. О проповеднической деятельности епископа Иоасафа в Нижегородской епархии известно немного. Эти проповеди попали в собрания библиофилов в конце XVIII – начале XIX века. В собрании рукописных книг РГБ имеется интереснейший экземпляр сплетенных рукописных проповедей трех церковных авторов, Симона Лагова, Иоасафа Заболотского и Ириней Клеменьтьевского, собранный каким-то любителем

русского гомилетического творчества и позднее перешедший в коллекцию В.М. Ундольского. [3, с. 151–154]. Первым обратился к изучению гомилетического наследия епископа Иоасафа Нижегородского периода преподаватель семинарии Богословский В.И.¹ В 1891 году ему предоставил сборник рукописных проповедей священник Нижегородской церкви Воскресения Христова на Гребешке, член Нижегородской епархиальной археологической комиссии, член совета Братства Святого Креста, Александр Васильевич Кармазинский [1, с. 894]. Сам о. Александр был известным проповедником [7], крупным историком Нижегородской земли и коллекционером-библиографом. Из этого сборника Богословский опубликовал одну проповедь, определенно Нижегородскую, «Слово при вступлении на паству» 28 июня 1782 года и сопроводил ее публикацию небольшим очерком, в котором отметил лишь общую тематику проповеди Заболотского – борьбу с атеистическим и натуралистическим направлениями и «полемику с раскольниками, которых много было в Нижегородской епархии, особенно в Семеновском уезде. В Семенове он произносит два слова против раскола, затем одно в селе Бор, еще в селе Погост Балахнинского уезда» [1, с. 897]. Видимо, борьба с расколом также воспринимается им через призму верноподданической идеологии, так как вопросов исторических или догматических, бывших непосредственно предметом раскола, он практически не касается. Он пишет о взаимозависимости Церкви и государства в деле спасения: «...не может быть гражданином не истинный хранитель веры, не могут общие и домашние дела иметь своей силы, если не подкрепляются законом Божиим. ... Ничто так не укрепляет человеческого союза... как спасительная вера. ... Думает ли кто разделить Церковь и общество, закон гражданина и обязанность христианина? Нет, одно без другого не может быть» [1, с. 901]. И, перефразируя апостола Павла, формулирует вывод, который при другом стечении обстоятельств мог бы стать основой для государственной идеологии: «Един есть Бог, един Отец, един ходатай, едино крещение, едино упование, едино уготовано царство!» [1, с. 902]. Но помимо этого проповедь нижегородского епископа проникнута христианским пониманием архипастырского служения: «Не хочу убо

¹ Вероятно, Богословский Владимир Иванович (+не ранее 1918) – преподаватель Казанской духовной семинарии.

клястись ни небом ни землею, не хочу, да не впаду в лицемерие... яко пройду место селения врученныя мне паствы ... довольно для меня должность мою ограничить пользою вверенной паству, и быть столько добродетелю, сколько удовлетворить можно и закону Твоему...» [10, с. 21–22] Так же Богословский является автором выражения о принадлежности епископа Иосафа школе митрополита Платона, утверждение, которое кочует по всем биографиям владыки. Большая доля истины в этом утверждении есть, однако язык митрополита Платона более витиеват, сложен, он большее место уделяет святоотеческим трудам и цитированию Священного Писания. С не меньшим основанием можно утверждать, что епископ Иосаф испытал значительное влияние святителя Тихона Задонского, в отношении языка проповеди и архиепископа Димитрия (Сеченова), в отношении к пониманию государствообразующей роли православной веры. Но прежде всего надо отметить, что епископ Иосаф (Заболотский) вполне самостоятельный и оригинальный автор. Пробыв в Нижегородской епархии около года, епископ Иосаф переводится в Тверь. Совершенно очевидно, что первая епархия была неким пробным камнем для подготовки дальнейшего возвышения владыки. Проповеди первых лет этого отрезка его жизни наполнены изъявлениями искренней благодарности к своей августейшей госпоже, хотя владыке иногда изменяет чувство вкуса. «Вниди убо милосердая мать! В жилище Того, Его же ты собою изображаешь...» [10, с. 19] – восклицает владыка, встречая в Спасо-Преображенском кафедральном соборе императрицу в Троицкий праздник 1875 года. Во время визита в Вышний Волочек владыка Иосиф произносит проповедь о сакральной сущности абсолютизма: «Царь на земли есть тоже, что на небеси Бог. Он лице его носит. Он управляет и управляется сильного десницей. Сердце цареве в руке Божией. И потому апостол повелевая бояться Бога повелевает чтить и царя изводя сугубое сие обязательство от единого начала». Не без инициативы Тверского владыки к приезду императрицы в Твери были установлены деревянные триумфальные ворота. Спустя два года императрица вновь приезжает в Тверь и вновь получает самый восторженный прием. Подключились к приветственному хору и семинаристы:

О волжския струи прозрачны,
Кропящи северну страну,
Где красны пажити и злачны

Одну являют тишину,
Еще на вас, еще блистает,
Что до полсвета восхищает,
Российския Богини зрак!

.....

Но русское уже Светило,
И Твери днесь себя явило... [9, с. 9-10]

Но помимо прославления властей земных архиепископ неустанно научает их ответственности перед обществом и государством, которая является отображением ответственности каждого человека вне зависимости от его сословного или имущественного положения: «Но мы видим, что в мире сем еще существует другой мир, мир вкупе телесный и бесплотный. ... Вот несносна для тебя бедность, несносна бесславие, несносна обида, напасть, гонение: вообрази же колико будеши лукавый раб, колико потемнишь славу Божию, есть ли во обилии будучи, в чести будучи, славой облекшись, не подкрепишь помощью своею бедность, тесноту, не мощь других (10, с. 52). В «Слове в неделю православия» он вновь ополчается на атеизм и вольнодумство: «Что сильнее священных прав? Что непреложнее Божественного откровения? ... Но вот ложь, безбожие, суеверие, и здесь поучаются суетными и тщетными, и здесь воздвизают бурю неистовства, хотя ниспровергнуть корабль святыни. ... Но что ж успели они в начинаниях своих? Ах нет!.. Они пали под ногами истины...» [10, с. 59]

Видимо епископ Иоасаф был добрым и расположенным к общению и дружеским связям человеком, потому что многие книги имеют его дарственные надписи.

Экземпляр издания «Слова и речи» 1785 года он подписал князю Гавриилу Петровичу Гагарину, видимо приехавшему в Тверь в свите цесаревича Павла. «Его сиятельству Гавриилу Петровичу моему государю Гагарину. Синодальный член смиренный Иоасаф архиепископ Тверской. 1785 июля 31. Тверь». На момент подписания книги, Гагарин – камергер, обер-прокурор 6-го департамента Сената. Книга позже была передана в библиотеку Троице-Сергиевой лавры.

Еще один экземпляр был подарен Иоанникию (Бурановскому) (1741–1789). Подпись гласит: «Любезному Ниловской обители архимандриту нашему Иоанникию в знак нашаея любви. Архиепископ

Тверской Иоасаф. 31 июля». После его кончины книга отошла библиотеке Пустыни.

Самым востребованным стало московское издание «Разных речей и поучений» Типографической компании 1787 года. Экземпляры его пользовались спросом и у читателей, и у библиофилов. Первый экземпляр принадлежал иеромонаху Свято-Введенской Оптиной пустыни Варсису (Василию Сергеевичу Виноградову) (1872–1937). Об этом мы узнаем из штемпеля. О. Варсис был иосифлянином, расстрелянным вместе со своим братом иеромонахом Осией во времена ежовских репрессий.

Следующий экземпляр имеет подпись «Моему другу епископу Григорию в праздник Успения, архиепископ Тверской Иоасаф. Году 1787». Кем был этот человек неясно. Не удалось установить ни одного епископа Григория в 1787 году.

Еще один – принадлежал Ивану Кузьмичу Щукину (или Кузьме Ивановичу) – ученику Тверской семинарии. 1823. Подпись Сия книга Кузьмы Щукина. Тверь 1823 года мая... Ниже: «Из книг ученика Ивана... (вымарано)». Ниже: «Из книг семинарии ученика Кузьмы Ивановича Щукина». Форзац и нахзац экземпляра имеют очень много маргиналий, иногда не читаемых, заштрихованных или вымаранных, с упоминанием разных фамилий и разных дат. Обращает на себя внимание запись «Сия книга тверского купца Петра Сапунова». Известно, что Щукины и Сапуновы – купеческие династии, но представителей их с такими именами установить не удалось.

Еще один экземпляр стал частью собраний Якова Нартова, писателя Екатерининского времени, а позже вошел в коллекцию библиофила и мецената Александра Николаевича Неустроева (1925–1902).

Другой экземпляр хранился в собрании Сретенского монастыря. Об этом свидетельствует запись 1802 года.

Собиратели проповедей охотно включали работы Заболотского в свои конволюты. Конволют, содержащий «Речь на пришествие ея императорского величества в Троицкую Сергиеву пустынь» М., 1779, имеет владельческий автограф Евгения (Романова) (1750–1811) – епископа Костромского.

Другой обширный конволют со словами архиепископа Иоасафа имеет экслибрис-ярлык Императорского общества истории и древностей российских.

Один из экземпляров «Слов и речей», издания Типографии Морского шляхтецкого кадетского корпуса, 1785 года архиепископ Иоасаф собственноручно передал в библиотеку Твери. Об этом рассказывает автограф владыки на титульном листе.

В 1788 году, на 44 году жизни, на пике своей церковной карьеры архиепископ Иоасаф скончался. Могила его в Желтиковом монастыре под Тверью была уничтожена вместе со всем поздним некрополем. Книги после его кончины больше не переиздавались. Восторженный дух проповедей архиепископа Иоасафа не вписывался в изменившуюся культурную парадигму XIX века. Тем не менее сохранившиеся экземпляры изданий одного из самых популярных и востребованных проповедников Екатерининской эпохи дают нам возможность вновь познакомиться с творчеством этого незаурядного архиерея.

Источники и литература

1. Богословский В.И. Слова Иоасафа (Заболотского), епископа Нижегородского и Алатырского, сказанные им Нижегородской пастве в 1782-3 годах. // Нижегородские епархиальные ведомости. 1891. №24. С. 894-905.

2. Возвращение к вере: храмы Радонежского края / гл. ред., авт. текста С. Васильев, авт. текста В. Болотова, авт. текста Л. Спирина, авт. текста К. Филимонов. М., Сергиев Посад, 2007.

3. Григорьев А.Б. О рукописном сборнике проповедей XVIII века из собрания В. М. Ундольского // Румянцевские чтения-2025: материалы Международной научно-практической конференции (22–24 апреля 2025 г.): в 2 частях / сост. Е. А. Иванова. М., 2025. С. 151-154.

4. Иоасаф (Заболотский), архим. Слово в день первоверховных апостолов Петра и Павла. [Санктпетербург: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1780].

5. Иоасаф (Заболотский). Слово в день преподобного Сергия. [Санктпетербург: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1781].

6. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года // Соч. Архим. Макария. СПб.: Н.Г. Овсянников, 1857.

7. Кармазинский А.В. Поучение по освящении Храма воскресения Христова в Ямских улицах Нижнего-Новгорода, произнесенное 2 июня 1886 священником Воскресенской церкви о. Александром Кармазинским. [Н.-Новгород]: тип. Нижегород. губ. правл., [1886].

8. Поучительныя слова сказыванныя при высочайшем дворе ея императорскаго величества благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексеевны... самодержицы всероссийския, Святейшаго правительствующаго Синода членом, Святотроицкия Сергиевы пустыни архимандритом Иоасафом. В Санктпетербурге: Печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, 1780.

9. Разные сочинения Тверской семинарии на прибытие ея Императорского величества в Тверь. М., В типографии Компании типографической. 1787.

10. Слова и речи, говоренные в присутствии ея Императорского величества Синодальным членом архиепископом Тверским и Кашинским [Иоасафом (Заболотским)]. [Санкт-Петербург] Тип. Морского шляхтецкого корпуса [1785].

11. Слово в день тезоименитства его императорского высочества, благоверного государя великого князя Александра Павловича, и в кавалерский праздник святого благоверного великого князя Александра Невского, при котором торжестве последовало и заложение соборной Александро-Невского монастыря церкви во имя святыя Троицы, / В высочайшем присутствии ея императорского величества и их императорских высочеств, говоренное Троицкой Сергиевой пустыни архимандритом Иоасафом. В Санктпетербурге: Типографии Императорского Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, 1778.

12. Шамрай Д.Д. Цензурный надзор над типографией сухопутного шляхтецкого корпуса. [Б. м.]: [б. и.], [19--].

ПЕРВАЯ В РОССИИ! К 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА А.В. СТУПИНА *Малышев Андрей Вячеславович*

Независимый исследователь

Россия, Нижний Новгород; e-mail: m10530@yandex.ru

В статье на основе архивных документов восстанавливаются некоторые страницы истории Арзамасской художественной школы академика А. В. Ступина – первой в России школы, взятой в 1809 году под покровительство Императорской Академии художеств. Уточняются факты биографии А. В. Ступина, его сына Р. А. Ступина и зятя академика Н. М. Алексеева. Впервые публикуется в полном объеме духовное завещание А. В. Ступина и другие архивные материалы.

Ключевые слова: Арзамасская художественная школа; академик Ступин; академик Алексеев; художник Р. А. Ступин; академия художеств.

История Арзамасской художественной школы академика А. В. Ступина в изложении многих авторов изобилует мифами, домыслами и догадками. Особенно «урожайными» на подобные произведения являются конференции, приуроченные к юбилейным датам, связанным с историей школы. Цель данной статьи, по возможности, поспособствовать искоренению подобных статей к предстоящему в 2026 году 250-летию Александру Васильевичу Ступину.

В 2002 году к 200-летию Арзамасской школы живописи была издана книга Н. Ф. Филатова «Арзамасская школа живописи академика А. В. Ступина» [23], проведены II музейные научные чтения, где в том числе выступили старший научный сотрудник Нижегород-

ского государственного художественного музея В. В. Тюкина, доктора исторических наук А. В. Седов, Н. Ф. Филатов, профессор Ю. Г. Галай и другие. В. В. Тюкина была куратором и прошедшей в 2002 году в Нижегородском государственном художественном музее (НГХМ) выставки «"Необыкновенное дело" А. В. Ступина». Материалы музейных чтений были изданы в 2003 году [7].

Книга Н. Ф. Филатова стала первой изданной книгой, посвященной Арзамасской школе живописи, после появившейся ещё в 1947 году монографии ленинградского искусствоведа П. Е. Корнилова «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века» [9].

В аннотации к книге Н. Ф. Филатов использует ошибочный фразеологизм: «Книга о первой в истории России провинциальной художественной школе А. В. Ступина в Арзамасе [23, с. 2]. Школа Ступина не была первой не только в провинциальной России, но даже и в самом Арзамасе. Сам Ступин пишет, что «у 5-х учителей и хозяев жил... а всего в учениках и работниках около 9 лет» [22, с. 396]. Полученное в Арзамасе художественное образование позволило ему поступить в Академию художеств. Отец ученика Ступина Ивана Зайцева Кондратий получил художественное образование тоже в Арзамасе [5, с. 564]. Можно с уверенностью утверждать, что школы или мастерские по подготовке художников были в большинстве российских городов.

Художественная школа А. В. Ступина – первая в России, взятая в 1809 году под покровительство Императорской Академией художеств, а самого Ступина «яко первого заводителя дела ещё необыкновенного» удостоили звания академика.

Процитируем официальные документы Академии художеств (АХ): «Заведение сие есть самое первое и дело в том краю необыкновенное, почему заводитель тем более заслуживает особливого и примерного награждения для поощрения других ему подобных к подражанию его примеру <...> то представить в мемории Его Сиятельству Господину Президенту: не угодно ли ему будет его Ступина, яко первого заводителя дела ещё необыкновенного, удостоить званием академика.

14 Августа [1809 года].

8) Слушали предложение господина Президента, в коем одобряя награду, коею Академия желает ознаменовать заслуги г-на Ступина и ободрить его к дальнейшим подвигам, он г. Президент

наилестнейшим вменяет долгом предложить сим совету удостоить г-на Ступина звания академика» [18, с. 534].

И только в 1836 году были награждены «подобные к подражанию его примеру» в Москве. По ходатайству Московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына перед Академией художеств, «основываясь на примере возведения в академики г. Ступина за основание Художественной Школы в Арзамасе, Совет находит справедливым признать гг. художников: Алексея и Василия Добровольских и Ивана Дурнова, как учредителей Московского Художественного класса, академиками» [19, с. 350].

Важнейшим источником по биографии А. В. Ступина и истории его школы стали «Собственноручные записки о жизни академика А. В. Ступина» (далее «Записки»). Свои «Записки» А. В. Ступин начал писать в январе 1847 года, вдохновленный получением в 1846 году долгожданного, обещанного еще в 1812 году Советом АХ, ордена Св. Владимира IV ст. и вносил дополнения в них до конца 40-х годов XIX века. Один из списков «Записок» был напечатан в «Щукинском сборнике» в 1904 году тиражом всего 200 экз. [22].

Процитируем П. Е. Корнилова: «Этот мемуарный материал является одним из основных для изучения и построения истории Арзамасской школы. Материал богат фактическими справками... этот документ имеет для нас большое историческое значение» [9, с. 6]. Но Н. Ф. Филатов проигнорировал «Записки», как и большинство авторов II музейных научных чтений (за исключением Н. Д. Голубевой). Нигде Филатов не упоминает и монографию П. Корнилова «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века» [9]. Не упоминается и художественное произведение П. В. Еремеева «Арзамасская муза», хотя автор активно использует его в своей книге. Монография Корнилова на II музейных чтениях упоминается только в статьях Н. Д. Голубевой и И. А. Макарова.

Н. Ф. Филатов утверждает «что происхождение будущего академика живописи окутано тайной забвения и любые, пересказываемые о родителях художника сведения остаются не более как ничем не подтверждаемыми версиями» [23, с. 5].

В Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО), в фонде Арзамасского городского магистрата хранится дело, из которого однозначно устанавливаются родители А. В. Ступина [25, д. 197]. Документ этот ранее хранился в Историческом архиве Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК).

И на его основе Н. И. Драницын в 1914 г. написал статью «Кто были родители академика художника А. В. Ступина?» [2]. С публикацией Н. И. Драницына был знаком М. П. Званцев и дал ссылку на статью в своей книге 1941 г. о Ступине [6]. Читал материалы Н. И. Драницына и арзамасский краевед П. В. Еремеев, о чем поведал в статье «Подлинные родители» в газете «Арзамасская правда» в 1971 г. [3]. Но для доктора исторических наук Н. Ф. Филатова данный документ и публикации остались недоступными.

Ошибочно утверждение Н. Ф. Филатова, что «одним из первых выпускников Художественной школы А. В. Ступина был Михаил Петрович Коринфский» [23, с. 47]. Об этом нет упоминания в документах Академии, а вот остальные ученики, поступившие на учебу или заслужившие похвалу или награду от Академии, обязательно отмечались как ученики А. В. Ступина. Не знал такого ученика и сам Ступин. В своих «Записках» он десять раз упоминает его, но ни разу как ученика, а, например, «приятель мой Коринский» [22, с. 409]. Не стал Коринфский и академиком, как утверждает Филатов. Такого академика в списках Академии нет! О других домьслах в биографии М. П. Коринфского можно узнать из наших публикаций 2015 г. [10] и 2019 г. [11]. Не был М. П. Коринфский и архитектором Арзамасского уездного училища, о строительстве которого мы подробно написали в статье «История строительства Арзамасского уездного училища, где учился великий русский художник Василий Перов» [12].

Обратимся к материалам II музейных научных чтений. Как мы писали выше, большинство авторов проигнорировали «Записки» Ступина, а те, кто их упоминают, создается впечатление, не удосужились с ними ознакомиться. Так В. В. Тюкина утверждает, что А. В. Ступин начал обучение в Академии в 1799 году [7, с. 276], но сам Ступин в «Записках» пишет, что приехал в С.-Петербург только 17 марта 1802 года [22, с. 382]. И. А. Макаров необоснованно записал в ученики Ступина Кондратия Зайцева – отца ученика Ступина Ивана Зайцева [7, с. 306].

Профессор Ю. Г. Галай в статье «К истории награждения А. В. Ступина орденом» перепутал год получения Ступиным ордена Св. Владимира IV ст. Он ссылается на книгу И. С. Ремезова (записывая его ошибочно как Ремизов) «Александр Васильевич Ступин, арзамасский мещанин – иконописец» [14] и указывает стр. 29, что тоже

ошибка. Галай неправильно интерпретировал текст на стр. 33: «После своей новой поездки в С.-Петербург, в 1845 году, Ступин был награжден, по представлению академии, орденом св. Владимира 4-й степени». Поэтому пишет, что долгожданный орден был вручен академику в 1845 г. [7, с. 288]. Но 1845 г. – это год очередной поездки в С.-Петербург, а орден был получен в 1846 г., о чем есть запись в документах Академии [15, д. 3038, л. 8], и этот год указывает Ступин в своих «Записках» [22, с. 423].

В. В. Тюкина является и автором ни на чем не основанной догадки, что А. В. Ступин в период с 1804 по 1807 годы обучал Сергея, а с 1814 по 1817-й Николая, сыновей генерал-майора В. С. Шереметева, в их родовом имении селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии [8, с. 10]. Но в «Записках» Ступина нет даже намек на такие частные уроки. В эти годы он был единственным и педагогом в школе, и завхозом, и директором. В 1813 году князь И. М. Долгоруков совершил путешествие из Москвы в Нижегородскую губернию и обратно по наследственным делам. Его журнал путешествия был опубликован в 1870 году. В Арзамасе он был у А. В. Ступина. «Проезжая Арзамас, нельзя не остановиться хоть на полчаса, чтоб зайти к нему, видеть его труды и поговорить с ним о живописи; для меня этого было довольно; охотник мог бы и сутки с ним заняться без отягощения» [4, с. 48]. Заехал князь и в село Богородское к генерал-майору В. С. Шереметеву, был приглашен к ужину, где заметил, что в учителях сплошь иностранцы «и учитель музыки, рисования и прочего» [4, с. 104].

Но вернемся ко II музейным научным чтениям. Несмотря на то, чтения заявлены как научные, архивные источники у авторов почти полностью отсутствуют, за редким исключением.

Так, доктор исторических наук А. В. Седов в статье с хлестким названием «Как зять А. В. Ступина его школу загубил» дает ссылку на один архивный источник: ГАНО, ф. 177, оп. 766, д. 10777, л. 12–13 и утверждает, что на этих листах «Духовное завещание» Ступина. С духовным завещанием Ступина Седов все-таки ознакомился (хотя на указанных им листах текста завещания нет) и верно заметил, что адресовано оно было не зятю Н. М. Алексею, а внукам – детям дочери Клавдии. Весь же остальной текст статьи – это художественный вымысел, навеянный прозой П. В. Еремеева. Здесь и переживания Клавдии по поиску жениха и козни зятя Н. М. Алексева.

Седов обвиняет Алексеева в том, что он «прибрал к своим рукам Арзамасскую школу живописи, но не по завещанию тестя, а по согласию своего сына Михаила. Академика Н. М. Алексеева за его коварство постигло несчастье: ослабло зрение, и он уже не мог работать по академическим подрядам, в результате был уволен с грошовой пенсией. А семья большая – шесть душ. Оказавшись не у дел и без средств, Алексеев задним числом вспомнил свое обещание тестю и попытался пополнить семейный бюджет за счет Арзамасской школы. Прибыл в Арзамас и варварски уничтожил детище тестя. Здание и часть оборудования распродал, наиболее ценные картины забрал с собою в Петербург, а все остальное бросил на произвол судьбы. Все мало-мальски полезное для мещанского быта арзамасцев было растащено» [7, с. 313].

Всё в предыдущем абзаце не соответствует действительности, за исключением двух моментов: зрение со временем слабеет, и пенсия оказалась меньше ожидаемой. Прошение о назначении пенсии Н. М. Алексеев подал только 24 февраля 1873 г. о выходе на пенсию с 1 апреля 1873 г. [17, д. 11, л. 76 об.].

Несколько слов о занятии академика Н. М. Алексеева только в одном Исаакиевском соборе (были и другие работы). Приглашен был в 1843 г. главным архитектором О. Монферраном [17, д. 11, л. 23 об.]. В аттике и на стенах собора им сделаны следующие картины (росписи): «Переход израильтян через Чермное море» (15 аршин в длину и 5 аршин в ширину), «Ангел, истребляющий первенцев египетских», «Иисус Христос спасает утопающего Петра», «Исцеление прокаженного», «Исцеление расслабленного», «Исцеление слепорожденного», «Брак в Кане Галилейской», «Покаявшаяся грешница».

В 1853 г. становится художником мозаичного отделения Академии. В мозаике им сделана храмовая икона собора образ св. Исаакия Далматского, начатая ещё другим учеником Ступина В. Е. Раевым, но уволенным по болезни, с переделкой всей головы из-за замечания императора Николая I: «Лицо слишком бледно, а борода синяя». За эту работу в октябре 1860 года Алексеев получил 1200 рублей [17, д. 11, л. 18]. В мозаике им также сделаны образа св. апостола Павла, архангела Михаила, св. Сергия Радонежского, св. Михаила Тверского и образ Дмитрия царевича, несомого ангелами. Нарисовал также образ Иоанна Богослова для парусов.

Он единственный художник, из работавших в соборе, кто совместил работы по росписи и созданию огромных мозаичных икон для собора.

Н. М. Алексеев за свои труды был награжден орденом Св. Станислава III ст. и золотой медалью на Андреевской ленте для ношения в петлице по случаю построения Исаакиевского собора.

23 января 1849 г. Н. М. Алексеев в Андреевском Соборе Петербурга венчался с дочерью надворного советника Ивана Фадеева Козлова девицей Александрой Ивановой. [17, д. 11, л. 4 об.]. Поэтому Седову было бы правильнее называть его бывшим зятем Ступина.

Немного изменив текст (например, ранее было «Ступин был доволен», а теперь «Ступин блаженствовал», добавив, наконец, библиографию по Ступинской теме и несколько абзацев по завещанию Ступина), доктор исторических наук А. В. Седов размещает новый текст в академическом журнале «Вопросы истории» уже под названием «Духовное завещание академика живописи А. В. Ступина» [20], но главной темой статьи осталось, по-прежнему, унижение академика Н. М. Алексеева: «Не оказалось у зятя ни совести, ни преданности, ни твердости характера, ни патриотизма, ни организаторских способностей, ни чести» [20, с. 141].

Ошибается Седов с датой смерти Ступина, указывая 31 июля 1861 г. и с количеством учившихся в школе учеников, 168 человек. Сам Ступин в своем последнем отчете для Академии художеств от 30 сентября 1854 г. пишет: «С 1802 года по настоящее время в 52 года находилось в ней 150 человек» [16, д. 117, л. 10]. На дату смерти Ступина, 30 июля 1861 года «от престарелости» [1, д. 1. л. 227 об.], в новой семье Алексеевых было уже трое детей: сын Александр 1850 г. рождения и дочери Варвара 1851 г. рождения и Татьяна 1854 г. А всего в этой семье родилось пятеро детей.

Есть «свадебные генералы», а есть доктора наук для юбилейных конференций.

Седов дает ссылку на дело из фондов Центрального архива Нижегородской области: ЦАНО (ГАНУ на момент написания статей). Ф. 177. Оп. 766. Д. 10777. В статье для музейных научных чтений указываются листы 12–13. Для журнала «Вопросы истории» добавлены листы 1 и 17. Указанное дело озаглавлено: «Дело по прошению душеприказчицы дочери Академика Алексеева девицы Екатерины Николаевны Алексеевой об утверждении духовного завещания деда её Академика Александра Васильевича Ступина. Начато 24 августа

1861 год, оконч. 30 окт 1868 г.». На указанных листах, как ни странно, самого завещания нет. На листе 1 прошение Екатерины Николаевны Алексеевой об утверждении завещания. На листе 12 показания свидетеля титулярного советника Николая Кочкарева, на листе 13 показания свидетеля священника Духовской церкви Арзамаса Николая Соколова, а на листе 17 окончание очередного прошения Екатерины Алексеевой, её подпись и запись: «Жительство имею в С. Петербурге на Васильевском Острове между Средним и Малым проспектом в доме Савиной в 6 линии. Прошение верю подать Коллежскому регистратору Александру Лаврову Виноградову».

Поэтому мы впервые публикуем завещание Александра Васильевича Ступина в полном объёме.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Я нижеподписавшийся Академик и Кавалер Александр Васильев Ступин будучи в здравом уме и твердой памяти помышляя непрестанно о кончине дней моих, рассудил учинить распоряжение о принадлежащем мне движимом и недвижимом, благоприобретенных имениях, и денежных капиталах, налицо и в долгах находящихся на следующих основаниях.

1-е. Тело мое похоронить при Всесвятской кладбищенской церкви в приготовленный склеп, где похоронили тела покойных жены моей и дочери, на поминование и погребение тела моего употребить по выданной руки моей, Запискам.

2-е. Дом мой со строением всякого рода, с принадлежащею к оному зданию садом и огородом, состоящий в городе Арзамасе, против Троицкой церкви, с мебелью, серебром, фарфоровой, фаянсовой, хрустальной, медной, железной и деревянной посудой все без изъятия предоставляю в вечное потомственное и единственное владение старшей внучке моей девице Екатерине Николаевне Алексеевой, по той причине есть ли я по древности лет своих не в силах буду управлять домом, так она из любви ко мне поддержит мою старость, а может и похоронит меня. А также Екатерине предоставляю четвертую часть из всего моего капитала, с процентами в долгах находящихся сколько онаго по смерти моей окажется.

3-е. Внучке моей второй Елизавете Николаевне находящейся в замужестве за сыном Генерал Майора Яковлева, назначаю четвертую часть из моего Капитала, в долгах находящагося и с процентами.

4-е. Внуку моему Михаилу Николаеву Алексееву также предоставляю четвертую часть с процентами и сверх того в единственное его владение все художественные произведения, Антические фигуры и Бюсты разных родов, Эстампы, масляные и рисовальные эскизы, картины Арегинальные и копии более 1000 штук, все образа на досках писанные красками, живописный инструмент и краски, словом все касающееся до художества, простирающегося по крайней мере до 10000 руб. серебром, да еще Золотую медаль на память, полученную мною за Службу 26 лет Старшиной церковным. А образом с серебряным крестом со святыми мощами я благословил двух старших внук Екатерину и Елизавету.

5-е. Внуче моей Марье Николаевой Алексеевой назначаю четвертую часть капитала моего с процентами. Но как она одержима разными припадками и не может распоряжаться своею частию, то поручаю ее старшей сестре Екатерине Алексеевой, которая получа следующую ей часть капитала должна положить в Казенное Кредитное Заведение для приобретения процентов и содержания ее из упомянутых процентов с помощью отца, в чем я полагаюсь на нее Екатерину по чувству кровного родства и сострадания. А если помрет внучка Марья, то получить ей Екатерине и весь капитал на часть Марьи доставшейся.

6-е. Благоприобретенное имение мое, состоящее Тамбовской губернии, Елатомского уезда в селе Истлееве в 96-ти душах по неимению наследниками моими права владеть населенным имением, предоставляю в распоряжение Правительства и если последует затем из казны вознаграждение, то оное и разделить всеми четверем вышеписанным внукам моим по равным частям.

7-е. Если при жизни моей не окончится дело о долгах покойного коллежского регистратора Нила Афанасьева Полушкина, производящееся в Княгининском уездном суде, то по кончине моей, прошу употребить по оному делу ходатайство свое родственнику моему коллежскому регистратору Николаю Александровичу Белову. За какой труд его и полагаю из процентов 10 коп. с рубля и капитал с достальными процентами разделить по равным частям внукам моим, для чего и выдать ему Белову из духовного завещания для действия его копию. Если из внучат моих постигнет смерть и не останется потомства, то разделить оставшееся ... по равным частям как я назначил.

8-е. Внуку мою Екатерину Алексееву назначаю моею безотчетною душеприкащицею, а внуку моему Михаилу Алексееву денежного капитала не выдавать до 30-ти летнего возраста, а пользоваться одними процентами, а по достижении 30-ти лет может воспользоваться, но не иначе как с разрешения отца своего Николая Михайлова Алексеева.

9-е. Купленный у мещанки Митряшевой в 1860 году дом с землею, находящийся в городе Арзамасе в Прогонной улице близ дома г. Ханыкова предоставляю в вечное и потомственное владение вольноотпущенному от г. Соловцова Варфоломею Павлову Соколову.

10-е. Хотя я назначаю душеприкащицею моею старшую внуку Екатерину Алексееву, которой я поручаю предъявить завещание сие и объявить цену моему имению по чистой совести; но так как она проживает в Санкт-Петербурге, то до прибытия ее прошу и поручаю похоронить тело мое и распорядиться в сохранении имущества моего, Арзамасского мещанина Александра Иванова Молодцова сообща с племянницей своей Арзамасской мещанкой Екатериной Александровой Лысковцевой, которым и уведомить о смерти моей внучат моих при первом письме. И по прибытии сдать ей Алексеевой все имение мое с документами по особой моей описи!

11-е. Ему же Молодцову с племянницей моей Лысковцевой поручаю собирать долги по документам и по получении с должников денег, части старших внук моих Екатерины и Елизаветы, с законными процентами, отчислять для раздела между собой, как упомянуто выше с расписками. А оставшиеся две части, принадлежащие Михаилу и Марье Алексеевым передавать сестре их Екатерине Алексеевой для отсылки в кредитное установление из оных исключая в ... страховки и на гербовую бумагу для подачи просьб на неплательщиков. А мещанину Молодцову за труды его из процентной суммы выдавать по 10 коп. с рубля и выдать для руководства за подписом моим копию с духовного завещания. ... Печатные книги разделить между внучкой моей Екатериной и внуком Михаилом Алексеевыми по выданному моему реестру в подлинном духовном завещании почтенному написано /:ва; за; м, м; ми/.

К подлинному духовному завещанию Академик и Кавалер Александр Васильев Ступин руку приложил. 1861 года Марта дня. Что подлинное духовное завещание учинено Академиком и Кавалером

Александром Васильевым Ступиным в здоровом уме и твердой памяти и подписано собственной его рукою, в том по личной его просьбе свидетельствую и подписуюсь: Приходский, Арзамаский Духовской церкви священник Николай Александров Соколов, в том же свидетельствую и подписуюсь по личной просьбе Академика и Кавалера Александра Васильевича Ступина титулярный советник Яков Сергеев сын Грацианов, в том же свидетельствую и подписуюсь по личной просьбе Академика и Кавалера Александра Васильевича Ступина титулярный советник и кавалер Николай Фролов Кочкарев» [26, д. 10777, л. 2–3 об.].

Обращает на себя внимание восьмой пункт завещания, где Николай Михайлович Алексеев Ступиным упоминается вполне уважительно.

В развале школы Ступина Алексева обвинил и П. Е. Корнилов [9, с. 116] и не он один. Ссылаются сторонники этой версии на письма профессора Н. А. Кошелева члену НГУАК И. И. Матюнину и на прошение Н. М. Алексева о пособии на переезд школы в Нижний Новгород. Читаем письмо Кошелева: «Когда скончался А. В., его единственным наследником был молодой художник [вписаны инициалы Н. М. – А. М.] Алексеев. Побывав в Арзамасе, он застал все в запущенном виде: дом – школу и пр. и продолжать дело деда не пожелал. Как он говорил мне, все было гнило и запущено» [30, д. 421, л. 6]. Мог ли Н. А. Кошелев назвать «молодым» академика Н. М. Алексева, старше его на тридцать лет, имевшего только от первого брака с дочерью Ступина четверых детей и выдавшего к 1861 г. среднюю дочь Елизавету замуж, когда и сам мог быть уже дедом к тому времени? А ведь ещё было пятеро детей от второго брака с А. И. Козловой.

Молодой художник, который не пожелал продолжать дело деда – это внук Ступина – Михаил Николаевич Алексеев, однокурсник по Академии художеств Николая Андреевича Кошелева. Годы учебы М. Н. Алексева в АХ с 1857 по 1866 с перерывами на лечение. Аттестат классного художника 3-й степени выдан в 1867 г. [17, д. 10, л. 14.].

Делами по завещанию занималась, как мы узнали, старшая внучка А. В. Ступина – Е. Н. Алексева, а её отец так и не доехал до Арзамаса. А вот «молодой Алексеев», закончив обучение в Академии художеств, как и писал Кошелев, побывал в Арзамасе. 17 июля

1870 г. в Троицкой церкви Арзамаса «Классный художник 3-й степени – чиновник 14-го класса Михаил Николаев Алексеев» венчается с потомственной дворянской девицей Екатериной Алексеевной Заваровой, а в поручителях со стороны жениха нотариус Христофор Вукулович Сербулов [27, д. 350, л. 259 об. – 260].

Не было и никакой личной инициативы Н. М. Алексеева в заведении школой, а было решение Совета АХ «Дело о смерти Академика Ступина и о поручении в заведении Арзамасской школой Академику Алексееву», которому он не мог отказать, как состоящий на службе в мозаичном отделении АХ, «но как небогатый человек он один не в силах осуществить предполагаемое предприятие без пособия» [17, д. 11, л. 21–24 об.].

Желание перевести школу в Нижний Новгород имеет простое объяснение – продолжить гимназическое образование для своего сына от второго брака Александра, который учился в 4-й Санкт-Петербургской гимназии [17, д. 11, л. 28].

Отметим также, что школы к тому времени уже фактически не было более пяти лет. И виновником её развала стал сын Ступина Рафаил.

Дадим слово Александру Васильевичу.

«Июня 13 дня 1853 г

*Его Сиятельству Господину Нижегородскому
Военному Губернатору Свиты Его ИМПЕРАТОРСКОГО
Величества Генер[ал] Майору разных орденов
Кавалеру князю Михаилу Александровичу Урусову
Академика и Кавалера Александр Васильева Ступина*

Покорнейшее прошение

Принимаю дерзновения утруждать Ваше Сиятельство моею прозбою и прибегнуть под защиту и покровительство Вашего Сиятельства в горестном моем положении.

Родной сын 14-го класса Рафаил Ступин будучи от роду на 57-м году предан пьянственной страсти уже 24-й год. Назад тому 20 лет я удалил ево от себя за пьянство и буйство, и он переходил по разным местам, но по образу жизни своей нигде не был терпим. Но когда возвратился ко мне, прошедшего году июля 31-го дня без моего желания и вызову, без всякого сознания и раскаяния, я принял ево, без малейшего упреку и выговору за прошедшие беспорядки, надеясь на ево исправление и видя его в бедственном положении, одел и обул его с ног до головы, но он опять предался постыдной пьянственной

страсти, делая мне неисказанные обиды и неслыханные ни от кого во всю жизнь мою ругательства и поношения. Предпринимая даже в буйном своем виде нанести мне удары, но я остерегаясь от него защищаем будучи моими домашними. И буйным своим свойством расстраивал и школу мою, которая под моим управлением существует слишком пятьдесят лет.

Сверх того, тащит из дому что ни попало и закладывает по питейным домам обыкновенно за безценнок. Я выкупал неоднократно, но он опять ... и в пьяном виде выбивал двери и ломал запоры.

Я прибегал к защите Г. Городничего, которому много обязан, он будучи тронут горесным моим положением. По прозбе моей несколько раз сажал его под арест и делал ему убедительные увещания, но он освободясь из под ареста тот же день за тоже принимался.

Почему по преклонным моим летам на семьдесят восьмом году я не был сносить бесчинства и буйства его и расстройство своего здоровья.

Прошу Ваше Сиятельство удалить его от меня, по данной вам власти законными средствами для моего на старости лет спокойствия и безопасности, на что и буду ожидать милостивого Вашего Сиятельства защипения.

В засвидетельствования его поведения представляю при сем удостоверенное Г. Городничаго июня 5-го 1853 года.

К сему прошению писанному и подписанному в черне и набело моею рукою Академик и Кавалер Александр Васильев Ступин руку приложил. Жительство имею в городе Арзамасе» [24, д. 147, л. 1].

В том же 1853 году Ступин последний раз съездил в Академию, был 10 октября на юбилее графа Ф. П. Толстого [13, с. 373].

А в 1854 году, как мы уже упоминали, отправил в Академию последний рапорт о школе. Именно этот год и можно считать последним годом существования школы.

А что же стало с Рафаилом Ступиным, стал ли вмешиваться в семейные разборки военный губернатор Нижегородской губернии М. А. Урусов, «удалил» ли Рафаила, как просил Александр Васильевич? Судя по всему, нет. Информацию об этом мы можем почерпнуть из исповедных росписей.

Исповедная роспись, она же ведомость – ежегодный отчётный документ, составляемый по каждому приходу Русской православной церкви в XVIII – начале XX веков. В неё заносились посемейные

списки всех прихожан (как правило, за исключением младенцев до одного года), с указанием по каждому «лет от рождения» и был ли он в текущем году во время Великого поста, а точнее, в первые сорок дней его, в святую Четыредесятницу, на исповеди и причащался ли у своего священника, а если нет, то по какой причине, например, отсутствовал на заработках или за малолетством. Роспись составлялась в двух экземплярах, один оставался в церкви и служил как бы шаблоном для подготовки документа на следующий год, а второй отправлялся в консисторию.

Дом Ступина, она же школа находилась в приходе Духовской церкви, в роспись заносилось семейство Ступина, его ученики и кто был у него в услужении.

В исповедной росписи Духовской церкви Арзамаса за 1851 г., поданной 16 сентября 1851 г. читаем (цифра – количество лет):

«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин вдов 75

У него внука академика Николая Михайлова Алексеева дочь Мария 7

Ученики его:

Нижегородский мещанин Сергей Сергеев Иванов 23

Г. Суцова отпущеник Александр Александров Дмитриев 22

Московский цеховой Иван Тихонов Мордашев 20

Покровский мещанин Александр Васильев Корионов 19

Горбатовский мещанин Петр Алексеев 18

Краснослободский 3-й гильдии купеческий сын Михаил Константинов Гусев 23

Вольноотпущенный Михаил Митрофанов Лебедев 21

Иностранец Прусский подданный Андрей Андреев Измен 23

Арзамасский мещанин Федор Николаев Ивановский 21

Темниковский купеческий сын Иван Алексеев Лыскин 21

Вольноотпущенный Александр Гаврилов Любимов 17

У него в услужении:

Вдова Меланья Алексеева 56

У нее дети:

Надежда Васильева 30

Прасковья Васильева 28

Г. Свечина деревни Починок крестьянин Максим Иванов 48

Его сестра солдатка Мария Иванова 43» [29, д. 1340, л. 89 об.

В исповедной росписи Духовской церкви Арзамаса за 1852 г., поданной 8 сентября 1852 г. появляется Рафаил Ступин, здесь и далее бывших в услужении опускаем.

«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин вдов 76

При нем сын 14-го класса художник Рафаил Александров Ступин 55

У него внука академика Николая Михайлова Алексеева дочь Мария 7

Ученики его:

Московский цеховой Иван Тихонов Мордашев 21

Покровский мещанин Александр Васильев Корионов 20

Вольноотпущенный Михайла Митрофанов Лебедев 22

Арзамасский мещанин Федор Николаев Ивановский 22

Темниковский купеческий сын Иван Алексеев Лыскин 22

Вольноотпущенный Иван Баев 18

Вольноотпущенный Иван Медведев 19

Купеческий сын Александр Андреев Глушков 21» [29, д. 1360, л. 93 об. – 94].

В исповедной росписи Духовской церкви Арзамаса за 1853 г., поданной 7 сентября 1853 г., имеется двор № 7, где проживают:

«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин вдов 77

При нем сын 14-го класса художник Рафаил Александров Ступин 56

У него внука академика Николая Михайлова Алексеева дочь Мария 8

Ученики его:

Московский цеховой Иван Тихонов Мордашев 22

Покровский мещанин Александр Васильев Корионов 21

Вольноотпущенный Михаил Митрофанов Лебедев 23

Арзамасский мещанин Федор Николаев Ивановский 23

Темниковский купеческий сын Иван Алексеев Лыскин 23

Вольноотпущенный Иван Баев 19

Вольноотпущенный Иван Медведев 20

Купеческий сын Александр Андреев Глушков 22» [29, д. 1377, л. 68].

В 1854 году в Арзамасе, в плане распределения прихожан по приходам, произошли изменения. Для финансовой поддержки Воскресенского собора дворяне и чиновники были приписаны к собору. Замечу, что в росписях пропали ученики Ступина. И если в

1854 году их отсутствие можно объяснить неразберихой (в приходе Духовской церкви они записывались вместе со Ступиным, а для Воскресенского собора они не подходили по своему социальному статусу), то отсутствие их в росписях в последующие годы означает, что школы фактически уже не было.

В исповедной росписи Воскресенского собора за 1854 год записаны: *«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин вдов 78*

Сын его XIV класса художник Рафаил Александров 57

Внука его дочь академика Николая Михайлова Алексиева девица Мария 9» [29, д. 1394, л. 12–12 об.].

29 августа 1855 г. умер титулярный советник Иван Алексеев Лебедев, 70 лет, от простуды, бывший ученик Ступина и последняя его опора в делах школы, бывший преподаватель Арзамасского уездного училища и школы Ступина [28, д. 1703, л. 304 об.].

В исповедных росписях Воскресенского собора за 1855, 1856, 1858 годы (документа за 1857 г. в ЦАНО нет) Александр Васильевич Ступин один, внучки и сына нет.

В 1859 году он опять записан в исповедной росписи Духовской церкви: *«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин вдов 83»* [29, д. 1471, л. 76].

В 1860 году со Ступиным стала проживать семья полковника Василия Петровича Петушкова, его жена и две дочери 17 и 20 лет [29, д. 1485, л. 58 об.].

Рафаил Ступин пропал из списков в 1855 году, в 1861 г. его уже точно не было в живых. Об этом несколько раз упоминается в деле о духовном завещании А. В. Ступина: «После умершего Академика и Кавалера Александра Васильевича Ступина не осталось более прямых наследников, как только его внуки Михаил, Екатерина, Елизавета и Мария Алексеевы, те самые, которые поименованы в духовном завещании» [26, д. 10777, л. 19].

Таким образом, Арзамасскую художественную школу академика А. В. Ступина загубил его сын Рафаил и последним годом её существования надо считать 1854 год, когда Ступин отправил в Академию последний отчет о школе.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 63. Оп. 2.

2. Драницын Н.И. Кто были родители академика художника А. В. Ступина?

// Действия НГУАК. Сборник. Т. XVII. Вып. III. Отд. I. Нижний Новгород, 1914. С. 1–3.

3. Еремеев П. «Я – Академик и кавалер» (документы и легенды о происхождении А. В. Ступина). Подлинные родители // Арзамасская правда. 17 августа 1971 года.
4. Журнал путешествия из Москвы в Нижний Новгород 1813 года князя И.М. Долгорукова. М., 1870.
5. Зайцев И. К. Воспоминания старого учителя // Русская старина. Т. 54. Июнь. 1887. С. 663–691.
6. Званцев М. А. В. Ступин. Арзамасская художественная школа. Горький, 1941.
7. История и культура Нижегородского края: I музейные научные чтения, 2000 г.; 200-летие Арзамасской школы живописи: II музейные научные чтения, 2002 г.: Сб. материалов. Нижний Новгород, 2003. – 318 с.
8. Каталог выставки «Необыкновенное дело» А. В. Ступина (к 200-летию Арзамасской школы живописи). Живопись. Графика. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. 80 с., 12 илл.
9. Корнилов П. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. Л. – М., 1947.
10. Малышев А. В. Архитектор Михаил Петрович Коринфский (1782–1851). Домыслы и факты биографии, 1782–1814 гг. // Нижегородский край в истории России (Памяти профессора Н. Ф. Филатова): материалы IV научной конференции 29 апреля 2015 г. Н. Новгород: Изд-во Pixel-print, 2015. С. 105–116.
11. Малышев А. В. Архитекторы А. Н. Воронихин и М. П. Коринфский: переплетение судеб // ЭПОХИ. ЛЮДИ. ИДЕИ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ТВОРЧЕСТВО В ПЕРСОНАЛИЯХ. Сборник докладов Международной научной конференции «XLIII Добролюбовские чтения» и Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Оный Его Величеству весьма нравится». Нижний Новгород, 2019. С. 113–125.
12. Малышев А. В. История строительства Арзамасского уездного училища, где учился великий русский художник Василий Перов // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24–25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В. И. Грубов; науч. ред. А. А. Исаков. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 222–232.
13. Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н.С. Беляев; науч. ред. Г.В. Бахарева; БАН. СПб.: БАН, 2014. – 784 с.
14. Ремезов И. Александр Васильевич Ступин, арзамасский мещанин – иконописец. СПб., 1880.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2.
16. РГИА. Ф. 789. Оп. 2. 1854 г.
17. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «А».
18. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет её существования / Изд. под ред. П. Н. Петрова и с его примеч. Ч. I. 1758–1811. СПб., 1864.
19. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет её существования / Изд. под ред. П. Н. Петрова и с его примеч. Ч. II. 1811–1843. СПб., 1865.

20. Седов А. В. Духовное завещание академика живописи А. В. Ступина // Вопросы истории. №3. 2003. С. 138–141.

21. Седов А. В. Как зять А. В. Ступина его школу загубил // История и культура Нижегородского края: I музейные научные чтения, 2000 г.; 200-летие Арзамасской школы живописи: II музейные научные чтения, 2002 г.: Сб. материалов. Н. Новгород, 2003. С. 312–314.

22. Собственноручные записки о жизни академика А. В. Ступина // Щукинский сборник. Вып. III. М., 1904. С. 369–482.

23. Филатов Н. Ф. Арзамасская школа живописи академика А. В. Ступина. Арзамас, 2002.

24. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 5. Оп. 46. 1853 г.

25. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 26а.

26. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766.

27. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3.

28. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4.

29. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а.

30. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1.

УЧАСТИЕ ОФИЦЕРОВ 49-ГО РЕЗЕРВНОГО ПЕХОТНОГО БАТАЛЬОНА В СОБЫТИЯХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853 – 1856 гг.

Игонькин Сергей Александрович

Независимый исследователь

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: sergeiigonkin70@mail.ru

Статья посвящена офицерам 49-го резервного пехотного батальона, принимавшим участие в Крымской войне 1853 – 1856 гг. В 1868 г. батальон был расквартирован в городе Арзамасе. Используются материалы Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас, а также исследования отечественных историков.

Ключевые слова: Крымская война (1853-1856 гг.); оборона Севастополя (1854-1855 гг.); сражение на Альме; Инкерманское сражение; Малахов курган.

В 2025 г. исполняется 170 лет со дня окончания героической обороны Севастополя русскими войсками в 1854 – 1855 гг. В западной историографии Крымской или Восточной войне 1853 – 1856 гг. отведено особое место. Причиной этой войны послужила совокупность многих факторов: ошибочный внешнеполитический курс, переоценка командованием военных сил, социально-экономический кризис внутри России. Участникам тех грозных событий не было дела до высокой политики, офицеры просто честно выполняли свой воинский долг.

В архивном фонде 49-го резервного пехотного батальона, располагавшегося в 1868 г. в Арзамасе, были обнаружены послужные списки обер-офицеров, воевавших 1853 – 1856 гг. в Крыму [2, д. 6, л. 5]. Многие военнослужащие 49-го батальона были кавалерами бронзовой медали в память Крымской войны 1853 – 1856 гг. и боевых орденов за оборону Севастополя 1854 – 1855 годах. В частности обер-офицеры Иван Исаев и Дмитрий Закревский, которые находились в составе Суздальского пехотного полка 16-й дивизии. Их полк совершил поход из Москвы до Одессы. В послужном списке поручика Дмитрия Закревского значится: «В 1854 году с 22 января в походе из г. Москвы в Одессу...» [2, д. 6, л. 5].

Весь апрель 1854 г. англо-французский флот осуществлял патрулирование в Чёрном море и, подойдя к Одессе, обстрелял город-порт. В конце апреля 1854 г. английский пароход «Тигр» сел на мель. Началась артиллерийская дуэль, которая закончилась поражением англичан. Поручик Дмитрий Закревский находился в составе воинского отряда, который принял капитуляцию экипажа «Тигра» [2, д. 6, л. 5]. Вот как об этом упоминал военный историк М.И. Богданович в своём исследовании «Восточная война 1853 – 1856 годов»: «Один из английских пароходов, “Тигр”, 30 апреля (12 мая) утром при необыкновенно густом тумане сел на мель под крутым берегом у дачи Картаци в шести верстах на юг от Одессы» [1, с. 125]; «...под прикрытием батальона Суздальского пехотного полка, резервного батальона Украинского егерского полка и дивизиона Уланского Карла Фердинанда (Белгородского) полка» [1, с. 125]. Английские пароходы попытались снять с мели корабль, но отошли после обстрела. М.И. Богданович уточняет, что это был пароходо-фрегат, и в плену оказались «...капитан фрегата Гиффард, 24 офицера и 220 нижних чинов» [1, с. 126].

Войска противника в составе английского, французского и турецкого воинских контингентов были высажены с кораблей у Евпатории в Крыму в начале сентября 1854 г. Первое боевое столкновение произошло у реки Альмы. Сражение союзных войск с русской армией, численно уступавшей противнику, произошло 8 (20) сентября.

В сражении участвовали в составе Суздальского пехотного полка оба обер-офицера – Иван Исаев и Дмитрий Закревский. С первых минут сражения стало очевидно превосходство пехоты англо-

французских войск, вооружённых нарезными ружьями (штуцерами – дальнобойным оружием) [1, с. 125]. При выстреле из штуцера остроконечная пуля закручивалась вокруг своей оси по нарезам в канале ствола и летела дальше сферической пули из гладкоствольного ружья. Штуцеры были и в русских полках, но их было недостаточно. Вот что по этому поводу отмечает М.И. Богданович: «Кроме 6-го стрелкового и сводного морского батальонов у нас имели штуцера <в сражении на реке Альме – *С. И.*> только по 24 стрелка в батальоне...» [1, с. 19]. Продолжая тему нарезного оружия, историк пишет: «...полковые штуцерные не были сведены в один или два батальона, а остались при своих ротах, и потому в бою принимали участие штуцерные только тех рот, в которых были рассыпаны застрельщики...»

Иначе говоря, нижние чины высылались в цепь впереди сомкнутого строя. Плохо налаженная связь между полками, численный перевес противника и большие потери от нарезного стрелкового оружия способствовали поражению русских войск. Поручик Дмитрий Закревский «при сражении при реке Альме 8 сентября 1854 года контужен ружейной пулей в переднюю сторону... правого предплечья...» [2, д. 6, л. 51–52], вполне возможно, штуцерной пулей. Суздальский пехотный полк после сражения недосчитался в строю одного штаб-офицера, двенадцати обер-офицеров и 407-ми нижних чинов. Владимирский пехотный, состоя в одной бригаде с Суздальским, потерял 7 офицеров и 1260 нижних чинов [1, с. 36]. Личный состав полков русской армии, проявляя героизм на поле боя, своей кровью расплачивался за техническую отсталость крепостной России, не сумевшей изготовить в большом количестве нарезное стрелковое оружие и снабдить им личный состав армии.

Русская армия под командованием князя Меншикова после неудачного сражения отступила к Севастополю. Поручика Дмитрия Закревского в период обороны Севастополя при восстановлении разрушенных обстрелом артиллерийских позиций с 12 на 13 мая 1855 г. ранили осколком бомбы [2, д. 6, л. 51–57]. Поручик за военную кампанию 1853 – 1856 гг. был представлен к орденам третьей и четвёртой степени святой Анны, к ордену третьей степени святого Станислава с мечами и бантом, медалям «За защиту Севастополя» на Георгиевской ленте и за войну 1853 – 1856 годов.

В первой половине октября 1854 г. было принято решение атаковать английские позиции под Балаклавой. В послужном списке

подпоручика Ивана Исаева отмечается: «...13 октября в наступательном движении генерал-лейтенанта Липранди на левом берегу реки Чёрной в деле у деревни Комары и взятии 4 неприятельских редутов...» [3, с. 157]. Историк Е.В. Тарле в книге «Крымская война» пишет о том, что ещё в сентябре на невысоких буграх, окружающих Балаклаву, союзники устроили четыре больших редута – «впереди линии от села Чоргун к Балаклаве – и один поменьше» [3, с. 157]. Эти укрепления прикрывали линию Чоргун – Балаклава. Суздальский пехотный полк действовал в сражении в составе отряда генерал-майора Жабокринского. Несмотря на локальные успехи и поражение английской бригады лёгкой кавалерии лорда Кардигана, сражение было проиграно русскими войсками. Меншиков, командуя армией, попытался в очередной раз предпринять наступление на союзные войска, используя численное превосходство в личном составе и артиллерии. И это условие оправдало бы себя при грамотной организации командования войсками. Суздальский пехотный полк, в составе которого участвовал в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г. подпоручик Иван Исаев [2, д. 6, л. 33–24 (об.)], прикрывал отступление расстроенных полков русской армии.

Данный эпизод комментирует М.И. Богданович: «В час пополудни Владимирский и Суздальский полки <1-я бригада 16-й пехотной дивизии – *С. И.*> двинулись на смену отступающим войскам. Передовые батальоны в их ротных колоннах, а прочие в колоннах к атаке под начальством командующего бригадой полковника Дельвига двинулись ...к английскому редуту № 1 и дали возможность отступить весьма пострадавшим полкам Охотскому, Якутскому и Селенгинскому, но, потеряв тяжело раненного командира полка <историк не уточняет какого именно, Владимирского или Суздальского – *С. И.*> барона Дельвига и многих офицеров и солдат, были вынуждены податься назад...» [1, с. 144]. Очень трудно было увезти артиллерию по загромождённому ранеными Инкерманскому мосту. Неприятельские стрелки готовились захватить орудия. В этой трагической ситуации, когда от командиров требовалась мгновенная волевая реакция, полковник «...Тотлебен рассыпал в цепь случайно встреченную им роту Углицкого полка и поддержал её построенными в ротные колонны одним батальоном Бутырского и двумя батальонами Владимирского полков...» [1, с. 145], что дало возможность выиграть

время и спасти артиллерию. Отступление русских войск прикрывали огнём своей артиллерии пароходы «Херсонес» и «Владимир».

В русской армии во время Инкерманского сражения выбыло из строя 10 729 человек [1, с. 144–145]. Суздальский пехотный полк вошёл в состав Севастопольского гарнизона 13 марта 1855 г., что и подтверждается архивной записью в послужном списке подпоручика Ивана Исаева: «...13 марта вступил в город Севастополь...» [2, д. 6, л. 33 – 34 (об.)].

В апреле 1855 г. солдаты и офицеры Суздальского пехотного полка участвовали «...с 12 на 13 апреля при исправлении наших ложементов перед редутот Шварца и заложении под сильным ружейным огнём неприятеля новых ложементов 2-мя батальонами 62 пехотного Суздальского полка, двукратном отражении неприятеля от сих ложементов...» [2, д. 6, л. 33 – 34 (об.)]. За скупыми строчками архивного документа скрываются яркие боевые эпизоды из истории войны и участие полка в Севастопольской эпопее.

В начале сентября 1854 г., перед Альмским сражением, Суздальский пехотный полк насчитывал в своём составе четыре батальона [1, с. 402], а в начале весны 1855 г., находясь в составе Севастопольского гарнизона, – два батальона, 800 человек [1, с. 278].

Военный инженер-фортификатор Тотлебен ещё в середине ноября 1854 г. обратил внимание на явное ослабление осады русских позиций союзными войсками. Буря 2 ноября 1854 г. уничтожила в Чёрном море большое количество кораблей с не выгруженными боеприпасами, тёплой одеждой, фуражом и провиантом, кроме того, личный состав страдал от болезней. Это поставило союзные войска в тяжёлые условия. Во главе с Тотлебеном проводятся инженерные работы по устройству ложементов (неглубоких окопов для стрелков или отдельных орудий). Перед четвёртым бастионом велась работа по производству общей системы контрмин [3, с. 339]. Устройство ложементов непосредственно проходило под командованием генерал-майора Хрущёва. Историк М.И. Богданович отмечает: «На работы были назначены два батальона Суздальского полка в числе 800 человек, а в прикрытие – три батальона Екатеринбургского и два батальона Волынского полка (до 2200 человек). Постройка ложементов была возложена, под ведением капитана 1-го сапёрного батальона Ахбауера, на инженер-штабс-капитана Тидебеля» [1, с. 278]. Работы

велись ночью. Батальоны от Екатеринбургского полка в ротных колоннах построились впереди места, указанного для ложементов. Была выставлена цепь из стрелков, а по флангам расположились батальоны Волынского полка в колоннах для атаки. После нескольких часов работ были вырыты ложементы и снабжены бойницами из мешков, для обстреливания с редута Шварца. Только рано утром французы обнаружили работу по устройству ложементов. Чтобы помешать работам, неприятель открыл сильный ружейный и артиллерийский огонь по уже устроенным ложементам и находившимся в них русским стрелкам.

Позиционный бой за ложементы, засыпанные при неприятельском обстреле, не прекращался, несмотря на то, что французская атака была отбита: «...храбрые сапёры и суздальцы к рассвету 13 (25) апреля не только исправили разрытые ложементы, но усилили их профиль и устроили во второй линии два новых ложемента» [1, с. 279]. За время боёв севастопольцы потеряли убитыми и ранеными 371-го нижнего чина и 13 офицеров. Подобный бой, что и при ложементах перед батареей Шварца, состоялся 26 мая (7 июня).

У союзного командования выработался чёткий план, который предусматривал овладение укреплениями впереди левого фланга оборонительной линии Севастополя. Захват Селенгинского, Волынского редутов и Камчатского люнета приближал союзные войска к сильно укреплённому Малаховому кургану. При отражении французской атаки участвовал Суздальский пехотный полк, в составе которого находился подпоручик Иван Исаев. В послужном формуляре обер-офицера сказано: «...26 мая при атаке неприятелем Камчатского люнета, Волынского, Селенгинского редутов...» [2, д. 6, л. 33–34 (об.)]. Русскими войсками, оборонявшими Корабельную сторону, впереди которой и располагались артиллерийские позиции, командовал генерал-майор Жабокритский. Из-за его халатности не были своевременно подготовлены резервы. В момент атаки наших позиций союзными войсками русских сил было ничтожно мало. «Неприятель, пользуясь малочисленностью наших гарнизонов в обоих редутах, состоявших всего-навсего из одного батальона Муромского полка в числе 450 человек, атаковал их восемью батальонами...» [1, с. 331]. Генерал-майор Жаборитский в начале атаки неприятеля самоустранился и, сославшись на болезнь, перебрался на северную сторону Севастополя. Команду принял генерал Хрулёв. Он едва успел

принять меры для подтягивания резервов, как противник начал штурм. М.И. Богданович упоминает, что Суздальский пехотный полк был расположен на четвёртом оборонительном отделении [1, с. 329]. Камчатский люнет был захвачен французскими штурмовыми колоннами. Генерал Хрулёв сам привёл резервы в числе двух батальонов Черниговского полка под командой подполковника Трунова, а также Суздальского полка под командованием полковника Дарагана и Полтавского полка подполковника князя Урусова [2, д. 6, л. 33–34 (об.)]. Русские войска отбили люнет у противника. В течение дня Камчатский люнет несколько раз был захвачен французами, и каждый раз русская пехота его отбивала. Несмотря на проявленную стойкость, упорство и храбрость русскими войсками, к исходу дня люнет остался за французами.

Собственно говоря, Севастополь мог пасть уже в мае 1855 г., но вопреки всему героическому городу было суждено сражаться ещё почти три месяца. М.И. Богданович отметил на страницах своего сочинения факт нехватки боеприпасов и пороха [1, с. 347]. В осаждённый Севастополь не был организован своевременный подвоз провианта, фуража, вооружения, пороха и боеприпасов. По мнению историка, виноваты были все, кто угодно, но только не военное интендантство, министерство и социально-экономическое состояние России. Интендантство, как во времена Наполеоновских войн 1812–1814 гг., прибегало к транспортировке грузов подвижными магазинами на телегах [1, с. 187]. А союзники построили вблизи Севастополя железную дорогу от города-порта Балаклавы до редута генерала Канробера для бесперебойного обеспечения всем необходимым свои осадные войска.

Взятие союзными войсками русских передовых укреплений вселило самоуверенность у командования французов и англичан. На 6 (18) июня был назначен общий штурм Севастопольских позиций – как раз в годовщину сражения при Ватерлоо в 1815 г., «...чтобы изгладить славным подвигом братства французов с англичанами память невзгоды...» [1, с. 351].

В июне 1855 г. Иван Исаев получает чин поручика и в полку исполняет обязанности командира роты [2, д. 6, л. 29]. Е.В. Тарле пишет об общем штурме 18 июня союзниками Севастопольских укреплений: «Бригада Мэйрана... начала штурм не на рассвете, а в ночной

темноте, почти за час до рассвета, и только покровом тьмы объясняется, что французы дошли уже к самому рву 1-го и 2-го бастионов» [3, с. 382]. Суздальский и Якутский пехотные полки в штыковой атаке отбросили часть бригады французского генерала Мэйрана: «...у бруствера оборонительной стены, соединявшей 2-й бастион с Малаховым курганом» [3, с. 382] М.И. Богданович упоминает об этом эпизоде боя несколько по-иному. Генерал Майоран командовал не бригадой, а дивизией, и затем М.И. Богданович описывает французские полки из дивизии генерала Брюне, которые «...устремились на куртину <оборонительную стену – *С. И.*>) между вторым и Корниловским бастионами на Малахов курган и батарею Жерве. Французские войска, подойдя на сто шагов ко рву куртины, были встречены ужасным ружейным и картечным огнём, разгромившим их колонны» [1, с. 360]. Среди защитников куртины находился и Суздальский пехотный полк под начальством полковника Дарана. Общий штурм союзными войсками Севастополя потерпел поражение. Противник был отбит русскими войсками со всех позиций.

Поручик Суздальского пехотного полка Иван Исаев в августе 1855 г. за проявленный героизм при обороне Севастополя стал кавалером орденов четвёртой степени святой Анны степени с надписью «За храбрость» и третьей степени святой Анны с мечами и бантом, а также орденом третьей степени святого Станислава, был награждён медалями за защиту Севастополя и за войну 1853 – 1856 гг. на Андреевской ленте [2, д. 6, л. 29].

Второй и последний роковой штурм для Севастополя союзниками, произошёл 27 августа (8 сентября). Поручик в составе полка участвовал в отражении атак английских войск на третий бастион 27 августа при штурме Севастополя [2, д. 6, л. 33–34 (об.)]. Во время первой атаки англичан на третий бастион Владимирский пехотный полк медленно отступал под напором превосходивших сил противника. Атакующие занялись заклёпкой русских орудий и замешкались. В этот момент «...подполковник Артемьев и капитан Коршунов с 1-й карабинерной ротой Камчатского полка, взятой с батареи Никонова, и прибежавшими с батарей Яновского и Будищева частями Суздальского и Якутского полков, а также полковник Венцель с остатками своего полка, ударили в штыки» [1, с. 112]. Англичане отступили, перегруппировались и начали вторую атаку, но были встречены контратакой русских пехотных полков, в которой

участвовали и суздальцы [1, с. 113]. Союзники были отбиты от всех русских позиций за исключением Малахова кургана. Это был важный стратегический узел всей оборонительной системы южной части Севастополя. В ночь с 27 августа (8 сентября) на 28 августа (9 сентября) 1855 г., после приведения в негодность всего того, чем мог воспользоваться неприятель, русские войска были переведены на северную часть Севастополя. Героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся 349 дней, завершилась.

Источники и литература

1. Богданович М.И. Восточная война 1853 – 1856 годов. В 4-х т. Т. 2. М., 2019. 368 с.
2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 225. Оп. 1.
3. Тарле Е.В. Крымская война. В девяти т. Т. IX. М.-Л., 1959. 625 с.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ГРАФА АРАКЧЕЕВА ВОЕННАЯ ГИМНАЗИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕЕ ВЫПУСКНИКОВ

Гребенкин Алексей Николаевич

Академия ФСО России, сотрудник
Россия, г. Орел; e-mail: angrebyonkin@mail.ru

В статье на основе мемуаров К. С. Звягина и В. Л. Лобачевского, обучавшихся в 1869–1875 гг. в Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии, осуществлен содержательный анализ традиций и обычаев, бытовавших в гимназической среде, взаимоотношений между самими обучающимися, а также между ними и представителями учебно-воспитательной корпорации. Особое внимание автор уделил способам продуктивного заполнения досуга воспитанников. Кроме того, в работе дана краткая характеристика педагогов заведения и его директора П. И. Носовича.

Ключевые слова: Российская империя; военное образование; Нижегородская графа Аракчеева военная гимназия; традиции; мемуары; Константин Семенович Звягин; Валериан Лукич Лобачевский.

Нижгородский графа Аракчеева кадетский корпус, основанный в 1834 г. и располагавшийся в течение первых трех десятилетий своего существования в Новгороде, был старейшим из губернских кадетских корпусов. В Нижний Новгород он был перемещен в 1866 г., одновременно со своей реорганизацией в военную гимназию.

Как и любое другое военно-учебное заведение, Нижегородская графа Аракчеева военная гимназия оставила заметный след в памяти своих питомцев. И хотя мемуаристика, посвященная «Аракчеевке»,

не столь обширна, как перечень воспоминаний выпускников столичных учебных заведений, тем большую ценность представляют для нас каждый факт, каждая мысль, каждое замечание.

К первому десятилетию пребывания заведения в Нижнем Новгороде относятся воспоминания К.С. Звягина и В.Л. Лобачевского, которые поступили в «Аракчеевку» в 1869 г. Оба мемуариста сумели сделать хорошую карьеру. Константин Семенович Звягин служил в конной артиллерии, в 1891 г. участвовал в экспедиции на Памир и дважды был в составе посольств, которые отправлялись в Эфиопию. В этой стране он прожил несколько лет. После завершения военной службы в звании штабс-капитана К.С. Звягин работал в Государственном банке и дослужился до должности директора его Тифлисской конторы. Звягин был автором нескольких брошюр, посвященных Эфиопии, а также описания юбилейных торжеств в честь 75-летия Нижегородского кадетского корпуса в 1909 г. В РСФСР путешественник работал в продовольственном комитете. Валериан Лукич Лобачевский также стал артиллеристом, но практически всю свою службу провел в военно-учебных заведениях. В 1902–1905 гг. Лобачевский занимал должность директора Орловского Бахтина кадетского корпуса, а в 1905–1917 гг. возглавлял 3-й Московский кадетский корпус. Богатейший опыт Лобачевского оказался востребованным в Советской России, где бывший генерал работал во Всевобуче, на кавалерийских и пулеметных курсах.

Описание нравов военных гимназистов в мемуарах Звягина резко диссонирует с общей характеристикой эпохи, для которой были характерны смягчение нравов, отказ от диких и грубых традиций, процветавших в николаевских кадетских корпусах и поддерживавшихся так называемыми «закалами» («старыми кадетами») – переростками-силачами, имевшими неудовлетворительные отметки по всем предметам. Так, старший брат автора воспоминаний, принадлежавший к числу первых гимназистов-нижегородцев, был типичным «закалом» – отличался грубостью, большой физической силой, отсутствием стремления к учебе и просидел в третьем классе два года. Рассказы брата ясно давали Звягину понять, что в гимназии очень много дерутся.

Первые месяцы жизни новичка в Нижегородской военной гимназии были наполнены чувством жгучей тоски по родному дому, желанием бросить все и вернуться под опеку матери. Однокашники

тонко подмечали слабые стороны вновь поступивших, чтобы «изводить» их. В случае со Звягиным это были физические недостатки – неправильная форма головы и косолапость. То, что его старший брат считался силачом в третьем классе, и облегчало, и усугубляло положение новичка. С одной стороны, он мог не бояться особо назойливых приставаний, так как одноклассники не решались навлекать на себя гнев брата-силача и его друзей из третьего класса. С другой стороны, эта исключительность положения мешала Звягину влиться в товарищескую среду, создавала непроницаемую границу между ним и гимназической массой. Вместе с тем высокий статус брата в неофициальной иерархии воспитанников не мешал гимназистам дать Звягину обидные клички «медвежонка», «утки» и «раскоряки», делать ему подножки и сильно бить по стриженной голове. Последний вид приставаний именовался «кукуньками» и заключался в «сильном отрывистом наотмашь скользящем по голове ударе средними косточками пальцев зажатого кулака» [2, с. 6].

Лобачевский, в отличие от Звягина, не подвергался избиениям, однако и он упоминал о том, что кулачные расправы были широко распространены: «Помню, только один раз я назвал Аполлоном Бельведерским великовозрастного товарища Гербаневского, которому я помогал в занятиях, он только положил мне на спину свой могучий кулак, и у меня чуть не затрещал спинной хребет» [6, с. 86]. Были случаи избиения отдельных воспитанников толпой, причем в экзекуции участвовали и силачи.

По признанию Звягина, гимназические шалости и развлечения в целом носили достаточно жестокий характер. Воспитанники устраивали «кучу малу», задвигали друг друга партами в углы и «давили масло», разбирали доски кровати, из-за чего ложившийся на нее гимназист проваливался внутрь, вставляли в нос спящим «гусары» – свернутые бумажки с табаком или перцем. Достаточно ровные отношения с воспитателями не были препятствием для проделок: так, гимназисты, «несколько раз... желая насолить воспитателю Аршаулову, прислоняли к двери грязную швабру, когда Аршаулов отворял дверь, то швабра падала ему на голову» [6, с. 87]. Однако эти отнюдь не невинные забавы были достаточно широко распространены во всей военной школе.

Звягин отмечал, что Нижегородская гимназия выгодно отличалась от других заведений тем, что в ней не получил распространения

обычай унижительного подчинения младших воспитанникам старшим. Этот так называемый «цук», созданный в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в подготовительных военно-учебных заведениях носил крайне грубый характер, не был регламентирован никакими правилами, ограждавшими честь и достоинство младших, и не имел никакой цели, кроме удовлетворения властолюбия старших. В кавалерийских училищах «цуку» был присущ определенный положительный смысл. «Пачки поворотов», о которых упоминает мемуарист, были направлены на тренировку вестибулярного аппарата и в силу этого были полезны для выработки навыков уверенной езды. В корпусах и гимназиях это верчение на месте было лишено какого-либо положительного смысла и представляло собой откровенное издевательство. «Корнетские» лестницы и проходы, которыми не могли пользоваться воспитанники младшего класса («звери») способствовали выработке навыка соблюдения дисциплинарных требований. В корпусах, где место «благородных корнетов» занимали великовозрастные силачи, чье поведение не имело ничего общего с дисциплиной, эти требования лишались своей воспитательной силы. Наконец, в подготовительных военно-учебных заведениях предпринимались попытки копировать традиции «кавалерийского шика», воспрещавшие воспитанникам соблюдать экономию в расходовании денежных средств и поощрявшие стремление вести разгульный образ жизни. Аракчеевцев это поветрие обошло стороной.

Заводили в гимназической среде даже в конце 1860-х гг. были воспитанники, начавшие учебу в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе и именовавшие себя «кадетами». Именно они были знатоками и хранителями старых кадетских традиций и пытались распространить их на новом месте. В официальных отчетах отмечалось, что «улучшению нравов в гимназии препятствовали привычки и обычаи, принесенные в нее бывшими кадетами» [3, с. 211]. Даже внешне новгородцы напоминали «закалов» («старых кадет») петербургских корпусов – в частности, ходили вразвалку. Главными качествами, которыми кадеты щеголяли перед своими младшими товарищами, являлись физическая сила и ловкость. Младшеклассники стремились копировать манеру поведения своих кумиров (включая типичную для «закалов» походку) и называли друг друга кадетами. Впоследствии прямота в выражении чувств и поведении, резкость

суждений и манер и даже некоторая наружная грубость являлись своеобразной «визитной карточкой» аракчеевцев.

Типичными для старокадетской среды были и способы укрепления авторитета в глазах товарищей. Когда один из одноклассников-силачей О. показал Звягину «иллюминацию» – сильно ударил в лицо так, что под глазом образовался огромный синяк, – обиженный гимназист пожаловался брату. Тот внимательно выслушал его и сказал, что может жестоко избить обидчика, но тогда Звягин-младший приобретет репутацию ябедника, и жизнь его в гимназии станет невыносимой из-за непрерывных приставаний и истязаний. По авторитетному мнению силача-третьеклассника, обиженный должен сам расправиться со своим противником, даже с учетом того, что он может быть сильно избит. Звягин затеял драку с О., и хотя он действительно серьезно пострадал, но отношение товарищей к нему изменилось. Он дал гимназистам понять, что не относится к числу трусов и в состоянии постоять за себя. После этого насмешки быстро сошли на нет, и Звягин вошел в состав гимназического товарищества в качестве полноправного члена. Издевательства над смешной формой головы и сопряженные с ним «кукуньки» прекратились после того, как Звягин проявил хорошие математические способности, и учитель П. А. Келеин, указав на его выдающееся темя, сказал, что это «математическая шишка».

Новгородские кадеты оказывали и положительное воздействие на малышей. Они увлекались гимнастикой, «и эта отрасль занятий числила в себе немало замечательно ловких и смелых исполнителей всякого рода замысловатых акробатических упражнений» [2, с. 9]. Любовь к гимнастике у аракчеевцев зародилась еще в Новгороде. По свидетельству бывшего кадета Ю. А. Доморацкого, «в гимнастике некоторые доходили до виртуозности, прямо-таки были акробатами (давались даже в корпусе публичные акробатические представления)» [1, с. 73]. Особенной популярностью пользовались прыжки через деревянную кобылу, «причем ее не только выдвигали вверх, сколько допускал механизм, но еще увеличивали ее высоту товарищами, которые, пригибаясь, ложились один на другого верхом на кобылу» [2, с. 9]. Прыжками через кобылу почти все аракчеевцы занимались на переменах между уроками, и это препятствовало распространению курения. Официально занятия гимнастикой велись два раза в неделю, и только в младших классах ежедневно проводились

так называемые подготовительные гимнастические упражнения [4, с. 188]. Однако лишь немногие воспитанники ограничивались в гимнастике положенными уроками. В свободное время и в праздничные дни возле гимнастических машин всегда собиралось большое количество любителей, и каждый хотел продемонстрировать другим свои достижения. Увлечение гимнастикой, которая стала преподаваться на научной основе именно в военных гимназиях, способствовала постепенному исчезновению у Звягина косолапости.

Еще одним направлением физических занятий было так называемое «набивание мускулов» – то, что впоследствии стало называться культуризмом или бодибилдингом. Чтобы развить мускулы, гимназисты занимались не только с гантелями, но и с гириями больших весов, на которых обычно взвешивались мука и хлеб. По вечерам силачи хвастались друг перед другом величиной бицепсов. В этом отношении Нижегородская гимназия стояла особняком – ни в одном другом военно-учебном заведении о занятии с гантелями и гириями не говорилось.

Среди игр, которые устраивались воспитанниками Нижегородской военной гимназии, особой популярностью пользовались игры «такого рода, где был или военный оттенок, или требовались ловкость и сила» [2, с. 10]. Во время прогулок на открытом воздухе играли в свайку, городки и лапту, для чего требовались значительная физическая сила и ловкость. Самой любимой игрой были городки. По свидетельству В.Л. Лобачевского, «аракчеевцы доходили в этой игре до совершенства: укладывалась треугольная призма, в каждой грани 10 рюх, и некоторые умудрялись чуть не всю эту призму (в 55 рюх) выбить из города в один удар» [6, с. 87]. Среди выпускников военно-учебных заведений аракчеевцы имели репутацию силачей: «когда они пели, так стенки дрожали, когда шили строем, так пол прогибался под их ногами» [6, с. 88].

Зимой военные гимназисты катались на санках с гор и на коньках, а также строили большие снежные крепости, после чего делились на гарнизон и осаждавшие войска и устраивали ожесточенные сражения, во время которых получали синяки, шишки и ссадины. Как и потешные петровские баталии, игра в снежки часто перерастала в настоящее побоище: «В азарте игроки вместо снежков пользовались обледелым снегом, и удары были жестокие; нередко начальство на время прекращало игру в снежки» [6, с. 87]. Во время

игр и прогулок гимназисты никогда не пользовались шинелями. Постоянное пребывание на свежем воздухе способствовало закаливанию организма, развитию невосприимчивости к холоду, которая удивляла окружающих. Спорт и моцион укрепляли нервы до такой степени, что один из гимназистов во время подхода к станции курьерского поезда подходил к путям так близко, что несущиеся вагоны касались его груди. Он же любил ездить верхом в неотапливаемом манеже в одном белье.

Руководство гимназии весьма высоко ценило увлечение гимназистов играми военного характера. Директор гимназии надевал себе на рукав белую повязку и, выступая в роли посредника, следил за соблюдением правил наступления и обороны и занимался разрешением спорных ситуаций.

Помимо военных игр, в почете были интеллектуальные развлечения. Так, старшекласники любили играть в шашки и шахматы. О чтении ни Звягин, ни Лобачевский почему-то почти не упоминают, хотя в гимназиях знакомству воспитанников с серьезной литературой уделялось много внимания.

В Нижнем Новгороде гимназия занимала «здание бывшего училища военного ведомства, которое стояло покоем на высоком месте Нижегородского Кремля с древними кирпичными стенами и башнями» [5, с. 13]. Излюбленными местами прогулок воспитанников были два двора, прилегавшие к зданию гимназии, а также обширный плац. Кроме того, на месте позднее устроенного городского бульвара находился пустырь, который служил местом устройства подвижных игр. Старшекласники имели право гулять в Мининском саду, находившемся на территории Нижегородского Кремля. Гимназистов манили полуразрушенные стены и башни Кремля. К. С. Звягин вспоминал: «Я помню ясно, как мы пробирались через кусты бурьяна, проникали с огарками или самодельными факелами в руках в нижнюю часть этих башен, любясь при скудном мерцающем свете блестками серебристого снежного инея, осевшего, как пыль, на высоких потолках этих сырых и мрачных подземелий. Необычная фантастическая обстановка волновала наше воображение, пугая и вместе с тем привлекая нас» [2, с. 12].

В крепостных развалинах аракчеевцы проводили собрания своего союза. Деятельность тайных кружков, создаваемых воспитанниками, была неотъемлемой частью неофициальной жизни военно-

учебных заведений. Они следили за соблюдением традиций, направленных на поддержание товарищеских отношений и искоренение фискальства – жалоб на товарищей начальству. Союз был наделен судебными функциями и выносил приговоры в отношении гимназистов, признанных виновными в нарушении правил товарищеского общежития. Заседания товарищества были пронизаны атмосферой волнующего романтизма, которую создавали не только обстановка старой крепости, но и сцены и фразы из книг М. Рида, Ф. Купера, Э. Габорио, П. де Террайля, составлявших круг чтения тогдашних подростков. Вновь принимаемые в члены союза должны были пройти следующий обряд. Нужно было разрезать осколком стекла или перочинным ножом ладонь своей руки и, подождав, пока наберется кровь, выпить ее.

Звягин обращает внимание читателей на то, что заседания союза не были пустой ребяческой забавой. Узы товарищества, которые в военно-учебных заведениях были весьма сильны, в Нижегородской гимназии отличались особой прочностью. Аракчеевцы всегда старались держаться вместе, помогать друг другу и поддерживать своих однокашников во всем. Разница в служебном и общественном положении при этом не играла никакой роли.

Увлечение приключенческой литературой и свойственная детям впечатлительность побуждали воспитанников по вечерам пробираться в темные классы и рассказывать друг другу страшные истории.

В милютинских военных гимназиях исключительно большое внимание уделялось ручному труду. По мнению руководителей и педагогов, он являлся надежным средством, позволявшим отвлечь воспитанников от шалостей, приохотить их к полезному и производительному заполнению досуга, что было особенно важно для тех, кому предстояло служить в «медвежьих углах». Как и в других гимназиях (в частности, Орловской Бахтина) наибольшей популярностью среди военных гимназистов пользовались работа на токарных станках и выпиливание. У многих воспитанников благодаря хорошо организованным занятиям ручным трудом на всю жизнь было выработано неприязненное отношение к праздности.

Обучение естествознанию во всех военных гимназиях было поставлено на прочную практическую основу. Поэтому во время лет-

них каникул воспитанники, находившиеся в лагере, собирали гербарии, которые потом использовались в качестве наглядных пособий на уроках ботаники. В целом пребывание в лагере способствовало изучению природы. Гимназисты купались в Оке, ловили рыбу и раков, катались по реке на баркасе. Под руководством воспитателей совершались прогулки, в том числе и дальние.

Еще одной формой досуга была постановка домашних спектаклей. Их руководителем был воспитатель И. Я. Герд. Декорации изготавливались силами самих воспитанников. Совместная подготовка к представлениям способствовала преодолению розни между воспитанниками, педагогами и руководством. Участие в спектаклях дам (дочерей и жен офицеров, воспитателей и учителей) позволяло бороться с грубостью нравов. Кроме того, оно содействовало формированию близких, семейных отношений между обучающимися и их наставниками, которые были характерны для многих губернских военно-учебных заведений. Значительный вклад в развитие гимназической театральной самодеятельности внес известный нижегородский актер К. А. Варламов – впоследствии прославленный артист императорских театров. К. С. Звягин оставил следующее описание одного из представлений, режиссером которого являлся Варламов: «В моей памяти явно возникает его мощная добродушная фигура, кругом же толпа маленьких воспитанников, среди которых и я, переодетые в длинные еврейские лапсердаки с пейсами и цветными платочками в руках, пляшут какой-то танец, ударяя друг друга в такт ладонями рук» [2, с. 15]. В репертуар входили произведения патриотической направленности. Так, на гимназической сцене шло представление «Архип Осипов», посвященное памяти рядового Тенгинского полка, который в 1840 г. во время защиты Михайловского укрепления Черноморской береговой линии подорвал пороховой погреб и уничтожил три тысячи осаждавших укрепление горцев. Достаточно часто воспитанники посещали городской театр. Кроме того, в заведении организовывались вокально-музыкальные вечера с участием членов семей педагогов и воспитателей. В зимнее время на льду устраивались карнавалы с музыкальным сопровождением.

Танцы среди аракчеевцев, как и в военно-учебной среде в целом, не пользовались популярностью. Тем не менее в гимназии достаточно часто устраивались танцевальные вечера, причем, по свидетельству В. Л. Лобачевского, «во время танцев нередко можно

было видеть вальсирующего П. И. Носовича» [6, с. 87]. Воспитанники старших классов отличались меньшей нелюбовью к танцам, так как во время танцевальных вечеров можно было познакомиться со сверстницами из женских учебных заведений. Именно поэтому старший возраст весьма ценил предоставленное ему право каждое воскресенье устраивать танцы под музыку, которую исполнял его собственный оркестр. Гимназисты уже не танцевали друг с другом, как в николаевские времена, — на эти вечера приглашались воспитанницы старших классов Нижегородского Мариинского института благородных девиц и Мариинской женской гимназии.

Военные гимназии на деле являлись полугражданскими учебными заведениями. Это проявлялось, в частности, в почти полном отсутствии строевых упражнений. Однако большинство гимназистов было ориентировано на офицерскую карьеру, поэтому любовь к строю, фронтовым занятиям была у них заметна. Старшеклассники радовались, когда им выдали ружья и стали обучать фронту и ружейным приемам. В Нижнем Новгороде дислоцировалось немало воинских частей, и наблюдение за учениями на расположенном рядом с гимназией плацу являлось одним из излюбленных занятий. Гимназисты охотно общались с солдатами и таким образом учились понимать своих будущих подчиненных. Особой популярностью пользовался начальник дивизии генерал И. С. Ганецкий, через несколько лет отличившийся во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Его громкий резкий голос, воинственная осанка и доброе отношение к нам располагали нас к нему, а в гимназии ходили всевозможные легендарные анекдотические рассказы об этом старике таком строгом, но больше по наружному виду» [2, с. 15].

Празднование тезоименитства Александра II 30 августа ежегодно отмечалось экскурсией на Макарьевскую ярмарку и посещением театра. Этого дня гимназисты всегда ожидали с нетерпением.

Важным событием в жизни заведения стало посещение гимназии в августе 1871 г. императором Александром II и его сыновьями наследником цесаревичем Александром Александровичем и великим князем Владимиром Александровичем: «Трудно себе представить, с каким воодушевлением, восторгом, любопытством и детской несдержанностью мы стремились все окружить тесно и близко Государя, высокая и царственная фигура которого отчетливо выделялась

среди его многочисленной блестящей свиты. Начальство наше утра-тило в эти минуты Высочайшего обхода заведения всякую над нами власть» [2, с. 17]. В мае 1875 г. в Нижнем Новгороде побывал еще один высокий гость, военный министр Д. А. Милютин, который, по свидетельству В. Л. Лобачевского, «был у нас на экзаменах, слушал игру оркестра и пение хора и совершенно очаровал нас» [6, с. 88].

Губернские военно-учебные заведения, в отличие от столич-ных, не могли приглашать на работу известных ученых и универси-тетских профессоров. Тем не менее среди наставников будущих офи-церов было немало авторитетных специалистов. Не была исключе-нием и Нижегородская военная гимназия. Так, И. С. Единевский «так увлекал нас (воспитанников. – А. Г.) преподаванием истории, что многие, благодаря прекрасному и толковому изложению им пред-мета, сохранили надолго расположение к расширению своих знаний по истории и стремление к чтению серьезных исторических книг» [2, с. 23–24]. Вторая половина 1860-х – начало 1870-х гг. для отечествен-ной военной школы были временем отказа от рутинных подходов к изложению учебного материала и поиска инновационных методов. И. С. Единевский составил подробные хронологические таблицы для каждого из столетий, облегчавшие запоминание исторических фак-тов. Преподаватель русского языка И. А. Тарапыгин содействовал развитию любви к языку и литературе своим выразительным чте-нием избранных произведений. Многие гимназисты не только чи-тали и обсуждали художественную литературу, но и вели дневники, пробовали свои силы в сочинении прозаических и стихотворных произведений.

Педагоги, стремившиеся дать воспитанникам необходимые им познания, собственным иждивением учреждали факультативы. В.Л. Лобачевский вспоминал, что его воспитатель И. Ю. Добошин-ский уделял большое внимание обучению гимназистов француз-скому языку. Воспитанники партиями в 10–12 человек дважды в неделю ходили к его жене, которая занималась с ними переводами. Внимания заслуживает следующая трогательная деталь: в перерывах гимназистов угощали чаем с бутербродами.

Эпоха преобразований способствовала тому, что во главе во-енно-учебных заведений становились даровитые, энергичные люди, способные сплотить и повести за собой педагогический коллектив.

Таковыми стали для Орловской Бахтина военной гимназии – Д. Х. Бушен, для 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии – Е. К. Баумгартен, а для Нижегородской военной гимназии – П. И. Носович. Носовичу, как и его коллегам, удалось грамотно реорганизовать кадетский корпус в военную гимназию, перестроить на новых началах учебную работу и воспитание будущих офицеров, заменить дежурных офицеров гражданскими воспитателями, пересмотреть дисциплинарную политику и при всем этом сохранить лучшие достижения старого корпуса. Он действовал мягко, но настойчиво и упорно, что дало ему возможность добиться решения всех поставленных задач. Директор Нижегородской гимназии обладал редким даром установить личные отношения едва ли не с каждым из своих многочисленных воспитанников. Он не внушал страх, а добивался доверия и любви своих подчиненных и подопечных. Носовичу был глубоко чужд формальный подход к учебному и воспитательному делу, он в буквальном смысле слова жил интересами заведения и являлся для воспитанников не начальником и руководителем, а отцом. Директор стремился не скрыть, а признать и исправить допущенные ошибки, не гнался за улучшением количественных показателей и не нянчился с гимназистами, явно неспособными к учению. Строгая дисциплина была основана на разумных требованиях и не подавляла волю и мысли будущих офицеров. Даже те воспитанники, которые были исключены Носовичем из заведения за шалости, вспоминали его только добрым словом.

Педагогические и организаторские способности П. И. Носовича были по достоинству оценены руководством военно-учебных заведений. В 1877 г. он занял должность директора 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии – старейшей отечественной военной школы.

В заключение следует сказать, что бытовая сторона жизни гимназистов не была сопряжена с какой-либо роскошью. По воспоминанию В. Л. Лобачевского, завтрак обычно был сухой и состоял из хлеба с маслом или пирогов. Несколько раз воспитанники жаловались, что к столу подают тухлую селедку, за что директор сажал эконома на гауптвахту. Убранство помещений можно смело назвать спартанским, полы были не паркетными, а обычными деревянными.

Краткие записки выпускников Нижегородской военной гимназии, содержащие сведения об обычаях и традициях воспитанников,

их взаимоотношениях с руководством и педагогами, служат весьма ценным дополнением официальных документов, которые дают представление главным образом о внешней стороне жизни заведения. Безусловно, они далеки от фотографической точности. Мемуаристы во время пребывания в гимназии были сначала детьми, а потом подростками, поэтому одни вещи ускользали от их взгляда, а другие воспринимались в искаженном виде. Записывались же воспоминания через несколько десятилетий, когда многое уже стерлось из памяти. Тем не менее мы должны быть благодарны каждому сохраненному и дошедшему до наших дней свидетельству, которое позволяет не только зафиксировать исторический факт, но и оживить его.

Источники и литература

1. Доморацкий Ю.А. «Переход из отрочества в юношество происходил... довольно бурно» (публикация М. Ю. Гусева) // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С. 70–79.
2. Звягин К.С. Воспоминания аракчеевца 1869–1875. Тифлис: тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1913. 33 с.
3. Карцов П.П. Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии (ныне Нижегородского гр. Аракчеева кад. корпус). 1834–1884. СПб.: тип. Ф. С. Сушинского, 1884. 416 с.
4. Кильянова Л.В. Из истории Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса // Нижегородское образование. 2012. № 2. С. 185–189.
5. Марин Б.М. Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (к 125-летию со дня основания) // Военная быль. 1959. № 38. С. 11–15.
6. «Откровенность и полное доверие... были безграничны» (публикация М. Ю. Гусева) // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 84–88.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА 504 НИЖЕГОРОДСКОЙ ОПОЛЧЕНСКОЙ ДРУЖИНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Николаев Дмитрий Андреевич

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений
и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, к.и.н., доцент
Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования 504 дружины ополчения Нижегородской губернии в эпоху Первой мировой войны. На основе материалов Центрального архива Нижегородской области, Российского государственного военно-исторического архива и анализа историографических трудов выявлены специфика создания губернской ополченской структуры, формы

и виды взаимодействия командных структур губернии и ополчения. Также определены и охарактеризованы структуры командного состава 504 дружины нижегородского ополчения.

Ключевые слова: Первая мировая война; нижегородское ополчение 1914–1918 гг.; нижегородские пешие дружины 1914 г.; дружины первой и второй очереди; экономика войны начала XX в.

В годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в рядах русской армии, наряду с регулярными строевыми частями, наличествовали многочисленные губернские ополчения, ставшие неотъемлемой частью государственного мобилизационного планирования. Личный состав ополчений (составивших, в итоге, общее количество в 2,2–2,3 млн чел. из общего количества призванных в армию 13,5–15 млн чел.) составляли «ратники» 1 и 2 разрядов (по шкале возраста и степени годности к военной службе), которые были организован и действовали в соответствии с «Высочайше утвержденными» положениями и узаконениями. В августе 1914 года в Нижегородской губернии началось развертывание воинских частей – кадровых, запасных и ополченских. В Нижегородской губернии (и других губерниях) также были созданы ополченские «пешие дружины» (далее – пд) под №№ 504, 505, 506, 507, 508, 661, 662, 666, 671 и 672, получившие название «Нижегородских» соответственно местопребыванию в условиях «мирного времени» большинства призванных в них ратников. Кроме того, в губернии были сформированы ополченская конная сотня, а также ополченская саперная полурота.

Ополченские подразделения служили резервом для пополнений запасных и фронтовых частей, но, в основном, ополченские части выполняли функции несения тыловой службы в гарнизонах, по охране железных дорог, мостов, транспортных узлов, фабрик и заводов, средств связи и прочих стратегически важных объектов, а также занимались конвоированием военнопленных и сопровождением раненых. Части государственного ополчения были расформированы в ходе общей демобилизации русской армии, проходившей весной 1918 года.

504-я пешая Нижегородская дружина государственного ополчения была сформирована летом 1914 г. в рамках общего мобилизационного плана. Дружина, входила, территориально, в состав Московского военного округа [1, д.14235, л.2]; в организационном плане – в состав 64 бригады Государственного Ополчения (далее: 64 бр ГО) [1, л.2], затем в состав 102 бр ГО [1, д.14235, л.2], а позднее –

в состав 468 пехотного Нарымского полка. Следует отметить, что, судя по записям в журналах боевых действий Нарымского полка [2], участие в боевых столкновениях ратников (солдат) собственно 504 нижегородской дружины не прослеживается [2], и, возможно, ратники 504 пд входили в иную армейскую организационную структуру.

Командирами 504 пд были, в порядке очередности: с начала формирования дружины – подполковник Н.А. Варгасов (позднее назначенный на должность начальника штаба 64 бр ГО), затем полковник Капелькин [1, д.14235, л.265]. Согласно приказа командира 64 бр ГО от 16 декабря 1914 г. «вместо заболевшего ... полковника Капелькина, приказываю вступить в общее командование дружиной подполковнику ... Коптеву» [1, д.14235, л.265]. Известно также, что в 1916 г. некоторое время 504 пд возглавлял подполковник, князь П.С. Вадбольский [3, с.115], ранее заведовавший хозяйственной частью дружины [4, д.1, л.5].

По имеющимся неполным данным, в состав офицерского корпуса 504 пд, помимо упомянутых начальствующих лиц, входили: зауряд-капитан И.А. Кабан, капитан В. Галин, зауряд-капитан Корсаков [5, д.2, л.28], штабс-капитан В.В. Поливанов [6], о котором имеются более конкретные данные:

Согласно «Послужному списку поручика 504 пешей Нижегородской дружины Поливанова Владимира Викторовича», составленному 20 августа 1916 г., он был 1877 года рождения, «из потомственных дворян Костромской губернии» [6, д.75033, л.3]. Получил образование «в 1-м Санкт-Петербургском реальном училище и Павловском военном училище» [6, д.75033, л.4]. «В походах и делах против неприятеля не находился» [6, д.75033, л.4].

Среди прочих офицеров 504 пд известно также о зауряд-поручике Струкове, подпоручике Частурине, зауряд-прапорщике Лапине, прапорщике Кулакове, прапорщике Постникове [4, д.1, л.7-8об.] и дружинном адъютанте, зауряд-прапорщике А.М. Кожарском, чей послужной список (составленный в мае 1917 г.) был следующим: «Послужной список зауряд-прапорщика 504 пешей Нижегородской дружины Андрея Максимовича Кожарского»: 1889 г.р., «из мещан Могилевской губернии» [7, д.72292, л.4]. Образование: окончил «городское 3-х классное училище» [7, д.72292, л.5]. «За разведку 12 июля 1915 г. около крепости Ковно выполнил под сильным огнем против-

ника возложенную на него задачу, за что был награжден Георгиевским крестом 4 степени № 681210» [7, д.72292, л.7]. Помимо этого, Кожарский ранее был награжден «серебряной медалью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте ...» [7, д.72292, л.7].

Кроме указанных лиц, в командный состав 504 пд входили офицеры т.н. кадровой роты, о чем будет сказано далее.

Следует отметить, что как в первоначальный период формирования (летом 1914 г.), так и накануне отправления дружины на фронт, учебно-боевая подготовка подразделения велась весьма интенсивно. Так, 12 декабря 1914 г. прошло последнее занятие по стрельбе: командиру 504 пд «заведующий оружием рапортом ... донес, что на пристрелку винтовок системы Бердана израсходовано 2780 патронов, на прохождение 4 упражнений курса стрельбы 10338 патронов, на прохождение 1 и 2 упражнений вновь прибывшим 2827 патронов. Выдано в роты 2304 патронов, т.е. по 576 в каждую роту. Выдано командированным ... 30 чел. по 24 патрона. Итого 720 штук. Всего 18969 патрона ...» [5, д.2, л.29].

Приказом по 64 бр ГО за №62 в декабре 1914 г. в рамках подготовки к боевому походу 504 пд было утверждено, что «... походный состав дружины будет состоять из 8 офицеров, 2 чиновников, 2 врачей и 1000 нижних чинов в составе: 4 фельдфебелей, 1 знаменщика, 90 унтер-офицеров, 85 ефрейторов, 776 ратников, 5 горнистов, 1 сигнальщика и 38 нестроевых» [5, д.2, л.17]. Отправление дружины на фронт было назначено на 18 декабря 1914 г.; 17 декабря было сообщено, что «... погрузка (дружины в железнодорожный состав – авт.) начнется 18 сего декабря (1914 г – авт.) в 8 часов утра» [5, д.2, л.17]. В связи с выступлением дружины в поход командованием было предписано усилить дисциплинарные меры: «... ввиду предстоящего выступления дружины гг. ротным командирам строжайше наблюдать, чтобы не было самовольных отлучек и связанного с ними пьянства нижних чинов ...» [5, д.2, л.28об.].

После того, как 18 декабря 1914 г. 504 пд выступила в поход, подполковнику Степанову было приказано «... теперь же приступить к формированию кадровой роты» [4, д.1, л.7]. Таким образом, после отбытия 504 пд на фронт, в Нижнем Новгороде осталась т.н. кадровая рота 504 пд, на базе которой зимой 1915 гг. стали формироваться структуры и подразделения собственно 671 пд: нижегородской ополченской дружины «второй очереди». Соответственно приказу командования, «Кадровый состав дружины (т.е. кадровую роту 504 пд как

основу 671 пд – авт.) (необходимо – авт.) составлять (следующим образом – авт.): 3 назначенных офицеров и все остающиеся, за выделом 1000 чел. походного состава» [5, д.2, л.2]. В кадровую роту было передано немалое количество военного имущества от 504 пд: лошадиный «парк», часть дружинной казны, сотни единиц обмундирования и пр. Сама же кадровая рота 504 пд была сформирована согласно приказу от 17 декабря 1914 г.; ее списочный состав был следующим: «Фельдфебелей-6; Старших унтер-офицеров – 36; Младших унтер-офицеров- 58; Ефрейторов – 32; Рядовых – 146; Нестроевых – 12. Итого: 290. В больнице: Младших унтер-офицеров- 1; Ефрейторов – 1; Рядовых – 25. Итого: 27. В командировках: Старших унтер-офицеров – 6; Младших унтер-офицеров- 2; Ефрейторов – 4; Рядовых – 18; Нестроевых – 3. Итого: 33» [8, д.3, л.1]. Несколько позднее командир кадровой роты, подполковник Степанов, был назначен командиром 671 пд [8, д.3, л.1].

По состоянию на 1 января 1915 г. в кадровой роте находилось: «По списку: Штаб-офицеров – 1; Обер-офицеров – 2; Нижних чинов – 304. В расходе: Больных – 24; В командировках – 40; В отпуску по болезни – 1. Налицо: Штаб-офицеров – 1; Обер-офицеров – 2; Нижних чинов – 239. Прикомандированы: Обер-офицеров – 4; Врачей – 1; Нижних чинов – 34» [8, д.3, л.35об.].

Согласно содержанию записей в дружинной документации, есть основания полагать, что в январе 1915 г. кадровая рота 504 пд, ставшая основой формирования кадрового состава 671 пд, «окончательно» вошла в состав 671 пд, а ее кадровый состав, рядовой и офицерский, был равномерно распределен по новым подразделениям 671 пд [8, д.3, л.35об.].

Офицерский состав кадровой роты 504 пд был следующим:

Подполковник Евгений Федорович Степанов, 1868 г.р., «из дворян Смоленской губернии» [9, д.15473, л.98]. Образование: «в 1-м Московском кадетском корпусе и в 3 военном Александровском училище» [9, д.15473, л.98]. В военных кампаниях не участвовал. Награды: орден Св. Владимира 4 степени [9, д.15473, л.98].

Зауряд-капитан Сергей Павлович Цветков, 1873 г.р., «из дворян Нижегородской губернии» [9, д.15473, л.98]. Образование: «окончил юридический факультет Московского Императорского университета с дипломом 1 степени и военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1 разряду» [9, д.15473,

л.98]. В военных кампаниях не участвовал. Награды: орден Св. Анны 3 степени [9, д.15473, л.98].

Прапорщик Павел Викторович Кикин, 1875 г.р., «из дворян Костромской губернии» [9, д.15473, л.99]. Образование: «в Константиновском межевом институте и Московском Императорском инженерном училище» [9, д.15473, л.99]. В военных кампаниях не участвовал. Награды: орден Св. Станислава 3 степени [9, д.15473, л.99].

Помимо изначально запланированного штатного офицерского состава кадровой роты (3 офицера), кадровую роту дополнили прикомандированные офицеры из других подразделений, а именно:

Подпоручик Николай Иванович Белавин, 1862 г.р., «из личных дворян Нижегородской губернии» [9, д.15473, л.99]. Образование: «в Нижегородской графа Аракчеева гимназии и в Киевском пехотном юнкерском училище по 2 разряду» [9, д.15473, л.99]. В военных кампаниях не участвовал. «Наград не имеет» [9, д.15473, л.99].

Штабс-капитан Андрей Николаевич Селадьин, 1879 г.р., «из потомственных дворян Костромской губернии» [9, д.15473, л.100]. Образование: «в Нижегородском графа Аракчеева корпусе и в 1-м Павловском военном училище по 1 разряду» [9, д.15473, л.100]. В военных кампаниях не участвовал. «Наград не имеет» [9, д.15473, л.100].

Прапорщик Александр Федорович Шилин, 1874 г.р., «сын учебного управительского помощника» [9, д.15473, л.101]. Образование: «в Моршанском реальном училище» [9, д.15473, л.101]. В военных кампаниях не участвовал. «Наград не имеет» [9, д.15473, л.101].

Подпоручик Александр Георгиевич Смирнов, 1872 г.р., «сын умершего капитана» [9, д.15473, л.102]. Образование: «в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и в Павловском военном училище» [9, д.15473, л.102]. В военных кампаниях не участвовал. «Наград не имеет» [9, д.15473, л.102].

Кроме вышеперечисленных лиц, в состав кадровой роты 504 пд входил зауряд-врач Константин Александрович Воздвиженский [9, д.15473, л.102].

Подразделения 504 нижегородской ополченской пд были сформированы летом 1914 г. согласно утвержденному мобилизационному плану развертывания ополченских частей и прошли боевую подготовку в соответствии с планами боевой учебы. В декабре 1914 г. 504 пд отправилась на фронт, оставив на месте базирования

(в Нижнем Новгороде) личный состав, рядовой и офицерский, кадровой роты, на базе которой стали формироваться подразделения новой, 671 пд «второй очереди». Штатный офицерский состав кадровой роты 504 пд (3 чел.) был дополнен прикомандированными офицерами из других подразделений (4 чел.), а также врачом. Офицерами кадровой роты являлись, в основном, лица дворянского происхождения, трое из которых имели высшее образование. Боевого же опыта никто из представителей офицерского корпуса (кадровой роты 504 пд) не имел.

Источники и литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф.408, Оп.1, Д.14235.
2. РГВИА, Ф.3013, Оп.1, ДД. 52-55.
3. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М.: Изд-во «Русский путь», 2004.
4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.2381. Оп.1756. Д.1.
5. ЦАНО, Ф.2381, Оп.1756, Д.2
6. РГВИА, Ф.409, Оп.1, Д.75033.
7. РГВИА, Ф.409, Оп.1, Д.72292.
8. ЦАНО, Ф.2368, Оп.1721, Д.3.
9. РГВИА, Ф.408, Оп.1, Д.15473.

ВОПРОС ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗНАМЕНАМИ ДРУЖИН НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Николаев Дмитрий Андреевич

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, к.и.н., доцент
Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2 e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

В работе рассматриваются особенности процесса получения знамен дружинами ополчения Нижегородской губернии в эпоху Первой мировой войны. На основе материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфика обеспечения знаменами губернской ополченской структуры, формы и виды взаимодействия командных структур губернии и ополчения. Определены основные компоненты и номенклатура обеспечения знаменами, а также церемониал их вручения.

Ключевые слова: Первая мировая война; нижегородское ополчение 1914–1918 гг.; экономика Войны; эпоха Первой мировой войны; материальное обеспечение; знамена Первой мировой войны.

В годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в рядах русской армии, наряду с регулярными строевыми частями, наличествовали многочисленные губернские ополчения, давно уже перешагнувшие (как законодательно, так и психологически) порог их восприятия обществом как «низовой» и «стихийной» народной силы и ставшие неотъемлемой частью государственного мобилизационного планирования. Личный состав ополчений (составивших, в итоге, общее количество в 2,2–2,3 млн чел. из общего количества призванных в армию 13,5–15 млн чел.) составляли «ратники» 1 и 2 разрядов (по шкале возраста и степени годности к военной службе), которые были организован и действовали в соответствии с «Высочайше утвержденными» положениями и узаконениями. В августе 1914 года в Нижегородской губернии началось развертывание воинских частей – кадровых, запасных и ополченских. В Нижегородской губернии (и других губерниях) также были созданы ополченские «пешие дружины» (далее – пд) под №№ 504, 505, 506, 507, 508, 661, 662, 666, 671 и 672, получившие название «Нижегородских» соответственно местопребыванию большинства призванных в них ратников. Кроме того, в губернии были сформированы ополченская конная сотня, а также ополченская саперная полурота.

Ополченские подразделения служили резервом для пополнений запасных и фронтовых частей, но, в основном, ополченские части выполняли функции несения тыловой службы в гарнизонах, по охране железных дорог, мостов, транспортных узлов, фабрик и заводов, средств связи и прочих стратегически важных объектов, а также занимались конвоированием и сопровождением (по железной дороге) военнопленных.

Но если общие вопросы формирования, вооружения, обеспечения и снабжения этих частей особых толкований не вызывали, то вопрос об обеспечении подразделений знаменами и штандартами, как символами «настоящих» воинских частей не получил отражения в законодательно-нормативном материале и решался «на ходу».

24 августа 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов обратился к царю со «Всеподданнейшим докладом», в котором предложил передать ополченским дружинам знамена времен Крымской войны, которые использовались в свое время местными ополчениями губерний. Император согласился с этим предложением и на места было разослано «Высочайшее повеление» о выдаче знамен дружинам с мест их хранения (церквей и кафедральных соборов).

Начальник 63 бригады Государственного ополчения (куда входили и нижегородские дружины за №№ 661, 662 и 666) попросил нижегородского губернатора сообщить о наличии этих знамен в Нижнем Новгороде: «Во вверенной мне бригаде сформированы новые дружины, получившие названия “Нижегородских дружин”, а потому прошу Ваше Превосходительство уведомить меня, имеются ли в губернских хранилищах старые ополченские знамена 1855 года для вручения трем дружинам» [1, д.1774, л.1]. Ответ губернатора гласил, что в местном кафедральном соборе «старых ополченских знамен имеется еще 6» [1, д.1774, л.3], для получения которых были командированы: от 666 пд для получения знамени – поручик Кологривов с 4 нижними чинами [1, д.1774, л.6]; от 661 пд – капитан Павлов с 6 нижними чинами, которые должны прибыть 24 февраля [1, д.1774, л.6]; от 662 пд – прапорщик Мамонтов [1, д.1774, л.6].

Но еще ранее, согласно содержанию переписки губернатора и нижегородского городского общественного управления, выяснилось, что все 11 знамен (по числу уездов губернии, организовавших свои дружины в годы Крымской войны) имеются в наличии, но имеют разное физическое состояние. По этому поводу в письме-отношении Нижегородского городского общественного управления Нижегородскому губернатору было сказано следующее: «...Высочайшее повеление 24 августа 1914 года о передаче из губернских хранилищ старых ополченских знамен 1855 года в отношении пяти второразрядных Нижегородских пеших дружин выполнить затруднительно вследствие того, что некоторые знамена частью оторваны от древка, самые древки согнуты дугой, а полотнища знамен слишком ветхи. Вследствие вышеизложенного, городским управлением заказаны новые знамена 5 пешим Нижегородским второочередным дружинам. Представляя о сем, Городская Управа имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство о Высочайшем соизволении на выдачу 661, 662, 666, 671 и 672 (пешим дружинам ополчения – авт.) ... новых ополченских знамен ...» [1, д.1774, л.9]. По дополнительному сообщению от нижегородского губернатора, «в Нижегородском Кафедральном соборе хранилось 11 ополченских знамен 1855 года, из коих только 5 выданы ополченским дружинам первой очереди (т.е. нижегородским дружинам под №№504, 505, 506, 507 и 508 «первого разряда», или первой очереди, уже убывшим на фронт – авт.). Остающиеся 6 знамен еще вполне пригодны для выдачи дружинам, если не считать погнувшегося от

времени древка, которое без труда может быть заменено новым. Полагая, что старое, освященное походом, знамя, могло бы представить большую ценность, нежели знамя новое, об изложенном долгом считаю уведомить Ваше Высокопревосходительство» [1, д.1774, л.15].

Тем не менее, было решено выдать 5 знамен, находившихся в лучшем состоянии, а также «возбудить ходатайство о Высочайшем соизволении на выдачу... новых ополченских знамен» [1, д.1774, л.15]. Поскольку подобные ходатайства поступали в большом количестве из разных губерний, то было решено в массовом порядке изготавливать, силами земств и городских правлений, новые знамена по образцам 1855 г., фотографии которых рассылались Главным управлением Генерального Штаба. Вероятно, что некоторые «новodelы» не вполне соответствовали установленным образцам, поскольку в декабре 1914 г. было официально утверждено описание «знамени образца 1855 г. для дружин Государственного ополчения» [2, с.115]. Известно также и о фактах использования некоторыми дружинами ополчения (в порядке особого исключения) и знамен эпохи 1812 г.

В марте 1915 г. нижегородское городское общественное управление (городская управа) сообщила командиру 671 пд, что «... для вверенной вам дружины городским управлением изготовлено новое знамя типа 1855 года. Знамя это Городское Управление предполагает передать ... на Святой неделе, после 1-го дня и покорнейше просит вас избрать день передачи знамени и сообщить о сем ... заблаговременно. Городской Голова: Сироткин» [3, д.2, л.30].

Для передачи знамен 671 и 672 нижегородским дружинам был разработан особый торжественный церемониал из следующих этапов: «1. Знамена будут переданы дружинам 17 сего мая (1915 г. – авт.); 671 и 672 пешие дружины приходят на Соборную площадь к 10 часам утра, составляют ружья и входят в (Кафедральный – авт.) Собор; 3. По окончании молебна Преосвященные Иоаким, епископ Нижегородский, освятив знамена и окропив их Святою водою, принимает из рук Нижегородского городского Головы сперва знамя 671 дружины, передает ее коленопреклоненному начальнику 64 ополченской бригады; этот передает знамя коленопреклоненному командиру 671 дружины, а этот – коленопреклоненному знаменщику. Тем же порядком будет передано и знамя 672 дружины; 4. Когда выстроившиеся дружины возьмут «на караул», адъютанты выводят знаменщиков из Собора и знамена проносятся перед фронтом своих дружин с левого их фланга; 5. Когда знаменщики станут на

правые фланги свих дружин, начальник 64 ополченской бригады провозглашает здравицы Государю Императору, а потом Нижегородскому епископу Иоакиму, Нижегородскому губернатору, Нижегородскому Городскому Голове и всем гражданам города и губернии, имя которых дружины имеют честь носить; 6. После здравицы дружины возьмут ружья к ноге и перестроятся для церемониального марша. 7. После прохождения церемониальным маршем, дружины расходятся по казармам. Начальник 64 бригады Государственного ополчения Генерал-лейтенант Плюцинский. Начальник штаба Зауряд-полковник Варгасов» [3, д.2, л.49].

Процесс обеспечения боевыми знаменами нижегородских ополченских дружин не был разработан заранее и решался в общем русле как планового, так и внепланового материально-технического обеспечения с учетом морально-психологического влияния «знаменного фактора» на общее настроение ополченских частей, чему способствовала и процедура вручения знамен.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.2, Оп.1, Д.1774.
2. Григоров А.И. Костромское ополчение в Великой войне 1914-1918 гг. М., 2014.
3. ЦАНО, Ф.2368, Оп.1721, Д.2.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРЗАМАССКОГО ГОРОДОВОГО ВРАЧА Н.Г. РАЧИНСКОГО

Панов Александр Ростиславович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, д.и.н., зав. кафедрой истории, обществознания и права историко-филологического факультета
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: panov_alexandr@mail.ru

В статье приводится информация о благотворительной деятельности арзамасского городского врача Н.Г. Рачинского, который на протяжении четверти века безвозмездно оказывал медицинскую помощь воспитанникам Арзамасского духовного училища и сыграл большую роль в обустройстве училищной больницы в начале 1870-х гг.

***Ключевые слова:** Н.Г. Рачинский; Арзамасское духовное училище; Арзамас XIX века; благотворительность.*

Частная благотворительность как масштабное социальное явление была характерна для российского общества XIX века, особенно второй его половины, что связано с тем, что государство стало не только упорядочивать процесс оказания помощи

нуждающимся, но и со своей стороны поддерживать усилия благотворителей. Помимо действовавших на официальной основе благотворительных обществ и учреждений, которых в России к концу XIX в. насчитывалось почти пятнадцать тысяч [19, с. 42], была и масса частных благотворителей, имена и заслуги многих из которых с трудом могут быть сейчас восстановлены. Традиционно одними из ведущих направлений благотворительной деятельности являлись медицина и образование – а именно, предоставление возможности учиться и получать медицинскую помощь тем, кому это было не по средствам.

Примером подобного бескорыстного служения обществу можно считать арзамасского городского врача Николая Гавриловича Рачинского, не только активно трудившегося на ниве здравоохранения, но и по сути добровольно возложившего на себя функции попечителя Арзамасского духовного училища. Так, впервые в городе именно ученики этого заведения стали получать бесплатную медицинскую помощь, что обеспечивалось силами единственного человека – Н.Г. Рачинского [11, с. 89].

Сохранившиеся архивные материалы в виде формулярных списков и представлений к награждению позволяют проследить основные этапы его жизненного и профессионального пути. Исходя из того, что в октябре 1869 г. Николаю Гавриловичу было 52 года, скорее всего он родился в 1817 г., причем происходил он из дворян Черниговской губернии [6, л. 1]. Н.Г. Рачинский с отличием закончил в 1843 г. Московский императорский университет, получив звание лекаря, и его дальнейшая служба проходила на территории Нижегородской губернии: сначала он был городским врачом в Семенове, а с октября 1850 г. занимал такое же место в Арзамасе [6, л. 1]. Институт городских врачей появился в Российской империи еще в 1737 г. и продолжал развиваться в последующее столетие – в 1840 г. Комитет министров принял положение, по которому города должны были иметь на своем иждивении отдельных врачей. Круг их повседневных обязанностей был весьма широк: от лечения больных до исполнения обязанностей судебного криминалиста, и особенно высокая нагрузка ложилась на них в ходе борьбы с часто возникавшими эпидемиями [2, с. 42–43]. Медики, направлявшиеся в губернские и уездные центры, выступали в качестве государственных чиновников с присвоением им классного чина [18, с. 10], что наглядно

прослеживается и по послужному списку Н.Г. Рачинского, который был последовательно произведен в титулярные советники (1848 г.), коллежские асессоры (1856 г.), надворные советники (1865 г.) и коллежские советники (1868 г.) [6, л. 1–1 об.]. Помимо этого, он был удостоен и государственных наград: темной бронзовой медали в память войны 1853–1856 гг. (1857 г.), ордена св. Станислава 3-й степени (1859 г.) и ордена св. Анны 3-й степени (1868 г.). Упомянутая медаль была учреждена в ознаменование окончания Крымской войны и по случаю коронации Александра II – в темном исполнении ею награждались не участники военных действий, а гражданские лица, в том числе за пожертвования и прием в свой дом раненных офицеров и солдат [10, с. 386]. Ордена св. Станислава и св. Анны 3-й степени считались низшими по старшинству орденами Российской империи и могли вручаться как за отличия на гражданской службе, так и за благотворительность – в случае с Н.Г. Рачинским указана формулировка «за отлично усердную службу и особые труды».

Сложно сказать, от кого исходила инициатива награждения Николая Гавриловича первыми орденами, но в 1869 и 1874 гг. об очередных наградах в виде орденов св. Станислава 2-й степени и св. Анны 2-й степени ходатайствовал смотритель Арзамасского духовного училища архимандрит Макарий – соответствующие представления были направлены епископу Нижегородскому и Арзамасскому Филарету [5, л. 6] и в канцелярию обер-прокурора Св. Синода [9, л. 6]. Стоит отметить, что награды Н.Г. Рачинский получал вполне заслуженно.

Ко времени его появления в Арзамасе местное духовное училище функционировало уже более четверти века, и число учеников росло быстрыми темпами: если в 1840 г. их было 223 человека [16, с. 74], то уже в 1856–1857 учебном году насчитывалось 430 [3, с. 93]. При таком значительном контингенте учащихся медицинская помощь требовалась на постоянной основе, и Н.Г. Рачинский ее оказывал, причем безвозмездно: по словам смотрителя училища, тот «с всегдашнею готовностью принимает у себя на дому болевающих воспитанников училища и посещает больных на их квартирах, без всякого вознаграждения» [5, л. 6]. При этом есть свидетельства, что арзамасский врач бесплатно лечил и других горожан – в работе Н.М. Щеголькова зафиксирован подобный факт в отношении соборного протоиерея Стефана Пименова [20, с. 239].

Во второй половине 1860-х гг. встал вопрос о создании при училище больницы, ведущая роль в организации которой принадлежала Н.Г. Рачинскому. Состоявшийся летом 1867 г. в Нижнем Новгороде съезд благочинных просил арзамасского городского врача до окончательного обустройства больницы «посещать больных учеников в их квартирах, а городскую аптеку – отпускать лекарства по возможно дешевым ценам» [17, с. 847]. Основная сложность была связана с отсутствием пригодного помещения. Сначала под больницу предполагалось отвести деревянный флигель из-под бани, но, очевидно, он не слишком подходил в таком качестве. Оптимальным выходом из положения была покупка дома, где можно было разместить не только больницу, но и общежитие для воспитанников, но столь крупное приобретение правление училища не могло осилить в одиночку. На втором съезде депутатов Арзамасского училищного округа (сентябрь 1868 г.) вопрос об изыскании необходимых средств рассматривался, и было решено проводить постоянную подписку: благочинные должны были обеспечивать ежегодно по 2 рубля 50 копеек с причта и не менее 1 рубля от кошелькового сбора [4, л. 4–5], который представлял собой пожертвования прихожан.

О том, какие трудности приходилось испытывать врачу в условиях отсутствия больницы, можно судить по отчету, составленному помощником смотрителя духовного училища. Там приводятся общие сведения по заболевшим за первую треть 1869–1870 учебного года – таковых насчитывалось крайне много, до 145 человек, из которых у 63 наблюдалась горячка [7, л. 6–7]. Поскольку квартиры, где проживали требовавшие медицинского ухода ученики, были разбросаны по разным концам города, то доктору приходилось отыскивать их по адресам, не всегда точным, так что порой визит к больному откладывался [7, л. 7]. Тем не менее Н.Г. Рачинский продолжал лечить воспитанников училища, и делал это бесплатно.

В конечном итоге училищная больница все же была обустроена в 1871 г. – в пристройке при церкви Рождества Пресвятой Богородицы Спасо-Преображенского монастыря. Заведовать больницей, разумеется, стал Н.Г. Рачинский, и представление о его деятельности в этом качестве дают отчеты, которые он составлял для правления училища. За 1873 г. поступило 40 больных, из которых 2 скончались; также были ученики, получавшие амбулаторное лечение – таковых

набралось 73 человека [8, л. 3]. Причины госпитализации были различны – от обморожений до перемежающейся лихорадки, причем фиксировались и тяжелые заболевания, включая оспу и ревматизм, от которых умерли два ученика [8, л. 4]. Больница включала в себя две палаты – на 4 и 6 коек, и, судя по словам Н.Г. Рачинского, условия пребывания были вполне удовлетворительные – больные обеспечивались всем необходимым, в том числе и питанием. При этом, в отличие от смотрителя больницы и служителя, получавших жалованье, труд врача не оплачивался [8, л. 6].

Заметное повышение качества медицинской помощи положительно сказалось на состоянии здоровья учеников училища, и отчет за первую половину 1874 г. обнаруживает позитивную динамику. Число госпитализаций составило всего лишь 15, причем не было зафиксировано ни одного летального исхода; также 50 человек находились на амбулаторном лечении [8, л. 10]. Сократился и список диагностированных заболеваний, хотя среди них были случаи перемежающейся лихорадки. Особую опасность представляла в то время оспа, и для предупреждения заражения ею Н.Г. Рачинский практиковал прививки – из учеников не заболел никто [8, л. 11].

Училищный смотритель архимандрит Макарий, ходатайствуя о награждении арзамасского городского врача, подчеркивал, что, хотя тот имел жалованье от города (200 рублей в год), от училища ничего не получал – при том, что на собственные средства устроил при больнице небольшую аптеку, для которой существовал особый шкаф. Отмечается и почти полное отсутствие смертных случаев – два за последние 7 лет [9, л. 12]: специальное указание на данное обстоятельство позволяет предполагать, что ранее подобное происходило чаще.

Сохранились следы благотворительной деятельности Н.Г. Рачинского и в других формах. Так, в 1874–1875 гг. он упоминается среди жертвователей на Нижегородский епархиальный детский приют [14, с. 407], а также в пользу братства Св. Креста [15, с. 427], которое занималось преимущественно миссионерской работой среди старообрядцев и «других заблуждающихся» [1, с. 195–196]. Не был он чужд и общественной деятельности: в 1871 г. Николай Гаврилович стал членом Арзамасской городской думы, избранной, согласно новому Городовому Положению, на четырехлетний срок [11, с. 84–85].

В 1875 г. Н.Г. Рачинский продолжал сотрудничать с Арзамасским духовным училищем, состоя врачом при училищной больнице [13, с. 159]. Последняя обязана была своим развитием и еще одному благотворителю – купцу Сергею Николаевичу Бебешину, ежегодно жертвовавшему на нее по 150 рублей [13, с. 159]. Дальнейшие упоминания об Н.Г. Рачинском в сохранившихся документах Арзамасского духовного училища отсутствуют, и не позднее, чем с 1877 г. заниматься больницей стал другой врач – Тархов.

Таким образом, Николай Гаврилович Рачинский внес большой вклад в развитие Арзамасского духовного училища – на протяжении четверти века он оказывал ученикам медицинскую помощь, делая это, по сути, на благотворительной основе, и именно благодаря его стараниям стало возможным открытие и функционирование при училище больницы в первой половине 1870-х гг.

Источники и литература

1. Архипова Н.Е. Миссионерское братство Святого Креста в Нижегородской епархии в 1875–1916 годах // Научный диалог. 2019. № 1. С. 194–208.
2. Бирюкова А.Б. Медицинские кадры в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам поволжских губерний) // Манускрипт. 2016. № 6-2 (68). С. 41–46.
3. Ведомость о духовно-учебных заведениях в Нижегородской епархии, не подведомых Министерству народного просвещения, за 1856/[5]7 учебный год // Учебные заведения г. Арзамаса в XIX – начале XX века: сборник документов. Н. Новгород, 2021. С. 92–94.
4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАО, г. Арзамас). Ф. 26. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21.
8. ГАО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 74.
9. ГАО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 77.
10. Деммени М. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Вып. 3. СПб., 1887. 620 с.
11. Исаков А.А., Пичугина Е.А. Попечительство в профессиональном образовании Арзамаса второй половины XIX – начала XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас, 2020. С. 89–95.
12. История Арзамасского края: коллективная монография / отв. ред. О.В. Ефимов, Г.И. Родина. Арзамас. Саров: Интерконтакт, 2022. 445 с.
13. Отчет о состоянии Арзамасского духовного училища в учебно-воспитательном и нравственно-религиозном отношении за 1874/[7]5 учебно-годовой курс // Учебные заведения г. Арзамаса в XIX – начале XX века: сборник документов. Н. Новгород, 2021. С. 158–163.

14. Пожертвования в основной капитал Нижегородского епархиального детского приюта // Нижегородские епархиальные ведомости. 1874. № 16. Часть официальная. С. 406–408.

15. Пожертвования в пользу братства Св. Креста // Нижегородские епархиальные ведомости. 1875. № 20. Часть официальная. С. 426–428.

16. Потороева И.Г. Учебные заведения города Арзамаса в XVIII – начале XX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников II Региональной научно-практической конференции (11 февраля 2021 г.). Арзамас, 2021. С. 71–79.

17. Преобразование духовно-учебных заведений Нижегородской епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1867. № 24. Часть неофициальная. С. 815–875.

18. Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 6–19.

19. Ширяева С.В. Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 4. С. 34–43.

20. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. Ярославль, 1992. 281 с.

ДОМ ГЕНЕБАРТА. ИСТОРИЯ ДОМА И СЕМЬИ

Казнина Татьяна Венедиктовна

Муниципальное бюджетное учреждение культуры – литературно-мемориальный музей А. П. Гайдара, старший научный сотрудник

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, e-mail: arzgaidar@mail.ru

Некогда на месте, где ныне расположился отель-ресторан «Реавиль», стоял двухэтажный обширный каменный дом. Одним из владельцев этого особняка был московский мещанин Алексеевской слободы Василий Францевич Генебарт (1833 – 1890). На первом этаже хозяин открыл небольшое кондитерское заведение и булочную. Уже через несколько лет кондитерская славилась нугой и карамелью, которые готовили из сока яблок собственного сада, а полакомиться арзамасской карамелью приезжали жители других городов. Дом Генебарта тихо и незаметно ушел в небытие, унося с собой тайны его жителей. Статья приоткрывает завесу тайны над историей дома и судьбой его обитателей.

Ключевые слова: дом Генебарта; кондитерская Генебарта в Арзамасе; арзамасская карамель.

Некогда на месте, где ныне расположился отель-ресторан «Реавиль», стоял двухэтажный обширный каменный дом, который был построен после большого пожара 1879 г. Об этом доме и его обитателях многие арзамасцы слышали, но мало кто видел своими глазами – это так называемый «дом Генебарта». Название

«дом Генебарта» так же условно, как и названия других домов в Арзамасе, например «Будылинские», «Панютина», «Ханыкова» и др. Это связано с фамилиями людей, живших или владевших ими.

Одним из владельцев этого особняка, что на ул. Сальникова (К. Маркса), был московский мещанин Алексеевской слободы Василий Францевич Генебарт (1833–1890), который, овдовев, перебрался в конце 1860-х гг. на жительство в город Арзамас. Согласно раскладочной ведомости налога с недвижимого имущества за 1869 г., Василий Францевич Генебарт приобрел за 400 рублей деревянный двухэтажный дом с надворными строениями и садом на улице Большой, ныне ул. Коммунистов, недалеко от церкви Благовещенья [3, д. 490, л. 142]. Вскоре Генебарт решился на второй брак. По совету друзей он посватался к Елизавете Федоровне Содовниковой, дочери бывшего дворового человека господина Бетлинга из села Ознобишино, Ичаловской волости Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Невеста была молода и хороша собой, ей тогда едва минуло пятнадцать лет. Еще шесть лет тому назад, в 1863 г., ее старшая сестра Евгения Федоровна вышла замуж за временнообязанного графини А.Г. Толстой Николая Николаевича Сажина, давнего знакомого Генебарта, с которым он познакомился в Москве. Там Сажин со своим двоюродным братом Николаем Андреевичем Козиным постигали азы фотографии.

Венчание В.Ф. Генебарта и Е.Ф. Содовниковой состоялось в Спасском приходе города Арзамаса 9 мая 1869 г. Поручителями со стороны жениха выступили Губернский секретарь Аполлон Васильевич N и нижегородский мещанин Николай Андреевич Козин. Со стороны невесты: нижегородский мещанин Николай Николаевич Сажин и арзамасский мещанин Николай Иванович Бочков [8, д. 2, л. 48].

Молодая семья поселилась в собственном доме на улице Большой. В марте 1870 г. у них родился первенец, нареченный Сергеем. Его воспитателями стали: Ливенский мещанин Петр Николаевич Николаев и арзамасской округи села Водоватова крестьянская дочь Анна Павловна Целоухова. Таинство крещения совершили священник Иоанн Малиновский и дьякон Иосиф Чистопольский [8, д. 2, л. 68]. Через три месяца младенца не стало. В эту пору семейство Генебаров уже было приписано к Спасскому приходу города Арзамаса. Согласно духовным росписям, в доме у Генебарта проживала его

теща Екатерина Васильевна Сахарова с дочерьми Екатериной и Александрой [8, д. 41, л. 3]. Прошло несколько лет. Семья Генебарта с каждым годом увеличивалась, поэтому Василий Францевич принял решение о приобретении нового дома. В середине 1870-х гг. глава семьи купил у сына провизора Виктора Викторовича Флейшер большой деревянный двухэтажный дом с надворными строениями и садом [1, д. 18, л. 12]. В 1878 г. Генебарт попросил разрешения Городской управы на строительство около дома нового сарая и забора со стороны соседа Емельянова [1, д. 120, л. 80]. Но 14 сентября 1879 г. случился большой пожар в верхней части города Арзамаса, который уничтожил недавно купленный дом Генебарта. На месте сгоревшего дома Василий Францевич построил новый двухэтажный каменный дом о двенадцати комнатах [11, д. 65, л. 70]. Вскоре Генебарт со всеми чадами и домочадцами перебрался в большой дом на ул. Сальникова, где на первом этаже открыл небольшое кондитерское заведение и булочную. Уже через несколько лет кондитерская славилась прекрасной нугой и карамелью, которые готовили из сока яблок собственного сада. Все сладости Генебарты изготавливали в небольшой мастерской по производству кондитерских изделий. Со временем она превратилось в одну из лучших кондитерских Арзамаса и приносила большой семье устойчивый доход. Местные жители по достоинству оценили изысканный вкус лакомств Генебаров, а умеренность цен привлекала не только арзамасцев, но и жителей других городов. К тому же, кроме *карамели*, *они предлагали своим покупателям* пироги с черникой и орехами да французские булочки, которые были не хуже московских, как вспоминали современники. А для арзамасской детворы у Генебарта можно было купить и детские игрушки. Любила бывать в этой кондитерской и молодежь. Поскольку по соседству на Сальникова находилась Екатерининская женская гимназия, то юные гимназистки, нередко забегали в кондитерскую, чтобы выпить чашечку чая или кофе с пирожным. А по зиме гуляющая по улице Сальникова публика лакомилась горячими булочками, которые поспевали к шести вечера. Писатель Борис Садовской вспоминал: «В Арзамас мы ездили только купить нуги... К родительским именинам, 30 августа и 10 марта, заказывался в Арзамасе ореховый торт в кондитерской Генебарта. Кондитерская эта славилась душистой нежной нугой. Стоила она всего 30 копеек фунт, розовая и белая с фисташ-

ками. Когда провели железную дорогу, нуга вздорожала и продавалась уже за полтинник; потом дошло до рубля за фунт» [12, с. 121]. А вот как о кондитерской вспоминал арзамасский краевед А.С. Потехин: «Продукция генебартовской кондитерской очень славилась, особенно нуга и карамель, которую пудами закупал сановник Нейгарт, зять которого П.А. Столыпин был не против такого угощения. Владельцам кондитерской неоднократно предлагали расширить производство фруктовой карамели и поставлять ее в другие города, но они ограничились торговлей в пределах Арзамаса» [10, д. 2. с. 32].

В гостеприимном доме Генебарта всегда было многолюдно и весело. По праздникам там можно было видеть семейство Сажиных. Николай Николаевич и Евгения Федоровна с детьми Николаем, Леонидом, Верой, Анатолием и Александром часто заходили навестить своих близких родственников. Заглядывал на чай и художник Александр Васильевич Шмидт, с которым Василий Францевич был дружен. Проведать своих крестников приходили и коллежский регистратор Александр Ефимович Венский с супругой Верой Николаевной, Анна Павловна Целоухова и другие гости.

В 1890 году в возрасте пятидесяти семи лет ушел из жизни глава семьи – Василий Францевич Генебарт [8, д. 5, тл. 29-об]. А кондитерское дело продолжила его вдова Елизавета Федоровна со своими младшими сестрами Екатериной и Александрой Сахаровыми, жившими в то время в их доме. Она не просто справилась с семейным производством, но и воплотила в жизнь намерения покойного мужа, мечтавшего открыть в доме фотокабинет. Большую помощь в создании фотокабинета ей, скорее всего, оказывала сестра Евгения Федоровна Сажина, которая после смерти мужа возглавила первое в истории города фотоателье.

В счастливом браке у Василия Францевича и Елизаветы Федоровны Генебарт родилось семеро детей: Ольга, Зинаида, Надежда, Вера, Любовь, Сергей и Василий. Их судьбы сложились по-разному.

В марте 1871 года у Генебартов родилась старшая дочь Ольга. Ее восприемниками стали арзамасский фотограф Николай Николаевич Сажин и арзамасской округи села Водоватова крестьянская дочь девица Анна Павловна Целоухова. Таинство крещения совершил священник Иоанн Малиновский [8, д. 2, л. 79]. Когда девочка под-

росла, ее отдали в Арзамасскую Екатерининскую женскую прогимназию, окончив полный курс которой она получила аттестат об образовании [8, д. 5].

Скорее всего, еще при жизни отца Ольгу Васильевну выдали замуж за богатого арзамасского купца Алипия Васильевича Нестерова. Муж был старше Ольги на несколько лет. В то время большая часть браков в купеческой среде была по расчету, чтобы объединить капиталы и укрепить деловые связи. В Арзамасе за Нестеровым числилось много недвижимости и лесное имение в Муромских лесах и в Гостином ряду – торгово-промышленное заведение. Одно время Алипий Васильевич был Распорядителем (директором) Арзамасского ломбарда, был и попечителем приюта. С молодой женой купец поселился на ул. Большой (Коммунистов). От брака с Ольгой Генебарт 10 июня 1902 года у него родился сын Владимир, который учился в Арзамасском реальном училище вместе с Аркадием Голиковым [7, д. 27, л. 203]. Старшего сына Бориса от первого брака Алипий Васильевич отправил учиться в московскую гимназию. По окончании учебного заведения тот поступил в Московский университет на медицинский факультет. В Арзамасе молодой человек бывал редко. Получив диплом, Борис Нестеров женился на молоденькой сироте, наследнице имущества в 2000000 рублей. Жил в Москве и довольно часто выезжал с женой за границу. Во время Гражданской войны был ранен и потерял ногу. В 1920-х годах в Арзамасе заведовал уездным отделом здравоохранения, позднее переехал в Нижний Новгород [10, д. 1. с. 19].

Через год после рождения Ольги у Генебартов появилась на свет дочь Зинаида (1872–1892). Таинство крещения совершил 10 октября 1872 г. священник Иоанн Малиновский с дьяконом Василием Яхонтовым. Восприемниками стали нижегородский мещанин Николай Николаевич Сажин и арзамасской округи села Водоватова крестьянская дочь Анна Павловна Целоухова [8, д. 2, л. 143]. Прошло несколько лет, и Зинаиду отправили учиться в женскую прогимназию. Ее родители хорошо знали цену образованию. В 1887 г. дочь получила аттестат об окончании учебного заведения [6, д. 130]. Время шло... Зинаида превратилась в красивую белокурую девушку с большими и ясными глазами. Вскоре к ней посватался купеческий сын Николай Иванович Муравин. 19 января 1892 г. в Благовещенском храме состоялось венчание дочери купца второй

гильдии Зинаиды Васильевны Генебарт и купеческого сына Николая Ивановича Муравина [4, д. 4, л. 68]. Он вместе с отцом занимался торговлей мануфактурой. По воспоминаниям современников, был умным и весьма деловым человеком. Этот брак был счастливым, молодые очень любили друг друга. Вскоре после свадьбы семья переехала в Москву, где купец Муравин приобрел большой дом на Садово-Каретной улице. В декабре 1892 г. у них родилась дочь Софья. Но «Зинаида Васильевна перенесла послеродовое заболевание. К Рождеству она оправилась, а на Святках много веселилась “в среде купеческой молодежи” в результате сильно простудилась и вскоре умерла» [9, д. 38, л. 62].

Прошло еще два года, и в семействе Генебартов произошло пополнение – родилась дочь Надежда (1874–1940). 8 августа 1874 г. священник Спасского прихода Иоанн Малиновский в метрической книге сделал запись о рождении и крещении младенца женского пола Надежды Генебарт и ее родителей, Московской губернии Алексеевской слободы мещанине Василии Францевиче Генебарте и его законной супруге Елизавете Федоровне. Восприемниками стали Екатерина Васильевна Сахарова и нижегородский мещанин Николай Николаевич Сажин [8, д. 2, л. 213]. В будущем Надежда Васильевна блестяще окончила Екатерининскую женскую прогимназию и стала учительницей [6, д. 146]. В 1908 г. в храме Спасского прихода состоялось венчание дочери купца второй гильдии Василия Францевича Генебарт Надежды Васильевны и сына действительного статского советника Михаила Ивановича Степанова – студента юридического факультета Московского университета Александра Михайловича. Поручителем со стороны жениха стал Статский советник Федор Владимирович Софронов, со стороны невесты – судья Сергей Васильевич Генебарт [8, д. 104, л. 94]. По окончании юридического факультета Московского университета А.М. Степанов работал земским начальником в Арзамасе. В 1918 г. он был арестован за контрреволюцию, а через месяц амнистирован. Вскоре семья Степановых переехала в Москву, где Александр Михайлович работал адвокатом. Детей у них не было.

25 декабря 1875 г. Елизавета Федоровна Генебарт родила младенцев женского пола Веру и Любовь. Таинство крещения состоялось в церкви Спасского прихода. Крещение новорожденных было для членов семьи Генебарт настоящим праздником. Как водится,

младенцам выбрали крестных родителей. Ими стали бабушка со стороны матери Екатерина Васильевна и ее дочь Екатерина Федоровна Сахаровы, арзамасский художник Александр Васильевич Шмидт и коллежский регистратор Александр Ефимович Венский [8, д. 3, л. 12]. Близнецы Вера и Люба были красивыми светловолосыми с нежными чертами лица девочками. Вот только судьба приготовила им короткую жизнь. Документов об окончании ими какого-либо учебного заведения не найдено.

Вера Васильевна Генебарт замуж не выходила. Ее не стало в двадцать шесть лет в 1902 г. Похоронили ее на Всехсвятском кладбище рядом с отцом. Любовь Васильевна Генебарт вышла замуж за коллежского асессора Григория Ивановича Боярчука, который преподавал в арзамасском духовном училище [2, д. 152, л. 42-45]. В декабре 1904 г. Любовь Васильевна сильно простудилась, и в возрасте двадцати девяти лет ушла из жизни. Похоронена на Всехсвятском кладбище [5, д. 3, л. 148-149]. От этого брака остался сын, которого воспитывала бабушка Елизавета Федоровна Сахарова. Его дальнейшая судьба неизвестна.

В июне 1877 г. в семье родился долгожданный сын. Наречен он был в честь родственника Сергея Генебарта, московского священника. Таинство крещения совершил священник Спасского прихода Яхонтов. Восприемниками стали арзамасский мещанин Александр Васильевич Шмидт и арзамасская вдовая мещанка Екатерина Васильевна Сахарова [8, д. 3, л. 23]. Как известно, когда крестят мальчика, то важно, чтобы именно крестный отец не подводил. Поэтому Василий Францевич выбрал в крестные своего друга, художника и иконописца А.В. Шмидта. К сожалению, его не стало в 1886 г. Когда Сергей Генебарт подрос, то родители задумались, куда отправить его учиться. Василий Францевич настаивал, чтобы его старший сын стал священнослужителем, но Елизавета Федоровна хотела, чтобы ее сын учился в гимназии. Вышло так, как желал отец. Сергея Генебарта отправили учиться в Нижний Новгород в духовную семинарию. По окончании семинарии Сергей поступил на юридический факультет Тартуского (Дерптского) университета. Это был единственный университет в России, который принимал семинаристов. В 1906 г. по окончании университета он вернулся на родину. Женился на NN. От этого брака было трое детей Сергей (1918), Ва-

дим (1912) и дочь Н. До революции 1917 г. Сергей Васильевич работал судебным следователем окружного суда в Ардатове, Лукоянове, Воскресенске и на Ветлуге. В советскую пору был юрисконсультom на арзамасской войлочной фабрике им. Буденного. В 1931 г. был арестован первый раз за контрреволюционную пропаганду. Через два месяца был освобожден. Прошло всего шесть лет, и 6 ноября 1937 г. он был арестован во второй раз и приговорен тройкой за контрреволюционную агитацию к высшей мере наказания – расстрелу. Расстрелян 2 декабря 1937 г. Реабилитирован посмертно. Один из сыновей С. В. Генебарта – Сергей Сергеевич – в 1956 г. эмигрировал в США. Поселился с семьей в предместье Нью-Йорка, в 18-ти милях от центра Манхэттена. Вадим Сергеевич Генебарт погиб в 1942 г. под Москвой. По воспоминаниям близких родственников, дочь С.В. Генебарта жила в Москве.

Через три года, в июле 1880 г., на свет появился младенец, нареченный в честь отца Василием. Его крестными стали Александр Васильевич Шмидт и мещанская девица Александра Федоровна Сахарова [8, д. 3, л. 188]. В десять лет Василия отправили учиться в Нижегородскую гимназию, по окончании которой Генебарт поступил на юридический факультет Московского университета. Позднее служил в судебных органах. Василий Васильевич был очень талантливым человеком, обладал красивым тенором. Его приглашали петь в Большой театр, но родные не одобрили этого решения. Зато в Арзамасе на сцене общественного собрания часто устраивались концерты с участием Василия Генебарта. В 1912 г. В.В. Генебарт женился на дочери арзамасского купца Ивана Ивановича Потехина Софье Ивановне. Венчание состоялось в Спасском приходе 11 июля 1912 г. В метрической книге священник записал: «Жених – ст. кандидат на судейскую должность при Нижегородском окружном суде Коллежский секретарь Василий Васильевич Генебарт, православный, живет в Нижнем Новгороде. Невеста – дочь Ивана Ивановича Потехина, купца второй гильдии города Арзамаса, Софья Ивановна. Жениху было 29 лет, невесте 20 лет» [8, д. 211, л. 107]. В этом браке родилось двое детей: дочь Ольга и сын Василий. В 1920-х В.В. Генебарт работал секретарем в школе им. А.С. Пушкина в Арзамасе. Его дочь Ольга Васильевна Генебарт

вышла замуж за Сергея Федоровича Муравина. Сын Василий Васильевич Генебарт женился на Ольге Ивановне Кузьминой. Во время Великой Отечественной войны служил в эвакогоспитале № 2823 в Арзамасе. В 1944 г. в семье родилась дочь Ольга. После войны семья Генебарта переехала из Арзамаса в Новгородскую область, город Боровичи. Ольга Ивановна устроилась на работу в педучилище преподавателем пения и музыки. Их дочь Ольга Васильевна Генебарт окончила музыкальное училище им. Гнесиных по классу фортепиано и Государственный музыкально-педагогический институт. Живет и работает в Тамбове, где возглавляет кафедру истории и теории музыки в музыкально-педагогическом институте им. С.В. Рахманинова.

Пролетели десятилетия и в конце XX в. Старинный дом Генебарта тихо и незаметно ушел в небытие, унося с собой тайны его жителей. А потомки его обитателей ныне живут в разных городах нашей необъятной страны.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАО, г. Арзамас). Ф. 23. Оп. 2.
2. ГАО. Ф. 26. Оп. 1.
3. ГАО. Ф. 33. Оп. 1.
4. ГАО. Ф. 64. Оп. 2.
5. ГАО. Ф. 65. Оп. 2.
6. ГАО. Ф. 118. Оп. 1.
7. ГАО. Ф. 143. Оп. 1.
8. ГАО. Ф. 211. Оп. 1.
9. ГАО. Ф. 3004. Оп. 1.
10. ГАО. Ф. 3271. Оп. 1.
11. ГАО. Ф. Р-432. Оп. 1.
12. Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. I. М., 1994. С. 106–183.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КАРАМЗИНА (УРОЖДЕННАЯ КНЯГИНЯ ОБОЛЕНСКАЯ)

Пакишина Наталья Алексеевна

Арзамасский политехнический институт

Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева,
к.т.н., доцент

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Nataliapakshina@mail.ru

В статье рассказывается о бывшей фрейлине императрицы Александры Федоровны – Наталье Васильевне Карамзиной (урожд. кн. Оболенской). Она появилась в усадьбе Рогожка, что в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, в середине XIX века и прожила там всю свою жизнь. Став женой среднего сына историкографа Н.М. Карамзина Александра Николаевича, она поддерживала мужа во всех его начинаниях и активно занималась благотворительностью, а также вопросами образования и просвещения. Целью данной работы было исследование ее малоизученной биографии и рассказ об этой замечательной женщине.

Ключевые слова: Рогожка; попечительство; благотворительность; Нижегородская губерния; XIX век.

Для большинства жителей юго-запада Нижегородской области имя Натальи Васильевны Карамзиной тесно связано с Первомайском и металлургическим заводом, некогда там построенным ее мужем. В честь нее Натальи (уменьшительное Наташа, Таша) Васильевны Ташинским названо было и металлургическое предприятие, и одноименный населенный пункт, где он расположен. Ведь, прежде всего, на ее приданое, и было построено это предприятие [8, с. 46]. Переименование в Первомайск произошло в 1951 году, а до этого практически столетие поселок назывался Ташино.

Бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны – Наталья Васильевна Карамзина (урожд. кн. Оболенская) приехала в Нижегородскую губернию, когда стала женой среднего сына историкографа Н.М. Карамзина Александра Николаевича. Невеста доводилась Александру Николаевичу, пусть дальней, но родственницей. Наталья Васильевна вышла замуж за сына своей троюродной сестры Екатерины Андреевны Карамзиной. Тем более, что ее свекровь Е.А. Карамзина какое-то время воспитывалась в одной семье с отцом Натальи Василием Петровичем Оболенским, к тому же они были ровесниками, т.к. оба родились в 1780 году.

Отец Натальи Васильевны – генерал-майор русской армии в эпоху наполеоновских войн. Он – кавалер отечественных и иностранных орденов, обладатель таких наград как орден Св. Георгия 4-го класса и золотой сабли «За храбрость». Его портрет Дж. Доу мы можем видеть в Военной галерее Зимнего Дворца.

Наталья Васильевна (*приложение № 5, илл. 1*) была младшей дочерью в семье, она получила домашнее воспитание, а если подробнее «*росла в Москве при рано овдовевшей, обожаемой всеми детьми матери княгине Екатерине Александровне... .. Училась, конечно, дома, с гувернанткой*» [10, с. 327].

С будущим супругом Наталья встретился и ближе познакомилась в Москве, где Александр Карамзин был проездом и зашел в дом Оболенских повидаться с членами семейства. Впрочем, познакомился не совсем верное слово поскольку *«он часто видел ее и раньше, будучи дружен с ее братьями, но тогда она казалась ему веселой, оживленной – но почти девочкой»*. На этот раз взглянул на нее совсем иначе. И вот когда А.Н. Карамзин очередной раз появился в Петербурге и встретился с Наташей, дело было решено, и состоялась их свадьба.

Венчались они 12 июня 1850 года в Москве в храме Успения Пресвятой Богородицы на Малой Дмитровке (*приложение № 5, илл. 2*). Их поручительницами стали, во-первых, матери каждого из них, а также поручителями по жениху: кн. С.В. Мещерская и кн. И.В. Мещерский, а по невесте: кн. А.В. Оболенский и кн. Б.В. Мещерский [17, д. 2732, л. 62].

Наталья Васильевна приехала в Макателемский Усад (позже Рогожку) в 1850 году и прожила здесь до смерти. Ее муж построил и 30 июля 1853 года запустил металлургическое предприятие. Начался выпуск гирь, сковородок, утятниц и чугунков. В первые годы производились также дверцы к печам, вьюшки и конфорки. Продукция завода была очень хорошего качества, и товар имел спрос и раскупался практически здесь же. Место для завода было выбрано на берегу речки Умочь в середине участка разведанного месторождения руды [13, с. 6, 7].

Но вскоре началась Крымская или Восточная, как ее чаще называли, война. В современных интернет-источниках об участии Александра Николаевича Карамзина и его супруги Наталья Васильевны в Крымской кампании самой распространенной являются следующая версия: *«В 1853 году Александр Карамзин собирает ополчение для Крымской войны и уходит в район боевых действий вместе с женой. Наталья Васильевна была сестрой милосердия»*.

В ней заложено явное противоречие. Если супруги отправились на войну в 1853 году, то не с ополчением, а сами по себе, что в принципе могло иметь место, если же с ополчением, то это произошло летом 1855 года, а никак не в 1853 году. Ведь только перед самой кончиной императора Николая I, вышел его «Высочайший манифест» (1 февраля 1855 года) о формировании государственного подвижного ополчения [4].

Чтобы уточнить, какого же было участие супругов Александра Николаевича и Натальи Васильевны Карамзиных в этой войне, пришлось обратиться не только к общеизвестным опубликованным материалам, но и архивным документам и прежде всего к фонду «Ардатовская дружина № 162 государственного подвижного ополчения» Центрального архива Нижегородской области. Там было найдено немало документов, в которых мы можем встретить фамилию Карамзин [16, д. 5]. Александр Николаевич был утвержден командиром 1 роты и вступил с дружиной в поход 22 июня 1855 года [11, д. 117, л. 85]. Летом 1856 года ратники 162 Ардатовской дружины ополчения вернулись в родные края. Сам Карамзин прибыл в Ардатов 18 июня [9, с. 12].

К сожалению, каких-либо записей об участии бывшей фрейлины Натальи Васильевны Карамзиной в качестве медицинской сестры в архивных документах пока обнаружить не удалось. В воспоминаниях родственников об этом говорится: *«Она решилась поступать в число сестер милосердия, которые впервые тогда, но уже так самоотверженно действовали среди наших раненых солдат-страдальцев»* [10, с. 335]. Она принимала посильное участие в этом трудном походе как частное лицо? Возможно, но, пока у нас нет ни опровержения тому, ни подтверждения.

Все знавшие ее люди отмечают, что Наталья Васильевна подерживала своего мужа во всех его делах. Приведем высказывание родственницы: *«Всецело предалась она ведению и развитию всех начинаний своего мужа, но о практической стороне дела она вначале не имела никакого понятия»* [10, с. 334].

Своих детей у супругов Карамзиных не было, но они принимали деятельное участие в судьбе многих своих родственников, и прежде всего племянниц Марии и Ольги. Напомним, что это были незаконные дочери Андрея Николаевича Карамзина. В их гостеприимном доме нашли приют и осиротевшие двоюродные племянники Александра Николаевича – Александр и Николай Карамзины. Бывали там и племянники Натальи Васильевны Алексей и Зоя Оболенские.

Какой современникам запомнилась Наталья Васильевна? Не столь много сохранилось ее фотографических портретов, а вот словесных описаний, как внешности, так и характера можно привести немало.

Ее племянница (дочь сестры Софьи Васильевны Мещерской), жившая там летними месяцами в своих воспоминаниях отметила: *«На вид еще совсем молодая, она была среднего роста, с правильным симпатичным лицом, большими карими глазами и огромной темной косой... ..Наталья Васильевна по характеру своему была порывистая и даже экзальтированная»* [10, с. 333, 334].

А двоюродный племянник мужа Александр Карамзин описывал так: *«...Была княжна Оболенская хороша собой в то время, как я ее помню... ..небольшого росту, шатенка, остренькия черты лица, большие, широко распахнутые выразительныя глаза ...*

Любила этикет, была строга, набожна и аккуратно посещала церковь, но увлекалась и общим молением» [3, с. 186].

Современница Карамзиных жительница Ардатова Таисия Алиппевна Немировская (Ситникова) в своих воспоминаниях так охарактеризовала ее: *«...Наталья Васильевна была настоящая красавица грузинского типа, хотя тогда ей было уже за 50. А глаза – это что-то очаровательное: черные, овальной формы, блестящие, а главное – доброта и мягкость этих глаз. Наталья Васильевна была попечительницей Ардаатовской школы, где я преподавала...»* [12].

Но, не только Ардаатовской школе Наталья Васильевна уделяла свое внимание, время и средства. В 1862 году благодаря посредничеству Натальи Васильевны Карамзиной и ее супруга Александра Николаевича в Арзамасе появилось одно из первых женских средних учебных заведений в Нижегородской губернии. Первоначально это было училище II разряда, которое принял под свое покровительство принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

В то время практически при каждом учебном заведении существовал свой попечительский совет – совещательный орган при директоре. Он решал вопросы освобождения от платы за обучение, рассматривал возможность введения дополнительных уроков, согласовывал прием преподавателей. Занимались советы также согласование отчетов о воспитательном и хозяйственном состоянии учебного заведения [2]. А еще Почетный попечитель обычно первым подписывал все ведомости годовых итоговых испытаний.

В сентябре 1864 года Наталья Васильевна Карамзина дала устное согласие стать почетной попечительницей этого учебного заведения. Но, быстро такие дела не делались. Во-первых, ее попросили

«доставить письменный отзыв об ее желании на предмет представления ее к утверждению в должности (через начальника губернии к господину министру народ[ного] просв[ещения]»)» [14, с. 117]. Оказывается, в этот процесс должны быть подключены чиновники очень высокого ранга.

Наконец, 13 января 1865 года из Арзамаса в губернский город было отправлено письмо под названием «Сообщение штатного смотрителя арзамасских училищ А.И. Раевского директору народных училищ Нижегородской губернии К.И. Садокову об избрании попечительницей Арзамасского женского училища 2-го разряда Н.В. Карамзину и разрешении назвать училище Екатерининским в честь дочери принца Ольденбургского».

В этом документе о Карамзиной мы можем прочесть: «Совет избрал, согласно желанию арзамасского общества, попечительницею названного училища жену гвардии поручика Карамзина Наталью Васильевну и представить ее через господина начальника губернии к господину министру народного просвещения на утверждение в должности...

Штатный смотритель Александр Раевский» [15, д. 1064, л. 11, 11 об.].

Располагалось училище в северной части исторического центра города на улице Прогонной (совр. Советская), 21 в угловом доме помещика Федора Ираклиевича Ханыкова, вернее на тот момент он принадлежал его наследникам. Это деревянное здание было построено в первой половине XIX века, крыльцо его обращено на угол, а четыре колонны придают ему монументальность (*приложение № 5, илл. 3*). Строение представляет собой яркий образец деревянного городского особняка эпохи позднего классицизма [1, с. 391].

В доме, состоящем из 14 комнат, имеется также балкон с мезонином, где располагались еще три жилые комнаты. Именно с этим одноэтажным, обшитым тесом домом связана деятельность супругов Карамзиных в Арзамасе в сфере образования, а не с последующими зданиями гимназии, в которые было перемещено это учебное заведение.

И сейчас, «дом с колоннами» обращает на себя внимание всех оказавшихся рядом (*приложение № 5, илл. 4*) и является архитектур-

турной достопримечательностью Арзамаса. В середине – второй половине XIX столетия при доме имелся также одноэтажный деревянный флигель, к настоящему времени, к сожалению, утраченный.

Но не только этот дом в Арзамасе посещала Наталья Васильевна Карамзина со своим супругом. Кроме того, нередко бывали они в главном доме городской усадьбы, расположенной неподалеку, на Верхней набережной, 12. Там в 1860–1870-е годы проживала семья первого председателя земской управы Арзамаса Василия Александровича Хотяинцева [1, с. 140]. Связывали Карамзиных с Хотяинцевыми не только деловые и приятельские отношения. В 1875 году они породнились: двоюродный племянник Александра Николаевича и его полный тезка – Александр Николаевич Карамзин (1850 г.р.) женился на старшей дочери Хотяинцевых Екатерине.

Следует указать, что попечительство предполагало и материальную поддержку учебных заведений. Что касается Арзамасского Екатерининского училища, то нам об этом стало известно из дела «Отчет о состоянии Арзамасского училища за 1869 г.», хранящегося в Центральном архиве Нижегородской области. В качестве временных средств, поступивших в кассу училища, указано:

«1) деньги, жертвуемые попечительницей училища – 150 руб.

...5) жертвуемые г. Карамзиным – 120 руб.»» [15, д. 1064, л. 212].

В 1872 году училище было преобразовано в прогимназию, и тогда же здание на Прогонной улице перешло в собственность города. А в 1901 уже после кончины Карамзиных оно получило статус гимназии [7].

Вопросами образования супруги Карамзины занимались и в своей Рогожке, и в Макателемах, и в Ардатове. Например, старожилы села Большой Макателем вспоминали, что именно Александр Николаевич и Наталья Васильевна добивались, чтобы в школе обучались как мальчики, так девочки. А еще бывшие ученики отмечали: *«Они каждую неделю приходили к нам в школу, посещали уроки, беседовали с нами, интересовались, как мы учимся. После беседы угощали нас конфетами, пряниками. А тем, кто хорошо учился, дарили рубашки, шаровары, другую одежду. Особенно внимательно относились к тем, кто хорошо учился. Они всегда присутствовали на экзаменах... После экзаменов организовали для нас вкусный обед, лучшим ученикам дарили книги» [5].*

Кроме этого, в Рогожке был создан приют на 25 ребятишек разных возрастов, при приюте школа и мастерские, где дети обучались не только грамоте, но и овладели специальностью [6, с. 33].

Наталья Васильевна Карамзина прожила в Рогожке сорок два года и скончалась 9 ноября 1892 года. Ее похоронили рядом с мужем у алтаря Покровской церкви в селе Большой Макателем. К сожалению, их захоронение было разорено, но это требует отдельного рассказа. Сейчас супруги Карамзины перезахоронены на берегу пруда в их бывшем имении (*приложение № 5, илл. 5-8*).

Итак, мы рассмотрели жизнь Ардаатовской помещицы, бывшей фрейлины Натальи Васильевны Карамзиной (урожд. кн. Оболенской). Показали ее активную деятельность в сфере народного образования в Нижегородской губернии.

Источники и литература

1. Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [отв. ред. А.Д. Гельфонд]. Н. Новгород, 2013. 528 с.

2. Из истории благотворительности Нижегородской области // Центральный архив Нижегородской области. URL: <http://www.zsno.ru/ru/obl/16012/16026/> (дата обращения: 23.01.2023).

3. Карамзин А.А. Александр Николаевич и другие. Поколение девятое. Глава из трилогии. «Карамзины. Семейная хроника» // Грани. № 186. 1998. С. 175–194.

4. Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И. Награды Крымской войны 1853–1856 гг./ Наградная медаль. Часть I // Страницы истории. URL: <http://storyo.ru/medal1/69.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

5. Макаров И.И. С. Малый Макателем, Нижегородская губерния // Генеалогический форум ВГД. URL: <https://forum.vgd.ru/post/2339/64662/p3706483.htm> (дата обращения 15.08.2024).

6. Никитина Н.Е. Усадьба Карамзиных Рогожка // Нижегородская коллекция. 2013. №2 (6). С. 32–34.

7. Официальный сайт муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 1 им. М. Горького с углублённым изучением английского языка». URL: <http://arzschool1.ru/%D0%BE-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5/istorija-shkoly/> (дата обращения: 13.08.2024).

8. Пакшина Н.А. Карамзины в память о Карамзиных // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 2. С. 41–50.

9. Пакшина Н.А. Участие сыновей Н.М. Карамзина в Крымской войне 1853–1856 годов // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 7–14.

10. Ребиндер Б.А. Записки эмигранта // Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах,

художественной литературе и фольклоре: сборник / Авт. проекта Ю.А. Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. Арзамас, 2011. 614 с.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1347. Оп. 6.

12. Ситникова-Немировская Т.А. На жизненных перекрестках / ред. Т.В. Кучерова. Н. Новгород, 2022. URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/sitnikova_vospominaniya.pdf (дата обращения 21.08.2024).

13. Суетнов М.И. Вторая молодость старого завода. Очерки истории. 1853–1978. Горький, 1978.

14. Учебные заведения г. Арзамаса в XIX – начале XX века: сборник документов / сост. Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина, И.Г. Потороева. Н. Новгород, 2021. 492 с.

15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 505. Оп. 407.

16. ЦАНО. Ф. 1667. Оп. 1.

17. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2124.

О ВЫБОРАХ В ПЕРВУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В АРЗАМАСЕ ВЕСНОЙ 1906 ГОДА. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пакишина Наталья Алексеевна

Арзамасский политехнический институт

Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева,
к.т.н., доцент

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Nataliapakshina@mail.ru

После того, как правительством России было принято решение созвать Первую Государственную Думу, по всей стране в феврале-марте 1906 года состоялись выборы. На примере уездного города Арзамаса описано, как на местах проходила эта процедура и кто был ее участником. Целью данной работы является исследование избирательной кампании в Арзамасе и введение в научный оборот некоторых неопубликованных ранее документов. Кроме того, обрисована обстановка, сложившаяся в Арзамасском уезде к концу 1905 года.

Ключевые слова: Арзамас; выборы; 1906 год; А.А. Богодуров; Ф.И. Владимирский; Н.М. Щегольков.

Начало XX века в России характеризуется повсеместными аграрными беспорядками, политической нестабильностью и террором, которые коснулись и Нижегородской губернии, и, в частности, города Арзамаса и уезда. В 1905 году в Арзамасском уезде произошли 20 стихийных, а в ряде случаев и подготовленных,

выступлений, из них: 14 порубок леса, 2 поджога помещичьего имущества, 1 выступление против старой власти и 3 политических митинга и демонстрации. В качестве примера приведем участие в октябре 1905 года арзамасских железнодорожников во Всероссийской стачке. В то же время Арзамасский уезд не относился к самым беспокойным в Нижегородской губернии. Для сравнения назовем такие уезды как Васильский (60 выступлений), Нижегородский (47), Княгининский (44). Но и в Арзамасский уезд по ходатайству губернатора для поддержания порядка к началу 1906 года было прислано 50 казаков.

Следует отметить, что арзамасская социал-демократическая группа проводила среди крестьян и рабочих активную агитационную работу. Осень 1905 года характеризовалась также появлением комитетов и филиалов партий – кадетов, торгово-промышленной («Союза 17 октября»), «Союза русского народа» (называемой черной сотней) [6, с. 205, 206]. Как между партиями, так и между отдельными группировками разгоралась нешуточная борьба и соперничество.

Часть помещиков в надежде прекратить или предотвратить крестьянские выступления согласны были уступить часть своих земель крестьянам. Этот вопрос бурно обсуждался на заседаниях земской управы Арзамасского уезда. Среднепоместное дворянство поддержало доклад «О необходимости увеличения крестьянского земельного надела путем принудительного отчуждения земли у крупных землевладельцев». Среди поддержавших были Ф.А. Тархов, Ю.А. Тархов, П.Н. Кутырев и В.А. Богодуров. Крупные арзамасские землевладельцы эту идею категорически отвергли, к ним относятся прежде всего А.А. Хотяинцев, П.А. Панютин и Д.У. Александров [6, с. 207]. Обратим внимание на фамилии этих помещиков, некоторые из их родственников еще встретятся в нашем дальнейшем повествовании.

Правительство России, пытаясь стабилизировать политическую обстановку, решило созвать в конце апреля 1906 года Первую Государственную Думу Российской Империи. До этого, по всей стране в феврале – марте состоялись выборы. Официально всесловное представительство в России было учреждено Манифестом об учреждении Государственной Думы и законом о ее создании. Они были изданы 6 августа 1905 года. В соответствии с этим не все кате-

гории населения могли стать выборщиками, ограничения распространялись на женщин, на молодежь до 25 лет, военнотружущих, а кроме того, были лишены избирательных прав: губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники (во вверенных им территориях) и полицейские (работающие в избирательном округе). На примере уездного города Арзамаса, рассмотрим, как на местах проходила эта процедура, кто, из известных арзамасцев, принял в ней участие. В государственном архиве Нижегородской области в г. Арзамасе (далее ГАО) сохранилось немало документов, относящихся к выборам в Думу I созыва.

На местах за подготовку выборов, в том числе финансовую, отвечали губернаторы. Они выделяли средства на работу избирательных комиссий. Комиссиям же предстояло принимать жалобы, решать спорные моменты и хранить избирательную документацию [8, с. 40].

Исполнявший должность нижегородского губернатора К.П. Фредерикс направил циркуляр городским головам губернии с требованием безотлагательно составить дополнительные списки избирателей. Ведь кампания по выборам в I Государственную думу должна была начаться уже в январе 1906 года [8, с. 44, 45].

Имеется заявление, поступившее в Арзамасскую городскую управу и говорящее о том, что в список избирателей добавлен некий А.А. Богодунов: *«В дополнении к списку лиц, находящихся на службе в Земстве... Просить Городскую Управу внести в список избирателей по выборам Государственную Думу Члена Арзамасской Земской Управы Александра Алавердовича Богодунова*

*Член Управы подпись
Секретарь подпись»* [3, л. 19].

В этом и во всех последующих цитируемых письмах, телеграммах, заявлениях и справках сохраним изначальное, принятое в то время написание, например, имена собственные написаны с заглавной буквы.

Приведем машинописный протокол с перечнем претендентов в выборщики:

«Протокол

1906 года Марта 22 дня по производству выборов в Арзамасском городском Избирательном Съезде составлен настоящий протокол в следующем.

По открытии сегодня заведения в 9 часов утра. Комиссия осмотрела ящик с избирательными записками, нашла его в целости, а равно все находящиеся на нем печати.

Затем, по вскрытии ящика, Комиссия приступила к разборке записок и подсчету голосов согласно ст. 10 приложения к ст. 38 Закона 6 Августа 1905 года, с прочтением записок, признанных Комиссией действительными; при чем оказалось: а) всех вынутых из ящика записок 355; б) всех прочитанных записок 351; в) записок признанных недействительными 4; каковыми они признаны по следующим основаниям: записка № 1 – в виду полной неопределенности – кто предлагается в выборщики, записка №34 – в виду того, что предложенное в выборщики лицо | Егор Иванович Владимирский | в избирательном списке не значится, записка № 153 – тоже | Богоров Александр Аловердович | и записка № 188 – тоже | Богодуров Александр Александрович |; г) признанные действительными записки распределяются так:

	получил	
Дворянин Александр Алавердович Богодуров	194	записки
Арзамасский купец Григорий Григорьевич Кашеев	74	-- // --
Протоирей Федор Иванович Владимирский	33	-- // --
Титулярный Совет. Леонид Леонидович Оболенский	6	-- // --
Действительный Стат. Сов. Иван Алексеевич Смирнов	6	-- // --
Арзамасский купец Александр Николаевич Будылин	5	-- // --
Арзамасский мещанин Николай Михайлович Щегольков	6	-- // --
Арзамасский купец Сергей Иванович Усков	4	-- // --

Таким образом, по большинству голосов оказался избранным в выборщики дворянин Александр Алавердович Богодуров.

Затем избирательные записки и составленные членами Коммисии карточки запечатаны в особые пакеты.

Настоящий протокол в заседании Коммисии оглашен публично. Между строк приписано «получил» [3, л. 138, 138 об.].

Фрагмент подписанного документа можно увидеть в (*приложение № 6, илл. 1*). В состав членов избирательной комиссии Арзамаса входили следующие лица:

- Статский советник Ф.А. Тархов;
- Уездный врач Н.П. Федоров;
- Податный инспектор В.Е. Ахматетьев;

– Податный инспектор Л.А. Оболенский [3, л. 135].

Протокол подписал Городской голова А.И. Бебешин и все члены комиссии (в перечисленном порядке).

Всего в списке стоит 25 потенциальных претендентов. Остальными, имена которых мы не назвали, получено по 1 или 2 записки. Не будь у победителя столь редкая фамилия «Богодуров» и еще более редкое и непривычное отчество «Алавердович», на два голоса было бы больше.

Что поражает в этом документе? Лидировал, многим нашим современниками совсем неизвестный человек – Александр Алавердович Богодуров (*приложение № 6, илл. 2*), в то время как некоторые заслуженные и всем известные люди получили сравнительно немного голосов, такие как, например, Федор Иванович Владимирский и Николай Михайлович Щегольков, набравшие 33 и 6 записок соответственно. Поместим здесь небольшие биографические справки о людях, упомянутых в предыдущем документе.

Рассказ о **Богодурове Александре Алавердовиче** (в ряде документов Алавердиевич) (1873–1952) (*приложение № 6, илл. 2*), начнем с рассмотрения справки, которая приложена в этом же деле:

«Александр Алавердович Богодуров, Член Арзамасской Уездной Земской Управы, из потомственных дворян Нижегородской губернии

1. Возраст – 30 лет.

2. Вероисповедание – Православное.

3. Образование – По окончании полного курса наук в Нижегородском Дворянском институте Императора Александра II, состоял студентом физико-математического факультета Императорского Московского Университета, которому 18 Марта 1899 г. за № 309 выдано ему свидетельство о зачете восьми полугодий на означенном факультете.

Член Арзамасской Земской Управы
Секретарь» [3, л. 153].

Кроме того, в деле приложена анкета Богодурова, в которой представлена более подробная информация о нем. К основным сведениям, указанным в приведенной справке и анкете добавим некоторые менее известные факты.

Александр Алавердовича (в ряде документов встречается Алавердиевич) Богодуров – арзамасский помещик, потомственный

дворянин. Его отец действительный статский советник армянин по происхождению Богодуров Алаверди Ассирбекович скончался в 1897, т.е. задолго до рассматриваемых событий. Мать – правнучка Василия Ивановича Баженова (1737 или 1738 – 1799), знаменитого архитектора, одного из основоположников классицизма в России, вице-президента Петербургской академии художеств.

Александр Богодуров – участник русско-японской войны 1904–1905 годов, служил в районе Харбина. Он являлся владельцем 250 десятин и 1514 сажень земли, полученной, как по наследству от отца, так и прикупленной лично [4, л. 28]. Относился к средним землевладельцам, а по политическим убеждениям, как писал его тесть А.Я. Садовской: *«считает себя левым кадетом и действует, конечно, под влиянием других в этом направлении, читает он только «передовые» газеты...»* [5, с. 306]. Проживал на хуторе, недалеко от села Корино (ныне Шатковский район). Был лично знаком с А.М. Горьким. В этом селе Богодуров организовал библиотеку, часть книг в которую прислал А.М. Горький. А.А. Богодуров на протяжении многих лет жизни вел дневники, откуда мы можем почерпнуть очень интересные факты из его жизни. С детских лет умел играть на рояле. Его увлечение музыкой не было просто данью моде или времяпровождением, это скорее семейная традиция, поскольку его брат Всеволод Алавердиевич стал профессиональным музыкантом, крупным теоретиком вокала [2]. Александр Алавердович был очень разносторонним и интеллигентным человеком и не случайно документальная повесть о нем В.М. Панкратова, так и названа «Исповедь интеллигента» [7].

Александр Богодуров ровно через месяц после этих выборов 21 апреля 1906 года женится дочери известного нижегородского краеведа Александра Яковлевича Садовского – Наталье, и у них родятся четверо детей. 3 декабря 1926 года Александр Алавердиевич Богодуров вместе с семьей будет выселен из имения и, как бывший землевладелец и дворянин в 1929 году лишен политических и гражданских прав. Но все это будет потом.

Кто такой протоирей **Федор Иванович Владимирский** (1843–1932) (*приложение № 6, илл. 3*)? Известный в Арзамасе священник очень много сделал для города. Он еще 1897 году подал записку в Арзамасскую городскую думу о необходимости устройства водопровода. В упрощенном варианте водопровод Владимирского –

это водосбор. Федор Иванович сам нашел родники, очистил их, вывел в одно место. Он собрал деньги на устройство водопровода. Его дочь Маша дала на это благое дело 3100 рублей, Горький – 1000, сам Владимирский потратил 1026 рублей и еще 1240 были получены от разных лиц. И хотя открытие водопровода состоится позже в январе 1912 года, подготовительные работы уже проводились.

Одним из претендентов в выборщики стал **Щегольков Николай Михайлович (1856–1919) (приложение № 6, илл. 4)**. Он – коренный арзамасец, занимавшийся продажей мехов. Щегольков был хорошо известен жителям города, как в начале XX века, так и сейчас. Много сил и энергии Н.М. Щегольков отдавал общественной деятельности, например, с 1903 являлся гласным городской Думы и основал Общество хоругвеносцев в Арзамасе. Являлся почетным гражданином Арзамаса. В 1901 году избран членом Нижегородской учёной архивной комиссии. Несколько десятилетий своей жизни Николай Михайлович посвятил сбору материалов и написанию книги «Исторические сведения о городе Арзамасе», которая вышла в 1911 году и на протяжении более, чем века останется одним из главных источником информации о нашем городе. С 1915 по 1917 год Щегольков являлся Городским головой.

Вернемся к выборам. В тот же день 22 марта 1906 года в 5 часов вечера Городской голова отпрапортовал губернатору телеграммой следующего содержания: *«Выборы городскому избирательному съезду, законченные сегодня прошли полным порядком. Право участвовать в выборах имели 1356 лиц, явились 355»* [3, л. 143].

На избрании А.А. Богодурова дело не закончилось. Вследствие поступления от избирателя городского избирательного собрания Д.В. Хотяинцева жалобы, дальнейшие события приняли неожиданный оборот. Комиссия обратилась в Городскую управу со следующим письмом: *«Комиссия имеет честь просить Городскую Управу безотлагательно уведомить, имеет ли Управа следующие личные сведения о дворянине Александре Алавердовиче Богодурове, внося его в дополнительный список городских избирателей, составленный на основе Высшего Указа от 11 декабря 1905 года об принятии положения о выборах в Государственную Думу именно:*

1) Проживал ли названный г. Богодуров в г. Арзамасе или его уезде в течении последнего года до времени 1 февраля 1906 года?

2) С какого времени г. Богодуров числится на земской службе, получает ли от этой службы содержание и, если получает, то с какого именно времени.

Председатель комиссии:

Секретарь комиссии» [3, л. 146, 146 об.].

Комиссия, рассмотрев справку и анкету А.А. Богодурова, увидела, что он действительно в начале 1905 года находился на военной службе в Харбине, и никак не мог в это время проживать в Арзамасе или уезде и получать содержание на земской службе. Согласно Указу об изменении положения о выборах: *«Предоставить участие в избрании выборщиков в городские избирательные собрания.... ..б) лицам (за исключением нижних служителей и рабочих), не менее года проживающим в пределах города и получающим содержание или пенсию по службе государственной или по службе в земских, городских либо сословных учреждениях или на железных дорогах»* [9]. На это ограничение, видимо по неопытности, не обратили внимания люди, включившие его в список выборщиков. Что было предпринято в сложившейся ситуации? В итоге, на имя Арзамасского Городского головы А.И. Бебешина поступило письмо следующего содержания: *«Г. Арзамасскому Городскому Голове. Комиссия имеет честь уведомить Вас, что жалоба, подписанная Хотяинцевым на неправильное избрание дворянина Александра Алавердовича Богодурова городским избирательным Советом 21 Марта 1906 г. выборщиком в Государственную Думу, Комитет рассмотрел 24 Марта 1906 г. и определил на основании 6 п. 11 ст. Высочайшего Указа 11 дек 1905 г. 4 ст. о Выборах в Государственную Думу 6 Августа 1905 г. отменить произведенные означенные выборы 21 Марта 9 ч. в отношении избранного А.А. Богодурова и подлинное производство препроводить Г. Губернатору...»* [3, л. 151].

Заметим, что подавший жалобу статский советник Дмитрий Васильевич Хотяинцев – потомственный дворянин, занесенный в 6-ю часть родословной книги Нижегородской губернии, относился к крупно-земельным помещикам, владевшим в Арзамасском уезде в 1905 году 467 десятинами земли.

В соответствии с этой жалобой 29 Марта 1906 года господину Городскому голове города Арзамаса А.И. Бебешину было отправлено очередное послание следующего содержания: *«Комиссия уве-*

домляет Вас, что телеграммою господин Нижегородский Губернатор уведомил комиссию о назначении им нового съезда городских избирателей города Арзамаса на 6-е апреля текущего года, на зависящее распоряжение, согласно своего постановления от 29 Марта.

Председатель Комиссии

Член Комиссии» [3, л. 157].

В результате на 6 Апреля 1906 года решено было назначить повторные выборы. Городской голова в свою очередь подготовил следующее объявление:

«Объявление

Арзамасской Городской Управы

... по выборам в Государственную Думу на пятилетие с 1906 г. 6 апр. 1906 г. с 9 часов утра.... Пожаловать в помещение Городской Управы

Городской Голова А.И. Бебешин

Секретарь Ф. Поляков» [3, л. 160].

Уточним, где же конкретно должно было состояться голосование. В третьей четверти XIX столетия в торговом центре Арзамаса построили здание (совр. адрес: Гостиный ряд, 30), где и расположилась Городская дума и управа (*приложение № 6, илл. 5*). В этом большом доме две комнаты были отведены для законодательной и исполнительной власти в городе. Они имели семь окон и вход со стороны улицы. Здесь и проходили выборы в Государственную Думу [1, с. 214].

Было подготовлено и более детальное объявление о том, что выборы будут проходить «6-го Апреля 1906 года от 9 часов утра до 9 часов вечера и еще объявляю о проведении предвыборного собрания «согласно заявленному многими избирателями желанию» [3, л. 165]. Кроме этого, распечатали некоторые статьи инструкций Министерства Внутренних Дел 24 февраля 1906 г, в частности, «О правилах голосования»: «Избирательные записки подаются закрытыми. Закрытие записки делается путем сложения таким образом, чтобы написанное находилось внутри сложенной записки...» [3, л. 166 об.].

Полной ясности о дальнейших действиях у местной власти не было. Они постоянно обменивались телеграммами с губернатором бароном Константином Платоновичем Фредериксом или вице-губер-

натором Александром Федоровичем Свечиным. Например, Городской голова **Алексей Иванович Бебешин** (*приложение № 6, илл. 6*) обратился с вопросом «*Следует ли проводить выборы во вновь назначенный съезд, может ли в нем участвовать Богодуров или съезд отменяется?*» Вскоре 3 апреля 1906 года в 3 часа дня на его имя была получена ответная телеграмма Нижегородского губернатора за № 60801: «*Ввиду утверждения губернской комиссией первоначальных выборов надобности нового съезда шестого Апреля нет. Губернатор Барон*» [3, л. 214]. Арзамасский Городской голова А.И. Бебешин незамедлительно распространил информацию о том, что съезд 6 апреля, так и предварительное собрание 5 апреля сего года, отменяются.

Так проходила избирательная кампания в Первую Государственную Думу в Арзамасе весной 1906 года. Сама идея парламентаризма оставалась еще непонятной для многих жителей страны, что порождало различные курьезы и всевозможные нарушения, связанные с выборами в Государственную думу. Наибольшего успеха в этих выборах достигла Конституционно-демократическая партия (кадеты).

Деятельность Первой Государственной Думы, не принесла ожидаемых результатов, и в июле эта Дума была распущена императором. Но, жители Арзамаса, как, впрочем, и других мест, пройдя через предвыборную и выборную процедуры, приобрели ценный опыт, пригодившийся им в дальнейшем. Хотелось бы отметить, что членом Второй Государственной Думы от Нижегородской губернии, начавшей свою работу 20 февраля 1907 года, стал житель Арзамаса, о котором мы уже рассказали – Федор Иванович Владимирский, придерживающийся конституционно-демократических взглядов.

Источники и литература

1. Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / отв. ред. А.Д. Гельфонд. Н. Новгород, 2013. 528 с.

2. Богодуров Александр Алавердиевич // Сайт «Прожито». URL: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221905-01-01%22&diaries=%5B2299%5D> (дата обращения 16.01.2025).

3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 23. Оп. 1. Д. 337.

4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16.

5. Дневник А.Я. Садовского / сост. В.В. Митрофанов. Н. Новгород, 2022. 388 с.

6. История Арзамасского края: коллективная монография / авт. кол.: О.В. Ефимов, И.В. Грубов, А.Л. Егошин и др., отв. ред. О.В. Ефимов, Г.И. Родина; Администрация г.о.г. Арзамас, Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров, 2022. 445 с.

7. Панкратов В.М. Исповедь интеллигента: документальная повесть. Саров, 2016. 80 с.

8. Селезнёв Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (на примере Нижегородского края): Учебное пособие. Н. Новгород, 2012. 104 с.

9. Указ об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений. 1905 г. // Сайт «Музей истории российских реформ». URL: <http://museumreforms.ru/node/13692> (дата обращения 26.01.2025).

Благодарности

Автор благодарит работников читального зала ГАНО г. Арзамаса за помощь в поиске документов.

О ЖИЗНИ И ТРУДАХ В.И.СНЕЖНЕВСКОГО (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ)

Андреев Олег Евгеньевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры социальной работы, сервиса и туризма
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: andreevov@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о творческом наследии выдающегося исследователя Нижегородской губернской архивной ученой комиссии Виктора Ивановича Снежневского. В свидетельствах ученых, единомышленников представлены сведения о жизни, трудах исследователя. Автором сделан вывод о высокой оценке изысканий В.И. Снежневского в воспоминаниях современников, их влиянии на развитие архивного дела в Нижегородской земле.

Ключевые слова: В.И. Снежневский; труды; биография; воспоминания современников.

Виктор Иванович Снежневский (1861–1907) – по праву выдающийся российский исследователь, археограф и общественный деятель, известный своей активной работой в Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). Он сыграл ключевую роль в сохранении и изучении исторического наследия Нижегородского края, Арзамасской земли. В свете вышеизложенного стоит подчеркнуть значимость публикаций Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), предоставляющих богатый актовый материал, который проливает свет на многие социальные аспекты жизни Нижегородского края и Арзамасской земли.

При изучении истории Арзамасской земли нельзя обойти вниманием значительный вклад, внесенный членами Нижегородской губернской архивной ученой комиссии, особенно её правителем дел Виктором Ивановичем Снежневским [4]. Он был правителем дел комиссии, что позволяло ему координировать работу по сбору, обработке и публикации исторических документов. Благодаря его усилиям, комиссия смогла опубликовать значительное количество актов-материалов, раскрывающих важные социальные и экономические процессы региона [1, с. 122-123]. Его современники, коллеги и единомышленники характеризовали его как неутомимого архивиста-исследователя, целиком преданного своему делу. За несколько лет ему удалось разобрать и составить описи архивных дел, обработав около 3000 дел из общего числа в 150000 за период 1889–1894 годов. Эта работа позволила систематизировать огромный массив информации и сделать его доступным для исследователей. [5, с. 140].

Исследования В.И. Снежневского получили признание среди ученых, включая А.С. Гацисского и В.Г. Короленко. Последний отмечал, что среди журнальных работ В.И. Снежневского выделяются статьи по истории нижегородского крестьянства времен крепостного права, а также описания событий периода освобождения крестьян, которые привлекли внимание исторической и общедоступной прессы того времени. [6, с. 19].

Творчество Виктора Ивановича Снежневского открывает возможности для углубленного анализа социально-экономических процессов, происходивших в середине и второй половине XIX века на территории Нижегородской губернии. Его труды, основанные на описаниях уездных судов и систематизированных источниках, позволяют создать научную картину крепостничества в Арзамасском крае через локальные исторические исследования [8; 9].

Памятным изданием, содержащим воспоминания о жизни и творчестве В.И. Снежневского стал «Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии» (1908) [7]. В него вошли материалы, подготовленные самим Снежневским, а также статьи и заметки известных исследователей, краеведов, в числе которых А.С. Гациский, В.Г. Короленко, А.И. Звездин и др.

В сборнике приводится статья В.Г. Короленко, сыгравшего значительную роль в судьбе В.И. Снежневского, так как он в свое время приобщил его к работе в Нижегородской губернской архивной

ученой комиссии. В свое время, под впечатлением первых встреч с ним, Короленко записал: «Я сразу вспомнил своего симпатичного посетителя и рассказал Гацисскому о молодом человеке, употребляющем досуги от конторской работы на историческое чтение и компиляции. Он познакомился с В.И. Снежневским и при следующей встрече поблагодарил меня за это знакомство. Вскоре Виктор Иванович оставил прежнюю должность, а еще через некоторое время переселился в Ивановскую башню, в помещение архивной комиссии» [6, с. 17].

Чрезвычайный интерес вызывает описание В.Г. Короленко случая, когда В.И. Снежневский совершил открытие буквально на глазах. Так, описывая одну из своих с ним встреч, Короленко сообщает следующее: «Однажды, во время такого чаепития, взгляд его случайно упал на синий лист плотной старинной бумаги, в которой была завернута только что принесенная с Нижнего базара селедка. Опытный глаз Снежневского сразу заметил характерный почерк XVIII столетия, и он бережно вынул лист из-под селедки. Оказалось, – на ловца и зверь бежит, – что это был отрывок из доклада офицера, командированного во время пугачевского бунта астраханским губернатором в киргизскую степь для дипломатических переговоров с лукавым Нуралиханом» [6, с. 18].

Впоследствии В.Г. Короленко с особой теплотой отзывался о времени, проводимом с В.И. Снежневским: «Я, лично имевший случай близко узнать его, храню память о часах, проведенных с ним вместе в молчаливой исторической башне, высящейся над современной сутолокой Нижнего базара, Миллионки и волжских пристаней, – как об одном из хороших нижегородских воспоминаний... И так грустно думать, что и он отошел уже в область “местной истории”, которую сам разрабатывал еще так недавно, и которая, думаю, сохранит о нем благодарную память среди других труженников – “людей нижегородского Поволжья”» [6, с. 20].

Еще одним важным свидетельством о жизни и трудах В.И. Снежневского являются воспоминания А.И. Звездина [4]. Андрей Иванович Звездин (9 (21) октября 1863 – 16 февраля 1927) родился в селе Шутилово Лукояновского уезда Нижегородской губернии, которое сегодня входит в состав городского округа Первомайск Нижегородской области. Его семья принадлежала к священниче-

скому сословию. Образование он получил в Нижегородской духовной семинарии, которую окончил в 1885 году, а затем продолжил обучение в Казанской духовной академии, завершив её в 1891 году.

После завершения академического образования Александр посвятил себя педагогической деятельности, работая преподавателем в Нижегородском епархиальном училище. В период с 1893 по 1913 гг. он занимал должность секретаря губернского статистического комитета. С 1889 года являлся членом Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, а в период с 1895 по 1903 год исполнял обязанности правителя дел комиссии.

В своих воспоминаниях А.И. Звездин отмечал самоотверженность и преданность В.И. Снежневского своему делу: «Его преждевременная кончина была прямым результатом “переутомления”. Уже 22 октября на годичном собрании нижегородской архивной комиссии, когда нам пришлось встретиться с ним в последний раз, он имел крайне болезненный и утомленный вид и после заседания, в частной беседе, жаловался на расстроенное здоровье». И далее: «Теперь, когда смерть навсегда вырвала его из среды нашей, невольно хочется привести на память все то, что так или иначе характеризовало его при жизни, как нашего сочлена и сорботника, хочется хотя бы бегло обозреть ту сторону или область его деятельности, которая была для него всего ближе и которая давно и заслуженно занесла имя его “в список людей нижегородского Поволжья”, как одного из выдающихся местных историков-архивистов» [4, с. 21].

В оценке исследовательской деятельности В.И. Снежневского именно А.И. Звездину принадлежит авторство характеристики его как «архивиста по призванию» [4, с. 22]. Из переписки с А.С. Гадисским Звездин сообщает его мнение о трудолюбии Снежневского: «В.И. Снежневский “работает неутомимо как вол”, что он “спит и видит архивные дела”». И далее: «Какова была эта работа, можно судить по следующей выдержки из частного письма ко мне В.И.-ча от 1-го декабря 1888 г.: “Я копаюсь теперь в архивной пыли”, – писал он: привез из полиции, да окружного суда 8 возов дел; часть их разобрал; скоро начну описать. За три месяца работы в облаках тончайшей гнилой пыли (почти все дела окружного суда гнилые) я вынес убеждение, что человек, не интересующийся этим делом, или бы сбежал, если он человек с честью, или же ничего не делал» [4, с. 22].

А. Звездин пишет о том, что основная часть работы по разбору архивных документов за весь период нахождения его в должности правителя дел была сосредоточена именно в руках В.И. Снежневского, который даже переехав в Елабугу, просил прислать ему какие-нибудь дела из архива. Как сообщает Звездин: «С его переездом в Елабугу, архивная комиссия осталась, что называется без рук. Насколько живо почувствовалось для нее отсутствие этого работника, можно судить по докладу В.Г. Короленко» [4, с. 23].

Особый интерес, по мнению А.Звездина, представляли материалы о крепостном праве в Нижегородском крае. Он пишет: «В частности в материалах по истории крепостного права он с особой настойчивостью выделял вопрос о морально-правовом и экономическом положении крепостных людей, в особенности крестьянства, которое безропотно выносило на своих плечах крепостной гнет. И это не случайность. В предпочтительном выборе данных материалов и вопросов сказались не только личные взгляды и убеждения В.И-ча, но и его доброе, отзывчивое, сострадательное сердце» [4, с. 23].

Интересно сообщение А. Звездина о том, что: «Труды В. И.-ча обратили на себя внимание Петербургского археологического института, который счел необходимым тем или иным способом отметить эту трудоспособность В. И-ча. Директор института действ.[ительный] статск.[ий], а может быть и тайный советник, А.Н. Труворов предполагал, кажется, «осчастливить» В.И-ча или чином, или орденom; по этому поводу велась им переписка с А.С. Гацисским. В. И-ч, однако, предпочел получить денежную награду. Это было ему более на руку; во 1-х потому, что к чиnam и чиновничеству он не питал ни малейшей склонности, а во 2-х, потому, что материальное положение его всегда было очень скромно; он перебивался кое-как, вечно нуждаясь; нужда заставляла его брать уроки в Речном училище, секретарствовать в земских собраниях, сотрудничать в местных газетах и т.д.» [4, с. 25].

По сообщению А. Звездина, В.И. Снежневский «принимал неоднократное участие в курганных раскопках, и достаточно прочитав его отчет о раскопках могильника в Кожиной Слободе близ г. Сергача, чтобы видеть, насколько научно, с каким знанием дела выполнял он подобные поручения» [4, с. 26].

Воспоминания современников об архивной деятельности Виктора Ивановича Снежневского играют важную роль в понимании его

вклада в развитие архивного дела. Они позволяют увидеть личность Снежневского не только как профессионала, но и как человека, увлеченного своим делом. Современники отмечают его внимание к деталям, тщательность в работе и стремление к сохранению исторического наследия. Эти воспоминания помогают воссоздать атмосферу эпохи, в которой жил и работал Снежневский, и лучше понять контекст его профессиональной деятельности. Таким образом, они являются ценным источником информации для исследователей, стремящихся глубже изучить жизнь и достижения этого выдающегося архивиста.

Источники и литература

1. Андреев О.Е. К вопросу о деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и ее роли в развитии «провинциальной историографии» Арзамасского края // Вопросы исторического и экологического краеведения. Арзамас, 2022. С.122-127.
2. Андреев О.Е. О крестьянских волнениях в Арзамасском крае в трудах В.И. Снежневского /Карповские чтения. Сборник статей участников XI Всероссийской научно-практической конференции. Саров, 2024. С. 176-179.
3. Андреев О.Е. Об опыте применения локального метода в трудах В.И. Снежневского по изучению крепостничества Арзамасского края // Карповские чтения. Сборник статей участников X Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор Ю.А. Курдин. Арзамас, 2022. С. 328-333.
4. Звездин А. Памяти В.И. Снежневского // Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. Н. Новгород, 1908.
5. Каптерев Л. Страницы из нижегородской историографии // Открытый текст [Электронное периодическое издание]. – Адрес доступа: <http://opentextnn.ru/history/historiography/kapterev-l-stranicy-iz-nizhegorodskoj-istoriografii/>
6. Короленко В.Г. Памяти Виктора Ивановича Снежневского // Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. Н. Новгород, 1908.
7. Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. Н. Новгород, 1908. 667 с.
8. Снежневский В.И. Опись делам Арзамасского уездного суда (1785-1803) // Действия НГУАК. Т. I. Вып.5. Н.Новгород, 1889
9. Снежневский В.И. Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120)/ Опись делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. Н.Новгород, 1889.

ЗАГАДОЧНЫЙ СКИТ В УРОЧИЩЕ «ПОДЧЕРЁМА» В ПОДМОСКОВНОЙ ВОХНЕ: ВОЗМОЖНЫЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ СЛЕД

Михайлов Сергей Сергеевич

Независимый исследователь, историк, этнолог

Россия, г. Москва; e-mail: mesherdkray@mail.ru

В статье автор рассказывает о старообрядческом иноческом поселении, которое, по рассказам старожилов, располагалось в урочище «Подчерёма», под гор. Павловский Посад, Московской области. Данный скит или монастырь имел рукотворные подземные сооружения, судя по всему кельи иноков, переходы и т.п. Автор предполагает, что первоначально создатели скита могли прийти из Нижегородского края, из одного из монастырей, имеющих пещерную традицию.

Ключевые слова: старообрядчество; хлысты; Подчерёма; скит; пещеры; рукотворные подземелья; традиция; Нижегородский край.

Нижгородский регион является одним из наиболее известных центров русского старообрядчества. Он никогда не был замкнут на себе в плане внутриконфессионального развития, крепкие связи с другими уголками России существовали здесь даже не со времени церковного раскола, а даже еще с ее предыстории. Нижегородское старообрядчество разных толков (согласий) влияло и на формирование общин в ряде других местностей. Об одном из таких вероятных прецедентов нам и хотелось бы поговорить в данном исследовании.

Чуть выше по течению реки Клязьма, чем расположен подмосковный город Павловский Посад, вблизи старинных старообрядческих селений Андронов, Большой Двор и Кузнецы, находится урочище, известное как «Подчерёма». Это достаточно длинное пространство, более пятиста метров, тянущееся по надпойменной террасе над клязьминской старицей. Еще на рубеже 1990-2000-х гг., при первом полевом знакомстве с темой старообрядчества восточного Подмосковья, автору этих строк довелось услышать от старожилов местных населенных пунктов упоминание о том, что прежде здесь находился старообрядческий скит (или, судя по некоторым моментам, даже целый монастырь), в коем были и некие подземелья, созданные руками иноков. Как становилось ясно из отрывочных рассказов, это иноческое поселение прекратило свое существование еще в начале XIX ст., одной из версий высказывалось разорение обители

«никонианскими» властями. Однако, за мои многолетние архивные поиски никаких упоминаний ни об обнаружении данного места, ни о его разорении выявлено не было. К началу XX в. на месте обители, где к 1980-м гг. были устроены СНТ, судя по всему, добившие последние следы, остававшиеся от поселения иноков, также по словам старожилов, сохранялись какие-то могилы, колодец. Их видели родители и бабушки моих информантов. Однако, никакого паломничества на данное место окрестные старообрядцы уже не совершали, никаких имен подвижников, прочих подробностей никто вспомнить не мог. Место это находилось как-то вне духовной жизни старообрядческих сообществ соседних деревень, тем не менее, практически все идентифицировали загадочный скит именно как «старообрядческий».

Летом 2023 г., когда у нынешнего настоятеля старообрядческой церкви прежней деревни Андроновое (сейчас – улица Руфины Красавиной поселка Большие дворы), о. Димитрия Коклеева, возникла идея издания небольшой книги, посвященной 140-летию построения молитвенного здания, для чего был приглашен автор этих строк, последнему снова довелось столкнуться с остатками преданий о ските на Подчерёме. До издания книги дело так и не дошло, однако в ходе работы над ней мы вместе с о. Димитрием поговорили с последними носителями памяти о месте иноческого поселения, съездили на само урочище и фактически прошли всё его сохранившееся пространство – западная часть, как я уже упоминал, еще в поздний советский период оказалась под дачными товариществами, разрушена песчаными карьерами, а уже в наше время здесь еще прошла трасса М-12. На сохранившихся участках была большей частью песчаная почва, т.е. не подходящий для создания рукотворных подземелий грунт, и не было никаких следов давней деятельности человека, т.е. следов строений, погребов, монастырского кладбища и т.п. Но, в данной местности почвы весьма неоднородные и часто на расстоянии нескольких десятков метров можно встретить и чистый песок, и достаточно твердый грунт, приемлемый для рытья в нем подземных ходов и помещений.

Предания о пещерной обители (в скиту, по словам старожилов, были и наземные постройки) однозначно не являются плодом народного вымысла – в разное время и автор этих строк, и павлово-посадские краеведы, слышали этот сюжет с разными подробностями от

разных лиц, живших в разных населенных пунктах по обоим берегам Клязьмы. Источники информации никак не были связаны между собой. О. Димитрий, являющийся представителем коренной андроновской старообрядческой семьи, с рождения живущий в деревне, сам многократно слышал упоминания о ските и пещерах от представителей старшего поколения.

Иноки-старообрядцы, создавшие поселение-скит, или даже целый большой монастырь, в урочище «Подчерёма», как мы полагаем, явно восприняли традицию устройства рукотворных сакральных подземелий где-то в старых дониконовских обителях, откуда они, возможно, и пришли сюда, на берега Клязьмы. Опыт изучения региональной истории старообрядчества, начатого автором еще в 1994 г., показывает, что на ровном месте не возникало ничего, все имело свою какую-то предысторию. Создатель самой первой рукотворной пещеры-кельи, появившейся здесь скорее всего в самом начале истории иноческого поселения, принес эту идею из древней обители, где он подвизался ранее. Понятно, что такую обитель, существовавшую еще в дониконовское время или появившуюся вскоре после церковной реформы, в период, когда и в официальных монастырях сохранялись группы оппозиционеров, еще надевавшихся на возвращение древних обрядов, надо искать где-то поблизости или в одном из соседних регионов. Одним из последних, расположенных всего в нескольких сотнях километров, и является Нижегородский край, доводы в пользу которого мы и намерены рассмотреть в данном исследовании.

Нижегородские земли расположены не просто не так далеко от подмосковной исторической местности Вохна, с ними существовало весьма удобное транспортное сообщение. Через этот микрорегион проходит знаменитая Владимирка – большая дорога, соединяющая Москву с Владимиром, Нижним Новгородом и другими центрами на востоке. Не так далеко раньше существовала «Коломенка» – дорога, соединявшая в прошлом Владимирский и Рязанский тракты. Ее пересекала Касимовская дорога, по которой также могли прийти иноки из южной части Нижегородчины. Если предположить, что иноки-старообрядцы, основавшие обитель на Подчерёме, в XVII – середине XVIII в., когда, собственно, и возникали известные нам иноческие поселения староверов на востоке нынешнего Подмосковья, по ста-

ринке использовали водный путь, то здесь также сразу предстает перед глазами весьма быстрый и удобный маршрут – из Волги в Нижнем по Оке вверх до устья Клязьмы, а далее вверх по течению последней.

В современной Нижегородской области мы видим, как минимум, два известных монастыря, где известная традиция создания рукотворных сакральных пещер, откуда в окрестности современного Павловского Посада могли прибыть монахи, державшиеся старой веры и бежавшие из своих обителей. Первый из них – нижегородский Вознесенский Печерский монастырь, находящийся сейчас в черте города. Как мы знаем по его истории, его основал выходец из Киево-Печерского монастыря Дионисий, пришедший на берега Волги в XIV столетии [4, с.74, 79]. Хотя, в силу того, что старое место указанной обители было разрушено оползнем волжского берега, а там, куда монастырь был перенесен, пещерная традиция не была возрождена, память о традиции в первые послераскольные времена еще была живой. Ее-то и могли принести предполагаемые печерские иноки-старообрядцы в Вохну. Древняя подмосковная волость в то время была владением Троице-Сергиева монастыря, монахи-нижегородцы могли знать о ней, о том, что вокруг проживает единомысленное население, готовое дать надежное укрытие от своих троицких «коллег». Однако, Вознесенский Печерский монастырь рассматривается нами как менее вероятный вариант, прежде всего по причине все того же более раннего исчезновения в нем пещерной традиции.

Второй монастырь, откуда на Подчерёму могли прибыть монахи, это Саровская пустынь. Здесь также есть рукотворные подземелья, сохраняющиеся доныне. В настоящее время в виду закрытости Сарова от массового посещения паломниками и туристами местный пещерный комплекс не так известен, как пещеры ряда других обителей. Местные пещеры, точнее создание их комплекса, начал еще в самом начале истории здесь организованной обители подвижник Иоанн-Илларион. К сожалению, через десятилетия представители братии уже смутно представляли себе историю пещер своей обители и от нас навсегда скрыты многие важные моменты истории их создания [8, с.3-4; 7, с.20, 202]. Саровская пустынь нам здесь интересна в связи с возможным участием этого, вроде бы уже послераскольного по времени возникновения монастыря, в появлении подземелий Подчерёмы в следующей связи. Один из основоположников

монастыря – Иоанн, – как раз с которым и связывают рытье первых подземных келий, чуть ранее участвовал в миссионерской деятельности, направленной против заволжских старообрядцев. Часть обращенных им, прежде всего упоминаемый в источниках Иван Корелин, влились в состав ранней саровской братии. Как мы знаем, в 1730 г. последовало разбирательство в отношении саровских иноков со стороны Тайной канцелярии, аресты и допросы [7, с.33-42]. Мы полагаем, что в этот период кто-то из прежних «фраскольников» поспешил вернуться назад в старую веру. Таковые явно постарались укрыться в местностях, расположенных вдали от тех, где их могли искать. Находящаяся всего в нескольких сотнях километров Вохна могла быть одной из них – с одной стороны достаточно дальний регион, с другой не так уж далеко и добираться. В пользу прихода каких-то саровских иноков, тайно или явно тяготевших к старой вере, в волость Вохну, косвенно свидетельствует и следующий факт. В 1731 г. в Николо-Берлюковский монастырь, находящийся всего в нескольких десятках километров от Подчерёмы, казначеем был назначен о. Первон, годом ранее отстраненный от должности в Сарове [9, с.43]. Понятно, что кто-то мог уйти за ним, но в виду невозможности поселиться в его новой обители, ушел в Вохну, в местность, расположенную рядом с старообрядческими селениями. К сведению, в Берлюковской обители также известен небольшой пещерный комплекс, который часто связывают с именем старца Макария, рывшего пещеры в середине XIX в., но нередко подозревают его изначальное возникновение в более ранние периоды [5, с.44, 84]. Здесь нельзя исключить саровскую роль в появлении берлюковской пещерной традиции.

Здесь нам также хотелось бы вспомнить еще один прецедент существования в Нижегородском крае сакрального подземелья. Он находится восточнее Сарова, возле деревни Ичалки, Перевозского района. Здесь, в Ичалковском бору, известна система природных пещер и провалов, посещаемых туристами еще в 1950-х гг. В ней, в дальнем углу т.н. «Холодной пещеры», существовала «Старцева келья», в которой, по местным преданиям, когда-то скрывались некие старцы-монахи. Судя по описаниям «кельи», которые мы видим в книге Н.М. Шемысова, она представляла собой небольшое помещение, в котором мог подвизаться только один инок одновременно (подвижники могли сменять друг друга на протяжении какого-то периода), носившее заметные следы обработки стен, сводов

и т.п. [13, с.188-189]. Данное индивидуальное место молитвенного подвига также может быть частью традиции, имевшей распространение на территории Нижегородского края. Этой пещеры мы еще коснемся чуть ниже.

Рассказывая о загадочном поселении иноков в урочище Подчерёма, оставившим нам минимум сведений, также хотелось бы коснуться и еще одного вопроса. Это вопрос о том, был ли скит или монастырь на самом деле старообрядческим, или это, достаточно раннее послераскольное поселение принадлежало представителям секты христоверов, более известным нам как «хлысты»? Ставить под сомнение древлеправославное, или староверское, происхождение обители нас заставляют следующие моменты. Прежде всего, поселение иноков однозначно не было официальным православным, поскольку как «старообрядческое» в своих преданиях его идентифицировали и старожилы – потомки местных старообрядческих семей, и немногочисленные опрошенные потомки православных. Но, далее мы сталкиваемся со следующими несостыковками из сохранившихся сведений. Если по состоянию на 1860-е гг., когда собирался материал для «Карты раскольничьих селений Московской губернии», изданной в 1871 г., Вохна являла собой большой массив расселения старообрядцев-поповцев, включавший и расположенные вблизи Подчерёмы деревни Большой двор, Андроновое и Кузнецы [2], то еще несколькими десятилетиями ранее картина явно была совсем иной. В «Ведомости о состоящих в Москве и ее губернии старообрядческих и раскольничьих часовнях и молельнях», составленной чиновниками канцелярии московского военного генерал-губернатора, в 1826 г., где достаточно полно указаны все известные на тот момент места общественного богомоления старообрядцев, по вохонским селениям нет ни одной моленной [11, л.154об-155об]. Вопрос, на базе какого населения появился более поздний поповский массив? Ответ в двух делах, в которых речь идет о хлыстах, которых в крае оказалось немало и которые были зафиксированы в большом числе населенных пунктов. Адепты этого исповедания упоминаются в двух делах канцелярии московского военного генерал-губернатора первой половины XIX в. [10, л.1-156; 12, л.9-10об]. Распространение хлыстов по всей Вохне свидетельствует об укорененности их в крае, которая формировалась явно на протяжении длительного времени.

С одной стороны, хлысты, хотя и весьма любили посещать монастыри, как-то не ассоциируются с темой основания ими своих обителей, но, на раннем этапе их истории, когда они еще не окончательно отошли от беспоповского старообрядчества, с коим однозначно имеют общее происхождение из последователей старца Капитона, таковые у них все же возникали. В возникновении хлыстовского движения монастыри также приняли более чем ключевое участие. В книге А. Бермана мы видим упоминание о двух скитах, которые были созданы адептами хлыстовщины в Костромской земле. «...Заслуживает внимания и то, что ранняя нетовщина и ранняя хлыстовщина соседствовали территориально. В 1722 г. под Костромой инок Иоанникий основал Жировищенский скит, инок Макарий основал скит в “Галичских лесах”...» [1, с.141]. Наверняка, помимо двух вышеприведенных прецедентов, о коих нам известно благодаря историческим документам, было еще достаточно большое число аналогичных хлыстовских иноческих поселений, основанных в местах формирования этой конфессиональной группы, включая и Нижегородские земли, и ту же Вохну.

А. Берман пишет, что упомянутые им два скита появились в тех местах, где ранние хлысты соседствовали с массивами расселения беспоповцев Спасова согласия. В Нижегородском крае спасовцы всегда были одним из самых хорошо представленных старообрядческих беспоповских толков. Отсюда населенное ими пространство тянулось на запад, через Владимирскую губернию, в коей даже в начале XX в. его адепты составляли более половины официально выявленного старообрядческого населения. На востоке нынешнего Подмосковья до начала активной экономической экспансии поповцев, находящихся под началом Рогожского кладбища, начавшейся к началу XIX в., спасовцы были одним из наиболее представленных направлений, их остатки в южной части Гуслиц, Егорьевском, Бронницком и Коломенском уездах, сохранялись вплоть до XX в. Автором этих строк уже вкратце описывалась их известная поздняя история [3, с.40-46]. Спасовцы той части Богородского уезда, где находилась Вохна, а также соседних с ней местностей нам пока не известны, однако, учитывая географическую близость, исключать их присутствие на раннем этапе и в этом крае нельзя. Возможно, до распространения здесь белокрыницкой (рогожской) поповщины это согласие могло доминировать здесь наряду с хлыстами. Не исключено, что

пещерное иноческое поселение на Подчерёме было создано именно представителями спасовского мира.

И еще раз немного вспомним про «Старцеву пещеры» под Ичалками. Это селение также имело старообрядческое население, причем именно Спасова согласия. В 1908 г. здесь была зарегистрирована официальная община [6, с.1537]. Возможно, что убежище иноков, сохраняющееся в пещерах, принадлежало именно подвижникам-спасовцам. Это и может отчасти объяснить то, что им обязательно надо было скрывать свое присутствие от властей. Конечно, прямая связь пещерной кельи-убежища под Ичалками и Подчерёмой явно отсутствует, но это могут быть прецеденты одного явления, существовавшего на Нижегородчине и из нее проникавшего в некоторые другие земли.

К сожалению, кроме остатков преданий о скиту (монастыре) на Подчерёме, а также существовании там своего пещерного комплекса, до нас более не дошло ничего. Обитель явно прекратила свое существование порядка двух веков назад. Ее не разорили власти – иначе в архивах сохранились бы какие-то дела и документы. Монастырь, предположительно, сошел на нет сам по себе. Вероятная причина становится понятна при посещении урочища. Оно расположено всего в нескольких километрах от центра современного города Павловский Посад, отсюда прекрасно видна колокольня, оставшаяся от Воскресенского собора – прежнего сельского храма села Павлова, Вохна тож. Пока это было просто село, преимущественно с коренным населением, единоверным или сочувствующим инокам, последние были под надежным прикрытием. Но, Павлово быстро развивалось, росло население, причем за счет внешнего притока, появлялось больше начальства и т.п. Находиться рядом с ними было уже небезопасно. Также, рассматривая историю большого массива старообрядческих иноческих поселений, существовавшего несколько восточнее, в Гуслицах, автор этих строк пришел к выводу, что он, будучи весьма развит в середине – второй половине XVIII в., сходит на нет к середине XIX-го, по причине того, что у местного населения несколько поменялись приоритеты. Прежде на первом месте была духовность, было много потенциальных монахов и монахинь, пополнявших число насельников и насельниц. Но затем наступает период бурного экономического роста Гуслиц, Вохны и других старообряд-

ческих микрорегионов этого древлеправославного массива. Старообрядческие скиты не выдержали конкуренции со старообрядческими же фабриками и принесенного ими в край нового быта и «замирщения». Возможно, в деле исчезновения местного скита сыграли свою роль оба фактора.

В виду столь давнего окончания истории рассматриваемого иноческого поселения, память местных старообрядцев не сохранила никаких преданий о его возникновении, имен настоятелей, каких-либо других подвижников и т.п. Не сохранилось никаких книг, тетрадей и иных документов, происходивших из библиотеке или архива обители. Если бы таковые где-то сохранялись, то наверняка в них были бы и сведения о том, откуда на Подчерёме появилась традиция устройства рукотворных пещер и есть ли здесь связь с Нижегородским краем. Однако, последняя кажется нам одной из наиболее вероятных, особенно с Саровской пустыней, о чем мы сообщили выше. К сожалению, в виду весьма скудных сведений, исторических загадок подобных Подчерёме достаточно много, и разрешения их не существует.

Источники и литература

1. Берман А. Хлысты. Ранняя история самой известной русской религиозной секты. М., 2022.
2. Карта раскольниковых селений Московской губернии. Издание московского губернского статистического комитета. М., 1871.
3. Михайлов С. С. Старообрядцы-спасовцы Гуслиц и Егорьевского уезда. // Старообрядчество. История, культура, современность. Сборник статей. Вып.14. М., 2012. С.40-46.
4. Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Н. Новгород, 2010.
5. Панин А., Григорьева И., Дмитриев В. История Николаевской Берлюковской пустыни. Изд. 2-е. Королев, 2011.
6. Перечень зарегистрированных старообрядческих общин (продолжение). // Церковь. М., 1908. №50. С.1536-1537.
7. Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров-Саранск, 1999.
8. Саровская пустынь. СПб., 1849.
9. Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908.
10. Центральный Государственный Архив г. Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф.16. Оп. 31. Д.992.
11. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп.109. Д.4.
12. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.110. Д.760.
13. Шемысов Н.М. Геологические экскурсии по Горьковской области. Горький, 1954.

*ИСТОРИЯ
НИЖЕГОРОДСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ XX –
НАЧАЛА XXI ВЕКА*

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ ВАВИЛОВ. К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Ткачева Антонина Борисовна

независимый исследователь, член Союза журналистов РФ
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: tonitkacheva@yandex.ru

В данной работе рассматривается биография Федора Алексеевича Вавилова (1885–1950 гг.), партийного деятеля, который сыграл значительную роль в организации и укреплении большевистской власти в Арзамасском уезде. Вавилов, ставший членом РСДРП в 1904 г., активно участвовал в революционной деятельности, проявляя себя как организатор и пропагандист. Его жизнь полна героических поступков – работа на Сормовском кораблестроительном заводе, руководство Арзамасским уездным Советом и т.д. В статье подробно описываются его революционные достижения, включая создание партийных ячеек, борьбу с голодом и разрухой, а также участие в Гражданской войне. Особое внимание уделяется его взаимодействию с другими известными личностями того времени, такими как Аркадий Гайдар. Работа подчеркивает важность Вавилова как исторической фигуры, чья жизнь и деятельность заслуживают более глубокого изучения и осмысления.

Ключевые слова: Федор Алексеевич Вавилов; советская власть; Арзамасский уезд; революционная деятельность; РСДРП; Гражданская война; организация советов; продовольственный голод; Комитет бедноты; Аркадий Гайдар; историческая фигура; политическая агитация; социалистическая революция; командные курсы; пропаганда марксизма.

В одном из разделов книги «Очерки истории г. Арзамаса» 1981 г. упоминается имя Федора Алексеевича Вавилова (1885–1950 гг.), скудные сведения совсем немного рассказывают нам об этом выдающемся человеке. Вавилов оставил значительный след в истории города Арзамаса. О его деятельности и судьбе более подробно рассказывается в этой статье.

Вавилов Федор Алексеевич – организатор советской власти в Арзамасском уезде, член, а затем и председатель исполкома уездного Совета, на первой уездной конференции Российской Коммунистической партии большевиков, был единогласно избран председателем Арзамасского уездного комитета РКП(б). Революционер, большевик с 1904 г., герой гражданской войны, комиссар. В августе 1918 г. Федор Алексеевич Вавилов вместе с арзамасской революционеркой Марией Гоппиус дал рекомендацию в партию Аркадию Голикову (Гайдару).

Тем не менее, известно о Ф.А. Вавилове немного, написано еще меньше. Читая его анкетные данные в сохранившихся документах государственных архивов, узнаешь, что он окончил одногодичную Яблонскую земскую школу грамотности, потом, «12-летним мальчиком, батрачил на кулака» [5]. Вместе с отцом рано стал заниматься отхожими промыслами, уезжать на заработки в город. Будучи очень крепким и сильным, он прибавлял себе года. Уже в 15 лет, в 1900 г., он поступил на работу на Сормовский кораблестроительный завод (который после революции стал называться «Красное Сормово»), а не машиностроительный, как пишут некоторые его биографы (нижегородский машиностроительный завод «Новое Сормово» начал строиться только в 1930-х гг.). Кораблестроительный же завод был основан в середине XIX в., и к началу XX в., поменяв специализацию, представлял огромное предприятие по выпуску рельсов, паровозов и вагонов. В России начали усиленно строиться железные дороги, нужен был подвижной состав и оборудование, выполнялись так же важные военные заказы. Завод состоял из 28 цехов, в которых работало около 20 тысяч человек. Федор Вавилов освоил здесь профессию кузнеца.

На завод приезжали тысячи рабочих со всей округи, здесь же, на заводе их и обучали. Заинтересованность в квалифицированных специалистах приводила к необходимости открытия и общеобразовательных школ, где учились и дети рабочих, и малолетние сотрудники. Вот в такую школу, воскресную, и пошел учиться пятнадцатилетний Федор Вавилов. Это и предопределило его судьбу. Дело в том, что преподавателем в этой школе оказался социал-революционер, который вместе с правилами грамматики и арифметики рассказывал своим ученикам теорию марксизма. Революционные идеи крепко засели в голове ученика, и он уже не мыслил свою дальнейшую жизнь без борьбы. В 1904 г., в возрасте 19 лет, он стал членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Вначале он выполнял несложные задания партийного комитета. С годами стал одним из надежных и умелых руководителей Сормовской партийной организации. Он сам создавал рабочие кружки по изучению программы РСДРП, выступал на сходках и митингах, снабжал рабочих марксистской литературой, распространял листовки. Во время подготовки восстания 1905 г. доставлял рабочим Сормова оружие и принимал активное участие в баррикадных боях. На Сормовском заводе Федор Алексеевич проработал 16

лет. Семь раз его увольняли под разными предлогами с завода, выгоняли «с волчьим билетом», но он снова и снова появлялся в цехах под другими фамилиями. Полиция ловила его, устраивала облавы.

Об истории жизни и революционной деятельности Федора Алексеевича Вавилова рассказал в своих воспоминаниях один из его современников, уроженец Чернухинского района, бывший курсант Нижегородских пехотных курсов, воспитанник Вавилова, полковник в отставке Михаил Нестерович Латунин [2]. Они встретились уже после Великой Отечественной войны на одной из конференций Чернухинской районной партийной организации. Встретились как большие друзья, соратники, о многом вспоминали, рассказывали. В итоге и появилась серия статей М.Н. Латунина в газете «Арзамасская правда» о пламенном революционере, организаторе и пропагандисте [8]. Латунин рассказывает, что однажды на место сбора членов РСДРП в Сормове не явилось несколько человек, стало ясно, что они арестованы. Стали приниматься попытки их освобождения, одному устроили побег из тюрьмы, второго стали выручать прямо на улице. Два жандарма с оголенными шашками вели его на допрос к следователю. Федор Алексеевич с товарищами напали на жандармов. Одного они убили, второй спасся бегством, но товарища они освободили. После этого Федор Алексеевич ушел в глубокое подполье. Полиция устроила засады на всех квартирах, где он появлялся. Федору Алексеевичу пришлось долго отсиживаться на улице, зимой. Он простудился, с воспалением легких и высокой температурой он добрался до дома своего дяди в другом конце города, и свалился на крыльце. Хорошо, дядя ночью вышел и увидел племянника! Его надо было срочно в больницу, но это значит, в полицию! Тогда дядя положил его в больницу по паспорту своего собственного сына! Риск был огромный для всех...

Пришлось ему послужить и в царской, на то время действующей на фронтах Первой Мировой, армии. Служить он попал в 213 запасной пехотный полк, который базировался в городе Моршанске Тамбовской губернии. Имея уже большой партийный стаж, огромный опыт работы, конечно, Федор Алексеевич взялся за политическую агитацию среди солдат. Создал в полку партийный большевистский комитет, после революции 1917 г. стал заместителем комиссара полка.

В январе 1918 г. Федор Алексеевич возвратился из армии в родное село Новопокровское Арзамасского уезда. Сразу же, в соседнем волостном селе Гари, он организовал партийную ячейку из семнадцати пришедших с фронтов мужчин, создал там и комитет бедноты. Постоянно поддерживал связь с Сормовской и Нижегородской городской партийными организациями, которые хорошо знали его способности и возможности. Именно они срочно направили его на работу в уезд, в Арзамас, где после Октябрьской революции власть захватили эсеров-меньшевики. В Арзамасе он пробыл с марта по декабрь 1918 г. С 1 апреля 1918 г. он стал членом исполкома, а с 14 августа этого же года стал председателем Арзамасского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [4], затем, на первой уездной партконференции, 1–2 сентября 1918 г., был единогласно избран председателем Арзамасского уездного комитета ВКП (б).

Фактически, он стал руководителем Арзамасского уезда, в котором в это время царила полная неразбериха. Промышленная и торговая буржуазия города душила Советы товарным и продовольственным голодом. Лавочники и купцы сокращали торговлю. В городе и уезде ощущался острый недостаток хлеба, соли, спичек, керосина, одежды, обуви. По данным исполкома в начале 1918 г. в уезде было 20 тысяч голодающих. В городе выдавали по четверти или даже по осьмушке хлеба на едока в день. В деревнях на одной картошке жила вся беднота. Имели место саботаж и мятежи. Обстановка была не простая, и надо было в короткое время достичь нормализации продовольственного и финансового положения [10]. Комитет партии, уездный исполком Советов заседали через день, выносились самые злободневные вопросы, принимались самые экстраординарные меры! В протоколах заседаний исполкома уездного Совета видно, что до 13 августа 1918 г. Федор Алексеевич Вавилов присутствовал как член исполкома, на заседаниях 17, 20, 31 августа, 3, 6, 10, 12 сентября – он уже председательствует. Большевиков из руководящих органов, в том числе и из Советов, удалось частично вытеснить. Несмотря на огромные трудности большевики локализовали голод и разруху, взяли под свой контроль учет и распределение продуктов питания, поставили под контроль торговлю, столовые и буфеты. Изъяли хлебные излишки в амбарах и на мельницах кулаков, установили нормы выдачи и цену на продовольствие. Прodelали большую работу по внедрению декрета о земле, крестьяне получили

без выкупа 90 % всех земель в уезде. Огромная работа была проведена по уборке хлеба осени 1918 г. Основной упор в борьбе за урожай был сделан на волостные и сельские Советы, партийные ячейки и комитеты бедноты.

В это же сложное время, 1 сентября 1918 г, арзамасские большевики собрались на свою первую уездную партийную конференцию [3]. В ее работе приняли участие 17 делегатов с правом решающего голоса, два – с совещательным. Конференция обсудила вопросы текущего момента, вопрос о мобилизации членов партии в Красную Армию, о работе по созданию комитетов бедноты, выбрала уездный комитет партии и ее председателя, утвердила другие уставные вопросы. По каждому вопросу были приняты резолюции. Председателем уездного комитета был единогласно избран Федор Алексеевич Вавилов. Вторую партийную конференцию уезда 23 октября 1918 г. открывал уже сам Вавилов. Начали с пения Интернационала, повестка дня содержала доклад о проделанной работе, текущие моменты, вопросы земельной политики, выборы комитета. За период сентября – октября большевиками в уезде была проделана огромная работа. К концу октября в селах действовало 15 волостных и 295 сельских комитетов бедноты. В ряде селений на национализированных помещичьих и монастырских землях были организованы первые сельскохозяйственные коммуны. За этот небольшой период было мобилизовано в Красную Армию 72 члена партии и сотни сочувствующих. Упрочились позиции большевиков, численно выросла организация. В селах уезда к этому времени насчитывалось 25 партийных ячеек, в которых состояло на учете 646 коммунистов. Именно в это время написал заявление о приеме в партию еще один наш знаменитый земляк, Аркадий Петрович Голиков (Гайдар), на то время сотрудник большевистской газеты арзамасцев – «Молот» [1]. Вот как описывает это момент исследователь творчества Аркадия Петровича Гайдара В.Н. Малюгин:

«...Аркадий шагнул в городской комитет партии. В кармане его гимнастерки лежало заявление, которое помог ему написать Николай Николаевич. Вот оно: “В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня тов. Гоппиус, Вавилов”».

Мария Валерьяновна и Вавилов, председатель Арзамасского уездного комитета партии, рекомендовали Аркадия в ряды больше-

виков. Через два дня Арзамасский комитет РКП(б) разбирает заявление Аркадия Голикова. За столом, покрытым красной материей, сидели Мария Валерьяновна, Николай Николаевич, Вавилов – все такие знакомые, близкие и вместе с тем почему-то сегодня очень строгие люди. Если бы они знали (а они, конечно, знали), как волновался Аркадий! И вот уже зачитано заявление, уже выступили Мария Валерьяновна и сам товарищ Вавилов. Да, они рекомендуют его в ряды великой партии коммунистов. Работники «Молота» тоже говорят, что Голиков – парень честный и преданный делу революции. И вдруг, неожиданно, поднимается с места представитель Нижегородского губкома. Он согласен с тем, что говорят товарищи: они, конечно, лучше знают Аркадия Голикова.

– Но не рано ли ему, почти мальчугану, – говорит представитель из Нижнего, – быть членом партии? Молод товарищ Голиков, очень молод. И не совсем еще дисциплинирован: вот, говорят, в апреле стрелял из винтовки по окнам собора. Это еще к чему? “Вот так штука, – думал Аркадий, – и откуда он про собор знает?” Ему было горько и обидно и даже, почему-то, стыдно. Нет, представитель из Нижнего, конечно, не против того, чтобы его, Аркадия, принять, но поглядеть, говорит, еще на парня надо. С таким доводом согласились. Арзамасский комитет постановил: “Принять в партию с правом совещательного голоса по молодости впредь до законченности партийного воспитания”» [9].

К концу осени 1918 г. намечилось заметное упрочение новой власти в Арзамасе. Но надвигалась иностранная интервенция. В августе 1918 г. в Арзамас прибыл штаб Восточного фронта. Третья уездная партийная конференция арзамасцев, которая собралась 20 января 1919 г. проходила уже без Федора Алексеевича Вавилова. Уходят на фронты гражданской десятки, сотни добровольцев-коммунистов. Проводив товарищей на фронт, Федор Алексеевич Вавилов не мог оставаться безучастным.

В декабре 1918 г. он складывает с себя полномочия председателя Арзамасского уездного комитета ВКП (б) и уходит на фронт. Конечно, его огромный опыт партийной и руководящей работы замечен сразу. Его назначают командиром и комиссаром 24-х Нижегородских пехотных курсов командного состава. Молодая Красная Армия остро нуждалась в подготовленных командных кадрах. В стране в ускоренном порядке создается сеть командных курсов, школ, военных училищ для подготовки начальствующего состава.

Одним из таких военных учебных заведений становятся Нижегородские советские пехотные курсы командного состава РККА, организованные на основании приказа военно-учебного управления Всероссийского главного штаба от 16 ноября 1918 г. (Нижегородские пехотные курсы позднее стали предтечей Ташкентского высшего танкового командного училища (далее – ТВТКУ)). В числе курсантов первого набора курсов были молодые рабочие все того же, известного на всю страну, завода «Красное Сормово». Преподавательский состав комплектовался за счет командиров, имевших боевой опыт, многие были из бывших генералов и офицеров царской армии.

Этот период его жизни мы тоже узнаем из воспоминаний соратника Федора Алексеевича, Михаила Нестеровича Латунина [2]. Он рассказывает, что преподаватели курсов, генералы и полковники царской армии, объявили новому командиру курсов, что не хотят обучать рабочих и крестьян военному делу. Лицо комиссара Вавилова стало суровым, в голосе – стальные нотки. Он приказал арестовать саботажников и посадить на гауптвахту под охраной курсантов. По закону военного времени им грозила смертная казнь.

Но утром к комиссару курсов пришли жены арестованных и слезно умолили Федора Алексеевича уладить это недоразумение. Федор Алексеевич вошел в положение, выпустил их, и с тех пор эти же преподаватели даже не пытались косо смотреть в его сторону. Он был во всем такой. Добрый, человечный, понимающий. Но жесткий, беспощадный, когда вопрос касался защиты родного Отечества. Командные курсы всегда были в полной боевой готовности.

В мае 1919 г. курсанты были направлены на Южный фронт, где участвовали в боевых действиях против белогвардейцев, проявив при этом непревзойденную стойкость и отвагу. Тогда на фронте, в боевой обстановке, был произведен первый выпуск красных командиров.

Двадцатые годы в Нижнем Новгороде, были очень напряженными. То и дело вспыхивали мятежи. Контрреволюционеры нападали даже на военные части с целью завладеть оружием. В вестибюле здания, где размещались Нижегородские пехотные курсы, стоял пулемет «Максим» с заряженной патронной лентой, направленный дулом на входные двери. За пулеметом сидел курсант-пулеметчик. Курсанты всегда были в полной боевой готовности. Иногда курсанты неделями ложились отдыхать в полном обмундировании, винтовки стояли у прикроватных тумбочек. В случае ЧП курсантов поднимали

по тревоге и вели по ночным улицам города. Они окружали дом, или даже целый квартал, ходили по квартирам и отводили бунтовщиков в военный комиссариат. Такие операции проводились всегда под руководством Вавилова.

В 1920 г., осенью, черносотенцы, меньшевики и эсеры совершили крупные провокации на Сормовском заводе и других крупных предприятиях города. Обстановка накалялась с каждым днем. Некоторые зарубежные газеты уже писали, что в Нижнем Новгороде власть захватило правительство меньшевиков во главе с Черновым. 30 октября местные власти организовали беспартийную красноармейскую конференцию совместно с рабочими. Однако, рабочих от заводов почти не было, места в зале заняли меньшевики и их приспешники. Большинство делегатов, кроме делегации от Нижегородских курсов и конвойной команды, находились под их влиянием. Кроме того, у всех было оружие. Контрреволюционные элементы прямо ставили задачу ареста Нижегородского руководства компартии и советской власти, и объявления сигнала к всеобщему восстанию в Нижнем Новгороде.

Командир курсов Ф.А. Вавилов принял тогда единственно правильное решение. Он поднял курсантов по тревоге, окружил театр, где шла конференция, разоружил депутатов и отправил их по назначению. Кроме того, он разоружил все ненадежные воинские части гарнизона, от которых были делегаты на конференции, восстание было подавлено.

В одной из своих анкет Федор Алексеевич на вопрос о своем социальном статусе отвечает: «полурабочий, полукрестьянин...» [6]. То есть, он считал себя и рабочим, и крестьянином. После гражданской войны Вавилов продолжал оставаться комиссаром военных училищ, воспитывая будущих офицеров Советской Армии. Последние годы службы в армии он занимал пост комиссара высших артиллерийских курсов усовершенствования командного состава в Луге, а потом должность военного прокурора 1-го стрелкового корпуса в городе Пскове, был военным прокурором города Горького. В 1935 г. он перенес тяжелый инсульт, оставил службу, ему была назначена персональная пенсия союзного значения.

Тайн и неизвестных страниц в жизни этого легендарного человека пока еще много, начиная с даты и места его рождения. Интернет дает сведения, что он «родился в селе Новопокровское Арзамасского уезда, (ныне деревне Покровка Арзамасского района)». Но это не так.

Дело в том, что деревушка Покровка ныне Арзамасского района некогда селом Новопокровским не была. Село Новопокровское Арзамасского уезда располагалось на территории ныне Вадского района, между селами Яблонкой и Умаями. (Известно, что почти вся территория Вадского района до 1929 г., года образования района, входила в состав Арзамасского уезда).

К сожалению, сегодня этого села нет, на его месте сейчас, в поле, стоят руины православного храма Покрова Пресвятой Богородицы, в котором 7 февраля 1885 г. крестили только что родившегося младенца Феодора. Привожу полную информацию регистрации его рождения из метрической книги Покровской церкви села Новопокровского за №6 от 7 февраля 1885 г.: «Младенец Феодор. Родители: села Новопокровского билетный солдат Алексей Андреев Вавилин и законная жена Анна Дмитриева, оба православные. Крестили: священник Павел Безводинский, псаломщик Николай Тезивров. Восприемники: села Новопокровского крестьянин Михаил Васильев Казарин и деревни Радушино солдатка Агриппина Теплова». Окрестили младенца в церкви в день же его рождения. Дата рождения и крещения – 7 февраля 1885 г. [7]

Федор Алексеевич в сознательной жизни носил фамилию – Вавилов, а родители его, как записано в церковной книге – Вавилины? Фамилии: Вавилины, и Вавиловы, встречаются почти на каждой странице метрической книги. У отца Федора Алексеевича, Алексея Андреевича Вавилина, отставного солдата, отпущенного в бессрочный отпуск и имеющего отпускной билет (билетного солдата), было четыре брата: Павел, Василий, Александр, Федор. У каждого из братьев была большая семья, поэтому в селе Новопокровском, наряду с основными новопокровскими фамилиями: Зайцевых, Казариных, Черкасовых, Павловых, Кузиных, Семагиных, Гагачевых, – фамилию Вавилин носил чуть ли не каждый четвертый житель. Кстати, упоминаются и Вавилины, и Вавиловы. Причем, одни и те же люди, в одном месте – Вавилины, в другом – Вавиловы. Видимо, для батюшки в церкви большой разницы между этими фамилиями не было. Такая же ситуация встретила меня и в документах раннего советского периода: паспортов у местных крестьян не было до 1974 г.

Думаю, этим и воспользовался Федор Алексеевич на сормовских баррикадах, когда рабочих преследовали и увольняли за рево-

люционную деятельность. Вавилов – это партийный псевдоним Федора Алексеевича. Итак, Федор Алексеевич Вавилов, родился в большой семье Вавилиных, в селе Новопокровское Арзамасского уезда, ныне Вадского района, 7 февраля 1885 г. в крестьянской семье. Село в середине XX в. распалось, и большинство жителей переехали в Арзамас, другие районы, город Нижний Новгород. Некоторые из братьев Вавилиных обосновались в селах Чернухе, Пошатове и близлежащих деревнях. Там до настоящего времени проживают их многочисленные внуки и правнуки. Кстати, и Вавиловы, и Вавилины. Возможно, там проживала и семья Федора Алексеевича, о которой тоже почти ничего не известно. Это еще одна тайна. Единственные сведения, которые мне удалось встретить при изучении материалов о нем, это запись о том, что 5 октября 1921 г. в селе Новопокровском родилась дочь Галя. Отец – Вавилин Федор Алексеевич, 36 лет, мать – Вавилина Прасковья Семеновна, 30 лет. Род занятий – хлебопашество, количество детей – 4.

Где бы ни служил Федор Алексеевич, он держал связь с родными, с Арзамасским краем. По некоторым сведениям, Федор Алексеевич Вавилов вернулся в Арзамасский район в начале Великой Отечественной войны. Вернее, даже не в Арзамасский, а на тот момент в Чернухинский район, деревню Кокоревку. (Чернухинский район, как административно-территориальная единица в составе Горьковского края (области), создан в январе 1935 г. из части сельских советов Арзамасского и Дальнеконстантиновского районов. Административным центром Чернухинского района являлось село Чернуха. В состав района вошли 11 сельских советов. Район ликвидировался в апреле 1963 г., населенные пункты переданы в Арзамасский район).

Документы о его пребывании в Чернухинском районе я нашел в материалах двух партийных конференций [6]. Четвертая партийная конференция Чернухинского района состоялась 14 марта 1948 г. Вавилов Федор Алексеевич, как старейший член партии, был избран в ее президиум. На повестку дня конференции были вынесены два вопроса: отчет райкома ВКП(б) о выполнении решений третьей районной партконференции и выборы делегатов на Горьковскую областную партийную конференцию. Федор Алексеевич выступил в прениях по первому вопросу. В своем выступлении он остановился на эффективности работы коммунистов, отрыве слова от дела. Указал

на отсутствие оперативности в руководстве колхозами, необходимость сочетания партийной учебы с практической работой, критиковал работу местных Советов, мало привлекающих в своей работе актив. На областную партконференцию от Чернухинской районной организации были избраны три делегата, в том числе и Вавилов Федор Алексеевич, член Всероссийской партии большевиков с 1904 г. Пятая конференция Чернухинского райкома состоялась 18 июня 1948 г. На этой конференции был избран новый состав райкома, в состав которого вошел и Федор Алексеевич. В списках, в графе – профессия, должность – напротив его фамилии записано: колхозник колхоза «Первый».

На сельском кладбище в селе Чернуха есть непримечательная могилка, по состоянию и виду которой не скажешь, что здесь захоронен видный государственный и политический деятель. На старом разрушающемся памятнике надпись: «Вавилов Федор Алексеевич. (1885 – 16 декабря 1950 гг.)». Сегодня мы можем прибавить к этой надписи недостающую дату рождения: «7 февраля 1885 – 16 декабря 1950 гг.». В феврале этого года нашему легендарному земляку, исполнилось 140 лет со дня рождения. Таких людей нельзя забывать потомкам. В нашей памяти он навсегда останется ярким героем своего времени, пламенным патриотом, настоящим защитником родного Отечества.

Источники и литература

1. Боевая юность // Горьковская правда. 1959. 25 сентября (№ 225).
2. Боевой путь революционера – Федор Алексеевич Вавилов. Воспоминания полковника в отставке М.Н. Латунина // Из фондов Арзамасского историко-художественного музея.
3. Государственный архив Нижегородской области, г.о.г. Арзамас (далее – ГАНО, г.о.г. Арзамас). Ф. Р-22. Оп. 1.
4. ГАНО, г.о.г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 1.
5. ГАНО, г.о.г. Арзамас. Ф. Р-24. Оп. 1.
6. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 542. Оп. 21.
7. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 10.
8. Латунин М.Н. Организатор и пропагандист // Арзамасская правда. 1969. 5 марта (№ 38).
9. Малюгин В.Н. Жизнь такая, какая надо. М., 1971.
10. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. Арзамас, 1967.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АРЗАМАССКОМ РАЙОНЕ В 1920–1940 ГОДЫ: КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Вершинин Марк Антонович

МБУК музей «Природа» им. С.И. Трофимова

структурное подразделение Музейно-выставочный центр, научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: markvershinin@gmail.com

В статье представлен краткий анализ процессов коллективизации и развития сельского хозяйства в Арзамасском районе в период с 1920-х по 1940-е годы. На основе работ историков и краеведов, а также материалах сборников документов исследуются ключевые этапы становления колхозной системы, роль машинно-тракторных станций (МТС), сопротивление кулачества, а также достижения в области сельскохозяйственного производства. Особое внимание уделено социально-экономическим последствиям коллективизации, включая изменения в структуре сельского хозяйства, рост производительности и влияние государственной политики на жизнь крестьянства.

Ключевые слова: сельское хозяйство; коллективные хозяйства; коллективизация; кулаки; Арзамасский район; машинно-тракторные станции.

После окончания Гражданской войны (1917–1922) сельское хозяйство России находилось в состоянии глубокого кризиса. Арзамасский район, как и многие другие регионы страны, столкнулся с упадком аграрного производства, вызванным разрухой, нехваткой техники и рабочей силы. В этих условиях советская власть начала проводить политику коллективизации, направленную на создание коллективных хозяйств (колхозов) и модернизацию сельского хозяйства. После Гражданской войны по данным на 1920 год, в районе насчитывалось лишь 136 деревянных плугов, 372 жатки, 3632 деревянные сохи и 12 паровых машин. Эти цифры свидетельствуют о крайне низком уровне механизации сельского хозяйства [3, с. 61].

Первые попытки создания коллективных хозяйств были приняты уже в 1918–1919 годах, когда в сёлах Старо-Иванцево и Волчиха появились коммуны. Однако в условиях Гражданской войны и разрухи эти хозяйства не смогли укрепиться. К 1920 году сохранились лишь коммуна «Свободный труд» и товарищество в селе Никольское. Из-за острой нехватки семян, тягловой силы и рабочих рук более 20 тысяч десятин земли в уезде так и остались лежать под паром [6, с. 54]. Ситуацию усугубила жестокая засуха, которая бушевала в 1920 и 1921 годах. Урожайность зерновых в 1921 году упала до катастрофически низкого уровня – всего 18 пу-

дов с десятины. Поголовье скота также резко сократилось, что привело к резкому скачку цен на сельхозпродукцию. К февралю 1922 года рыночные цены взлетели до невероятных высот: пуд ржи стоил 2100 рублей, пшеница – 2200 рублей, а картофеля – 3200 рублей. Для сравнения, средняя месячная зарплата рабочих и служащих в то время составляла лишь 1395 рублей, что делало базовые продукты питания практически недоступными для большинства населения [1, с. 249].

Переломным моментом в развитии сельского хозяйства Арзамасского района стал 1928 год, когда был создан первый полноценный колхоз «Рассвет» в селе Хватовка. К весне того же года в колхоз вступило 48 хозяйств, а из города был передан первый трактор. В 1928 году также были организованы Олевский, Селищнинский и Волчихинский колхозы, которые засеяли около 200 гектаров земли. К 1929 году валовое производство сельского хозяйства в районе достигло довоенного уровня, что стало важным шагом в восстановлении аграрного сектора [6, с. 55–56].

В 1930-е годы коллективизация в Арзамасском районе приобрела массовый характер. Для организации сельских масс и разъяснительной работы в 1929 году начала издаваться газета «Арзамасская деревня» (с 1932 года – «Арзамасская правда») [7, с. 204–205].

Жители Арзамаса активно поддерживали колхозы, помогая им осваивать и ремонтировать сельскохозяйственную технику. Значительный вклад в это дело вносили мастерские тракторно-механического техникума, которые стали важным звеном в обеспечении колхозов необходимыми ресурсами и знаниями. Городские предприятия также не оставались в стороне, беря шефство над сельскими хозяйствами. Например, войлочная фабрика взяла под опеку колхозы Каменского сельсовета, железнодорожная станция Арзамас-II помогала хозяйствам Чернухинского и Селемского сельсоветов, а связисты поддерживали Саблуковский колхоз. Комсомольцы города активно включались в жизнь подшефных колхозов, организуя субботники и участвуя в уборке урожая. Шефы не только помогали с ремонтом и приобретением оборудования, но и способствовали развитию культурной и образовательной жизни на селе, налаживая работу сельских клубов, школ и изб-читален [1, с. 269].

Важным шагом в модернизации сельского хозяйства стало создание Машинно-тракторных станций (МТС). В 1931 году была организована Арзамасская МТС, которая, несмотря на скромный парк

техники (25 единиц), сыграла ключевую роль в повышении производительности колхозного труда. К 1935 году, когда Арзамасский район стал районом сплошной коллективизации, МТС располагала 50 тракторами, 21 комбайном, 20, молотилками, 27 сеялками, 31 культиватором и другим прицепным оборудованием. В зоне обслуживания МТС находилось 38 колхозов, общая посевная площадь которых составляла около 24 тысячи гектаров [1, с. 272].

К концу 1931 года в районе насчитывалось 107 колхозов, объединявших 8193 крестьянских двора (38,8% от общего числа). К началу 1931 года в районе существовало лишь 58 колхозов, в которые входило 2445 хозяйств, преимущественно бедняцких и середняцких, что составляло чуть более 11% от общего числа. Однако уже к 1934 году картина радикально изменилась: количество колхозов выросло до 128, и не осталось ни одного села или деревни, где бы сохранились единоличники. Теперь в колхозах состояло 15250 середняцких хозяйств, или 70% от общего числа. За четыре года сельское хозяйство района сделало мощный рывок в механизации: на полях появилось 69 тракторов, количество сортировочных машин увеличилось с 84 до 133, сеялок с 323 до 500, жаток с 147 до 166, молотилок с 210 до 278, а косилок с 15 до 107. Впервые в районе зарегистрировали автомобили: 22 грузовика и 9 легковых машин. Если в 1931 году здесь произвели 240 тысяч пудов хлеба, то к 1934 году объем вырос до 471 тысячи пудов. Аналогичный рост наблюдался и в других культурах: картофеля собрали 1199 тысяч пудов в 1931 году и 1552 тысячи в 1934-м, лука 72 и 234 тысячи пудов соответственно. Производство молока увеличилось с 22 до 120 тысяч пудов, а мяса с 21,5 до 59 тысяч пудов. Уровень жизни колхозников также заметно улучшился: если в 1931 году семья в среднем получала 3,3 центнера хлеба и 9,5 центнеров картофеля на трудодни, то к 1934 году эти цифры выросли до 10 центнеров зерна и 20,2 центнеров картофеля. Колхозное движение набирало обороты, во многом благодаря активному развитию социалистического соревнования. С каждым годом в него вовлекалось все больше сельских тружеников, стремившихся показать лучшие результаты. За выдающиеся достижения в 1937 и 1938 годах, а также за перевыполнение планов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, Четвертоковский колхоз «Борец» был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Успехи арзамасских колхозников на ВСХВ стали ярким свидетельством масштабов социалистического соревнования в деревне [2, с. 229].

К 1937 году уровень коллективизации достиг 93%, что свидетельствовало о почти полном охвате крестьянских хозяйств колхозной системой. Коллективизация встретила сопротивление со стороны зажиточных крестьян (кулаков) и части середняков. Кулаки, опасаясь потери своих хозяйств, пытались саботировать создание колхозов, распространяя слухи о «ночных работах», «обобществлении жён» и «голодных пайках». В некоторых случаях сопротивление принимало форму вооружённых выступлений. Например, в ночь с 12 на 13 марта 1934 года в селе Саблуково был убит комсомольский лидер Фёдор Миронов [6, с. 58–59].

В ответ на сопротивление советская власть проводила политику раскулачивания. По данным райкома партии, в период коллективизации в Арзамасском районе было раскулачено 451 хозяйство, а 2416 человек лишены гражданских прав. Многие крестьяне-середняки также попали под репрессии, что вызывало недовольство среди сельского населения. Например, в селе Новый Усад и Каменка кулаки активно агитировали против колхозов, что привело к массовому выходу крестьян из колхозов: в 1931 году из 40 вступивших хозяйств 30 подали заявления о выходе. Несмотря на трудности, коллективизация принесла значительные результаты. К 1937 году 93% крестьянских хозяйств Арзамасского района были объединены в колхозы. Производство сельскохозяйственной продукции значительно выросло: если в 1931 году было сдано 240 тысяч пудов хлеба, то в 1934 году – уже 471 тысяча пудов. Производство картофеля увеличилось с 1119 тысяч пудов в 1931 году до 1552 тысяч пудов в 1934 году [6, с. 49].

Важной частью политики развития сельского хозяйства было животноводство. В рамках общесоюзной кампании «Поход за животноводством» в Арзамасском районе строились фермы, свинарники и коровники. поголовье скота увеличилось: если в 1932 году в районе насчитывалось 195 голов крупного рогатого скота, то в 1934 году уже 247. Производство мясомолочной продукции также выросло: в 1934 году было сдано 120 тысяч пудов молока и 59 тысяч пудов мяса. В 1931 году объёмы производства сельскохозяйственной продукции составили 240 тысяч пудов хлеба, а к 1934 году этот показатель вырос до 471 тысяч пудов. Аналогичная динамика наблюдалась и в других отраслях: сбор картофеля увеличился с 1,199 миллиона пудов до 1,552 миллиона, лука с 72 тысяч до 234 тысяч пудов. Производство молока за тот же период возросло с 22 тысяч до 120

тысяч пудов, а мяса – с 21,5 тысячи до 59 тысяч пудов. Улучшение уровня жизни колхозников подтверждается и другими данными. К 1931 году каждая колхозная семья в среднем получала 3,3 центнера хлеба и 9,5 центнеров картофеля в качестве оплаты за трудодни. К 1934 году эти цифры значительно увеличились: на одну семью приходилось уже 10 центнеров зерна и 20,2 центнера картофеля. В 1930-е годы в Арзамасском районе активно развивалось социалистическое соревнование. В 1934 году было проведено соревнование по выращиванию лука, в котором победил Ветошкинский колхоз, собравший 157 центнеров лука с гектара. С 1935 года в районе распространилось стахановское движение. Звенья колхозников соревновались за повышение урожайности. Например, в колхозе имени Жданова звено Л. Бариновой собрало 270 пудов озимой пшеницы с гектара [2, с. 227–228].

Великая Отечественная война стала тяжёлым испытанием для народного хозяйства всей страны. Общее число тракторов в сельском хозяйстве уменьшилось с 1940 до конца 1941 года с 683,8 до 441,8 тысяч, грузовых автомобилей с 228,2 тысяч до 66 тысяч. В 1942–1943 гг. промышленность могла дать сельскому хозяйству только 900 тракторов в год (20,3 тысяч в 1940 году.) [5, с. 25]. В таких условиях даже весьма успешным колхозам Арзамасского района в лучшем случае удавалось поддерживать производство на одном уровне. Так в образцовом Семёновском колхозе Заря с 1940 по 1945 года урожайность зерновых поддерживалась на уровне 16,8 центнеров с гектара. Увеличение урожая трудолюбивыми семёновцами во главе с председателем Георгием Леонидовичем Рословым в 1947 году на 1,5 центнера зерновых с гектара, было оценено как значимое достижение. Значительная часть мужского населения сёл была мобилизована на фронт, при этом нужно было не только спасать урожай, но и обеспечить эвакуацию скота. Основная нагрузка выпала на женщин и детей, пожилых людей и привлечённых жителей городов. Удельный вес женщин в составе трактористов МТС вырос с 4 % в начале 1940 до 45 % в 1942 году, среди комбайнеров МТС – с 6 % до 43 %, среди шоферов – с 5 % до 36% [4, с. 81–82].

Коллективизация в Арзамасском районе стала важным этапом в развитии сельского хозяйства. Период после Гражданской войны и вплоть до начала Великой Отечественной войны стал для Арзамасского района, как и для всей страны, временем глубоких преобразо-

ваний. Начавшись с катастрофического упадка, вызванного разрухой, нехваткой техники, рабочей силы и последствиями засухи 1920–1921 годов, аграрный сектор региона постепенно восстанавливался благодаря политике коллективизации. Этот процесс, несмотря на сопротивление части крестьянства, особенно зажиточного, принёс значительные результаты. К концу 1930-х годов Арзамасский район стал районом сплошной коллективизации, где большая часть крестьянских хозяйств были объединены в колхозы. Период 1920–1940-х годов стал для Арзамасского района временем радикальных преобразований, которые, несмотря на все трудности и издержки, заложили основы для дальнейшего развития сельского хозяйства. Коллективизация, механизация и модернизация аграрного сектора позволили не только преодолеть последствия Гражданской войны и справиться с разрухой, но и создать устойчивую систему, способную выдержать испытания Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Ефимов О.В., Грубов В.И., Егшин А.Л. История Арзамаса: прошлое и настоящее: коллективная монография. Арзамас, 2019. 427 с.

2. Ефимов О.В. Особенности процесса коллективизации в Арзамасском районе Нижегородской области // VIII Бартеневские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Липецк, 05 октября 2018 года. Липецк, 2018. С. 225-230.

3. Ефимов О.В. Модернизационные процессы в сельском хозяйстве в 20-30-е гг. XX века (на примере Арзамасского района) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2(77). С. 61-63.

4. Зайцева И.Г., Кондратьева Н.С., Кузьмина А.Н. Город Арзамас и Арзамасский район в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сборник документов. Н. Новгород, 2015. 168 с.

5. Зельднер А.Г. Сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. Вестник Академии экономической безопасности. 2010. №6. С. 24-28.

6. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. Арзамас, 1967. 131 с.

7. Родина Г.И. «Арзамасская правда» на страницах областной периодики 1920–1930-х гг. (к 100-летию газеты) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сборник статей участников XV Региональной научно-практической конференции, Арзамас, 07 декабря 2017 года / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков. Выпуск XIV. Арзамас, 2018. С. 204-209.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРЗАМАССКОЙ ВОЙЛОЧНОЙ ФАБРИКИ ИМ. С.М. БУДЕННОГО В 1941 – 1942 ГГ. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

Бодрин Алексей Владимирович

Музей «Природа» им. С.И. Трофимова, научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: germes.al@yandex.ru

В статье дается общая характеристика деятельности войлочной фабрики им. С.М. Буденного г. Арзамаса в первые два года войны. Перечисляются ключевые направления, по которым фабрика оказывала дополнительную помощь, как тылу, так и фронту; раскрывается комплекс проблем объективного и субъективного плана, с которыми столкнулось предприятие; акцентируется внимание на технологических достижениях фабрики. Особо подчеркивается роль фабрики в производстве шорно-седельных изделий и материалов для них, имевших стратегическое значение.

Ключевые слова: войлочная фабрика; деятельность; война; тыл; фронт; проблемы; шорно-седельные изделия.

Накануне войны Арзамас был небольшим провинциальным городом, в котором не только отсутствовали развитые отрасли топливно-энергетического комплекса, но даже «хорошая питьевая вода была на строгом учете и расходовалась нормированно» [1, с. 105]. Согласно данным статистики за 1941 г. численность населения г. Арзамаса составляла 28558 человек [1, с. 105]. Одним из ключевых местных предприятий наряду с ликеро-водочным и пивным заводами, а также хлебокомбинатом, являлась войлочная фабрика им. С.М. Буденного, которая не без оснований считалась образцовой и в ведомственном отношении относилась к Министерству легкой промышленности. Так, до начала войны фабрика выполняла план по всем показателям: ассортимент, производительность труда, снижение себестоимости. 21 июня коллектив фабрики выполнил полугодовую производственную программу по валовой продукции в «неизменных ценах на 100,1%, а в натуральном выражении на 100,7%» [2, № 145, с. 1]. Существенно повысилось и качество выпускаемой продукции.

Однако начавшаяся война поставила войлочную фабрику перед фактом немедленного перехода на рельсы мобилизационной экономики и «производство изделий, имеющих военно-хозяйственное значение» [5, с. 156]. Фабрика поставляла шорный войлок, подошвенный, щитковый, технический и подкладочный, а также колхозную подкладку. Шорный войлок поставлялся на шорно-седельные

фабрики, которые производили кавалерийское снаряжение, подошвенный шел на изготовление валенок, технический применялся для изготовления сальников, прокладок и фильтров для военной и сельскохозяйственной техники [1, с. 108].

Слаженная работа арзамасских предприятий в военных условиях была бы невозможной без массовой поддержки людей. Коллектив фабрики им. С.М. Буденного на митинге, посвященном выступлению по радио В.М. Молотова, одобрил все решения, принятые советским правительством. «Мы будем честно и самоотверженно трудиться на своих постах, - так было записано в резолюции митинга, - тем самым будем крепить мощь нашей доблестной Красной Армии» [2, № 148, с. 1]. Рабочие в полной мере выполняли взятые на себя обязательства. Например, работницы шерсточесального цеха Гущина, Турусова, Зуева и стирщицы Андрианова и Нефедьева 22 и 23 июня 1941 г. выполнили нормы на 120 – 130%, стирщик Ваганов на 154%, а катали Клочков и Перцев выполнили почти по 2 нормы каждый, тем самым повысив производительность труда. Кроме своей непосредственной работы по производству шорно-сидельных изделий и материалов для них, войлочная фабрика оказывала большую дополнительную помощь тылу и фронту по целому ряду других направлений. Во-первых, рабочие и служащие фабрики помогали колхозам в строительстве народной магистрали Горький – Арзамас – Кулебаки. 29 июня они работали на участке Пешеланского колхоза «Осоавиахим». За один день ими было выполнено земляных работ «в объеме 450 кубометров» [2, № 154, с. 4]. В дополнение к этому коллектив фабрики участвовал в процессе скирдования. Скирдование вручную ускорило уборку урожая в колхозах, дало возможность высвободить часть тягловой силы для других работ.

Во-вторых, это сбор металлолома рабочими и служащими фабрики. Они собрали 12 тонн, из них 9 тонн было взято пунктом «Утильзаготовитель», что позволило выделить фронту дополнительное количество танков, снарядов, патронов для действующей армии.

В-третьих, это поставки государству зерна и мясомолочной продукции с подсобного хозяйства фабрики размером 92 гектара земли; их них «зерновыми культурами было засеяно 44 гектара, картофелем 14, огородными культурами 7, многолетними травами 15» [2, № 174, с. 3]. При чем, несмотря на сложные условия, оно полностью рассчиталось с государством по мясу и молоку, а сам урожай

был собран в сжатые сроки и без потерь со сдачей зерна высокого качества.

В-четвертых, это добровольный уход рабочих и служащих в Красную Армию. На место мужчин, ушедших на фронт, пришли женщины, что было довольно распространенным явлением для военного времени. Например, Алексеева жена мастера стирочного цеха, на другой день, как проводила мужа на фронт, пришла на фабрику и заявила о своем желании работать на производстве [2, № 169, с. 3]. Лаборант Никитина заменила мобилизованного заведующего лабораторией. При этом по совместительству она еще выполняет и обязанности лаборанта. Пять девушек работают в качестве электриков, одна стала водителем автомашины. Даже управленческий персонал был готов занять освободившиеся низшие рабочие должности. К примеру, зам. начальника планового отдела А.И. Бешин, как и многие другие ответственные административные работники фабрики, выразили готовность в любое время перейти на работу на производство [2, № 169, с. 3].

Дефицит кадров, который сложился на предприятиях города, сделал актуальным вопрос о замещении мобилизованных и добровольцев, решение которого было найдено в рамках т.н. движения двухсотников – одной из форм социалистического соревнования, которое предполагало выполнение нормы военного времени (200 и более % от нормы мирного времени), что, проще говоря, означало работу за двоих или троих. Многие мужчины и женщины войлочной фабрики перестроились работать, соответствуя сложившейся военной обстановке. Они намного перевыполняли дневные нормы выработки. 20 авг. стенгазета фабрики сообщала: «Вчера каталь Мария Сахарова дала 50 войлоков сверх нормы. Молодец, Мария! Ты очень хорошо помогла фронту» [5, с. 157], а другая работница по фамилии Жукова выполняет дневное задание на все 200%.

Мобилизация мужчин также поставила на повестку дня проблему материального содержания семей. Фабричный комитет и администрация предприятия оказывали семьям товарищей, ушедших на фронт, максимально возможную поддержку. Так, из 8 семей, главы которых были мобилизованы, дети получили бесплатные путевки в пионерлагеря. Дети младшего возраста были устроены детсады и детясли. Семьи красноармейцев получили право на материальную помощь.

В-пятых, это передача денежных средств в пользу Красной Армии. Основным центром накопления пожертвований стал Фонд обороны – специальный государственный фонд, на счета которого поступали денежные средства и материальные ценности, передававшиеся гражданами СССР и трудовыми коллективами на нужды фронта [1, с. 130]. Не был исключением и Арзамасский район. Именно войлочная фабрика им. С.М. Буденного и артель «Войлок-стелька» стали первыми инициаторами подобной практики. 1 авг. 1941 г. на фабрике состоялось общее собрание рабочих, инженерно-технических работников и служащих по вопросу о создании Фонда обороны. В единогласно принятой резолюции было сказано: «В суровые дни наш долг отдать все свои силы, всю свою энергию и средства для быстрейшего разгрома фашистских банд. Поддерживаем предложение советских патриотов о создании народного фронта обороны» [2, № 182, с. 3]. Уже 4 авг. это решение было формализовано в виде служебной записки главного бухгалтера фабрики бухгалтерам расчетного отдела Рыбенкову, Ильинскому и Степановой об удержании с рабочих и служащих отчислений в Фонд обороны страны; в ней говорилось, что «на основании постановления общего собрания рабочих и служащих фабрики с 1 августа производите до особого распоряжения удержание с рабочих и служащих отчислений в Фонд обороны страны в размере однодневного заработка» [4, д. 303, л. 47].

В целом коллектив фабрики, несмотря на то, что «значительная часть лучших людей ушла на фронт» [2, № 176, с. 1], не снижал достигнутого уровня выпуска продукции. Производственная программа за июнь была выполнена на 100,87%, выполнялся и июльский план. Что касается полугодовой программы, то фабрика ее выполнила на 106%. В сентябре фабрика добилась повышения производительности труда на 25%, за месяц сэкономила 5 т сырья, на 5% снизила расход нефти [6, с. 278]. Однако по итогам 1941 г. производственная программа была выполнена только на 89,67%. Недовыполнение плана произошло за счет работы второго полугодия, прежде всего за период 4 квартала, что было связано главным образом с объективными причинами трудного военного времени, а именно: дефицит квалифицированной рабочей силы и недостаточное снабжение фабрики сырьем, топливом (нефть, дрова), «вспомогательными материалами (пилка гарнет, колковая лента, ремни и проч.)» [4, д. 295, л. 31, 32], вследствие чего предприятие в последние месяцы 1941 г.

при неполной загрузке производственного оборудования могло простаивать целые дни. В 4 квартале фабрика приступила к выработке потникового войлока, так как изменились запросы со стороны шорно-седельных фабрик в связи с поступившими военными заказами.

Еще одним отрицательным следствием нехватки планового ассортимента сырья, особенно «шерсти овечьей натуральной, а также конской и искусственной» [4, д. 295, л. 31, 32], было постоянное отклонение от установленной рецептуры при составлении рецептов смесок. Раскрой войлока, организованный еще в 1940 г., в начале второго полугодия следующего года по распоряжению Горьковского обллегпрома был остановлен, что было связано с измененными заданиями при выпуске продукции шорно-седельной фабрикой им. К. Маркса. Остатки продукции (детали) были фабрикой реализованы местным торговым организациям с разрешения Горьковского обллегпрома. В дек. 1941 г. в связи с большим наличием «на складах ф-ки щиткового войлока приступлено к выработке из отходов производства подкладки для хомутов» [4, д. 295, л. 31, 32], которая пользовалась спросом на местном рынке.

Первостепенная задача, которая стояла перед предприятием на 1942 г., – это подготовка к зиме. Паросиловое хозяйство (дизельные установки, котлы) были полностью готовы, а сушилки для сушки войлока капитально отремонтированы. Главные цеха – войлочный и чесальный были «в основном оборудованы» [2, № 210, с. 2]. Большую роль в подготовке фабрики к первой военной зиме сыграл коллектив. Было организовано два воскресника, в которых приняли участие до 150 человек; именно они «привели в исправность оборудование в цехах» [2, № 210, с. 2]. Также было отремонтировано много фабричных квартир и общежитие на 40 человек.

Однако ключевым вызовом для фабрики в подготовке к работе в зимних условиях была необеспеченность топливом, что было связано с медленной заготовкой и вывозом дров из леса и очень усложняло выполнение задачи по повышению производительности труда. Тем не менее, руководство фабрики не проанализировало ошибки 1941 г., не приняло необходимых мер по обеспечению своего предприятия достаточным количеством топлива, что актуализировало данную проблему на протяжении всего 1942 г. В связи с этим по ито-

гам 9 месяцев 1942 г. войлочная фабрика не смогла выполнить производственный план, что было обусловлено, в том числе, и ненадлежащим контролем местной партийной организации над деятельностью администрации, в результате чего «непорядков на фабрике было много, не были использованы многие возможности для улучшения ее работы» [3, № 123, с. 1].

Еще одной проблемной темой было отсутствие систематической проверки выполнения социалистических договоров в рамках широко развернувшегося в стране предоктябрьского социалистического соревнования. Данная проверка проводилась sporadически, не во всех цехах в наличии была доска показателей, при том, что «рабочие каждый день должны знать, сколько они выработали, но этого на фабрике нет» [3, № 125, с. 1]. Ежедневный учет труда также не проводился. Коллектив фабрики к 25-ой годовщине Октябрьской революции взял на себя обязательство обучить 30 учеников. Но выполнялось оно плохо. На момент 28 окт. 1942 г. обучалось только 12 учеников, какая-либо воспитательная работа с ними не велась. И лишь изменение характера работы партийной организации, которая «поделовому занялась производственными вопросами» [3, № 123, с. 1], позволило добиться хороших результатов в части планового-предупредительного ремонта, подготовки кадров, повышения производительности труда и т.д.

Одним из самых острых вопросов, который никак не удавалось решить, был кадровый. На предприятие на постоянную основу требовались рабочие самых разных специальностей, объявление о найме которых регулярно публиковалось в городской газете, а именно: настильщицы, вкладчики, стираки, слесари, токари, электрики, столяры, плотники, шоферы на газогенераторные машины, грузчики, чернорабочие, вахтеры. Принимали и учеников. Заканчивалось объявление знаменитой советской фразой «одиноким предоставляется общежитие» [3, № 126, с. 2]. На временный период фабрика нанимала рабочих и работниц на заготовку дров, причем им предлагался самый разный набор льгот: предоставление жилья, обеспечение питанием и спецодеждой, сдельный характер работы, которая «стимулируется промтоварами» [3, № 126, с. 2]. Именно нехватка людей для лесных работ в дополнение к невысокому качеству административного управления на фабрике объясняет возникновение

топливной проблемы, при том, что самого леса в Арзамасском районе было вполне достаточно.

Однако, несмотря на сложную ситуацию, войлочная фабрика, мало изменившаяся с дореволюционного времени и пользовавшаяся английским оборудованием XIX в. «исправно выдавала продукцию, но нуждалась в современных изменениях» [1, с. 109]. В целях увеличения производственной мощности фабрики и перехода к более прогрессивным методам производства (сушка и валка войлоков и т.д.) в течение 1-го полугодия 1942 г. с согласия Наркомата легкой промышленности РСФСР были приняты меры по реконструкции фабрики «с доведением по мощности до 2900 т войлоков в год» [4, д. 295, л. 31, 32], что по сравнению с 1941 г. означало рост основной продукции на 25%. Необходимое оборудование для модернизации, как, например, «чесальные машины Краснопресненского завода, молотковые машины Курского завода» [4, д. 295, л. 31, 32], были заказаны, но в итоге удалось получить только одну машину из Курска, которая была смонтирована, но в эксплуатацию так и не была запущена из-за отсутствия моторов, «каковые были фабрике выделены и отгружены» [4, д. 295, л. 31, 32], однако, из-за логистических проблем до адресата так и не были доставлены.

Подобная ситуация сложилась с приобретением в Ленинграде «двигателя в 250 HP для усиления мощности силовой станции» [4, д. 295, л. 31, 32], стоимость которого была оплачена, но в связи с войной также не был получен, хотя и с обратным возвратом денег фабрике. Все остальные реконструкционные работы, как-то: «смена междуэтажных перекрытий, надстройка 2-го этажа утильцеха, дооборудование котельной при утильцехе» [4, д. 295, л. 31, 32], также остались невыполненными по объективным причинам. Главным приоритетом в работе по рационализации производства в течение 1942 г. было снижение норм расхода сырья, топлива и «вспомогательных материалов» [4, д. 295, л. 31, 32]. Наряду с этим при организации производства выработки потникового войлока были внесены изменения в технологический процесс сравнительно с тем, что было ранее, что позволило фабрике получить «условную годовую экономию в размере 135 000 руб.» [4, д. 295, л. 31, 32]. Всего было введено за 1942 г. 20 рационализаторских предложений «с условной годовой экономией 213 346 руб.» [4, д. 295, л. 31, 32] и выдано авторам 5333 руб. премии. К числу других позитивных достижений фабрики

можно отнести снижение случаев травматизма за 1941 г. по отношению к предыдущему году: вместо 42 произошло 23.

Таким образом, деятельность Арзамасской войлочной фабрики им. С.М. Буденного в 1941 – 1942 гг. проходила в крайне неблагоприятных условиях военного времени, вследствие чего ей пришлось столкнуться с комплексом проблем самого разного характера, что не могло не отразиться на процессе производства и выполнении плановых показателей. Но, несмотря на это, предприятие в целом функционировало на должном уровне и внесло свой весомый вклад в победу нашей страны в Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Арзамасцы на фронте и в тылу: ратный и трудовой подвиг арзамасцев в годы Великой Отечественной войны / С.Е. Галкин, М.Л. Мухин. Арзамас, 2018. 169 с.
2. Арзамасская Правда. 1941. № 145, 148, 154, 174, 169, 182, 176, 210.
3. Арзамасская Правда. 1942. № 123, 125, 126.
4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-2754. ОАО «Арзамасская войлочная фабрика». Оп. 1.
5. Очерки истории Арзамаса / науч. ред. Б.П. Голованов. Горький, 1981. 248 с.
6. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов. Саранск, 2015. 515 с.

ВОСПОМИНАНИЯ БОРЧАН-УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Варенцова Лариса Юрьевна

Нижегородская академия МВД России, д.и.н., доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: l_varentsova.65@mail.ru

В 2025 г. наша страна празднует 80-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). И чем дальше от нас хронологически отдалаются события 9 мая 1945 г., тем величественнее воспринимается подвиг советского народа. Данная статья посвящается воспоминаниям борчан-участников Великой Отечественной войны как историческому источнику. Проходит время, все меньше остается ветеранов-фронтовиков. Воспоминания выживших солдат и офицеров, военных врачей и медсестер-жителей Борского района Нижегородской области были опубликованы в 1992 и 1995 г. Вышли соответственно две книги под названиями «Шел войной солдат» и «Судьба солдата». Инициатором и составителем обеих книг стал В.Д. Агеев. Собраны мемуары, письма борских фронтовиков В.А. Лисова, Н.М. Зорина, В.Н. Ильиной, П.Н. Курицына, А.Д. Колебанова, В.И. Ключевой, Н.А. Краева, А.В. Воронина, К.А. Рулева и других. Большинство этих людей уже ушли из жизни, но на страницах

книг сохранились их мысли, восприятие жестокой войны глазами простого человека. Воспоминания – это исповедь каждого ветерана Великой Отечественной войны. Знакомство с ними позволяет нам поклониться нелегкой судьбе солдата, его мужеству и терпению, отважному сердцу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; жители города Бор Горьковской области; воспоминания участников Великой Отечественной войны; исторические источники.

Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, свыше 4 тыс. танков, более 47 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. самолетов, до 200 кораблей [2, с. 8]. На решающих направлениях своего наступления агрессор имел многократное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков, длившаяся 1418 дней и ночей.

По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, каждый день войны, каждый ее час был наполнен беспримерным мужеством защитников Отчизны, горем и страданиями миллионов людей; пройдя через суровые испытания, наш народ не покорился жестокому и беспощадному врагу, сохранил внутреннюю силу и достоинство и победил» [1, с. 5].

В годы Великой Отечественной войны в городе Бор Горьковской области не было военных действий. Многие борчане ушли на фронт. Другие, не покладая рук, самоотверженно трудились – «ковали» Победу в тылу. Лозунгом их жизни были слова: «Все для фронта, все для победы!»

Высокий патриотизм был характерен для большинства борчан. Облигации первого военного займа в 1942 г. на 3,6 млн. руб. распространили в городе всего за пять дней. При подписке на второй военный заем борчане государству направили 8,6 млн. руб. [4, с. 448].

Жители Борского района активно собирали денежные средства на строительство самолетов и танков, другой боевой техники. В пределах г. Бор было собрано 1,8 млн. руб., в сельской местности – 4,1 млн. руб. [4, с. 448]. Многие жители Борского района Горьковской области отличались своими крупными пожертвованиями в Фонд обороны страны. Например, колхозники Косаревского колхоза Алексей и Александр Лебедевы, председатель Кольцовского колхоза А.И. Демаков внесли по 100 тыс. руб. на покупку самолетов для авиаэскадрильи «Валерий Чкалов» [4, с. 448].

Благодарственные телеграммы Государственного Комитета

Обороны получили предприятия: Стекольный завод им. М. Горького, завод «Теплоход», судоремонтный завод им. К. Маркса, Ситниковское торфопредприятие, 6-ая фабрика, Толоконцевская средняя школа, колхоз «Красное поле». Такие телеграммы получили некоторые борчане, внесшие на строительство военных самолетов личные сбережения [4, с. 448].

В начале осени 1941 г. труженики Леневого колхоза Ямновского сельского Совета первыми в Борском районе включились во всенародное патриотическое движение по сбору теплых вещей для доблестных воинов нашей армии. На территории Борского района осенью 1941 – весной 1942 г. была сформирована 104-ая отдельная стрелковая бригада [4, с. 448]. Развернуто девять эвакуогоспиталей [4, с. 448].

Предприятия Борского района Горьковской области перешли на выпуск продукции для фронта. На заводе «Теплоход» изготавливались авиационные бомбы. Стекольный завод имени М. Горького поставлял стекла для танков, самолетов, противогазов. Судоремонтный завод производил азросани, ручные гранаты, корпуса снарядов для «Катюш», минометные мины. Швейные артели «Победа» и «Имени 1 Мая» выполняли пошив обмундирования, перчаток, белья. 1-ая и 6-ая фабрики наладили выпуск валенок для фронта, авиационного войлока, прокладок для танков [4, с. 449].

Труженикам тыла Борского района, в знак их трудового подвигов в годы Великой Отечественной войны вручались переходящие Красные Знамена Государственного Комитета Обороны. Они переданы на вечное хранение коллективу Стекольного завода имени М. Горького и завода имени 40-ой годовщины Октября [4, с. 449].

Труженики сельского хозяйства Борского района Горьковской области, в основном это были женщины, успешно выполняли планы хлебозаготовок, поставок мяса, молока, яиц и другого продовольствия. Они старались расширять посевные площади для выращивания сельхозпродукции в фонд обороны.

В 1965 г., в 20-ую годовщину Великой Победы, в память о героическом подвиге народа в г. Бор был установлен мемориал и Вечный огонь Памяти. Он расположен в центре города, на площади Победы. В нем находит свое выражение священная память борчан о сыновьях и дочерях, ступивших в бессмертие. Это памятник народным страданиям и народному мужеству [5, с. 16].

В 1941–1945 гг. свыше 15 тысяч борчан были награждены боевыми орденами и медалями [4, с. 449]. Среди них девять Героев Советского Союза – Н.М. Баринов, Ф.С. Бадин, Н.П. Власенко, А.Н. Голубев, Д.С. Калинин, С.Ф. Махалов, А.Н. Медведев, Г.А. Тупицын, Г.Г. Терентьев, А.В. Филиппов.

К.П. Кузнецов, С.Н. Осипов стали кавалерами солдатского Ордена Славы всех трех степеней. Бессмертный подвиг Н. Гастелло повторил А.Д. Шурганов. Ф.С. Бадин и А.Н. Голубев, став Героями Советского Союза, вернулись с войны на Борскую землю [4, с. 449].

Борский район – один из самых крупных в Нижегородской области. В нем насчитывается более двухсот больших и малых населенных пунктов, расположенных на левом берегу Волги, напротив Нижнего Новгорода. И из каждого населенного пункта Борского района Горьковской области люди ушли на фронт. В годы Великой Отечественной войны на фронте оказалось свыше 28 тыс. борчан, из них около 12 тыс. человек не вернулись домой [4, с. 449]. Почти в каждом из населенных пунктов Борского района Нижегородской области установлены памятники и обелиски с фамилиями погибших земляков.

Борский врач Василий Алексеевич Лисов писал, что во второй день Великой Отечественной войны его срочно вызвали в военкомат. Он так вспоминал свою дорогу на фронт: «Московский вокзал г. Горького осаждали провожающие, группами стояли красноармейцы, шутили, курили, по перрону прохаживались командиры». Все вытянулись по стойке «смирно», приветствуя пришедших на Московский вокзал генерала И.М. Скугарева, полкового комиссара В.Ф. Балакина, секретаря Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионова [7, с. 6]. Они провожали защитников Родины, выступали перед собравшимися с напутственными словами. Затем была объявлена посадка, и паровоз дал прощальный гудок и медленно потянул за собой вереницу вагонов – пассажирских, товарных, платформ с орудиями. «Убегали вдаль перрон, гимнастерки, кофточки, платочки, детские панамки, песни, слезы провожающих, был дан еще гудок, и горьковский вокзал скрылся вдали» [7, с. 7].

По словам врача В.А. Лисова, поезд миновал Тулу, Орел, эшелон приближался к фронту. Ему довелось спасать раненых в Смоленской, Курской областях, на территории Белоруссии. Медсанбат, как правило, разворачивался поблизости от места боев. Сразу к ним начинали приносить раненых. То приближались, то удалялись пулеметные и винтовочные залпы. Врачи В.А. Лисов, В.И.

Меркулов, Г.И. Годяев с помощью медсестер проводили операции, оказывали помощь раненым бойцам. Над ними кружили немецкие самолеты, рядом гремели взрывы бомб, из окон медпункта вылетали стекла, а операции не прерывались. Медики приучали себя не вздрагивать от взрывов.

Фронт продвигался вглубь нашей страны. Медпункт был оборудован в чистом поле села Леженьки, поблизости от города Тим Курской области. Стены медпункта прикрыты чистыми простынями. Воду приносили из колодца. Электросвет подавался через форточку от динамо-машины санитарного автобуса. Бои шли в шести километрах от медпункта. Раненых приносили на носилках.

В.А. Лисов писал, что «в перерывах между боями и операциями как чудо вспоминал мирную жизнь – возможность любить, растить детей, заниматься любимым делом, встречать рассветы и закаты» [7, с. 8]. После окончания Великой Отечественной войны бывший врач-фронтовик В.А. Лисов заведовал хирургическим отделением Борской центральной районной больницы.

Борчанин Петр Николаевич Курицын с первого дня Великой Отечественной войны служил на Северном флоте, был главным корабельным старшиной на североморской подводной лодке Щ-402. Он вспоминал, что представляло собой зимнее Баренцево море, мрачное и неприветливое даже летом. Полярная ночь, внезапно налетающие штормы, ледяные соленые брызги, издевавшие кожу на лицах. Непрестанная борьба велась с обмерзанием корпуса лодки. «Выматывали душу даже у бывалых моряков качка и холод», от которых невозможно было укрыться [7, с. 9]. Мины скрежетали о борт лодки [7, с. 10]. Фашисты перебросили в Баренцево море множество новейших подводных лодок.

14 августа 1942 г. лодку Щ-402 потряс сильный взрыв, на лодке начался пожар в трех отсеках. В аварийных отсеках погибло более половины команды – 19 человек, в том числе весь офицерский состав, кроме механика лодки. Она оказалась в состоянии холода и мрака, отсутствии электроэнергии. Погибла радиорубка. Чтобы запустить дизели, со всей лодки собрали электробатарейки, аккумуляторы. «Израненная» лодка, лишенная возможности погружаться, напрямую, через минные поля направилась к родным берегам.

П.Н. Курицыну пришлось выносить из аварийных отсеков погибших товарищей. В разбитых отсеках находились обгоревшие трупы. Каждый из погибших застыл у какого-либо механизма.

До последнего мгновения жизни они думали не о себе, а о других, оставшихся в лодке.

Погибших товарищей похоронили с воинскими почестями на кладбище города Полярный. Лодка была отремонтирована, команда пополнена. 25 июля 1943 г., в день 20-летия Северного военного флота, подводная лодка Щ-402 преобразована в Краснознаменную гвардейскую [7, с. 11]. Всего четыре корабля советского флота имели такое звание, все они – подводные лодки Северного флота. После увольнения в запас П.Н. Курицын преподавал математику и физику в школах г. Бор.

Уроженец г. Бор Николай Михайлович Зорин в своем очерке «Только бы не повторилось» [7, с. 21–31] писал, что Великая Отечественная война застала его на острове Сааремаа (Эзель) в Балтийском море, где он служил в первой батарее 39-го артиллерийского полка. Он был сержантом, командиром четвертого орудия.

Первыми приняли удар врага пограничные войска и дивизии, располагавшиеся вблизи границы. На всем фронте развернулись ожесточенные сражения [3, с. 11]. 22 июня 1941 г. рано утром на острове Сааремаа бойцы вступили в схватку с врагом. Вскоре здесь разгорелись упорные кровопролитные бои.

Ряды защитников острова таяли, все больше среди них становилось раненых и контуженных, заканчивались снаряды, патроны, гранаты. В последнем приказе командования в сентябре 1941 г., доведенном до защитников острова Сааремаа, сообщалось, что следует уничтожить всю боевую технику, снаряжение, чтобы они не достались врагу, после чего каждый волен поступать так, как хочет [7, с. 21].

5 октября 1941 г. оставшихся защитников в небольшом леске острова окружили немцы. Отступать им было некуда – кругом море, личного оружия они уже не имели. Фашисты без единого выстрела повели их на сборный пункт, где под дулами автоматов отобрали часы, теплые вещи, консервы и пр. С острова Сааремаа на баржах они были отправлены на материк, затем по железной дороге они были переправлены в лагерь военнопленных в г. Валга (Эстония) [7, с. 22].

Н.М. Зорин пишет, что сразу же по прибытии в лагерь они стали готовиться к побегу, но переводчик доложил об этом администрации. Покинуть лагерь не удалось. Лагерь для военнопленных

окружила полевая жандармерия. Одних посадили в карцер, других развезли по другим, еще более гибельным лагерям.

Н.М. Зорин попал в группу из нескольких сот человек, которых ночью затолкали в вагоны и повезли в Рижский концентрационный лагерь. Во время пути шел сильный дождь, Н.М. Зорину удалось выпрыгнуть из вагона. Он скатился на насыпь, затем в канаву с водой. Его выследили и арестовали латышские полицейские и отвезли в тюрьму г. Цесиса (Латвия), где находились политические заключенные и военнопленные. За побег полагался расстрел или другое тяжкое наказание. Н.М. Зорина вернули в лагерь г. Валга, разместили в карцере. В полной темноте, в грязи, на земляном полу, рядом лежали живые и мертвые люди. Способных двигаться заключенных заставляли вытаскивать наружу трупы. Один раз в день им выдавалось по банке воды и по сухарю. Сами немцы и переводчик в карцер не заходили – боялись заразы.

В общем бараке продолжалось массовое уничтожение советских военнопленных. В суровую зиму 1941–1942 г. морозы доходили до 30–35 градусов, похоронные команды не успевали копать в мерзлой земле траншеи для захоронения трупов. Их складывали штабелями около лагеря, как дрова, их объедали крысы, растаскивали собаки.

В барак задувался снег, он даже не таял. Сотни несчастных сидели на нарах с тяжелыми обморожениями. Никакой медицинской помощи им не оказывалось. Люди быстро погибали.

В лагере у них отобрали военную одежду и выдали вместо нее какие-то лохмотья. Под эти лохмотья Н.М. Зорин надел на себя мешок из-под цемента, сделав в нем отверстия для головы и рук. Подпоясавшись куском проволоки, на котором висели две консервные банки для баланды [7, с. 23].

В общем бараке от недоброкачественной пищи Н.М. Зорин заболел дизентерией. Врач-военнопленный пожалел его и перевел в «ревир» – нечто похожее на санчасть. Здесь было теплее, чем в бараках, больные лежали на соломе, их кормили несколько лучше, чем остальных. Лекарств не было. В «реви́ре» больных заедали вши. Больные дизентерией и сыпным тифом лежали рядом, заражая друг друга. Несколько дней Н.М. Зорин находился без сознания. Санитар готовился его переправить в мертвецкую, но врач, приложив к его носу зеркальце и, таким образом, зафиксировав дыхание, приказал больного оставить в «реви́ре». После войны Н.М. Зорин закончил

Горьковский медицинский институт, затем работал врачом детской центральной больницы г. Бор. С бывших военнопленных были сняты политические подозрения [7, с. 31].

Валентина Николаевна Ильина родилась в 1924 г. на Бору. В годы Великой Отечественной войны работала медсестрой плавучего госпиталя. На Волжской набережной г. Горького на рейде стояли белые пароходы с большими красными крестами. Они предназначались для перевозки раненых. На одном из таких плавучих госпиталей под названием «Волгарь» началась военная служба В.Н. Ильиной. В ту пору ей было всего 18 лет. Почти весь штат состоял из молодых девушек.

В своих воспоминаниях «Рейсы “Волгаря”» [7, с. 33–34] она вспоминала первый незабываемый рейс весной 1942 г. на Сталинградский фронт. Пароход плыл ночью в сплошной темноте, действовал закон военного времени – светомаскировка. До Саратова было все спокойно, затем началась опасная зона. Однажды ночью их поднял сигнал сирены «воздушная тревога». Вся Волга была освещена, а над ними кружил вражеский самолет. У них было все заранее расписано, кто и где должен находиться во время тревоги. Пароход приблизился к правому берегу. Все, кроме дежурных, быстро сошли на берег и укрылись в кустарнике. Самолет бомбил, несмотря на красный крест на крыше. Это было первое боевое крещение для юной медсестры.

На рассвете «Волгарь» продолжил свой рейс. Он прибыл в г. Камышин, где было приказано провести погрузку раненых. На берегу «Волгаря» уже ждали. По всему высокому склону группами и в одиночку располагались раненые бойцы. По словам В.Н. Ильиной, они были измученные, в выгоревших гимнастерках, с промокшими повязками. Кто-то шел сам, некоторых вели под руки товарищи. Не чувствуя ног, медсестры буквально «летали» с носилками, переносили лежачих раненых на борт парохода. Раненые доставлялись плавучим госпиталем в Куйбышев, Казань, Ульяновск, Горький [7, с. 33–34]. До поздней осени «Волгарь» совершал рейсы. По окончании навигации свою службу она продолжала во фронтовом госпитале в г. Камышине. Сутками не покидала свой пост. Нередко сдавала свою кровь тяжелораненым бойцам.

После завершения боевых действий под Сталинградом и ликвидации вражеской группировки госпиталь в феврале 1943 г. двинулся за фронтом через Елец в Курск на Центральный фронт [7,

с. 34]. В мирное время В.Н. Ильина работала заведующей детскими яслями № 13 в г. Бор.

Борчанин А.Д. Колебанов был награжден Орденом Славы третьей степени за битвы под Кенигсбергом 1944 г. Он вспоминал, что чем ближе они продвигались к Кенигсбергу, тем ожесточеннее шли бои [6, с. 168]. Ожидая контрнаступления немцев, бойцы направились в разведку. А.Д. Колебанов был в составе разведчиков. Выбрав огневые позиции, они наметили точки расположения зенитных орудий. На обратном пути их обстреляла немецкая противотанковая самоходно-артиллерийская установка «Фердинанд». Из-под обстрела разведчики вышли без потерь. Когда зенитный полк переходил на новые огневые позиции, «Фердинанд» снова обстрелял, подбил первое орудие и автомашину. От огня машина взорвалась, в ней погиб командир полка и оружейный расчет. Во вторую автомашину, на подножке которой находился А.Д. Колебанов со своим товарищем, снаряд попал под крыло. От разрыва подножка оторвалась. А.Д. Колебанову перебило ногу, контузило [6, с. 168].

После гибели командира полка новую огневую позицию, кроме него, никто не знал. Несмотря на потерю крови, он повел зенитчиков на разведанные позиции. И только успели установить на них орудия, как вражеские танки пошли в атаку. Зенитчики снова вступили в бой с танками. Против зенитно-артиллерийского полка в атаку шли больше тридцати разных танков.

Тридцать шесть зенитных орудий при поддержке пулеметной роты полка отразили эту атаку. На поле боя остались подбитые и подожженные танки, лишь немногие уцелевшие бежали.

От потери крови А.Д. Колебанов потерял сознание. Его подобрали санитары, в контейнере от бомбы на собаках вывезли в тыл, в подвал фермера. Только через день отправили в полевой госпиталь. В Алатырском госпитале восемь месяцев медики боролись за его жизнь и здоровье. Заслуженная награда за этот бой – орден Славы третьей степени – нашла героя только через 23 года.

Таким образом, воспоминания борчан-участников Великой Отечественной войны – это суровая правда, «ожившая» история для многих поколений земляков. Их мемуары – это важнейший исторический источник. Существуют воспоминания великих полководцев Великой Отечественной войны (Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского и др.), на ряду с ними имеют место воспоминания

рядовых бойцов, оказавшихся на фронтах и флотах войны. Их воспоминания помогают сохранить память о былом как связующее звено между прошлым и будущим. Память о событиях Великой Отечественной войны неподвластна времени. Ее следует бережно хранить и передавать из поколения в поколение.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М., 2015. 864 с.
2. Великая Отечественная война, 1941–1945. События. Люди. Документы: Краткий ист. справочник / Под общ. ред. О.А. Ржешевского; Сост. Е.К. Жигунов. М., 1990. 464 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. / Гл. ред. М.М. Козлов. Редакция: Ю.Я. Барабаш, П.А. Жилин (зам. гл. ред.), В.И. Канатов (отв. секретарь) и др. М., 1985. 832 с.
4. Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Российская Федерация. Нижегородская область: [В 12 т. / И.Г. Абрамов и др.; редкол.: В.И. Лысов (пред.) и др.]. Т. 4. Балахнинский, Богородский, Борский районы. Н. Новгород, 1994. 784 с.
5. Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Сост. и общ. ред. В.А. Голикова. М., 1980. 318 с.
6. Судьба солдата: Документально-художественные повести и рассказы. Воспоминания. Очерки. Материалы / Сост. В.Д. Агеев. Н. Новгород, 1995. 360 с.
7. Шел войной солдат. Воспоминания. Письма. Документальные повести и рассказы. Очерки. Материалы / [Сост. В.Д. Агеев]. Н. Новгород, 1992. 263 с.

ПОТСДАМ-45. ПОИСК ОБЛИКА ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹Подерный Евгений Ильич, ²Титков Евгений Павлович

¹д.и.н., профессор истории и социально-гуманитарных дисциплин

Сочинского института (филиала) РУДН

²д.и.н., профессор Арзамасского филиала ННГУ

Исполняется 80 лет со дня окончания Берлинской (Потсдамской) конференции глав правительств трех великих держав-победительниц во Второй мировой войне (17 июля – 2 августа 1945 года). На ней развернулось острое противоборство по проблемам послевоенного урегулирования. Советскую делегацию возглавлял И.В. Сталин, американскую – Г. Трумэн (президент США, сменивший умершего 12 апреля 1945 года Ф. Рузвельта), английскую сначала У. Черчилль, а с 28 июля премьер-министра К. Эттли. Уровень современной западной историографии позволяет взглянуть на ход и итоги данной конференции. Опубликованные документы и мемуарные источники позволяют лучше понять позиции сторон, особенно действия Ф.Д. Рузвельта, У. Черчилля. Авторы статьи сосредоточили внимание на выработку послевоенной позиции великих держав на послевоенное урегулирование, особенно в Европе.

Ключевые слова: автор; дипломатия; историография; источник; литература; позиция; политика.

За последние два десятилетия историография проблемы пополнилась переведенными на русский язык *мемуарами* свидетелей подготовки и проведения встречи глав трех держав-победителей в Потсдаме, например, генерала Дж. Р. Дина [1], дипломата Дж. Кеннана [2], а также монографическими и публицистическими работами.

Впервые российский читатель познакомился с деятельностью военной американской миссии в Москве со слов ее непосредственного главы генерал-майора Дина. Опубликованные на Западе в 1946 году, эти воспоминания содержат сведения о советско-американском планировании войны на Тихом океане [1, с. 226-236], а также мнение генерала Дж. Р. Дина о ходе конференции в Потсдаме [1, с. 236-251]. Генерал Дин раскрыл некоторые подробности подготовки конференции в Потсдаме, в частности, о контактах американских и советских военных и проблемах, например, бытовых, которые при этом возникали [1, с. 236-241]. Он также попытался дать характеристику советских политических руководителей, включая И.В. Сталина и сделать анализ советской внешней политики на данном этапе истории Антигитлеровской коалиции [1, с. 255-270].

Книга лауреата Пулитцеровской премии Джорджа Кеннана, видного американского дипломата, посла в СССР с 1954 по 1963 г., аналитика, советолога, автора многочисленных трудов по американской дипломатии и внешней политике, повествует о сложном с точки зрения развития ситуации в Европе периоде мировой истории. В нашей стране Дж. Кеннан был печально известен как автор «длинной телеграммы» [2, с. 176-194], которая считается программой политики «холодной войны» против СССР [См.: 3, с. 19-27].

Периоду от дня Победы в Европе до Потсдама автор посвятил главу десятую [2, с. 163-176]. Дж. Кеннан пишет, что он был чуть не единственным человеком в высших эшелонах американской власти, который настаивал на признании де-факто разграничения сфер влияния, которые уже имелись в Европе. «Это я делал по двум основным причинам. Во-первых, я был убежден, что нам незачем надеяться на возможности влиять на события в странах, уже вошедших в сферу влияния гегемонии России, в которых доминировали коммунисты и

народы были изолированы от Запада. В этом случае я не видел, почему мы должны были облегчать задачи русским, действовавшим в этих регионах, и разделять с ними моральную ответственность. Нам, по моему убеждению, оставалось только заявлять, что мы не имеем со всем этим нечего общего» [2, с. 164].

«Неудивительно поэтому, что я следил за работой Потсдамской конференции с возрастающим скептицизмом и чувством, близким к отчаянию. Не могу припомнить, чтобы еще какой-то политический документ произвел на меня более тяжелое впечатление, чем коммюнике, завершившее все эти путанные и нереалистические дискуссии, под которым поставил подпись президент Трумэн. Дело было не только в том, что я не верил в систему четырехстороннего управления Германией, но и в том, что такие, употребляемые в документах термины, как “демократический”, “миролюбивый” или “справедливый”, трактовались русскими по-своему, в таком смысле, который не совпадает с принятым у нас понятиями этих выражений» [2, с. 168].

«Не менее тяжелое на меня произвело решение Потсдамской конференции отторгнуть от Германии Восточную Пруссию и разделить ее между Польшей и Россией. Правда, за такое решение нельзя осуждать мистера Трумэна, так как оно, ранее согласованное, в принципе, было одобрено Рузвельтом и Черчиллем. И все же мне трудно было простить равнодушие американской стороны к реальным экономическим и иным последствиям данной акции и беспечность, с которой она проводилась. Непонятно специальное заявление в коммюнике о принадлежности отныне города Кенигсберга Советскому Союзу, когда этот факт бы уже обозначен при описании новых границ; а главное, мне неясно, почему американские участники переговоров так легко приняли абсурдные доводы Сталина, которыми он подкрепил свои притязания на этот город, и даже довели эти бессмысленные утверждения до сведения американской общественности как нечто заслуживающее внимания» [2, с. 170-171]. Книга Джорджа Кеннана – важный источник по изучению генезиса «холодной войны».

Западная *историография* проблемы довольно обширна. Назовем монографию Сьюзен Батлер [4]. Это- первая в 2000-х годах исследование взаимоотношений двух ключевых персонажей Второй мировой войны – И.В. Сталина и президента США Ф.Д. Рузвельта.

Работа снабжена научным аппаратом. Она о том, как принимались стратегические решения глобального масштаба. О том, как два неординарных человека, преодолев предрассудки, сумели изменить ход всей человеческой истории.

И.В. Сталин и Ф.Д. Рузвельт обсуждали послевоенное устройство мира, отличающееся от привычного нам теперь. Оно вполне могло бы стать реальностью, если бы не безвременная кончина американского президента. Период, предшествующий Потсдамской конференции, рассматривается Сьюзен Батлер в главе 16 [4, с. 512-541].

Автор анализирует компромиссы, достигнутые в ходе Ялтинской конференции, в том числе присоединение И.В. Сталина к Декларации об освобожденной Европе, в которой было сказано, что «Большая тройка» ставит своей целью демократизацию всей Европы [4, с. 518]. По мнению С. Батлер, Сталин предполагал, что в ходе свободных и открытых выборов в освободившихся странах коммунисты получат руководящую роль. Он считал, что народ с распростертыми объятиями воспримет не только Советскую армию, которая их освободила, но и подконтрольные советской власти национальные правительства. И действительно, некоторые действия польского правительства в Люблине, например, проведение уже давно назревшей земельной реформы, были восприняты хорошо. Кроме того, вскоре после Ялтинской конференции московская пресса объявила, что Россия окажет помощь в восстановлении Варшавы: она представит технику и оплатит 50 процентов стоимости работ по восстановлению города [4, с. 518].

По мнению В.М. Молотова, как пишет С. Батлер, «Нам было выгодно оставаться в союзе с Америкой. Это было важно». Другими словами, Сталин и Молотов по-своему признавали, что альянс с Америкой имеет для них решающее значение. Опустошенная Германией Россия нуждалась в американском содействии, ей необходима была помощь Америки в восстановлении страны. Кроме того, будучи прагматиками, Сталин и Молотов, безусловно, не желали вступать в противостояние с самой сильной страной в мире [4, с. 519]. В монографии отмечается, что «Русские всегда бдительно следили за проявлением признаков предательства, и порой их беспокойство не было напрасным» [4, с. 526]. С. Батлер подробно излагает историю с переговорами между генералом СС Карлом Вольфом и

американскими представителями в Швейцарии в марте 1945 года [4, с. 526-535].

С. Батлер считает, что Ф.Д. Рузвельт был практичен как никто другой, но его практичность не была очевидна для современников. Он настаивал на безоговорочной капитуляции, это была еще одна удивительная, непонятная сначала идея. Настаивая на безоговорочной капитуляции, Рузвельт мог вести отдельный диалог с каждым государством (по очереди), и в зависимости от того, как складывались обстоятельства, он мог на этой основе принимать решения. Этот подход президент облек в красивые слова, которые как он любил повторять, когда-то генерал Грант великодушно говорил генералу Ли после капитуляции южан: «Пусть боевые кони вновь мирно пасутся на полях, нам нужно вернуться к искусству мира». Но в идее безоговорочной капитуляции не было ничего великодушного, это был путь к власти.

Одержимость Рузвельта идеей образования Организации Объединенных Наций также была проявлением глубоко практического подхода к решению основной проблемы – предотвращения гонки вооружений. Рузвельт считал создание ООН самым эффективным способом сохранения мира между народами. Всемирная организация по поддержанию мира должна была стать наиболее эффективным методом сохранения контроля над вооружениями, а контроль над вооружениями был залогом мира во всем мире. Сильный международный орган (коим Рузвельт представлял себе Организацию Объединенных Наций), где четыре государства (пять, если считать Францию), вынужденные согласованно принимать решения, будут представлять собой военную силу, способную противостоять попыткам нарушить мир, будет выступать своеобразным мировым полицейским. Проводя совместную работу, различные государства мира будут одновременно присматривать друг за другом, контролировать друга и весь мир [4, с. 543-544].

Рузвельт хорошо понимал, что он является главой самой могущественной страны в мире, так почему же он предоставлял Сталину столько преференций? – задается вопросом С. Батлер. Он [Рузвельт] считал, что обязан так поступить. Еще в ходе Ялтинской конференции Рузвельт дал Сталину понять, что, как он считал совершенно необходимым сделать в отношении Польши: «Я не хочу, чтобы у поляков были основания усомниться в легитимности выборов в Польше.

Это не только дело принципа, сколько, в первую очередь, практической политики». Он ожидал, что Сталин будет воплощать эти принципы в жизнь. Рузвельт, конечно, не предполагал, что выборы в Польше пройдут по-американски свободно. В конце концов, исторически в Польше, как в России, в основном было авторитарное правление и невозможно было изменить это в одночасье, но Рузвельт действительно рассчитывал, что Сталин предоставит польскому народу определенную степень автономии, в том числе и различным разрозненным группам в правительстве. Важное значение имел и фактор явки избирателей на голосование.

Безусловно, Рузвельт понимал, что Сталина пугала перспектива возрождения Германии, ведь Сталин не раз озвучивал такое опасение. Трудно сказать, насколько глубоко он осознавал, как сильно Сталин этого боялся [4, с. 545].

С. Батлер глубоко анализирует эволюцию позиции Сталина в отношении польского вопроса [4, с. 547], и пишет, что Сталин пошел на очень конкретную, очень значительную уступку. Он проинформировал о ней в послании к Черчиллю, своему самому большому критику. Кроме того, Сталин озаботился о том, чтобы президент Рузвельт заметил это: Громыко (полномочному представителю СССР в США - Авт.) было поручено доставить оба его послания Рузвельту одновременно. Уступка была существенной: «Если Вы считаете необходимым, я готов был бы воздействовать на Временное польское правительство, чтобы оно сняло свои возражения против приглашения Миколайчика, если последний выступит с открытым заявлением о признании им решений Крымской конференции». А поскольку Молотов сам на себя возложил обязанность осуществить выбор делегатов Временного польского правительства, и, по свидетельству Гарримана и Кларка Керра, был настроен решительно против включения в числе кандидатов Миколайчика, то такая уступка представляла собой поистине серьезный шаг навстречу. Она означала, что Сталин был готов действовать вопреки намерениям Молотова [4, с. 547-548].

С. Батлер подробно рассмотрела политическую ситуацию вокруг советско-американских отношений накануне и непосредственно после смерти Ф.Д. Рузвельта (ФДР) [4, с. 548-558]. Она приводит следующий эпизод. Гарри Гопкинс отправил Сталину телеграмму, в первом предложении которой было предупреждение о том, что смерть Рузвельта принесет проблемы для Советского Союза:

«Я хочу, чтобы Вы знали: я чувствую, что Россия потеряла своего величайшего друга в Америке. Президент был глубоко впечатлен Вашей решительностью и уверенностью в том, что нацистские тираны во всем мире будут навсегда изгнаны из власти». В ответном письме Сталин молчаливо признал предупреждение: «Я полностью согласен с Вами... Я лично глубоко опечален потерей верного друга, человека великого духа» [4, с. 461-462].

Заслуживает рассказ автора труда о реакции советских людей на смерть великого президента. Коммунистическая партия и НКВД, следуя политике правительства постоянно проверять и анализировать общественное мнение относительно важных событий, пришли к выводу, что советские люди обеспокоены тем, каким будет отношение к ним преемника Рузвельта. Причина отчасти заключалась в том, что Рузвельт стал чрезвычайно популярен в советском обществе. Наряду с этим это объяснялось также и тем, что советским людям было известно, что в Америке по-прежнему подспудно существуют антироссийские настроения. «Известия о смерти президента США Франклина Рузвельта встречено в Москве с чувством искреннего сожаления и глубокого сожаления по поводу его безвременной кончины... Наряду с этим выражается чувство озабоченности тем...продолжит ли преемник Рузвельта, Трумэн, политику Рузвельта по наиболее важным вопросам войны, мира, послевоенной безопасности, а также в отношении Советского Союза» [4, с. 562].

Мир и безопасность – вот что символизировал Рузвельт для русского народа. И для Сталина тоже, как это стало ясно, в конце мая в ходе визита Гопкинса в Москву.

Через два дня в посольстве США была проведена простая поминальная служба. На ней присутствовали все высокопоставленные представители военного командования всех родов войск, Молотов и все члены его комиссариата, все высокопоставленные иностранные дипломаты в Москве, а также приглашенные журналисты.

В тот же день чуть позже Гарриман поехал в Кремль для разговора со Сталиным. За несколько недель до этого, вопреки всем приказам, экипаж самолета американских ВВС на авиабазе в районе Полтавы передел поляка-антикоммуниста в американскую форму, спрятал его в своем самолете и тайком вывез с авиабазы. И теперь Сталин выражал свой гнев Гарриману по этому поводу, обвиняя все ВВС США в сговоре с антикоммунистическим польским подпольем.

Это означало, сердито парировал Гарриман, что своими обвинениями Сталин «поставил под сомнение лояльность генерала Маршалла». Ответ Сталина примечателен своей простотой и одновременно тем, что он в скрытой форме являлся извинением: «Генералу Маршаллу я бы доверил свою жизнь. Винават не он, а младший офицер». Гарриман воспользовался необычностью момента после такого заявления и сказал, что Рузвельт считал основной проблемой, из-за которой произошло ухудшение советско-американских отношений, была Польша» [4, с. 562-563].

Авторы сочли необходимым столь часто обращаться к монографии Сьюзен Батлер по следующим основным причинам. Во-первых, в ней использован значительный массив различных российских источников, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Среди них оригиналы писем Сталина Рузвельту, которые хранятся в РГАСПИ.

В ней также использованы материалы Президентской библиотеки Франклина Д. Рузвельта, Президентской библиотеки Гарри Трумэна, а также Отдела рукописей в Принстонском университете штат Флорида [4, с. 617]. Труд С. Батлер снабжен образцовым научным аппаратом, а его библиография будет полезна для всех исследователей дипломатии Второй мировой войны.

Биограф Франклина Д. Рузвельта Рой Дженкинс, в своем труде уделяет немного внимания изучаемому нами периоду и его проблемам. Он пишет, что президент рассматривал Ялту как проверку намерения СССР сохранить добрые отношения в рамках Большой тройки после войны, тем самым укрепляя свои надежды на Совет Безопасности и мир без войны. По словам Чарльза Болен, сотрудника дипломатической службы, который был переводчиком Рузвельта в Ялте, президент четко осознавал, что Ялта является, в определенной степени, тестом. И ФДР был абсолютно убежден, что, если СССР провалит этот тест, США будут вынуждены в перспективе столкнуться с чем-то вроде «холодной войны», которая, собственно, не преминула случиться. Рузвельт считал, что крайне необходимо избежать, если возможно, этого сценария ради спокойствия всего мира. Об этом Болен сообщил Ричарду Нойштадту пять лет спустя во время войны в Корее [5, с. 262-263].

Мы не можем знать, пишет Р. Дженикс, как бы поступил ФДР на месте Трумэна по польскому вопросу или по вопросу капитуляции

Германии, поставок СССР по программе ленд-лиза, продолжения тех же поставок Великобритании для ведения войны против Японии. Равно как мы не можем знать реакцию Рузвельта на успешное испытание ядерной бомбы на полигоне Аламогордо или на неопровержимые доказательства того, что японцы сосредоточили настолько большие силы на острове Хонсю, что вторжение на остров нужно было перенести с ноября 1945 года на март 1946-го, и, возможно, не спешить применять атомное оружие, как это сделал Трумэн. Все, что мы знаем наверняка, так это то, что эти вопросы, так же как средства для Черчилля и продолжение сотрудничества в ядерной сфере были хорошо известны Рузвельту и, вероятно, по мнению Рузвельта, но не по мнению Трумэна [5, с. 267].

В биографическом труде «Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина карьеры. 1940–1965» [6], авторами которого являются Уильям Манчестер и Пол Рейд, интересующей нас теме отведен небольшой объем. Речь шла об обсуждении польского вопроса на Ялтинской конференции [6, с. 965-967]. В работе проанализирована дипломатическая работа У. Черчилля на Потсдамской конференции. Авторы пишут, что Иден и Алек Кадоган посчитали выступление Черчилля на первом пленарном заседании провальным. Иден отметил, что «У. был очень плох. Он говорил долго, путано, пространно»... Кадоган: «Любая тема выводила Уинстона из себя... Так что это была абсолютно бесполезная встреча» [6, с. 1012]. Упоминается, что Черчилля волновали только два вопроса: свободные выборы в Польше и западная польская граница. По первому вопросу Сталин, как в Ялте, просто обещал свободные выборы – солгал, и Черчилль решил поверить ему. По второму вопросу И.В. Сталин (и люблинские поляки) не сделал ни одного шага навстречу; оккупация Восточной Германии была свершившимся фактом, и Сталин не собирался отступать с захваченных плодородных земель [6, с. 1012].

Всемирно известный британский историк Мартин Гилберт в своем научно-популярном труде об истории Второй мировой войны отвел итогам Потсдамской конференции скромное место [7, с. 888].

Книга британского историка Джонатана Уолкера (2013 г.) рассказывает о планах агрессии Великобритании и США против Советского Союза. Просчитанные и циничные замыслы против вчерашнего союзника раскрываются перед читателями. Несмотря на то, что

автор полностью оправдывает англо-американское командование и далек от объективности в описании Красной жизни в СССР [8]. Издание работы наглядно свидетельствует, что уже в те времена наши бывшие союзники готовили удар в спину Советского Союза.

Работа Д. Уолкера полезна современному исследователю благодаря двум обстоятельствам. Автором использованы многочисленные материалы и документы польского происхождения, которые хранятся в Варшаве, а также в Лондоне в архивах Польского института и музея Сикорского [8, с. 3-4]. Особого внимания заслуживает обширная библиография труда, полезная всем историкам Второй мировой войны [8, с. 283-302].

В 2021–2023 г. русскоязычная историография обогатилась двумя книгами (они не имеют научного аппарата) американского историка Герберта Фейса, лауреата Пулитцеровской премии и обладателя других регалий [9]. Обе [10, 11] не отличаются новизной (вторая вышла в 1960-м), но представляют большой интерес с точки зрения изучения западной историографии Второй мировой войны.

Первая работа Г. Фейса [10] интересна огромным массивом официальных документов, умело подобранным историческим материалом: воспоминания, дневники и личная переписка У. Черчилля, Ф. Д. Рузвельта и И.В. Сталина, тонкий анализ личностей лидеров ушедшей эпохи сделали это издание поистине уникальным.

Вторая книга [11] в оригинале называлась «Между войной и миром. Потсдамская конференция» [9]. Контекст взят широкий, положение практически во всех странах Европы, решения Тегерана и Ялты, конференция в Сан-Франциско, заложившая принципы ООН.

В Потсдаме Сталин выступал с сильной позиции. Конференция проходила на его территории, в советской зоне оккупации. Американцы были заинтересованы в сотрудничестве с Советским Союзом, чтобы добить ненавистную Японию – особенно на суше: британцы тут мало чем могли помочь [9]. Французского лидера генерала Де Голля в Потсдам не пригласили. Герберт Фейс считает, что правильно сделали: иначе договориться было бы еще трудней. Французам выделили оккупационную зону – но за счет британской и американской. Когда же речь зашла об участии Франции в комиссии по репарациям, Сталин заметил: тогда стоит позвать также поляков и югославов – они воевали никак не хуже французов, а их страны пре-

терпели никак не меньший ущерб. После этого вопрос отпал сам собою. Сталин и Молотов были многоопытными дипломатами и искусными переговорщиками. Но их западные партнеры тоже умели упереться – и ни с места.

Например, на конференции долго обсуждали тему проливов – Босфора и Дарданелл, запирающих проход в Черное море. Сталин хотел упразднить конвенцию Монтрё, регулировавшую судоходство в проливах с 1936 года и поставить на Босфоре советскую военную базу, дескать, Турция слаба и ничего обеспечить своими силами не может. Трумэн и Черчилль считали, что никакой базы не нужно, державы-победительницы могут гарантировать свободную навигацию без дополнительных условий. Тогда Молотов заметил, если это такое хорошее решение, почему бы не распространить его на Суэцкий канал?

Это была блестящая реплика – из тех, что сразу входят в историю. Однако решить вопрос она не помогла. Проливы, о которых мечтали многие поколения российских политиков, остались под контролем Турции. Концепция Монтрё действует до сих пор.

Другие же решения Сталин сумел продать. Например, о западной границе Польши, отторгнувшей у побежденных немцев Силезию и порты Восточной Пруссии. С одной стороны – зачем, казалось бы, таскать каштаны из огня для неблагодарных поляков? С другой стороны, эти территории остаются камнем преткновения в отношениях Германии и Польши и сегодня [9].

Источники и литература

1. Дин Дж. Р. Странный союз. М., 2005.
2. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.
3. Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 2021.
4. Батлер Сьюзен. Сталин и Рузвельт: великое партнерство. М., 2017.
5. Дженкинс Р. Франклин Делано Рузвельт. М., 2013.
6. Манчестер У., Рейд П. Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина карьеры. 1940-1965. М., 2016.
7. Гилберт М. Вторая мировая война. Полная история. М., 2022.
8. Уолкер Д. Операция «Немыслимое». Третья мировая война. М. Вече, 2016.
9. Как союзники Европу делили. Когда в товарищах согласия нет, а договариваться надо // Независимое военное обозрение. 2023. 3-9 марта. №7. С. 13.
10. Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели и мир, которого они добились. М., 2021.
11. Фейс Г. Потсдамская конференция. Как решалась послевоенная судьба Германии и других стран Европы. М., 2022.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ (ФРОНТОВАЯ СУДЬБА ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВИКТОРА НОВИКОВА)

Колосунин Евгений Викторович

ГБПОУ «Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина»,
преподаватель высшей категории

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: pak-725@mail.ru

В статье на основе анализа боевой обстановки, сложившейся летом 1941 г. в Белоруссии, рассматривается несколько версий гибели Героя Советского Союза В.А. Новикова.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Герой Советского Союза; Белоруссия; без вести пропавший.

Виктор Алексеевич Новиков родился 22 января 1913 года. И когда он погиб, а точнее пропал без вести, ему было всего 28 лет. Но к этому времени он успел многое:

- закончил 7-летку в Арзамасе и вступил в комсомол,
- в 1935 г. ушел в армию, стал механиком-водителем танка,
- в 1937 г. как доброволец отправился на гражданскую войну в

Испанию,

– 2 марта 1938 г. стал Героем Советского Союза (медаль № 64),

– был избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва,

– в 1941 г. окончил Военную академию бронетанковых войск,

– в звании капитана стал помощником начальника штаба танкового полка и пропал без вести где-то под Могилевом.

Вкратце о довоенной службе Виктора Новикова. В 1935 г. он был призван в Красную Армию и освоил воинскую специальность «механик-водитель танка». В 1937 г. по призыву партии и государства отправился добровольцем на гражданскую войну в Испанию. С июля 1937 г. по февраль 1938 г. в качестве механика-водителя танка БТ-5 воин-интернационалист сражался в составе республиканской армии. В июле 1937 г. ожесточённые бои разгорелись в районе Сарагосы. Подразделение, в котором служил Виктор Новиков, сражалось против фашистов в 26 км юго-восточнее этого города, близ посёлка Фуэнтес-де-Эбро. В ходе одного из боёв танк Новикова был подожжён фашистским снарядом. Двое других членов экипажа покинули горящую машину, но Новиков решил, что и в горящем танке может причинить врагу урон. Поскольку стрелять, оставаясь в

машине в одиночестве, он уже не мог, то стал давить наступающих фашистов гусеницами. И лишь после того, как враг отступил, Новиков привёл свой обгоревший танк на базу, где потерял сознание. Сам он к этому времени получил тяжёлые ожоги и пулевое ранение. Товарищи извлекли его из машины и отправили в госпиталь Барселоны. После излечения, уже в феврале 1938 года, Новикова самолётом отправили домой, в СССР. За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, Новиков Виктор Алексеевич 2 марта 1938 года удостоен звания Героя Советского Союза.

Теперь к сути заявленной темы. Фронтовая судьба Героя Советского Союза Виктора Новикова была недолгой, около месяца. Капитан Новиков пропал без вести в летних боях 1941 г. на территории Белоруссии. Попробуем локализовать возможный район его гибели, а значит и поиска. Учитывая скудность архивных данных, штабных документов, воспоминаний ветеранов сделать это достаточно сложно. Но можно предположить.

В 1941 г. В. Новиков окончил Военную академию моторизации и механизации РККА и был направлен в Западный Особый Военный округ. В звании капитана он стал помощником начальника штаба 52-го танкового полка 26-й танковой дивизии (генерал-майор В.Т. Обухов), которая входила в состав 20-го мехкорпуса. Дивизия, где служил В. Новиков дислоцировалась в военном городке Красное Урочище в 7 км. от Минска. Здесь В. Новиков и встретил войну [1, с. 135].

В ночь на 23 июня 1941 г. 20-й мехкорпус выдвинулся на позиции и занял оборону юго-западнее Минска, перекрыв шоссе Столбцы-Минск. Здесь 25 июня в районе Негорелое впервые вступил в бой 52-й танковый полк майора С.К. Дородея (1200 человек личного состава и 24 танка Т-26). За первые четыре дня боев полк уничтожил до двух батальонов пехоты, сжег 30 автомашин, разбил 4 пушки. Но и потери были большими. За первые семь дней боев полк потерял половину личного состава [1, с. 140-141].

К утру 27 июля части 20-го мехкорпуса были выбиты из района Слуцка в направлении Бобруйска и в ночь на 30 июня начали отход на р. Березина севернее Бобруйска. Рубежами, где подразделения корпуса вели сдерживающие бои, стали город Червень, реки Березина, Свислочь, Друть (все севернее Бобруйска). Особое внимание было приказано обратить на ПТО направления Свислочь–Могилев.

События на фронте продолжали развиваться очень быстро. Дивизии мехкорпуса сдерживали противника на Березине до 3 июля, ведя здесь бои против моторизованной дивизии СС «Рейх». Затем начали отход на восток, в сторону Могилева [1, с.144-145].

Части отходили к р. Друть лесными дорогами, по заболоченной местности. Не хватало транспорта, были на исходе боеприпасы и горючее. Войска подвергались постоянным ударам вражеской авиации. Несмотря на тяжелую обстановку, подразделения корпуса в междуречье Березины, Друти и Днепра очаговыми боями в течение 7 суток сдерживали части 460-го мехкорпуса немцев [1, с.146].

На 8 июля 1941 г. 20-й механизированный корпус имел в своем составе более 15 тыс. человек. В 26-й танковой дивизии было 3800 человек. Части корпуса получили приказ «удерживать рубеж по восточному берегу р. Друть на фронте Красная Слобода, Семукачи, Броды».

Но удержаться на этом рубеже не удалось. 9–10 июля части мехкорпуса отошли на юго-западные подступы к Могилеву и вели там упорные сдерживающие бои. В этих скоротечных боях части мехкорпуса понесли большие потери. За два дня боев на ближних подступах к Могилеву 20-й мехкорпус потерял убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести не менее 6 тысяч человек. К исходу 10 июля 26-я танковая дивизия насчитывала 450 бойцов [1, с.150].

После трудных двухдневных оборонительных боев остатки корпуса получили задачу выйти в тыловой район за Днепр (20–25 км к северо-востоку от Могилева) для доформирования. Был ли к этому моменту жив капитан Новиков?

В архиве поискового отряда «Рассвет» хранится самиздатовский сборник документальных очерков. Автором этого сборника является ветеран войны Е.В. Серебряков. Он приводит свидетельство бывшего командира 26-й танковой дивизии генерал-майора В.Т. Обухова о том, что «капитан Новиков появлялся в штабе дивизии. Получил для усиления взвод бойцов и две бронемашин. С ними выехал в полк. Известно, так же, что в полк он вернулся, но снова выехал в штаб дивизии, куда не прибыл. Не вернулся и в свой полк. Кругом шли ожесточенные бои. Это, как припоминается, случилось где-то в период 10–15 июля 1941 года» [3]. То есть путь

с боями юго-западнее Минска – восточнее Могилева в составе своего полка капитан В. Новиков прошел.

А затем начался последний этап существования 20-го мехкорпуса как боевой единицы. В составе других, отступающих от Могилева подразделений, он был окружен в лесном районе между шоссе Могилев–Мстиславль, Могилев–Чаусы и рекой Проней.

К исходу 20-го июля после упорных боев подразделения 20-го мехкорпуса располагались в лесах северо-восточнее Могилева. Позиции 26-й танковой дивизии находилась на рубеже деревень Гладково, Сухари, Ждановичи и были развернуты фронтом на восток. Дивизия насчитывала около 500 человек [2, с. 206].

В ночь с 25 на 26 июля в соответствии с принятым решением начался вывод частей из района Сухари вдоль реки Реста на юг и далее на Холмы, Самулки, Мошок, Благовичи. Утром 26 июля отходящие подразделения вышли на рубеж деревень Самулки, Темнолесье, Мошок. Однако здесь путь им перекрыла 78-я пехотная дивизия немцев.

По воспоминаниям командира 52-го танкового полка С.К. Доропая, попытки личного состава 26-й танковой дивизии выйти на рубеж реки Сож оказались неудачной. Перед прорывом из окружения они решили объединить все подразделения в одну группу. Командиром группы был назначен Доропей. Атака группы, доходившая до рукопашных схваток, успеха не принесла. Было потеряно около 300 человек убитыми и ранеными, погиб начальник артиллерии 26-й танковой дивизии полковник Дмитриев [1, с.158].

К исходу боев командование приняло решение разбить личный состав на группы по 20–25 человек и во главе с командирами ночью через лес двигаться на восток. По немецким данным (история боевого пути 78-й пехотной дивизии) следует, что прорывавшиеся у Самулок, Темнолесья, Мошка советские части потеряли убитыми около 2500 бойцов, из них 1200 на поле боя у деревни Самулки [1, с.159].

Как на фоне этих событий могла сложиться судьба В. Новикова? Исходя из свидетельств бывшего командира 26-й танковой дивизии генерал-майора В.Т. Обухова, до 15 июля капитан Новиков был жив и находился в частях корпуса, отошедших восточнее Могилева.

Дальше возможны два варианта. Вариант первый. Он участвовал в прорыве из окружения в районе Самулок, Темнолесья, Мошка

26 июля 1941 г. и погиб. Всех, кто выжил, из состава 52-го танкового полка, повели на восток двумя группами командир полка майор С.К. Доропей (46 чел.) и помощник начальника штаба Вашенин (42 чел.). Обе группы вышли из окружения в районе Клетнянского леса Орловской области, где присоединились к партизанскому отряду, а позднее перешли линию фронта и продолжались сражаться в армейских подразделениях [1, с.161]. Если бы капитан В. Новиков был в этих группах и даже погиб во время перехода в Орловскую область информация бы сохранилась.

Вариант второй. Капитан В. Новиков погиб между 15 и 25 июля, когда части корпуса сосредотачивались для прорыва, находясь между Могилевом и Чаусами. Можно предположить, что в эти дни велась активная разведка позиций противника, и помощник начальника штаба 52-го танкового полка 26-танковой дивизии 20-го мехкорпуса В. Новиков мог в ней участвовать. В этом случае в череде постоянных боев гибель разведчиков могла быть документально не зафиксирована. Косвенным подтверждением этой версии является архивная запись Е.В. Серебрякова, что в июле 1941 г. в поселке Красный Бор Чаусского района погиб капитан-танкист, который появился во главе разведки. Похоронен он был на местном кладбище. Но документы капитана-танкиста сгорели вместе с домом, где они хранились местными жителями [3]. Проблема в том, что мы не знаем, достоверна ли эта информация.

Что в итоге? Где погиб Герой Советского Союза капитан В. Новиков? Абсолютно точно, что он погиб на территории Могилевской области, восточнее Могилева. А дальше мы предполагаем, что это треугольник, ограниченный шоссе Могилев–Мстиславль, Могилев–Чаусы, река Проня (север, северо-запад Чаусского района).

Источники и литература

1. Борисенко Н.С. 1941-й: пылающие рубежи Днепра и Сожа. Могилев, 2001. 660 с.
2. Киселев В.П. 137-я стрелковая против танков Гудериана. Ridero, 2019. 518 с.
3. Серебряков Е.В. Документальные очерки. Хранятся в личном архиве автора.

ВЕЛИКОМУ ПОДВИГУ – ВЕЧНАЯ СЛАВА! (К 80-ЛЕТИЮ ПОДВИГА ГВАРДИИ МАЙОРА ИВАНА МАРКЕЕВА)

Потанин Сергей Николаевич

Независимый исследователь

Россия, Нижегородская обл., г.о.г. Арзамас, с. Красное

В статье на основе документальных материалов Государственного архива Нижегородской области г. Арзамаса, историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области, музея боевой и трудовой славы Красносельской средней школы им. И.Н. Маркеева с. Красное Арзамасского района, интернет ресурса ОБД «Мемориал», воспоминаний родственников И.Н. Маркеева – его мамы Маркеевой Мариш Ивановны, сестры Кликушиной Прасковьи Николаевны, сестры Бажановой Татьяны Николаевны, двоюродного брата Потанина Николая Алексеевича и одноклассника Гоглева Владимира Алексеевича, рассказывается о детстве, учебе и короткой, но яркой жизни и о подвиге Ивана Николаевича Маркеева, совершенном 03 апреля 1945 г. при освобождении Польши, в годы Великой Отечественной войны. Данная тема является значимой и актуальной и в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма, любви к Родине, и с точки зрения сохранения исторической памяти и народной памяти о героическом подвиге нашего народа на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны, особенно с позиции современной действительности во время проведения Специальной военной операции.

Ключевые слова: Подвиг; Великая Отечественная война; Польша; Гданьское воеводство; р. Висла; г. Гданьск; г. Олива; Победа; г. Арзамас; с. Красное; ул Маркеева.

В 2025 году 9-го мая мы отмечаем 80-ю годовщину Победы в Великой Отечественной Войне, Победы над фашизмом. Конечно, 9 мая произойдут громкие, масштабные, яркие мероприятия во многих городах и уголках нашей страны. Всем нам живущим вновь представится возможность почтить и вспомнить, а кому-то и впервые узнать о героическом прошлом нашей Родины, о беспримерном подвиге наших предков в борьбе с фашизмом, с врагом за каждую пядь нашей земли, за свободу, за своих матерей, отцов, сыновей, близких и за всех убитых и угнанных в плен советских людей.

Совсем мало осталось в наше время живых участников тех тяжелейших, героических, горестных лет. Теперь уже практически мало мы слышим рассказов ветеранов о былом. И все же кроме человеческой памяти, напоминанием обо всём этом нам остаютсяobeliski, памятники, скромные могилы, названия улиц, школ, многочисленные произведения художественной литературы, кинофильмы,

другие произведения искусства и, конечно же, музеи и архивы, хранящие многочисленные свидетельства стойкости, отваги, мужества и героизма наших соотечественников в непримиримой борьбе с фашистскими захватчиками.

Война оставила свой трагический след практически в каждой семье. Почти у каждого человека есть близкие или дальние родственники, погибшие в сражениях на полях войны, или от голода и лишений, или пропавшие без вести, или угнанные и замученные в лагерях для военнопленных. Так и в моей семье осталась память от этой жестокой войны, свидетельство того, как мой дед Потанин Алексей Иванович, его брат Иван Иванович, мой отец Потанин Николай Алексеевич и двоюродный брат моего отца Маркеев Иван Николаевич ушли на фронт бить ненавистного им врага. Они, защищая Родину, проявили патриотизм и мужество во время Великой Отечественной войны. Об одном из них, двоюродном брате моего отца, Иване Николаевиче Маркееве, проживавшем до войны в с. Красное, что расположено в 4-х километрах от г. Арзамаса Горьковской области и сведения о котором имеются, как в Арзамасском городском историко-художественном музее, музее боевой и трудовой славы Красносельской средней школы им. И.Н. Маркеева с. Красное Арзамасского района, так и в Государственном архиве Нижегородской области г. Арзамаса, хочется рассказать особенно. Эта история о героическом подвиге, тогда ещё молодого парня 22-х лет Ивана Маркеева (*приложение № 8, илл. 1*), занесённого в список славных сынов своего народа, подвиге, которому в апреле этого года тоже исполняется 80 лет.

В далеком теперь уже 1921 году молодая влюбленная пара из с. Красное крестьянского происхождения Маркеев Николай Иванович и Потанина Мария Ивановна (родная сестра моего деда по отцовской линии), решив создать семью, по православному обряду обвенчались и согласно гражданскому законодательству 10 ноября 1921 г., как записано в книге государственной регистрации актов гражданского состояния Красносельской волости Арзамасского уезда о браке, расписались [1, д.119, л.37], а ровно через год, как зарегистрировано в книге государственной регистрации актов гражданского состояния Красносельской волости Арзамасского уезда о рождении, в их семье 10 ноября 1922 г. родился первенец, которого назвали Иваном [2, д.118, л.2].

Родственники и односельчане вспоминали спокойного, немногословного Ванюшку, который жил в доме с резными наличниками почти на краю села. Когда Марию Ивановну, мать Ивана спрашивали: «Какой он был, Ваня?» – вздохнув, она отвечала: «Сын... Хороший был. Спокойный. Заботливый. Помогой рос. Старшой...» Прасковья Николаевна, сестра Ивана вспоминала: «Ваня был тихим, скромным мальчиком. Восьми лет пошёл учиться. Трудолюбив был очень. Матери помогал мыть полы, носить воду и во всём по хозяйству. Книги он любил и очень много читал. И уже с тринадцати лет пробовал писать стихи и рассказы. Книга была с ним везде: и за обедом, и ночью при маленькой лампе без стекла. «Ослепнешь», – укоряли его дома, а он жадно глотал книги одну за другой. В школе Ваня был постоянным членом редколлегии, он неплохо рисовал карикатуры. Ребята любили его за справедливость».

Многие ребята после школы меняли свои привязанности, а Иван, окончив 10 классов, вместе с друзьями подал заявление в лётное училище. Врачи «забраковали его сердце». Не приняли и друзей. Тогда они написали письмо Наркому обороны. Вскоре Иван Маркеев, один из трёх, стал курсантом уже не летного, а Московского пехотного училища. Было это в 1940 году.

А 27 сентября 1941 года он уже пишет домой: «... Скоро, наверное, уеду на фронт. Получили ли вы перевод? Ребята со мной живут хорошие. Политрук и командир роты – участники гражданской войны. Как только разобьём Гитлера, обязательно приеду домой».

На фронте он стал разведчиком. Внимательный, находчивый и смелый, он был как раз тем, кто нужен для самых дерзких операций. Недаром генерал в пару Ивану Чернякову выбрал Ивана Маркеева (*приложение № 8, илл. 2*), он знал, что это надёжно. Забегая немного вперёд, следует сказать, что до того апрельского дня, когда Иван получил последнее задание, он был пять раз ранен и каждый раз возвращался в строй. Его хотели направить в академию, а он отказался.

Неисповедимы дороги и пути фронтовые, вспоминаю еще в детстве услышанный мною разговор моего отца Потанина Николая Алексеевича и Гоглева Владимира Алексеевича за чаркой чая, оба фронтовика, одноклассники и один родственник, а другой друг Ивана Николаевича Маркеева, как они случайно встретились втроем

на фронтовом перепутье, в каком-то освобожденном городе, название которого, к своему стыду, я не запомнил, вообще такие сведения надо записывать по свежей памяти. Встретились они и еще успели по-землячески пообщаться, да еще и сфотографироваться им удалось. Помню эту фотографию в родительском семейном альбоме: они сидят втроем за столом с наполненными в руках бокалами, лица от встречи радостные, к сожалению, год этой фронтовой встречи на фотографии не указан, а уточнить эту дату у своего отца я в свое время не позаботился, и есть еще в этом альбоме фото, где мой отец и Иван Николаевич Маркеев сфотографированы вместе (*приложение № 8, илл.3*). Помню также, что отец рассказывал, как Иван при этой встрече подарил ему трофейный немецкий пистолет «Вальтер», а на мой вопрос, куда его он дел по окончании войны, ответил, что сдал его при демобилизации.

В конце 1943 года на фронте был тяжело ранен и в последствии умер отец Ивана, Николай Маркеев. В отношении сортировочного эвакуационного госпиталя № 1392 от 23 апреля 1944 г. за исходящим № 9126 начальнику 4-го отдела Центрального Бюро по персональному учету потерь личного состава Красной Армии под грифом «Секретно» говорится: «... красноармеец 208 гвардейского стрелкового полка Маркеев Н.И. лечился в нашем госпитале и о нем имеются следующие данные: родился в 1898 году в с. Красное, Арзамасского района, Горьковской области, мобилизован в 1942 году Арзамасским РВК Горьковской области, ранен 16 ноября 1943 года пулей в средн. треть правого бедра с повреждением кости, в сортировочный госпиталь поступил 26 декабря 1943 года в тяжелом состоянии, 2 января 1944 года ему ампутировано правое бедро в верхней трети, 9 января 1944 года в 18 часов умер в госпитале от септикемии места огнестрельного ранения» [3]. А в ОБД «Мемориал» в сводной информации о Маркееве Николае Ивановиче записано: «...Первичное место захоронения – Украинская ССР, Харьковская область, г. Харьков, Краснозаводское кладбище. Название источника донесения – Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО)» [4].

Узнав о смерти отца, Иван сказал себе: «Я отомщу за отца и отомщу за страдания Родины». Судьба словно берегла Ивана Маркеева для главного подвига, который теперь вписан в золотую книгу народного советского героизма. Как-то машина, на которой он ехал, наскочила на мину, и её разнесло вдребезги. Шофёр погиб, а Ивана

отбросило метров за десять. Очнулся в госпитале. Оказалось, пятки лишился. Однажды бомба прошла двухэтажный дом, где он находился с другими офицерами и солдатами, Иван Маркеев пролетел через все полы в подвал. Нашли его, засыпанного просом. И рот был забит просом. Восемь дней не приходил он в сознание. Потом, придя в себя, узнал: трое их осталось из сорока человек.

Был ещё случай. Два года служил при нём переводчиком румын, ели, как говорят, с одной тарелки, спали на одной кровати. Примерно с километр от дома, где Иван Маркеев допрашивал пленного, проходил фронт. Сидели с переводчиком за одним столом, с угла на угол. У переводчика на столе рука с пистолетом. Маркеев, немного овладевший немецким языком, понял, что переводчик что-то темнит, говорит не то. И вдруг выстрел. Пуля попала Ивану в плечо, кровь хлынула поверх гимнастёрки. Заволокло глаза. Переводчик с немцем кинулись скорее бежать из дома. Вбежал ординарец и крикнул: «Догнать и вернуть обоих...» Перебежчиков задержали.

Заканчивалась война, но немцы еще зверски сопротивлялись. Иван Маркеев внимательно следил за карандашом начальника штаба. Общее положение радовало: Данциг охватывало полукольцо советских войск, готовое сомкнуться. Но оказалось, что на юго-западном направлении большое соединение слишком далеко вклинилось в тыл противника. Малейший просчёт грозил многими бедами. Гитлеровцы могли опомниться от первого потрясения и нанести контрудар. Тогда в «мешке» оказались бы наши. Надо было срочно предупредить советские соединения.

– Задание очень сложное, на каждом шагу можно нарваться на раздробленные силы врага, – предупредил начальник штаба. – Поэтому надо послать двух человек по разным маршрутам. Для страховки.

Иван Маркеев вылетел на самолёте, чтобы с воздуха осмотреть «ничейный» правый берег Вислы. Когда стало смеркаться, разведчиков вызвали в штаб. «Здесь мост через Вислу», показал на карте генерал. И вдруг раздался звонкий, как всегда, голос капитана Маркеева: «Разрешите доложить, товарищ генерал, там моста уже нет». Генерал улыбнулся. А Маркеев продолжал докладывать: «Мост взорван, и берег завалило. Машиной там не проехать. Да и не надо. Я высмотрел одну дорожку, по ней можно проскользнуть между лесами, в которых сидят немцы». Через час два лёгких вездехода были

готовы в дорогу. Иван Маркеев подмигнул своему дублёру, пожелал счастливого пути. Он всегда спокойно и непринуждённо уходил на задание. Иван Маркеев говорил в таких в таких случаях: «Помните, что я из Арзамаса!»

Уже занимался рассвет, когда машина капитана Маркеева выскочила на дорогу вдоль Вислы. Обратный путь казался короче. И вдруг – немцы! Опытным глазом разведчик сразу оценил обстановку. Видимо, ночью немцы перебрались через реку и сосредоточивались, чтобы ударить по самому уязвимому месту на полукольце вокруг Данцига. «Я доложил генералу, что мост взорван и переправа в этом месте невозможна», – вспомнил Иван Маркеев. И сразу же в мозгу разведчика родился необходимый план. Надо привлечь внимание своих, навязав бой немцам. Развернув машину, капитан припал к ручному пулемёту, окатил заросли свинцовым дождём. Немцы открыли ураганный ответный огонь. Вокруг завизжали мины. Машина то выбрасывала сноп огня, то срывалась с места, не давая гитлеровцам пристреляться. Но немцы успели отрезать дороги и теперь всё плотнее прижимали к берегу. Кончились патроны в пулемёте. Оставалось всего два диска в автомате и четыре обоймы пистолета. Немцы перестали стрелять и брали машину в клещи. Капитан думал лишь об одном: заметили свои или нет. Фашисты совсем уже рядом. И снова решение пришло само собой. Капитан оглянулся. До воды метров тридцать. Искорёженные обломки моста. Там были спрятаны самоходные баржи врага. А это прекрасный горючий материал. Фейерверк получится отличный. Уж такой нельзя было не заметить... Тихо, как хлопок, раздался выстрел в бензобак, и пламя сразу охватило машину. Боясь не успеть, Иван Маркеев направил вездеход к взорванному мосту. Огненный шар прокатился перед глазами гитлеровцев и рухнул с тридцатиметровой высоты на скопление барж. Через несколько часов, когда с фашистским десантом было покончено, на бетонной плите разрушенного моста нашли тело капитана Ивана Маркеева. Похоронили его в Оливе, маленьком городке на берегу Балтики.

В ОБД «Мемориал» в информации из документов, уточняющих потери, о Маркееве Иване Николаевиче записано: «Маркеев Иван Николаевич, 1922 года рождения, последнее место службы – 5-я гвардейская танковая армия, воинское звание – гвардии майор, причина выбытия – погиб, дата выбытия – 3 апреля 1945 года, Первичное

место захоронения – Польша, Гданьское воеводство, г. Олива, ул. Гумбольдштрассе. Название источника донесения – Центральный Архив Министерства Обороны (ЦАМО), номер фонда источника информации – 33, номер описи источника информации – 11459, номер дела источника информации – 489» [5].

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, И.Н. Маркеев был награждён орденами Красного знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, ему посмертно было присвоено звание Гвардии майора. 8 мая 1968 года Ивану Николаевичу Маркееву было также посмертно присвоено звание Почётного гражданина села Красное Арзамасского района.

В канун 40-летия Победы, 26 апреля 1985 года, в Арзамасском городском драматическом театре состоялась премьера спектакля по пьесе С.Ф.Кирилюка и В.Я. Осьминина «Не забудьте: я из Арзамаса». Именем Ивана Николаевича Маркеева была названа Красносельская средняя школа и одна из центральных улиц села, на которой я и проживаю, а на доме (*приложение № 8, илл.4*), где родился Иван Маркеев, была установлена мемориальная доска. В 1983 году в селе Красное возле школы был открыт и памятник прославленному герою-разведчику.

Во времена Советского союза о легендарном разведчике Иване Маркееве было известно далеко за пределами Арзамасского района. Его имя носили школы в Москве и Ленинграде, интересно существуют ли они сейчас и носят ли по прежнему его имя. А 3 апреля 1964 года в Польше его имя было присвоено 46-й гданьской школе и состоялось торжественное открытие величественного памятника И.Н. Маркееву (*приложение № 8, илл.5*). В этот же день в Гданьске, где гостили мать и сёстры Ивана Маркеева, у Татьяны Николаевны родился мальчик. В память о дяде его назвали Ваней, а местные городские власти по этому поводу выдали ему в подарок ордер на квартиру, ну а сейчас он проживает в Москве.

А наш, родом из с. Красное, поэт Сергей Метнев (стихи) и арзамасский журналист Михаил Каплун (музыка) написали песню об Иване Николаевиче Маркееве:

*А враги всё тесней,
Всё плотнее кольцо.*

*Пули бьют по спине,
Пули хлещут в лицо...*

Заканчивая свой рассказ об этом человеке хочется здесь привести выдержки текста из письма боевых товарищей матери с сообщением о его гибели: «Ваш сын 3 апреля 1945 г. при исполнении служебных обязанностей погиб на фронте борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Гвардии майор т. Маркеев всю свою жизнь отдал борьбе за свободу и независимость любимой Родины. ... Мы его с гордостью уважали и любили, как способного боевого смелого и скромного товарища. ... Безвременная смерть вырвала из наших боевых рядов т. Маркеева, Вы потеряли любимого сына, а мы – боевого товарища. Т. Маркеев Иван Николаевич похоронен в г. Олива /Польша/ на площади примыкающей к улице Гумбольдштрассе, в 3-х километрах северо-западнее г. Гданьск /Данцинг/. Прощаясь с т. Маркеевым и отдавая ему свой последний долг, мы поклялись на его могиле еще сильнее наносить удары по врагу, в сто крат отомстить немецким захватчикам за смерть своего боевого товарища, смести с лица земли фашистскую Германию и водрузить знамя победы над Берлином. Полевая почта 43060-Б. Товарищи: Фридман, Чернявский, Бенимович, Жижин, Шабалдин, Потапова, Косыгин, Родин, Горшков, Викторов, Фурманов, Энштейн, Фокин. 5 апреля 1945 г.» [6].

В конце своей жизни Мать героя Ивана Маркеева, Мария Ивановна Маркеева, в виду того, что ее муж Николай Иванович и сын Иван погибли на Великой Отечественной войне и похоронены в местах своей гибели, завещала после смерти похоронить ее на Красносельском кладбище рядом с ее родным братом, тоже участником этой войны, но вернувшимся домой – Потаниным Алексеем Ивановичем. Это ее завещание было выполнено и теперь я каждый год с цветами на 9-мая и не только, посещая могилы своих близких, склоняя перед ними голову, с глубоким почтением вспоминаю и этот по истине великий подвиг своего родственника, нашего земляка и гражданина нашей Родины – Ивана Николаевича Маркеева, поэтому и говорю: Великому Подвигу – Вечная Слава!

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 3412. Оп. 31.
2. ГАНО, г. Арзамас Ф. 34, Оп. 31.

3. Маркеев Н.И. // Память народа [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cdn.c.pamyat-naroda.ru/memorial/DIP/002/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D1%83%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B0/180-21_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%20%D0%94%20-%20%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%92%D0%BB%20%D0%98%D0%B2/00001797.jpg / (Дата обращения – 04.06.2025).

4. Маркеев Н.И. // Мемориал [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=8658711> (Дата обращения – 04.06.2025).

5. Маркеев И.Н. Мемориал [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdn.obd-memorial.ru/html/images3?id=72785662&id1=2fcf4fb72b60a1f0322bacfa3a7e53b6&path=Z/011/033-0011459-0489/00000422.jpg> (Дата обращения – 04.06.2025).

6. Музей Боевой и трудовой Славы МБОУ «Красносельская средняя общеобразовательная школа им. И.Н. Маркеева» – Письмо матери Маркеевой М.И. от боевых товарищей ее сына Ивана, героически погибшего на фронте при освобождении Польши.

Благодарности

Автор благодарит сотрудников Историко-художественного музея г. Арзамаса, музея Боевой и трудовой Славы МБОУ «Красносельская средняя общеобразовательная школа им. И.Н. Маркеева», Красносельской сельской библиотеки за предоставленные фотодокументы.

ПРЕДСТАВЛЕННЫ К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ

¹Маслова Екатерина Ивановна, ²Щетинин Алексей Иванович

¹Независимый исследователь, Россия, г. Нижний Новгород;

e-mail: schetinina.katerina@vandex.ru

²Независимый исследователь, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас;

e-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

В статье представлены краткие биографические данные и сведения о боевом пути арзамасцев, представленных к званию Героя Советского Союза, но не награжденных по ряду причин. Рассматриваются их воинские подвиги, а также некоторые аспекты представления к высшему почетному званию.

Ключевые слова: Герой Советского Союза; Великая Отечественная война; Красная Армия; военная служба; награждение.

В годы Великой Отечественной войны 10 арзамасцев были удостоены звания Героя Советского Союза. Их имена хорошо известны – о них неоднократно писали в книгах, сборниках, газетах. Бюсты Героев установлены около Вечного огня в Арзамасе, рядом с бюстом Новикова В.А., получившего высокое звание еще за

подвиги во время Гражданской войны в Испании и Фадина А.М., дважды во время Великой Отечественной войны представленного к Золотой звезде Героя, но позднее удостоенного звания Героя России. К этим 12 бюстам могли бы добавиться еще несколько, тех, кто за боевые подвиги также представлялись к высшему почетному званию, но награждение по ряду причин не состоялось. О них и пойдет речь ниже. По документам Центрального архива Министерства обороны установлены имена 10 арзамасцев (а также уроженцев Чернухинского района, входящего в настоящее время в состав г.о.г. Арзамас), представленных в годы Великой Отечественной войны к званию Героя Советского Союза. Далее собраны их краткие биографии в порядке представления к высшему званию.

Купряхин Константин Иванович родился в 1922 г. в д. Малиновка Чернухинского района в семье крестьянина-середняка (*приложение № 9, илл. 1*). Родители в 1933 г. вступили в колхоз. Константин Иванович после окончания пяти классов сельской школы трудился рядовым колхозником в малиновском колхозе «Красная Малиновка». В июне 1940 г. поступил на должность продавца Волчихинского сельпо. В Красную Армию призван в июне 1941 г. Чернухинским РВК. Направлен в 665-й зенитный артиллерийский полк Московского военного округа. Был ранен 15 августа 1941 г.

В январе 1942 г. переведен в 205-й корпусной артиллерийский полк на Юго-Западный фронт. С июля 1942 г. участвует в боях на Сталинградском и Волховском фронтах в составе 397-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 62-й Армии в звании младшего сержанта. За участие в боевых действиях по защите города был награжден медалью «За оборону Сталинграда». В июне 1943 г. переведен в 218-й гвардейский легкий артиллерийский полк 37-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады на Брянский фронт на должность командира орудия.

В 1942 г. стал членом ВЛКСМ. В сентябре 1942 г. парткомиссией 62-й Армии принят в кандидаты в члены ВКП(б), а в июле 1943 г. парткомиссией 37-й иптабр – в члены ВКП(б).

Представлен к присвоению звания Героя Советского Союза в сентябре 1943 г. В это время части 218 гв. лап обороняли село Пархомовка (совр. Харьковская обл.). 19 августа 1943 г. немецкие соединения при поддержке 15 танков атаковали советские войска. Расчет гв. сержанта Купряхина прямой наводкой уничтожил 3 танка, в том

числе 2 «Тигра», после чего немецкие войска замедлили продвижение и вынуждены были отступить. Но орудие Купряхина К.И. продолжало вести огонь, в результате чего оказался подбит еще один вражеский танк. В наградном листе отмечалось, что «в этом бою с исключительной силой проявились личный героизм и воинское умение гвардии сержанта тов. Купряхина, который как подлинный богатырь Сталинской артиллерии, достоин присвоения ему высокого звания»[9, д.497, л.21].

Наградной лист с присвоением Купряхину К.И. высшего звания подписан командиром 17-й артиллерийской дивизии прорыва РГК генерал-майором артиллерии Волкенштейном. Представление поддержали командующий артиллерией Воронежского фронта генерал-лейтенант артиллерии Варенцов, командующий войсками Воронежского фронта генерал-майор Ватутин и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Хрущев. Подписей вышестоящего руководства не имеется. Приказом Военного совета Воронежского фронта №27/н от 29.09.1943 г. Купряхин К.И. был награжден орденом «Красного Знамени».

В дальнейшем гв. сержант Купряхин К.И. продолжил службу в 218 гв. лап, участвуя в боевых действиях на 1-м Украинском фронте. Вновь отличился в ноябре 1943 г., за что награжден орденом Отечественной войны II степени, и в июле 1944 г. – награжден орденом Славы III степени.

В редакцию газеты «За большевистские колхозы» Чернухинского района не позднее июля 1944 г. им было направлено письмо следующего содержания: «Прочитав ваше письмо и присланную газету родного района, меня еще более возбудило на подвиг на победоносное знамя Ленина-Сталина. В этом письме я хочу рассказать о зверствах гитлеровских кровожадных палачей. Мне пришлось объехать всю Украину, часть Кубани, а также и самой России. Был на фронтах Восточном, Сталинградском, Юго-Западном и Северном, и везде и всюду одна повадка гитлеровских фашистов: сжигает села, казнит и вешает невинных граждан Советского Союза. За все злодеяния над советскими гражданами фашисты понесут суровое наказание перед всем советским народом. Гитлеровцы лихорадочно мечтают об их судьбе в недалеком будущем, когда Красная Армия совместным ударом с нашими союзниками полностью разгромит бандитско-фашистскую армию. 5 фронтов уже наступают очень

успешно, скоро с такой же гигантской силой мы обрушимся на головы фашистов. С приветом к вам, Купряхин К.И.». Адрес отправителя – полевая почта 71606-В, которая принадлежала 218 гв. лап [3, с. 480].

Согласно Книге Памяти Нижегородской области, Купряхин Константин Иванович погиб в бою 24 февраля 1945 г. и похоронен в Германии [5, с. 332].

Горшков Василий Иванович родился в 1914 г. в д. Охлопково Арзамасского района в крестьянской семье (*приложение № 9, илл. 2*). Окончил 2 класса начальной школы в 1926 г., трудился в сельском хозяйстве. В апреле 1936 г. призван на срочную службу в Красную Армию и направлен на Дальний Восток в 34-ю особую стрелковую дивизию. Демобилизован в ноябре 1938 г. Устроился работать чернорабочим на Базу государственных резервов в Арзамасе.

Призван в Красную Армию в феврале 1942 г. Арзамасским РВК. Служил командиром отделения 473-го отдельного саперного батальона 346-й стрелковой дивизии. Воевал на Юго-Западном, Южном и 4-м Украинском фронтах. В ноябре 1942 г. принят кандидатом в члены ВКП(б) дивизионной парткомиссией, а в апреле 1944 г. стал членом ВКП(б). Командование отзывалось о нем, как о примерном, дисциплинированном младшем командире, хорошо знающем саперное дело, умело передающим свои знания бойцам не только объяснением, но и личным примером. Его боевые заслуги отмечены медалью «За отвагу», орденами «Красной Звезды» и «Славы III степени».

К званию Героя Советского Союза был представлен в ноябре 1943 г. за отличия при форсировании реки Сиваш. Под сильным обстрелом противника и бомбежкой с воздуха, находясь по пояс в ледяной воде, совершил 10 рейсов через залив, переправляя паромы с техникой и боеприпасами. Наградной лист подписал командир батальона, представление поддержали командир дивизии генерал-майор Станкевич, командир 10-го стрелкового корпуса гв. генерал-майор Неверов, а также командующий войсками 51-й Армии и член Военного Совета Армии. Заключение наградной комиссии НКО на наградном листе отсутствует. Приказом Военного Совета 4-го Украинского фронта №36/н от 7.12.1943 г. Горшков В.И. был награжден орденом «Красного Знамени». [9, д.1167, л.120-120об]

По донесениям о потерях 346-й стрелковой дивизии ст. сержант Горшков В.И. пропал без вести 20 августа 1944 г. без указания

места события [15, д.991, л.39]. Его жене выслано извещение, однако оказалось, что В.И. Горшков жив. В боях под д. Темери в Псковской области он попал в плен. Освобожден войсками 1-й Ударной Армии 20 октября 1944 г. и направлен в 143-й запасной стрелковый полк. На обороте извещения о его пропаже без вести стоит отметка карандашом: «Жив. Последнее письмо от 19-11-44 г. Адрес пп 53527» [16, д. 1328, л. 2]. Данный адрес полевой почты принадлежал полевому подвижному госпиталю №4390. Других сведений о судьбе Горшкова Василия Ивановича не имеется.

Данилов Петр Михайлович родился в 1898 г. в с. Рождественский Майдан Чернухинского района в крестьянской семье (*приложение № 9, илл. 3*). В 1914 г. окончил сельскую школу и работал учеником маляра в частной мастерской в Нижнем Новгороде. В 1917 г. призван в Царскую армию. Принимал участие в Первой Мировой войне рядовым 84-го пехотного Ширванского полка на Юго-Западном фронте. Демобилизован в феврале 1918 г. По возвращении в родное село работал письмоноском в местном почтовом отделении. В условиях начавшейся Гражданской войны был вновь мобилизован, на этот раз в Красную Армию, и служил рядовым в 184-м пехотном полку 20-й дивизии. Принимал участие в боях против Деникина в районе г. Царицын. В сентябре 1920 г. по ранению или болезни он выбыл в 33-й хирургический эвакуационный госпиталь, который располагался в Нижнем Новгороде. После выздоровления вновь вернулся в строй – сначала красноармейцем 24-го пехотного полка в Пензе, затем – при государственном металлургическом заводе в с. Ташино (сейчас Первомайск). В сентябре 1923 г. П.М. Данилов демобилизован из Красной Армии.

В 20-е гг. работал председателем сельского совета в Рождественском Майдане, затем столяром в Уфе, затем переехал в Нижний Новгород. Трудился столяром в конторе по строительству железнодорожных мостов через Волгу, позднее – на лесопильном заводе «Комсомолец» в Канавине. Там же в октябре 1932 г. вступил в ВКП(б) [2, д. 1177, л. 4].

Был призван Сталинским РВК г. Горький 22 июня 1942 г. и зачислен в состав 4-го отдельного стрелкового батальона на должность снайпера. Воевал на Северо-Западном фронте. За период пребывания в батальоне уничтожил 17 вражеских солдат, из них 4 снайпера и

1 офицера. За это удостоен медали «За отвагу». С апреля 1943 г. служил снайпером в 348-м стрелковом полку 51-й стрелковой дивизии, принимавшем участие в боях на 2-м Белорусском фронте. При помощи меткой стрельбы П.М. Данилов выводил из строя пулеметные расчеты, затрудняющие продвижение советских бойцов, отслеживал фашистских снайперов и кукушек. За все время войны уничтожил 157 вражеских солдат и офицеров, но и сам был дважды ранен.

За подвиги снайпер Данилов награжден орденами «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды» и «Славы III степени». Много занимался он и с молодыми солдатами, передавая им весь свой накопленный опыт, ведь в снайперском деле было множество различных хитростей и приемов. Одним из его учеников вспоминал: «Старик Данилов, из горьковских охотников, был снайпером в части. Седой уже, зубов половины нет, а глаз, как у коршуна» [1, с. 137].

Представлен к званию Героя Советского Союза в июне 1944 г. за доблесть и мужество, проявленные в боях с немецкими захватчиками. Наградной лист подписал командир 51-й стрелковой дивизии генерал-майор Хвостов, представление поддержал гв. генерал-майор Ручкин. Других подписей на наградном листе нет. Приказом по 6 гв. Армии №173/н от 31.07.1944 г. старшина Данилов П.М. был награжден орденом «Красного Знамени» [12, д. 3451, л. 92-92 об.].

После подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии он продолжил службу в 153-м запасном стрелковом полку в составе группы советских оккупационных войск в Германии, а в августе 1945 г. был демобилизован. Вернулся к мирной профессии мастера лесопильного цеха завода «Комсомолец».

Точная дата смерти Данилова П.М. неизвестна. Известно, что его партийный билет погашен Горьковским обкомом КПСС 24.01.1969 г. в связи со смертью коммуниста. Это говорит о том, что умер П. М. Данилов в г. Горький в конце 1968 г. или январе 1969 г. [6, с. 4].

Марков Виктор Иванович родился в 1922 г. в д. Булдаково Арзамасского уезда в семье крестьянина-середняка (*приложение № 9, илл. 4*). В 1935 г. окончил 4 класса местной школы, после чего трудился в колхозе им. XVIII партсъезда. В Красную Армию призван в январе 1942 г. Арзамасским РВК и направлен 277-й артиллерий-

ский полк 145-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях на Калининском фронте в должности наводчика. Отличился в боях под Гордеево (совр. Брянская область) в сентябре 1943 г., за что был награжден орденом «Красной Звезды». В октябре 1943 г. парткомиссией 145-й стрелковой дивизии принят в кандидаты в члены ВКП(б), а в марте 1944 г. – в члены ВКП(б).

К званию Героя Советского Союза представлен в июле 1944 г. В бою за д. Голубиче во время отражения контратаки противника вступил в артиллерийскую дуэль с немецким самоходным орудием «Фердинанд». В результате немецкий «Фердинанд» был уничтожен вместе с двумя автомашинами и пехотой противника. Орудийный расчет 277-го артиллерийского полка также понес потери: погиб командир огневого взвода мл.лейтенант Нофенко, легко ранен командир орудия сержант Балыбердин, тяжело ранен наводчик сержант Марков. Все трое были представлены к высшей награде – ордену «Ленина» и золотой звезде Героя Советского Союза.

Наградной лист подписал командир полка подполковник Ярушин. Представление поддержал командир дивизии генерал-майор Волков. Командир 1-го стрелкового корпуса гвардии генерал-лейтенант Васильев ходатайствовал о награждении орденом «Ленина» без вручения звезды Героя, а окончательный вердикт вынес командующий артиллерией 43-й Армии гвардии генерал-майор Щеглов – достоин правительственной награды ордена «Красного Знамени», каковым и был награжден В.И. Марков согласно Приказу Военного Совета 43-й Армии 1-го Прибалтийского фронта №155 от 28.08.1944 г. [10, д. 2554, л. 227-227об]. Сам награжденный орден уже не получил. Марков Виктор Иванович умер от полученных ранений в 129-м медсанбате 8 июля 1944 г. и похоронен в д. Михало Вильнюсского уезда Литовской ССР [14, д. 596, л. 81].

Максимов Иван Федорович родился в 1925 г. в д. Бебяево Арзамасского района в крестьянской семье (*приложение № 9, илл 5*). Окончил 4 класса начальной школы. С 1937 г. трудился в местном колхозе «Новая деревня». В Красную Армию призван в январе 1943 г. Арзамасским РВК и направлен курсантом в 27-ю стрелковую бригаду Приморского военного округа. В октябре 1943 г. переведен в Приволжский военный округ в 11-ю учебную бригаду. С мая 1944 г. участвовал в боях на Северо-Западном, Прибалтийском и 1-м Белорусском фронте в качестве помощника командира взвода

1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии. За боевые подвиги награжден орденами «Славы III степени», «Красной Звезды», «Отечественной войны II степени», медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». В апреле 1945 г. был ранен, лечился в госпитале в г. Познань (Польша). После выздоровления служил в составе Группы Советских войск в Германии. Член ВЛКСМ с 1944 г., в феврале 1945 г. принят в члены ВКП(б) парткомиссией 370-й стрелковой дивизии.

К званию Героя Советского Союза представлен в августе 1944 г. за бои при форсировании реки Западный Буг и преследовании противника до реки Висла. Перейдя Вислу вместе с сослуживцами, в жестокой схватке отбил траншею противника и в течение 13 часов оборонялся от превосходящих сил врага. Младший сержант Максимов был контужен, но не покинул поля боя. Наградной лист подписал командир полка майор Виноградов, представление поддержали командир 370-й стрелковой дивизии полковник Гавилевский, командир 91-го стрелкового корпуса генерал-майор Волков, командующий войсками 69-й Армии гвардии генерал-лейтенант Колпакчи и член Военного Совета Армии гв. генерал-майор Щелаковский. Однако Приказом Военного Совета 69-й Армии 1-го Белорусского фронта №212/н от 10.10.1944 г. И.Ф. Максимов был награжден орденом «Красного знамени» [12, д. 5741, л. 301-301 об.].

Демобилизован в июне 1950 г. После возвращения домой окончил курсы комбайнеров и работал на Арзамасской МТС. С 1958 г. трудился комбайнером и трактористом в колхозе с. Новоселки. Умер в 1986 г.

Гельжинас Виктор Михайлович родился в 1919 г. в Арзамасе (*приложение № 9, илл. 6*). Национальность – литовец. Его отец служил в штабе Восточного фронта [8, д. 76, л. 238]. Сведений об образовании и довоенной биографии Виктора Михайловича нет. Известно, что в Красную Армию он призван Сталинским РВК г. Москвы в январе 1942 г. Служил командиром орудия батареи 45-мм пушек 167-го стрелкового полка 16-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях на Центральном и 1-м Прибалтийском фронтах. Был ранен 9 ноября 1943 г. под д. Борок Невельского района Калининской области. Ошибочно учтен как погибший. Отличился в боях Шауляй в Литве, где подбил танк и бронетранспортер противника. Награжден

орденом Отечественной войны II степени. Погиб 14 октября 1944 г. под д. Пляукишкен Клайпедской области (Литва).

Был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза за то, что в боях под д. Пляукишен подбил два немецких танка. Превосходящими силами противник окружил весь расчет, который отбивался до последнего снаряда, затем пустив в ход личное оружие и гранаты. В этом бою погиб весь расчет, в том числе и сержант Гельжинас, раздавленный вместе с орудием гусеницами танка [10, д. 804, л. 285-285об].

Наградной лист подписал командир полка полковник Вольбекас, представление поддержали командующий дивизионной артиллерией полковник Петронис и командир дивизии полковник Урбшас. Есть и подпись командующего артиллерией 2-й гв. Армией гв. генерал-лейтенанта Стрельбицкого. Других подписей и пометок на наградном листе не имеется. Приказом 2-й гв. Армии №6/н от 18.01.1945 г. В.М. Гельжинас посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Куликов Геннадий Михайлович родился в 1922 г. в с. Выездное Арзамасского района в семье сапожника (*приложение № 9, илл. 7*). Окончил Выездновскую среднюю школу в 1939 г. и поступил в военно-пехотное училище. С первого дня Великой Отечественной войны направлен командиром минометной батареи в 39-й мотострелковый полк 13-й стрелковой дивизии и принимал участие в боях на Западном фронте. Вместе со своей частью попал в немецкое окружение, но смог выйти. С октября 1941 г. по март 1943 г. служил командиром 490-го минометного дивизиона 173-й стрелковой дивизии, затем назначен командиром 79-го отдельного противотанкового дивизиона 77-й стрелковой дивизии, в составе которой воевал на Брянском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах. Принимал участие в битве под Москвой, Сталинградской битве и боях на Курской дуге. За совершенные подвиги неоднократно награждался: орденом «Красной Звезды», орденом Отечественной войны I степени, орденом «Красного Знамени», орденом «Александра Невского», медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Несколько раз был ранен. Член ВКП(б) с марта 1942 г.

К званию Героя Советского Союза представлялся дважды. Первый раз в феврале 1945 г. за прорыв обороны противника на западном берегу Вислы. Он умело руководил работой дивизиона, в результате чего было уничтожено большое количество вражеской техники и вооружения, что способствовало продвижению частям Красной Армии.

Наградной лист подписал командующий артиллерией 77-й стрелковой дивизии гв. подполковник Снегирев, представление поддержал командир дивизии гв. генерал-майор Аскалепов, но командир корпуса решил наградить его орденом «Красного знамени». [10, д. 2998, л. 17-17об.]. Второй раз представлялся в апреле 1945 г. за бои на реке Одер, где назначен ответственным за работу орудий. В результате слаженной работы превосходящие силы противника были отброшены. Сам Куликов был дважды ранен, но не покинул своего поста до перехода советских частей в контрнаступление. И снова награждение не прошло на уровне командира корпуса. Приказом Военного Совета 1-го Белорусского фронта №618/н от 08.06.1945 г. гв. майор Куликов Г.М. награжден орденом Суворова III степени [13, д. 2733, л. 158-158об].

После окончания войны он еще почти год прослужил в составе Советской группы войск в Германии. В октябре 1946 г. окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу. Служил в Архангельском военном округе командиром дивизиона, начальником полковой школы, заместителем командира полка по строевой части 156-го отдельного гвардейского артиллерийского полка 10-й отдельной гвардейской стрелковой бригады. В начале 1950-х гг. окончил курсы Военной артиллерийской академии им. Дзержинского и Военную артиллерийскую командную академию. На военной службе оставался до выхода на пенсию в 1974 г. в звании генерал-лейтенанта.

Проживал в Днепропетровске. По данным Книги гордости и славы Арзамасского района Куликов Г.М. умер в 1988 г. [4, с. 82]. По другим данным – умер 22 июня 2003 г. (по информации с сайта «Бессмертный полк» по данным внука). Учитывая, что его партийные документы не были погашены до распада Советского Союза в 1991 г., вторую дату можно считать более вероятной.

Лобасков Николай Иванович родился в 1921 г. в с. Вторусское Чернухинского района в семье крестьянина-середняка (*приложение № 9, илл. 8*). Родители в 1931 г. вступили в колхоз. Николай

Иванович окончил в 1937 г. 7 классов чернухинской школы, после чего работал счетоводом в родном селе. В 1938 г. вступил в ВЛКСМ. В июне 1940 г. перешел на ту же должность в чернухинский районный комитет наркомата заготовок. В декабре 1940 г. призван на срочную службу в Красную Армию и направлен курсантом в танковую полковую школу Киевского военного округа, которую окончил в мае 1941 г. и назначен командиром машины 40-й танковой дивизии в том же округе. Начало Великой Отечественной войны встретил, находясь на военной службе. В июле 1941 г. переброшен в Северно-Кавказский военный округ, а с марта 1942 г. участвовал в боях на Воронежском фронте в составе 67-й танковой бригады в должности помощника командира взвода. Был дважды ранен. В декабре 1942 г. направлен в Сызранское училище малых танков, которое окончил в сентябре 1944 г. и назначен командиром установки 337-го отдельного самоходного артиллерийского дивизиона 301-й стрелковой дивизии в звании младшего лейтенанта. Еще в училище в декабре 1943 г. был принят в кандидаты в члены ВКП(б), а в члены ВКП(б) парткомиссией 301-й стрелковой дивизии в январе 1945 г. Отличился в бою 14-15 января 1945 г. при прорыве обороны противника южнее местечка Варка (Польша), за что награжден Орденом Отечественной войны I степени.

К званию Героя Советского Союза представлен за то, что в бою 14 апреля 1945 г. западнее г. Кюстрин первый повел за собой дивизион, точным огнем уничтожив самоходное орудие противника, 2 противотанковых орудия и 3 пулеметные точки. При этом Н.И. Лобасков лично взял в плен 8 немецких солдат. В бою за д. Припхеген 18 апреля 1945 г. он подбил 2 самоходных орудия противника, танк, 2 пулеметные точки и противотанковое орудие. Наградной лист подписал командир дивизиона майор Престинский, представление поддержали командующий артиллерией 301-й стрелковой дивизией полковник Казанцев, командир дивизии полковник Антонов, командир 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Рослый, командующий войсками 5-й Ударной Армии генерал-полковник Берзарин и член Военного Совета 5-й Ударной Армии генерал-лейтенант Боков. Однако здесь же стоит отметка о награждении лейтенанта Лобаскова Приказом Военного Совета 1-го Белорусского фронта №92/н от 09.06.1945 г. орденом «Красного Знамени» [10, д. 4227, л. 43].

На момент выхода Приказа о награждении Н.И. Лобаскова уже не было в живых. Он погиб 26 апреля 1945 г. при штурме Берлина, где и похоронен.

Кардавилецев Александр Васильевич родился в 1925 г. в с. Выездное Арзамасского района (*приложение № 9, илл. 9*). Учился в Выездновской школе и в январе 1943 г. призван в Красную Армию Арзамасским РВК. Поступил в пулеметно-минометное училище, однако окончить его не успел, так как был направлен на Воронежский фронт в составе 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Принимал участие в боях на Курской дуге, где был ранен. Лечился в эвакуационном госпитале № 5901 в г. Котовск Тамбовской области. После выздоровления служил наводчиком самоходной установки 75-го отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона 69-й гвардейской стрелковой дивизии. Воинское звание – гвардии старший сержант. Воевал на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Неоднократно проявлял решительность, мужество и отвагу, за что награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны I степени, медалью «За взятие Вены». В марте 1945 г. в районе города Секешфехервара (Венгрия) огнем из ручного пулемета сбил немецкий самолет «Мессершмит», о чем писали армейские газеты. В 1944 г. стал членом ВЛКСМ, в 1945 г. – кандидатом в члены ВКП(б).

К званию Героя Советского Союза представлен в апреле 1945 г. за многочисленные подвиги, совершенные им весной этого года: 17 марта 1945 г. подбил 2 немецких средних танка и 1 бронетранспортер; 1 апреля 1945 г. при взятии Эйзенштадта (Австрия) первым ворвался в город, подбил 2 полевых орудия, бронетранспортер и захватил 10 автомашин с боеприпасами; 3 апреля 1945 г. подбил 2 бронетранспортера и 1 средний танк; 4 апреля 1945 г. подбил 4 автомашины с боеприпасами и самоходную установку; 13 апреля 1945 г. при овладении переправой в г. Вена уничтожил 10 пулеметных точек противника. За все время боев полностью сохранил свой экипаж и боевую машину. Наградной лист подписал командир дивизиона гв. майор Власов, представление поддерживали командир 69-й гв. стрелковой дивизии гв. генерал-майор Джахуа, командир 21-го гв. стрелкового корпуса гв. генерал-лейтенант Козак и командующий бронетанковых и механизированных войск 4-й гв. Армией гв. генерал-полковник Тяглов. Заключение Военного совета Армии тоже

было однозначным – достоин звания Героя Советского Союза. Однако Приказом командующего Южной группой войск № 18/н от 16.07.1945 г. гв. старший сержант Кардавилецев награжден орденом «Красного знамени» [13, д. 2890, л. 8-9].

Демобилизован в декабре 1945 г. в звании мл. лейтенанта. По возвращении домой окончил плодоовощной техникум, работал инспектором торговых учреждений, затем заведующим ювелирным и обувным магазинами. Некоторое время трудился токарем на Арзамасском приборостроительном заводе, а с 1970 г. – в медицинском колледже техническим работником. Умер в 2000 г.

Похвалинский Василий Владимирович родился в 1916 г. в Арзамасе в семье служащего, дед – протоиерей с. Саблуково (*приложение № 9, илл. 10*). В Красную Армию призван летом 1941 г. Арзамасским РВК. Окончил Новгородско-Волынское пехотное училище. Прошел путь от командира пулеметной роты до командира батальона 1256-го стрелкового полка 378-й стрелковой дивизии. За боевые подвиги награжден орденом Красного Знамени, медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». 16 апреля 1945 г. в боях на территории Германии В.В. Похвалинский был убит.

К званию Героя Советского Союза (посмертно) представлен в мае 1945 г. за участие в боевых операциях по прорыву обороны немцев на реке Одер, на подступах к г. Зеелов, при взятии г. Мюнхенберг. Будучи командиром батальона, умело организовал работу своего подразделения, что привело к успешному решению поставленных задач. Наградной лист подписал командир полка гв. полковник Гончаров, представление поддержали командир дивизии гв. генерал-майор Зализюк и командир корпуса гв. генерал-лейтенант Глазунов. Однако командующий войсками 8-й гв. Армией гв. генерал-полковник Чуйков и член Военного Совета гв. генерал-майор Пронин посчитали необходимым наградить В.В. Похвалинского орденом Отечественной войны I степени [11, д. 787, л. 123-123об].

Таким образом, представленные краткие биографические сведения дают представления о боевом пути наших земляков, за свои подвиги представленных к званию Героя Советского Союза. И пусть их награждения не состоялись, мы должны помнить об их славных подвигах и тех жертвах, которые они принесли ради общей Победы.

Источники и литература

1. Алексеев В.Н., Шубина Н.Г. Взвод пешей разведки. Изд. 4-е, доп. Орехово-Зуево, 2017. 232 с.
2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, г. Нижний Новгород. Ф. Р-35. Оп. 1.
3. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сборник документов / сост. Е. Э. Ешан, А. П. Пудалова. Н. Новгород, 2015. 588 с.
4. Книга гордости и славы Арзамасского района / Арзамасская районная организация ветеранов войны, труда, пенсионеров вооруженных сил и правоохранных органов. Саров, 2023. 151 с.
5. Книга Памяти. Том 3: Ардатовский, Арзамасский, Большеболдинский, Вадский районы. Н. Новгород, 1994. 736 с.
6. Маслова Е.И., Щетинин А.И. Боевой путь снайпера Данилова / Арзамасская правда. 2022. 22 февраля (№14).
7. Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва. Учетно-партийные документы.
8. Российский государственный военный архив, г. Москва. Ф. 106. Оп. 2.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ, г. Подольск (далее – ЦАМО РФ, г. Подольск). Ф. 33. Оп. 686044.
10. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 33. Оп. 686196.
11. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 33. Оп. 687572.
12. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 33. Оп. 690155.
13. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 33. Оп. 690306.
14. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 58. Оп. А-71693.
15. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 58. Оп. 18002.
16. ЦАМО РФ, г. Подольск. Ф. 58. Оп. 18003.

ВОЕННАЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ДМИТРИЯ СОКОЛОВА

¹Завьялова Светлана Владимировна,

²Завьялова Александра Арэфьевна

¹ к.и.н., преподаватель Нижегородского института путей сообщения – филиала Приволжского государственного университета путей сообщения.

Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: zavyalova_sv@mail.ru

² учитель истории школы № 60 г. Нижнего Новгорода

Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: zavialova_a@mail.ru

В статье рассказывается о герое войны Д.А. Соколове, награжденном орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Кутузова.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; ранения; Соколов Дмитрий Алексеевич, награды.

Соколов Дмитрий Алексеевич родился в 1913 г. в деревне Большая Орлиха (старое название Куфтыри на реке Морква) Уренской волости Варнавинского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. По сельскохозяйственной переписи 1916 г. в деревне Б. Орлиха Уренской волости Варнавинского уезда Костромской губернии находилось 11 хозяйств, жителей обоего пола – 43 человека [2].

В ряды Красной Армии он был призван Уренским РВК Горьковской области в 1935 г. В Рабоче-крестьянской Красной Армии он служил с 1935 по 1938 гг. Высокого роста, красивый, с темными выющимися волосами, бравый, но измученный, нанесенными войной ранами, таким он запомнился родственникам, знавшим его. Началась Великая Отечественная война. Гвардии младший лейтенант Д.А. Соколов Уренским РВК был призван на фронт 23 июня 1941 г. в должности командира пулеметного взвода в 177 стрелковый полк 1 стрелковую дивизию и воевал на фронтах Великой Отечественной войны – Калининском, Брянском, Белорусском, 1-ом Прибалтийском – по 15 декабря 1944 г.

Первое ранение (сквозное пулевое ранение левой голени) он получил в наступательном бою под городом Ржевом 30 июля 1942 г. Подтверждающая справка АГЛР 2950 за № 7736 от 26 августа 1941 г. [2]. Это было Второе сражение за Ржев, с 30 июля по 1 октября 1942 г. – Ржевско-Сычевская операция; первое сражение за Ржев – Ржевско-Вяземская операция – проходило с 8 января по 20 апреля 1942 г. 30 июля 1942 г. войска двух фронтов – Калининского под командованием генерала И.С. Конева и Западного под командованием генерала Г.К. Жукова по плану Ставки должны были разгромить 9-ю армию вермахта генерала В. Моделя, дислоцировавшуюся на выступе между Ржевом и Вязьмой.

Д.А. Соколов

29 июля был проливной дождь. К исходу дня 30 июля оборона противника была прорвана на фронте в девять и в глубину в шесть километров, оказалось захвачено 68 пулеметов и 45 артиллерийских

орудий [1]. Общие потери вермахта в сражениях августа-сентября 1942 г. составили 60 тыс. человек. Наступавшие на Ржев и Сычевку армии двух советских фронтов потеряли за август и сентябрь 314 тыс. человек убитыми, пропавшими без вести, ранеными и заболевшими... [3] По данным архива Министерства обороны Красная Армия потеряла только в начальный период Ржевско-Сычевской операции с 30 июля по 23 августа 1942 г. 193383 человека убитыми и ранеными. В сентябре борьба за Ржев стала более ожесточенной. По немецким данным, Красная Армия потеряла тогда около 400 тысяч человек. К середине октября бои стихли. В марте 1943 г. войсками 30-й армии Западного фронта Ржев был освобожден [4].

По воспоминаниям бывшего командира орудия, участника сражения за Ржев А. Смирнова, «Вся поляна, примерно в восемь гектаров, сколько хватало взора, сплошь была устлана трупами наших солдат... А на краю поляны – МГ-34, и кругом горы гильз, пустых коробок и два скрюченных трупа пулеметчиков. Видно было, как они еле успевали отгребать от треноги гильзы, те высоким валом окружали их, даже со стороны ног».

Ветераны медсанбата 52-й стрелковой дивизии также вспоминают о многочисленных раненых с полей сражения под Ржевом в эти дни: «порой наплыв раненых был настолько велик, что их располагали рядами на носилках среди лесных полян. Мощные взрывы сметают санитарные палатки и разбрасывают тесные ряды носилок с ранеными, засыпают их грязью, убивают и наносят новые увечья...» [5]

После лечения в госпитале Соколов Д.А. вновь был направлен в действующую армию под Ржев и вновь был ранен. Второе ранение (ранение пулевое мягких тканей левой кисти с повреждением сухожилия) получил в наступательном бою 7 октября 1942 г. у города Ржев. Подтверждающая справка УралЛВО 1321 от 23 декабря 1942 г. за № 2454 [2].

Третье ранение правого предплечья Соколов Д.А., получил в наступательном бою под озером Фролово Калининской области 15 марта 1944 г., после которого поступил на излечение в армейский хирургический полевой передвижной госпиталь 655. Ходатайство о награждении подписано начальником ХППГ – 655 при при 11-й гвардейской армии майором медицинской службы (подпись неразборчива) [2].

Из приказа по войскам 8 гвардейского стрелкового корпуса действующей армии от 12 апреля 1944 г. № 024/н о награждении личного состава от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество: награждается гвардии младший лейтенант Соколов Дмитрий Алексеевич орденом Отечественной войны II степени [6].

В наградном листе на Соколова Дмитрия Алексеевича от 21 марта 1944 г. есть краткое изложение биографии и личного боевого подвига: «Соколов Дмитрий Алексеевич гвардии младший лейтенант, командир пулеметного взвода 5 гвардейской стрелковой дивизии 12 гвардейского стрелкового полка, участник по защите СССР в Отечественной войне с 1941 г. – Западный, Калининский, Брянский и первый Прибалтийский фронты, имеет ранения и контузии. Представляется к награде “Красная Звезда”. Краткое изложение личного боевого подвига: “В боях за Советскую Родину проливал кровь на поле боя против немецких оккупантов”» [2].

В 1946 г. Соколов Д.А. был награжден медалью «За Победу над Германией».

Находясь на Белорусском фронте с 24 июня 1944 г. по 28 июля 1944 г. в должности командира взвода 171 сп. 1 сд. 28 июля 1944 г. он был тяжело ранен. Указом Президиума Верховного Совета ССР о награждении орденами и медалями СССР офицеров, сержантов, рядовых состава Вооруженных Сил СССР за отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне гвардии лейтенант Соколов Дмитрий Алексеевич был награжден орденом Красной Звезды [8].

Гвардии лейтенант Соколов Дмитрий Алексеевич в 1947 г. был награжден орденом Красной Звезды приказом №: 223/90 от: 06.11.1947 г., изданным Президиумом ВС СССР (наградной лист от 15 февраля 1947 г.). Выписка из наградного листа: «Находясь на 2 Белорусском фронте с 24.06.1941 по 28.07.1944 гг. в должности командира взвода 171 стрелкового полка 1 стрелковой дивизии 28.07.1944 г. был тяжело ранен. В настоящее время работает колхозником в Орлихинском колхозе. Работает добросовестно и честно» [7]. Последнее ранение Дмитрия Алексеевича 28.07.1944 г. в живот чуть не стоило ему жизни, оказалось для него смертельно опасным.

Дмитрий Алексеевич был отправлен самолетом на лечение в госпиталь удмурдского города Глазов. Жене Дмитрия Фекле Фадеевне была отправлена телеграмма о том, что, если она хочет, чтобы муж остался в живых, пусть приезжает срочно и ухаживает за ним, привозит с собой сливочное масло и свежие яйца. Фекла Фадеевна, оставив маленьких детей Лиду (1938 г.р.) и Владимира (1941 г.р.) на родителей Фадея Панкратьевича и Анну Нестеровну, проживавших в деревне Катайское Тонкинского района Горьковской области, уехала в госпиталь города Глазов. Мужа удалось спасти. Дмитрий Алексеевич прошел боевой путь от города Горького до Белоруссии, Прибалтики, освобождая страну от захватчиков. После войны Соколов Д.А. работал на лесоповале, жил с семьей в поселке Шапша Воскресенского района. В последние годы он болел, не работал.

Сын Дмитрия Алексеевича Владимир Дмитриевич (1941 – 21 января 2001 г.) после окончания Горьковского медицинского училища и получения профессии фельдшера был призван в ряды Советской армии и четыре года служил в городе Берлине Германской демократической республики в группе советских войск в Германии, поддерживая стабильность и порядок в мире, завоеванном его отцом. Здоровье Дмитрия Алексеевича было подорвано ранениями и ужасами войны, ушел из жизни 9 сентября 1965 г.

Источники и литература

1. Кровавые поля Ржева. Август сорок второго... | Военная История... [Электронный ресурс]. – URL: [dzen.ru/Военная История СССР и Рос...](https://dzen.ru/Военная-История-СССР-и-Рос...) Кровавые поля Ржева. Август сорок второ

2. Наградной лист // ЦАМО. Ф.33, оп. 690155, ед хранения 162, № записи: 30704518, лист2 // «Память народа» - информационный проект. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie30704534/ (дата обращения: 09.01.2019 г.).

3. Ржев: засекреченный, но не забытый | Материалы по истории... [Электронный ресурс]. – URL: histrf.ru/teacher/istoriya-rossii/stalingsradszkaya...

4. Ржевская битва 1942 1943 гг. Справка - РИА Новости, 26.02.2009 [Электронный ресурс]. – URL: ria.ru/20090226/163241681.html

5. Почему Ржевская битва является одним из самых жестоких... [Электронный ресурс]. – URL: rodina-history.ru/ "Родина"

6. Приказ подразделения № 24/н от 12.04.1944 издан 8 гв.ск. ЦАМО. Ф.33, оп. 690155, ед. хранения 162, № записи: 30704518, лист2 // «Память народа» - информационный проект. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie30704534/ (дата обращения: 09.01.2019 г.).

7. «Память народа» - информационный проект. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 24.05.2020 г.).

8. ЦАМО. Ф.33 оп 744808 // «Память народа» - информационный проект. [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie30704534/ (дата обращения: 01.03.2025 г.).

ЖЕНСКИЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ)

¹Кудряшова Анна Сергеевна, ²Грубов Владимир Иванович

¹Арзамасский историко-художественный музей, к.и.н., научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас;
e-mail: kudryashova.annet@gmail.com

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: grubov_v@mail.ru

Победа СССР в Великой Отечественной войне была обеспечена не только действиями на фронте, но и самоотверженной работой тружеников тыла. В обеспечении превосходства советской экономики над экономикой фашистской Германии огромную роль сыграли советские женщины, в том числе – сельские труженицы. В статье рассматривается роль и значение женского труда в развитии сельского хозяйства Арзамасского района в военный период, а также отражение их вопросов на страницах районной газеты («Арзамасской правды»).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Горьковская область; Арзамасский район; сельское хозяйство; женский труд; вклад в Победу; «Арзамасская правда»

В этом году мы будем отмечать 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Не подлежит сомнению, что эта победа стала результатом не только действий на фронте, но и самоотверженной работы тружеников тыла. Советская экономика в период войны показала свое превосходство над экономикой фашистской Германии и практически всей поработанной Гитлером Европы. В обеспечении этого превосходства огромную роль сыграли советские женщины, в том числе – сельские труженицы. Вероломное нападение Германии на СССР повлекло за собой необходимость быстрого перевода как промышленного, так и сельскохозяйственного производства на военные рельсы. Перевод этот осуществлялся по мобилизационным планам, которые были разработаны для каждой отрасли на основе директивы Совнаркома и ЦК

ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Документ содержал, в частности, требование «организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым...», «укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность...» [4].

Итак, с началом Великой Отечественной войны была тесно связана масштабная структурная перестройка всей советской экономики и, в частности, сельскохозяйственной отрасли. Последняя из-за мобилизации в Красную Армию потеряла значительную часть работников-мужчин. Это вызвало вынужденный и достаточно скорый переход к женщинам роли основной рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Причем удельный вес занятых в нем женщин увеличивался по мере продолжения войны: если в 1940 г. они составляли 30% от общего числа трудоспособных колхозников, в 1941 г. этот показатель увеличился до 60%, а в 1944 г. достиг порядка 80% [13, с. 20, 36]. Конечно, не стал исключением и Арзамасский район Горьковской области.

Буквально на следующий день после начала войны во многих населенных пунктах Арзамасского района состоялись митинги, на которых сельские труженицы выражали готовность взять на себя обязанности мобилизованных мужчин: «Наши мужья, братья будут громить фашистских бандитов на фронте, а мы, женщины, будем по-стахановски работать на производстве, на колхозных полях. Вместе будем ковать победу над врагом» [15, с. 2].

Эта готовность заменить собой уходивших на фронт мужчин очень быстро воплотилась в реальность. Во многих колхозах женщины возглавили полеводческие бригады (Н. Родионова в Хватовском колхозе «Рассвет», Т. Фешина в Марьевском колхозе «Красная звезда») и фермы (М. Ляпина в Хватовском колхозе). В чрезвычайных условиях войны выполнение заданий по производству сельскохозяйственной продукции потребовало от колхозниц настоящей борьбы по-фронтовому. Так, полеводческая бригада под руководством упомянутой выше 17-летней Т. Фешиной работала самоотверженно, с высокой производительностью труда. Член бригады А.Д. Малыгина 8 августа 1941 г. на жатве вручную выполнила норму на 160%, продемонстрировав при этом высокое качество работы. М.М. Развалова и М.С. Фешина давали по полторы нормы в день [2, с. 3].

Отличных результатов в Замятинском колхозе добились так называемые «звенья высокого урожая». Так, в 1941 г. звено З.А. Рябовой получило по 20,4 центнера яровой пшеницы с гектара (при задании 14,5 центнера), звено З.П. Чекалиной – по 22,7 центнера яровой пшеницы и перевыполнило план по урожайности свеклы [5, с. 2]. Хороший урожай вырастило и звено М.Л. Марковой из Булдаковского колхоза – с каждого гектара сняли яровой пшеницы на 8 центнеров больше, чем предусматривал план [12, с. 1]. Бригады Семеновского колхоза «Заря», руководимые Е.А. Жадновой и З.П. Макаровой, в первый военный год получили урожай зерновых свыше 20 центнеров с гектара [3, с. 1]. На отличном счету в районе были также полеводческие бригады З.И. Перетокиной и З.С. Корчагиной Сальниковского колхоза, М.И. Сенициной Веригинского колхоза. В Мерлинском колхозе лучшей бригадой считалась бригада А.И. Матвеевой [8, с. 1]. Подобные примеры можно продолжать еще.

В конце лета и осенью 1941 г. – во время уборки зерновых культур – массовый характер приобрело соревнование «двухсотниц». Так называли женщин, выполнявших дневное задание на 200 и более процентов под лозунгом «Одну норму за себя, другую – за товарища, ушедшего на фронт». Первыми включились в это движение труженицы Дардаковского колхоза М.Ф. Свистунова, Е.С. Котова, Е.П. Емельянова, А.И. Князева, В.В. Симонкова.

При этом двойное, а то и тройное перевыполнение нормы не считалось чем-то выдающимся. Е.В. Манюхина, руководившая в первые годы войны бригадой в Выездновском колхозе им. Чкалова, вспоминала, что для работниц колхоза перекрывать задание на жатве вдвое–втрое было правилом. Урожай, особенно ржи, в первое военное лето выдался хороший, и чтобы не оставить зерно в поле, работали нередко по ночам, причем из-за нехватки лошадей женщины таскали снопы на себе и складывали в скирды [15, с. 2].

Выше уже отмечалось, что женщинам-колхозницам в период войны пришлось расширять специализацию своего труда – например, руководить полеводческими бригадами или фермами. В условиях мобилизации в действующую армию многих квалифицированных специалистов-мужчин (трактористов, комбайнеров, шоферов и т.д.) женщины вынуждены были осваивать и другие, новые для них виды работ. Одним из них стало управление сельскохозяйственной техникой и ее ремонт. В принципе, это не было чем-то абсолютно

новым: еще в конце 1930-х гг. в СССР началось создание резерва механизаторов из числа женщин для замены мужчин в случае войны. Так, еще в 1938 г. одна из первых советских трактористок – П.Н. Ангелина – обратилась к советским женщинам с призывом: «Сто тысяч подруг – на трактор!» Но после 22 июня 1941 г. под воздействием чрезвычайных обстоятельств это направление деятельности значительно активизировалось. В целом по стране уже за первые полтора–два месяца войны на базе машинно-тракторных станций (МТС) было подготовлено 175 тыс. женщин-водителей. В 1943 г. удельный вес женщин среди механизаторов МТС составлял около 55%, комбайнеров – 62%, трактористов – 81%. В Горьковской области почти 19 тыс. человек получило специальность механизатора, 68% из них составляли женщины [6, с. 3].

Не отставал в этом отношении и Арзамасский район. При местной МТС уже 3 июля 1941 г. были открыты курсы по подготовке трактористов и комбайнеров. Десятки колхозниц отправили заявления в дирекцию Арзамасской МТС с просьбой обучить их специальности механизатора. Среди первых женщин, начавших обучение на курсах, были Е. Давыдова (с. Медынцево), А. Краснова (с. Саблуково), А.Н. Караулова (с. Шатовка) и др. [17, с. 3].

В конце 1941 г. на курсы по подготовке трактористов и комбайнеров при Арзамасской МТС добровольно записались еще 119 человек, большинство из которых составляли девушки. Об их стремлении как можно быстрее и лучше освоить новую профессию вспоминал руководивший этими курсами Г.И. Ермолаев: «Около ста девушек, многим из которых едва минуло восемнадцать лет, стали изучать сельскохозяйственные машины. Занимались круглосуточно, часто на улице в двадцати–тридцатиградусный мороз. Но ни от кого не было жалоб, все старались быстрее закончить учебу, повести трактор». Слова того же Г.И. Ермолаева передают, с одной стороны – энтузиазм девушек, окончивших курсы, с другой – тяжелые условия их работы: «После окончания занятий была сформирована тракторная бригада, которая в основном работала в Новом Усаде, где в то время размещалось два колхоза. В страдные дни сева, уборки урожая трактористки, комбайнерки не уходили с поля до тех пор, пока в полтора–два раза не перевыполняли задание. Часто носили на себе за 10–15 км запасные части, горючее» [15, с. 2].

Благодаря курсам по подготовке трактористов и комбайнеров при Арзамасской МТС проблема острой нехватки механизаторских

кадров в районе была решена, а наличный парк тракторов и комбайнов стал использоваться более производительно.

При этом по производительности труда женщины-механизаторы стремились не уступать мужчинам. За год на маломощных тракторах-«колесниках» СТЗ и ХТЗ производства Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, а также «Универсалах», выпускавшихся до войны на Ленинградском машиностроительном заводе им. С.М. Кирова, они вырабатывали по 500–600 га мягкой пахоты. Многие перекрывали и эти нормы, в том числе сестры Сафроновы из Медынцева, Фокины из Успенского, Носковы из Кожина, неоднократно занимавшие в районном соревновании первые места. А Т.И. Дряхлова и А.Н. Караулова на комбайне «Коммунар» убирали по 300–400 га за сезон. Другое дело – какой ценой это давалось. Работали по 12 часов, посменно. Трактора были примитивными – без кабины, без фар, с железным сиденьем, с большими железными колесами со «шпорами», тяжелые в управлении. Моторы на них быстро нагревались, их нужно было периодически остужать. Техника не обновлялась, не хватало запчастей и горючего. Часть сельскохозяйственной техники (трактора и автомобили) имела газогенераторные установки. В качестве топлива для такой техники использовалась обыкновенная березовая чурка, которую в больших масштабах заготавливали в колхозах.

О тяжелой нагрузке, легшей на плечи женщин-механизаторов, вспоминала Е.И. Кудина, до декабря 1943 г. работавшая участковым агрономом, а затем до конца войны возглавлявшая Арзамасскую МТС [16, с. 3]. Она рассказывала, что мужчин в штате станции в то время насчитывалось всего 11 человек, в основном это были бригады тракторных бригад. На тракторах, комбайнах, сложных молотилках и автомашинах работали исключительно девушки и женщины. Им пришлось пройти через многие трудности, но ни одна из них не жаловалась, каждая работала наравне с опытным мужчиной-механизатором. Женский костяк Арзамасской МТС составляли М.И. Морозова, К.Ф. Обухова, С. Мамаева, Д. Рябинина, Е. Царева, А. Кошелева и десятки других замечательных тружениц. Благодаря им станция, решающей силой которой стали женщины, успешно выполняла многие трудные задачи военного времени [19, с. 3].

В 1944 г. в приказе по Арзамасской МТС были отмечены кандидаты на получение денежных премий и значка «Отличник соревнования» за эффективное использование тракторов и комбайнов.

В списке значились уже упомянутые сестры Сафроновы, а также Е.П. Гаврилова, А.А. Котова и А.Н. Кошелева. При этом поощрения могли быть не только такими, как сказано выше – например, М.Ф. Трифонова, как лучшая из района, была направлена на полевые работы в области СССР, освобожденные от врага [15, с. 2].

Поскольку сельскохозяйственной техники для производственных нужд колхозов не хватало (из-за мобилизации для нужд армии и частых поломок), в качестве тягловой силы продолжали использовать и животных. При этом имеется в виду не только «лошадиная» сила в полном смысле слова – в годы войны из народного хозяйства для нужд армии было мобилизовано более 2,5 млн. лошадей. Насущная необходимость заставила обучать ходить в упряжке быков и даже коров, которых женщины – пахари, севцы, ездовые – использовали при выполнении различных видов работ (пахоте, севе, транспортировке зерна на элеватор и т.д.).

В 1942 г. по инициативе женщин-пахарей Ленинского колхоза развернулось соревнование под девизом «Гектар пахоты в день – на конном плуге!», охватившее буквально все хозяйства района. Итоги соревнования регулярно подводились райкомом ВКП (б) и райисполкомом и обнародовались через «Арзамасскую правду». Такого объема выработки достичь было сложно, тем не менее, несколько сотен женщин стабильно выполняли условия соцсоревнования [19, с. 3].

В том же году во Всесоюзное социалистическое соревнование за высокий урожай включились комбайнерки и трактористки Арзамасского района. Среди тракторных бригад впереди шла бригада Горбунчиковой, выполнившая вовремя задания по весенним полевым работам и сэкономившая 213 кг горючего [14, с. 1]. В Новоусадском колхозе комбайнерка Т. Дряхлова намолотила более 100 т зерна, а в Панфиловском комбайнерка Ананьева – около 150 т [7, с. 1].

Повсеместно формировались так называемые «фронтовые» бригады, коллективы которых в период наиболее ответственных работ – пахоты, сева, уборки урожая, – играли исключительно важную роль организаторов социалистического соревнования. Так, в Веригинском колхозе объявила себя «фронтовой» бригада М.И. Синицыной. Члены бригады «обязались работать по-военному, с темна до темна, не уходить с поля до тех пор, пока не будет выполнено дневное задание, перевыполнять установленные нормы, давая

высокое качество работы» [1, с. 1]. В 1942 г. эта бригада первой в колхозе закончила сев ранних и поздних зерновых, а также посадку картофеля. В колхозе им. Чкалова по-фронтовому работала бригада Е.В. Манюхиной. Все ее члены находились на полях от темна до темна, выполняли и перевыполняли нормы при высоком качестве пахоты и сева [23, с. 1].

Самоотверженно трудились и арзамасские женщины-животноводы. В 1941 г. более сотни работниц ферм Арзамасского района под лозунгом «Наш ударный, стахановский труд поможет защитникам Москвы!» перевыполнили плановые задания по продуктивности общественного скота. Среди них – доярки Красносельского колхоза Т.М. Спирина, А.А. Мичурина, З.А. Рахимова, Е.В. Разгуляева, значительно увеличившие надой молока [20, с. 35]. От 2 тыс. до 2,5 тыс. кг молока от коровы получили доярки колхозов «Красногвардеец», Хватовского, Выездновского [18, с. 4]. П.В. Швецова (Больше-Тумановский колхоз) и А.М. Лапаева (Семеновский колхоз) от 12 коров получили и вырастили 12 телят [9, с. 3]. Телятница Е.Н. Ляпина (Хватовский колхоз) в 1941 г. не только сохранила весь молодняк, но и намного перевыполнила план по привесу: при задании 450 г среднесуточный привес телят составил 590 г. За счет повышения привеса она получила 17 с лишним центнеров мяса сверх плана [11, с. 3]. Свиноводка Л.Д. Хозинская из колхоза «Красная Пушкарка» в первый военный год сохранила по 20 поросят от каждой свиноматки (при плане 12 поросят). Вместе с ней работали такие же заботливые колхозницы А.Т. Крылова и В.А. Крылова [22, с. 1]. Ударно трудились свиноводка Ветошкинского колхоза Е.Ф. Канаева и свиноводка Беговатовского колхоза М.К. Каменкина [18, с. 4]. Животновод Красносельского колхоза «Мировой Октябрь» В.С. Артамонова намного перевыполнила установленный план по настригу шерсти овец – от каждой она получила 4 кг (при задании 2,7 кг), дав колхозу дополнительно 63 кг шерсти. Хороших результатов она добилась и в выращивании молодняка: из 66 ягнят сохранила и вырастила 64 [21, с. 2].

Многие колхозы и даже сельсоветы (каждый из них включал в себя несколько колхозов) в период войны возглавлялись женщинами. В 1944 г. в целом по стране общая цифра женщин, занимавших руководящие посты в сельском хозяйстве, составляла свыше 250 тыс. человек. Председателями колхозов были 21 656 женщин (12%), бригадирами полеводческих бригад – 151 254 (41,4%), заведующими жи-

вотноводческими фермами – 10 941 (50%), счетоводами и бухгалтерами – 93 338 (56%). В Арзамасском районе, по неполным данным, в годы Великой Отечественной войны руководили колхозами шесть женщин, заведовали фермами – 43, возглавляли полеводческие бригады более 200 человек и звенья высокого урожая – свыше тысячи. Так, председателем Новоязыковского колхоза стала Е.И. Карпова, Новоусадского колхоза – М.И. Рунова. Шерстинский колхоз еще до войны возглавила М. Мякишева [10, с. 2]. На должности председателей сельских Советов были выдвинуты: Семеновского – В.И. Капина, Красносельского – М.И. Пижина, Выездновского – Е.М. Курбатова [2, с. 3].

Значение женского труда в сельском хозяйстве Арзамасского района в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить. Каждая из сельских тружениц на своем месте прилагала все силы для достижения долгожданной победы. За время войны не было ни одного года, когда Арзамасский район не выполнил бы задания по севу и сбору яровых и озимых культур, увеличению поголовья общественного скота и птицы, сдаче сельхозпродукции государству. Напротив, в тяжелое военное время эти сложные и напряженные задания не только выполнялись, но и перевыполнялись, за что район в целом и многие его колхозы неоднократно заносились на областную Доску почета, удостоивались переходящих Красных знамен Наркомата земледелия СССР, обкома ВКП (б) и облисполкома. В этом – огромная заслуга сельских тружениц. Более двух тысяч женщин по Арзамасу и району за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. были награждены одноименной медалью.

Источники и литература

1. Блинов И.И. Фронтовая бригада // Арзамасская правда (далее – АП). 1942. 13 мая.
2. Бригада комсомолки Фешиной // АП. 1941. 13 августа.
3. Выше знамя соревнования! // АП. 1942. 9 января.
4. Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/direktiva-ot-29-iiunia-1941-ghoda>
5. Егоров В. Готовятся к севу // АП. 1942. 7 января.
6. Захаркина А. Самоотверженность // АП. 1975. 8 мая.
7. Иванов Д. О работе комбайнеров // АП. 1942. 6 сентября.
8. Климов В.И. Прополка посевов // АП. 1942. 12 июня.
9. Круглов Н. Замечательные результаты // АП. 1942. 28 января.
10. Лабзин А. Председатель колхоза // АП. 1942. 2 августа.
11. Ляпина Е.Н. Буду работать с утроенной энергией // АП. 1942. 13 февраля.

12. Маркова М. Дадим фронту и стране больше продуктов // АП. 1942. 20 февраля.
13. Мурманцева В.С. Советские женщины в период Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1974. 272 с.
14. Муштакова А. Бригада Горбунчиковой идет впереди // АП. 1942. 12 июля.
15. Новаев И. Все для фронта, все для победы! Сельское хозяйство района в годы Великой Отечественной войны // АП. 1975. 8 мая.
16. Одинцов А. Подвиг тружеников тыла // АП. 1985. 30 марта.
17. Одинцов А. Подвиг тружеников тыла // АП. 1985. 5 апреля.
18. Одинцов А. Подвиг тружеников тыла // АП. 1985. 6 апреля.
19. Одинцов А. Подвиг тружеников тыла // АП. 1985. 9 апреля.
20. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. Арзамас: Арзамасская типография, 1967. 152 с.
21. Петрунин И. Замечательный результат // АП. 1942. 9 января.
22. Серебренникова В.Н. Хозинская – лучшая свинарка // АП. 1942. 29 апреля.
23. Юрьева К. Два соревнующихся колхоза // АП. 1942. 20 мая.

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ВАСИЛЬЕВА

Исаков Алексей Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Арзамасский филиал ННГУ, к.филос.н., доцент кафедры истории, обществознания
и права историко-филологического факультета
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
e-mail: blauer-reiter@yandex.ru

Статья посвящена анализу предпосылок и форм отражения темы Великой Отечественной войны в творчестве выдающегося арзамасского поэта Вячеслава Лукьяновича Васильева (1937-1994). Автор анализирует личный опыт поэта и сравнивает его с военными мотивами, отразившимися в его стихах и прозе. Автор приходит к выводу, что все военные мотивы в творчестве В.Л. Васильева укоренены в его собственном опыте ребенка военной поры и нигде не выходят за эти пределы. Также подвергается анализу редактора произведений поэта при их перепечатке Волго-Вятским книжным издательством. Выясняется, что редакторы сглаживали картину военного времени, отраженную в стихах В.Л. Васильева.

Ключевые слова: советская поэзия; Арзамас; военные мотивы; дети войны

Тема Великой Отечественной войны была одной из ведущих в советской поэзии, остается таковой и в наши дни. Безусловно, решающую роль в ее становлении сыграло поколение фронтовиков, применительно к арзамасской провинциальной

школе поэзии представленное ее бессменным главой – А.И. Плотниковым. Однако следующие поколения всегда вносили в нее свои особые мотивы, образы, веяния. Вторым поколением поэтов, писавших о войне, стали те, чье детство пришлось на первую половину 40-х. Именно к их числу относится выдающийся арзамасский поэт Вячеслав Лукьянович Васильев (1937–1994). Соответственно, целью нашей статьи является анализ специфики решения им темы Великой Отечественной войны.

Первое, что нам необходимо сделать, – определиться с тем, какой опыт он мог получить в военные годы, учитывая, что они полностью пришлись на дошкольную пору его жизни. Очевидно, опыт этот не мог быть большим, но должен был быть достаточно рельефным, даже жестким, чтобы вызвать впоследствии к жизни ряд устойчивых мотивов васильевской поэзии и прозы.

Вячеслав Лукьянович родился 23 ноября 1937 г. в Арзамасе. О его семье может рассказать документ, размещенный в ОБД «Мемориал» и «Память народа». Это «Список на военнотружущих, погибших и пропавших б/вести в период Великой Отечественной войны, родственники которых проживают в Арзамасском районе Горьковской области» от 18 октября 1946 г. Он был подготовлен Арзамасским районным военным комиссариатом Горьковской области по запросу Главного штаба сухопутных войск с целью уточнения цифры безвозвратных потерь. Всего в документ было включено ровно 700 человек, из которых, как свидетельствует виза на последнем листе, было учтено 606. Стало быть, штаб до этого имел информацию лишь о 94-х погибших из этого списка... Отец Вячеслава Лукьяновича занимает строку № 579.

Из документа мы видим, что Лукьян Федорович Васильев родился в 1906 г. в селе Новотроицкое Долгоруковского района Орловской (ныне – Липецкой) области. На момент гибели он являлся членом партии, имел звание старшего сержанта и занимал должность замполита. Призван он был уже 29 июня 1941 г. и, согласно документу, так и не успел отправить семье ни одной весточки. В итоге с февраля 1942 г. он стал числиться пропавшим без вести. Отсюда же видим, что его жена Анна Михайловна проживала в доме по адресу пл. Ленина, 7, другие члены семьи не упомянуты [4, л. 20].

Если сравнить эти данные с автобиографическим очерком В.Л. Васильева «Детства солнечная сторона», опубликованным

в «Арзамасской правде» в номерах за 18, 20, 24, 25, 27, 28 ноября, 1 и 2 декабря 1981 г., можно внести совсем небольшие дополнения. Состав семьи первоначально включал еще бабушку (по матери) и сестру (сестра умерла еще до начала описанных событий). Работала только Анна Михайловна, остальные члены семьи были иждивенцами. Отсюда можно сделать вывод, что, кроме заработной платы матери, семья могла рассчитывать на 100 рублей государственного пособия. Дом № 7 по словам автора не сохранился, его номер теперь принадлежит зданию Арзамасского медучилища. Расхождение лишь одно – из очерка следует, что несколько писем от отца семья все же успела получить [1, с. 384].

Таким образом, война в опыте будущего была опосредована потерей отца и связанным с ней лишениями. Этот опыт не был сколько-нибудь восполнен собственным опытом службы В.Л. Васильева в армии. Его близкий друг Д.Ф. Пигин вспоминал, что прослужил поэт недолго – был комиссован и до конца жизни прихрамывал. Лучшее всего его отношение к военной службе характеризуют следующие строки (1963 г.): «Родина! Прости меня за смелость, / Буду откровенным я с тобой: / Мне служить солдатом не хотелось, / Мне хотелось поскорей домой» [1, с. 19].

При этом исследователи, писавшие о Васильеве, отмечают достоверность его стихотворений, посвященных войне. Так, Ю.А. Курдин, анализируя описание Васильевым Арзамаса военной поры, пришел к выводу, что «главная особенность раскрытия этой темы поэтом заключается в правдивом отражении жизни тылового города» [3, с. 200].

Однако, на наш взгляд, тема войны представлена в творчестве Вячеслава Лукьяновича гораздо шире. Чтобы сориентироваться в разнообразии военных мотивов в поэзии Васильева, мы начнем анализ с последнего произведения, опубликованного им на эту тему – уже упоминавшегося автобиографического очерка «Детства солнечная сторона».

Первый мотив этого очерка – жертвенное отношение военного поколения к своим детям, своему будущему. Главную роль в разрывании этого мотива играет образ бабушки поэта, отдающей внуку последний кусочек хлеба: «Это был лично её хлеб. Я знал, что мою долю я съел ещё вчера, в обед, но нимало не смущённый тем, что

оставляю её голодной, я и этот ломтик съедал с невообразимой быстротой. Сама же она, как я теперь полагаю, питалась, должно быть, одним воздухом и запивала его простою водой» [1, с. 381-382]. Не имея работы, она отвечала за то, чтобы вовремя занять очередь за хлебным пайком, попутно собирала щепки и солому, которые можно было использовать для топки печи. При этом Васильев поднимает вопрос о роли религиозности в моральной стойкости пожилой женщины. С одной стороны, он честно пишет: «Бог мирит её с тяготами нашей жизни», а с другой, истолковывает ее поведение именно с точки зрения жертвенности, постами бабушка оправдывает отказ от пищи в пользу внука: «Мать с одного взгляда угадывает, как проходил наш день, кто из нас сегодня сыт, а кто голоден. Она глядит на меня укоризненно, на бабушку сердито. ... Бабушка спокойно выдерживает материн взгляд, а затем убеждённо заявляет: “Ты что? Аль забыла? Ведь Рождество завтра. А ныне – до первой звезды говеть надо”» [1, с. 383].

С образом бабушки тесно связан мотив пайкового хлеба и очередей за ним, в которую та, заняв до света место, потом возвращалась вместе с внуком: «...я вставал там, где было указано. При этом считалось, что одновременно я и гуляю и оказываю посильную помощь дому» [1, с. 383]. Васильев достаточно прямо, без обиняков описывает жизнь семьи без кормильца в тыловом городе: «Нормальной назвать её, конечно, нельзя. И даже ни с какими натяжками. Бешено возросшие цены на продукты с хрустом перекусывали крохотные родительские заработки тех лет. Пайки урезались по самый край. Спички, мыло, сахар, керосин или совсем исчезли с прилавков, или – в закутках, на рынке – настолько поднялись и вздорожали в цене, что к ним порой и подступиться было страшно... Нас тошнило с зелёной картошки, с той бурды из свёклы и капустных листьев, которая тогда называлась супом». Спасением был ржаной хлеб, тоже специфический: «Вечно тёмно-бурый, тут недопеченный, там пригорелый, с неочищенной картошкой внутри, с соломинками, торчащими вкривь и вкось из боков... По теперешним понятиям есть его совершенно невозможно, но не есть нельзя, так как другого не будет» [1, с. 384-385].

Очень метко образу малосъедобного, но честного ржаного хлеба, которому поэт, как и обещал, напишет оду, противопоставляется образ пшеничной булочки, оказавшейся обманом: «Как-то по

весне поехала мать в лес за дровами и привезла мне оттуда – у лисы отняли! – булку. Белую! Царский гостинец! Ну, понятно, что она купила её на местном рынке. Это только мне сказали так, что отняли у лисы. И от этой булки я откусил лишь один раз. Под тонкой верхней плёночкой в толщине бумажного листа были сплошные опилки» [1, с. 385]. Вообще, в очерке не такое уж малое место занимает мотив теневой стороны тыловой жизни. Первое явление – толкучка, на которой люди за копейки или еду расставались даже с самым необходимым: «В большинстве семей к середине войны всё довоенное добро было уже пораспродано на толкучке или обменено на продукты, и ребятишкам зачастую просто не в чем было выйти на улицу» [1, с. 385]. Второе – криминал, хотя и боящийся еще встать в полный рост: «Тут и там шныряют разные подозрительные личности. Вот карманники стайкой промысел ведут. Вот картёжник, завидев милиционера, повёл рукой над тремя картами – и как слизнуло их с расстеленной газеты. И газета исчезла, и картёжник пропал, появляется инвалид-гадальщик, с ручным щеглом на пальце» [1, с. 387].

Три следующих мотива связаны с солдатами той войны. Первый из них – это не вернувшийся с фронта отец, олицетворяющий в глазах Васильева поколение фронтовиков. Он реализуется через единственный образ проводов, которые проходят весело: «На столе – прощальное вино, патефон играет “Дан приказ – ему на запад”, а взрослые пьют, поют, танцуют и разговаривают». Люди или еще не понимают огромности свалившейся на них беды, или просто пытаются успокоить друг друга: «Когда совсем стемнело, отец взял меня на руки, поднёс к распахнутому окну, к зелёным веткам просунувшегося в него тополя. Он сказал, что вернётся скоро, и что обязательно с победой, и что Гитлера “в мешке привезём и в клетку посадим”» [1, с. 384].

Второй мотив – это раненые. Семья Васильевых жила у Ленинского садика, рядом размещался эвакогоспиталь. Выздоровливавшие солдаты гуляли в садике, но пяти-шестилетний Слава мог лишь подслушать их разговоры, общаться с ними он еще не мог. Один из таких диалогов Васильев приводит в очерке: «– Как нога-то Николай? / – Плохо, Фёдор Иванович, плохо. Боюсь, как бы совсем не отняли. / – А я уж на деревяшке. А рука-то всё в гипсу – кость срослась неправильно». И хотя дальше они говорят о движении Красной Армии на

запад, понятно, что для них активная, полная жизнь во многом окончена [1, с. 384].

Наконец, третий мотив – это идущие через город на вокзал маршевые роты для отправки на фронт: «А солдаты идут на войну. С винтовками, со скатками, с котелками на боку и с настоящим боевым командиром впереди звонко стучат они ботинками по булыжной мостовой. Но громовая песня покрывает гул шагов... Эти песни станут первыми песнями нашего детства. Мы заучиваем их тут же, на ходу, дружно подхватываем припев... И – тоже маршируем, маршируем рядом с колонной, гордо поглядывая на женщин и стариков, молча стоящих под тополями на тротуарах. ... И, наверное, только нам, мальчишкам, в этот час и весело, и гордо» [1, с. 391]. Основное настроение здесь – снова жертвенное. Взрослые, провожают марширующих бойцов на смерть, и лишь дети не понимают этого.

Какие мотивы военного времени мы видим в стихах Васильева? Первый, так же, как и в очерке, – это мотив военного хлеба и очереди за ним. В 1963 г. было опубликовано стихотворение «Две очереди», где сталкивались образ очереди за хлебом как надежды на жизнь сегодня и образ очереди за газетами как надежды на будущую победу и мир [1, с. 21]. А в 1966 г. образ очереди отходит уже на второй план в стихотворении «Хлеб», часть которого мы процитируем: «Еще мне помнится пора, / Когда, всю ночь не спавшая, / За ним шла очередь с утра, / Измученная, страшная. / Сквозь черный год. / Военный год, / Готовая отчаяться, / Она к прилавочку идет, / Идет и не кончается. / А там на чашечки весов / Поставлены сурово / Жизнь человека / И кусок / Обычного, ржаного. / Кусок, что как кирпич окреп, / Соломинками колетя. / Но он хорошим был, / Тот хлеб, / Он долго будет помниться» [1, с. 81-82]. Стихотворение и очерк совпадают практически дословно. Однако интересно, что при включении в 1976 г. в сборник «Обращение к Земле» редактор Волго-Вятского книжного издательства М.А. Горюнова настояла на переделке стихотворения, жертвой которой пала и последняя, наиболее рельефная, строфа приведенного отрывка.

Второй мотив – проводы отца. Текст так и называется – «Проводы», он был опубликован в 1966 г. Стихотворение также очень близко тексту очерка. В нем лишь еще больше чувствуется сила олицетворения судьбы поколения фронтовиков смутным образом отца. Финальная строфа газетного варианта звучит так: «Отцы

в боях сражались хорошо / И добыли победу в сорок пятом. / Но кто-то к сыну с фронта не пришел / И стал навечно бронзовым солдатом». В коллективном сборнике «Старт» 1969 г. редактор настоял на замене этой строфы совершенно невыразительным финалом: «Их было много – горьких, страшных слез. / Сквозь кровь и дым мы шли все эти годы / К тому, чтоб сорок пятый год принес / Сиянье солнца, радости народу» [1, с. 65]. Тенденция опять же очевидна.

Третий мотив – раненые. Стихотворение, опубликованное впервые в 1972 г., так и называется. Оно менее драматично, чем соответствующий раздел очерка. Однако настроение газетного варианта все же драматичнее, чем книжного. В газетной версии противопоставляется тихая, размеренная жизнь выздоравливающих («Хорошо... В конце любой аллеи / Веселей скрипят их костыли») и огромная сила духа, накопленная в их искалеченных телах и пока находящая выход только в песне («Вот и распрямила песня спину, / Вот и проросла за облака»). Именно она видится Васильеву залогом того, что и калеки найдут себя в послевоенной жизни. Об этом говорит типично васильевский емкий финал: «И глядит Россия из окошек, / Замирая, радуясь, дивясь». В книге «Обращение к Земле» антитеза сглаживается. Вдох «Хорошо...» превращается в восклицание «Хорошо!», а в финале философская мысль подменяется бытовой сценкой: «Санитарки смотрят из окошка, / Замирая, радуясь, дивясь» [1, с. 221].

Четвертый мотив снова знаком нам по очерку, это – солдаты, идущие на фронт. Он появляется в двух стихотворениях 1966 г. – «Прогорклой пылью день дышал» и «Лучшие песни». В этих стихотворениях сталкиваются образы, уже знакомые нам по очерку – марширующие с солдатами и подпевающие им дети и женщины, осознающие, что многие из бойцов погибнут. Первое стихотворение несколько более рассудочно, аналитично [1, с. 57]. Возможно, поэтому оно не вошло в сборники. Зато второе стало одной из визитных карточек поэта. Лишь в первом варианте оно включало прямую констатацию тех чувств, которые испытывали идущие на войну: «Вы никогда не слышали, / Как люди / Поют, / Когда поют / В последний раз? / Две жизни проживу – / Не позабуду / Ни голосов, / Ни выраженья глаз!». Далее эта оценка была изъята и переложена на женщин, по сути позаимствованных из первого стихотворения. Существенно не менялся лишь финал: «И все идут / На станцию солдаты... / Им

только сутки / Ехать до войны» [1, с. 93].

Следующие мотивы не встречаются в автобиографическом очерке. Прежде всего, это мотив памяти, который решается Васильевым по двум основным направлениям. Первое представлено достаточно сложной «Балладой о золотом кольце» (1968 г.). На первый взгляд ее героиня – девушка, жених которой не вернулся с войны. Они не успели создать семью, у него не осталось детей, он ничего не успел сделать в жизни, вся память о нем – золотое кольцо с безымянного пальца. Героиня после войны выходит замуж, у нее двое детей, которые имеют возможность получить образование, и заботливый муж. Однако в душе она хранит память о своем Пашке. Муж знает об этом и уважает ее чувство [1, с. 147-150]. В реальности героем баллады является именно погибший и не оставивший иного по себе следа, кроме любви героини, Пашка. Васильев ставит здесь проблему, близкую по смыслу к проблеме «потерянного поколения», причем на уровне обобщения вполне сопоставимом с произведениями Г. Бакланова. При включении в книгу «Обращение к Земле» баллада тоже потеряла в реалистичности. Сравните описание женского труда в газетной и книжной версиях текста [1, с 148]:

«Арзамасская правда», 1968 г. «Обращение к Земле», 1976 г.

Пели воды в оврагах,
Умирала зима.
Люба с тощим конягой
В плуг впрягалась сама.
И в работе бессменной
Так по полюшку шла,
Словно в бурю землю
По колена вросла.
Хлеб из чрева земного
Вырывался, как месть.
Никогда бы такого
Никому бы не есть!

Под капельные песни
Умирала зима.
Люба с бабами вместе
В плуг впрягалась сама.
Крут был день неприветный,
Скуден общий обед.
Засыпала одетой,
А вставала чуть свет.

Второе направление в развитии этого мотива непосредственно посвящено сохранению памяти о войне. Первое стихотворение на эту тему – «У памятника Гайдару» – было опубликовано еще в 1962 г. В нем появляется образ живого человека, превращающегося

в памятник, хотя и выраженный еще пока несовершенно: «...Ты слышал, Гайдар, / Стройной рощи березовый шелест / И, как будто смущенный / За свой необычный визит, / Как девиз всем живым, / В обогрешей солдатской шинели / Холодея, устало шагнул / На сверкающий, гулкий гранит» [1, с. 15].

В 1965 г. в печати появляется стихотворение «Памятники», обращающее читателя к памяти не о парадном, а о настоящем лице войны: «Но в этих памятниках нету / Военного труда солдат. / Тот труд скульптура не приемлет. / Не встанут в бронзе никогда / Ни развороченные земли, / Ни взорванные города, / Ни обгоревшие селенья / Среди дымящейся страны... / Вношу в свое стихотворенье / Их, как последствия войны» [1, с. 52]. Мысль о необходимости сохранить живую, а не формальную память о погибших выражена в стихотворении 1967 г. «Слово к погибшим воинам»: «Только память не спит, только корни спасенной березы / Тихо трогают вас, очень бережно трогают вас» [1, с. 128]. Та же мысль о необходимости горячего сочувствия к жертвам войны – в стихотворении «Хроника 43-го года», в котором описывается непосредственная благородная реакция мальчика, смотревшего фронтовой киножурнал и увидевшего на экране гибель раненого бойца и пытающейся спасти его медсестры [1, с. 40]. Напоследок отметим стихотворение 1976 г. «Ветераны», в котором также фокус смещается с образа солдат-победителей на их павших товарищей [1, с. 259].

Сравнивая решение Вячеславом Васильевым темы Великой Отечественной войны с его жизненным опытом, следует сказать, что он нигде не вышел за его рамки, писал только о том, что видел, знал, чувствовал сам. Главные герои его произведений, посвященных войне, – не вернувшиеся с фронта солдаты, их матери и жены, жертвовавшие в тылу всем ради того, чтобы у их детей было будущее. По мысли поэта не сгинул бесследно ни один солдат, которого любили, даже если после него не осталось ничего, кроме этой любви.

Источники и литература

1. Васильев В.Л. Свидание с юностью: собрание сочинений / Сост., предисл., комментарий. А.А. Исаков, Ю.А. Курдин; науч. ред. А.В. Пряников. – Арзамас: Арзамас, 2015.

2. Исаков А.А. К истории арзамасской провинциальной школы поэзии: В. Васильев (1937–1994) и А. Погодин (1947–1995) // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности: Сборник

статей по материалам VII Международной научной конференции, Нижний Новгород, 24–26 октября 2019 года. Н. Новгород, 2019. С. 243–248.

3. Курдин Ю.А. Арзамас военной поры в произведениях В. Васильева // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции, Арзамас, 03 декабря 2015 года / Под общ. ред. В.И. Грубова. Выпуск XII. Арзамас, 2016. С. 200–203.

4. Список на военнослужащих, погибших и пропавших б/вести в период Великой Отечественной войны, родственники которых проживают в Арзамасском районе Горьковской области (18.10.1946 г.) // ОБД «Мемориал». Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57639625&p=1>

РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВУЮ ПОСЛЕВОЕННУЮ ПЯТИЛЕТКУ

Балахонова Ирина Николаевна

МБОУ «Средняя школа №7 им. А.П. Гайдара»,

учитель истории и обществознания, к.и.н.

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: ibalahonova@mail.ru

По окончании Великой Отечественной войны, в условиях, когда промышленность не могла обеспечить население товарами широкого потребления, эта задача была возложена на промысловую кооперацию. В целях выполнения возложенной на промысловые артели задачи, артельщики включались в социалистические соревнования, позволявшие, не только увеличить количество выпускаемой продукции, но и улучшить качество. Несмотря на случаи бракоделия, расхищения и растраты, промкооперация Горьковской области смогла выполнить возложенные на неё задачи.

Ключевые слова: промысловые артели; послевоенная пятилетка; промысловая кооперация; бригады промкооперации; социалистическое соревнование, Горьковская область.

Промысловые артели сыграли немаловажную роль после Великой Отечественной войны в восстановлении народного хозяйства СССР. И.В. Сталин, выступая перед избирателями, сделал акцент на том, что задача четвёртой пятилетки (1946–1950 гг.) состоит в том, чтобы «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах» [9, с.6]. На промысловые артели возлагалась важная задача по удовлетворению запросов населения, поскольку крупная промышленность была не в состоянии обеспечить в полной мере население товарами народного потребления.

Действуя на общих кооперативных принципах, артели выполняли одновременно функции хозяйственного предприятия и общественной организации, сочетая производство с пропагандой идей кооперации и культурно-просветительской работой.

Производство в промысловых артелях Горьковской области было организовано в 2–3 смены. Например, в 1946–1950 гг. распорядок дня в швейной артели им. 9 января был следующим: «начало работы – с 9.00 до 13.00, обеденный перерыв – с 13.00 до 14.00, рабочее время – с 14.00 до 18.00» [4, д.6, л.2]. А металлообрабатывающая артель «Единение» (г. Арзамас) в 1946–1950 гг. работала и вовсе круглосуточно: «1 смена – с 8 часов утра до 17 часов, 2 смена – с 17 до 1 часа ночи, 3 смена – с 1 часа до 8 часов утра» [2, д.6, л.3].

Такой напряжённый график работы объяснялся стремлением работников промысловых артелей выполнить в кратчайшие сроки постановление СНК СССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов», вышедшего 23 августа 1945 г. [7, с.232–239] Ввиду острой нехватки в стране товаров широкого потребления СНК СССР постановил «важнейшей задачей советских организаций считать обеспечение неуклонного увеличения выпуска товаров широкого потребления... из местного сырья и отходов предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов», а потому руководители данных предприятий должны были принять все меры к этому [4, с. 232].

Артельное производство могло быть как коллективным (в общих мастерских), так и надомным; кроме того, отдельные артельщики по заданиям правлений работали на улицах, рынках и т.п. Например, ремонтно-обувная артель «Новый Путь» (г. Арзамас), помимо основных цехов и мастерских имела 2 ларька, установленных на улицах города. В первом ларьке работало 3 сапожника, во втором ларьке – 1. Обувь, отдававшаяся горожанами в починку, ремонтировалась в этих ларьках без переноса её в общие мастерские артели [4, д.31, л.19(об)-20]. Имелись палатки и ларьки у промартелей не производственного значения, а торгового, где продавалась изготавливавшаяся в этих артелях продукция.

Вклад промысловой кооперации Горьковской области в дело успешного выполнения первой послевоенной пятилетки был достаточно весомым: за эти 5 лет кооператоры произвели «14 млн. столовых ножей, 16,5 млн. вилок, 4,6 млн. ламповых стёкол, 1,4 млн. пар валенок, 1,2 млн. пар обуви, 19 тыс. пар лыж, 450 тыс. шт. разного трикотажа, 25,5 млн. шт. кирпичей, 8,4 тыс. тонн извести, на сотни миллионов рублей мебели и изделий домашнего обихода», что составило 155% от плана [8, с.16]. Тем самым, промысловая кооперация области почти вдвое увеличила выпуск валовой продукции по сравнению с 1940 г. 128 бригадам промкооперации Горьковской области, досрочно выполнившим пятилетнее задание и выработавшим высококачественную продукцию, было присвоено звание «Бригада отличного качества» [8, с.17].

Многие промысловые артели Горьковской области, выполняя постановления правительства об увеличении производства товаров широкого потребления, обеспечивали досрочное выполнение установленных им производственных планов и давали сверх плана значительное количество изделий. Так, например, Выездновская пошивочно-обувная артель «Возрождение» в 1950 г. «пошила 40695 пар новой обуви, отремонтировала 138,9 тыс. пар обуви, изготовила 86515 пар стельки войлочной. Производственная программа в целом по артели за год по выпуску валовой продукции в отпускных ценах выполнена была на 117,8%» [3, д.6, л.6].

Промысловая кооперация осуществляла почти 70% бытовых услуг в стране, что значительно превышало службу быта Минместпрома, Минторга и Центросоюза вместе взятых. Артельщики накопили значительный опыт по организации различных услуг. В 1947 г. промкооперация располагала 51 тыс. бытовых предприятий.

Однако очень часто развитие артелей тормозилось растратами и хищениями. В протоколах общих собраний промартелей не фиксировались такие нелепые факты: «Пользуясь расхлябанностью руководства, отдельные рабочие допускали бракоделство и хищения, заведомо зная, что всё это усугубляет деятельность артели, создаёт для неё плохую репутацию» [4, д.9, л.5]. По причине растрат и хищений в 1947 г. артели им. 9 января, занимавшейся пошивом и ремонтом одежды и обуви (г. Арзамас) был нанесён убыток

«в сумме 115818 руб. 84 коп., что задержало зарплату рабочим и служащим артели на 7 месяцев и повело к текучести рабсилы, т.е. за 1947 г. было принято на работу 94 человека и уволено 58» [4, д.9, л.5].

В ходе проверок состояния борьбы с хищениями и недостатками товарно-материальных ценностей и денежных средств в организациях промысловой кооперации РСФСР, проведённых Министерством государственного контроля РСФСР, были «выявлены факты необоснованного списания крупных сумм на убытки, перерасход сырья против установленных норм, запущенность бухучёта и отчётности, отсутствие должного контроля за сохранностью товароматериальных ценностей» [1, д.31, л.53]. По отчётным данным Роспромсовета по промысловой кооперации РСФСР за 9 месяцев 1949 г. было выявлено 7385 случаев растрат, хищений и недостат на общую сумму 21,9 млн. рублей, а за тот же период 1950 г. 6622 случая на 15 млн. рублей» [1, д.31, л.63]. Всё это было характерно и для промысловых артелей Горьковской области.

В виду того, что положение с растратами и хищениями в лучшую сторону не изменялось, приказом Главного Управления по делам промысловой кооперации при СМ СССР от 23 августа 1949 г. был установлен порядок представления сведений по недостаткам, растратам и хищениям: председатели артелей и союзов должны были «представлять срочные донесения вышестоящим кооперативным органам о каждом случае недостат, растрат и хищений... В случае обнаружения в артели растраты в сумме, превышающей 1000 рублей, союз, членом которого является данная артель, обязан командировать на место своего работника для принятия необходимых мер. В случае же обнаружения в артели растраты или хищения в сумме, превышающей 5000 рублей, соответствующий республиканский кооперативный центр обязан обеспечить на месте детальную проверку обстоятельств дела и принятия необходимых мер по взысканию расхищенных средств и наказанию виновных» [1, д. 31, л. 200].

Но эти растраты и хищения в основном возникали от ограничения заработной платы артельщиков, поскольку, работая не меньше рабочих государственных предприятий и получая в 1,5–2 раза меньше, артельщики пытались тем самым «догнать» заработную плату последних. Естественно, артельщики не на рынке торговали

украденными материалами. Они работали с ними дома, изготавливали «готовую продукцию», реализовывали и получали «надбавку» к своей заработной плате.

Были также случаи, когда в некоторых артелях «через организованные свои ларьки продукция отпускалась оптом своим же членам, которые развозили таковую в близлежащие деревни и продавали её по спекулятивным ценам, тем самым, подрывая советскую торговлю на селе и в городе, создавая условия для спекуляции, используя для этой цели продукцию, вырабатываемую промкооперацией» [6, д.5, л.22].

Большой ущерб предприятиям промысловой кооперации наносило и резкое снижение себестоимости выпускаемой продукции. Включившись в социалистическое соревнование, председатели артелей часто «перегибали палку», воплощая в жизнь лозунг: «Дадим стране больше дешёвых и качественных товаров широкого потребления!» [1, д.254, л.36]. Проверка, проведённая Министерством государственного контроля РСФСР по выполнению заданий по снижению себестоимости и правильности ценообразования продукции в системе промысловой кооперации РСФСР выявила серьёзные нарушения в артелях Павловского Металлопромсоюза Горьковской области.

Таких нарушений в производственной деятельности промысловых артелей было много, однако хочется отметить одну закономерность. Любое производственное совещание, отчётное собрание, на котором обсуждались и осуждались все расхищения, растраты, административные нарушения, нарушения трудовой дисциплины и охраны труда, бракоделие, слабая работа правления артели и бухгалтерии, заканчивалось одинаково: члены артели принимали единогласное решение – признать работу правления артели удовлетворительной, несмотря на все недочёты и грубейшие ошибки [5, д. 33, л. 12].

Завершая разговор о развитии промысловой кооперации Горьковской области в первую послевоенную пятилетку, нужно отметить, что промкооперация успешно выполнила своё назначение – выпуск товаров широкого потребления, в которых нуждалось население. Промысловые артели области выпустили более 350 видов различных товаров, которые либо вовсе не выпускались предприятиями государственной промышленности, либо выпускались в небольшом

количестве. Однако в погоне за победой в социалистическом соревновании руководство системы промысловой кооперации нередко допускало серьёзные нарушения при выполнении заданий по снижению себестоимости и правильности ценообразования продукции. Всё это приводило к затовариванию складов неликвидной продукцией, массовой текучести рабочей силы, вызванной снижением заработной платы и плохому обслуживанию населения.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8300. Оп. 23.
2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАО, г. Арзамас). Ф. 403. Оп. 5.
3. ГАО, г. Арзамас. Ф. 750. Оп. 2.
4. ГАО, г. Арзамас. Ф. Р-1907. Оп. 1.
5. ГАО, г. Арзамас. Ф. Р-1908. Оп. 1.
6. ГАО, г. Арзамас. Ф. Р-2767. Оп. 1.
7. Постановление СНК СССР «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» от 22 августа 1945 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет: в 5 т. Т. 3. 1941-1952 годы/сост.: К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М., 1968. С. 232–239.
8. Пушкин Н. Больше товаров широкого потребления! // Блокнот агитатора. 1951. №18. С. 16.
9. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 5–16.

ОБЗОР КОМПЛЕКСА ДОКУМЕНТОВ МАЛОПИЦКОГО ДЕТСКОГО ДОМА ИЗ ФОНДОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Сорокина Анна Владимировна

Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,
старший научный сотрудник

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: annnn_2008@mail.ru

Статья посвящена обзору комплекса документов Малопицкого детского дома, хранящихся в фондах ГБУК НО НГИАМЗ. Документы переданы в 1973 г. и 1991 г. Еленой Васильевной Кузьмичевой, руководившей детским домом с октября 1942 года по 1959 год.

Ключевые слова: фонды; коллекция; документы; Малопицкий детский дом.

20 июля 1942 из блокадного Ленинграда в Дальнеконстантиновский район Нижегородской области были эвакуированы два детских дома: № 51 Выборгского района города и № 40 Кировского района и детские сады. 29 июля дети и воспитатели прибыли в Малую Пицу. Детский дом № 40 переместился в с. Сарлеи, а на базе детского дома № 51 и детских садов был создан Малопицкий детский дом. С октября 1942 года и до прекращения работы с выпуском последних воспитанников в 1959 г. директором Малопицкого детского дома была Елена Васильевна Кузьмичева. Малая Пица приняла около 100 детей от трех до тринадцати лет, в основном дошкольников [2, с. 129, 164-165]. В 1945 году те дети, у которых нашлись родственники, уехали из Сарлея и Малой Пицы, остальные ребята из двух детских домов остались в Малопицком детском доме. В 1973 г. и 1991 г. Елена Васильевна передала в Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник документы, письма, свои воспоминания, некоторые вещи бывших воспитанников, подаренные ей; фотоальбомы, негативы, детские рисунки, поделки.

Сейчас эти все эти вещи составляют коллекцию предметов Малопицкого детского дома, в которой можно выделить комплекс документов, записанных под разными учётными номерами. Некоторые из документов, например, воспоминания Е.В. Кузьмичевой, были частично опубликованы в 2014 г. [2]. Достаточно подробно газетные статьи и некоторые другие документы рассмотрены в статье старшего научного сотрудника ГБУК НО НГИАМЗ И.В. Мельник «Дорогами памяти: обзор документов и предметов из коллекции НГИАМЗ к 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады» [1]. Там же хорошо описаны и тематические группы предметов коллекции. Поэтому настоящая статья не ставит целью детально рассмотреть каждый документ и носит более общий характер, описывая коллекцию с точки зрения учёта, попредметного состава, перспектив её дальнейшей атрибуции и доступности для исследователей.

Коллекция предметов Малопицкого детского дома насчитывает 115 единиц хранения охватывающих период с 1942 г. по 1987 г. Из них 3 единицы – ткани (скатерть, кофточка и детское платье), 1 единица – деревянная ложка, 1 единица – брошь.

Остальные 110 единиц составляют комплекс документов Ма-

лопицкого детского дома, в составе которого 14 периодических изданий (вырезки статей Е.В. Кузьмичевой из газет), 36 фотографий, 2 фотоальбома, 25 негативов, 3 предмета графики, 32 предмета записаны как документы.

Среди документов есть не только собственно документы: воспоминания Е.В. Кузьмичевой, акт на Галю Неизвестную, конверт с пометками, в котором хранились документы Владимира Сукура, «Книга движения детей детского дома в с. Малая Пица Дальнеконстантиновского района», 2 продовольственные карточки, привезенные из блокадного Ленинграда и т.д., но и рукописные альбомы. Это альбом «250 лет Ленинграду», созданный воспитанниками детского дома в 1953 году и альбом «5 лет пионерской организации Мало-Пицкого детского дома 1942-1947 гг.».

Интересно, что альбом «Комсомол в Великой Отечественной войне» записан в графику вместе с двумя рисунками воспитанников. В то время, как «Альбом цветов», сделанный в 1943 году из полевых цветов (сухоцветов) и графических рисунков (вазы), записан как документ. В данном случае уместно пересмотреть атрибуцию этих предметов и внести соответствующие поправки в учётные документы.

Подавляющее большинство комплекса документов составляют письма Е.В. Кузьмичевой от воспитанников, от мужа, от родителей бывших воспитанников, мужу Е.В. Кузьмичевой от воспитанников – всего 12 единиц хранения. В основном, письма Елене Васильевне писали дети, попавшие в Малопицкий детский дом после окончания войны из Сарлейского детского дома и других детских домов Горьковской области, оставшиеся без родных. Переписка продолжалась много лет: в коллекции есть 4 открытки от бывших воспитанников, датированных 1955 г., 1984 г. и 1987 г.

Негативы отражают послевоенный быт Малопицкого детского дома. Они были сделаны предположительно в период с 1947 по 1952 гг. У некоторых есть конкретные датировки 1948, 1950, 1952 гг. Опираясь на эти даты, изображенные события и сведения о деятельности детского дома, можно приблизительно датировать остальные негативы. Тем не менее, в этом направлении предстоит работать, так как негативы – наименее изученные предметы во всем комплексе документов Малопицкого детского дома. Но именно негативы, наряду с воспоминаниями Е.В. Кузьмичевой, являются одними

из самых неформальных свидетельств жизни детского дома.

Фотографии, кроме 4-х единиц хранения, сгруппированы в альбомы, один из которых состоит из отдельных листов с наклеенными по несколько штук на обеих сторонах каждого листа фотографиями, имеющими каждая свой учётный номер. В то время как другие два альбома с фотографиями записаны как одна единица хранения. Отсутствие единообразия в учёте осложняет экспонирование этих предметов.

Благодаря подписям к фотографиям мы знаем имена и фамилии, или фамилии и инициалы некоторых сотрудников и воспитанников Малопицкого детского дома, что даёт возможность исследования фотографий в соотнесении с другими документами коллекции.

Ценным в этом смысле документом является ГОМ 26005-1 «Книга движения детей детского дома в с. Малая Пица Дальнеконстантиновского района», куда вносилась информация о всех поступивших в детский дом детей. Это имена, отчества и фамилии (если они были известны), сведения о месте рождения, родственниках, национальности, дата поступления и место, откуда поступил ребёнок; когда и куда он выбыл из детского дома (*приложение № 10, илл. 1*). Благодаря книге можно полнее атрибутировать предметы коллекции и проследить судьбу некоторых воспитанников и сотрудников детского дома, так как у многих ленинградских детей отмечено, что родственники (чаще всего мать) являются сотрудниками Малопицкого детского дома.

Можно привести пример. В 2024 г. из г. Санкт-Петербурга пришел запрос о Сафроновых – сотрудниках и воспитанниках Малопицкого детского дома. В результате работы с этим запросом, благодаря исследованию книги движения детей и поздравительному адресу с днем рождения от 21.05.1944 Кузьмичевой Е.В. от работников Ленинградского детского дома №51 (*приложение № 10, илл. 2*), удалось атрибутировать две фотографии.

Это ГОМ 19553-29 «няня Евлампия (Пия) Александровна Сафронова» и ГОМ 19553-25 «кухонная работница Елизавета Ивановна Сафронова» (*приложение № 10, илл. 3, 4*). Выяснилось, что Евлампия (Пия) Александровна эвакуирована из г. Ленинграда с детьми Львом Константиновичем и Ниной Константиновной Сафроновыми, а также их тётей по отцу Елизаветой Ивановной Сафроно-

вой. Взрослые в г. Ленинграде работали в детском саду, поэтому поехали вместе с детьми. Сведения получены в июле-октябре 2024 г. от Александра Сафронова, проживающего в г. Санкт-Петербург – правнука Евлампии Александровны, внука Льва Константиновича Сафроновых. Документ «Книга движения детей детского дома в с. Малая Пица Дальнеконстантиновского района» подтвердил эти сведения. Дети Сафроновы прибыли из г. Ленинград 20 июля 1942 г. вместе с матерью, имя которой указано не было, но фиксировалось, что она работает в Малопицком детском доме (*приложение № 10, илл. 5*). Была обнаружена ошибка в написании фамилии при атрибуции: Софронова вместо Сафронова – именно так фото было подписано в альбоме. В то время как в «Книге...» написание правильное, также и в поздравительном адресе, где сотрудники подписывались лично. После окончания войны дети вместе с матерью отбыли в г. Ленинград 9 июня 1945 г. (*приложение № 10, илл. 6*).

Весьма перспективным является изучение книги движения в сопоставлении с письмами, воспоминаниями, фотографиями, негативами и другими документами. Это позволит не только описать коллекцию предметов Малопицкого детского дома из фондов НГИАМЗ, но и выявить новую информацию о Малопицком детском доме.

В целом, не смотря на то, что комплекс документов Малопицкого детского дома был частично опубликован, неоднократно экспонировался, изучался сотрудниками ГБУК НО НГИАМЗ (что нашло отражение в публикациях), его доступность для широкого круга исследователей и тех, кто занимается поиском информации о своих родных, невелика. Цифровые копии предметов размещены на сайте ГоскаталогРФ, но для многостраничных документов одного изображения явно недостаточно, а качество изображения, защищающее его от тиражирования в сторонние ресурсы, не позволяет детально изучить документ. Вместе с тем исследование комплекса документов Малопицкого детского дома нельзя считать завершённым, оно имеет научный потенциал как с исторической, так и с музееведческой точки зрения. В связи с чем, представляется целесообразным повысить доступность изучения (чтения, просмотра) документов, разместив их полные цифровые копии на официальном электронном ресурсе, посвящённом Великой Отечественной войне. Работа в этом направлении планируется ГБУК НО НГИАМЗ совместно с Комитетом по делам архивов Нижегородской области.

Источники и литература

1. Мельник И.В. Дорогами памяти: обзор документов и предметов из коллекции НГИАМЗ к 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады // Чувства добрые я лирой пробуждал...: сборник докладов Международных научных конференций «Усадьбные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» и «XLVIII Добролюбовские чтения»/ Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгачева В.М. Н. Новгород, 2024. С. 169-176.

2. Мы с тобой, Ленинград! К 70-летию снятия блокады Ленинграда: Сб. док. / Сост. М.А. Марченко. Н. Новгород, 2014. 224 с.

НАЧАЛО ГАЗИФИКАЦИИ ГОРОДА АРЗАМАСА

Ефимов Олег Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru

В статье раскрывается процесс газификации города Арзамаса, рассматривается начальная стадия формирования газово-распределительной станции, сложности строительства и значение пуска этого важнейшего объекта для города и района.

Ключевые слова: газификация; модернизация; промышленность; развитие; трубопровод; компрессор; отвод; производительность.

В 60–80 годы XX века в Арзамасе произойдут самые масштабные модернизационные преобразования. За этот период будут построены крупнейшие в настоящее время промышленные высокотехнологические предприятия, такие, как Арзамасский приборостроительный завод, филиал Горьковского завода радиодеталей, ОКБ «Импульс» и «Темп», хладокомбинат, машиностроительный завод, завод железобетонных конструкций и т.д. Активно шел процесс переоснащения уже давно работающих фабрик и предприятий. Создавалась промышленная инфраструктура: строились дороги, средства связи, энергетика, подводилось теплоснабжение и водообеспечение. Параллельно интенсивно развивалась социальная инфраструктура: строилось жилье, школы, детские сады, учреждения культуры, медицины, открывались новые учебные заведения. В период семилетки (1959–1965) шел процесс ввода и расширения новых предприятий. Были построены корпуса приборостроительного завода, разрастались заводы железобетонных конструкций и литейно-механический, новое оборудование и корпуса появились на пивоваренном заводе и войлочной фабрике. Предприятия развивались за счет собственных средств и государственных вложений [2, с. 292].

Очень дальновидную политику проводила городская администрация. Руководство, проявив инициативу, убедило центральные органы власти в необходимости строительства в Арзамасе промышленных предприятий. Индустриализация города дала рост для развития социальной инфраструктуры. Арзамас превратился в культурный и научный форпост Горьковской области. Необходимость модернизации города была связана в первую очередь с развитием военно-промышленного комплекса. Город Горький в 1950–60 годы. занимал третье место в стране по объемам промышленного производства и первое – по выпуску транспорта в СССР. Такому гиганту нужны были смежные и вспомогательные производства и сферы ВПК. На этой основе заработал Арзамас-16 (Саров), и к нему подключили Арзамас. Получился мощный производственный и научный «треугольник», крупнейший промышленный анклав ВПК Советского Союза. Процесс индустриализации в Горьком шел в 1930-е годы., Арзамас-16 (Саров) как ядерный центр формировался в 1940-е годы, а Арзамас начал превращаться в производственный анклав в конце 1950-х годов. Поэтому промышленная инфраструктура города требовала создания практически с нуля. Городские власти решали проблемы водоснабжения, электрообеспечения, транспорта, связи. В конце 1950-х годов в Советском Союзе шел активный процесс газификации. На дешевое, эффективное топливо переводились все важнейшие промышленные и социальные объекты. Процесс газификации не обошел и Арзамас. Для этого была проведена большая подготовительная работа. В 1957 году 14 декабря вышел приказ Главгаза СССР № 443, в котором говорилось об организации в Горьком Дирекции будущего газопровода «Саратов – Горький – Череповец». Создание этой управленческой структуры начнется в феврале 1958 года. Руководство Дирекции находилось в подчинении управления капитального строительства Главгаза СССР. Этой структуре были поставлены задачи прокладки магистрального газопровода, ввод его в эксплуатацию и организации поставки природного газа с саратовских месторождений потребителям. Так, например, бригадир укладчиков по сварочно-прокладочным работам, И.С. Семенов, вспоминает: «...трубоукладка проходила в очень сложных условиях, но в любую погоду. Работы шли круглосуточно. В тот период еще не было трубоукладчиков, поэтому пользовались старыми тракторами ДТ-52. На морозе техника заводилась очень плохо, приходилось ночью постоянно прогревать двигатели. Трубы были не столь надежными, поскольку по-

ставок из Германии (как это было в 1970-80-е годы) не было. Это требовало очень аккуратной укладки и особой тщательной изоляции, чтобы не возникло коррозии. В очень сложных условиях проходили сварочные работы, приходилось постоянно прогревать электроды и менять давление кислорода. Но, несмотря на это, сварочные швы были идеальными, без «заусенцев и сколов». Все понимали важность и ответственность проводимых работ. Бытовые условия можно сравнить только с условиями воинских подразделений на учениях. Ночевать в вагончике считалось очень комфортным и высоким уровнем быта. Там было тепло, сухо и обеспечено электричеством. Как правило, строительная бригада размещалась в воинских палатках с печами-«буржуйками». Питание готовили в полевых кухнях, иногда привозили в специальных термосах. Руководство хорошо организовало смену бригад, что обеспечивало круглосуточные работы. Очень часто, когда не получалось работать по инструкции, находились местные Кулибины, которые за счет рационализаторских предложений повышали качество и скорость работы. Так, например, изменив температуру сварочных аппаратов за счет доработки мастеров, повысили скорость и качество работ. Нехватку бульдозеров и отсутствие грейдеров решали за счет специальных насадок на трактора, превращавших их в бульдозеры, которые хорошо выравнивали местность для земляных работ. За счет энтузиазма, ответственности и постоянного самосовершенствования поставленные задачи были выполнены в срок». Голубое топливо должны были получить девять совнархозов на территориях Поволжья от Саратовской до Вологодской областей. Таким образом, Дирекция газопровода «Саратов – Горький – Череповец» стала предшественником Горьковского управления МГ, затем ООО «Волготрансгаз», а в 2008 году в ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород».

На основании приказа Главного управления газовой промышленности при Совете Министров СССР, изданного 14 ноября 1960 года, было образовано Горьковское управление магистральных газопроводов. Одним из крупнейших структурных подразделений его станет Арзамасское линейно-производственное управление магистральных газопроводов (далее ЛПУМГ), которое было образовано 20 ноября 1962 года. В конце 50-х годов на месте будущего ЛПУМГ находились два больших болота, которые будущие газовики осушали, вычищали, засыпали, выравнивали, укрепляли, готовили место для строительства первой компрессорной станции КС-6. Работа

по тем временам была весьма сложной, но выполнимой. Цех компрессорной станции будет запущен в строй в 1961 году. Строительство и управление объектом до 1967 года осуществлял П.Д. Руднев [1, с. 21]. На полную мощность компрессорная станция заработает в сентябре 1964 года. Говорить о том, что газификация города прошла сразу же после подвода газа нельзя, это процесс сложный и длительный, но то, что 30 октября 1960 года в Арзамасе произошло эпохальное событие – однозначно. В городе был зажжен «Знаменательный газовый факел». Арзамас получил долгожданное экономичное голубое топливо. В номере за 30 октября газеты «Арзамасская правда» выражалась благодарность от всех жителей города: «Большое спасибо!» – говорит Вам народ, «ввод в строй газопровода Саратов–Горький открывает широкую возможность для газификации нашего города. Арзамас будет получать 240 миллионов кубических метров газа в год. А это значит, что вектором времени будут газифицированы многие наши предприятия и сотни квартир трудящихся. В вечерних сумерках вспыхивают ракеты и из трубы вырывается яркое голубое пламя. Саратовский газ в Арзамасе! Дело очень хорошее, но этого недостаточно. Газ должен попасть в котельные промышленных предприятий, многоэтажных жилых домов. Его ждут все жители Арзамаса. Надо уже сейчас всем включиться в эту работу. Коллективы предприятий должны изыскать на газификацию средства, нужны материалы» [3, с. 3]. Одним из важнейших условий обеспечения города газом была работа ЛПУМГ. Днем рождения этой важнейшей структуры можно считать 20 ноября 1962 года. В этот день вышел приказ Горьковского управления магистральных газопроводов № 221, подписанный начальником управления А. Лебедевым. «В соответствии с приказом Главгаза СССР № 251 от 1 ноября 1962 года «Об организации Арзамасского районного управления в г. Арзамасе Горьковской области» приказываю: Установить границы обслуживания газопровода «Саратов – Горький – Череповец»: Арзамасскому районному управлению от 446 до 530 километров с отводами на Арзамас-II, Кулебаки–Выкса, Арзамас и строительство компрессорной станции № 6. Установить Арзамасскому райуправлению третью группу по оплате труда руководящих и инженерно-технических работников. Начальнику Дзержинского РУ т. Синякову В.А. и начальнику МТС ГУМГ т. Турчанову С.Б. укомплектовать Арзамасское РУ техникой и механизмами согласно приложению № 1» [1, с. 36]. Вновь созданную организацию Горьковское управление снабдило новой техни-

кой, выпущенной в 1962 году. Этой структуре поручили участок магистрального газопровода, который ранее находился под контролем Дзержинского районного управления. Сформированная в Арзамасе структура должна была построить и в дальнейшем эксплуатировать компрессорную станцию № 6. На нее возлагалась обязанность строительства и эксплуатации газопроводов и отводов от них к Кулебакам и Выксе, а в дальнейшем – проведение отводов к ядерному центру, который тогда именовался Арзамас-16 (ныне г. Саров).

Руководителем Арзамасского РУ был назначен П.Д. Руднев, главным инженером стал В.Н. Лузянин. К тому времени уже были спроектированы три газораспределительные станции, построенные в 1962 году. В конце этого периода в Арзамасе построили газораспределительную станцию с жилыми домами для операторов. Резиденция руководства в процессе строительства компрессорной станции (КС-6), жилой дом и администрация размещались в домах операторов газораспределительной станции, которая располагалась в промышленной зоне приборостроительного завода. Ответственность, четкий расчет работников этого объекта определилась в процессе освоения нового дела, оборудования, а самое главное – за счет осознания потенциальной опасности, которую таит в себе газ. На рабочей трассе всегда были очень суровые погодные условия. Это требовало постоянного напряжения сил, профессионализма для проведения ремонтных работ. Арзамасское РУ (ныне ЛПУМГ) с самого начала своей деятельности, функционирования стало одним из лучших в Горьковском управлении магистральных газопроводов. Арзамасскую организацию называли кузницей кадров. Поэтому такие талантливые руководители, как В.Н. Лузянин, П.М. Каширов, А.Ф. Дьяков, В.А. Белозеров вышли на высокие должности газового общества страны. Эти люди и многие другие закладывали традиции современного АО «Газпром». Бухгалтерский отчет за 1963 год свидетельствует о масштабах организационных мероприятий и проделанных работ. Велось: 1. Строительство Компрессорной станции стоимостью 1805,9 тыс. руб., 80-ти квартального дома стоимостью в 248,5 тыс. руб. 2. Подведение теплотрассы к 80-ти квартирному дому стоимостью 30 тыс. руб. 3. Введение в эксплуатацию служебно-эксплуатационного блока.

План транспортировки газа за 1963 год был выполнен на 105,6 %. При таком хорошем показателе была снижена себестоимость затрат на 22,3 тыс. руб. По другим расходам экономия составила 4,51 тыс. руб. По автотранспорту сумели сэкономить 7,00 тыс. руб., что

дало возможность оказать помощь совхозам во время уборочных работ. На административно-управленческом аппарате экономия составила 3,03 тыс. руб., из них перечислено в доходы бюджета 2609 руб. В конце отчетного периода Арзамасское районное управление было полностью обеспечено квалифицированными кадрами. По утвержденным программам в цехах и службах постоянно проводились занятия по повышению уровня квалификации [1, с.38].

На начало 1963 года в распоряжении районного управления имелось девять автомобилей, три трактора, два бульдозера, трубоукладчик, пять сварочных агрегатов, мотопалка, две электростанции. В середине 1963 года предприятие получит автобус, бензовоз, автокран, трубоукладчик и автомашину «ЗИЛ-157». Благодаря работе ЛПУМГ, начался процесс газификации города и района. Созданная структура стала центром передачи газа городским и районным службам. В Арзамасе для газификации, контроля, обслуживания и обеспечения безопасности была создана городская служба «Горгаз». Главный инженер М. Рожков писал в газете «Арзамасская правда»: «История газификации Арзамаса пишется на наших глазах. Дешевое голубое топливо с каждым днем находит себе все большее применение. Вспомните, сколько угля и мазута сжигали пивзавод, хлебокомбинат, завод автозапчастей и другие предприятия. Сейчас газом пользуются 12 предприятий города. Экономический эффект этого несомненный. Газ – великое благо для людей» [4, с. 5]. Если раньше частные дома отапливались дровами и углем, в многоквартирных домах и административных учреждениях были свои угольные котельные и кочегарки. С началом газификации эти сооружения стали уходить в прошлое. Основная застройка города начнется со второй половины 60-х годов, все старые и новые жилые и нежилые постройки будут газифицированы.

Заводы, жители города и области получили дешевое, экологически чистое, эффективное топливо, что значительно улучшило производство и быт людей. Газификация требовала очень скрупулёзного подхода, так как газ, кроме блага, несет и большую опасность. Все пожарные службы были проинструктированы о том, как работать в новых условиях. Такой же организационный процесс проходил во время газификации с жителями города, предприятиями и административными учреждениями. В горгазе был создан специальный отдел контроля, который инспектировал как объекты газоподачи, так и газопотребления. Инспекция проходила по домам и квартирам. До-

моуправления проводили собрания жителей, где специалисты горгаза проводили инструктаж по технике безопасности с жителями города. На каждом предприятии пожарные службы, как военизированные, так и гражданские, проводили инспекции и инструктаж потребителей. Работники горгаза на каждом предприятии проводили курсы повышения квалификации по использованию газового оборудования. Руководители в первую очередь несли ответственность за безопасное использование газа. Такой подход дал возможность безаварийного использования газа на благо города и предприятий. Газификация значительно повысила производительность труда на заводах, снизила издержки, сэкономила рабочее время, облегчила трудовые затраты, поэтому с 60-х годов отмечается значительный процентный рост их продуктивности. В среднем предприятия города увеличили свою выработку от 20 до 50 процентов. Каждое из них получило большие возможности для расширения социальной инфраструктуры, притока новых квалифицированных кадров, строительства производственных мощностей. Но далеко не все осознавали, какой сложный и трудоемкий процесс стоит за этим важным и нужным для народа благом. О сложностях свидетельствуют многочисленные приказы и распоряжения, постановления, на первый взгляд, сухие, отчеты о деятельности Арзамасского районного управления, которые бережно хранятся в архиве предприятия. В них говорится о постоянных проверках газового оборудования, этапах профилактических работ, новых постройках, отводах, подключениях к новым объектам и подготовке кадрового потенциала. Все эти документы бережно хранятся в архиве предприятия.

В экономике Советского Союза стала успешно функционировать газовая отрасль, в тот период она имела многочисленные предприятия во всех советских республиках. В связи со становлением и развитием газовой индустрии 28 августа 1965 года правительство СССР издало указ об установлении ежегодного праздника «Всесоюзного дня работника нефтяной и газовой промышленности» в первое воскресенье сентября. Для арзамасских газовиков это стал день, когда они рапортовали о своих успехах и результатах благородной деятельности.

Источники и литература

1. Арзамасское ЛПУМГ: наше дело – труба! / О.В. Ефимов, Ю.А. Курдин, С.Г. Кондаков. Арзамас, 2012. 124 с.

2. История Арзамасского края: коллективная монография / авт. кол.: О.В. Ефимов, В.И. Грубов, А.Л. Егшин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов, Г.И. Родина. Арзамас, Саров, 2022. 445 с.

3. Терехин А. Знаменательный факел // Арзамасская правда. 1960. 30 октября (№ 216). С.3-4.

4. Рожков М. Саратовский газ в наших квартирах // Арзамасская правда. 1964. 11 ноября (№ 250). С.5.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТОВАРАМИ И ТОРГОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В ГОРОДЕ АРЗАМАСЕ В 1960-1970-Е ГОДЫ

Хорева Наталья Валентиновна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас;
e-mail: n.khoreva2010@yandex.ru

В статье сделана попытка проанализировать социально-экономическую ситуацию, связанную с торговым обслуживанием и обеспечением населения города Арзамаса товарами в 1960-1970-е годы. Автор выявляет особенности товарного снабжения Арзамаса как малого города.

Ключевые слова: Арзамас; торговля; общественное питание; дефицит; малый город.

Советские люди, воспитанные на идеях, что «все лучшее будет вас ждать впереди», пройдя Великую Отечественную войну и тяжелое голодное послевоенное время, свои потребности ограничивали лишь элементарным набором – примитивная без излишеств еда и одежда, простая мебель, отсутствие какой-либо бытовой техники. Низкий уровень потребностей советских людей только к середине 1970-х годов стал меняться. Иметь автомобиль, домашнюю технику, стиральную машину, хрусталь считалось хорошим тоном, признаком обеспеченности и благополучия. По сравнению с довоенными и послевоенными годами многократно возросло потребление наиболее калорийных продуктов, питание стало рациональнее, разнообразнее. В семье появились новые статьи расходов, свидетельствующие о повышении жизненного уровня трудящихся, например, расходы на приобретение предметов культуры, на санатории, дома отдыха, существенно повышали и накопления [6, с. 275–276].

В итоге, для 1960–70-х годов было характерно увеличение спроса на предметы быта, продукты питания. Все денежные доходы населения выросли в расчете на год на 243,6 млрд. рублей, из этих сумм значительная доля приходилась на низкооплачиваемых рабочих и служащих. В результате этого шло увеличение спроса на про-

дукты животноводства. Населению значительно больше стали продавать мяса и молока, тканей, обуви, мебели. Однако трудности, создавшиеся в стране с производством продуктов животноводства и увеличившиеся потребности населения, заставили руководство пойти на ограничение продажи этих продуктов питания, на изыскание внутри хозяйства ресурсов для дополнительной продажи через рынок и систему потребкооперации [2, оп.15, д.36, л.83].

Товарооборот по городу Арзамасу в начале 1960-х годов вырос по сравнению с началом 1950-х годов на 78% или на 96 млн. рублей. За 1960 год городским торгом было продано товаров больше, чем за предыдущий год: молока на 600 тысяч рублей, мяса на 3800 тысяч рублей, сахара на 1,4 млн. рублей, хлопчатобумажных и шерстяных тканей на 1600 тысяч рублей, кожаной обуви – на 700 тысяч рублей, мебели и велосипедов на 450 тысяч рублей, кондитерских изделий на 400 тысяч рублей. Все это говорит о росте материального и культурного уровня трудящихся города и района [2, оп.15, д.39, л.93].

При всех этих обстоятельствах, однако, в городе Арзамасе в 1960–70-е годы существовал недостаток магазинов, что причиняло большие неудобства горожанам, которые тратили свое время, выставляя огромные очереди. В городе не было своего универмага, жители могли посещать единственный универсальный магазин лишь в соседнем селе Выездное. Позднее городской универмаг расположился на улице Кооперативной (ныне – Гостиный ряд).

Неудовлетворительно была организована торговля сезонными товарами и торговля на окраинах города, медленно выправлялось положение с общественным питанием. Трест благоустройства низкими темпами с 1959 года вел строительство рынка по улице Сеченова. В магазинах на окраинах города был настолько мал ассортимент товаров, что за каждой вещью жителям приходилось ездить в центр города [2, оп.15, д.39, л.96]. Такая ситуация сложилась не только в Арзамасе. Учитывая сильное отставание роста сети розничной торговли от роста товарооборота ЦК КПСС и Совет Министров СССР в Постановлении «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» утвердил на 1961–1965 годы задания по строительству 105 тысяч магазинов. К тому же было признано целесообразным сооружение в городах торговых центров с комплексом магазинов, предприятий общественного питания и бытового обслуживания.

Трудности, переживаемые сельским хозяйством в результате неурожая 1963 года, отразились и на городском населении. Пресле-

дую цель приблизить цены к реальным затратам, правительство одновременно с оптовыми ценами (на 20–30 %) весной 1962 года повысило розничные цены. 1 июня 1962 года вышло постановление о повышении цен на мясо (на 30 %) и масло (на 25 %), вызвавшие большое недовольство населения. Этот шаг сопровождался замораживанием зарплат и отказом от постепенной отмены подоходного налога [1, с. 413].

20 августа 1963 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мероприятиях по экономии государственных ресурсов хлеба». Тут же стали выходить различные отчеты и справки по проверке этого Постановления Арзамасским городским комитетом народного контроля. В них говорилось, что выделяемые фонды ржаной муки вполне обеспечивают нормальное снабжение трудящихся Арзамаса, то есть торговля хлебом во всех предприятиях торговли и общественного питания организована бесперебойно и без создания очередей. Что касается торговли сортовым хлебом и хлебобулочными изделиями из-за недостаточности выделяемых фондов в розничной торговой сети, то этого в городе Арзамасе не производилось. На всех предприятиях общественного питания города была установлена отдельная плата за хлеб. Однако в силу того, что большинство столовых работали по методу самообслуживания с последующей оплатой и хлеб выставлялся для свободного пользования, то отдельные покупатели злоупотребляли этим доверием, в результате чего отходы хлеба от общей реализации были ещё около 2–3%. Для нормального обеспечения продуктами питания всех трудящихся города горисполком принял меры по организации торговли по предварительным заказам и их удовлетворения, а для лучшего обеспечения детского питания в городе, Горисполкомом было выделено специальное помещение для организации магазина «Детское питание» в 1963 году [3, оп.1, д.6, л.1-3].

В 1963 году считалось, что состояние торговли продуктами питания в целом по городу удовлетворительное. В официальных отчетах отмечалось, то в торговой сети Арзамаса бесперебойно имелся сахар, масло, мясопродукты, в том числе и субпродукты, колбасные изделия, конфеты, кондитерские изделия, рыба, овощи, макаронные изделия. Однако, несмотря на подобный ассортимент, «надежной материально-технической базой для хранения овощей торг в полном объеме обеспечен не был» [3, оп.1, д.6, л.4-5].

В Арзамасе развитие складского хозяйства отставало от роста товарной массы. В ряде мест не было надлежащих условий для нормального хранения продуктов и промышленных изделий, их рассортировки. В городе ощущалась острая нужда в помещениях для хранения картофеля и овощей. Наряду с этим в Арзамасе существовала практика, когда жилищные площади малоквартирных домов расширялись за счет площадей, предназначенных для магазинов, или заселение жилищ при невыполнении строительных работ торговых предприятий. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров предусматривалось кроме выделяемых на капитальное строительство 17 млрд. рублей местным Советам расходовать на строительство предприятий розничной торговли и общественного питания в 1961 году по 4%, а с 1962 году – по 5% капитальных вложений, выделяемых на жилищное строительство [2, оп.15, д.39, л.97-98].

В 1961 году произошло снижение товарооборота по сравнению с 1960 годом, по причине того, что руководители торгового райпотребсоюза ослабили внимание к торговому обслуживанию населения, не обеспечили бесперебойную продажу товаров, в том числе товаров повседневного спроса, смирившись с тем, что многие магазины необоснованно закрывались на 5–6 дней под предлогом передачи материальных ценностей [2, оп.18, д.1, л.130-131].

Дефицитом в это же время стали многие продукты питания. В городских магазинах обычно продавались дешевые кондитерские изделия местного производства и крупы. В Арзамасе и Арзамасском районе полки магазинов были наполнены продукцией Арзамасского овощесушильного завода – полуфабрикатами, сухими киселями, кукурузными палочками и т.п. За фруктами, кофе, шоколадными конфетами, колбасой, дефицитными консервами горожане ездили в Москву, так как столица, как правило, снабжалась лучше провинции. Поездки обычно совершались в преддверии либо ноябрьских праздников, либо под Новый год, либо накануне Восьмого марта. Затраты на подобные поездки, по словам жителей, были небольшие – ста рублей вполне хватало. При этом средняя месячная зарплата по городу была около 120–160 рублей [5].

В Москву арзамасцы также ездили за обувью и одеждой, так как ничего подобного в Арзамасе не было, несмотря на то, что работала своя строчевышивальная фабрика. Дело в том, что проблема была с поставками качественных и модных тканей, фурнитуры и прочих материалов, поэтому фабрика занималась в основном пошивом постельного белья и изделий из легких тканей. В Арзамасе

в 1970-е годы было принято шить все необходимое, особенно нарядные вещи, на дому. Обувь Выездновской обувной фабрики жители города могли купить в Арзамасе [5].

Во второй половине 1960-х годов в рамках хозяйственного расчета по всей стране вводилась практика организации подсобных хозяйств. Это было также необходимо для того, чтобы на местном уровне решать вопросы, связанные с обеспечением населения сельскохозяйственными продуктами. Одним из первых в области по инициативе партийного комитета, администрации и профсоюзного комитета приборостроительного завода в 1970 году на базе совхоза «Морозовский» было организовано подсобное хозяйство с общей земельной площадью около 5000 га. Было тогда в сельском хозяйстве 674 головы крупного рогатого скота, 2100 голов птицы. Традиции хозяйственной специализации определили главное направление – свиноводство. Для увеличения поголовья крупного рогатого скота был построен ряд сельскохозяйственных объектов, мастерских, складских помещений, теплиц. Продукция, производимая в агроцехе, поступала в заводские столовые, детские школьные учреждения и санаторий-профилакторий «Морозовский». Ежегодно рабочие столовые дополнительно к фондам получали 770 тонн молока, 210 тонн мяса, яиц, которые к тому же продавались работникам завода. Приобретение сельскохозяйственных машин, оборудования для подсобного хозяйства приборостроительного завода осуществлялось за счет капитальных вложений предприятия. За подразделениями завода было закреплено более 50 объектов подсобного хозяйства [4, с. 59]. Свои подсобные хозяйства так же имели пивзавод, завод радиодеталей, ОКБ «Темп» и многие другие предприятия. Собранные овощи и фрукты реализовывались через буфет предприятия. Если у рабочего была многодетная семья, то их обеспечивали сельхозпродуктами бесплатно, предоставляли какие-то товары по сниженным ценам.

Продовольственное положение в таких городах, как Арзамас, характеризовалось отсутствием обеспечения по системе государственной торговли мясом, маслом, колбасными и молочными изделиями, кондитерскими товарами. Снабжение населения осуществлялось через колхозный рынок и поездки в Горький и Москву. Это не могло не отразиться на развитии массовых теневых отношений в торговле и общественном питании. Достать «по блату» продукты стало нормой для многих арзамасцев (отсюда и «холодиль-

ники с продуктами», о которых любят вспоминать некоторые ветераны). Такое положение было особенно удручающим, если иметь в виду, что Арзамас, являясь крупным центром сельскохозяйственного региона, с большим массивом черноземов, не справлялся с продовольственной проблемой даже на местном уровне. Продовольственное положение в городе непрерывно ухудшалось. Арзамасцы уже в те времена стали «челноками» между Москвой и домом. Аналогичное положение было и в других малых городах области.

Источники и литература

1. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1995. С. 413.
2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, г. Нижний Новгород (ГОПАНО). Ф. 2461.
3. Государственное казенное учреждение Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГУ ГАНО). Ф. Р-664.
4. Жадобов А.В. Завод мой – гордость моя. Горький, 1986.
5. Из воспоминаний жительницы города Арзамаса А.С. Бурзаевой (ветеран Арзамасского приборостроительного завода). Воспоминания находятся в личном архиве автора.
6. Храчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОГОРОДСКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Снеговский Артём Юрьевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
студент 3-го курса направления «Градостроительство»
Россия, г. Москва; e-mail: ayusnegovskiy@edu.hse.ru

Научный руководитель:

Белов Алексей Викторович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена трансформации кожевенной промышленности Богородска в постсоветский период на основе исторического, социологического и экономического анализа, включая экспертные интервью, полевые исследования и контент-анализ. Рассмотрены ключевые проблемы отрасли в постсоветский период: нехватка сырья, технологическое отставание, экологические трудности и дефицит кадров. Выявлены перспективы развития, связанные с модернизацией производства, развитием экспорта и поддержкой государства. Особое внимание уделено влиянию экономических кризисов и санкций на отрасль, а также социальному положению работников.

Ключевые слова: *кожевенная промышленность; Богородск; история; социально-экономическое развитие; кризисы; перспективы.*

Кожевенная промышленность – одна из старейших отраслей, оказывающих существенное влияние на экономику, социальную сферу и культуру. В частности, в России кожевенное производство имеет богатую историю, тесно связанную с развитием городских центров и ремесленных традиций. В данной работе исследуется новейшая история и современное состояние кожевенной промышленности города Богородска, а также перспективы её дальнейшего развития.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, несмотря на значительный потенциал развития отрасли и высокий спрос на продукцию из натуральной кожи, кожевенное производство в Богородске в последние десятилетия столкнулось с серьёзными трудностями, связанными со снижением объёмов производства и закрытием ряда предприятий. Во-вторых, в условиях жёсткой конкуренции со стороны зарубежных производителей, необходимости модернизации оборудования и внедрения новых технологий, а также усложняющейся экологической ситуации, поиск путей развития отечественной кожевенной промышленности становится особенно актуальным. В-третьих, изучение опыта Богородска, как одного из исторических центров кожевенного производства в России, может быть полезным для других регионов, сталкивающихся с подобными проблемами.

Цель данной работы – проанализировать текущее состояние кожевенной промышленности города Богородска, выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются предприятия отрасли, и определить перспективы её дальнейшего развития в контексте социально-экономической ситуации в городе и стране. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи:

1. Изучить новейшую историю развития кожевенной промышленности в Богородске, выделив ключевые этапы и факторы, повлиявшие на формирование отрасли.

2. Проанализировать современную структуру кожевенной промышленности города, оценить её экономическую и социальную значимость, а также вклад в местный бюджет.

3. Выявить основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются предприятия отрасли в настоящее время.

4. На основе проведённого анализа сформулировать рекомендации по развитию кожевенной промышленности Богородска, направленные на повышение её конкурентоспособности и обеспечение устойчивого роста.

В качестве основных методов исследования использованы историко-генетический анализ, контент-анализ нормативных документов и научной литературы, экспертные интервью с представителями местной власти, руководителями и работниками предприятий отрасли, социологические опросы местных жителей, а также непосредственные полевые наблюдения, проведённые в Богородске Нижегородской области с 27 по 29 октября 2024 года.

Кожевенное производство в Богородске прошло долгий путь эволюции, от кустарного ремесла в XVIII–XIX веках, специализировавшегося на выделке овчин [6], до крупной отрасли в советский период, представленной «Горьковкожобъединением», которое объединило кожевенные заводы города, обеспечивало рабочие места и выполняло государственные заказы [13]. Развитие отрасли было связано с ростом спроса, появлением новых технологий, расширением ассортимента и привлечением наёмной силы. Однако именно 1990-е годы стали серьёзным испытанием для кожевенной промышленности города, поставив её на грань выживания.

Процветавшая в советский период благодаря государственным заказам и стабильному спросу, кожевенная промышленность Богородска столкнулась с жестокой реальностью рыночных отношений в 1990-е годы [3]. Распад СССР привёл к либерализации цен, открытию границ и появлению жёсткой конкуренции со стороны зарубежных компаний, в первую очередь из Турции и Китая [10]. Одновременно с этим на предприятия обрушились проблемы модернизации оборудования и усложняющаяся экологическая обстановка. Отсутствие госзаказов резко снизило объёмы производства, вынуждая заводы бороться за выживание в новых условиях [3].

Эта борьба за выживание в рыночной стихии проходила по нескольким направлениям. Во-первых, предприятия были приватизированы, что привело к изменению структуры собственности и управления [3]. В некоторых случаях смена собственников привела к положительным результатам: увеличению объёмов производства и созданию новых рабочих мест [2]. Однако многие заводы столкнулись с финансовыми трудностями и не смогли адаптироваться к новой реальности, закрываясь или снижая производство [3]. Во-вторых, изменилась структура производства. Ранее заводы были ориентированы на выпуск массовой продукции для государственных заказов, но в новых

условиях они были вынуждены искать новые рыночные ниши и повышать качество своей продукции, чтобы конкурировать с более дешёвыми товарами из Турции и Китая [10]. Для этого внедрялись новые технологии, такие как бесхромовое дубление, позволяющее сделать продукцию более экологичной и конкурентоспособной на мировом рынке [8]. В-третьих, предприятия активно искали новые рынки сбыта как внутри страны, так и за рубежом. Наконец, обострилась конкуренция как с российскими, так и с иностранными производителями [10]. Российским заводам пришлось конкурировать с более дешёвой и зачастую более качественной продукцией из-за рубежа [8]. В этих условиях важную роль сыграла государственная поддержка, а также развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса, что позволяло компенсировать некоторые издержки и сохранять конкурентоспособность [8]. Дополнительными проблемами стали нехватка инвестиций, устаревшее оборудование и технологии, дефицит квалифицированных кадров и отток молодого поколения в другие сферы деятельности [10].

Дальнейшее развитие рыночной экономики в России сопровождалось серией экономических кризисов, которые оказали существенное влияние на многие отрасли, включая кожевенную промышленность Богородска. Кризисы 1998, 2008 и 2014 годов имели различную природу и последствия, но все они привели к серьёзным испытаниям для предприятий отрасли, заставив их искать новые способы адаптации и выживания.

Финансовый кризис 1998 года, вызванный дефолтом по государственным обязательствам и девальвацией рубля, нанёс серьёзный удар по российской экономике. Для кожевенной промышленности кризис ознаменовался резким падением спроса на продукцию, ростом цен на импортное сырьё и оборудование, а также сокращением инвестиций. Многие предприятия столкнулись с нехваткой оборотных средств и были вынуждены сокращать производство и численность работников [2]. Мировой финансовый кризис 2008 года, спровоцированный проблемами на рынке ипотечного кредитования в США, также отразился на российской экономике и кожевенной промышленности. Снижение мирового спроса на кожу и кожаные изделия привело к падению экспорта и сокращению производства [12]. Кроме того, многие предприятия столкнулись с проблемами в получении кредитов и финансирования, что усугубило их и без того сложное положение.

Кризис 2008 года также выявил структурные проблемы отрасли, такие как зависимость от экспорта сырья и недостаточная диверсификация производства [4]. В 2014 году российская экономика столкнулась с новым кризисом, вызванным геополитической напряженностью, падением цен на нефть и введением экономических санкций со стороны западных стран. Для кожевенной промышленности кризис и санкции привели к ограничению доступа к импортному сырью, технологиям и оборудованию, а также к сокращению экспорта [1; 6]. Однако, санкции также создали и новые возможности для развития отечественной легкой промышленности, в том числе и кожевенной, стимулируя импортозамещение и поиск новых рынков сбыта. В результате некоторые предприятия смогли адаптироваться к новым условиям и даже увеличить объёмы производства [1].

Касаемо социального положения работников кожевенной промышленности Богородска в постсоветский период – здесь можно сказать как об очевидных, так и не очень тенденциях.

Закрытие ряда предприятий и переход к рыночной экономике привели к тому, что многие опытные специалисты потеряли работу [5]. В последующие годы наметился некоторый рост занятости в отрасли, связанный с модернизацией производства и появлением новых предприятий [13]. Однако уровень занятости в кожевенной промышленности оставался ниже, чем в других отраслях [7], что свидетельствует о сохраняющихся проблемах в отрасли. В 1990-е годы работники кожевенных заводов сталкивались с низким уровнем оплаты труда, задержками зарплаты и ухудшением условий труда [13]. В результате многие квалифицированные специалисты уходили из отрасли в поисках более высокооплачиваемой работы. В последующие годы ситуация с зарплатами несколько улучшилась, но уровень оплаты труда в кожевенной промышленности по-прежнему оставался относительно низким [12]. Кроме того, работники жаловались на тяжёлые условия труда, связанные с использованием химических веществ и высоким уровнем шума [5]. В условиях рыночной экономики возросла необходимость в квалифицированных специалистах, способных работать на современном оборудовании и внедрять новые технологии [3]. Однако система профессионального образования в России в 1990-е годы не могла полностью удовлетворить потребности отрасли в кадрах. Это приводило к дефициту квалифицированных специалистов и снижению конкурентоспособности предприятий [3].

Кроме того, работники кожевенной промышленности сталкивались с рядом социальных проблем, таких как безработица, низкий уровень жизни, отсутствие доступа к качественному медицинскому обслуживанию и так далее [4].

Роль государства в развитии кожевенной промышленности Богородска в постсоветский период была неоднозначной [12]. С одной стороны, государство стремилось поддержать отрасль, предоставляя различные меры поддержки. С другой стороны, эффективность этих мер оставалась низкой из-за ряда системных проблем, связанных с экономической ситуацией в стране и несовершенством механизмов государственного регулирования [8].

В 1990-е годы, в период резкого спада производства, государство практически не вмешивалось в деятельность предприятий кожевенной промышленности [12]. Это было связано с общей политикой либерализации экономики и снижения роли государства в регулировании хозяйственной деятельности [13]. Однако такая политика привела к ряду негативных последствий для отрасли: уже упоминавшиеся закрытие предприятий, сокращение производства и ухудшение социального положения работников [3; 5]. В последующие годы государство начало предоставлять кожевенным предприятиям различные меры поддержки. Например, введение экспортных пошлин на необработанные шкуры, что было направлено на стимулирование переработки сырья внутри страны, однако эта мера не решила проблему полностью из-за роста цен на импортное сырье и ограничений на его экспорт в других странах. Кроме того, государство разрабатывало различные программы поддержки легкой промышленности, которые предусматривали субсидии, налоговые льготы, гранты и доступ к консультационным услугам [8; 9]. Например, Закон Нижегородской области «О промышленной политике в Нижегородской области» предусматривал меры региональной поддержки промышленных предприятий, включая кожевенные заводы, но эффективность использования этих программ была невысокой из-за сложной процедуры получения субсидий, недостаточной информированности предприятий о существующих программах и непрозрачности распределения средств [11; 14]. В контексте вступления России в ВТО государство также принимало меры по защите отечественных производителей от конкуренции со стороны зарубежных компаний [8]. В частности, были введены таможенные пошлины на импортную кожевенную продукцию [10]. Однако эффективность этих мер была

ограничена из-за несовершенства таможенного регулирования и существования «теневого» импорта [12].

Полевые исследования, проведённые в октябре 2024 года, позволили взглянуть на ситуацию «изнутри», оценив текущее состояние отрасли со слов местных жителей, предпринимателей и представителей власти, и выявить ключевые проблемы и перспективы её развития. Для сбора данных были использованы полуструктурированные интервью (применялись подготовленные вопросы и гибкий подход) с представителями кожевенной промышленности, местной власти и жителями Богородска. В целях точности велась аудиофиксация, расшифрованные материалы использованы в анализе.

Несмотря на положительные отзывы об историческом вкладе кожевенных заводов в развитие города, респонденты единодушно отмечают ряд серьёзных проблем, с которыми сталкиваются предприятия в настоящее время. Главная из них – экологическая ситуация. Жители неоднократно упоминали о негативном воздействии производства на окружающую среду, называя основными проблемами неприятные запахи и загрязнение местных водоемов. Представитель одного из предприятий признал наличие этих проблем, связав их с процессом переработки сырья, но подчеркнул, что модернизация оборудования, включая внедрение бесхромового дубления, уже началась и направлена на улучшение экологической обстановки. Однако жители, с которыми проводились интервью, пока не заметили существенных улучшений. Это расхождение во мнениях свидетельствует о необходимости более открытого диалога между предприятиями и общественностью, а также о важности реального, а не декларативного решения экологических проблем. Другая серьёзная проблема, выявленная в ходе полевых исследований, – нехватка квалифицированных кадров. Молодое поколение, по словам респондентов, проявляет меньший интерес к работе на заводах, предпочитая другие сферы деятельности. Это подтверждается и тем, что в Богородском политехническом техникуме, который ранее специализировался на подготовке кадров для кожевенной промышленности, уже нет очного отделения по этой специальности. Только заочное обучение, качество которого, по мнению представителей заводов, оставляет желать лучшего. Низкий уровень оплаты труда на некоторых предприятиях и отсутствие эффективных программ привлечения молодых специалистов усугубляют эту проблему. Еще одна

сложность, с которой сталкиваются предприятия, – нехватка инвестиций в модернизацию производства. Респонденты отмечают, что многие заводы используют устаревшее оборудование и технологии. На некоторых предприятиях, как показали полевые исследования, запланирована и даже начата модернизация производственных мощностей, но этот процесс идёт медленно из-за нехватки финансирования. Несмотря на имеющиеся проблемы, респонденты также отмечают и потенциал для развития отрасли. В частности, они видят перспективы в модернизации производства, укреплении связей с местными производителями готовой продукции и расширении экспортных возможностей. Отмечается, что развитие кожевенной промышленности может способствовать и развитию смежных отраслей, таких как производство аксессуаров и услуг в области переработки отходов кожи. Также респонденты подчеркивают важность сохранения исторического наследия района, связанного с кожевенным производством. Это может способствовать формированию положительного имиджа отрасли и привлечению туристов. По словам представителей местной администрации, планируется привлечение инвесторов и создание благоприятной инфраструктуры для поддержки и развития кожевенного производства.

Влияние событий 2022 года на кожевенную промышленность России оказалось многогранным и неоднозначным, затронув как производственные процессы, так и рынки сбыта. Начавшаяся в феврале 2022 года «Специальная военная операция» и последовавшее за ней введение санкций со стороны западных стран привели к ряду экономических последствий, которые отразились и на кожевенной отрасли. В первую очередь, санкции ограничили доступ к импортному сырью, технологиям и оборудованию. Это вызвало необходимость поиска новых поставщиков и ускорило процессы импортозамещения. Кроме того, события 2022 года привели к изменениям на рынке труда. Мобилизация и отток квалифицированных специалистов за рубеж усугубили проблему нехватки кадров, которая и без того была актуальна для отрасли. В результате некоторые предприятия столкнулись с необходимостью переобучения персонала и поиска новых специалистов. Помимо этого, некоторые компании, ориентированные на экспорт, столкнулись с падением спроса и сокращением производства. Другие же, наоборот, смогли адаптироваться к новым условиям и даже

увеличить объёмы производства за счет импортозамещения и переориентации на внутренний рынок.

В заключение необходимо отметить, что кожевенная промышленность Богородска, обладая богатым историческим прошлым и значительным потенциалом, в постсоветский период столкнулась с целым комплексом проблем, которые привели к снижению объёмов производства, закрытию ряда предприятий и ухудшению социально-экономического положения работников. Проведённое исследование показало, что адаптация к рыночной экономике, экономические кризисы и санкции, а также изменение роли государства оказали существенное влияние на развитие отрасли. В 1990-е годы предприятиям пришлось адаптироваться к новым рыночным условиям, изменить структуру производства, искать новые рынки сбыта и выдерживать конкуренцию со стороны российских и иностранных производителей. Экономические кризисы и санкции приводили к снижению спроса, росту цен на сырьё и оборудование, а также к сокращению инвестиций, что негативно сказывалось на финансовом состоянии предприятий и социальном положении работников. Изменение роли государства проявилось в отсутствии государственных заказов в 1990-е годы и появлении различных мер поддержки в последующие годы, эффективность которых, однако, оставалась невысокой. Несмотря на имеющиеся проблемы, кожевенная промышленность Богородска сохраняет значительный потенциал для дальнейшего развития. Модернизация производства, развитие экспортного потенциала, формирование кластеров и кооперация, а также более активная роль государства в поддержке отрасли могут способствовать её возрождению и устойчивому росту. Кроме того, важную роль играет и решение экологических проблем, связанных с негативным воздействием производства на окружающую среду, а также подготовка квалифицированных кадров и повышение привлекательности работы в отрасли для молодого поколения. Перспективы развития кожевенной промышленности Богородска тесно связаны с социально-экономическим развитием города и региона в целом, и их реализация требует комплексного подхода с учётом интересов всех заинтересованных сторон.

Для возрождения и достижения устойчивого роста кожевенной промышленности Богородска необходим комплексный подход, основанный на тесном взаимодействии государства, бизнеса и научного сообщества, а также на активном участии самих

предприятий. Прежде всего, необходима модернизация производства и технологическое перевооружение. Стимулирование инвестиций в новое, высокотехнологичное оборудование, внедрение цифровых технологий и автоматизации – ключевые факторы повышения конкурентоспособности отрасли. Создание специализированного центра технологической компетенции позволит ускорить этот процесс, обеспечив предприятия инновационными разработками и высококвалифицированными кадрами. Одной из острейших проблем отрасли является сырьевая зависимость. Несмотря на меры, принятые государством для ограничения экспорта необработанных шкур, необходимость повышения качества сырья и снижения зависимости от импорта остаётся актуальной. Необходимо развивать кооперацию с местными сельхозпроизводителями, разрабатывать программы повышения поголовья скота и качества шкур, а также диверсифицировать поставки, искать новых поставщиков в других регионах и за рубежом. Возможно, следует пересмотреть таможенно-тарифную политику в отношении импорта сырья для поддержки отечественных производителей. Важнейшую роль в развитии отрасли играет государственная поддержка. Необходимо упростить доступ к существующим программам поддержки, повысить их эффективность и прозрачность, а также создать более благоприятный инвестиционный климат. Это включает в себя снижение административной нагрузки, упрощение процедур лицензирования и сертификации, а также развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса. Необходимо также продолжить работу по защите отечественных производителей от недобросовестной конкуренции со стороны импортёров, совершенствуя таможенное регулирование. Для успешного развития отрасли необходимо решать и социальные и экологические проблемы. Повышение уровня оплаты труда, улучшение условий труда и реализация программ по привлечению и закреплению молодых специалистов повысят привлекательность работы в отрасли. Внедрение же экологически чистых технологий и эффективных систем утилизации отходов снизит негативное воздействие производства на окружающую среду. Кроме того, необходимо активно развивать экспортный потенциал, ориентируясь на рынки с высоким спросом на качественную кожу. Одновременно с этим важно стимулировать спрос на отечественную продукцию на внутреннем рынке, развивая государственные закупки и программы

поддержки. Развитие кластеров и кооперация с смежными отраслями также способствуют устойчивому росту отрасли и созданию новых рабочих мест. Наконец, сохранение исторического наследия района, связанного с кожевенным производством, может стать дополнительным фактором привлечения туристов и повышения привлекательности города.

Источники и литература

1. Гвасалия К., Хьюнг К. Влияние экономических санкций на развитие легкой промышленности России // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 1 (4). С. 27–32.
2. Дубиновский А.М. Стратегия развития предприятий кожевенной промышленности: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Н. Новгород, 2006. 23 с.
3. Кузнецов В., Полякова М. Состояние и тенденции развития легкой промышленности нижегородской области // Экономика и социум. 2015. № 3 (16). С. 973–976.
4. Куклева Т., Любавин А., Сорокин А. Краевед Березополья: Материалы краеведческих чтений «Богородск - город кожевников». Богородск, 2013. 159 с.
5. Куликова А. Реформирование предприятий кожевенной промышленности: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Н. Новгород, 2004. 22 с.
6. Ледров С. Кожевенная промышленность Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX веков (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 71–83.
7. Масло Д. и др. Нижегородская область в цифрах: Краткий статистический сборник. Н. Новгород, 2024. 288 с.
8. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Стратегия развития легкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2015. 38 с.
9. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27.06.2018 № 415н Об утверждении профессионального стандарта «Обработчик шкур» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201807190037?ysclid=mbi6l1di75887893690>
10. Мусорина В. На чужой шкуре // Прямые инвестиции. 2007. № 5 (61). С. 64–69.
11. Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Н. Новгород, 2018. 191 с.
12. Рязанова А. Современное состояние кожевенной промышленности в России. Курск, 2018. С. 263–266.
13. Сычева А. Развитие кожевенной промышленности Нижегородской области. Н. Новгород, 2013. С. 213–216.
14. Закон Нижегородской области от 25 декабря 2015 г. №206-3 «О промышленной политике в Нижегородской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200201512250003?ysclid=mbi6jv83a16023945>

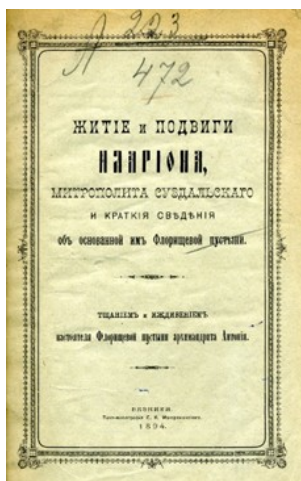
**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Иллюстрации к статье Г.В. Аксеновой
«Провозвестник» туристического “Золотого кольца
России” Василий Тимофеевич Георгиевский (1861 – 1923)**

*Илл. 1. Василий Тимофеевич
Георгиевский.
Фотография 1905 г.*

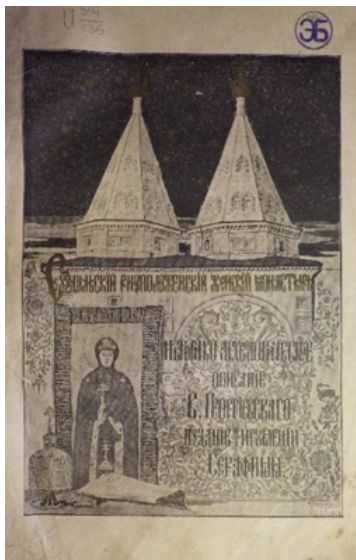
*Илл. 2. Георгиевский В.Т.
Святой благоверный Великий князь
Андрей Боголюбский. СПб., 1900.*

*Илл. 3. Георгиевский В.Т. Житие
и подвиги Илариона, митрополита
Суздальскаго, и краткіе свѣдѣнія
об основанной им Флоріицевоу
пустыни. Вязники, 1894.*

*Илл. 4. Георгиевский В.Т.
Флоріицева пустынь:
Историко-археологическое описание
с рисунками. Вязники, 1896.*

Илл. 5. Георгиевский В.Т. Суздаль-
ский Ризположенский женский
монастырь. Историко-
археологическое описание.
Владимир, 1900.

Илл. 6. Д.С. Стеллецкий. Второй титул
книги В.Т. Георгиевского
«Фрески Ферапонтова монастыря».

Илл. 7. Георгиевский В.Т. Владимир,
Суздаль, Переяславль-Залесский.
Путеводитель по памятникам
старины. СПб., 1913.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Иллюстрации к статье
А.В. Курмышова «История церквей села Костянки
Арзамасского уезда»**

Илл. 1. План деревни Костянки с указанием земель, предназначенных под церковь и в пользование священно-церковнослужителям [21, оп. 556-1, д. 32, л. 50]

Илл. 2. Орлов Иван Иванович. Село Костянка. Из альбома фотографий «Снимки И.И. Орлова. Виды окрестностей Орловки». <https://gostatalog.ru/portal/#/collections?id=28368817>

Илл. 3. Бубнов И.Г. Петропавловская церковь и колокольня села Костянки. 1920 г. Отпечаток с оригинального негатива из личного фотоархива автора статьи.

Илл. 4. Освящение вновь построенной Петропавловской церкви в селе Костянка. 12.07.2022. Фотография представлена сообществом «Храм Костянка».

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Иллюстрации к статье Л.А. Захаровой
«Роговая накладка с изображением дракона из раскопа
селища Бешенцево-3: вопросы стилистической и иконогра-
фической аналогии»**

Илл. 1. Роговая накладка с изображением шагающего дракона из заполнения ямы № 2 селища Бешенцево-3 Нижегородской области (НГИИМЗ, ГОМ-27249/56) (Точилова Н.Н. Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода // Археология евразийских степей. 2023. № 5. С. 126).

Илл. 2.1. Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода (НГОМЗ КП 32143/7 А-74/7) (Точилова Н.Н. Лотосовидная накладка с изображением дракона из Неревского раскопа Великого Новгорода // Археология евразийских степей. № 5. 2023. С. 126).

Илл. 2.2. Роговая накладка с изображением дракона. Городище Любутск. Раскоп 30. Пласт 1. Индивидуальная находка № 3. Изделие из рога (кв.5, -371) (Болдин И.В. Отчет об археологических раскопках городища Любутск. Калуга, 2024. С. 64).

Илл. 2.3. Костяная накладка с изображением дракона из раскопа Маджарского городища (Обухов Ю.Д. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. 2018. №2 (24). С.127.

Илл. 3.1. Бронзовая поясная накладка. Астраханская область, Золотая Орда, последняя треть XIV века. Оп. ОВ.39-106, ГЭ (Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи каталог выставки. М.: Фонд Марджани, Государственный Эрмитаж, 2019. С. 128).

Илл. 3.2. Обойма с изображением дракона (Полякова Г.Ф. Изделия из металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 205).

Илл. 3.3. Поясная накладка. Погребение 131 Кокпомъягского могильника, Республика Коми (Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2011. № 3 (7). С 95).

Илл. 4.1. Поясная накладка с изображением дракона. Саратовская область (Архангельский М.С., Афоньков Н.Н., Исаков Р.В. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. №1 (7). С. 241).

Илл. 4.2. Бронзовая поясная накладка. Волгоградская область. (Архангельский М.С., Афоньков Н.Н., Исаков Р.В. К вопросу атрибуции золотоордынских накладок из курганного могильника Маляевка-V // Поволжская археология. 2014. №1 (7). С. 241).

**ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Иллюстрации к статье М.П. Грачевой
«Атрибуция глиняной посуды села Богородского Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века»**

Илл. 1. Утятница. Горбатовский уезд. Нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-23114/13)

Илл. 2. Жаровник для рыбы. Горбатовский уезд. Кон. XIX - нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-21717)

Илл. 3. Корчага. Горбатовский уезд. Нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-23114/17)

Илл. 4. Кадильница. Горбатовский уезд. Нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-23114/14)

Илл. 5. Кастрюля. Горбатовский уезд. Нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-21132/9)

Илл. 6. Плюшка. Горбатовский уезд. Нач. XX в. НГИАМЗ (ГОМ-20610/2)

**ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Иллюстрации к статье Н.А. Пакшиной
«Наталья Васильевна Карамзина (урожд. кн. Оболенская)»**

Илл. 1. Н.В. Оболенская

*Илл. 2. Храм Успения Пресвятой Богородицы в Путинках Фото из альбома
Н. Найдёнова 1882 года*

Илл. 3. Дом Ханыкова

*Илл. 4. Дом на ул. Советской, 21.
2024 г. Фото Пакишиной Н.А.*

Илл. 5. Оби́щий вид захоронения

*Илл. 6. Всегда вместе
Фото Н.А. Пакишиной. 2024 г.*

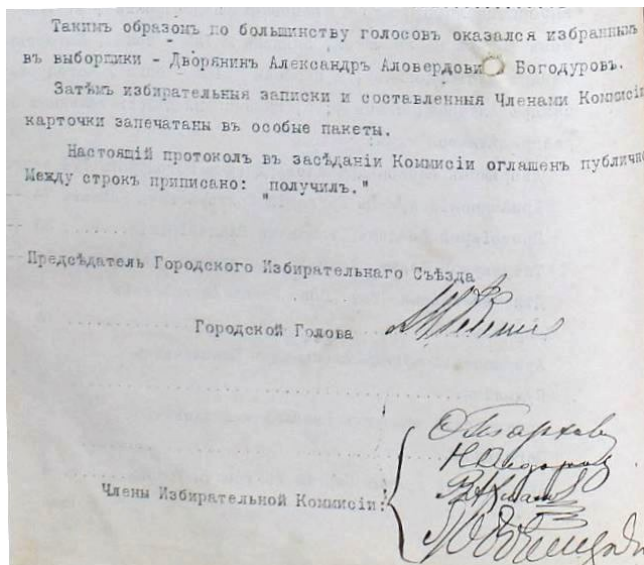

Илл. 7. Супруги Карамзины 1880-е гг.

*Илл. 8. У могилы Н.В. Карамзиной.
Фото М.А. Емельянова*

**ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Иллюстрации к статье Н.А. Пакшиной
«О выборах в первую Государственную Думу в Арзамасе
весной 1906 года. Действующие лица»**

Илл. 1. Фрагмент избирательного протокола

Илл. 2. А.А. Богодуrow

Илл. 3. Ф.И. Владимирскій

*Илл. 5. Здание, в котором располагалась бывшая Городская дума и управа.
2025 год.*

Илл. 4. Н.М. Щегольников

Илл. 6. А.И. Бебешин

**ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Иллюстрации к статье А.Б. Ткачевой
«Федор Алексеевич Вавилов. К 140-летию со дня рождения»**

*Илл. 1. Федор Алексеевич
Вавилов, 1918 г.*

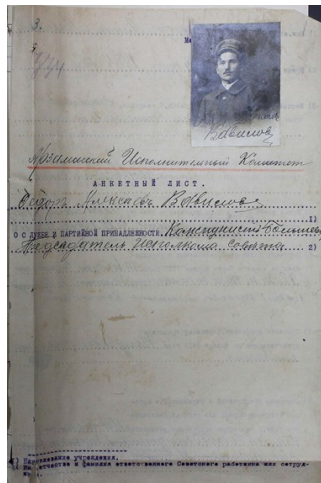
27.11.1918
В Комитет партии
Коммунистов
Прошу принять меня
в Арзамасскую органи-
зацию РКП.
Благотворитель
таб. Гоптиус
Гайдар Вавилов

*Илл. 2. Заявление Аркадия Гайдара о приеме в партию, подписанное Зинаидой
Гоптиус и Ф.А. Вавиловым, и портрет Аркадия Гайдара.*

Илл. 3. Ф.А. Вавилов – военный комиссар Нижегородских пехотных курсов в 1919 – 1921 гг.

Илл. 4. Анкетный лист Ф.А. Вавилова.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Иллюстрации к статье С.Н. Потанина
«Великому подвигу – вечная слава! (К 80-летию подвига
гвардии майора Ивана Маркеева)»**

Илл.1. И.Н. Маркеев
Фото из фондов Историко-художественного музея г. Арзамаса

Илл.2. И.Н. Маркеев

*Илл.3. Н.А. Потанин
и И.Н. Маркеев*

*Илл.5. Памятник И.Н. Маркееву
в Польше. Фото из личного архива
С.Н. Потанина*

*Илл.4. Дом, где родился И.Н. Маркеев
Фото из фонда Красносельской сельской библиотеки*

**ПРИЛОЖЕНИЕ 9. Иллюстрации к статье Е.И. Масловой
и А.И. Щетинина «Представлены к званию Героя»**

*Илл. 1. Купряхин
Константин Иванович
Фото с учетно-партийных документов. РГАСПИ*

*Илл. 2. Горшков
Василий Иванович
Фото с учетно-партийных документов. РГАСПИ*

*Илл. 3. Данилов
Петр Михайлович
Фото с учетно-партийных документов. РГАСПИ*

*Илл. 4. Марков
Виктор Иванович
Фото с учетно-партийных документов. РГАСПИ*

Илл. 5. Максимов Иван Федорович

*Илл. 6. Гельжинас
Виктор Михайлович*
Фото с учетно-партийных документов. РГАСПИ

*Илл. 7. Куликов
Геннадий Михайлович*
Фото с сайта «Память народа»

Илл. 8. Лобасков Николай Иванович
*Фото с учетно-партийных
документов. РГАСПИ*

Илл. 9. Кардавилец
Александр Васильевич
Фото от внучки Е.А. Кукушкиной

Илл. 10. Похвалинский
Василий Владимирович
Фото из фондов Литературно-
мемориального музея А.П. Гайдара
(АГМГ инв.№6054, ГК 5834090)

**ПРИЛОЖЕНИЕ 10. Иллюстрации к статье А.В. Сорокиной
«Обзор комплекса документов Малописцкого детского дома
из фондов Нижегородского государственного историко-
архитектурного музея-заповедника»**

[illegible]

Илл. 1. ГОМ-
22554-15

Илл. 2. ГОМ-22554-15

Илл. 3. ГОМ -9553-29

Илл. 4. ГОМ-19553-25

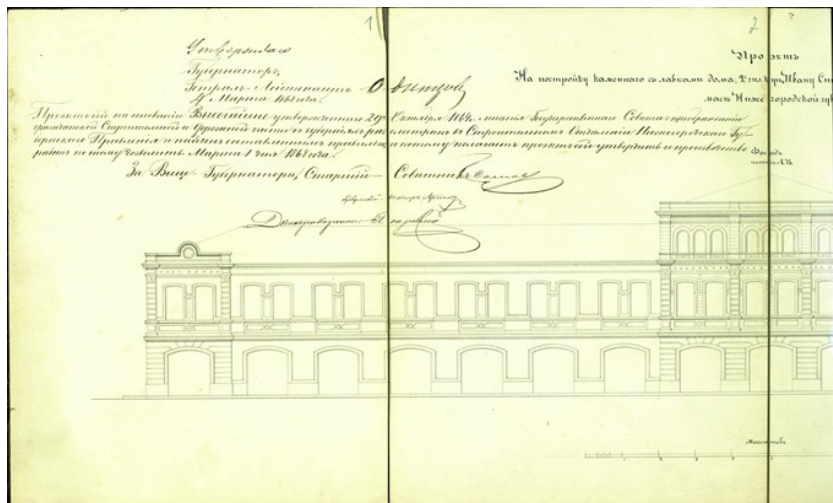
с.с.р.	1939	ч.р.а.д.							
76. Савинский Николай Александрович	1937	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Омск	Иркутск. обл.		20	4
77. Савинский Владимир	1935	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Ленинград		20	4
78. Савинский Евгений Николаевич	1935	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Ленинград		20	4
79. Сафронков Николай Константинович	1936	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Радомский в		20	4
80. Сафронков Алексей Константинович	1939	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Радомский в		20	4
81. Савинский Владимир Сергеевич	1935	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Радомский в		20	4
82. Савинский Владимир Сергеевич	1937	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Радомский в		20	4
83. Савинский Владимир Сергеевич	1939	ч.р.а.д.	ч.р.а.д.	В.у.е.е.	Мамы	Радомский в		20	4

Илл. 5. ГОМ-22554-15

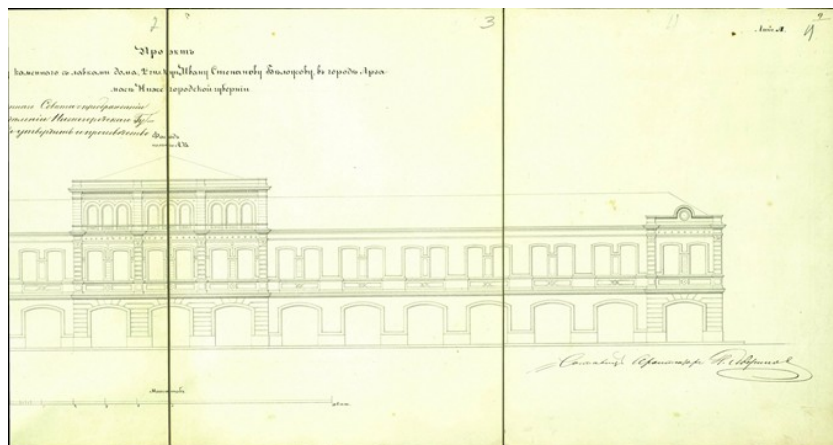
20/11	51" Демидов	20/11	Г. у.т.у.у.	Иркутск. обл.	акт от
42	В.в.в. Рогов	42			20/11/43
20/11	51" Демидов	20/11	Г. у.т.у.у.	Иркутск. обл.	акт от
42	В.в.в. Рогов	42			20/11/43
20/11	51" Демидов	20/11	Г. у.т.у.у.	Иркутск. обл.	акт от
42	В.в.в. Рогов	42			20/11/43
20/11	24" Демидов	20/11	Г. у.т.у.у.	Иркутск. обл.	акт от
42	В.в.в. Рогов	42			20/11/43
20/11	12" Демидов	20/11	Г. у.т.у.у.	Иркутск. обл.	акт от
42	В.в.в. Рогов	42			20/11/43

Илл. 6 ГОМ-22554-15

ПРИЛОЖЕНИЕ 11. Иллюстрации к статье Е.П. Бутусова «Дом И.С. Белоусова в городе Арзамасе»

Илл. 1. Часть 1. План дома И.С. Белоусова. 1868 г. ЦАНО

Илл. 2. Часть 2. План дома И.С. Белоусова. 1868 г. ЦАНО

**ПРИЛОЖЕНИЕ 12. Иллюстрации к статье М.А. Бегоутовой
«Связь времён и поколений»: о поисково-
исследовательской деятельности музейного объединения
«Хранители славы»»**

Илл. 1. Н.И. Юрчин. Фото из личного архива Ольги Зедгинидзе

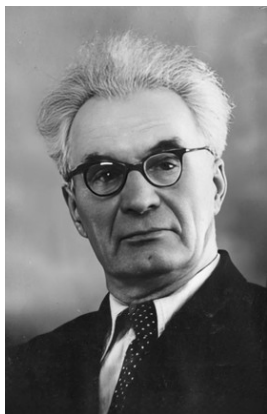

Илл. 2. П.Н. Юрчина. Фото из личного архива Ольги Зедгинидзе

Илл. 3. Камень с именем военнопленных, на одном из них имя Гладкова А.М. Находится на территории захоронения советских военнопленных, земля Саар, Западная Германия. Фото представлено Ириной Шиль (Германия)

**ПРИЛОЖЕНИЕ 13. Иллюстрации к статье
И.С. Юрмановой и А.Ф. Кузнецовой «Они стояли
у истоков музея “Природа” им. С.И. Трофимова»**

Илл. 1. С.И. Трофимов

Илл. 2. Б.А. Веселовский

Илл. 3. А.Л. Комаров

Илл. 4. С.С. Садов

Илл. 5. М.А. Киселев

Илл. 6. Н.И. Шишагин

**ПРИЛОЖЕНИЕ 14. Иллюстрации к статье
Л.Е. Макаровой «Монументальная мозаика советского
периода в архитектуре города Арзамаса»**

*Илл. 1. Мозаика «Вечный огонь».
Ул. Калинина, площадь у водонапорной башни.*

*Илл. 2. Мозаика «Гайдару
– салют!» Детская биб-
лиотека им. А.П. Гайда-
ра, ул. Максима Горького,
д. 18.*

*Илл. 3. Мозаика «Связь».
Пр. Ленина, д. 164, Почта
России, 1970 г.*

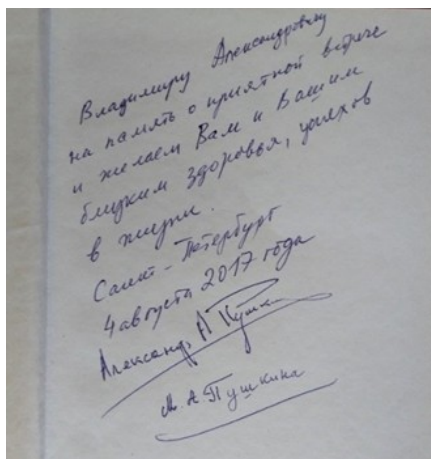

Илл. 4. Мозаика «400 лет Арзамасу». Арзамасский техникума строительства и предпринимательства, ул. Мира, д. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15. Иллюстрации к статье В.А. Калмыкова «Встреча с Пушкиным»

Илл. 1. Встреча автора статьи с А.А. Пушкиным и М.А. Пушкиной

Илл. 2. Дарственная запись автору на томике стихов А.С. Пушкина от четы Пушкиных

КУЛЬТУРА
НИЖЕГОРОДСКОГО
ПОВОЛЖЬЯ
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-
СКОЙ И ПОПУЛЯРИЗА-
ТОРСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МУЗЕЕВ
И БИБЛИОТЕК

ДОМ КУПЦА И.С. БЕЛОУСОВА В ГОРОДЕ АРЗАМАСЕ

Бутусов Евгений Павлович

Арзамасский историко-художественный музей, директор

Россия, Нижегородская обл., г.о.г. Арзамас

e-mail: butusov.arz@yandex.ru

Автор статьи анализирует информацию о доме купца Ивана Семеновича Белоусова в Арзамасе, единственном историческом поселении федерального значения в Нижегородской области. Рассматриваются архитектурные особенности здания, построенного в 1868 г., и его социальная роль, включая создание детского приюта, финансируемого Белоусовым. Также описываются изменения, произошедшие с домом в советский период, когда он стал Домом крестьянина и филиалом завода радиодеталей. Подчеркивается необходимость присвоения зданию статуса объекта культурного наследия регионального значения для сохранения его уникального облика и исторической значимости.

Ключевые слова: Арзамас; Иван Семенович Белоусов; историческое поселение; Нижегородская область; архитектура; памятники культуры; детский приют; социальная роль; реставрация; Дом крестьянина; завод радиодеталей; культурное наследие; благоустройство; кирпичный стиль; историческая значимость.

Арзамас – единственный город в Нижегородской области, являющийся историческим поселением федерального значения. В рамках туристско-паломнического кластера «Арзамас–Дивеево–Саров» происходит колоссальное преобразование исторической части города Арзамаса. Ведутся большие работы по благоустройству дорог, тротуаров и общественных пространств. Завершена реставрация Воскресенского и Спасо-Преображенского соборов. Особое внимание Правительство РФ уделяет и реставрации памятников гражданской архитектуры. В Арзамасе более 150 памятников архитектуры, 18 из них являются объектами культурного наследия федерального значения.

Приказом Министерства культуры РФ от 26 октября 2017 г. № 1810 «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Арзамас Нижегородской области» еще более двухсот зданий города были признаны исторически ценными градоформирующими объектами. Среди них особенно выделяется здание бывшего доходного дома купца второй гильдии, Ивана Семеновича Белоусова, на ул. Рождественской (ныне это дом №18 по улице Ленина). Огромное двухэтажное каменное здание с мезонином, занимающее целый квартал улицы, сохранило свой величественный вид.

При подготовке статьи в фондах Центрального архива Нижегородской области был обнаружен «Проект строительства дома с лавками купцу 2-ой гильдии Белоусову И.С. (ул. Московская)» [6, д. 47]. Проект был рассмотрен и утвержден Строительным отделением Нижегородского губернского правления в марте 1868 г. Разработчиком проекта стал нижегородский губернский архитектор Илиодор Геннадьевич Хворинов (1835–1914 гг.), который в последствии осуществлял надзор за строительными работами.

Дом был построен в так называемом кирпичном стиле, окна были обрамлены классическими гипсовыми наличниками. От некогда богатых внутренних интерьеров не осталось и следа, однако, в доме еще многое напоминает о состоятельности своего первого хозяина, например, большая парадная чугунная лестница с удивительно красивыми декорированными балясинами.

Об истории дома можно подробно узнать из книги Н.М. Щеголькова: «Исторические сведения о городе Арзамасе» (1911 г.). В этой книге Николай Михайлович рассказывает, что купец второй гильдии Иван Семенович Белоусов (1813 – 1888), заработал свое состояние на торговле мехами. Свой товар он сбывал на Украине, оттуда же привозил сахар, чернослив и табак.

В течение 1868–1870 гг. построен очень большой каменный дом, с лавками внизу, выходящий на три улицы: Скоблинскую (ныне ул. Угодникова), Ново-Московскую (ныне ул. Ленина) и Зосимовскую-Евстифеевскую (ныне ул. Красноармейская). По лицевой стороне дом этот имеет 17 растворов лавок и во втором этаже 34 окна. Стоимость его по постройке более 100 тыс. руб.

Дом придал Арзамасу много красоты, тем более что на этом месте до того времени находилась два деревянных дома с постоянными дворами и целый ряд сенных лавок, самых жалких и самых ветхих. Дела Белоусова в это время были в самом цветущем положении, и он выстроил этот дом без стеснения в средствах [7].

Известно так же, что купец Белоусов был крупным благотворителем города Арзамаса и своего родного села Ямской Слободы.

После смерти сына Алексея в 1885 г. [2, д. 3, л. 40] Иван Семенович пожертвовал городу два дома: один деревянный, со службами, для детского приюта, а другой каменный, о котором мы сейчас говорим для того, чтобы доходы от сдачи в аренду помещений первого этажа дома, шли на содержание приюта.

Идею Белоусова по созданию детского приюта поддержал еще один арзамасский купец, Петр Иванович Серебренников, который пожертвовал на содержание приюта капитал в 10 тыс. руб.

И.С. Белоусов не дожил до дня открытия детского приюта всего месяц. Открытие его состоялось 1 октября 1888 г., и, в знак высочайшего почтения, учреждению были присвоены имена его основателей: И.С. Белоусова и П.И. Серебренникова.

Первоначально приют был рассчитан на 25 детей-сирот, и располагался в деревянном доме, как и было задумано. Позднее детей стало больше, и приют переместили на второй этаж кирпичного здания, комнаты воспитателей перевели в мезонин, а лавки, расположенные на первом этаже, сдавались в наем.

В 1903 г. в доме Детского Призрения (так он назывался тогда), на средства, пожертвованные попечителем приюта, Алексеем Ивановичем Николаевым, в помещениях здания были устроены ремесленные классы: для мальчиков – по башмачному ремеслу, для девочек – по кройке и шитью, с целью подготовки воспитанников к дальнейшей трудовой жизни. Заработанные ими деньги клались на счет банка и составляли фонд на выдачу пособий воспитанникам при выходе их из детского приюта. Часть дома занимала гостиница Ф.А. Колесова [5].

После революции все ценное имущество, находящееся в доме Детского Призрения, было распределено между другими учреждениями города. К счастью, в фондах Арзамасского историко-художественного музея сохранилась, специально написанная в 1890 г. для приюта картина художника Николая Андреевича Кошелева «Благословение детей» [3].

В 1920-х гг. в здании приюта был организован Дом крестьянина. Такие Дома открывались в крупных городах и местах значительного скопления приезжающих крестьян (места колхозных базаров, пункты сдачи сельхозпродукции и т. п.); имели целью культурно-бытовое обслуживание колхозников, рабочих совхозов, МТС. Первые этажи здания занимали склады сельскохозяйственных машин и орудий Союза сельскохозяйственных и кредитно-промысловых кооперативов Арзамасского уезда.

Для материально-бытового обслуживания трудящегося крестьянства Дом крестьянина организовал общежитие, медицинский пункт, парикмахерскую, столовую, заезжий двор со стойлами. Оборудованный Дом крестьянина имел при себе клуб, библиотеку-чи-

тально, проводил консультации по правовым, агрономическим, бытовым вопросам и вопросам колхозного строительства. Дом крестьянина находился в непосредственном ведении исполкома городского Совета.

8 декабря 1966 г. был подписан приказ Министра электронной промышленности СССР об открытии в Арзамасе филиала Горьковского завода радиодеталей. Первым директором филиала был назначен Александр Тихонович Ермаков [1].

Предприятию выделили здание бывшего Дома колхозника, к тому времени он уже был закрыт. Новое предприятие начало работу с проведения капитальной реконструкции здания и приспособление его под производство. Была заменена крыша, электропроводка, коммуникации, проведен капитальный ремонт подвальных помещений и перекрытий первого этажа, произведено устройство железобетонных перекрытий [4].

На Арзамасском заводе радиодеталей было налажено широкое производство резисторов, которые являлись наиболее массовыми компонентами радиотехнических устройств и приборов. Выпуск новых изделий начался уже в 1967 г. В 1969 г. на заводе работало более 850 арзамасцев.

В 1990-х гг. производство завода было полностью перенесено на новую территорию. Здание попало под приватизацию. Сейчас бывший купеческий дом больше напоминает торговый центр. Многочисленные магазины, расположенные в здании, незаконные перепланировки негативно сказываются на состоянии этого уникального дома.

Дом купца И.С. Белоусова имеет богатую историю и уникальную архитектуру. Присвоение этому зданию статуса объекта культурного наследия регионального значения позволит сохранить облик одной из старейших улиц города Арзамаса.

Источники и литература

1. Гордимся прошлым, живем настоящим, создаем будущее. Арзамас: ООО «Арзамасская типография», 2016. 132 с.
2. Государственный архив Нижегородской области, г.о.г. Арзамас. Ф. 61. Оп. 2.
3. Книга поступлений 1. Арзамас: Арзамасский историко-художественный музей (далее – АИХМ), 1958.
4. Книга поступлений 14. Арзамас: АИХМ, 2024
5. Список абонентов Арзамасской телефонной сети. Изд. 1-е. Арзамас: Тип. М.А. Порошенкова, 1914. 17 с.
6. Центральный архив Нижегородской области, г. Нижний Новгород. Ф. 5. Оп. 3.

7. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым: с видами и портретами. Ярославль: Периодика, 1992. 273 с.

«СВЯЗЬ ВРЕМЁН И ПОКОЛЕНИЙ»: О ПОИСКОВО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ХРАНИТЕЛИ СЛАВЫ»

Бегоутова Мария Александровна

ГБПОУ «Починковский сельскохозяйственный техникум», преподаватель

Россия, Нижегородская область, Починковский м.о., с. Починки

e-mail: Begoutova.mariya@yandex.ru

В статье рассматривается поисково-исследовательская деятельность музейного объединения «Хранители славы» на примере восстановления судеб односельчан. Семьи Юрченых из села Дуброво, Александра Гладкова (военнопленного, замученного в концентрационном лагере Шталаг VI В и захороненного в Западной Германии). Семьи Горохова Григория, найденного в 1991 году поисковым отрядом «Пошук» г. Витебска, чьих родственников мы смогли отыскать спустя более 80-ти лет.

Ключевые слова: Н.И.Юрчин; Великая Отечественная война; первая мировая война; концентрационный лагерь; Шталаг 310; поисковый отряд «Пошук»; г.Хомбург.

В адрес музейного объединения «Хранители славы» Починковского сельскохозяйственного техникума поступило обращение жительницы г. Санкт-Петербурга с просьбой найти захоронение ее дедушки, проживавшего некогда в одном из сел Починковского района. К сожалению, эти поиски не увенчались успехом. Но именно благодаря им мы не смогли пройти мимо захоронения участника Первой мировой войны Юрчина Николая Ильича. С покосившегося от времени памятника на нас смотрел старший унтер-офицер 8-го гренадерского Московского полка. Фото на памятнике было сделано в Твери, где в то время дислоцировался Московский полк. Благодаря помощи московского специалиста по истории Первой мировой войны нам удалось найти документ, подтверждающий данную информацию.

Николай Ильич Юрчин был призван в царскую армию в 1906 году. С началом Первой мировой войны мобилизовался в 242 пехотный полк. Московский полк, в котором служил Николай, принимал участие в Галицкой битве, Варшавско-Иваногородской операции. В оборонительных боях при отходе из Польши и других сражениях Первой мировой войны. Исходя из сведений регистрационно-статис-

стической карточки №108842 (хранящейся в семейном архиве потомков Юрчина Н.И.) видно, что Николай попал в плен 17 августа 1914 года в Галиции. Находился в плену четыре года на территории Австро-Венгрии. Вернулся из плена только в 1918 году с диагнозом бронхит [3].

Дома Николая Ильича ждала жена Татьяна Александровна. В семье Юрчиных родилось пятеро детей. Сыновья Павел, Василий, Иван, Александр и дочь Пелагея. Все дети Николая Ильича принимали участие в Великой Отечественной войне, но, к сожалению, вернуться с фронта живыми смогли только Александр и Пелагея.

Еще до начала Великой Отечественной войны, по доносу был арестован сам Николай Юрчин. Обвиняемый в контрреволюционной деятельности он просидел в заключении в Остроге (площадь Свободы) в г. Горьком десять месяцев, после чего был освобожден и вернулся в родное село Дуброво. Дочь Пелагею Николаевну долгое время уговаривали отречься от отца, на что она категорически отвечала «нет».

В Дуброве семью Юрчиных уважали. Крепкая крестьянская семья воспитывала своих детей в уважении к старшим, к трудолюбию и любви к своей земле. Сам Николай Ильич любил поэзию, особенно стихи Николая Некрасова. До войны все его дети играли на музыкальных инструментах и даже организовали свой маленький семейный ансамбль. Выходя в воскресный день за калитку и играя для односельчан [2].

Трагична была судьба трех сыновей Николая Ильича.

Сын Павел пропал без вести в декабре 1941 года. По данным архива ЦАМО, Павел погиб в Шталаге 310 (лагерный номер 33378) [5]. В ходе поисковых работ, проводимых музейным объединением «Хранители славы», удалось выяснить, что многие наши земляки-починковцы погибли именно в этом концентрационном лагере. Захоронили Павла в братской могиле узников лагеря в Витцендорфе [5].

Сын Василий – старший сержант. Пропал без вести в июне 1942 года. До сих пор место его захоронения неизвестно.

Сын Иван служил в звании старшего сержанта, был артиллеристом. Пропал без вести в феврале 1942 года.

После завершения войны сын Николая Ильича – Александр остался на службе в рядах Советской армии. Долгое время служил в Калининграде. Там и прожил все годы уйдя из жизни в конце 80-х годов XX века [2].

Дочь Пелагея Николаевна Юрчина во время Великой Отечественной войны была одной из тех, девушек, которых в свое время называли «разведчицами голубого неба». Пелагея была направлена в 29-й отдельный радиобатальон ВНОС. С декабря 1941 года по февраль 1943 года действовала Арзамасская боевая дислокация батальона в составе Горьковского бригадного района ПВО, охранявшего город Горький. 476 девушек-добровольцев из девяти районов юга области 12 – 16 апреля 1942 года были зачислены в состав 29-го ОБ (отдельного батальона) ВНОС и направлены в г. Лукоянов для обучения специальности разведчика.

Когда советская армия отбросила фашистов на запад и угроза вражеских налетов на Горький уменьшилась, батальон получил боевой приказ отправиться на фронт. 5 апреля батальон в полном составе прибыл в пункт назначения г. Курск и принял участие в боях на Курской дуге, где было развернуто 72 наблюдательных поста, которые осуществляли контроль за воздушным пространством. Массированные налеты на Курский железнодорожный узел и другие объекты начались 11 апреля. Молодые бойцы впервые пережили здесь крупный вражеский налет и убедились, что от их умения во многом зависит успех боя с самолетами врага.

В августе 1944 года батальон в составе войск первого Белорусского фронта переходит государственную границу с Польшей и до января 1945 года несет боевую службу на правом берегу Вислы в составе 5-ого корпуса ПВО. За успешное выполнение боевой задачи батальон был удостоен чести участвовать в заключительной битве за Берлин. Некоторые девушки из батальона расписались на стенах Рейхстага.

По архивным документам видно, что из части Пелагея Николаевна выбыла 19 июля 1945 года. Награждена медалью «За боевые заслуги», медалью «За взятие Берлина» и другими боевыми и почетными наградами [3].

Дальнейшая судьба отважной девушки связана с педагогической деятельностью. Она окончила Арзамасское педагогическое училище. Долгое время работала учителем начальных классов в школе для глухонемых ребят.

Пелагея Николаевна в идеале владела языком жестов и передавала свой опыт молодым учителям. Юрчина П.Н. вышла замуж за Безручкина Ивана Михайловича (он занимал партийные должност-

сти). В семье родились две красавицы дочери Валентина и Галина. Пелагея Николаевна ушла из жизни в ноябре 2006 года. Похоронена в г. Нижнем Новгороде [2].

Вот такой нам представилась история семьи Юрчина Николая Ильича, который ушел из жизни в 1971 году, пережив свою жену на 18 лет. Его последним местом упокоения стало местное кладбище родного села Дуброво.

Осенью 2024 года, благодаря публикации статьи о семье Юрчиных в сети Интернет на странице музейного объединения «Хранители славы» ВКонтакте на связь с нами вышла правнучка Ольга Зедгинидзе, проживающая в Нижнем Новгороде.

Музейное объединение Починковского сельхозтехникума ведет работу по поиску родственников, пропавших без вести и найденных поисковиками по архивным документам или в ходе проведения «Вахт Памяти». В настоящее время по спискам поисковиков, нами была установлена родственная связь 24 семей из имеющихся 65 фамилий красноармейцев, пропавших без вести в ходе Великой Отечественной войны. Некоторые из них не числились в Книге Памяти Нижегородской области. По мимо этого были установлены родственники участников советско-финской войны (горьковчане), а также найдены внуки и правнуки починковцев, погибших в концентрационных лагерях Третьего Рейха.

Так восстановлена судьба и найдены родственники Гладкова Александра Михайловича, замученного в лагере для военнопленных Шталаг VI В Ной-Верзен. Александр Гладков родился 21 ноября 1918 года в Горьковской области в с. Садовка. На фронтах Великой Отечественной оказался с первых дней. Уже в августе 1941 года пришло извещение на имя Гладкой Татьяны Сергеевны, что Александр числится пропавшим без вести. Как затем стало ясно, 27 июня Гладков Александр был взят в плен на территории Львовской области (Украина, Рава-Русская) и отправлен в лагерь для военнопленных, находящийся на территории Нижней Саксонии (Niedersachsen), где наибольшее количество военнопленных умерли от голода, недостатка одежды и тяжелых условий работы.

Постоянные побои, неимоверные издевательства и моральные унижения, смерть многих тысяч узников – вот что из себя представлял Шталаг. Выжить смогли немногие. Гладков Александр погиб в лагере 9 ноября 1941 года и был захоронен в общей могиле Гамбург-Олодорф.

В конце октября пришел неожиданный запрос от нижегородской поисковой организации «Курган» о поиске родственников А. Гладкова. Мы уже знали, кого искать. Правнучка красноармейца Мария Михайловна Зайцева работает заведующей учебной частью Починковского техникума и принимала участие в ежегодной общетехникумовской акции «Живая память» направленной на сохранение памяти об участниках Великой Отечественной войны. Благодаря этому мы сразу определили родственные связи и отправили контакты поисковикам. В настоящее время гражданка России, проживающая в Германии Ирина Шиль вышла на связь с внуками красноармейца и теперь они совместно ведут работу по увековечиванию памяти советских военнослужащих, погибших в немецком плену и похороненных в г. Хомбург.

В ноябре 2024 года была восстановлена родовая линия семьи Горховых-Макореных. Горохов Григорий Ильич родился в селе Мадаево Починковского района в 1910 году. Был призван на фронт в самом начале войны Наруксовским РВК. До войны работал в местном колхозе. Дома его ждала жена Мария Сергеевна и дочь Анастасия. Воевал в составе 919 стрелкового полка 251 стрелковой дивизии. Был отличным стрелком. Командир полка Савицкий отмечал: «Дисциплинированный, примерный. Все приказания командира выполняет быстро и точно». 27 апреля 1944 года Горохов Григорий был награжден медалью «За отвагу». Именно благодаря медали Григорий Ильич был опознан поисковым отрядом «Пошук» г. Витебска в 1991 году. В наградном листе красноармейца отмечено: «...Григорий Ильич, принимал участие в боях с немецкими оккупантами смело, стойко и мужественно защищал Родину и в боях был ранен 2 раза: в марте 1943 года и в августе 1943 года...» Сейчас налаживается контакт между родными воина и г. Витебском. Вероятно, в скором времени они смогут посетить место гибели и захоронение бойца [1, с.2].

Источники и литература

1. Бегоутова М.А. «Найдены родственники пропавших без вести»// На земле починковской. – 2025. – 22 февраля. – №14 (13144).
2. Воспоминания Ольги Зедгиридзе о своей семье. Записано 11 сентября 2024 года.
3. Юрчина Полина Николаевна // Память народа [Электронный ресурс] Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvighelovek_nagrazhdenie43624894/ (Дата обращения – 04.06.2025 г.)
4. Регистрационно-статистическая карточка №108842 от 09.03.1918 г.// Из личного архива О. Зедгинидзе

5. Юрчин Павел Николаевич // Память народа [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cdnc.pamyat-naroda.ru/memorial/SVS/003/058-0977521-1498/00000057.jpg> (Дата обращения – 04.06.2025 г.)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ АРЗАМАССКОГО РАЙОНА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ФОНДАХ МУЗЕЯ

Сапожникова Наталья Юрьевна

МБУК музей «Природа» им. С.И. Трофимова,
структурное подразделение Музейно-выставочный центр, научный сотрудник
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
магистрант 2 года обучения
Россия, Нижегородская обл. г. Арзамас; e-mail: Natka_s.u@mail.ru

Научный руководитель

Грубов Владимир Иванович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права

В статье рассматривается отражение культурной жизни в сельских населенных пунктах Арзамасского района накануне и в годы Великой Отечественной войны в материалах как местной периодики (газет «Арзамасская правда» и «Горьковская коммуна», так их фондов Музейно-выставочного центра г.о.г. Арзамас. Внимает акцентируется на работе хоровых коллективов, театра, изб-читален и библиотек, а также кружков при колхозных сельских клубах. Упоминается также о деятельности Отдела пропаганды и агитации райкома ВКП (б) и агитбригад.

Ключевые слова: культура; Великая Отечественная война; Арзамасский район; хор; театр; агитбригады; изба-читальня; художественная самодеятельность

В отечественной истории 1941 год всегда ассоциируется с началом долгой и тяжелой для всех советских людей Великой Отечественной войны. С первых дней войны кардинально изменилась жизнь в больших и малых городах, в селах и деревнях, возникла насущная необходимость перестраивать работу промышленности и сельского хозяйства. Изменилась повседневная жизнь граждан Советского Союза, их быт, а также формы и содержание культурного досуга.

В истории Арзамасского района Горьковской области накануне и в годы войны недостаточно исследованной пока проблемой является проявление культурной жизни простых жителей сельской

глубинки – деятельность хоровых, танцевальных и театральных коллективов, изб-читален и агитбригад, художественная самодеятельность в целом.

Интерес к исследованию этой стороны жизни сельского населения в указанный период обусловлен не только недостаточной разработанностью темы в научной литературе, но и осознанием того, что в исключительно трудных условиях жизни в тылу, необходимости отдавать все силы в помощь фронту, деятельность различных учреждений культуры помогала людям трудиться с полной отдачей, перевыполнять планы, поднимать производительность. Кроме того, деятельность изб-читален, районной библиотеки, сельских клубов, агитбригад обеспечивала своевременное информирование населения об изменении ситуации на фронте. Проводимые лекции и занятия в кружках давали мирным гражданам алгоритм действий на случай воздушных атак, готовили к оказанию необходимой медицинской помощи, знакомили с различными видами оружия и характером их использования. Художественная самодеятельность стала важным средством политического воспитания и мобилизации трудящихся на решение хозяйственных задач.

Цель настоящей статьи – показать отражение культурной жизни населения Арзамасского района (в границах 1935–1963 гг., когда Чернухинский район был отдельной территориальной единицей Горьковской области) накануне и в годы Великой Отечественной войны в источниках, упоминаемых далее.

Ценными источниками для изучения культурной жизни сельчан Арзамасского района в 1941–1945 гг. являются материалы периодической печати, в частности, газет «Арзамасская правда» и «Горьковская коммуна» (ныне – «Нижегородская правда»), фонды музеев, архивные документы.

В 1941 г., еще до начала войны в селах и деревнях Арзамасского района культурная жизнь развивалась преимущественно вокруг колхозов. При колхозах действовали сельские клубы, занимавшиеся устройством культурного досуга. Деятельность сельских клубов периодически получала отражение на страницах газеты «Арзамасская правда», что позволяет получить определенное представление о развитии культурной жизни на селе. Так, при сельском клубе колхоза «Мировой Октябрь» села Красное активную концертную деятельностью вел хоровой коллектив артели «Ударник», исполнявший русские народные песни. Члены хорового коллектива И.В. Хри-

пушин, Н.И. Матросов, А.И. Батанин, А. Дряхлов и др., которые исполняли и сольные номера [13, с. 2]. Среди известных солистов – исполнителей русских народных песен, романсов, арий из опер и оперетт, выступавших в самодеятельных концертах, были А. Малаховский, Т. Фомичева, З. Королева и др. [9, с. 2].

Хоровой коллектив из 20 человек действовал при артели «Инициатива». Артелью «Возрождение» села Выездное было приобретено 26 инструментов для организации оркестра. При клубе колхоза «Залог Победы» села Новоселки был организован хоровой кружок из 45 человек под руководством С.Н. Лихонина [25, с. 2].

На вечерах художественной самодеятельности часто выступал хоровой коллектив фабрики им. Буденного, руководимый Е.С. Шабуниной. Уроженка Выездного, Екатерина Степановна была работницей-стахановкой промартеля «Возрождение». Ее исполнение отличалось тонкой фразировкой и большим художественным вкусом, что в свое время отметил художественный руководитель Горьковского областного четвертого колхозного театра В. Масс [2]. По его авторитетному мнению, умению Екатерины Степановны передать все смысловые оттенки текста и музыки могли позавидовать многие эстрадные исполнительницы народных песен.

У Е.С. Шабуниной было двое детей: дочь Антонина и сын Николай. Война отразилась на судьбе каждого члена семьи. Николая призвали в армию в 1942 г., а в сентябре 1944 г. он погиб. Антонина (девич. Куличкова) в 1940–1945 гг. работала в Красносельской семилетней школе учителем русского языка, а также руководила детским хоровым коллективом, отличавшимся «слаженностью и дисциплинированностью» [12, с. 2]. Мать и дочь часто выступали вдвоем для арзамасских колхозников. Певческий союз получил название «Дуэт подружки».

В июле 1944 г. Е.С. Шабунина и Антонина были награждены почетной грамотой Отдела по делам искусств Исполкома Горьковского облсовета за отличное исполнение русской народной песни [2]. В 1944–1945 гг. они принимали участие во Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности, где были награждены почетной грамотой за творческие успехи.

С далеких военных лет до настоящего времени в фондах нашего музея сохранился сложенный двойной тетрадный листок с записями текста одной из песен, исполняемых Екатериной Степановной и Антониной:

*«Подружка моя, что глядишь не весело,
Твой герой вернулся с фронта, а ты нос повесила.
Ах, подружка добрая, он не так себя ведёт,
Орденами грудь увешал – и меня не узнаёт!
Подружка моя, я скажу по совести –*

Он тебя, как прежде любит, но молчит от гордости...» [21].

После войны Е.С. Шабунина, как и ее дочь, не оставила певческую деятельность. Женщины часто выступали на смотрах самодеятельности в Горьком.

Еще до начала Великой Отечественной войны в сельских клубах при колхозах активно развивалась театральная деятельность. Репертуар самодеятельных театров отличался разнообразием. Первым областным колхозным театром в клубе колхоза «Животновод» села Большое Туманово ставились такие спектакли, как «Коварство и любовь», «Повесть о женщине», «Скверный характер» [1, с. 2]. При колхозе им. Кирова села Водоватово функционировал драматический кружок из 18 человек. Члены кружка выступали перед тружениками колхозов «Заря» села Семеново, «Борьба» села Абрамово, «Животновод» села Большое Туманово с такими спектаклями, как «Назар Стодоля», «Свинарка», «Сердце девушки», «Женитьба» [24]. Струнный и драматический кружки действовали при клубе колхоза «Наша сила» села Каменка. Драматический кружок под руководством И.Н. Кечина, состоявший из 20 человек, ставил пьесы «Сыновья», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» [23]. Комсомольцы драматического кружка колхоза «Красная звезда» села Замятино ставили пьесы «Маруся-украинка» и «Враги» М. Горького.

С началом войны деятельность указанных театральных кружков не прекратилась. Кроме того, с гастрольным туром по Арзамасскому району путешествовал театр им. В.П. Чкалова с постановками «Сады цветут» (режиссер В. Масс) и «Шел солдат с фронта» (режиссер неизвестен) [3]. Театральная деятельность воплощалась разными способами – от постановок пьес и комедийных скетчей до литературного монтажа. Например, в 1943 г. заведующая клубом колхоза села Большое Туманово З.И. Кригер часто организовывала литературные монтажи, сюжет которых, как правило, совпадал с темой предшествовавшего ему доклада, что позволяло обеспечить наибольшее эмоциональное воздействие на зрителей. Так, например, на одном из вечеров в клубе З.И. Кригер был зачитан доклад наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова «О массовом насильственном уводе в

немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии». В докладе говорилось о зверствах гитлеровцев в отношении мирных советских граждан. После доклада был поставлен литературный монтаж «Мстите фашистским извергам», во время которого разыгрывалась сцена: на фоне гитлеровского застенка фашистский солдат направляет штык на девушек, сидящих на полу за решеткой. Девушки пишут письма любимым:

«Письмо из полна

Услышь меня за темными лесами.

Убей мучителя, предателя убей.

Письмо тебе писала я слезами,

Печалью запечатала своей».

Такая форма постановки, по сообщению завклубом, вызвала огромное эмоциональное воздействие на колхозников [11, с. 2].

В годы войны агитация населения за трудовую мобилизацию и помощь фронту стала неотъемлемой частью культуры. В основном агитационная работа велась Отделом пропаганды и агитации райкома ВКП (б), отвечавшим за проведение семинаров политпросвещения для работников села. Так, «Арзамасская правда» сообщала о лекцию под названием «Германский фашизм – злейший враг культуры», которую в сентябре 1941 г. провел для арзамасцев лектор Отдела пропаганды и агитации тов. Штэйн [4]. В той же газете сообщается об организации при райкоме партии ряда кружков – как политической направленности (по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)»), так и практического характера, соответствующего военному периоду (по изучению винтовки, ручного пулемета, гранаты, по оказанию первой помощи) [5]. Аналогичный характер носили и некоторые лекции. Так, в июне 1942 г. районный совет Осоавиахима организовал лекцию на тему «Противовоздушная оборона жилого дома», которую читал тов. Рейцман. А в августе 1942 г. лектор Каюров провел лекцию на тему «Борьба с танками врага» [6].

В 1942 г. агитационная работа, как часть культурно-просветительской работы в селах, стала складываться также вокруг изб-читален и библиотек. В основном эта агитационно-массовая работа состояла в чтении новостей от Совинформбюро и статей из центральных газет (в частности, о подвигах бойцов Красной Армии, о злодеяниях фашистов), в разъяснении постановлений партии, в выпуске боевых листовок и оформлении стенных газет.

Приоритет военной публицистики в тех условиях вполне понятен. Несмотря на это, у сельчан существовал запрос и на восприятие художественной литературы, в чем им исправно помогали колхозные агитаторы. Так, в Исуповском колхозе «Красный пахарь» агитатор Э. Мышкис читала для колхозников рассказы А.П. Чехова, рассказ М. Шолохова «Наука ненависти» [14].

«Арзамасская правда» сообщает, что для колхозников работала районная библиотека, обеспечивавшая деятельность библиотек-передвижек. Подборка литературы осуществлялась по следующим направлениям: Красная Армия; героическое прошлое русского народа; герои Отечественной войны; партизанское движение; героический труд в тылу; подготовка населения к противовоздушной обороне; социалистическое соревнование [16].

Заведующая библиотекой О. Никольская сообщала, что библиотеку районного агитпункта ежедневно посещало несколько десятков человек. Колхозники проявляли интерес не только к лекциям и беседам, но и к изучению истории ВКП (б), работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Библиотека обеспечивала трудящихся различными журналами и газетами («Большевик», «Пропагандист», «Коммунистический интернационал», «Исторический журнал», «Мировое хозяйство и мировая политика») [15].

Помимо Отдела пропаганды и агитации райкома ВКП (б), издчитален и библиотек, агитационно-массовую работу выполняли агитбригады. Их задачей было культурное развитие сельчан путем организации концертов художественной самодеятельности, тематических бесед и лекций, выпуска боевых листовок и стенгазет, разыгрывания скетчей и т.д. Так, в августе 1942 г. директором арзамасского Дома культуры тов. Казаковым была организована агитбригада из 7 человек для проведения агитационно-массовой работы в колхозах района. За один только месяц агитбригада объездила 26 колхозов, где прочитала 24 лекции («О текущем моменте», «О зверствах фашизма» и др.). В колхозе «Заря» Семеновского сельсовета агитбригада выступала со скетчами «Дурак» и «Чертово болото» [7]. В начале 1943 г. при Доме культуры была организована еще одна агитбригада, которая разъезжала по арзамасским колхозам. Из статьи в «Арзамасской правде», напечатанной в январе 1943 г., известно, что артисты посетили Каменский, Хватовский, Новоусадский, Ветошкинский, Булдаковский, Сталинский, Кожинский колхозы. Репертуар агитколлектива складывался из пьес и частушек на

производственные и военные темы, песен и танцев народов СССР [26].

Несмотря на то, что упоминаний о художественной самодеятельности в местной прессе рассматриваемого периода очень мало, это направление культурной жизни активно развивалось, в особенности в 1943–1944 гг. Для детей и взрослых при сельских клубах устраивались кружки художественной самодеятельности: певческие, драматические, танцевальные и т.д. Так, при клубе колхоза им. Куйбышева села Хватовка была организована балетная группа характерных народных плясок. Группа состояла из 20 девочек в возрасте 10–15 лет. Для колхозников балетная группа исполняла такие танцы, как «Ах, вы, сени мои сени», «Яблочко», «Гопак», «Спорт-танец» [8, с. 2].

При Красносельском, Выездновском, Хватовском, Большетумановском, Абрамовском колхозах развивалась художественная самодеятельность, периодически проводились ее районные смотры. Так, в состоявшемся 29 декабря 1943 г. районном смотре художественной самодеятельности приняли участие 22 сельсовета, 21 драматический кружок, 19 хоровых коллективов. Согласно материалам периодической печати, всего в смотре приняло участие 767 человек, из них 217 детей, 550 взрослых и 44 пожилых (от 60 лет). В первом январском номере газеты «Арзамасская правда» за 1944 г. запечатлены фамилии некоторых лучших участников смотра. Это, например, исполнительницы Тукова (Красносельский колхоз) с песней «Жигули», Лилуева (Выездновский колхоз) с песнями «Тройка» и «Далеко на сторонushке дальней», баянист Николаев (село Абрамово) с вальсом «Дунайские волны», гуслиар Жартаев с песнями «Выйду ль я на реченьку» и «Посеяли лебеду на берегу», хористка Шабунина «Ах, любовь, как ты зла!» Среди руководителей кружков отмечены фамилии Постникова, Душениной, Шигариной, Панкратовой [17, с. 2].

В начале 1944 г. многие участники самодеятельных коллективов готовились к областному смотру художественной самодеятельности, который проходил в Горьком с 20 по 25 января 1944 г. Хористы Арзамасского района по этому случаю организовали сводный хор из 120 человек – участников хоровых коллективов Выездновского, Абрамовского, Кичанзинского и Хватовского колхозов. Руководителем сводного хора был назначен тов. Анисимов. В репертуаре хора были «Гимн Советского Союза», песни «Славься, советская

наша страна», «Волжская-бурлацкая», «Вечерний звон», «Ряби-нушка», «Вдоль по улице молодчик идет». Упомянутый выше оркестр народных инструментов колхоза Выездновского сельсовета, созданный еще в начале 1941 г. под управлением тов. Левашова, готовил к исполнению в смотре песни «Меж крутых бережков» и «Посеяли лебеду на берегу». Кроме самодеятельных коллективов, к смотру готовились и сольные исполнители, такие как Тукова и Козенин (Красное), Лилуева (Выездное), баянист Клыков (Водоватово). Дуэт Е. Шабуниной и ее дочери А. Куличковой («Дуэт Подружки») готовил песню «Три сада зеленых» в сопровождении гуслей [18, с. 2].

По итогам областного смотра 2 февраля 1944 г. в газете «Горьковская коммуна» вышла статья М. Полонского, в которой автор положительно отзывался о ряде исполнителей старинных русских песен («Кудрявая рябина», «Соловей – развеселая пташка» из Арзамаского района) [20, с. 2].

В 1944–1945 гг. культурная жизнь на селе все чаще освещается на страницах местной периодической печати. Руководители кружков художественной самодеятельности, заведующие библиотеками и избами-читальнями стремятся рассказать о том, какая деятельность под их началом проводится по культурному просвещению колхозников. Так, в марте 1944 г. была напечатана статья А. Рябовой «Как работает наша изба-читальня», где заведующая делилась информацией о работе избы-читальни в селе Хватовка [22]. В апреле 1944 г. в «Арзамасской правде» вышла статья Е.В. Волковой «Наш агитколлектив», где рассказывалось о работе агитаторов в Бестужевском колхозе, о проводимых беседах и их тематике [10]. В декабре 1944 г. некая Плешакова в заметке «Наш хоровой коллектив» упоминала о том, что при фабрике им. Буденного действует хоровой коллектив из 35 человек, который по пятницам собирается на спевку и часто выступает в госпитале и фабричном клубе [19].

После объявления в декабре 1944 г. о том, что до 15 февраля 1945 г. будет проходить районный смотр художественной самодеятельности для отбора коллективов на областной смотр (он был запланирован на март 1945 г.), о подготовке к смотру стали писать работники Ирхина, В. Беляева, А. Попова, М. Бутакова и др.

Таким образом, изучение периодической печати, а также фондов Музейно-выставочного центра р.п. Выездное позволило получить некоторое представление о культурной жизни в селах Арзамасского района накануне и в годы Великой Отечественной войны,

определить тематические направления культурного обогащения, выявить певческий репертуар хоровых коллективов и сольных исполнителей, узнать о деятельности изб-читален, библиотек и агитбригад в рассматриваемый период времени.

В завершение отметим, что художественная самодеятельность и агитационно-массовая работа накануне и в период войны стали важными инструментами духовного и идеологического воспитания, которые помогали сельчанам Арзамасского района выполнять поставленные государством задачи и приближать Победу.

Источники и литература

1. Агапов В. Театр в колхозе // Арзамасская правда (далее – АП). 1941. 29 января.
2. Альбом с грамотами и почетными грамотами 1939–1960 гг. Е.С. Шабунин и А.А. Куличковой // Фонды Музейно-выставочного центра р.п. Выездное. Учетный № ЦРАР КП 307/1.
3. АП. 1941. 17 июля.
4. АП. 1941. 14 сентября.
5. АП. 1941. 3 октября.
6. АП. 1942. 23 июля.
7. Бабкин В.И. Итоги работы агитбригады // АП. 1942. 16 октября.
8. Балетная группа // АП. 1942. 8 мая.
9. Важаев К.В. Два вечера художественной самодеятельности // АП. 1941. 15 марта.
10. Волкова Е.В. Наш агитколлектив // АП. 1944. 23 апреля.
11. Кригер З.И. Художественная самодеятельность в дни войны // АП. 1943. 14 июня.
12. Малышева П. Смотр художественной самодеятельности сельских школ // АП. 1944. 12 апреля.
13. Мельников И.Н. Концерт в колхозном клубе // АП. 1941. 2 марта.
14. Мышкис Э. Агитационная работа в бригаде // АП. 1942. 5 июля.
15. Никольская О. В библиотеке районного агитпункта // АП. 1942. 23 июля.
16. Разумова В. Обязательства политпросвет работников // АП. 1942. 19 июля.
17. Пентюхова Л. Районный смотр художественной самодеятельности // АП. 1944. 1 января.
18. Пентюхова Л.М. Подготовка к областному смотру художественной самодеятельности // АП. 1944. 14 января.
19. Плешакова Наш хоровой коллектив // АП. 1944. 13 декабря.
20. Полонский М. Смотр народных дарований // Горьковская коммуна. 1944. 6 февраля.
21. Рукопись выступления «Дуэт Подружки» в исполнении Е.С. Шабунин и А.А. Куличковой на смотре в г. Горьком // Фонды Музейно-выставочного центра р.п. Выездное. Учетный № ЦРАР КП 307/13.
22. Рябова А. Как работает наша изба-читальня // АП. 1944. 1 марта.
23. Сенатская Т. Колхозная самодеятельность // АП. 1941. 13 апреля.

24. Серяков И. Работа драмкружка // АП. 1941. 4 февраля.
25. Толстой И. Организован хоровой кружок // АП. 1941. 2 февраля.
26. Фремон В. Агитколлектив Дома культуры // АП. 1943. 10 января.
27. Шутьпенкова А. Лекция на оборонную тему // АП. 1942. 5 июня.

БИБЛИОТЕКИ АРЗАМАССКОГО И ЧЕРНУХИНСКОГО РАЙОНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ)

¹*Рознова Мария Александровна,*

²*Яксыргин Леонид Михайлович*

МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система»
г.о.г. Арзамас Нижегородской области

¹заведующая Арзамасской центральной районной детской библиотекой

²заведующий организационно-методическим отделом Арзамасской центральной районной библиотеки им. И.Н. Сахарова, к.филос.н.

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsab@bk.ru

В статье на материалах публикаций районных газет «Арзамасская правда» и «За большевистские колхозы» 1941-1945 гг. рассматривается история библиотек, библиотечного дела и продвижения чтения в избах-читальнях и библиотеках Арзамасского и Чернухинского районов Горьковской области, располагавшихся в границах современного городского округа город Арзамас Нижегородской области, в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: библиотечное дело; история библиотек; продвижение чтения; Великая Отечественная война; районная печать; Арзамасский район; Чернухинский район.

В первые десятилетия советской власти общедоступные библиотеки и избы-читальни были важными площадками общественной и культурной жизни, информационными и досуговыми центрами. В первую очередь это касается сельских библиотек, которые еще со времен активного распространения земских общедоступных библиотек на селе на рубеже XIX-XX вв. изначально не мыслились исключительно как пункты книгохранения и книговыдачи. В связи с этим интересно узнать и понять, как и чем жили общедоступные библиотеки в советском тылу на примере библиотек города Арзамаса и сельских поселений в границах современного городского округа город Арзамас в годы Великой Отечественной войны, когда в условиях военного времени была полностью переустроена не только экономика, но и социокультурная сфера.

Проливают свет на жизнь библиотек и учреждений культуры в целом местная районная печать. Печатным органом Арзамасского

райкома ВКП(б), городского и районного Советов депутатов трудящихся была газета «Арзамасская правда», печатным органом Чернухинского райкома ВКП(б) и Чернухинского райсовета – газета «За большевистские колхозы» (в годы Великой Отечественной войны Чернухинский район занимал территорию северной части современного г.о.г. Арзамас). В 2010 г. в рамках проекта Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина «Районная печать Горьковской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» было опубликовано подавляющее большинство оцифрованных номеров обеих газет 1941–1945 гг. Несмотря на то, что оцифрованные номера представлены неравномерно (отсутствуют несколько десятков номеров, а по «Арзамасской правде» – всё второе полугодие за 1941 г.), это – внушительная по объему и очень ценная источниковая база по большому спектру вопросов, максимально приближающая к пониманию, как и чем жил Арзамасский край в годы войны.

В одном из довоенных номеров «Арзамасской правды» 1941 г. в характерном для 1930-х гг. духе остро критических «писем в редакцию» под громким заголовком «Культработник Ежков бездельничает» осуждается работа избы-читальни Березовского колхоза: отсутствуют настольные игры, сломан бильярдный стол, культурно-массовая работа не проводится. Авторы письма рекомендуют правлению колхоза «проявлять заботу о создании культурного досуга колхозникам» (сельские клубы и избы-читальни в довоенные годы содержались колхозами) [21]. Призывом к тому, чтобы «клубы, избы-читальни и красные уголки должны быть центром культурно-просветительской работы» завершается и обзор писем о работе сельских клубов [33]. В другой статье по материалам обзора писем рассматривается вопрос об агитационной и культурно-просветительской работе среди колхозников во время посевной, согласно которой качественная работа налажена в Хватовке, Каменке, Новоселках, но критикуется работа изб-читален в Медынцеве («Культработник тов. Лямаев мало интересуется работой избы-читальни. В читальне не проводится политинформация, мало бывает бесед на международные, антирелигиозные и другие темы») и Кузьмине Усаде («Изба-читальня зачастую бывает закрыта, в ней очень грязно, стенгазета не выходит») [32]. В небольших заметках 1944 г. критикуется работа с молодежью в Марьевке [30] и Кичанзине [12], где молодежь свободное от работы время проводит «в кельях».

С началом войны фокус внимания районной печати с описания событий местной жизни сместился к фронтовым сводкам, внешней политике, подвигу советских солдат. Большинство новостей освещалось в контексте войны: если не о самой войне, то о жизни в районе в тылу у воюющей армии в годы тяжелой и изнурительной войны, ощутимой для каждого. В связи с этим показательна статья 1942 г. заведующей Медынцевским клубом Шестаковой, рассказывающей о работе местных учреждений культуры. В числе упомянутых активностей – очевидно библиотечные мероприятия (культурно-массовая работа сельских клубов и библиотек рассматривалась как единое целое, и даже библиотекарей, в том числе и библиотекаря Медынцевской библиотеки П. Лебедеву, называли культработниками). В статье обозначена главная задача деятельности сельских учреждений культуры в тылу: «Клуб всю свою работу подчиняет интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Свою работу он проводит так, чтобы мобилизовать колхозников на самоотверженный труд, на борьбу за высокий урожай, за повышение продуктивности скота, за оказание большей помощи фронту». В числе мероприятий упоминаются читки официальных сообщений, фронтовых сводок, газеты «Правда», художественной литературы, беседы по разъяснению постановлений партии и правительства, рассказы о подвигах советских героев, международных отношениях, беседы с женами мобилизованных и допризывниками, трижды в месяц выпускается стенгазета [6].

Один из типов публикаций – новости о событиях библиотечной жизни и профессиональных практиках. В небольшой статье об Арзамасской районной библиотеке им. А.М. Горького сообщается, что библиотека обслуживает 2230 читателей, фонд составляет 20683 экземпляров, и за первые пять месяцев он пополнился еще на 183 издания [20], в другом номере – о практике книгоношей: библиотекарями совместно с читателями-активистами за 4 месяца было выдано 966 книг 84 обслуживаемым на дому читателям, среди которых – работники яслей, прачечной комтреста и пенсионеры [19]. За пять дней до начала войны было анонсировано открытие книжной и фотовыставки, приуроченные к 5-летию со дня смерти А.М. Горького, а также вечернее мероприятие, где будет представлен доклад о жизни и творчестве писателя, художественное чтение его произведений [18]. Юбилейное мероприятие, посвященное 75-летию со дня рождения А.М. Горького, с показом кинофильма по повести «Детство» анонсировалось в одном из номеров 1943 г. [14].

В статье 1942 г. «В читальном зале» приводятся статистические данные за первое полугодие: зарегистрировано 1714 читателей, выдано книг – 22894, каждый день библиотеку посещает 90-100 человек. Среди читателей – рабочие, интеллигенция, домохозяйки, учащиеся. Для читального зала библиотека выписывает 11 газет и 23 журнала, здесь же представлены выставки «Ленинские дни», «О Горьком», «О Великой Отечественной войне» [8].

В феврале 1943 г. на базе Арзамасской районной библиотеки был организован сбор книг для фондов библиотек освобожденных от немецких оккупантов территорий [7]. Такую же акцию объявил учительский институт, из библиотеки которого было передано 2000 книг, и еще 660 книг собраны студентами-агитаторами [48]. Школам был поручен сбор учебной литературы для школьных библиотек освобожденных районов. Но, как отмечает заведующий районной библиотекой Н. Шендерович, по состоянию на июль 1943 г. активно этой работой занимаются лишь три арзамасские школы [49].

В небольшой заметке газеты «За большевистские колхозы» сообщается об ученице 6 класса Лили Гореловой, передавшей в фонд Чернухинской районной библиотеки 19 книг [10].

В 1944 г. «Арзамасская правда» рассказывала, что уже в феврале в Каменской избе-читальне состоялось комсомольско-молодежное собрание, посвященное подготовке к весеннему севу [43]. В декабре того же года в Новослободском клубе механиком А.И. Повереновым были проведены 5 читок повести Б.Л. Горбатова «Непокоренные» с последующим обсуждением, посетителями которых стали 122 человека, что позволило повысить интерес к художественной литературе у колхозников и значительно увеличить число читателей библиотеки. Участники читок выразили желание организовать аналогичные мероприятия по повести В.Л. Василевской «Радуга» [3]. Громкие читки повести Б.Л. Горбатова, а также романа А.Н. Толстого «Иван Грозный» и других произведений проводились животноводом Екатериной Мартыновой в Абрамове [15].

В январе 1945 г. были анонсированы мероприятия районной и детской библиотеках Арзамаса, приуроченные к 150-летию А.С. Грибоедова: беседы о творчестве, в детской библиотеке будет представлен тематический альбом, в районной – книжная выставка, сбор книжных обзоров произведений А.С. Грибоедова и литературная конференция [37].

В обеих газетах часто освещался ход строительства дороги Горький – Арзамас – Кулебаки, где были задействованы местные

колхозы, а также культработники и библиотекари. Например, на стройку перенес свою работу и Каменский клуб. Кроме бесед, политинформации, настольных игр, кинопоказа, выпуска стенгазеты, прослушивания патефона и гармонии, проводились читки газет, художественной литературы, которыми занималась Т.И. Сенатская [4].

Особенный интерес представляют публикации о жизни отдельных библиотек, авторами которых были сами библиотекари, нередко выполнявшие функцию селькоров, освещая события не только в культурной жизни села, но и многие другие (например, трудовые будни Новоусадского колхоза «Привольная жизнь» на страницах газеты освещала заведующая избой-читальней А. Попова, в Медынцеве – библиотекарь П. Лебедева).

В статье Т.И. Сенатской «Библиотека Каменского колхоза» сообщается о пополнении фонда на сумму 350 руб., перечисляются самые активные из 630 читателей, а наибольшим спросом пользуется художественная, политическая, антирелигиозная и сельскохозяйственная литература [42]. Такую же структуру имеет опубликованная месяц спустя статья Е. Лебедевой о Большетумановской библиотеке, фонд которой составлял 3000 книг, из которых за неполный 1941 г. пополнился литературой на сумму 200 руб., перечисляются 8 наименований выписываемых журналов, имена и читательские интересы самых активных из 500 читателей [22].

В статье 1942 г. о работе Новоусадской избы-читальни указывается на то, что работа просветительских учреждений должны соответствовать требованиям военного времени, а также сообщается, что с началом полевых работ активисты избы-читальни вышли в поля, где ведут агитационную работу, знакомят с новостными сводками, читают рассказы о подвигах фронтовиков, организуют выпуск «боевых листов».

«При избе-читальне имеется библиотека», фонд которой насчитывает более 1500 книг. Ежедневно библиотеку посещает более 70 человек. Читатели приходят в обеденный перерыв и вечером, чтобы почитать газеты, журналы, послушать патефон. В библиотеке представлен рекомендательный список книг, организуются выставки «Великая Отечественная война», «Смерть немецким оккупантам», «Поможем фронту ударной работой по уборке урожая» [39].

Здесь необходимо сделать историко-терминологическое уточнение о соотношении понятий «изба-читальня» и «библиотека». Под библиотекой в первую очередь подразумевалась систематизированная коллекция книг, а под избой-читальней – место организованного

культурного досуга. Избы-читальни существовали еще в XIX веке, а в довоенные советские годы их функцию на селе стали выполнять колхозные клубы, выросшие из изб-читален. Так, в начале 1944 г. газета Чернухинского района рассказывала о смотре художественной самодеятельности, в котором принимали участие вокалисты, танцоры, артисты театрализованных Пустынской, Селёмской, Коваксинской и Чернухинской изб-читален, причем творческие коллективы последних трех были удостоены премий победителей в 1000, 500 и 300 рублей соответственно [16] (эти же три избы-читальни были отмечены в числе самых активных в подготовке к следующему смотру самодеятельности, который проходил в январе 1945 г. [44]). Всего от изб-читален и школ Чернухинского района в смотре приняли участие 70 человек из 400 участников 39 творческих коллективов Чернухинского района [26]. Следует заметить, что в самой Чернухе, тогда еще районном центре, действовали и Чернухинская районная библиотека, и Дом соцкультуры, и Чернухинская изба-читальня.

О работе Медынцевской избы-читальни в начале 1943 г. рассказывает ее заведующая П. Лебедева: «Наша изба-читальня всю свою работу проводит под лозунгом “Все для фронта, все для победы!”», ее активисты мобилизуют колхозников на повышение производительности труда, на поднятие урожайности полей, продуктивности животноводства. Автор статьи обращает внимание, что в избе-читальне светло, чисто, уютно, имеется библиотека с фондом в размере около 500 книг, справочный стол, газетная витрина, где вывешиваются «Правда» и «Горьковская коммуна», два раза в месяц выпускается стенгазета «В бой за урожай», во время полевых работ – «боевые листки». К проведению просветительских мероприятий привлекаются учителя, колхозники-стахановцы, ветфельдшер, завфермой. На мероприятиях обсуждаются новостные сводки, международные отношения и подвиги советских солдат. При избе-читальни действуют агротехнический и военный кружки, в каждом из которых занимается 35 человек. Активисты избы-читальни оказывают помощь семьям фронтовиков (в том числе материальную), пишут письма фронтовикам, читают письма с фронта, организуют сбор подарков и теплых вещей для красноармейцев, сбор средств на постройку эскадрилий боевых самолетов «Валерий Чкалов», привлекают школьников к сбору удобрений [23].

Заведующая Хватовской избы-читальни Хватовского колхоза А. Рябова в статье 1944 г. рассказывает о действующем при читальне

клубном совете из числа коммунистов и комсомольцев, а также редколлегии бригадных стенгазет, в которых состоит по 9 человек. В библиотеке ежедневно проводятся громкие читки газет и художественных произведений, завершающиеся оживленными беседами (особое впечатление на читателей произвело чтение книги В.Л. Василевской «Радуга»), проводятся лекции (например, на тему «О роли коммунистов и беспартийных большевиков в дни отечественной войны»). В стенгазетах показывается опыт стахановцев, а также «вскрываются недостатки» и «указываются пути их устранения». В качестве иллюстрации приводится история бригадира Пасухиной, не обратившейся к колхозникам за мешками для продажи хлеба государству, из-за чего была нарушена своевременность вывоза хлеба. Но после критической заметки в стенгазете удалось набрать пустых мешков для зерна даже больше, чем требовалось. В избе-читальне есть справочный стол, при котором ежедневно дежурят комсомольцы, обрабатывающие запросы колхозников, действуют агро- и зоотехнические кружки под руководством Ляпина, проводятся мероприятия ветврача Петрякова, эффективность которых подтверждается в статье некоторыми конкретными историями [41].

В начале 1942 г. в газете «За большевистские колхозы» приводится обзор работы изб-читален Чернухинского района в контексте вопроса о необходимости усиления культурно-массовой работы среди населения в условиях Великой Отечественной войны. Автор статьи ссылается на принятое в декабре 1941 г. решение исполкома Чернухинского райсовета «О работе изб-читален и красных уголков», которое «в жизнь претворяется туго». Изба-читальня на селе должна стать центром культурно-массовой работы, где «каждый гражданин должен получить ответ на все интересующие его вопросы», известия с фронтов войны, свежие газеты и журналы, тематические выставки, наглядные пособия для оборонных и других кружков. Положительно отмечается опыт работы под руководством заведующей агитпунктом Мстиславской в Мотовиловской избе-читальне, где хорошо оборудовано помещение, вывешены плакаты, лозунги, наглядные пособия, составлен план агитмассовой работы, проводятся лекции, громкие читки газет, выпускается стенгазета, а также в Ломовке под руководством политпросветработника товарища Лесник, сумевшей сделать избу-читальню центром агитационно-политической работы. Но автор статьи с досадой отмечает: «Таких положительных фактов, к сожалению, пока немного. В большинстве сельсоветов избы-читальни за последние месяцы

ослабили свою работу». В селе Судеб расхитили клубный инвентарь и библиотеку, в Меньщикове нет необходимой мебели, многие избы-читальни в Чернухинском районе даже не отапливаются, так как «председатели колхозов считают излишним завозить сюда дрова» [13].

Судя по статье А. Насоновой «Книга и читатели» 1942 г., одна из проблем Чернухинской районной библиотеки заключается в возросшем с начала войны спросе на книги и журналы в условиях недостаточного фонда, которая усугубляется тем, что многие читатели держат книги месяцами (в статье перечисляются несколько задолжников), а кроме этого, очень много книг осталось у читателей, призванных в Красную Армию, родственники которых не заботятся о сдаче книг в библиотеку [28].

Выборочный обзор работы сельских учреждений культуры приводится в 1944 г. приводится в «Арзамасской правде». Положительный опыт отмечен в работе Каменской избы-читальни под руководством А.А. Тарасовой, где «колхозники культурно и полезно проводят свободное от работы время», действуют сельскохозяйственные кружки, выпускается стенгазета о трудовых буднях колхоза, в том числе «вскрываются недостатки в работе бригад, звеньев и отдельных колхозников». Критикуется в статье работа в Пешеланском колхозе «Осоавиахим»: изба-читальня не работает, ее помещение используется не по назначению. В статье отмечается, что «колхозники имеют большое желание прочесть книгу, но не все колхозные библиотеки удовлетворяют их запросы», например, по причине скудного фонда [40].

В одном из предвоенных номеров 1941 г. целая полоса «Арзамасской правды» несколькими статьями от магазина когиза (Книготоргового объединения государственных издательств) обращается к вопросам динамики книготорговли и продвижения чтения в районе, приводятся имена самых активных покупателей, типичные диалоги при выборе книг, а также некоторые сведения по комплектованию библиотек района. Сельскохозяйственной литературой систематически пополняются колхозные библиотеки Нового Усада и Красного [35], фонд ряда городских и сельских (Красное, Кичанзино и др.) библиотек – комплектами отдельных изданий к каждой главе «Краткого курса истории ВКП(б)» [45]. И, напротив, почти не пополняют фонды библиотек Бестужевский, Ездаковский, Казаковский и Виняевский колхозы [29].

Заведующий магазином когиза В. Панышин (в 1944 г. его будет возглавлять Е. Хананова) спустя два месяца снова обращается к вопросу о комплектовании фондов сельских библиотек. В отчете по продажам литературы по отраслям отмечается, что хотя магазин когиза уже к 12 июня выполнил полугодовой план, очень мало (всего на 3,5 тыс. руб. из общей суммы реализованных книг на 117,2 тыс. руб.) приобретается сельскохозяйственных изданий, «несмотря на то, что магазин располагает очень хорошим подбором книг по всем вопросам сельского хозяйства». Автор статьи объясняет этот досадный факт слабым вниманием колхозов к закупке сельскохозяйственных изданий для своих библиотек: «Пушкарский колхоз, например, за последние 5 месяцев не купил ни одной книги. Не пополняют библиотеки Ветошкинский, Слизневский, Семеновский колхозы. А Мерлинский, Кожинский, Вацковский, Медынцевский, Панфиловский колхозы не покупали книг уже два года». В качестве положительного примера В. Панышин приводит Каменский, Красносельский и Казаковский колхозы, закупивших в первом полугодии 1941 г. на 1000, 1500 и 160 руб. Также автор сообщает, что с Семеновским, Слизневским, Веригинским и некоторыми другими колхозами магазин заключил договор на пополнение фондов библиотек, а заодно рекомендует заключить такой договор каждому колхозу, так как «ассигнования по бюджету на культурные мероприятия надо использовать по прямому их назначению», культработникам в статье рекомендуется «шире развернуть работу с книгой, передать через нее опыт передовиков сельского хозяйства» [34].

Публикации, отражающие сотрудничество арзамасского магазина когиза с библиотеками, представляют особенный интерес, так как проливают свет на организационные особенности комплектования фондов сельских библиотек. Библиотеки и избы-читальни находились в ведомстве колхозов. Независимо от того, существовал ли в районе единый центр, отвечающий за комплектование библиотек, отчасти и в необычном виде эту функцию выполнял магазин когиза, закупавший литературу в том числе для реализации ее в колхозные библиотеки. С этой целью формировались даже отдельные тематические комплекты, как это было с комплектом изданий к каждой главе «Краткого курса истории ВКП(б)». А руководство колхозов принимало решение, насколько активно будут пополняться фонды подведомственных им библиотек. О передовиках и отстающих колхозах в части пополнения библиотечных фондов руководство магазина когиза рассказывало на страницах районной газеты. О важности

этого вопроса для самих библиотек косвенно свидетельствует тот факт, что вопрос о потраченной сумме на пополнение фонда, а также, например, приобретение подобранного магазином когиза комплекта книг к каждой главе «Краткого курса истории ВКП(б)», освещался в статьях о работе библиотек.

На страницах «Арзамасской правды» освещалась и жизнь ведомственных библиотек. В одной из статей сельским библиотекам ставится в пример библиотека Дома колхозника, закупившей в магазине когиза упомянутый выше комплект литературы, дополняющий «Краткий курс истории ВКП(б)» [36]. Отдельная статья 1942 г. посвящена библиотеке районного агитпункта, содержание и структура которой близка к аналогичным публикациям о сельских библиотеках. Фонд насчитывает более 2300 книг, в первую очередь – это труды классиков марксизма-ленинизма, историческая и философская литература, порядка 300 наименований – художественная литература. Кроме этого, библиотека выписывает большое количество общественно-политических журналов: «Большевик», «Пропагандист», «Спутник агитатора», «Под знаменем марксизма», «Знамя», «Коммунистический интернационал», «Исторический журнал», «Мировое хозяйство и мировая политика» и другие.

Библиотека районного агитпункта использовалась для изучения истории ВКП(б), трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, для подготовки докладов и лекций. В статье перечисляются имена самых активных читателей, среди них – педагоги учительского института, средней школы, школы для глухонемых, домохозяйки. По телефону в библиотеку обращаются председатели сельсоветов и колхозов (чаще всего Медынцева и Казакова) с просьбой передать актуальные сообщения от Советского Информбюро. В обработке таких запросов использовались законспектированные библиотекарем радиопередачи. В библиотеке представлены выставки, рекомендательный список литературы для политпросветработников и несколько тематических альбомов: «Помощь тыла фронту», «Фашизм – злейший враг человечества», «Да здравствует единый фронт свободолюбивых народов против фашистских захватчиков», «Немецкие зверства» [31].

В статье 1944 г. «Арзамасский учительский институт в дни войны» упоминается, что в рамках активной работы сотрудников и студентов института с ранеными солдатами в госпиталь была пере-

дана библиотека из 625 книг художественной литературы, а библиотекарь Р.А. Шибалина «с материнской любовью отбирает книги для раненых больных [25]».

В номере «Арзамасской правды» от 10 мая 1945 г., большая часть которого была посвящена долгожданной Победе, была опубликована статья о библиотеке парткабинета горкома ВКП(б). Библиотеку ежедневно посещают читатели для подготовки к занятиям политкружка, вечернего университета или за новыми книгами. Здесь представлены тематические папки с подборками публикаций газет и журналов на темы: «Борьба народов оккупированных стран против фашизма», «Зверства немецких захватчиков», «Международное положение», «Материалы текущего момента», «Сатира отечественной войны», а также о событиях в других странах мира. Как и в некоторых других библиотечных публикациях перечисляются самые активные читатели и задолжники, не возвращающие книги с прошлого года [24].

Отдельное внимание «Арзамасская правда» уделяла продвижению книги и чтения. Магазином когиза велись рубрики «Книжная полка» (например, в 1944 г. был опубликован небольшой обзор доцента Ф. Александрова на книгу Н.А. Левашова «Уход за садом» [1]) и «Библиография», в которой публиковались библиографические обзоры о новых книгах по животноводству [17], изданиях серии «Военная библиотечка комсомольца» [46], оборонной литературе [47], литературе по обслуживанию тракторов и машин [38], на роман С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» [11], книгу французского журналиста Андре Симона «Я обвиняю» [27].

Одна из предвоенных публикаций 1941 г. была посвящена домашним библиотекам арзамасских коммунистов [2], другая весьма критичная статья – вопросу об интересе к художественной литературе и знанию литературы политической [5].

Одна из публикаций 1945 г. обращается к вопросу о роли комсомольских организаций в продвижении чтения и доле их участников, посещающих библиотеки и библиотечные мероприятия. В числе передовиков названы комсомольские организации двух школ при станциях Арзамас I (№6) и Арзамас II (№18), учительского института и педагогического училища, все комсомольцы которых – активные читатели библиотек и участники читательских конференций. Среди организаций, которые «не уделяют должного внимания вопросу повышения культурного уровня комсомольцев, не прививают им вкус к чтению художественной и научной литературы» – комсомольские

организации артелей «Красный Октябрь» и лесопромышленной, комсомольцы которых не пользуются библиотекой, а в вагоноремонтном пункте из 48 комсомольцев только 13 читатели библиотек. Автор статьи напоминает, что «задача комсомольских организаций – помочь молодежи ознакомиться с лучшими произведениями классиков и современной художественной литературой, с книгами по истории, географии, военному искусству» [9].

Список сокращений

АП – «Арзамасская правда»;

ЗБК – «За большевистские колхозы».

Источник и литература

1. Александров Ф. Книжная полка // АП. 1944. №52. С. 2.
2. Библиотека коммуниста / Линская // АП. 1941. №106. С. 2.
3. Болотнов В. Громкие читки книги «Непокоренные» // АП. 1945. №5. С. 2.
4. Болотнов В. Культурно-массовая работа на трассе // АП. 1941. №46. С. 2.
5. Бровкин П. Беседа секретаря обкома ВКП(б) тов. Гурьева с группой партийного актива // АП. 1941. №119. С. 2.
6. В колхозном клубе / Шестакова // АП. 1942. №25. С. 2.
7. В фонд библиотек районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков // АП. 1943. №22. С. 2.
8. В читальном зале // АП. 1942. №87. С. 2.
9. Вершинина М. Привить вкус к книге // АП. 1945. №34. С. 2.
10. Ефанова Р. В книжный фонд // ЗБК. 1943. №16. С. 1.
11. Зоров А. Книга о героизме русского народа // АП. 1941. №93. С. 3.
12. Иванова Е. В Кичанзине забыли о культурно-массовой работе // АП. 1944. №150. С. 2.
13. Изба-читальня – центр политической и культурной работы // ЗБК. 1942. №13. С. 1.
14. Извещение // АП. 1943. №30 (28 марта). С. 2.
15. Как я достигаю действенности агитации / Курилин // АП. 1945. №34. С. 2.
16. Коллективы художественной самодеятельности на сцене // ЗБК. 1944. №1. С. 2.
17. Краснов М. Библиотечка колхозного животновода // АП. 1941. №33. С. 3.
18. Кудрявцева Е. В районной библиотеке // АП. 1941. №140. С. 4.
19. Кудрявцева Е. Книгоноши районной библиотеки // АП. 1941. №112. С. 4.
20. Кудрявцева Е. Пополнение районной библиотеки // АП. 1941. №111. С. 3.
21. Культработник Ежков бездельничает / Плохов, Исаев // АП. 1941. №26. С. 3.
22. Лебедева Е. В колхозной библиотеке // АП. 1941. №111. С. 4.
23. Лебедева П. Как работает наша изба-читальня // АП. 1943. №4. С. 2.
24. Линская Е. В библиотеке // АП. 1945. №56. С. 2.
25. Листвина А. Арзамасский учительский институт в дни войны // АП. 1944. №110. С. 2.
26. Лучше руководить смотром художественной самодеятельности // ЗБК. 1943. №68. С. 2.
27. Малибашев А. «Я обвиняю» // АП. 1941. №116. С. 2.
28. Нассонова А. Книга и читатели // ЗБК. 1942. №16. С. 2.

29. Неотложная задача // АП. 1941. №93. С. 3.
30. Нет культурно-массовой работы среди молодежи // АП. 1944. №148. С. 2.
31. Никольская О. В библиотеке районного агитпункта // АП. 1942. №97.
С. 2.
32. О работе политпросветучреждений в колхозах // АП. 1941. №110. С. 2.
33. Организовать культурный досуг колхозников // АП. 1941. №34. С. 4.
34. Панышин В. Больше внимания пополнению книжных фондов // АП. 1941.
№142. С. 2.
35. Панышин В. В магазине когиза // АП. 1941. №93. С. 3.
36. Панышин В. Хороший пример // АП. 1941. №60. С. 2.
37. Петрова А. В ознаменование 150-летия со дня рождения А.С. Грибоедова
// АП. 1945. №4. С. 2.
38. Пичугин Н. Правила технического ухода за тракторами и машинами //
АП. 1941. №108. С. 3.
39. Попова А. О работе нашей избы-читальни // АП. 1942. №120. С. 1.
40. Превратить клубы, избы-читальни, красные уголки в центры политико-
массовой работы // АП. 1944. №18. С. 2.
41. Рябова А. Как работает наша изба-читальня // АП. 1944. №25. С. 2.
42. Сенатская Т. Библиотека Каменского колхоза // АП. 1941. №86. С. 4.
43. Тарасова А.А. Помогают колхозу // АП. 1944. №17. С. 2.
44. Травина Т. Подготовка к смотру художественной самодеятельности //
ЗБК. 1945. №3. С. 2.
45. Хананова Е. В помощь изучающим историю ВКП(б) // АП. 1941. №93. С.
3.
46. Храни военную тайну // АП. 1941. №75. С. 2.
47. Цунц М. Обзор оборонной литературы // АП. 1941. №87. С. 3.
48. Шатохина Е. Библиотекам освобожденных районов // АП. 1943. №40.
С. 2.
49. Шендерович Н. Надо позаботиться о сдаче книг // АП. 1943. №66. С. 2.

О РАБОТЕ БИБЛИОТЕК МАЛЫХ ГОРОДОВ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Сагателян Гарий Шагенович

Международный юридический институт

д.и.н., профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Россия, г. Москва; e-mail: garsag@yandex.ru

В статье освещается работа библиотек в российской глубинке на материалах малых городов Нижегородской (Горьковской) области в первые послевоенные годы, в том числе, по подготовке и проведению первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР, других значимых мероприятиях, различных формах работы библиотек по расширению охвата читателей, в непростой политической и идеологической атмосфере. Отмечается значительная роль библиотечной сети в повышении образовательного, культурного уровня и научно-технических знаний населения региона.

Ключевые слова: *библиотечная сеть; общественно-политические мероприятия; библиотеки-автомобили; передвижные библиотеки; цензура; распространение технических знаний; охват читателей.*

Глубокой научный анализ каждого этапа существования советского общества, осмысление его достижений и реальных противоречий является одной из насущных задач современной исторической науки.

В Советском Союзе средства массовой информации буквально ежедневно информировали население о достижениях образования и здравоохранения, о строительстве жилья, дорог, улучшении благосостояния советских людей и т. д. Книги, газеты, журналы, телевидение и радио внедрились в сознание советских людей представления о достижениях социальной системы социализма и тех преимуществах, которые она имеет по сравнению с трудящимися капиталистических стран. СССР стал самой читающей страной в мире. При этом, спутники, ракеты, полет Гагарина, создание ядерного щита, как и достижения в других сферах представлялись как результат советского образования, науки и культуры, эффективности советской промышленности и впечатляло не только население СССР, но и весь мир [5, с. 351].

Для понимания этого феномена необходимо обратиться к истокам, а именно, к тем процессам, которые происходили в стране в первые послевоенные годы. Отметим, что изучение истории этого периода советского общества невозможно без понимания тех процессов, которые способствовали подъему культурного и образовательного уровня населения. Именно тогда начался процесс, который сделал СССР самой читающей страной в мире. Перед историками стоит задача понять процессы, которые происходили в этой сфере жизни общества.

Руководство СССР придавало большое значение подъему культурного уровня населения, который был немислим без широкого приобщения к чтению книг. Ставилась задача сделать чтение неотъемлемым атрибутом образа жизни советского человека. Исходя из этого руководство ВКП(б) и советское правительство уделяло неослабное внимание развитию библиотечной сети в стране, повышению эффективности ее работы. При этом, деятельность библиотек была подчинена задачам послевоенного восстановления и укрепления экономики Советского Союза.

Целью настоящей статьи является освещение работы библиотек в российской глубинке на материалах малых городах Нижегородской (Горьковской) области и их роли в повышение культурного уровня населения региона.

Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству СССР, в том числе, всей социальной сфере. Библиотечной системе, которая только перед войной начала формироваться, был нанесен огромный урон. Именно поэтому восстановлению библиотечной сети в послевоенные годы придавалось огромное значение. Программа восстановления и развития работы библиотечной сети была намечена в постановлении Совета Министров РСФСР от 15 августа 1946 года «О мерах по укреплению районных и сельских библиотек» [4, д.2705, л. 92].

Отметим, что сеть библиотек Горьковской области в первые послевоенные годы состояла из 10 городских, 62 районных, 20 детских и 5 библиотек-автомобилей с общим книжным фондом 1123783 экземпляров [7, д.153, л.1]. На одну городскую библиотеку приходилось 5471 экземпляров, на одну детскую библиотеку – 5575 экземпляров и на районную библиотеку – 10700 экземпляров [7, д.153, л.24]. То есть, даже в Горьковской области, которая не была ареной военных действий местный библиотечный фонд был меньше, чем предусматривались нормативными документами.

Исходя из этого, правительством РСФСР была поставлена задача в течение 2-3 лет увеличить фонды районных библиотек до 10 тыс. экземпляров, детских – до 20 тыс., областных – до 100 тыс.» [1, с. 274]. В Горьковской области власти также изыскивали средства для увеличения финансирования библиотечной сети в 1948 году в 3,5 раза по сравнению с 1947 годом. Это позволило направить в библиотеки 162064 экземпляров книг, в том числе в районные библиотеки – 51700, в городские – 5384, в детские 16533» [7, д.153, л.15].

Главное внимание при этом уделялось обеспечению литературой инженерно-технических работников, которые составляли костяк читательской аудитории. Об эффективности этой работы свидетельствует рост числа читателей библиотек за январь 1946 г. на 54182 человека [7, д.153, л.25].

Одним из важных направлений деятельности библиотек региона в первые послевоенные годы было участие в избирательных кампаниях по выборам в Верховный Совет СССР 1946 года. Они стали важнейшими центрами агитационной и пропагандистской работы с избирателями.

Во всех библиотеках малых городов и поселков региона были организованы лекции «Избирательная система Советского Союза - самая демократическая система в мире» [4, д.2705, л.4]. Широко пропагандировались Конституция СССР и предвыборная речь И.В. Сталина перед избирателями.

В соответствии с указаниями обкома ВКП(б) и Горьковского облисполкома библиотеки применяли разные формы и способы массовой работы с читателями. В читальных залах были организованы тематические выставки: «Готовьтесь к выборам в Верховный Совет СССР», «т. Сталин и его ближайшие соратники», «В помощь агитатору», а также витрина-выставка «Наши кандидаты трудящихся г. Горького и области в депутаты Верховного Совета СССР», материалом для которой служили специальные листовки с портретом и биографией кандидата.

Отметим, что в первый послевоенный год приходя в библиотеку читатель оказывался среди многочисленных предвыборных плакатов. Здесь были портреты В.И. Ленина, И.В. Сталина, других руководителей партии и правительства. В городской библиотеке г. Ветлуги на огромных плакатах, как и в других городах была представлена следующая тематика: «Великий Сталин – Всенародный кандидат в депутаты Верховного Совета СССР», «10 февраля 1946 года – день выборов в Верховный Совет. Да здравствует, конституция СССР». Работники библиотеки накануне выборов рассылали открытки, напоминающие о том, что 10 февраля 1946 года состоятся выборы в Верховный Совет СССР [7, д.66, л.92].

Примечательно, что детские библиотеки региона не остались в стороне от этой важнейшей работы. В начале 1946 г. в Горьковской области функционировали 15 детских библиотек, с книжным фондом – 87527 книг и количеством читателей – 19222 человека, что составляло 50% от общего количества читателей по области [7, д.66, л.5, 83]. В ходе избирательной кампании в детской библиотеке г. Арзамаса проводились беседы со школьниками на такие темы как: «Право на образование», «Право на труд», «Сталинская конституция и устройство нашего государства». Здесь же была оформлена выставка «Страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР» с разнообразными разделами [7, д.66, л. 5]. Здесь уместно сказать и о работе школьных библиотек малых городов региона. В школах Горьковской области, как и в каждой советской школе, были свои библиотеки. Сложилась практика, когда все школьники являлись их чи-

тателями. Тогда еще не было библиотек в каждой семье и для изучения произведений школьной программы, другой литературы обращались в школьные библиотеки.

Ввиду того, что у государства не было средств на массовое строительство библиотек, с 1947 года были организованы рейсы библиотек-автомобилей для распространения литературы среди сельского населения. Первые 30 таких автомобилей, выпущенных в г. Горьком, начали функционировать в малых городах области. Они были укомплектованы технической и художественной литературой, а штат состоял из знающих специалистов. Чтобы обеспечить их литературой Государственный фонд литературы выделил 30000 экземпляров книг [7, д.60, л.24], а библиотекари прошли специальную подготовку по вопросам организации работы библиотеки-автомобилей [7, д.60, л. 11].

Маршруты следования библиотек-автомобилей составлялись совместно с районными властями. При их разработке наличие проходимых дорог и, необходимость, в первую очередь, обслуживания отдаленных населенных пунктов. Интересно, что при этом из пяти маршрутов, утвержденных облисполкомом, три имели форму окружности, а два были построены в форме восьмерки. В первом случае библиотека-автомобиль непрерывно работала в течение 12 дней, во втором – в течение 6 дней. Каждый из маршрутов предусматривал обслуживание от 22 до 26 населенных пунктов не реже одного раза в две недели. Во время первого рейса в 47 населенных пунктах в библиотеку записалось 883 человека и было выдано 1394 книги. При этом наибольшим спросом среди населения пользовалась художественная литература, затем сельскохозяйственная и общественно-политическая литература – соответственно 50,6%, 8,5% и 16,9% [3, с. 21].

Нехватка библиотек и библиотечного фонда способствовала поиску властями способов расширить круг читателей. Наряду с библиотеками-автомобилями широкое распространение получили передвижные библиотеки. Их пункты создавались библиотеками в организациях и на предприятиях, в которых работники могли приобщиться как к художественной, так и технической литературе. С течением времени выработались наиболее оптимальные методы работы передвижных пунктов библиотек.

Малые города Горьковской области накопили богатый опыт работы передвижных библиотек. Обратимся к опыту Арзамасской городской библиотеки. В 1958 году передвижной фонд, состоящий

из 4600 экземпляров книг различной направленности, увеличился в 2 раза [2]. Работники библиотеки сумели организовать работу 35 передвижек, с книжным фондом от 50 до 200 книг. Большинство крупных предприятий и организаций города были охвачены этой сетью.

Следует отметить, что работа библиотек региона в первые послевоенные годы проходила в непростых условиях. Они принимали активное участие в непрерывных идеологических и пропагандистских кампаниях. Большие неудобства в работе причиняла работа цензурных органов, практика изъятия в спецхраны большого количества литературы зарубежных и отечественных авторов. Но даже в таких условиях они искали и находили, как было отмечено выше, способы расширения круга читателей. Наряду с названными, широкое распространение получил открытый доступ к книжным фондам. Он позволил значительно поднять интерес читателей к книгам, особенно технической литературы. Здесь необходимо подчеркнуть, что крупные промышленные предприятия малых городов региона, как правило, имели технические библиотеки. В частности, таковые имелись на Арзамасском приборостроительном заводе, в ОКБ «Темп» и других предприятиях.

В условиях, когда не было телевидения, не везде было радио, а газеты не всегда были доступны, государство выделяло средства на расширение сети библиотек, пополнение их фондов. Библиотеки стали важнейшими центрами повышения культурных, образовательных и технических знаний как подрастающего поколения, так и всего населения региона.

В заключении отметим, что чтение книг как способ повышения культурного и интеллектуального уровня охватило подавляющее большинство населения не только г. Горького, но и было широко распространено в нижегородской глубинке. Это являлось главным результатом работы библиотечной сети Горьковской области в первые послевоенные годы. Тем самым были заложены основы одного из важнейших элементов советского образа жизни, сделавшей СССР самой читающей страной в мире.

Источники и литература

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. - М. Книга, 1980.
2. Арзамасская правда. // Передвижные библиотеки. 1958. 12 января.
3. Михайлов К. Библиотека - автомобиль // Библиотекарь. 1947. № 7-12.
4. Государственный архив российской Федерации. Ф. 259. Оп. 6.

5. Опыт социального развития Нижегородской области в 40-80-е годы XX века: монография / Г.Ш. Сагателян, А.Н. Апарин, И.В. Филиппчук [и др.]. Н. Новгород, 2013.

6. Сафонов М. Первый год работы библиотек-автомобилей // Библиотекарь. 1949. № 2.

7. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 5878. Оп. 1.

ОНИ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ «ПРИРОДА» ИМ. С.И. ТРОФИМОВА

¹Юрманова Ирина Сергеевна, ²Кузнецова Алевтина Фирсовна

МБУК культуры музеев «Природа» им. С.И. Трофимова,

¹заведующий отделом музея,

Россия, Нижегородская область, г.о.г. Арзамас, с. Чернуха,

e-mail: irenyurmanova@yandex.ru

²хранитель музейных предметов,

Россия, Нижегородская область, г.о.г. Арзамас, с. Чернуха,

e-mail: muzeypriroda@yandex.ru

В статье представлены факты биографии охотников, участвующих в создании зоологического музея в с. Чернухе: С.И. Трофимов, Б.А. Веселовский, С.С. Садов, М.А. Киселев, Н.И. Шишагин, А.Л. Комаров. Особый акцент сделан на боевой путь охотников в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: зоологический музей; охотники; участник Великой Отечественной войны; Чернуха; война.

Музей «Природа» им. С.И. Трофимова в Чернухе основан охотниками в 1955 году. Все они – люди неравнодушные, которые положили немало сил и средств на то, чтобы зоологический музей в селе появился и жил многие годы. Это люди разных профессий, с разным образованием. Но всех их объединяла не только охота и энтузиазм. Практически все, кто так или иначе принимал участие в создании и процветании музея, были участниками Великой Отечественной войны. В 2025 году мы отмечаем 80-летний юбилей Великой Победы. Этот год юбилейный и для музея, которому исполняется 70 лет. Поэтому важно вспомнить об охотниках не только как об основателях музея, но и как о свидетелях тех страшных лет, когда наш народ встал, как один, на защиту Родины. В статье представлены данные преимущественно из архивов МБУК музеев «Природа» им. С.И. Трофимова, семейных архивов детей и внуков охотников.

Трофимов Семен Иванович (1887 – 1979) (приложение № 13, илл. 1) на фронте не был. Но самоотверженно трудился в тылу. В Чернухе он работал заместителем начальника железнодорожной

станции Сережа. По словам самого Семена Ивановича, он никогда не стремился к руководящей должности, но, находясь на вторых ролях, приносил большую пользу людям. Так, в тяжелые годы Великой Отечественной войны Трофимов не просто беседовал с работниками, терпеливо объясняя требования военного времени, но и помогал людям практически. Жительница с. Чернухи Анна Васильевна Орлова так рассказывала о С.И. Трофимове: «Муж мой Орлов И.А. во время Великой Отечественной войны работал на станции Сережа и однажды зимой опоздал на работу. И по законам военного времени Орлову грозил суд, но Трофимов спас своего подчиненного от тюрьмы. Выступая в суде в качестве общественного защитника, Трофимов сумел своим красноречием убедить суд в невиновности Орлова, объяснив, что он вышел из дома вовремя, но опоздал на работу потому, что расчищал дорогу от д. Верижки (в суровые военные годы дорогу чистили вручную)». Так обходчик был оправдан [4, с. 11].

На фронтах Великой Отечественной войны отважно сражался **Борис Александрович Веселовский (1915 – ?) (приложение № 13, илл. 2)** – секретарь Районного охотобщества, киномеханик в сельском Доме культуры и один из первых директоров и экскурсоводов музея. Родился Борис Александрович в 1915 году в селе Вторусском Арзамасского района. 17 ноября 1941 года был призван на фронт Дзержинским РВК. В составе 1109 стрелкового полка 330 стрелковой Могилевской краснознаменной ордена Суворова дивизии прошел его боевой путь от Тулы до Бранденбурга. Сержант Веселовский неоднократно проявлял мужество и отвагу в боях. Будучи связистом, он всегда вовремя налаживал связь наших войск. За боевые заслуги был дважды награжден Медалью «За Отвагу». Неоднократно был ранен.

Из воспоминаний Б.А. Веселовского: «Я возглавлял роту связистов. Связь имела огромное значение на войне, ведь она помогала корректировать бои. Немцы старались вывести связь из строя в первую очередь. В одном из боев наша линия связи была выведена противником из строя. Отправляю двух первых связистов. Погибают. Вторые два – тоже не возвращаются с задания. И тогда я решил, что не могу больше посылать солдат на смерть. Пойду сам и один. Добрался до места, где связь была оборвана, и решил не спешить ее восстанавливать. Взобрался на вышку, которая стояла в стороне, и стал наблюдать. Вдруг увидел цель для уничтожения: аэродром, укрытый кустарником прямо перед вышкой. Со всей осторожностью установил связь и вызвал огонь на себя. Остался на

вышке, чтобы правильно направить огонь, и, конечно, попал под перекрестный обстрел. Закрыв голову рукавом шинели: боялся погيبнуть от пули своих, что было бы особенно обидно» [4, с. 27].

Комаров Анатолий Львович (1912 – 1987гг.) (приложение № 13, илл. 3) – один из создателей музея, художник, учитель труда в Чернухинской средней школе. Анатолий Львович родился 14(26) марта 1912 года в д. Петрово Шахунского района Горьковской области. за 10 дней до начала Великой Отечественной войны был принят на работу в РК ВКП (б). Комарову приходилось проводить партийную и военную мобилизацию, срочно заменять руководителей организаций и колхозов, ушедших на фронт. Ему было 29 лет, и была бронь, но сердцем он был уже на фронте. Два раза его снимали с поезда. Но на третий раз Комарову удалось попасть на фронт. 17 декабря 1941 года он прибыл в Горьковский областной военкомат и уговорил направить его в воинскую часть [1, С.10]. Его как человека, свободно владеющего немецким языком, направляют на обучение в Ленинградское военное училище, которое он блестяще окончил в 1943 году. Отправился на фронт с особым заданием: он инструктор по расположению войск противника. Надев военную немецкую форму, с рупором в руках, он на чистейшем немецком языке обращался к немцам с предложением сложить оружие. Иногда была удача: по 140 человек сдавались в плен [4, с.25]. Каждую минуту находился Комаров под прицелом, в любой момент мог быть расстрелян. Все это он понимал, но добросовестно выполнял долг перед Родиной, за что был награжден Орденом Отечественной войны II степени, двумя Медалями «За боевые заслуги» и именным оружием от маршала Жукова [4, с. 25].

При освобождении Западной Украины в один день был дважды контужен. Первая контузия была легкой. Комаров оглох, а боевой товарищ ослеп. Бой был жестокий, как вспоминал Анатолий Львович, провожать их с поля боя было некому. Сослуживцы вложили руку ослепшего бойца в ладонь Комарова, показали направление в медсанбат и таким образом товарищи шли по полю боя. Но по пути они попали под бомбежку, их засыпало землей так, что только кисть руки Комарова оказалась снаружи. Она-то и привлекла внимание одного из солдат. Комарова с товарищем спасли [4, с. 25].

Через несколько дней после Дня Победы Комаров прибыл в ГДР со специальным заданием без указания занимаемой должности и с документом об оказании ему помощи военными комендатурами. С мая 1945-го по ноябрь 1946 года он работал в городе Росток и его

округе [1, с.13]. В ноябре 1946 года он был переведён в отдел информации Управления Советской военной администрации Германии референтом по руководству профсоюзом Земли Мекленбург. Принимал участие в комиссии ЦК партии по проверке кадров Советской администрации [1, с.15]. По-разному относились немцы к русским: одни с уважением, другие – с ненавистью, третьи шли на убийство. Так товарищ Комарова, с которым оканчивали Ленинградское училище, был убит немцами. Комаров посвятил ему картину «Допрос немецкого летчика» [4, с.26].

В июне 1948 года Анатолий Львович Комаров возвратился на родину, где продолжил партийную работу в войсках до июня 1953 года. С сентября по декабрь 1957 года работал в Чернухинском исполкоме райсовета на должности заведующего отделами торговли и культуры. С 1957 по 1979 год, до выхода на пенсию по возрасту, трудился в Чернухинской средней школе учителем труда [1, с.17]. После окончания войны Комаров долгие годы вел переписку со своими однополчанами, не раз встречался с ними на местах бывших сражений.

Сергей Степанович Садов (1908 – ?) (приложение № 13, илл. 4) родился в с. Мотовилово Арзамасского района Горьковской области. Садов вырос простой в крестьянской семье, в которой было 6 человек детей: старшая сестра Анна (1901 г.р.), брат Михаил (1904 г.р.), сестры Екатерина (1912 г.р.), Анна вторая (1914 г.р.). Окончив 4 класса сельской школы, Сергей Степанович работал в своем хозяйстве на лошади (лошадь семье Садовых досталась по жребию после Гражданской войны. Сивый мерин, было ему уже лет 18). Пахал землю, сеял, снимал урожай. Зимой работал на токарном станке: делали детские коляски. Коллективизацию Садов встретил радостно и сразу поддержал ее. В 1929 году он вступил в только что организованный из 17 хозяйств колхоз «Красный Бор», работал на лошади, а потом 3 года был бригадиром. Первый мандат депутата Совета получил в 1934 году. В 1935 году Арзамасский райком ВКП(б) направляет Садова на работу в районную газету «За большевистские колхозы» в только что организованный Чернухинский район. В газете Садов проработал 4 года и был переведен на работу Управляющим Чернухинским отделением Госбанка. В дни отчетно-выборной кампании (январь 1940 г.) на общем собрании был избран председателем правления колхоза «Большевик» села Чернухи.

В августе 1941 года ушел добровольцем на фронт, с боями в составе 37 зенитной артиллерийской дивизии прошел всю Украину,

Польшу, Германию, Чехословакию и Австрию. Был командиром разведки и связи и одновременно парторгом 4 батареи [5, с.1]. В зенитных частях исполнял обязанности парторга полка и бесценно был членом партийно-дивизионной комиссии. По его инициативе в дивизии был организован сбор средств среди солдат и офицеров на покупку зенитных пушек для батареи. Всего было собрано более 300000 руб.

Из фронтового дневника С.С. Садова: «6 июня 1944 года для нас был радостный день. Капитан Жеребило из политотдела зачитал нам телеграмму тов. Сталина, присланную на имя нашего соединения: “Боевой привет и Благодарность Красной Армии”. За инициативу нашей батареи по внесению средств на постройку “Зенитной батареи”. В сумме свыше 300000 рублей. Для меня эта телеграмма особенно тем, что сбор был предложен мной».

Во фронтовых заметках Садова мало написано о его боевых заслугах перед Отечеством. Не смотря на богатый боевой путь, Садов подробно описывает только несколько боев, в которых участвовал. Вот как пишет он об участии в Львовско-Сандомирской операции: «Ночь. Ехать пришлось без света, так как через реку Висла пост не смог обнаружить противника. Весь день два катера на парамах перевозили танки и войска на небольшой плацдарм.

Солнце уже скрылось за горизонтом. На небе появились 22 Мессершмитта Vf.109. Пошли на бомбежку.

Я еще не видел такого неба. Тысячи снарядов полетели навстречу самолетам. Ничего нельзя было разглядеть, но каждый делал свое дело. Бой длился семь часов. Ночь была, как день, от висящих в воздухе ракет, от бомб и снарядов. Земля под ногами колыхалась, трудно было стоять. Река казалась огненной, луна на небе померкла, и багровые облака застилали ее.

Мы с честью выполнили боевой приказ. Массированный налет был отбит. Переправу спасли, и мы, гордые своей победой, утром форсировали Вислу.

Вот стоит подвода, на телеге лежит капитан, дважды награжденный. Поляк выносит из избы кружки: утолить жажду раненого капитана.

И я видел издалека, как поляк, поднимая раненого, поил его водой из Вислы. Я мысленно думал: мы сохранили землю, где прошло много танков, мы сохранили жизнь. И я каждому, которого везли с поля боя в близлежащее село в госпиталь, говорил: “Вот она дружба, настоящая, боевая!”

Привет тебе, Польша!» [6, с.14].

Садову неоднократно под огнем противника приходилось восстанавливать связь с командным пунктом полка. Обученные им разведчики всегда своевременно обнаруживали самолеты противника. Сергей Степанович имеет награды: медали «За боевые заслуги», «За отвагу», орден Красной Звезды.

В своем дневнике, помимо кратких боевых заметок, Садов много пишет о подвигах товарищей, восхищаясь отвагой советского воина. Являясь истинным патриотом, он с восторгом описывает пейзажи, проезжая поля с хлебом. В июне 1944 года, проезжая по Станиславской области, так описывает Садов окружающую природу:

«Мы прошли более 1000 километров с боями и всюду видели хорошие всходы хлебов. Хлеба обещался обильный урожай. Рожь начинает колоситься. Вот за тебя, наша Русская земля, идет борьба, и мы, русский народ, с гордостью тебя защищаем.

Нам нечего бояться смерти в войне. Победа близка. Это видно из международных событий. Скоро, скоро будет открыт второй фронт. Это нас еще больше закалит в борьбе за новые подвиги, за нашу свободу» [6, с.12].

13 января 1946 года, согласно Указа президиума Верховного Совета СССР, Садов был демобилизован домой. После войны около года работал заведующим клубом в селе Мотовилово и секретарем парторганизации. А потом райком пригласил его на работу инструктором райкома. Неоднократно избирался депутатом сельских советов, членом ревкомиссии райкома и председателем ревкомиссии Чернухинского райсоюза. Был делегатом районного съезда Советов Чернухинского района и партконференций. Приходилось быть участником районных и областных слетов селькоров [5, с.2].

Киселев Михаил Афанасьевич (1905 – ?) (приложение № 13, илл. 5) родился в 1905 году в деревне Винокурово Молотовской области. Воевал в звании старшего сержанта в составе второй мотострелковой бригады. Боевой путь Михаила Афанасьевича не был долгим. В ряды Красной Армии он прибыл 10 ноября 1942 года и сразу же был переброшен под Сталинград в роту автоматчиков 166 стрелкового полка в должности командира отделения. Во время наступления 5 января 1943 года был тяжело ранен в левую ногу. После лечения в госпитале вернулся в строй и воевал в составе Западного фронта 2 Гвардейской Мотострелковой бригады в должности

командира отделения разведки. 22 августа тяжело ранен в предплечье левой руки и в грудь, после чего воевать уже не смог. Был демобилизован. Получил 2 группу инвалидности и отправился трудиться в тылу.

После демобилизации Киселев работал фотографом в Чернухе. Кроме фотографии, его увлечением всегда была охота, поэтому он сразу вступил в Чернухинское райохотобщество и с энтузиазмом вместе с другими членами общества принял предложение С.И. Трофимова создать в селе зоологический музей. Под руководством Трофимова Киселев вместе с Борисом Александровичем Веселовским, Михаилом Андреевичем Буриным и другими охотниками добывал экспонаты для будущего музея [3].

Шишагин Николай Иванович (07.01.1915 – 13.12.1980г.) (приложение № 13, илл. 6) родился в селе Новые Березники Арзамасского района Горьковской области. В 1919 году был образован поселок Касаткино, сюда в числе первых строителей и жителей переселилась семья Шишагиных. Поселок находился в вековом дремучем лесу. И Шишагиным пришлось выстраивать новый дом. Имея на руках топор, пилу и мотыгу, для этого пришлось приложить немало труда. В новом доме и родились трое братьев Николай Ивановича. Всего же в семье было 6 человек детей [2, с.1].

Все четверо братьев ушли на войну, домой вернулись только Виктор и Николай. Николай Иванович закончил 7 классов школы в селе Муравьиха. Затем жил и работал в Башкирской АССР, откуда и был призван в армию в декабре 1937 года. В 1939 году закончил «Окружную школу младших военных специалистов» в Петергофе по специальности «механик авиационный» и был направлен на полуостров Ханко. Здесь и встретил войну. Н.И. Шишагин ремонтировал и готовил к боевому полету «Летающие лодки» МБР-2. В июле 1941 года наши войска оставили полуостров Ханко, и вместе с эскадрилей отец попал на остров Эзель, но вскоре наши войска были вынуждены оставить и о. Эзель.

В период войны сержанту Шишагину приходилось не только чинить самолеты, но и летать штурманом, бортстрелком, бортрадиостом. В 1942-1943 году Николай Иванович был переведен в 82-ю отдельную морскую разведывательную авиационную эскадрилью ВВС Черноморского флота в Туапсе. С 1944 года Шишагин стал чинить американские гидросамолеты «Каталина», которые поставляли союзники.

Шишагин уволился из армии в 1957 году и переехал с семьей в село Чернуху. Найти работу в селе было трудно. Но так как Шишагин был заядлым охотником, то стал работать охотоведом. Познакомился с местными охотниками и вместе с ними участвовал в создании зоологического музея. Перед уходом на пенсию работал в средней школе села Чернухи учителем труда. До самого ухода с работы Николай Иванович был хранителем музея, проводил экскурсии для учеников из других школ, студентов, приезжих [2, с.4].

В статье описаны судьбы лишь некоторых людей, благодаря которым в с. Чернухе создан и сохранен замечательный музей. Вот уже 70 лет радуется он своих посетителей увлекательными экскурсиями и музейными программами. Не перестают люди писать в «Книге отзывов» слова благодарности. Сегодня, когда с каждым годом остается все меньше живых свидетелей рождения Чернухинского музея, особенно важно сохранить память о его создателях.

Источники и литература

1. Агафонова Н.К. Через годы // Издательские решения. 2024
2. Из воспоминаний дочери Н.И. Шишагина Н.Н. Сорокиной // Хранится в личном архиве И.С. Юрмановой.
3. Из воспоминаний сына М.А. Киселева В.М. Киселева // Хранится в личном архиве И.С. Юрмановой.
4. Маркевич А.М. История Чернухинского музея (рукопись, 1999г.) // Хранится в МБУК музей «Природа» им. С.И. Трофимова.
5. Садов С.С. Автобиография (рукопись) // Хранится в МБУК музей «Природа» им. С.И. Трофимова.
6. Садов С.С. Путевые заметки фронтовика (рукопись) // Хранится в личном архиве И.С. Юрмановой.

Благодарности

Выражаем благодарность Нине Николаевне Сорокиной, дочери Н.И. Шишагина за предоставленный материал по биографии отца и внукам М.А. Киселева Дмитрию Викторовичу и Роману Викторовичу за предоставленный фотоматериал из архива деда.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ МОЗАИКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА АРЗАМАСА

Макарова Людмила Евгеньевна

Арзамасский историко-художественный музей, научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: milamakarova@bk.ru

Статья посвящена изучению монументального мозаичного искусства Арзамаса советского периода, отражающего важные исторические события и культурные особенности региона, необходимости сохранения и популяризации культурного наследия для будущих поколений.

Ключевые слова: монументальное мозаичное искусство; мозаичные панно; арзамасские мозаики; объекты монументально-декоративного искусства; реставрация.

Монументальное мозаичное искусство представляет собой уникальную и значимую часть культурного наследия многих городов, и Арзамас не является исключением. Мозаичные панно не только украшают его общественные пространства и здания, но и служат важными символами исторической и культурной идентичности. Изучение памятников монументального мозаичного искусства, расположенных в Арзамасе, позволяет глубже понять его исторические корни, художественные особенности и культурное значение, а также выявить проблемы, связанные с его сохранением. Особенно актуальным это представляется на современном этапе, когда за последние десятилетия многие произведения искусства, созданные в рамках монументальной мозаики, подвергались разрушению или частичному повреждению. Это поставило под угрозу не только их физическое существование, но и культурные и исторические связи, которые они символизируют.

В 70-е годы прошлого века в Горьковской области наблюдался своеобразный бум использования элементов монументального мозаичного искусства в декоративном оформлении зданий и общественных пространств. Массовая типовая застройка новых микрорайонов определила потребность в декоративном оформлении многочисленных учреждений культуры, социальных объектов и жилых домов. Монументалисты создавали для украшения зданий яркие многоцветные композиции, а также однотонные работы, если того требовал художественный замысел. Это время соответствует общему тренду, характерному для советского общества, когда массовая культура и искусство начинают тесно переплетаться с идеологией.

Сейчас мозаичные панно в городе и области находятся в разной степени сохранности: одни безвозвратно утеряны, другие – закрыты утеплителями, некоторые работы имеют от маленького до среднего процент повреждений.

В сентябре 2023 года при министерстве культуры Нижегородской области был создан экспертный совет по художественной экспертизе произведений монументально-декоративного искусства советского периода, находящихся на территории региона. В его состав вошли представители музейного сообщества, Союза художников и Союза архитекторов, Академии художеств России и профильных министерств и ведомств и другие эксперты, в том числе практики.

Задача совета – изучить произведения нашего региона, чтобы понять их состояние, ценность и определить возможные варианты их дальнейшего сохранения [2].

В ноябре 2023 года в рамках регионального пилотного механизма по сохранению объектов монументально-декоративного искусства советского периода был впервые создан реестр объектов, расположенных на территории региона, он содержит информацию о 128 объектах, созданных в 1952–1989 годах.

Создание реестра преследовало цель не только описать все произведения, но и определить приоритеты в отношении тех объектов, которые нуждаются в сохранении и восстановлении в первую очередь. Ознакомиться с полным реестром объектов монументально-декоративного искусства, находящихся на территории Нижегородской области, можно на сайте министерства культуры региона <https://minkult.nobl.ru/documents/other/152965/>.

В реестр, в числе прочих, вошли и два объекта из Арзамаса: мозаика «400 лет Арзамасу», расположенная на здании Арзамасского техникума строительства и предпринимательства (ул. Мира, д. 1), и мозаика с элементами рельефа «Связь», размещённая на здании Почты России (проспект Ленина, д. 164). Согласно представленной в реестре информации, более ранней является «Связь», созданная в 1970 году. Мозаика «400 лет Арзамасу» появилась в 1978 году [1].

Мозаика «Связь» является одним из первых значимых мозаичных объектов и отличается яркими цветовыми решениями и аллегорическим изображением связи между людьми и обществом, отражая дух времени и идеалы социалистического строя. Оригинальность работы ансамбль «400 лет Арзамасу» авторов Д. Арсенина и Л. Воскресенской заключается в сложной композиции, которая воссоздает исторический и культурный контекст города, представленного через различные сцены из его жизни и развития.

Арзамас, как и другие города с насыщенной историей, стал частью широкого контекста советской культурной идентичности, его памятники мозаичного искусства, безусловно, призваны были выполнять ключевую роль в формировании общего смыслового пространства.

Одна из значительных черт мозаичного искусства в Арзамасе – это его доступность и интеграция в повседневную жизнь горожан. Мозаики в основном расположены на общественных зданиях, что делает их не просто объектами искусства, но и частью городской ин-

фраструктуры. Это позволяет жителям и туристам взаимодействовать с ними на уровне, выходящем за рамки традиционных выставочных пространств.

Сюжет огромной мозаики «400 лет Арзамасу» включает множество многофигурных сцен, каждая из которых символизирует значимое историческое событие города. Известны все художники, работавшие над мозаикой в 1978 году: авторы: Дмитрий Арсенин, Лидия Воскресенская, исполнители: Иван Еськов, А. Есиев, Е.Сапожников, Лев Шаболдин [3].

Интересно, что имена всех художников можно увидеть на самой мозаике, чем подчеркиваются коллективный труд и ответственность за создание этого культурного объекта. К слову, команда мозаичистов создала монументальную картину на бетонной стене здания из более трехсот тысяч цветных плиток.

Также стоит отметить, что мозаика «400 лет Арзамасу» не только имеет визуальную привлекательность, но и символизирует историческую значимость города, основанного в далеком XVI столетии. В контексте советского монументального искусства эта мозаика служит образцом того, как художественное выражение может стать частью социального контекста и культурной памяти.

В целом стиль, в котором выполнены арзамасские мозаики советского периода, отличается лаконичностью и строгостью. Однако такие качества отнюдь не умаляют их художественную ценность, а даже наоборот – простота форм и цветов позволяет мозаикам органично вписываться в городскую ткань, придавая ей характер и индивидуальность.

В последние годы Арзамас стал местом приложения активных усилий по реставрации и сохранению культурного наследия. Беспокойство о состоянии и сохранении таких произведений искусства, как мозаика «400 лет Арзамасу», показывает понимание ценности культурного наследия и необходимость реставрации, которую принимают не только местные власти, но и частные организации.

Мозаики, ставшие неотъемлемой частью архитектурного облика нашего города, требуют особого подхода в процессе восстановления, учитывающего как историческую, так и художественную ценность произведений. Одним из успешных проектов реставрации стала работа над мозаикой, расположенной на стеле «Борцам за Советскую власть» у Вечного огня в центральной части города. За 56 лет своего существования эта композиция претерпела значительные качественные изменения из-за воздействия внешней среды,

и решение о ее восстановлении принималось с учетом возможностей максимального восстановления утраченного и реставрации сохранившегося художественного облика.

Проект восстановления мозаичного панно, установленного на центральной стеле, включал детальное изучение существующих фрагментов, которые были подвергнуты поражению временем. Мастера провели анализ типичных характеристик мозаики, включая цветовые решения и техники укладки, чтобы воссоздать недостающие элементы максимально близко к оригиналу. Такой детальный подход позволил достичь высокого результата и вернул произведению его прежнюю значимость.

Важной частью процесса реставрации стало привлечение местных художников и специалистов, которые не только обладают необходимыми знаниями, но и понимают культурные потребности жителей города. Кроме этого, участие местных мастеров обеспечило практическую коммуникацию специалистов, обмен опытом и техническими навыками, что создало некую базу для развития реставрационной деятельности на местах.

Мозаичное искусство необходимо включить в число приоритетных направлений культурного развития Арзамаса, защита и восстановление мозаичных шедевров должно стать неотъемлемой частью масштабного проекта по обновлению культурного облика Арзамаса, который станет ярким показателем уважительного отношения жителей к своей истории и их стремления передать её будущим поколениям.

В силу вышеизложенного тезиса, сохранение культурного наследия становится задачей не только муниципальных властей, но и общественности. На сегодняшний день уже существует множество инициатив и проектов, призванных собрать информацию о состоянии монументального искусства, выявить объекты, требующие реставрации, и подчеркнуть их значение для истории и будущего Арзамаса. Параллельно с сохранением действующих памятников, идет работа по созданию интерактивных карт и путеводителей, которые смогут привлечь внимание к культурному наследию города и дополнить элементы его присутствия на культурной карте России. Так, некоторые арзамасские мозаики можно найти на портале «Монументальное.рф» – интерактивной онлайн-карте, которая была создана при грантовой поддержке Президентского фонда культурных инициатив в рамках реализации проекта «Советское монументально-декоративное искусство Нижегородской области – онлайн-гид».

Подводя итоги анализа ситуации с сохранением советского монументально-декоративного искусства в Арзамасе, можно с некоторым оптимизмом отметить перспективность развития этого направления. Несмотря на внушительный масштаб стоящих задач, у мозаичного художественного наследия города есть все шансы обрести новую жизнь и стать узнаваемыми. Продвижение ценности этих произведений искусства может превратить их в визитную карточку региона, обеспечив тем самым их сохранение для будущих поколений.

Также надеемся, что результаты нашего небольшого исследования, направленного на выявление перспектив сохранения культурного наследия Арзамаса, включая возможные инициативы по популяризации мозаичного искусства среди местного населения и туристов, вдохновят жителей и гостей города на более глубокое изучение и сохранение уникального культурного наследия Арзамаса, а также помогут привлечь внимание к важности реставрации и сохранения монументального искусства как неотъемлемой части нашей истории и культуры.

Источники и литература

1. Пестрая мозаика // Серафимова Земля [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://серафим.рф/articles/obzor-monumentalno-dekorativnogo-iskusstva-arzamasa-sovetskogo-perioda?ysclid=m60hsy7x49578071037>

2. Мозаику на центральной стеле Вечного огня восстановят в Арзамасе [Электронный ресурс] Режим доступа: https://nta-pfo.ru/news/society/2024/news_695916/

3. Наследие прошлого [Электронный ресурс] Режим доступа: https://vk.com/wall-183898534_5624

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ДЕРЕВНИ КНЯЗЁВКА АРЗАМАССКОГО РАЙОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

¹Исусова Ольга Викторовна

²Лабзина Татьяна Викторовна

¹МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Арзамаса Нижегородской области, заведующий методико-библиографическим сектором

Центральной детской библиотеки им. А. П. Гайдара

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас

e-mail: biblio.gaid@yandex.ru; isusowa.o@yandex.ru

²Независимый исследователь,

Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: labzina.tatiana@yandex.ru

В статье рассказывается о традиционных народных праздниках и обрядах жителей д. Князёвки Нижегородской области в 60-х - нач. 90-х гг. XX века.

Ключевые слова: Князёвка; праздник; православные обряды; традиция; старообрядцы; Роща; Городилы; Семик; сватовство.

В современном мире существует немало примеров тому, как возрождаются старинные, часто забытые праздники. Сохранение и популяризация их, безусловно, необходимы, так как значительное число народных празднований и традиций осталось в прошлом. Незыблемое сохранение обрядов досоветского периода пошатнулось с приходом советской власти, обрядность претерпела значительные изменения, но тем не менее сохранилась в позднем советском периоде. В настоящее время современное общество утрачивает не только обряды, праздники, но и воспоминания о них. Поколение людей, которое помнит традиции 60-80-х гг. XX века, безвозвратно уходит, а с ними исчезают и традиции наших предков. Их вытесняют цифровые технологии и возможности, которые не могут заменить физических действий, сопровождающих обрядность. Проведение обширных массовых мероприятий в городах с привлечением большого количества коллективов, волонтеров, общественных организаций, конечно, содействует укреплению и сохранению некоторых традиций, но, к сожалению, никак не способствует возрождению местных праздников, проводимых ранее по инициативе и силами самих жителей небольших населённых пунктов.

Большая их часть проводилась в деревнях летом. Отсчёт дней, как правило, опирался на православные праздники и посты. Одним из наиболее значимых праздников среди населения Князёвки и близлежащих населённых пунктов являлась «Роща». Она отмечалась в тех деревнях и посёлках, где не было православных храмов. В Князёвке празднование приходилось на первое воскресенье после Троицы, накануне Петрова поста. В соседней Чуварлейке «Рошу» отмечали в день Николы Летнего – 22 мая, в Бебееве – в день Святой Троицы. Примечательно, что жители сёл и деревень принимали активное участие в праздниках соседних населённых пунктов, на них приезжало большое количество людей из Арзамаса, особенно тех, кто родился и вырос в этих селах, а также те, у кого там проживали родители, друзья и родственники. Таким образом поддерживались родственные связи. «Роще» придавалась большая важность и торжественность: все девушки обязательно шили новые платья, было принято наряжаться. Мероприятие проходило на окраине деревни, в низине, на лугах близ р. Тёши, в овраге, именуемом местным населе-

нием Кочкарь (название обусловлено наличием большого количества огромных, поросших травой кочек, оставшихся от спиленных в 20-х гг. сосен, которые местные жители использовали для постройки своих домов) [1, с. 119]. Начиналось празднование с утра, было очень много музыки и танцев, местные жители приходили со своими музыкальными инструментами (в основном, гармониями), для детей устраивались многочисленные игры, из Арзамаса приезжали торговые лавки с различными товарами, создавали небольшую ярмарку, особенной популярностью у всех жителей пользовалось мороженое и лимонад. С собой приносили сумки со снедью и обязательно одеяла, на которых сидели на траве. На лугах устраивались кулачные бои и поединки. Двое борцов схватывались руками друг за друга и ударами ног пытались уложить соперника на пол, зрители замыкали круг вокруг них, постепенно сужали его, чтобы у борцов оставалось меньше места. Побеждал тот, кто опрокидывал противника на землю. Боролись и «деревня на деревню». Победитель пользовался большим уважением односельчан и весь год считался сильнейшим. Со слов местной жительницы Шишковой В.И. (1933 г.р.), чаще всего победителем становился Лабзин Александр Иванович (ок.1930 г.р.), он отличался особой силой и ловкостью. Гуляния продолжались до самого утра, молодёжь ходила вдоль реки, купались, танцевали и пели. Местные жители отмечают, что были очень популярны песни и частушки:

*И пить буду, и гулять буду,
А смерть придёт – помирать буду!..
А смерть пришла – не застала дома,
А застала в кабаке за бутылкой рома!..*

Вот пример местной частушки:

*Огурцы да помидоры, помидоры, яйца...
Яйцы, яйца, чуварлейски зайцы!*

Девушки и женщины сбивались в кружок с приплясом и пели частушки под гармошку, иногда высказывая друг другу то, что нельзя было сказать словами, соперничая из-за женихов, часто экспромтом:

*Я любила, ты отбила, так люби облюбочки!
Так целуй после меня целованы губочки!*

За несколько дней до «Рощи», в следующий после Троицы четверг, отмечался «Семик». В этот день незамужние девушки ходили на луга возле Тёши и собирали цветы. Потом плели из них венки и

опускали в реку. В какую сторону венки поплывёт, туда и выйдет девушка замуж. Затем шли к кому-нибудь в дом и угощались блюдами из яиц, за столом говорили: «Семик, Семик на Троицу, сидит девица в горнице. Сидит и улыбается, кого-то дожидается!» Это называли между собой «семикать».

Сразу после «Роши», то есть в понедельник, отмечались «Ярилы», когда местные жители обливали друг друга водой, в этот день никто не оставался сухим, нельзя было пройти по деревне, чтобы не намочили.

Ещё один примечательный праздник, который проходил летом в Князёвке – «Городилы». Отмечался накануне Петрова дня, то есть 11 июля. В ближайших населённых пунктах «Городил» не было, а в Князёвке он считался обязательным. Местные жители ночью тайком разбирали друг у друга поленицы, выносили на дорогу брёвна, вывозили в Кочкарь телеги, перегораживали дороги, выезды со дворов. Накануне местные жители как можно дольше, до поздней ночи, не расходились, сидели на улице. Принято было ночью не спать, караулить свои дворы, чтобы не растащили деревянные предметы. В то же время старались вынести все у соседей. Утром никто не сознавался, кто и у кого перегородил двор, было много казусов, смешных ситуаций и даже конфликтов на этой почве. Конечно, особую активность проявляла молодёжь. Так в деревне поддерживались добрососедские отношения. Местные жители вспоминают об этих праздниках с большой любовью. Стоит отметить, что у большинства домов дворы вплоть до 80-х гг. XX в. были открытыми, редко у кого был огорожен палисадник.

Сохранялись в деревне и православные традиции, несмотря на богоборческие кампании, проводимые по всей стране. Со слов местных жителей Шишковой В. И. (1933г.р.), Спицыной Т.И. (1951г.р.) с 1930-х гг. не чинилось препятствий для празднования Пасхи. Поскольку, по словам старожил, Церковь Рождества Христова в с. Кожино была закрыта и частично разрушена в 1937 г. [2, с. 136], местные жители посещали ночное богослужение в Воскресенском Соборе г. Арзамаса, возвращались оттуда ночью пешком, преодолевая немалое расстояние (около 15 километров), и сразу шли на могилы близких, чтобы положить там освящённые яйца. Данный обряд посещения кладбища в Воскресение Христово существовал на протяжении нескольких десятилетий. Сегодня от этого обычая многие отходят и посещают умерших на Радоницу, во вторник, на 10-й день после Пасхи. Отмечено, что в 2020 г., когда был введён карантин и

посещения кладбищ были запрещены, местные жители игнорировали распоряжения властей и посещали закрытое на замок кладбище различными способами.

Из других православных обычаев в деревне сохранился обряд отпевания. До закрытия храма в с. Кожино, прихожанами которого были жители Князёвки, в нем существовал церковный хор, состоящий минимум из шести певчих. На сегодняшний день известны имена Лабзиной Натальи Петровны (она была старшей в хоре, у неё хранился крест для похоронного шествия), Гущиной Антонины Васильевны (ок. 1933 г.р.), Шишковой Валентины Ивановны (1933 г.р.), Гущиной Антонины (ок. 1916 г.р.), Гущиной Марии (ок. 1916 г.р.), Барнауловой Марии Степановны (ок. 1916 г.р.), Кононович (Федотовой) Анны (ок. 1911 г.р.), Горелышевой Лидии (ок. 1930 г.р.), Никаноровой Натальи. После закрытия храма отпевание проводилось дома, певчие и отпевали, и оставались на ночь, чтобы читать Псалтырь. Поминальные обеды проводились дома, на 3-й, 9-й и 40-й дни. Обеды были очень насыщенными даже во времена дефицита продуктов, строго соблюдались состав и порядок подачи блюд. Готовили самостоятельно, помогали соседи и родственники. На такие обеды, как правило, приглашалось большое количество людей, практически все жители деревни. Обед предполагал наличие обязательных блюд и строгую последовательность, обязательными были освящённая кутья, овсяный кисель с сытой и блины с мёдом. Кутья делалась из риса и изюма. Сыта – кипяченая вода, разведённая с мёдом. Из воспоминаний Спицыной Т. И. (1951 г.р.): «Сначала певчие пели панихиду и пели перед каждым блюдом. После киселя пелась последняя молитва и благодарственная». Холодных закусок не подавалось, были только горячие блюда. На стол ставился квас в банках или бидонах, ели из общих чашек, индивидуальных тарелок не было. Сначала подавали кутью, затем блины, пропитанные мёдом, испеченные в печке. Они пеклись на шестке и только с одной стороны, другая пропекалась от жара в печке. Затем шла окрошка, щи, каши – сначала пшенная, потом гречневая. По словам старожилов во времена дефицита гречи готовили рисовую. Каши обильно проливались растопленным сливочным маслом, были очень вкусны. В посты подавали горох и щи грибные. В конце обеда – компот и булочки. Завершали трапезу овсяным киселём с сытой. Для покойного обязательно ставили рюмку водки и поверх нее клали кусок хлеба.

В настоящее время для организации похорон привлекают ритуальные службы, покойников в домах не оставляют, обряд отпевания проводится в действующем храме, поминки – в кафе, Псалтырь продолжают читать дома. Порядок подачи блюд сохранен, но исчезли такие блюда, как сыта и овсяный кисель.

Православные традиции в советские годы поддерживали все старожилы. Были в деревне и старообрядцы. В храм они не ходили, собирались в домах и там молились. По словам Шишковой В.И., работавшей в советский период бухгалтером в колхозе, им приходилось терпеть различные притеснения. Например, им не давали земельных участков, и они могли пользоваться только той землёй, что была около дома, поэтому приходилось заниматься собирательством ягод и грибов в лесу. Со слов местных жителей, никто так хорошо не знал лес, как они. Старообрядцы, отказавшись от паспортов, не получали пенсий и их не брали работать ни в колхоз, ни в другие учреждения. Жили они уединенно, общаясь только в своём кругу. Хоронили их на общем кладбище, но у них были особые могильные кресты с крышей в форме избушки, так называемые «голубцы», которые можно встретить и сейчас. Опираясь на воспоминания старожилов, можно заключить, что кладбище в деревне образовалось в 1920–1922 гг. До этого хоронили в с. Кожино. Поддерживая традиции православных христиан, 2 декабря 2023 года в Князёвке благочинный Арзамасского районного благочиния Нижегородской епархии епископ Дальнеконстантиновский Филарет освятил Поклонный Крест.

Интересны и свадебные традиции, соблюдаемые местными жителями в 60-80-е гг. XX века. Обязательным условием, предшествовавшим свадьбе, было сватовство. Родственники жениха приходили в дом к невесте и договаривались о предстоящей свадьбе. Это называлось «рядить», то есть договариваться. Обязательно обговаривали одежду жениха и невесты, ее приданое, будущие родственники договаривались о распределении расходов на торжество и пр. За приданым часто приходилось ездить в Москву, потому что в местных магазинах не было товаров. Ездили также в посёлок Сатис Дивеевского района, где снабжение было лучше, чем в Арзамасе. Гостей на свадьбу было принято приглашать лично, жених и невеста приходили или приезжали ко всем, кто был в числе приглашённых. Первый день свадьбы проводили в доме жениха, второй – в доме невесты. Дома в деревне строили с большим залом – проходной комнатой, в которой организовывались «пошлины» – так называли все меропри-

ятия с большим количеством гостей, проводимые в доме. Это сватовство, свадьбы, проводы в армию, поминальные обеды и т.д. Накануне свадьбы невеста была дома, а ее подружки приходили в дом будущей свекрови, обустраивали место, где будут жить молодые. Процесс переноса приданого в дом жениха называли «идти с подушками». В деревне этот обычай сохранялся вплоть до конца 90-х гг. Несли приданое подружки невесты, жених должен был его выкупить, ему помогали «дружки». Было принято торговаться, например, по копейке за цветочек на занавесках, по рублику за подушку и т.д., все деньги забирали подружки. Затем они развешивали занавески, застилали кровать, раскладывали бельё, полотенца и т.д. После выкупа приданого было небольшое застолье, после которого все расходились по домам. Приходили соседи, родственники, рассматривали приданое, поэтому вся деревня знала, у кого какое приданое. На следующий день молодые регистрировались в сельсовете, многие после регистрации посещали Вечный Огонь в Арзамасе, возлагали цветы и приезжали в дом, где проводили первый день свадьбы. Новобрачных ждали гости, родители встречали их с иконой, благословляли и подавали каравай. На свадебные столы готовили две горячих закуски – тушеные картофель и капусту с мясом, салаты, нарезки сыров и колбас, на второй день ставились покупные торты, чай, пеклись блины, высокой стопкой складывались на блюдо и подавались молодым. Новоиспечённый муж должен был с одного удара проткнуть насквозь ножом центр стопки блинов, затем их раздавали гостям. На второй день обязательно присутствовали ряженые, молодые прятались, их находили и охаживали вениками на счастье. Свадьбу вели дружки или кто-то из родственников, проводили большое количество конкурсов. На свадьбы обязательно приходили практически все жители деревни для того, чтобы посмотреть, как организовано торжество, им разрешалось заходить в дом, угощаться, заглядывать в окна. В настоящее время не принято проводить свадьбы в домах, жених уже не выкупает невесту, сватовство тоже остались в прошлом.

Таким образом, можно заключить, что сегодня большая часть праздников утеряна («Роща», «Городилы», «Семика», «Ярилы»), православные обряды претерпевают изменения и адаптируются под условия современной жизни, свадебные обычаи остаются в недалеком прошлом. Тем самым ослабевают и утрачиваются родственные связи, теряется культура соседства, разрушается связь поколений. Такие деструктивные изменения не могут не отразиться на общем уровне культуры населения. В быстро меняющихся условиях жизни

очень важно говорить об этих традициях, передавать знания о них детям, чтобы сохранить национальную идентичность и уникальный культурный опыт. Необходимость и возможность возрождения местных празднований и обычаев должны стать важным и приоритетным направлением современной культуры.

Источники и литература

1. Деревня Князевка // Край мой Арзамасский: устная история сельских поселений / сост. и отв. ред. И. М. Промахина. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – С. 119. – (Крестыанская летопись нижегородской земли).

2. Исусова О. В. Церковь Рождества Христова села Кожино // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников II Региональной научно-практической конференции, 11 февраля 2021 г. [Вып. 2] / отв. ред. В. И. Грубов; науч. ред. А. А. Исаков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021 – 362 с.

Благодарности

Авторы благодарят местных жителей Т.И. Спицыну, А.И. Амелина, Г.И. Лазину, Л.А. Желтову, В.И. Шишкову за воспоминания и предоставленные материалы.

ИНОКУЛЬТУРНЫЙ ГАБИТУС В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Глухова Татьяна Ивановна

Нижегородский институт Международного инновационного университета,
к.философ.н., доцент

Россия, Нижегородская обл., г.Нижний Новгород;

e-mail: tatiana-gluhova@yandex.ru

«Инокультурный габитус» – понятие многогранное, но сущность его состоит в том, что оно помогает определить свойства, по которым различаются культуры. Международное сотрудничество является важной частью межкультурных контактов. Во время взаимодействия людей признаки различий в культурах проявляются более активно и требуют от них создания каких-то форм своей объективации. Сделать проявления инокультурного габитуса объективными можно через различные виды и формы сотрудничества и изменения в пространстве. В статье рассматриваются некоторые формы участия Нижнего Новгорода в международном сотрудничестве, в процессе чего происходит видимое изменение его городской среды и образа жизни той части населения, которая готова воспринять новые явления культуры и включить их в свою жизнедеятельность. Эти изменения в городской среде происходят и естественным образом, и по инициативе городской администрации.

Ключевые слова: международное сотрудничество; инокультурный габитус; культурный контакт; культурный комплекс; диффузия культуры.

Предпосылкой активного изменения образа жизни людей и городской среды Нижнего Новгорода стала «перестройка». Ему даже вернули его историческое название/имя (ранее, с 1932 по 1990 гг. – г. Горький) [4]. В перестроечный период произошёл распад СССР, что вызвало взрыв этно-национализма и на территории Российской Федерации. Положительным итогом этого драматического периода в жизни огромной страны стало внимание к вопросам международного сотрудничества и межкультурного взаимодействия. До «перестройки» Нижний Новгород был «закрытым» городом. А после «перестройки» он стал доступен не только для проявления множества этно-национальных интересов различных групп населения на своей территории, но и для международного сотрудничества. Он стал «открытым» городом.

Международное сотрудничество было связано с необходимостью налаживания работы промышленных предприятий в новых условиях рыночной экономики, с изменением потребительского спроса населения, с новыми сложными процессами в социальной и культурной жизни города.

Важной формой международного сотрудничества стало установление побратимских отношений Нижнего Новгорода с зарубежными городами в разных странах. Сейчас таких городов-побратимов у Нижнего Новгорода 21: Эссен (Федеративная Республика Германия, 1991 г.), Филадельфия (США, 1992 г., Линц (Австрия, 1993 г.), Цзинань (Китай, 1994 г.), Тампере (Финляндия, 1995 г., Харьков (Украина, 2001 г.), Матансас (Куба, 2004 г.), Сувон (Южная Корея, 2005 г.), Нови-Сад (Сербия, 2006 г.), Минск (Беларусь, 2007 г.), Сан-Бой-де-Льобрегат (Испания, 2009 г.), Сухум (Абхазия, 2011 г.), Дьер (Венгрия, 2013 г.), Бельцы (Молдова, 2016 г.), Добрич (Болгария, 2017 г.), Ираклион (Греция, 2018 г.), Хэфэй (Китай, 2019 г.), Бая-Лука (Босния и Герцеговина, 2021 г.), Сан-Хосе (Республика Коста-Рика, 2021 г.), Бухара (Республика Узбекистан, 2022 г.), Браззавиль (Республика Конго, 2023 г.) [5].

Основными направлениями сотрудничества городов (с некоторой вариативностью в каждом конкретном случае) являются: образование, наука, культура, здравоохранение, туризм, спорт, массовый спорт, молодежная политика, экономика. Центр городов-побратимов в Нижнем Новгороде находится в культурно-деловом центре на улице Кожевенной, 10. Вопросами международных отношений в городе занимается Комитет международных отношений администрации города (председатель – Елена Мишина).

С начала «перестройки» в городе начали создаваться предприятия с различными формами совместной собственности, появились зарубежные инвесторы, возникли новые формы международного сотрудничества, стали проводиться международные фестивали. Все эти новые явления дали определенные результаты, тем или иным образом укоренились и проявляются в жизни города.

Международное сотрудничество усилило и межкультурную коммуникацию с людьми из тех зарубежных городов и стран, с которыми Нижний Новгород вступил в отношения сотрудничества. Сам процесс установления сотрудничества осуществляют люди, поэтому в своём взаимодействии они знакомятся с различными сторонами габитусов не только своих, но и других культур. Это относится к языку, способу мышления, «картине мира», ценностям, особенностям поведения, образу жизни в целом. Причем, люди, устанавливающие сотрудничество с каждой стороны, являясь носителями своей культуры, по своим функциям обязаны знакомиться и с культурой другой страны. От полноты представлений о культуре другой стороны во многом зависит успешность переговоров и их итог, а также успешность реализации договоренностей в реальной жизни. В процессе реализации договоров, вне зависимости от того, какой характер они носили, – производственный, коммерческий, образовательный, культурный и т.д. – во взаимообмен разными элементами культуры вступает большое количество людей. Эти элементы начинают распространяться в новой культурной среде по законам культурной диффузии. Насколько успешно пойдёт этот процесс зависит от очень многих факторов реальной жизни. Например, в Нижнем Новгороде есть «Аллея дружбы». В настоящее время она находится в состоянии реконструкции. И по тому, как оформлена эта «реконструкция» (по визуальному облику и продолжительности/консервации работ) можно составить мнение о небрежном отношении к очень важному сегменту в жизни города – международному сотрудничеству – в визуальном ландшафте города. Но в любом случае знакомство с новой культурой обогащает людей, приобщающихся к другой культуре, новым жизненным опытом. Они становятся более открытыми, толерантными и заинтересованными в контактах и сотрудничестве.

С открытием города и развитием международного сотрудничества появилась необходимость изменения его внешнего облика. В 1995–1998 гг. главным архитектором Нижнего Новгорода был Александр Харитонов. С его влиянием и поддержкой связывают становление «нижегородской школы» архитектуры. Многим зданиям,

спроектированным и построенным в 1990-е гг., стабильно присуждали первые места на российских архитектурных фестивалях. Они не вписывались в привычные стандарты, их отличали изящество и оригинальность. Нижегородскую школу архитектуры того времени называют ярким феноменом. Наследником того времени является и организация конкурса «Рейтинг архитектуры» с вручением премии победителям. А. Харитонову принадлежит инициирование его создания. А бессменным куратором и организатором «Рейтинга архитектуры» является Марина Игнатушко – архитектурный критик и журналист, человек, который взаимодействует с архитекторами, приглашает экспертов в жюри для оценки проектов и находит средства для его проведения. Заметим также, что в жюри «Рейтинга архитектуры» неоднократно участвовали известные зарубежные архитекторы. Рейтинг существует с 1997 г. с периодичностью около двух лет. В 2024 г. прошёл XV-й Рейтинг архитектуры. Нижегородский «Рейтинг архитектуры» – одно из значимых событий современной российской архитектуры постсоветского времени. Он формирует вкусы современных архитекторов и влияет на градостроительную политику в городе [6].

Городская среда Нижнего Новгорода за годы после «перестройки» существенным образом изменилась. В городе появилось много новых интересных зданий, новых жилых микрорайонов и комплексов. Среди новых зданий, заметно влияющих на облик центра города, можно отметить такие, как: «Лобачевский Plaza», «Центр международной торговли», «Изумрудный»; ЖК «Георгиевский», «Пражский квартал»; ТРЦ «Этажи», «НЕБО», БЦ «Corner Place» и др. Все эти здания ориентируются на «мировые стандарты» [2, с. 328-332].

В последние годы интерес к градостроительной политике в городе проявляют и столичные девелоперы, например, Glora X. Для новых жилых комплексов компания выбирает наиболее перспективные территории в городе – Черниговская наб., Левый берег Оки, Гребной канал, Новинки. В Новинках Glora X планирует построить новый мини-город [7].

В новом архитектурном облике города можно отметить направленность на универсальность и поликультурность.

Обращает на себя внимание тот факт, что на международной выставке АРТ-МИР-2025 у нескольких российских мастеров декоративно-прикладного искусства были символические дома однородного характера. На вопрос об этой детали один из них заметил, что

это архитектура, «насмотренная» из фильмов, иллюстрированных изданий, путешествий. Случается, что такую же фантазийную/надуманную архитектуру нижегородские и приглашённые архитекторы привносят в пространство города, формируя инокультурную среду, а затем находят ей аналоги в зданиях разных стран и культур. Это бывает интересно или спорно, т.к. создаёт в городе контрастную архитектурную среду, подчёркивающую к тому же активно идущий процесс стратификации общества по материальному признаку, в котором качество жилых и офисных помещений играет зримо/визуально значимую роль.

Архитектурный облик города вызывает интерес общественности не только в том, что касается современного строительства, но и в вопросах сохранения архитектурного наследия. Так, 2–4.06.2022 г. в г.Н.Новгороде было проведено масштабное мероприятие – V Всероссийский фестиваль «Архитектурное наследие», на котором были представлены интересные проекты реконструкции зданий и исторических кварталов в Нижнем Новгороде. Сохранение исторического наследия города очень важно, т.к. оно является ресурсом туризма и фактором привлекательности для посетителей из разных стран.

Одной из важных форм международного сотрудничества Нижнего Новгорода является обучение иностранных студентов в вузах города. Многие учебные заведения в контингенте обучающихся имеют иностранных студентов. В сфере образования международное сотрудничество проявляется достаточно ярко. Например, 19 декабря 2024 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова (НЛГУ) прошёл XIV-й Фестиваль национальных культур «В этом мире большом». Многие иностранные студенты пришли на фестиваль в национальных костюмах, что вызвало к ним повышенное внимание, потому что они контрастно выделялись на фоне других. И надо сказать, что они охотно позировали тем, кто имел желание сделать фото с ними. На заключительном мероприятии студенты разных стран исполняли свои песни и танцы, жанровые сценки из быта или связанные с обрядами, а также песни европейских культур. Это приветствовалось зрителями/слушателями общим одобрением. В НЛГУ иностранные студенты свободно ходят по зданию учебного заведения. Фестиваль национальных культур был направлен на создание духовной общности, формирование и развитие толерантных отношений среди молодёжи, повышение эффективности межкультурного диалога и был призван содействовать обеспечению атмосферы мира и согласия,

дружбы и взаимопонимания, активному приобщению к русскому языку [8].

В НИУ ВШЭ в феврале 2025 г. прошел фестиваль «Языковая мозаика», посвященный изучению иностранных языков и сохранению языкового разнообразия. Мероприятие было проведено уже в третий раз. В нём участвовали студенты из 16 стран мира, таких как: Нигерия, Бразилия, Китай, Индия, Пакистан, Бангладеш, Гватемала, Того, Сирия, Германия, Турция, Иордания, Египет, Индонезия, Афганистан, Малави. Студенты из России также были участниками мероприятий, в которых в этом году выступило больше 100 человек. Все иностранные студенты рассказывали тексты на родном языке и знакомили участников фестиваля с культурными традициями своей страны. Фестиваль «Языковая мозаика», приуроченный к Международному дню родного языка, стал ярким событием, объединившим людей разных национальностей и возрастов в едином культурном пространстве не только кампуса, но и города [9].

Значение таких мероприятий для культурной жизни Нижнего Новгорода отметил, открывая фестиваль, президент НИУ ВШЭ Геннадий Рябов. Он сказал, что многообразие языков является огромным достоянием человеческого наследия, благодаря которому развиваются творческие способности людей, а поликультурализм обогащает их духовный мир и развивает мировоззрение. «Языковая мозаика» создает полифоническую картину мира, поскольку языки отражают культурное разнообразие человечества, а родной язык позволяет сохранять связь со своей культурой, что способствует пониманию людей других культур. В этом плане можно отметить литературно-музыкальное мероприятие «Калейдоскоп языков и культур мира», а также Круглый стол «Языки как образ мира». Такие мероприятия позволяют студентам разных стран почувствовать лингвистическое и культурное разнообразие разных народов, способствуют уважению к родному языку людей разных национальностей и развитию интереса к их культуре и традициям.

Иностранные студенты привносят в среду российских студентов новые формы и нормы поведения и привычки, новый язык и способ выражения мысли, другую картину происходящих событий и восприятия реальности. В их присутствии особенно очевидно различие между разными культурами в едином мировом пространстве культур. Поэтому в таком общении инокультурный габитус проявляется не как умозрительно существующая понятийная конструкция, а

как инструмент понимания представителей других культур и особенностей их культурных комплексов и образа жизни в целом. Это обстоятельство, с одной стороны удивляет/приводит в шок российских студентов, а с другой стороны расширяет их представления о полиэтничности и поликультурности мира и ставит вопрос об их самоопределении в мире культур с учётом того, что та этнокультурная социализация, которую они уже прошли в своей жизни останется навсегда составной частью структуры их личности.

В пространстве города иностранные студенты находят свои культурные ниши для встреч и общения, а нижегородские предприниматели, в свою очередь, организуют им для этого условия, открывая новые кафе и магазины.

Сами учебные заведения, принимающие иностранных студентов, по существу являются коллаборационистскими пространствами, которые представляют собой модель взаимодействия представителей разных культур в городе. Ограничений для перемещения по городу и взаимодействия с местными жителями у них нет. Более того, есть места в городе, которые являются площадками для их совместных встреч и общения (парки Щёлоковский хутор, Швейцария, ТРЦ «Океанис», «НЕБО», много кафе на главной улице города и др.).

В городе проходят также международные события политического (встреча стран – членов BRICS, 2024), культурного (АРТ-РОССИЯ, с 2015 г. и АРТ-МИР с 2023 г.), спортивного (такие, как Чемпионат мира по футболу, 2018 г.) и т.п. характера, которые влияют прямо или опосредованно на городскую среду. Например, для Чемпионата мира на Стрелке был построен стадион и благоустроена её территория. Город получил ещё одну хорошую видовую площадку. Для артпроектов мирового уровня на территории ярмарки был построен выставочный павильон на 7 тыс. кв. метров. Присутствие стран – участников саммита BRICS тоже нашло символическое отражение в городской среде.

Все это латентно влияет на формирование инокультурного габитуса в городской среде и у жителей города. Они получают новые впечатления от встречи с инокультурным и начинают меняться сами под разные культурные образцы. Тем более, что многие фестивали в Нижнем Новгороде проходят в активной поведенческой форме. Отметим некоторые из них. «Alfa Future People» - один из лучших и масштабных музыкальных фестивалей России, который привлекает в Нижний Новгород большое число туристов. «Рок чистой воды» – Международный музыкально-экологический фестиваль.

Фестиваль на озере «Русская Тоскания» проходит не совсем в Нижнем Новгороде, однако недалеко от него (в 50 км., в г. Ворсма, на берегу озера Тосканка). Поэтому многие жители города и гости стремятся стать его участниками. Фестиваль «Русская Тоскания» предлагает парад стилизованных лодок «Русская регата», водные прогулки, туристические сплавы, исторические реконструкции, творческие мастерские, музыкальную программу, хороводы, игры и др. Он создает незабываемые впечатления лета [10].

Присутствие иностранцев обнаруживает себя в городской среде в визуальной коммуникации - появлении вывесок на иностранном языке, указателей и другой информации, ориентирующей людей в пространстве города. Визуальные образы сейчас вплетены в повседневность [3, с.7], поэтому улица может служить объектом для анализа социокультурных изменений.

Обратим внимание на вывески, наступательное присутствие которых повсеместно. Их анализ был проведен нами в 2004, 2014, 2024 гг. Для анализа было взято 100 произвольно выбранных названий на центральной улице города. В результате было выявлено, что иностранное происхождение имеют 62/62/66 названия, что говорит о некотором росте иностранного элемента, но это может быть и случайным при данной выборке. При этом иностранных названий с аутентичным написанием было, соответственно, 17/20/8; иностранных названий, написанных русскими буквами, – 30/22/8; со словами «международного» лексикона 13/13/9; со смешанным сочетанием слов – 2/10/37. А этот последний показатель говорит о значительной имплементации элементов иностранных культур в визуальный контекст городской среды. Западная культура в названиях вывесок представлена достаточно разнообразно: американская, английская, французская, немецкая, итальянская [1, с. 532]. Вместе с тем можно заметить и элементы восточных культур – китайской и японской. А также можно обратить внимание на появление израильского, мексиканского и чешского кафе и на распространение кафе с грузинской кухней. Отметим, что при сохранении количества иностранных названий несколько изменилось их качество в сторону внимания к инокультурным заимствованиям. И в настоящее время можно говорить не только о внешнем подражании иностранным названиям, но и наполнении их соответствующим смысловым содержанием и привнесением в него сопутствующих инокультурных элементов. Например, если речь идёт о месте общественного назначения – кафе или ресторане, – то его название дополняется оформлением помещения,

меню, посудой, подачей блюд и т.п. А если это заведение посещают люди, увлеченные данной культурой, и в некотором сообществе, то у присутствующих вполне может сложиться впечатление пребывания в другой реальности или «дежавю».

Отличия в культуре разных групп населения города, отмеченные в вывесках, способствуют узнаванию разных культур, включению их в жизненный мир отдельного человека и ориентации в культурном пространстве города. С одной стороны, это хорошо, т.к. то, что раньше способствовало различию людей, теперь помогает их объединению в большем целом. Но с другой стороны, это же самое обстоятельство затрудняет личную идентичность формирующейся личности или делает её неустойчивой у сомневающегося или излишне увлекающего освоением нового человека. Новое средовое окружение формирует иное восприятие реальности, нормы поведения и отношений людей. Особенно это характерно для мест, где происходит массовое скопление людей по поводу отдыха в выходные дни или каких-то праздничных мероприятий. В это время и в этих локациях (наб. Федоровского, Нижне-Волжская наб., парк «Швейцария», Кремль и др.) люди ведут себя свободно и непринуждённо, не сдерживая себя нормами какой-то культурной идентификации [2, с. 332].

Международное сотрудничество привносит свой определённый вклад в изменение внешнего облика города, в его восприятие жителями и приезжими. Город меняется довольно быстро. Однако если взять всю его территорию, то можно отметить, что по разным районам города эти изменения происходят локально. А что касается «инокультурного габитуса», то плотность его распространения (в визуальной представленности) можно отметить даже не во всем центре города, а на ещё более ограниченном пространстве: ул. Б. Покровская, ул. Рождественская, Кремль, Нижне- и Верхне-Волжская наб. Именно эти пространства являются наиболее привлекательными для посещения туристов и иностранцев.

Международное сотрудничество влияет на трансформационные процессы в городе, но не обеспечивает его интенсивно стабильного развития, т.к. развитие города и инфраструктуры жизни горожан зависит от многих других и внутренних, и внешних факторов. И вероятно, правильный вывод состоит в том, что знакомство с разнообразием инокультурных образов жизни просто позволяет иначе посмотреть на условия жизни того места, где человек планирует ре-

ализовать себя. Но культура данного места более постоянна и не меняется по спонтанным желаниям людей. Всё новое, так или иначе, со временем адаптируется в окружающей среде, а жизнь самих людей на данной территории продолжает опираться на этнокультурные основания своей исторической жизни.

В этом плане очень показательна история пребывания в Нижнем Новгороде скульптуры «Прорыв». Монумент был подарен городу консульством Венгрии в 2015 г. Это копия аналогичного монумента, установленного в Венгрии. Скульптуру создал венгерский скульптор Эрвин Эрве-Лоран. Она представляла собой фигуру мужчины, приподнимающего газон и вылезающего из-под земли. Арт-объект ставили как символ свободы. Однако с самого начала скульптура вызывала бурные обсуждения среди горожан. Многие отмечали, что она выглядит пугающе. Тем не менее, она вызывала внимание, жители и гости региона часто фотографировались с арт-объектом. 9 октября 2024 года скульптуру демонтировали самым неприглядным образом. Так решило руководство ТЦ «Седьмое небо» [11]. Исторический процесс остановить невозможно. Одни события приходят на смену другим. И каждый должен сделать выбор для себя в том, что для него значимо и ценно, чтобы твёрдо знать ушла ли какая-то эпоха.

И в этом плане хочется отметить, что эпоха Великой Отечественной войны, 80-летие окончания которой наша страна будет отмечать в этом году, остается неизменно значимой для выявления ценностей советской/русской культуры.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что международное сотрудничество Нижнего Новгорода способствует расширению его межкультурных контактов, что можно наблюдать по изменениям в его городской среде и образе жизни горожан. Оценивать изменения можно по-разному, но важно то, что в городской среде находят себе место проявления разных культур, что позволяет их носителям комфортно чувствовать себя в новом месте, что, в свою очередь, способствует привлечению внимания к городу и росту его международных и межкультурных контактов.

Источники и литература

1. Глухова Т.И. Визуальная коммуникация в пространстве города (на примере Нижнего Новгорода) // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. Материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015 г.) Т.1. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 530-535.

2. Глухова Т.И. Трансформация культурного пространства города под влиянием инокультурного габитуса (на примере г.Н.Новгорода) // Вопросы исторического и экологического регионоведения. (Сб. ст. участников V Всерос. Научно-практ. конф. 21-22 марта 2024 г.). В 2-х тт. М.: Эдитус, 2024. Т.1. С.325-340.

3. Штомпка П. Визуальная социология. М.: Логос, 2007. 168 с.

4. https://nn.aif.ru/society/details/nizhniy_novgorod_gorkiy_nizhniy_novgorod_kak_gorod_pereimenovuyvali?ysclid=m7ucfxtkgq424393835 [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

5. <https://admgor.nnov.ru/Gostyam/Goroda-pobratimy> - Города-побратимы. Официальный сайт администрации Н.Новгорода [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03. 2025.

6. https://www.domostroynn.ru/statyi/reportazhi/15-yy-reyting-arhitektury-proshel-v-nizhnem-novgorode-4-marta_15-й_рейтинг_архитектуры_4_марта_2024_г. [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

7. <https://www.nn.ru/text/gorod/2025/03/03/75167228/> Наталья Бурухина. Что происходит на стройках девелопера Glorax в Н.Новгороде. NN.ru.3.03.2025 [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

8. <https://lunn.ru/events/15904?ysclid=m7uj75greg839286130> [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

9. <https://nnov.hse.ru/news/1021162117.html> Как витражные узоры переливаются голоса [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

10. <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fnnov.hse.ru%2Fnews%2F1021162117.html&utf=1> [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

11. <https://nn-mama.ru/content/otdihhdeti/otdihhdeti/festivali-v-nizhnem-novgorode-2020> Фестивали в Н.Новгороде в 2020 г. [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

12. <https://www.domostroynn.ru/novosti/rynok-nedvizhimosti/skulpturu-proryv-demontirovali-u-tc-sedmoe-nebo-v-nizhnem-novgorode?ysclid=m7x9cy2xwi235410306> Скульптуру «Прорыв» демонтировали у ТЦ «Седьмое небо» в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс] Дата обращения 4.03.2025.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ШКОЛ Г.О.Г. АРЗАМАС

Фёдорова Марина Владимировна

Арзамасский историко-художественный музей, научный сотрудник

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Fedorova.mary2010@yandex.ru

В Арзамасском историко-художественном музее разработаны и успешно реализуются образовательные программы, построенные на материале коллекции бытовой этнографии. Патриотическое воспитание подрастающего поколения посредством знакомства с жизнью и быта предков может быть весьма эффективным. Значительные успехи музейной деятельности в этом направлении привели к тому, что возник синтез разнообразных форматов музейно-школьного сотрудничества.

Ключевые слова: Арзамасский историко-художественный музей; этнография; музейная коллекция; ямские колокольчики; самовары; лапти; русские традиции; источники исследования.

В Арзамасском историко-художественном музее разработаны и успешно реализуются образовательные программы, построенные на материале коллекции бытовой этнографии. Патриотическое воспитание подрастающего поколения посредством знакомства с жизнью и быта предков может быть весьма эффективным. Значительные успехи музейной деятельности в этом направлении привели к тому, что возник синтез разнообразных форматов музейно-школьного сотрудничества, внеклассной работы, что позволило выделить общие принципы музейно-педагогической работы на базе этнографических коллекций: последовательность в построении музейно-педагогических программ, массовый охват школьников и студентов в данной работе, вовлечение молодежи в творческую работу с этнографическими коллекциями, с народным художественным творчеством, интегративное и креативное личностное становление ребенка [1]. Необходимо активно разрабатывать научную основу музейно-педагогических идей, обеспечивать фундаментальную научную базу построения музейных экспозиций с учетом достижений психолого-педагогических дисциплин [2].

Методисты музеев способны помочь преподавателям разных дисциплин, подбирая для них разнообразный тематический материал, позволяющий провести классный час или внеклассное мероприятие, предлагая специальные экскурсионные программы в рамках музейной экспозиции, создавая занятия интегрированного характера с историко-краеведческим содержанием, расширяя представления школьников об истории Отечества и малой Родины, формирует устойчивую тягу к познанию, создает разработки музейно-педагогических занятий, а также деятельность музейных сотрудников по анализу обратной связи, коррекция и закрепление знаний. В музее разработаны интерактивные занятия по бытовой этнографии на базе коллекций лаптей, ямских колокольчиков, а также комплексных коллекций по русскому чаепития и миру забытых вещей.

Интерактивное музейное занятие «Мир забытых вещей» позволяет детям познакомиться с историей появления и бытования привычных вещей: осветительных приборов, утюга, самовара, перьевой ручки, карандаша и других предметов. Каждый из них можно взять в руки и рассмотреть поближе, а с помощью перьевой ручки и чернил

написать несколько слов в стиле пушкинской эпохи. В занятии объединены русские народные загадки, истории некоторых забытых вещей. Учащиеся знакомятся с предметами старины, их назначением в прошлом и ценностью в наше время. Цель занятия – ввести детей в особый самобытный мир путем его действенного познания с окружающими предметами, воспитывающими в душе ребенка любознательность, чувство красоты, помочь понять, что они – часть русского народа. Приобщить детей к народным культурным традициям, общечеловеческим нравственным ценностям, восхваляя положительные качества: гостеприимство, доброту, уважение к труду. Активизировать словарь детей (рушник, прялка, коклюшки, оберег, сбитель, подбор определений, использовать фольклор (пословицы, поговорки, р. н. песни, старославянские слова в разговорной речи. На занятии применяются следующие методы и приемы: вовлечение в прошлое, живая история, оперирование предметом. Общая концепция занятия: народ, не помнящий своего прошлого, не может быть самодостаточным в будущем.

Лекция-интерактив «Самовар кипит – уходить не велит» знакомит школьников с традициями русского чаепития на материале музейных коллекций самоваров, фарфора, серебра, предметов коллекции «Ткани». Задачи интерактива: ознакомить детей с историей самоварного дела и традициями русского чаепития; развивать у детей мыслительную активность, умение рассуждать; способствовать развитию у детей творческого воображения, формировать мелкую моторику. На занятии применяются следующие методы и приемы: вовлечение в прошлое, игры, наглядность (музейные предметы, репродукции, фотографии, ксерокопии), смена интерьеров, вопросно-ответный метод, эвристическая беседа, листки активности.

Общая концепция занятия. В России сложились свои традиции чаепития. Главный атрибут старинной русской чайной церемонии – это самовар. Его обычно ставили либо на середину большого обеденного стола, либо на отдельный маленький столик. Для сервировки подбирали цветные скатерти и салфетки ручной работы. Середину стола покрывали узкой дорожкой, на которую ставили тарелки с угощением. Для чаепития использовали стакан с подстаканником, чашку, блюдце, чайную ложку, полотенце. На блюдце ставилась чашка ручкой вправо, а за чашку также ручкой вправо кладется чайная ложечка. Мужчинам было принято подавать чай в стаканах, а чтобы не обжечь руки, использовали серебряный или золотой под-

стаканник. Чаю заваривалось много, чтобы хватило на долгую неторопливую беседу, ведь пить чай нужно было медленно. Заварка готовилась отдельно в фарфоровом заварочном чайнике и разбавлялась кипятком. Чтобы он долго сохранял тепло использовались грелки, которые на него надевались. На Руси чай гоняли до седьмого пота: не выходили из-за стола до тех пор, пока семь полотенец не становились мокрыми.

Интерактивная музейная видео-лекция «Ох лапти мои, лапти лыковые» Виды и особенности бытования лаптей в Арзамасском уезде XIX-первой половины XX вв. на основе коллекций историко-художественного музея г. Арзамаса.

Общая концепция интерактивной лекции. Лапти – русская национальная обувь. Название происходит от праславянского *larpъ* в значении «нога». Лапти – мужская, женская и детская обувь, обычно крестьянская, плетеная из коры или луба. Без лаптей невозможно было представить жизнь русского народа, русской деревни вплоть до начала XX века. Первое письменное упоминание лаптей относится к X веку и встречается в «Повести временных лет». Поэтому принято считать, что лапти – один из самых древних видов обуви. Во всяком случае, костяные кочедыки – крючки для плетения лаптей, – археологи находят даже на неолитических стоянках.

В Нижегородском крае плетение лаптей существовало с давних пор и в пределах домашнего потребления почти повсеместно, но как значительный (разумеется, не по ценности, а по размерам) промысел, оно имелось лишь в немногих селениях. Крестьяне изготавливали лапти для нужд своей семьи самостоятельно. Для плетения лаптей использовали кору липы, вяза, ивы. По числу полос лыка различали лапти-пятерики, шестерики, семерики. После изготовления лапти опускали в горячую воду, в результате чего они приобретали желтоватый цвет. Хороший лапотник на заказ мог изготовить 2-3 пары лаптей в день.

В Арзамасском уезде кожаная обувь была недорогой и доступной, в том числе и для крестьян. Это связано с развитием кожевенного и обувного производства в селе Выездная слобода (по свидетельству историка А.В. Карпова, из 689 домов в Выездном только 50 не занимались сапожным промыслом). Но несмотря на это, лапти также были широко распространены в крестьянской среде.

В уезде было много лесов, а значит много доступного материала для изготовления лаптей. Сравнительная дешевизна сырого материала (лыка) и возможность собственной выработки его позволяли

крестьянам обеспечивать себя лаптями. Популярности лаптей способствовали бедность крестьян в ряде населенных пунктов, а также легкость и удобство этой обуви.

С I века нашей эры арзамасские земли населяла мордва-эрзя. Лапти были распространенной обувью мордовских женщин и мужчин. В подавляющем большинстве все мордовки ходили в лаптях, обертывая ноги белыми, а в некоторых районах черными шерстяными онучами, оббивая их до колен белыми конопляными оборами, которые сменили ранее употреблявшие ремни. По праздникам ноги обматывали шерстяными красными обмотками – «серьгат».

Русское население появилось в Арзамасском крае лишь в XVI веке и закономерно переняло мордовскую манеру плетения лаптей. Поэтому в коллекции нашего музея преобладают мордовские лапти. Для них характерно своеобразное косое плетение, трапециевидной формы головка с украшением из перевитого лыка под названием и низкие борта, а на месте пятки – своеобразная заплетка, так называемый хвост, который заправлялся под онучи [5].

На лекции экскурсовод рассматривает лапти по видам плетения и вместе с детьми рассуждает о том, как долго лапти сохранялись в обиходе в Арзамасском уезде.

Источниками для исследования выступают не только музейная коллекция лаптей, но и коллекция фотографий, отражающая особенности бытования лаптей, их внешний вид, категории населения, использовавших лапти и даже временные рамки бытования лаптей. Этнографические аспекты музейно-педагогической работы крайне важны, и применение этнографических коллекций в данной работе представляет собой важное подспорье для музейного работника.

Музейная интерактивная беседа «Коллекция ямских колокольчиков конца XIX – начала XX вв.» рассчитана на активное участие детей в процессе занятия. Цель занятия: в доступной и интерактивной форме познакомить учеников с музейной коллекцией ямских колокольчиков, рассказать историю арзамасских колоколов.

Общее содержание занятия. В Арзамасе первым, кто начал отливать колокола, это был Василий Дмитриевич Язычков. Свое производство он начал с 1858 года. До того времени все колокола отливались на временно устроенных заводах приезжими мастерами. В первое время существования завода Языčkова дела его процветали: крестьяне усердно лили колокола для своих церквей, и Язычков снабдил колоколами большую половину сел Арзамасского и соседних уездов. Он лил колокола от 150 до 300 пудов, были и значительно

больше. Особенно тяжелые (до 1000 пуд.) он лил на местах, например, в Павлове и Починках. Первым большим колоколом его завода был колокол Владимирской или Зосимской церкви в 345 пудов, отлитый в октябре 1858 года.

Колокола созывали народ на церковные службы и праздники, они оповещали людей о пожарах и нападении врагов. Каждый день утром и вечером, с раннего детства и до самого смертного часа человек слышал колокольный звон. Русь издавна славилась искусством отливки колоколов. Колокольные мастера пользовались особым почетом и уважением.

В коллекции историко-художественного музея города Арзамаса особое место занимают ямские, или поддужные, колокольчики, общим числом 36 штук. Ямские колокольчики размещали под дугой – над головой центральной лошади в тройке. Колокольчики туго привязывали к средней части с помощью ремня. Сам колокольчик был неподвижен, но во время езды раскачивался его язык, который бил по внутренней стороне стенки колокольчика и издавал громкий звук, сигнал. Иногда под дугой подвешивали два и даже три колокольчика, а в северной России – до пяти. Звон почтового колокольчика был слышен на расстоянии двух и более верст. Кроме колокольчиков на шею лошадей стали надевать ошейники с укрепленными на них гирляндами бубенцов [4].

Таким образом, сотрудниками музея разработаны и регулярно проводятся интерактивные занятия по бытовой этнографии на базе коллекций лаптей, ямских колокольчиков, а также комплексных лекций по русскому чаепитию и миру забытых вещей.

В целом, коллекция бытовой этнографии музея помогает разнообразить поисковую и исследовательскую деятельность, объединить педагогический коллектив и учащихся в едином деле.

Приобщение учащихся к истокам самобытной этнической культуры малой родины является успешным решением задач патриотического воспитания и образования. Многолетний опыт работы историко-художественного музея города Арзамаса в этом направлении привел к тому, что возник синтез разнообразных форматов музейно-школьного сотрудничества, внеклассной работы и позволил выделить общие принципы музейно-педагогической работы на базе этнографической коллекции.

Источники и литература

1. Столяров Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика. М., 2019. 216 с.

2. Столяров Б.А. Музейно-педагогическая программа «Здравствуй, музей!» // Художественный музей в образовательном процессе. СПб., 2019. 318 с.

3. Федорова М.В. Виды и особенности бытования лаптей в Арзамасском уезде XIX – первой половины XX в. на основе коллекций историко-художественного музея г. Арзамаса // Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения. Арзамас, 2019. С. 96-1024.

4. Федорова М.В. Коллекция поддужных колокольчиков в фондах историко-художественного музея // Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения. Арзамас, 2021. С. 134-138.

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 - 1945 ГГ. В ФОНДАХ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРЗАМАССКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

¹*Щеглетова Алина Евгеньевна*, ²*Соколов Вадим Сергеевич*

Арзамасский историко-художественный музей

¹старший научный сотрудник

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: schegletova.lina@yandex.ru

²научный сотрудник

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: xxx-falcon@mail.ru

Статья посвящена методам работы Арзамасского историко-художественного музея по сохранению исторической памяти. В ней описываются экскурсии, выставки и мастер-классы, посвященные Великой Отечественной войне, проводимые в музее.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; война; музей; выставка; личные коллекции; образовательные программы; театрализация; поисковое движение; интерактивные элементы.

2025 год объявлен Президентом РФ Годом защитников Отечества. В этом году мы отмечаем 80-летие Великой Победы в самой кровопролитной войне XX века, которая унесла жизни более 27 миллионов советских граждан. Много фактов и событий, связанных с периодом Великой Отечественной войны, установлены законом, как памятные даты России, но главная из них 9 мая – День Великой Победы над фашистской Германией, 80-летие которой мы отмечаем в этом году. В связи с этим, тема Великой Отечественной войны, особенно актуальна, а подлинные источники, хранящиеся в музеях, архивах страны, в семьях участников военных событий и тружеников тыла, вызывают неподдельный интерес и востребованность среди исследователей.

В фондах Арзамасского историко-художественного музея хранятся более 160 личных коллекций участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Они содержат фотографии военного

и послевоенного периода (портреты, групповые с однополчанами и сюжетные снимки); документы (военные билеты, орденские книжки и удостоверения к наградам, благодарности за освобождение городов, справки о месте службы, письма-треугольники, воспоминания о войне и работе в тылу, грамоты и благодарности за активную патриотическую работу в послевоенные периоды); награды (ордена и медали, значки за участие в сражениях и доблестный труд в тылу); личные вещи (военная форма и предметы обмундирования, канцелярские принадлежности, фронтовые зажигалки, любимые вещи и подарки и др.). Всё это – память о войне и ценные подлинные источники по изучению указанной темы. Сотрудники Арзамасского историко-художественного музея не только бережно хранят их, но и активно популяризуют через культурно-образовательную и просветительскую деятельность, используя разные формы работы, как традиционные для музеев (научные статьи и доклады, экскурсии по экспозициям и выставкам, тематические занятия и лекции), так и нетрадиционные, которые возникли и стали развиваться в последние десятилетия в связи с изменением роли музеев в обществе, появлением новой концепции образования, распространением информационных технологий и переменами в мотивации посещения музея (интерактивные мероприятия и мастер-классы и др.) [1, с. 391].

При изучении Великой Отечественной войны в работе с детьми и молодежью сотрудники музея в последние годы активно используют современные формы работы: образовательные программы, интерактивные тематические занятия, театрализованные представления и экскурсии, мастер-классы и т.д.

В 2020 г., к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, проводилась выставка «Война пришлась на нашу юность», которая была посвящена детям войны. Для более глубокого восприятия молодым поколением этой темы в экскурсии были применены методические приемы персонификации и соучастия [2, с. 92]. Основу ее составили воспоминания тех, кто в годы войны был в том же возрасте, что и современные школьники. Рассказ велся от первого лица, перед началом экскурсии ребятам говорилось: «Представьте, что экскурсовод – это пожилая женщина, которая сама была ребенком в годы войны и делится своими воспоминаниями». Таким образом, через собирательный образ, юные арзамасцы смогли стать «участниками» событий Великой Отечественной войны, прочувствовав на себе весь ее ужас, тяжесть детского труда, горе от потери близких и радость долгожданной Победы.

Также в экскурсии по выставке использовался такой нетрадиционный для музея элемент как театрализация. Центральное место на выставке занимал объединенный интерьер школы-госпиталя, который располагался на едином подиуме, разделенном на две части. Это символизировало арзамасские школы 1941 – 1945 гг., в которых с самого начала войны расположились госпитали, и школьники делили классы с ранеными бойцами. В конце экскурсии всем желающим ребятам предлагалось стать участниками театрализованного представления. Используя реквизит музейной студии кукольного театра, дети показывали друг другу короткие спектакли-анекдоты про Гитлера так, как это делали школьники для раненых бойцов госпиталя, прибегая туда между уроками.

Новый формат экскурсии по выставке «Война пришла к нашу юность» и приемы позволили сотрудникам музея проводить экскурсии в непринужденной обстановке, а детям воспринимать сложную, порой эмоционально тяжелую информацию в доступной форме. Завершающий этап экскурсии – «Послание детям XXI века», главными пунктами которого были: сохранение мира на Земле, уважение и бережное отношение друг к другу, патриотический подъем, отрицание нацизма и фашизма в любых его проявлениях. Ребята, с одной стороны, «примеряли» на себя роль детей войны, отправляя послание, с другой – играли самих себя, получая его. Экскурсии получили большое количество положительных отзывов от юных посетителей и их педагогов. Но, к сожалению, из-за периода пандемии и последующих ограничений посещаемости музея, экскурсий было проведено не так много – 24.

Еще одна выставка, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, открылась в Выставочном отделе музея в июле 2020 года. «Долгое эхо войны» – такое название получила выставка, главной идеей которой стала связь прошлого и настоящего, мы хотели показать, как каждый человек может реализовать себя в благородном деле – увековечивании памяти о солдатах Великой Отечественной войны.

Реализация выставочного проекта началась с подбора материалов. У нас сложились хорошие партнерские отношения с военно-патриотическим клубом «Рассвет» (руководитель – Евгений Викторович Колосунин). Этот клуб осуществляет многолетнюю поисковую работу на местах сражений в Ленинградской области (Синявинские высоты, место ожесточенных боев при обороне Ленинграда) и в

Чаусском и Славгородском районах Могилевской области республики Беларусь. Благодаря находкам рассветовцев в нашем распоряжении оказались фрагменты оружия и амуниции, обнаруженные в результате поисковых экспедиций, фото- и видеоматериалы, характеризующие работу поисковых отрядов.

Открывала нашу выставку известная цитата Александра Васильевича Суворова: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат». Эта, ставшая крылатой, фраза очень хорошо описывает важность поисковой деятельности, которую мы и хотели показать в нашей экспозиции.

Выставка условно была разделена на три части. Первая посвящена истории 137-й и 160-й стрелковых дивизий. Для актуализации представляемого материала мы использовали тот факт, что значительная часть бойцов этих соединений были нашими земляками. Вторая часть с помощью специально подобранного фоторяда показывала работу поисковых отрядов по сохранению и увековечиванию памяти воинов, павших на полях сражений. Нам удалось проиллюстрировать все основные этапы этой деятельности. Здесь мы начали рассказ с самого первого этапа – работы в военных архивах. Она проводится для детального установления боевого пути дивизий. Далее устанавливаются контакты с местными властями и жителями. Подготовительная часть очень важна для дальнейших поисков. Только после этого совершается выезд экспедиции на установленные места сражений, где производятся раскопки.

Акцентированное внимание мы обращали на финальную и самую трудную часть работы поисковиков – установление личности погибших бойцов и захоронение их останков с воинскими почестями. Иногда удается найти родственников павших бойцов, вернуть героям имя и вернуть память о них. В завершении экспедиции найденные останки бойцов торжественно, с почестями, перезахораниваются на воинских кладбищах.

Третья часть выставки была представлена предметами, поднятыми на местах сражений. Предметы принадлежали как красноармейцам, так и солдатам вермахта. Выставка в данной своей части была построена таким образом, чтобы показать, насколько тщательно в материально-техническом плане была подготовлена немецкая армия к нападению на СССР и насколько были велики усилия и подвиг советских солдат, сумевших встретить и в конечном итоге отразить фашистскую агрессию.

Материалы этой выставки были широко использованы для онлайн работы, были сняты несколько видеозаписей в т.ч.

с сурдопереводом. Работа над созданием этой выставки побудила наших сотрудников к созданию видеолекции «Никто не забыт», в ходе которой, заведующий выставочным отделом А.Л. Егошин объяснил, как пользоваться информационными системами «Память народа» и «Подвиг народа». Посетители получили возможность не только увидеть отчасти уже привычные экспонаты военного времени, но и познакомиться с деятельностью, которая носит благородный и общественно-полезный характер.

Еще одной нетрадиционной для музея формой является музыкальный вечер «Песня в военной шинели», разработанный в 2015 г. и посвященный песням Великой Отечественной войны. Аудитория указанного мероприятия: школьники среднего и старшего звена, студенты ССУЗов и ВУЗов. На занятии юные жители города и прилегающих районов Нижегородской области могли не только познакомиться с легендарными песнями войны, их авторами и историей создания, но и узнать об их роли в поднятии боевого духа. Вечер дополняли интерактивные элементы: ребята могли послушать военные песни, с использованием подлинных пластинок и музыкального оборудования той эпохи – граммофона и патефона, а также электрофона 1960-х гг., на котором слушалась песня «День Победы» в исполнении Л. Лещенко, которая была написана в 1965 г. Кроме того, ребята смогли сами исполнить песни «В землянке», «Эх, дороги», «Смуглянка» под аккомпанемент фортепиано (за инструментом находилась одна из сотрудниц музея). На указанном музыкальном вечере роль экскурсовода трансформировалась в роль ведущего, а рассказ сопровождался презентацией с фотографиями из фондов музея (участники войны, труженики тыла, коллективы, военные письма и правительственные телеграммы с благодарностями), а также видеороликами с кадрами кинохроники военного времени. Вечер был очень востребован учащимися. А тема Великой Отечественной войны изучалась в непривычной для школьников форме.

9 декабря прошлого года, в день Героев отечества, в музее открылась выставка «Ими гордится Арзамас», посвященная 80-летию Великой Победы. На выставке представлены арзамасцы, участники войны, отдельный раздел посвящен арзамасцам, удостоенным высшим званием «Герой Советского Союза», «Герой России» и полным кавалерам ордена «Слава», обладатели которого приравнены к ге-

роям. Выставка построена по тематико-хронологическому принципу, с дня начала войны к Великой Победе, показаны арзамасцы в крупнейших сражениях: оборона Москвы, блокада Ленинграда, Сталинградская и Курская битвы, форсирование Днепра, операция «Багратион», освобождение городов Европы от фашизма, взятие Берлина. Также у посетителей есть возможность познакомиться с подвигами партизан и медицинских работников, спасавших раненых бойцов во фронтовых госпиталях.

Экскурсия по выставке содержит интерактивные элементы, которые вызывают интерес и способствуют более полному восприятию рассматриваемых событий и фактов и повышают активность посетителей. Например, возле витрины, в которой представлены события начала войны, мобилизация, а предметный план показывает радио «тарелочку», из которого арзамасцы узнали о начавшейся войне, воспроизводится сообщение Юрия Левитана. Возле витрины, в которой показана блокада Ленинграда, экскурсовод заводит живой метроном времен войны, звук которого стал одним из символов указанных тяжелых событий. Когда рассказ идет о Сталинградской битве, на большом телевизоре демонстрируются кадры видеохроники массированной бомбардировки города. Рассказ об арзамасцах-партизанах и их подвигах сопровождается звуками патефона военного периода, воспроизводится знаковая песня партизан войны «Шумел сурово брянский лес». Трогательный рассказ о фронтовом враче, первой жительнице Арзамаса, удостоенной в советское время звания «Почетный гражданин города Арзамаса», Надежде Ивановне Николаевой, которая не только была настоящим профессионалом своего дела и спасла не одну сотню жизней, но и настоящей женщиной, не чуждой романтике, которая очень любила стихи В. Маяковского, маленький томик которых носила с собой в кармане всю войну и в свободное время читала их бойцам, сопровождается декламацией (школьники, которым заранее раздаются цитаты стихов Маяковского, с выражением, вслух читают эти строки). Заканчивается экскурсия по выставке сложением знаменитого письма-треугольника.

Также с 2024 года в Арзамасском историко-художественном музее для школьников проводятся мастер-классы «Сувенир с историей», в ходе которых учащимся предлагается собрать деревянную модель танка, самолета или корабля. Мастер-класс сопровождается рассказом экскурсовода, например, при сборке модели корабля посетители узнают об уроженце арзамасского района адмирале флота А.И. Сорокине.

Таким образом, наш музей не только хранит ценные артефакты, но и участвует в культурно-образовательной деятельности, способствуя формированию у молодежи уважения к истории и героизму предков. Знакомство с документами, фотографиями и личными вещами солдат позволяет создать живую связь между прошлым и настоящим, помогает понять масштабы трагедии и величия человеческого духа в условиях войны. Важно продолжать исследовать и популяризировать эти источники, чтобы сохранять память о тех, кто защитил Родину, и передавать её будущим поколениям. Таким образом, Арзамасский историко-художественный музей становится не только хранилищем исторической памяти, но и активным участником в воспитании гражданской идентичности и патриотизма среди молодежи.

Источники и литература

1. Формы и технологии работы с музейной аудиторией. Юренева Т.Ю. Музееведение: учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Институт наследия. 2020. С. 380–401.
2. Методика проведения экскурсий. Скобельцына А.С., Шарухин А.П. Технология и организация информационно-экскурсионной деятельности. М.: Академия. 2019. С. 85–101.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ФОНД РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ИЗДАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

Мулюн Галина Александровна

Централизованная библиотечная система г. Арзамаса
Нижегородской области, Центральная городская библиотека
им. А.М. Горького, заведующий отделом обслуживания
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arz-OO@yandex.ru

В статье представлены издания из фонда редких и ценных книг исторического и краеведческого характера. Рассмотрены спорные вопросы, связанные с применением системы терминов в библиотечной работе с редкими изданиями и книжными памятниками.

Ключевые слова: фонд редких книг; книжный памятник; книжная коллекция; краеведение; история; ЦГБ им. А.М. Горького; Н.Г. Устрялов; Н.М. Щегольков; Ф.И. Владимирский; И.Д. Сытин; И.Е. Забелин; С.Б. Веселовский; А.Д. Иконников; М.Б. Стреломухов; П. Н. Симанский; Петр Великий; А.В. Суворов; Москва.

Фонд редких и ценных книг есть практически в каждой публичной библиотеке. Он пользуется спросом и активно вовлечен в культурно-просветительскую деятельность, так как обогащает ее особыми документами в качестве визуально-информативной базы при организации мероприятий различного вида.

«Основа любой библиотеки – книжный фонд, при этом ни одна современная библиотека не мыслима без культурно-просветительской деятельности. Культурно-просветительская деятельность конкретной библиотеки непосредственно связана с книгами, которые хранятся в фонде этой библиотеки. Особый интерес вызывает участие в этом взаимодействии редких книг. Как правило, фонд редкой книги вовлечен в культурное просвещение читателей, так как он обогащает культурно-просветительскую деятельность особыми документами в качестве наглядного материала. Существует множество трактовок понятия «редкая книга», однако четкого определения до сих пор нет, что затрудняет работу библиотекарей. Анализируя опыт деятельности библиотек страны и специальную литературу, можно заметить, что понятие «редкая книга» часто тождественно понятию «книжный памятник», в большинстве случаев эти определения используются исследователями как синонимы. Татьяна Валентиновна Зайцева в своей кандидатской диссертации «Региональные фонды редких книг: организация и функционирование» рассматривает редкие книги как документы безотносительно их места хранения, а термин «книжные памятники» – как охраняемые законодательством документы [4]. Разработанный Российской Государственной библиотекой Межгосударственный стандарт фиксирует критерии выявления книжных памятников, используя термины по ГОСТу Р 7.0.87 – 2018 [2], но определения «редкая книга» в нем нет. Таким образом, являются ли понятия «книжный памятник» и «редкая книга» синонимами – вопрос спорный и открытый...

В 2019 году Томской универсальной научной библиотекой им. А.С. Пушкина были разработаны методические рекомендации «Редкие и ценные издания: особенности хранения и использования в библиотеке», где наиболее полно и системно представлена работа учреждений культуры с фондом редких и ценных книг. Наряду с правилами размещения документов данного фонда, обеспечения и поддержания его режимов хранения и правил работы с этими изданиями в процессе обслуживания пользователей, в этом пособии наиболее четко обозначена система терминов и понятий работы библиотек в рамках данного направления.

«Фонд редких книг – это совокупность документов, сохранившихся или выпущенных в относительно малом числе экземпляров и обладающих художественной, научной, библиографической или иной ценностью, сформированный в общем фонде учреждения с це-

люю обеспечения оптимальных условий их хранения. Это редкие дорогостоящие издания, издания, обладающие признаками книжных памятников, книги, выпущенные малыми тиражами и являющиеся сейчас библиографической редкостью, альбомы по искусству. Одна из главных задач, стоящих перед библиотеками – создание благоприятных условий для хранения и использования редких изданий.

Книжные памятники: издания, которые обладают выдающейся духовной, материальной ценностью, имеют особое историческое, научное, культурное значение и в отношении которых установлен особый режим учета, хранения и использования. Порядок отнесения документов к книжным памятникам, порядок регистрации книжных памятников в реестре книжных памятников и порядок ведения реестра книжных памятников устанавливаются положением о реестре книжных памятников, которое утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере культуры.

Книжными памятниками федерального значения считаются только книги, изданные до 1830 года и внесенные в Общероссийский свод книжных памятников (<https://kp.rsl.ru>).

В фонде библиотеки редкие и ценные издания принято располагать по коллекциям. Книжная коллекция — систематизированное собрание книг, объединенных разнообразными признаками (темой, форматом, хронологическим периодом, типом или видом изданий и т. д.) и обычно имеющих историческую или художественную ценность. В массовых библиотеках при наличии книг можно выделить коллекцию личных библиотек известных деятелей той местности, в которой находится библиотека. Это должны быть книги с владельческими знаками: экслибрисами, дарственными надписями, автографами, личными пометами, штампами. Эти книжные знаки являются связующим звеном между книгой и её владельцем. Автографы раскрывают немало интересных и важных факторов для характеристики литературной и общественной жизни эпохи, отражают отношение авторов к людям и событиям» [5].

Книжными памятниками федерального значения, редкими и ценными изданиями, а также документами, обладающими признаками книжного памятника, располагает и Центральная городская библиотека им. А.М. Горького. Фонд редких и ценных изданий насчитывает 111 единиц хранения, основная его часть – это книги второй половины XIX века – первой половины XX века.

Фонд нашей библиотеки представлен двумя книжным памятниками федерального значения, внесенных в Общероссийский свод

книжных памятников. Это книги Николая Герасимовича Устрялова «История царствования Петра Великого» и «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем».

Самое старое издание, которому более 160 лет, – «История царствования Петра Великого», изданное в 1858 – 1864 гг. типографией II отделения Собственной его императорского Величества канцелярией. Посвящен труд Его Императорскому Величеству Александру Николаевичу. Автор этого многотомного труда Николай Герасимович Устрялов – профессор Петербургского университета, академик Императорской Академии наук, автора первого официального университетского учебника по истории России, соавтором которого, считается сам Николай I. Николай Герасимович начал работу над книгой в 1855 году. Правда, из задуманных десяти томов, свет увидели только первые четыре и шестой. Пятый том остался нереализованным. Так как автор считался ведущим российским историком, он был допущен к секретным государственным архивам, что способствовало предоставлению возможности почерпнуть много неизвестных и значительных сведений об эпохе Петра I. В начале XX века и советские годы труды Устрялова были надолго забыты. Но, тем не менее, реальное значение их достаточно велико, так как ученый ввел в оборот обширный материал, относящийся к петровской эпохе.

Кстати, в этих изданиях можно найти сведения, касающиеся истории Арзамасского и Нижегородского уездов. Так, например, в первом томе есть приложение: «Ведомость о раздаточных селах и деревнях из дворцовых волостей», и в ней «Боярину Ивану Милославскому в вотчину: Арзамасского уезда деревню Лобаски в 60 дворов, 172 пашни 745 сена, 212 лесу 70 денежного дохода» [1, с. 391]. Деревня с таким названием до сих пор есть в республике Мордовия. «Царю Арчилу Вахтангиевичу и сыну его царевичу Александру: Нижегородского уезда волости Терюшевская, Белгородская, Лысковская... 3284 двора, 20464 пашни, 41715 сена, 3996 денежного дохода...» [1, с. 397]. Сегодня это территория Лыковского района.

Еще один книжный памятник, находящийся в нашем фонде, и еще одно интересное издание по истории России, – это многотомный труд «Великая реформа». Оно выпущено исторической комиссией учебного отдела московского общества распространения технических заданий (О.Р.Т.З.) и издано в товариществе Ивана Дмитриевича Сытина в 1911 году. Имеет подзаголовок «Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем». В книге подробно говорится о развитии крепостного права, его роли в истории страны и

негативного влияния на экономику, а также об отношении дворян к своим крестьянам.

В авторский коллектив вошли свыше 60 ученых, журналистов, писателей, причем он не ограничивался только представителями столицы, в него вошли специалисты из Санкт-Петербурга, Киева, Казани и др.

«Великая реформа» была выпущена крупным издательством того времени: типографией товарищества И.Д. Сытина.

Издание богато иллюстрировано гравюрами, портретами, цветными репродукциями и снимками картин из собраний в Москве, музея П.И. Щукина, Петербургской публичной библиотеки, Этнографического музея, Московского университета, Третьяковской галереи; частных коллекций П. Я. Дашкова, А. П. Бахрушина, графин С. В. Паниной и В. Н. Бобринской, писателя Н. Д. Телешова и других. Многие репродукции, появившиеся в книге, были опубликованы здесь впервые.

В фонде ЦГБ им. А.М. Горького есть еще несколько изданий исторического характера, относящихся к фонду редких книг, которые обладают признаками книжных памятников.

Не менее интересно издание книжного магазина «Гроссман и Кнебель» 1900 года «Жизнь Суворова в художественных изображениях. Собрание портретов, картин, гравюр, рисунков, карикатур, снимков со статуй, медалей и, других произведений живописцев, граверов, скульпторов и других художников». Составили это поистине уникальное собрание не искусствоведы, а офицеры генерального штаба Михаил Борисович Стремоухов и Пантелеймон Николаевич Симанский. Иллюстрированное издание, подготовленное к столетию со дня смерти Александра Васильевича Суворова (1730-1800). Дата была торжественно отмечена в Николаевской академии Генерального штаба. К ней было приурочено открытие музея, публикации научных и мемориальных изданий. Составители книги, занимаясь изучением деятельности великого русского полководца и интересуясь всем, что имеет к нему отношение, познакомились с художественными произведениями – картинами, рисунками, гравюрами, – касающимися его имени. Издание является не только подробным очерком жизни и деятельности А.В. Суворова, но и сводом его изображений. Авторы-составители собрали по возможности весь художественный материал, относящийся к жизни и подвигам полководца. Также в издание вошли портреты тех исторических деятелей, которые каким-либо образом были связаны с А.В. Суворовым. Все,

что представлено в книге, происходит из личных коллекций, а также из собраний Исторического и Румянцевского музеев, Императорского Эрмитажа, Зимнего дворца.

Надо отдать должное издателям прошлых лет. Их книги в большинстве своем прекрасно иллюстрированы и оформлены. Московское книгоиздательское товарищество «Образование» даже вынесло в подзаголовок следующего издания, которое хочу представить. «Роскошно иллюстрированное издание», посвященное памяти историка Москвы Забелина – все это о многотомнике «Москва в ее прошлом и настоящем» (1909 – 1912 гг.). К сожалению, в фонде нашей библиотеки всего лишь пять книг из двенадцати. Главной целью издания было осветить наиболее яркие моменты развития города, с первого времени его существования и до начала XX века, учесть культурный вклад Москвы в жизнь России. Книги содержат любопытнейшие сведения о быте Москвы разных веков и всех слоев населения. Многотомник посвящен памяти Ивана Егоровича Забелина – знаменитого историка Москвы, почётного члена Императорской Академии наук, одного из организаторов Исторического музея. В издании принимало участие более 30 человек. Среди них: и поэт Валерий Яковлевич Брюсов, и художник Игорь Эммануилович Грабарь, и член Государственной Думы Павел Николаевич Милюков, и академик Алексей Александрович Шахматов и многие другие. Все главы написаны популярным языком, доступным широкому кругу читателей.

Говоря о краеведении, нельзя не сказать об изданиях, посвященных истории нашего славного Арзамаса, которыми располагает ЦГБ им. А.М. Горького и которые являются «жемчужинами» нашего фонда. Многие из них являются книжными памятниками локального характера, так как, во-первых, представляют труды известных деятелей нашего города; во-вторых, имеют владельческие знаки.

В первую очередь, это, конечно, главный труд нашего земляка Николая Михайловича Щеголькова «Исторические сведения об Арзамасе». Книга издана в Арзамасе, напечатана в типографии Николая Никаноровича Доброхотова в 1911 году. Труд охватывает историю города от первых упоминаний о мордве до первого десятилетия XX века. За два года до этого, в 1909 году, увидела свет другая книга Николая Михайловича «Арзамасский Воскресенский собор. История его и описание» Эта книга, особенно ценна тем, что на ней рукой автора начертано: «Достоуважаемому отцу протоиерею Федору Ивановичу Владимирскому от автора Н. Щ.», а далее в тексте - пометки

самого Владимирского. Отрадно, что «в сравнительно недавнее время появились репринтные издания «Исторических сведений» (1992 год) и «Воскресенского собора» (2006 год) Н.М. Щеголькова. Книги были переизданы тиражом, достаточным для того, чтобы они стали доступны любому уважающему свою историю арзамасцу» [7].

Есть в фонде библиотеки и книга самого протоиерея Федора Владимирского. Эта «Записка об устройстве водосбора из источников “МОКРАГО” ОБРАГА в городе Арзамасе», изданная типографией Н.Н. Доброхотова в 1915 году. Это результат кропотливого труда автора, затраченного на создание первого водопровода в городе. В издании отражены: предыстория и процесс создания водопровода, ежегодное наблюдение за состоянием Мокрого оврага до 1901 года и после 1901 года, отчет по доходам и расходам, объяснительные и пояснительные записки самого автора и инженеров-механиков Ев.К. Кнорре и г. Н.Ф-ва, а также чертежи. Книга из личной библиотеки, о чем свидетельствует дарственная надпись: «Достоуважаемому Алексею Дмитриевичу Иконникову на добрую память от автора». Алексей Дмитриевич Иконников – арзамасский художник, краевед, преподаватель.

О состоянии Арзамаса и его окрестных сел и деревень непосредственно касается еще одно издание – «Арзамасские поместные акты» (1578 – 1618), которые собрал и отредактировал Степан Борисович Веселовский. Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском Университете 1915 года. В этой книге самое главное цифры, цифры, цифры. Конкретные свидетельства той далекой эпохи. Для изучающих историю нашего края это очень ценное и информативное собрание документов. В нашем фонде - экземпляр из личной библиотеки профессора Всеволода Александровича Кудрявцева, о чем свидетельствует экслибрис в правом верхнем углу титульного листа.

Конечно, в век цифровизации, многие из представленных книг можно найти в электронном виде: на сайтах федеральных, областных и городских библиотек, архивов, музеев. Почитателей чтения именно электронных изданий немало, но также немало и любителей печатной книги: тех, кто предпочитает приглядеться, стряхнуть пыль десятилетий и веков, полистать потрепанные пожелтевшие страницы, изучить необычное написание слов и понять, что старинные книги – свидетели нашей истории. И яркое тому подтверждение постоянно растущая востребованность фонда редких и ценных изданий ЦГБ им. А.М. Горького среди читателей библиотеки разного возраста.

Источники и литература

1. Ведомость о роздоточных селах и деревнях из дворцовых волостей с 190 году: приложения XII // Устрялов Н. История царствования Петра Великого Н. Устрялова. Том 1. Господство царевны Софии. СПб., 1858. С. 390-400.
2. ГОСТ Р 7.0.87–2018 Книжные памятники. Общие требования: издание официальное. М.: Стандартинформ, 2018. 8 с.
3. Зайцева Т.В. Региональные фонды редких книг: организация и функционирование: специальность 05.25.03 «Библиотекосведение, библиографоведение и книговедение»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб., 2003. 20 с.
4. Засыпкин А.В. Фонд редкой книги в культурно-просветительской деятельности библиотеки // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 226. С. 148-154.
5. Редкие и ценные издания: особенности хранения и использования в библиотеке: методические рекомендации / Том. обл. универ. науч. б-ка им. А. С. Пушкина, Историко-краеведческий отдел; сост. Т.Г. Бурматова. Томск, 2019. 9 с.
6. Сохранение книжных памятников: учеб.-метод. сборник. Вып. 1. Методика выявления, организация работы, описание и учет / сост. Т. Я. Кузнецова; науч. ред. Ю. А. Самарин. М., 2013. 384 с.
7. Ямщикова Е. В. Из истории издательского дела в Арзамасе // Централизованная библиотечная система г. Арзамаса: официальный сайт МБУК ЦБС г. Арзамаса. URL: <https://arzbiblio.ru/index.php/2009-10-07-06-14-04/2009-10-29-18-43-44/613-2013-06-24-05-29-33> (дата обращения: 16.03.2025).

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Калмыков Владимир Александрович

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, к.филол.н., доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
Россия, г. Нижний Новгород; email: kalmykov1950@mail.ru

В настоящей статье описываются особенности личной встречи автора текста с А.А. Пушкиным, последним праправнуком А.С. Пушкина по мужской линии, и его супругой. При этом делается вывод о том, что творчество А.С. Пушкина, без сомнения, поможет обустроить Россию, и мы, его потомки, сумеем возродить нашу Отчизну.

Ключевые слова: поэт; пророк; патриот; любовь; Пушкин; семья.

«Пушкин – это наше всё» – любил говорить русский поэт Аполлон Григорьев. А недавно я узнал любопытное мнение Себастьяна Фицлайна, считающего, что Пушкин есть не что иное как основа основ души любого русского человека и что Пушкин для русского значит несравненно больше, чем Шекспир для англичанина. Себастьян Фицлайн служит Почетным консулом

Австралии в Санкт-Петербурге, а родился и вырос в Англии, являясь родственником А.С. Пушкина, но не его потомком, поскольку он правнук Ганнибала в восьмом поколении.

Когда студенты задают вопрос, с кем из великих людей мне хотелось бы встретиться и поговорить на самые актуальные темы, я неизменно отвечаю: «С Александром Сергеевичем Пушкиным!» Именно с Пушкиным, потому что Александр Сергеевич знал жизнь и понимал в ней толк. С ним можно посоветоваться по любому вопросу, и на любой вопрос он даст правильный ответ. Правда, надо немного потрудиться самому, чтобы найти эти единственные адресованные только вам слова. Лично для меня Александр Сергеевич Пушкин – мыслитель, пророк, жрец, поэт, творчество которого служит людям, преследует высокие и, можно сказать, вечные цели.

С самого детства мы открываем в Пушкине что-то новое, не испытывая трудностей восприятия его поэзии и прозы. Значит, это нам родное на бессознательном уровне. Открываем для себя и узнаем о благородстве и чести, преданности и жертвенности, достоинстве и милости в прощении, о любви. В этом и есть, была и навсегда останется современность Александра Сергеевича. Творчество Пушкина есть бесконечный космос, а его гениальная личность для нас и есть «парадоксов друг».

Особенно мне дорого короткое стихотворение «Анчар», в котором еще раз утверждается важная истина о том, что у зла есть очарование, но человек должен проявить волю и противостоять ему – с тем, чтобы жить, думая, а не плыть по течению. Всегда подчеркиваю гениальность Пушкина в выборе того единственного слова, которое придает философский смысл всему произведению.

Так, рассуждая о грехопадении человека по своей собственной воле, Александр Сергеевич предупреждает об опасности приближения к Злу: «Но человека человек, / Послал к анчару властным взглядом, / И тот послушно в путь потек / И к утру возвратился с ядом». Из черновиков поэта становится ясно, что выбрано слово «потёк» совсем неслучайно вместо «потёк», «побрёл», «пошел». Именно это слово выражает безволие человека, его беспомощность, слабость, бесхарактерность, нерешительность, неуверенность, покорность и полное отсутствие самостоятельности. А самое главное – свобода может стать источником зла, когда природа и человек, как ее часть, отходят от Творца «всего видимого и невидимого». Когда

читаю Пушкина, мне кажется, что это мои слова и мой личный жизненный опыт.

Я и предположить не мог, что когда-нибудь в жизни увижу живого Пушкина. Судьба подарила мне такой уникальный шанс – встретиться с Александром Александровичем Пушкиным, последним прямым праправнуком по мужской линии Александра Сергеевича, и его замечательной супругой – Марией Александровной Пушкиной, праправнучкой сестры Николая Васильевича Гоголя – Елизаветы. Это неожиданное и приятное событие произошло на теплоходе «Мстислав Ростропович» круизной компании «Водоходъ», где ваш покорный слуга находился в командировке от НГЛУ и читал лекции по истории и культуре России для иностранных туристов. Встреча произошла 4 августа 2017 года, в пятницу, что само по себе знаменательно. Именно в этот день Русская православная церковь прославляет равноапостольную Марию Магдалину. Мы знаем, что любовью Мария Магдалина одержала верх над страхом, побудившим к отречению апостола Петра и заставившим скрываться всех его остальных учеников. В наше время Пушкин и есть воплощение евангельской любви, объясняющей законы мироздания и изменяющей человека к лучшему. Глаза Александра Александровича и Марии Александровны, несмотря на возраст (ему – 75, а ей – на год меньше), полны юношеского задора и энтузиазма, а их сердца переполняет любовь. Это и нежность друг к другу, которую нельзя не заметить по их жестам и взглядам, это и любовь ко всему пушкинскому, ну, и, конечно, к России и ее людям. Это что-то особое, именно с этого начали Мария Александровна и Александр Александрович свой неспешный разговор о жизни и отношении к ней. По их интонации я понимал, что их слова не могли в полной мере выразить жгучую боль о том, что они увидели, когда в 1994 году впервые ступили на российскую землю в качестве почетных гостей на пушкинском фестивале «Царскосельская осень». Все увиденное – пустые прилавки, серые озабоченные люди, полная, казавшаяся беспроектной мгла. Они представляли Россию другой по рассказам их бабушек и дедушек, так любившим свое Отечество и которым не суждено было вновь увидеть свою Родину. Но вот уже через пять лет в стране всё начало стремительно меняться, меняться к лучшему – и города, и люди. Такие грандиозные изменения нельзя было не заметить, и это грело их сердца. Всё свидетельствовало о том, что необъятная Россия нашла в себе силы к возрождению и обрела второе дыхание. Хотя, естественно,

оставалось и остается неисчислимое множество проблем. С особой горечью Александр Александрович и Мария Александровна говорили о человеческой грубости, бестактности, невоспитанности молодых и несоблюдении общепринятых норм поведения и этикета в общественных местах.

В своих высказываниях они весьма критически оценивают меценатскую деятельность российских олигархов, которые, неожиданно оказавшись с большими деньгами, частенько до неприличия бравируют своим богатством. В Бельгии, где они сейчас живут, бывали случаи, когда вмиг разбогатевшие россияне ради забавы обливались шампанским на потеху окружающим. «Так и хотелось их пристукнуть!» – эмоционально добавляет Александр Александрович. – «А ведь они не понимают, что благосостояние накладывает на человека особую ответственность!» Мария Александровна и Александр Александрович выразили глубокую уверенность в том, что со временем все проблемы будут решены. В этом, конечно же, поможет Пушкин.

Не без сожаления мои собеседники говорили о том, что за время грандиозных изменений XX века Россия сорвалась с оси, на которой вращалась многие сотни лет, в результате чего была утеряна связь времен. По их мнению, старшему поколению, по всему, не удалось передать приходящему на смену поколению культуру, традиции, обычаи, так свойственные русскому народу и которые всегда с таким восхищением воспевал великий поэт. По словам Марии Александровны и Александра Александровича, они всё же сумели и в такой ситуации уловить подсознательное стремление людей, может, даже на генном уровне, к Пушкину, к его поэзии, мировоззренческой сущности и духовности, пронизанной всеобъемлющей любовью к каждому человеку и «каждому языку».

В живом интересе и неподдельном стремлении к общению с потомками великих людей у всех, от знакомых и незнакомых, писателей и поэтов, губернаторов и политических деятелей и до обычных людей, Александр Александрович и Мария Александровна чувствовали необъяснимую любовь к Пушкину и его непреходящему наследию. Каждая встреча с людьми и разговоры о Пушкине переходили в дискуссии с размышлениями о судьбах России, ее переустройстве, любви к Родине и продолжалась часами. Бывали наши герои и на Нижегородчине, где они приобрели много друзей. С особой теплотой Пушкины отзывались о Вере Алексеевне Фортунатовой и ее

стремлении воспитывать гражданина своей страны, основным качеством которого является чувство своей сопричастности к тому, что происходит вокруг.

Со своей стороны, Мария Александровна и Александр Александрович во всех ситуациях первым делом интересуются, что они могут сделать для России и ее маленьких граждан и всегда находят возможность оказать посильную помощь детям. Например, помогают средствами детскому научно-клиническому центру им. Н.Н. Попова в Санкт-Петербурге. В общественной деятельности они стараются внести свой вклад в создание положительного образа России. Однако, сделать это в современной Европе не так-то просто. В прессе, на телевидении, да, и вообще во всей социально-политической жизни в западных странах доминирует априори отрицательная оценка любых действий российского правительства как во внутренней политике, так и на международной арене. В конечном итоге, весь этот негатив переносится на российский народ.

Когда речь зашла о семье, о личном Александра Александровича и Марии Александровны, стало очевидным их глубокое переживание о том, что Господь не дал им детей. Рассказывая о своем непростом детстве, оба они с трепетом вспоминали наставления родителей. «Папа обожал меня, прощал все мои шалости, а мама была настоящим “жандармом”», – подводит итог Александр Александрович. А вот здоровье Марии Александровны было неважным – проблемы с легкими, что не позволило ей до двенадцати лет посещать школу.

Их бабушки и дедушки познакомились еще в эмиграции в Турции, после того, как многие семьи в то время вынуждены были покинуть свою Родину. Тогда после революции и гражданской войны почти вся русская элита отправились в вынужденную ссылку за границу. Это был цвет нашей нации, ее духовное достояние. Оказалась непростой и жизнь их семей. Семья Александра Александровича осела в Брюсселе, а родители Марии Александровны остановились в Париже. В следующий раз им удалось встретиться лишь в 1937 году на фестивале балета, организованным Сержем Лифарем во французской столице в связи со столетием гибели Александра Сергеевича Пушкина. Серж Лифарь, или Сергей Михайлович Лайфар (эмигрировал из Советской России в 1921 г.) – танцовщик и хореограф, один из величайших артистов балета 20-го века, балетмей-

стер Парижской оперы. Первое же знакомство Александра Александровича и Марии Александровны в 1949 году в имении Павловой на юге Франции оказалось решающим. С этого события всё и началось. Ей шесть лет, ему – семь. В далеком 1960 году они снова встретились. Ей 17 лет, ему – 18.

Папа Александра Александровича считал, что серьезные отношения между молодыми могут случиться лишь после становления личностью во всех отношениях. Пришлось смириться. Ведь в те времена дети прислушивались к мнению родителей. В 1969 году они, наконец-то, обвенчались в русском православном соборе во имя Св. Александра Невского, что на улице Дарю (Rue Daru) в Париже. К тому времени Александр Александрович успел состояться как серьезный инженер-электроник, а Мария Александровна приобрела специальность коммерческого инженера. Ему вряд ли удалось бы получить прекрасное образование в одном из самых престижных колледжей Брюсселя без поддержки кардинала бельгийской христианской церкви. Его старшей сестре удалось определиться на работу в одном из банков. Что касается дедушки Александра Александровича, то он, профессиональный юрист с огромным опытом работы в родной Туле, в свои 40 лет занялся разработкой геральдики русских эмигрантов в Бельгии, чем и зарабатывал на жизнь. Он всегда вспоминал Россию, а, когда им удавалось попасть на юг Франции, окружающий пейзаж любил сравнивать с крымским: все ему напоминало о Крыме – и французское море, и французское небо, и французские пальмы. Эту любовь к России Александр Александрович и Мария Александровна восприняли с детства и пронесли через всю жизнь.

В настоящее время они живут в Брюсселе, а на их улице по соседству находится русский православный храм во имя Св. Николая Угодника, а дальше – российское посольство и дома семьи Трубецких и Апраксиных. Русский уголок в Брюсселе. Для полноты картины недостает только памятника А.С. Пушкину.

По мнению Александра Александровича и Марии Александровны, русская литература еще не пользуется той популярностью за рубежом, которой заслуживает, но, без сомнения, наступит время, когда ее будут изучать. Пути ее популяризации могут варьироваться как по форме, так и по содержанию. Начать хотя бы с открытия литературных кафе, где бы говорили о Пушкине, о других поэтах, о русских писателях. Ведь «поэт в России – больше, чем поэт».

С самого детства всем известны слова великого классика: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал...»

Вслед за Пушкиным, нам, как его наследникам, без сомнения необходимо впитывать опыт быстротекущей обыденной жизни, с одной стороны, и уединенную молитву странника – с другой. Хотелось бы еще добавить, что Пушкин не только «наше всё», но и все наши различия. Именно он примиряет собой левых и правых, красных и белых, «восток» и «запад». В переустройстве России без Пушкина не обойтись.

Эта встреча с потомками великих людей, настоящих патриотов Отечества, оставила у меня неизгладимое впечатление. А именно тем, что Александр Александрович и Мария Александровна так любят Россию, болеют за нее и стараются внести свой вклад в ее жизненно важные изменения. Думаю, что именно такая искренняя любовь необходима и нам, живущим в России: своим трудом, своей верой, своей преданностью «отеческим гробам» мы должны радеть за то, чтобы наша Родина занимала достойное место в этом мире, непременно сохраняя свою идентичность.

Текст, с которым Вы познакомились, был полностью прочитан вслух его автором и одобрен четой Пушкиных. А еще Пушкины выразили благодарность за возможность поделиться своими мыслями со студентами из края, сыгравшего важную роль в творческой жизни великого поэта, и передали привет и пожелания успехов учащимся Нижегородского лингвистического государственного университета им. Н.А. Добролюбова. От себя могу добавить, что мы, преподаватели и студенты одного из лучших университетов современной России, уделяем недостаточно внимания просветительской работе среди жителей нашего города и области. Например, сейчас в эпоху клипового мышления и агрессивного потока информации в наших силах организовать литературные и поэтические события с элементами визуализации на различных языках. К ним можно отнести поэтический пранк, концептуальные аудиостихи, онлайн-слэм, интерактивные презентации, инклюзивные обучающие сказки для детей и взрослых, выпуск литературных токенов, участие в создании социально значимой рекламы и постановках миниспектаклей. Эти предложения отнюдь не относятся к области фантастики, именно здесь наши студенты смогут реализовать свои творческие возможности.

Александр Александрович и Мария Александровна организовали в 1999 г. и с тех пор возглавляют «Международный фонд А.С. Пушкина» в бельгийской столице, что само по себе уже является свидетельством нового понимания творчества русского гения и возрастающего к нему интереса.

И еще одна важная деталь. Александр Александрович и Мария Александровна с извинениями говорили, что не владеют русским языком в полной мере, но, как оказалось, письмо для них представляет еще большую трудность. Так, добрые пожелания на врученный мне томик Пушкина написал лично ваш покорный слуга под диктовку Александра Александровича, а Александр Александрович и Мария Александровна с удовольствием поставили свои подписи.

И еще. Сейчас, когда я говорю, что беседовал с живым Пушкиным, мои собеседники с подозрительной улыбкой воспринимают мои слова и ждут новых объяснений... Иначе поверить в вероятность этого события просто невозможно.

Самое главное, что я вынес из этой встречи, это то, что Александр Александрович и Мария Александровна не устают пропагандировать творчество А.С. Пушкина, культуру России в непростых условиях современного социума в Европе, и нашим студентам есть с кого брать пример.

Я безмерно рад тому, что судьба свела меня с наследником великого русского поэта. Он и его супруга помогли мне осознать исключительную значимость сохранения наших культурных ценностей – особо увековечения памяти о поэте, о котором мы говорим не иначе, как «Пушкин – это наше всё!».

Время, проведенное совместно с праправнуком Александра Сергеевича Пушкина и мое чтение произведений великого поэта – это и есть мои встречи с Пушкиными, которые наполняют мою душу особым чувством и вдохновляют на благие дела.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

<i>Аксенова Г.В.</i>	«Провозвестник» туристического «Золотого кольца России» Василий Тимофеевич Георгиевский (1861–1923)	4
<i>Гальцева О.В., Курдин Ю.А., Пряников А.В. Инжутов А.А.</i>	Живая летопись войны (рассказы-воспоминания в устной эпической традиции Арзамасского края)	26
	Персоналии «Государева двора» в походе 1552 года из Муромы на Казань: опыт службы на восточной границе и участия в русско-казанских войнах до похода	55
<i>Курмышов А.В. Любов М.С.</i>	История церквей села Костянки Арзамасского уезда	65
	Фенологические сезоны года в Нижегородском крае в XXI веке	80

История Нижегородского Поволжья
с древнейших времён до начала XX века

<i>Захарова Л.А.</i>	Роговая накладка с изображением дракона из раскопа селища Бешенцево-3: вопросы стилистической и иконографической аналогии	90
<i>Грачева М.П.</i>	Атрибуция глиняной посуды села Богородского Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века	98
<i>Малышев Алексей В. Григорьев А.Б.</i>	Основа тере(х) в некоторых топонимах центральной России	105
	Иоасаф (Заболотский), епископ Нижегородский и Алатырский как проповедник	113
<i>Малышев Андрей В. Игонькин С.А.</i>	Первая в России! К 250-летию академика А.В. Ступина	123
	Участие офицеров 49-го Резервного пехотного батальона в событиях Крымской войны 1853 – 1856 гг.	140
<i>Гребенкин А.Н.</i>	Нижегородская графа Аракчеева военная гимназия в воспоминаниях ее выпускников	148
<i>Николаев Д.А.</i>	Особенности формирования и личный состав офицерского корпуса 504 Нижегородской ополченской дружины в годы Первой мировой войны	160
<i>Николаев Д.А.</i>	Вопрос об обеспечении знаменами дружин Нижегородского ополчения во время Первой мировой войны	166
<i>Панов А.Р.</i>	Благотворительная деятельность арзамасского городского врача Н.Г. Рачинского	170
<i>Казнина Т.В. Пакишина Н.А.</i>	Дом Генебарта. История дома и семьи	176
	Наталья Васильевна Карамзина (урожденная княгиня Оболенская)	184
<i>Пакишина Н.А.</i>	О выборах в Первую Государственную Думу в Арзамасе весной 1906 года. Действующие лица	192

<i>Андреев О.Е.</i>	О жизни и трудах В.И.Снежневского (по воспоминаниям современников)	202
<i>Михайлов С.С.</i>	Загадочный скит в урочище «Подчерёма» в подмосковной Вохне: возможный нижегородский след	208

История Нижегородского Поволжья

XX – начала XXI века

<i>Ткачева А.Б.</i>	Федор Алексеевич Вавилов. К 140-летию со дня рождения	218
<i>Вершинин М.А.</i>	Коллективизация и развитие сельского хозяйства в Арзамасском районе в 1920–1940 годы: краткая характеристика	229
<i>Бодрин А.В.</i>	Деятельность Арзамасской войлочной фабрики им. С.М. Буденного в 1941 – 1942 гг. Общий взгляд	235
<i>Варенцова Л.Ю.</i>	Воспоминания борчан-участников Великой Отечественной войны как исторический источник	242
<i>Подретный Е.И., Титков Е.П.</i>	Потсдам-45. Поиск облика послевоенного мира: опыт современной зарубежной историографии	251
<i>Колосунин Е.В.</i>	Поиск продолжается (фронтовая судьба Героя Советского Союза Виктора Новикова)	262
<i>Потанин С.Н.</i>	Великому подвигу – вечная слава! (к 80-летию подвига гвардии майора Ивана Маркеева)	267
<i>Маслова Е.И., Щетинин А.И.</i>	Представлены к званию Героя	275
<i>Завьялова С.В., Завьялова А.А.</i>	Военная и послевоенная судьба Дмитрия Соколова	288
<i>Кудряшова А.С., Грубов В.И.</i>	Женский труд в сельском хозяйстве Арзамасского района в годы Великой Отечественной войны (по материалам районной газеты)	293
<i>Исаков А.А.</i>	Тема Великой Отечественной войны в творчестве Вячеслава Васильева	301
<i>Балахонова И.Н.</i>	Развитие промысловой кооперации Горьковской области в первую послевоенную пятилетку	310
<i>Сорокина А.В.</i>	Обзор комплекса документов Малописцкого детского дома из фондов Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	315
<i>Ефимов О.В.</i>	Начало газификации города Арзамаса	320
<i>Хорева Н.В.</i>	Обеспечение населения товарами и торговое обслуживание в городе Арзамасе в 1960-1970-е годы	327
<i>Снеговский А.Ю.</i>	Трансформация кожевенной промышленности Богородска в постсоветский период	332

Культура Нижегородского Поволжья в исследовательской и популяризаторской деятельности музеев и библиотек

<i>Бутусов Е.П.</i>	Дом купца И.С. Белоусова в городе Арзамасе	344

<i>Бегоутова М.А.</i>	«Связь времён и поколений»: о поисково-исследовательской деятельности музейного объединения «Хранители славы»	348
<i>Столжанникова Н.Ю.</i>	Отражение культурной жизни Арзамасского района накануне и в годы Великой Отечественной войны в материалах периодической печати и фондах музея	353
<i>Рознова М.А., Яксягин Л.М.</i>	Библиотеки Арзамасского и Чернухинского районов в годы Великой Отечественной войны (по материалам районной печати)	362
<i>Сагателян Г.Ш.</i>	О работе библиотек малых городов Горьковской области в первые послевоенные годы	374
<i>Юрманова И.С., Кузнецова А.Ф.</i>	Они стояли у истоков создания музея «Природа» им. С.И. Трофимова	380
<i>Макарова Л.Е.</i>	Монументальная мозаика советского периода в архитектуре города Арзамаса	387
<i>Исусова О.В., Лабзина Т.В.</i>	Праздники и обряды деревни Князёвка Арзамасского района во второй половине XX века	392
<i>Глухова Т.И.</i>	Инокультурный габитус в городской среде как проявление международного сотрудничества Нижнего Новгорода	399
<i>Фёдорова М.В.</i>	Использование этнографической музейной коллекции в воспитательном и образовательном процессе школ г.о.г. Арзамас	409
<i>Щеглетова А.Е., Соколов В.С.</i>	Тема Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. в фондах и культурно-образовательной деятельности Арзамасского историко-художественного музея	415
<i>Муллон Г.А.</i>	Историко-краеведческий фонд редких и ценных изданий Центральной городской библиотеки им. А.М. Горького	421
<i>Калмыков В.А.</i>	Встреча с Пушкиным	428

Приложения

- Приложение 1 (к статье Г.В. Аксеновой)*
Приложение 2 (к статье А.В. Курмышова)
Приложение 3 (к статье Л.А. Захаровой)
Приложение 4 (к статье М.П. Грачевой)
Приложения 5, 6 (к статьям Н.А. Пакишиной)
Приложение 7 (к статье А.Б. Ткачевой)
Приложение 8 (к статье С.Н. Потанина)
Приложение 9 (к статье Е.И. Масловой и А.И. Щетинина)
Приложение 10 (к статье А.В. Сорокиной)
Приложение 11 (к статье Е.П. Бутусова)
Приложение 12 (к статье М.А. Бегоутовой)
Приложение 13 (к статье И.С. Юрмановой и А.Ф. Кузнецовой)
Приложение 14 (к статье Л.Е. Макаровой)
Приложение 15 (к статье В.А. Калмыкова)

Научное издание

16+

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

*Сборник статей участников
VI Всероссийской научно-практической конференции
20–21 марта 2025 г.*

*Научный редактор А. А. Исаков
Ответственный редактор В. И. Грубов
Технический и художественный редактор С. П. Никонов
Дизайн обложки Д. С. Парадеев
Верстка и вывод оригинал-макета А. А. Исакова*

ООО «Эдитус»
125565, Москва, Ленинградское шоссе, д. 80, стр. 1
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»
129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать **???**
Формат 148х210. Усл. печ. л. 29
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 60 экз. Заказ № 202507085

ISBN 978-5-00217-635-9

